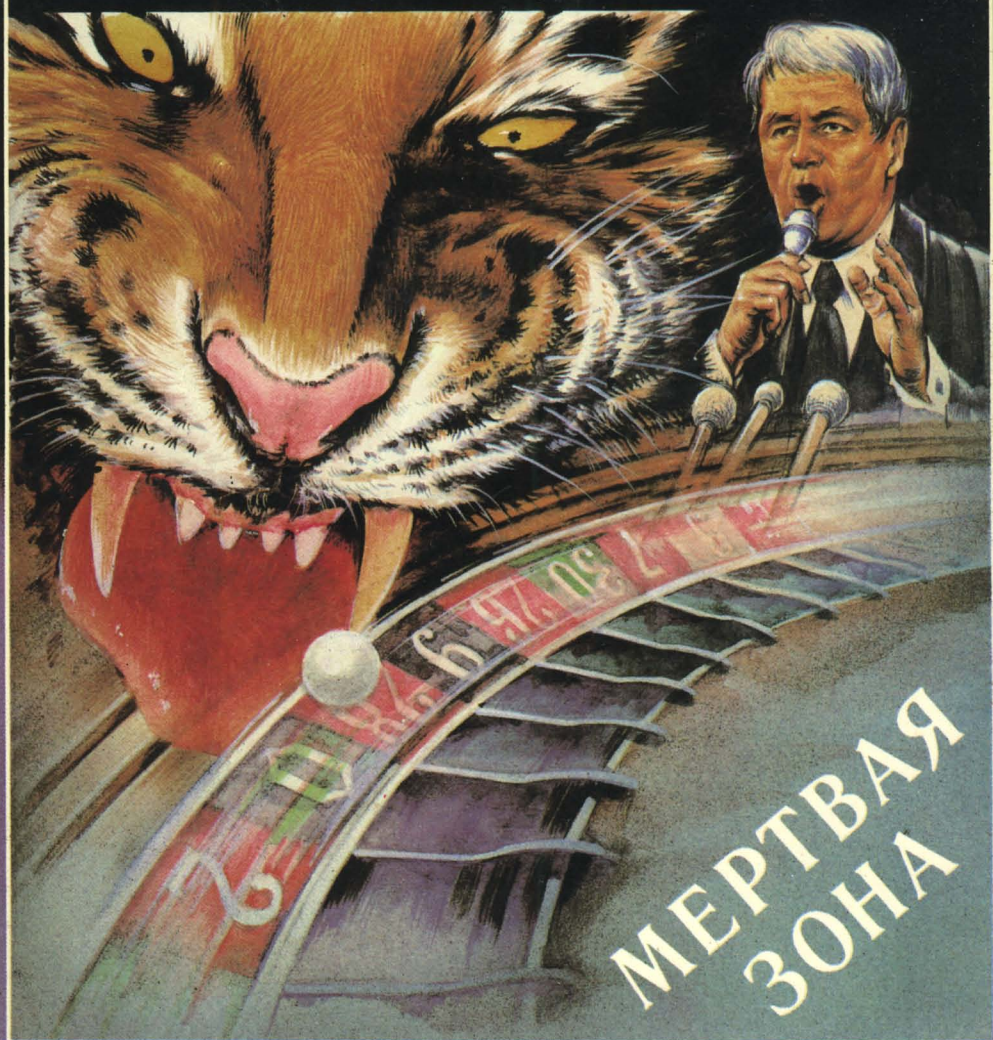

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

МЕРТВАЯ
ЗОНА

СТИВЕН КИНГ

Мертвая зона

МЕРТВАЯ ЗОНА.

ПОТАЕННОЕ ОКНО,
ПОТАЕННЫЙ САД.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ БИБЛИОТЕКИ.

г. Львов

МПАО «Сигма»

STEPHEN KING

THE DEAD ZONE

СТИВЕН КИНГ

МЕРТВАЯ ЗОНА

ПРОЛОГ

Ко времени окончания колледжа Джон Смит начисто забыл о падении на лед в тот злополучный январский день 1953 года. Откровенно говоря, он забыл об этом еще в школе. А мать с отцом вообще ничего не знали.

Дети катались на расчищенном пяточке Круглого пруда в Дареме. Мальчишки повзрослей гоняли шайбу старыми клюшками, обмотанными клейкой лентой, воротами служили старые корзины из-под картофеля. Малыши, как водится, вертелись тут же, колени у них смешно вихляли. Все выпускали в двадцатиградусный морозный воздух клубочки пара. У кромки расчищенного льда горели, чадя, две автомобильные покрышки; неподалеку сидели кучкой родители, наблюдавшие за детьми. До эпохи снегомобилей было еще далеко, и люди зимой предпочитали размяться на свежем воздухе, а не возиться с бензиновым мотором.

Джонни с коньками через плечо шел от своего дома, который стоял на другой стороне Паунал-стрит. Для шестилетнего мальчика он катался совсем неплохо. Не так хорошо, чтобы играть со старшими ребятами в хоккей, но все же мог выписывать вензеля вокруг других малышей, а те только и делали, что размахивали руками для равновесия или плюхались мягким местом на лед.

Он плавно заскользил по краю расчищенной площадки, мечтая прокатиться задом наперед, как Тимми Бенедикс, и прислушиваясь к таинственному потрескиванию и побряхтыванию льда под снегом, крикам хоккеистов, тархтению цементовоза, направлявшегося через мост к зданию фирмы «Ю. С. Джипсум» в Лисбон-Фолс, обрывкам разговоров взрослых. Здорово жилось на свете в тот холодный, ветренный зимний день. Все было хорошо, ничто не тревожило, ничего не хотелось... разве что суметь прокатиться задом наперед, как Тимми Бенедикс.

Он проехал мимо костра и увидел, как трое взрослых передавали друг другу бутылку.

— Дайте и мне! — прокричал он Чаку Спайеру, одетому в просторную короткую куртку и зеленые фланелевые штаны.

Чак ухмыльнулся:

— А ну проваливай, малыш! Смотри, вон мамаша тебя зовет.

Улыбаясь, шестилетний Джонни покатил дальше. С той стороны, где расчищенный пяточок примыкал к дороге, он увидел спускавшихся с откоса Тимми Бенедикса с отцом, Тимми шел впереди.

— Тимми! — крикнул Джонни. — Смотри!

Он развернулся и неуклюже заскользил задом наперед. Джонни не заметил, что едет в гущу хоккеистов.

— Эй, малыш! — крикнул кто-то. — С дороги!

Джонни не слышал. Он добился своего. Он катил задом наперед! Он наконец уловил ритм движения. Просто надо научиться владеть своим телом...

Джонни восхищенно посмотрел вниз, он хотел проследить, как двигаются ноги. И не заметил, что мимо него пролетела старая, побитая, с выщербленными краями шайба. Один из взрослых ребят, **не** очень-то хорошо стоявший на коньках, стремительно летел за ней, ничего не видя перед собой.

Чак Спайер понял, что столкновение неизбежно. Он вскочил и закричал:

— Джонни! Берегись!

Джон поднял голову — и в этот миг неуклюжий хоккеист со всей силой врезался в Джона Смита на полном ходу.

Джонни взлетел на воздух, беспомощно раскинув руки. Через мгновение он ударился головой о лед и провалился в черноту.

Чернота... черный лед... чернота... черный лед... чернота... Мрак.

Потом ему сказали, что он потерял сознание. Он помнил только эту странную навязчивую мысль и как, открыв глаза, увидел вокруг лица испуганных хоккеистов, обеспокоенных взрослых, любопытных малышей. Ухмылялся Тимми Бенедикс. Чак Спайер поддерживал Джонни.

Черный лед. Черный.

— Ну что? — спросил Чак. — Все в порядке, Джонни? Здорово он в тебя врезался.

— Черный, — глухо произнес Джонни. — Черный лед. Больше не прыгай на нем, Чак.

Чак испуганно обвел глазами столпившихся людей, затем перевел взгляд на Джонни. Потрогал большую шишку, которая **вырастала** на лбу мальчика.

— Извини, — сказал неуклюжий игрок. — Я его даже не заметил. Малышам нечего делать там, где играют в хоккей. Это — закон, — он неуверенно оглянулся, ища поддержки.

— Джонни! — позвал Чак. Ему не понравились глаза мальчика. Они были темные и отсутствующие, далекие и холодные. — Как ты себя чувствуешь?

— Больше не прыгай на нем, — сказал Джонни, не понимая, что говорит, думая только про лед, черный лед. — Взрыв. Кислота.

— Может, отвести его к врачу? — спросил Чак Билла Гендрона. — Он говорит невесть что.

— Подождем минутку, — предложил Билл.

Они подождали. В голове у Джонни в самом деле прояснилось.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Дайте подняться.

Тимми Бенедикс все еще ухмылялся, вонючка. Джонни решил, что покажет еще Тимми. К концу недели он будет выписывать вензеля вокруг него... как обычно и задом наперед.

— Давай-ка посиди немного у костра, — сказал Чак. — Здорово он в тебя врезался.

Джонни подтащили к костру. Запах плавящейся резины был сильным и едким, он вызывал легкую тошноту. Болела голова. Он чувствовал, что над левым глазом образовался странный нарост. Шишка, казалось, выпирала на целую милю.

— Ты хоть помнишь, кто ты или вообще что-нибудь? — спросил Билл.

— Конечно. Конечно, помню. Все в порядке.

— Кто твои папа и мама?

— Герберт и Вера Смит.

Билл и Чак переглянулись и пожали плечами.

— Кажется, с ним все в порядке, — сказал Чак и затем вновь, в третий раз: — А он здорово в него врезался, правда? Бр-рр.

— Ох уж эти малыши, — сказал Билл, любовно посмотрев на своих восьмилетних девочек-близняшек, катавшихся рука об руку, и затем вновь на Джонни. — Такой удар мог бы убить и взрослого.

— Только не негра, — сказал Чак, и они оба рассмеялись. Бутылка «Бушмилла» вновь пошла по кругу.

Через десять минут Джонни был уже снова на льду, головная боль затихала, синяя шишка маячила над глазом, как причудливое клеймо. Джонни вернулся домой к обеду, он совсем забыл, что упал, затем потерял сознание, и радовался тому, что научился кататься задом наперед.

— Боже милостивый! — воскликнула Вера, увидев его. — Как это тебя угораздило?

— Упал, — ответил он и принялся уплетать консервированный суп.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Джон? — спросила мать, дотронувшись до его лба.

— Конечно, мам. — Так оно и было, если не считать кошмарных снов и появлявшейся временами сонливости в те часы, когда раньше ему совсем не хотелось спать.

Он чувствовал себя хорошо.

Однажды утром в середине февраля Чак Спайер обнаружил, что сел аккумулятор у его старенького «де сото» сорок восьмого года выпуска. Чак решил подзарядить его от грузовика. Когда он присоединял провод ко второй клемме аккумулятора, тот взорвался, брызнув осколками и кислотой прямо ему в лицо. Он потерял глаз. Слава Богу, что не оба, сказала Вера. Джонни очень переживал, и спустя неделю они с отцом пошли навестить Чака в льюксембургскую клинику. Вид Чака на больничной койке, где он

казался каким-то потерянным и маленьким, потряс Джонни — в ту ночь ему снилось, что это он, Джонни, лежит там.

В последующие годы у него иногда появлялись предчувствия — он знал, например, какая пластинка зазвучит по радио еще до того, как диск-жокей проигрывал ее, — но он никогда не связывал их с падением на лед. К тому времени он совсем забыл о нем.

Да и предчувствия не были столь уж необычными и не часто тревожили Джонни. До вечера на сельской ярмарке и истории с маской ничего особенного не произошло. А потом вдруг несчастный случай.

Позднее Джонни часто думал об этом.

Выигрыш на «Колесе удачи» выпал перед вторым несчастным случаем.

Как тревожное предостережение из детства.

Стояло лето 1955 года; под палящим солнцем по Небраске и Айове кружил коммивояжер. Он сидел за рулем «меркьюри» выпуска тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, на спидометре было уже свыше семидесяти тысяч миль. Клапаны «мерка» начинали заметно стучать. Это был крупный молодой человек, эдакий рубаха-парень со Среднего Запада; летом 1955-го, через каких-нибудь четыре месяца после того, как Грег Стилсон прогорел на малярном бизнесе, ему исполнилось только двадцать два года.

Багажник и заднее сиденье машины были забиты картонными коробками с книгами. В основном библиями. Разного формата и толщины. Самой ходовой была «Библия Американского Праведного Пути» по доллару шестьдесят девять центов за штуку с переплетом на авиационном клее, снабженная шестнадцатью цветными иллюстрациями и гарантией не рассыпаться по крайней мере десять месяцев; еще дешевле — шестьдесят пять центов — стоил «Новый Завет Американского Праведного Пути», тоже карманное издание, но без цветных иллюстраций, зато со словами Господа Нашего Иисуса Христа, набранными красным шрифтом; а для толстосумов имелось «Слово Божие Американского Праведного Пути» — роскошная книга за девятнадцать долларов девяносто пять центов, с обложкой под белую кожу: на ней было оставлено место для имени владельца, которое надлежало вывести золотом; книгу украшали двадцать четыре цветных иллюстрации, а в середине располагались чистые листы, куда можно было записывать дни рождений, даты свадеб и похорон. Это великолепное «Слово Божие» могло протянуть целых два года. Была там также коробка с книжками в мягких обложках под названием «Праведный Путь в Америке: коммунистическо-еврейский заговор против наших Соединенных Штатов».

Эта книжка, напечатанная на дешевой макулатурной бумаге, шла у Грега лучше, чем другие библии вместе взятые. Там рассказывалось в подробностях о том, как Ротшильды, Рузвельты и Гринблатты прибирают к рукам американскую экономику и американское правительство.

В Вашингтоне помнили времена Маккарти; на Среднем Западе звезда Джо Маккарти еще не закатилась, и Маргарет Чейз Смит из штата Мэн за ее напугавшую Декларацию совести называли не иначе как «эта стерва». Не считая книг о коммунизме, сельские клиенты Грега Стилсона питали нездоровый интерес к литературе, в которой говорилось о том, что евреи правят миром.

Грег завернул на пыльную подъездную аллею, ведущую к фермерскому дому, что стоял в двадцати милях к западу от Эймса, штат Айова. Дом казался заброшенным и нежилым — шторы опущены, двери коровника на запоре, не поймешь, есть ли кто дома или нет, но с фермерами всегда так: сам не попробуешь — не узнаешь.

Этот девиз хорошо служил Грегу Стилсону уже около двух лет, с тех пор как они с матушкой переехали из Оклахомы в Омаху. На окраске домов не разбогатеешь, но ему хоть ненадолго нужно было избавиться от привкуса Иисуса во рту, да простится это маленькое святотатство. Теперь же он снова занялся своим делом — только на сей раз не как проповедник или борец за религиозное возрождение; он с облегчением оставил прежний чудотворный бизнес.

Грег открыл дверцу машины и только ступил в пыль подъездной дорожки, как из-за коровника показался большой злющий пес с прижатыми ушами. Он остервенело залаял.

— Привет, песик, — произнес Грег низким приятным, но многозначительным голосом: в свои двадцать два года он уже обладал опытом оратора и умел завораживать аудиторию.

«Песик» не откликнулся на дружеское приветствие. Он приближался, большой и злющий, явно рассчитывая полакомиться на завтрак коммивояжером. Грег забрался обратно в машину, хлопнул дверцей и дважды просигналил. По его лицу бежал пот, на белом льняном пиджаке образовались под мышками темно-серые полукруглые пятна, на спине они растеклись ветвистым деревом. Грег просигналил снова, но никто не отозвался. Дуболомы наверняка погрузились в свой «интернэшнл харвестер» или «студебеккер» и укатили в город.

Грег улыбнулся.

Вместо того чтобы включить заднюю скорость и выехать из подъездной аллеи, он пошарил сзади рукой и достал опрыскиватель, только заряженный не дезинсектицидом, а аммиаком.

Оттянув поршень, Грег довольно улыбнулся и вышел из машины. Пес, который было присел на задние лапы, тут же вскочил и стал, рыча, приближаться.

Грег все улыбался.

— Ну-ну, песик, — произнес он тем же приятным многозначительным голосом. — Давай иди-ка сюда. Иди-ка и получи свое.

Он ненавидел этих мерзких фермерских псов, которые вели себя на крохотном пятачке у входа в дом подобно заносчивым самодержцам; к тому же по собаке можно судить и о хозяевах.

— Чертова деревенщина, — произнес он еле слышно. Улыбка не сходила с его лица. — Ну иди-ка сюда, собачка.

Пес приблизился. Задние лапы напряглись перед прыжком. В хлеву мычала корова, ветер нежно шелестел листьями кукурузы. Когда собака прыгнула, улыбка Грега сменилась жесткой и злобной ухмылкой. Он надавил на поршень и плеснул струйкой жгучего аммиака прямо псу в глаза.

Злобный собачий лай сменился коротким мучительным визгом, который перешел, по мере того как аммиак разъедал глаза, в истошный вой. Пес поджал хвост: из сторожевой собаки он превратился в поверженную дворняжку.

Лицо Грега Стилсона потемнело. Глаза сузились до неприятных щелочек. Он подскочил и резко ударил собаку в бок ногой, обутой в ботинок с дырочками на носке. Пес визгливо, протяжно завыл и подписал себе приговор — от боли и страха он вступил в бой со своим мучителем, вместо того чтобы убраться к коровнику.

С рычанием он слепо рванулся вперед, вцепился в брюки Грегa и порвал правую штанину.

— Сучья вымя! — Грег задохнулся от ярости и снова пнул пса, на сей раз сильно, что тот покатился в пыль. Со злобным криком Грег опять подскочил к собаке, нанес удар, затем еще. И только сейчас, когда ребро было сломано, а другое вывихнуто, пес, у которого слезились глаза, почувял всю опасность, грозившую ему от этого идиота, но было уже поздно.

Грег Стилсон, задыхаясь и крича, мокрый от пота, гнал пса через весь пыльный двор и бил до тех пор, пока тот не заскулил, едва волочась в пыли. Пес истекал кровью. Он умирал.

— Нечего было кусаться, — шипел Грег. — Слышишь? Слышишь меня? Нечего было кусаться, дерьмо ползучее. Мне никто не смеет мешать. Слышишь? Никто.

Он нанес еще один удар окровавленным носком ботинка, но обессиленная собака лишь с бульканьем захрипела в ответ. Никакой радости Грег не чувствовал. Голова у него болела. Это все солнце. Гнаться за псом под палящим солнцем. Хорошо еще, что не потерял сознание.

Грег тяжело дышал, он на секунду закрыл глаза, пот, подобно слезам, катился по лицу, его капли жемчужинами блестели в ежике волос. Избитый пес умирал у его ног. Под опущенными веками Грега в темноте плыли пульсировавшие вместе с ударами сердца цветные точки света.

Болела голова.

Иногда Грег спрашивал себя, не рехнулся ли он. Как сейчас, например. Ведь он хотел лишь пустить в пса струю аммиака из

опрыскивателя, загнать его в коровник и оставить свою визитку в щели входной двери. А теперь что? Противно смотреть на это месиво. Пожалуй, неразумно оставлять свою визитную карточку, не так ли?

Он открыл глаза. Пес лежал у его ног, задыхаясь, из носа капала кровь. Грег Стилсон посмотрел на собаку, она униженно лизнула ему ботинок, как бы признавая себя побежденной.

— Нечего было рвать брюки, — сказал он псу. — Я отдал за них целых пять долларов, дерьмо ты собачье.

Самое время убраться. Ничего хорошего не выйдет, когда Клем Кадидл — мужлан с женой и шестерыми детишками вернется из города на своем «студебеккере», увидит умирающего пса и стоящего над ним разбойника-коммивояжера. Эдак он потеряет работу. «Компания Американского Праведного Пути» не держит агентов, которые убивают собак, принадлежащих христианам.

С нервным смешком Грег вернулся к своему «меркюри», сел в машину и быстро, задним ходом, выехал из подъездной аллеи. Он свернул на проселочную дорогу, которая, подобно струне, протянулась через кукурузное поле, и вот уже мчал по ней со скоростью шестьдесят пять миль, оставляя за собой шлейф пыли длиной мили в две.

Это уж точно, работу он терять не хотел. Пока, во всяком случае. Зарабатывал он неплохо: помимо уловов, известных «Компании Американского Праведного Пути», Грег использовал несколько изобретенных им самим ухищрений, о которых ей было неизвестно. Да, сейчас он неплохо зарабатывал. Кроме того, разъезжая, он встречал людей... девочек. Жизнь была прекрасна, однако...

Однако этого ему было мало.

Он продолжал путь. Голова раскалывалась. Да, этого ему было мало. Он чувствовал, что его ожидает нечто большее, чем мотание по Среднему Западу, торговля библиями и подделка счетов ради двух лишних долларов в день. Он чувствовал, что его ожидает.

Величие.

Да, именно так, определенно так. Несколько недель назад он уволок какую-то девушку на сеновал, ее родители уехали в Давенпорт, набив машину цыплятами для продажи, она сначала спросила, не хочет ли он лимонада, а там пошло-поехало, и после того, как это произошло, она сказала, что в любви он похож на зануду-проповедника, и тут он непонятно почему дал ей пощечину.

Нет, не совсем так.

На самом деле он ударил ее раза три или четыре. Пока она не заплакала и не стала звать на помощь, тут он остановился и с трудом — пришлось пустить в ход все свои чары — утихомирил ее. Тогда у него тоже разболелась голова, пульсирующие яркие точки мчались и сталкивались перед глазами; он пытался убедить себя, что всему виной жара, убийственная жара на сеновале, одна-

ко не только она одна вызывала головную боль. В нем поднялась та же самая смутная злоба, что и во дворе перед домом, когда собака разорвала ему брюки, — какая-то темная и безумная.

— Я не псих, — громко произнес Грег. Он быстро опустил боковое стекло, в машину ворвался летний зной вместе с запахом пыли, кукурузы и навоза. Он включил радио и поймал песню в исполнении Пэтти Пейдж. Головная боль немного отпустила.

Главное — держать себя в руках и не подмочить репутацию. Если следовать этому — ты неуязвим. И в том, и в другом он начинал преуспевать. Теперь во сне ему все реже являлся отец, который стоял над ним в шляпе, сдвинутой на затылок, и орал: «Ты же дерьмо, сопляк! Ты же сущее дерьмо!»

Этот сон снился ему реже и реже, потому что все изменилось. Он уже не тот низкорослый сопляк. Конечно, в детстве он много болел, был тщедушным, но быстро выправился и теперь заботился о матери.

Правда, отца уже не было. Он не мог этого знать. Но и Грег не мог затолкнуть слова отца обратно ему в глотку, потому что отец погиб при взрыве на нефтяной платформе; он был мертв, и Грег хотел бы разок, ну хотя бы разок выкопать папашу из могилы и крикнуть в разложившееся лицо: «Ты ошибся, папаша, ты ошибся насчет меня!» — и затем дать ему хорошего пинка, такого же, как тот...

Как тот, что дал псу.

Головная боль возобновилась, но уже с меньшей силой.

— Я не псих, — произнес он снова. Теперь музыка перекрывала его голос. Мать часто говорила Грегу, что его ждет нечто большое, нечто великое, и он верил этому. Главное — не срываться и не допускать таких промахов, как пощечины, которые он влепил девочке, или убийство собаки, и оставаться чистеньким.

Какое бы величие ни ожидало Грега, он узнает о его приходе. В этом он был совершенно уверен.

Грег вновь подумал о собаке, на этот раз при воспоминании о ней улыбка едва коснулась его губ, холодная, равнодушная.

Грега ожидало величие. Оно, правда, могло наступить еще не скоро — Грег был молод, ну что ж, ничего плохого, если тебе не так много лет, если ты понимаешь, что не все сразу получается. Но когда веришь, желаемое в конце концов сбывается. А он верил.

И да поможет Бог и сынок его Иисус тому, кто посмеет стать на пути Грега.

Стилсон высунул загорелый локоть из окна машины и начал насвистывать мелодию песни, звучавшей по радио. Он нажал на акселератор, разогнал старый «меркьюри» до семидесяти миль в час и покатил по прямой дороге среди ферм штата Айова навстречу будущему, какое бы оно ни было.

КОЛЕСО УДАЧИ

От того вечера у Сары осталось два воспоминания — везение Джонни у «Колеса удачи» и маска. Но шли годы, и в памяти, когда она заставляла себя думать о том ужасном вечере, всплывала лишь маска.

Он жил в многоквартирном доме в Кливс Милс. Без четверти восемь, оставив машину за углом, Сара позвонила в парадную дверь. Сегодня они поедут на ее машине, Джонни отвез свою в гараж Тиббетса в Хемпдене — в колесе заел подшипник или что-то в этом роде. Работы на сто долларов, сказал Джонни по телефону и засмеялся таким знакомым смехом. Сара была бы уже в слезах, если бы дело касалось ее машины, ее кошелька.

Она прошла через вестибюль к лестнице, миновала доску объявлений. Обычно доска была утыкана записками с предложениями купить мотоциклы, стереосистемы, воспользоваться услугами машинисток, а также присоединиться к уезжающим в Канзас, алифонию или Флориду, чтобы попеременно вести машину и платить за часть бензина. Но сегодня почти всю доску объявлений занимал большой плакат, изображавший сжатый кулак на тревожно-красном фоне, который напоминал пламя.

На плакате крупными буквами было написано: «ЗАБАСТОВКА!» Стоял конец октября 1970 года.

Джонни жил на втором этаже в квартире с окнами на улицу — мой пентхаус*, говорил он. Там он мог стоять в смокинге, как Рамон Новарро**, с пузатым бокалом в руке, полным сока или воды, и лицезреть большое бьющееся сердце Кливс Милс: его толпу, которая валила из кинотеатра, спующие такси, неоновые вывески.

По существу, Кливс Милс состоял из главной улицы со светодором на перекрестке (после шести часов вечера он превращался в мигалку), двух десятков магазинов и небольшой фабрики по производству мокасин. Как и большинство городков, окружавших Ороно, где находился университет штата Мэн, Кливс Милс жил в основном за счет студентов, обеспечивая их всем необходимым — пивом, вином, бензином, рок-н-роллом, полуфабрикатами, нарко-

* Фешенебельная квартира на крыше небоскреба (англ. — Здесь и далее прим. пер.).

** Популярный актер кино 20-х годов.

тиками, бакалейными товарами, жильем, фильмами. Кинотеатр назывался «Тень». Когда шли занятия, в нем показывали некоммерческие фильмы и ностальгические боевики 40-х годов. В летнее время беспрерывно крутили «вестерны» с Клинтом Иствудом в главной роли.

Джонни и Сара год назад окончили университет, и оба преподавали в средней школе в Кливс Милс, которая в числе немногих еще не вошла в окружную общеобразовательную систему. Университетская профессура и администрация, а также студенты снимали в Кливсе жилье, так что деньги в городской казне не переводились. Средняя школа была оборудована по последнему слову техники. Обыватели могли зудеть по поводу университетской публички с ее заумными разговорами и антивоенными маршами, не говоря уже о ее вмешательстве в городские дела, но они не имели ничего против долларов, которые капали в их карманы в виде налогов на элегантные профессорские особняки и многоквартирные дома, — они располагались в районе, который студенты окрестили Никчемной Землей или Дурацкой Аллеей.

Сара постучала, и Джонни каким-то странно-приглушенным голосом крикнул:

— Открыто, Сара!

Слегка нахмурившись, она толкнула дверь. В квартире Джонни было совершенно темно, если не считать мелькающего желтого света от мигалки с улицы. Вместо мебели горбились темные тени.

— Джонни?..

Решив, что перегорели пробки, она неуверенно шагнула вперед — и тут на нее из темноты надвинулось лицо, ужасное лицо, какое можно было увидеть только в кошмарном сне. Оно светилось неземным, могильным зеленым светом. Один глаз был широко раскрыт и смотрел на нее как-то затравленно. Другой злобно уставился сквозь щелочку век. Левая половина лица — та, что с открытым глазом, была нормальная. Зато правая, казалось, принадлежала чудовищу: нечеловечески перекошенная, толстые губы растянуты, кривые зубы оскалены и блестят в темноте.

Сара приглушенно вскрикнула и отшатнулась. Вдруг зажегся свет, и вместо какого-то темного подвала она вновь оказалась в комнате Джонни: на стене — фотомонтаж — Никсон торгует подержанными автомобилями, на полу — плетеный ковер, сделанный матерью Джонни, повсюду винные бутылки вместо подсвечников. Лицо перестало светиться, и она поняла, что это была всего лишь маска, которую продают в дешевых магазинах ко Дню Всех Святых. Голубой глаз Джонни моргал в пустой глазнице.

Джонни сорвал маску, и вот он перед ней — в выцветших джинсах и коричневом свитере, с неотразимой улыбкой на лице.

— С праздником, Сара, — сказал он.

Сердце ее продолжало стучать. Он действительно напугал ее.
— Очень забавно, — сказала она и повернулась, собираясь уйти. Ей совсем не нравилось, когда ее так пугали.

Он перехватил Сару уже в дверях:

— Эй... Я свалил дурака.

— Еще бы. — Она смотрела на него холодно; по крайней мере пыталась так смотреть. Гнев уже проходил. На Джонни просто нельзя было долго сердиться. Любила она его или нет — на этот вопрос у нее еще не было ответа, — но долго дуться на него или таить обиду она была не в состоянии. Разве можно злиться на Джонни, подумала Сара, и эта мысль показалась такой нелепой, что она невольно улыбнулась.

— Ну вот так-то лучше. А я уж думал, что ты, парень, хочешь меня бросить.

— Я не парень.

Он окинул ее взглядом:

— Это я заметил.

На ней была мохнатая меховая шуба — искусственный енот или что-то столь же недорогое; бесхитрость, с какой он выдал свое желание, снова вызвала у нее улыбку:

— В этой шкуре и не различишь.

— Я-то различу, — сказал Джонни. Он обнял ее и поцеловал. Она не хотела отвечать на его поцелуй, но, конечно же, ответила.

— Прости, что напугал тебя, — сказал он и потерся носом о ее нос, потом разомкнул объятия. Он поднял маску вверх. — А я думал, она тебе понравится. Хочу ее надеть в пятницу на уроке.

— Но, Джонни, это же сорвет дисциплину.

— Как-нибудь обойдется, — сказал он с усмешкой. И, черт возьми, у него наверняка бы обошлось.

Сара приходила в школу каждый день в больших очках, словно сельская учительница, волосы стянуты в пучок такой тугой, что, казалось, она вот-вот закричит от боли. Сара носила юбки чуть выше колен, хотя у большинства девочек они едва прикрывали трусики (а ноги у меня все равно лучше, со злорадством думала Сара). Она рассаживала учеников в алфавитном порядке, что, по закону средних чисел, должно было, вроде, удерживать шалунов на расстоянии друг от друга, и решительно отсылала провинившихся к заместителю директора, руководствуясь при этом сообщением, что тот — в отличие от нее — получает дополнительные пятьсот долларов в год за выполняемую им роль экзекутора. И все равно школа была для нее постоянной борьбой с дьяволом, преследующим всякого начинающего учителя, — с Беспорядком. Особенно раздражало Сару постоянное присутствие своего рода негласного суда присяжных — общественного мнения учеников, — который оценивал каждого нового учителя, и вынесенный вердикт был не в ее пользу.

Джонни, по крайней мере внешне, вовсе не соответствовал представлению о том, каким должен быть хороший учитель. Он слонялся из класса в класс, витая в каких-то сладких грезах, и частенько опаздывал на урок, заболтавшись с кем-нибудь на перемене. Он разрешал детям сидеть там, где им захочется, и они каждый день меняли место, причем классные драчуны неизбежно оказывались в задних рядах. При таком условии Сара не смогла бы запомнить их имен до марта, а Джонни уже знал всех учеников как свои пять пальцев.

Он был высокого роста и немного сутулился, за что дети прозвали его Франкенштейном*. Правда, Джонни был скорее этим доволен, чем раздосадован. У него на уроках царила тишина и спокойствие, прогульщиков было мало (у Сары ученики постоянно сбегали), и тот же суд присяжных относился к нему благосклонно. Он был из тех учителей, которым через десяток лет посвящают школьные ежегодники. У Сары так не получалось. И она часто выходила из себя, не понимая почему.

— Хочешь пива на дорогу? Или стакан вина?

— Нет. Надеюсь, ты при деньгах, — сказала она, беря его под руку и решив больше не сердиться. — Я ведь меньше трех сосисок не съедаю. Особенно на последней ярмарке в году.

Они собрались в Эсти, расположенный в двадцати милях к северу от Кливс Милс; единственной претензией этого городка на сомнительную славу было проведение **САМОЙ ПОСЛЕДНЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЯРМАРКИ В НОВОЙ АНГЛИИ**. Ярмарка закрывалась в пятницу вечером, в канун Дня всех святых.

— Если учесть, что зарплата у нас в пятницу, с деньгами не плохо. У меня восемь долларов.

— Мать честная! — Сара закатила глаза. — Я всегда знала, что, если буд ангелом, небо пошлет мне в один прекрасный день папулю-толстосума.

— Мы, сутенеры, делаем ба-а-а-льшие деньги, крошка. Сейчас возьму пальто, и едем.

Сара смотрела на него с отчаянной нежностью, и внутренний голос, который звучал все чаще и чаще — когда она стояла под душем, читала, готовилась к урокам или стряпала одинокий ужин, — заговорил вновь, словно в одной из полуминутных реклам по телевизору: он очень и очень приятный человек, с ним легко, он занятный, никогда не заставляет тебя плакать. Но разве это любовь? То есть достаточно ли всего этого для любви? Даже когда ты училась кататься на двухколесном велосипеде, ты не раз падала и сбивала себе коленки. Даром ничего не дается. А тут тем более.

— Я в туалет, — сказал он.

* Главный герой романа английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей».

— Давай. — Она слегка улыбнулась. Джонни был из тех, кто почему-то неизменно ставит всех в известность о своих естественных надобностях.

Она подошла к окну и выглянула на Главную улицу. На площадку для стоянки автомашин рядом с пиццерией О'Майка выпали ребятишки. Неожиданно ей захотелось побегать с ними, превратиться в маленькую девочку, оставить все свои заботы позади или перебросить в будущее.

Она отвернулась от окна и подошла к софе, на которую Джонни положил маску.

— С праздником, — фыркнула она.

— Что? — откликнулся Джонни.

— Если ты сейчас не выйдешь, я еду без тебя.

— Выхожу.

— Отлично!

Она провела пальцем по маске с лицом Джекиля и Хайда. Левая сторона — от доброго доктора Джекиля, правая, звероподобная, — от Хайда. «Что с нами будет ко Дню благодарения? — подумала она. — А к рождеству?»

От этой мысли по телу пробежал нервный озноб.

Он ей нравился. Он был совершенно нормальный, приятный мужчина.

Она вновь взглянула на маску: мерзкий Хайд, подобно раковой опухоли, вырастал из лица Джекиля. Маска была покрыта люминесцентной краской, поэтому она и светилась в темноте.

А что такое «нормальный»? Никто. Ничто. Пожалуй, нет. Будь он нормальный, разве ему пришло бы в голову надеть нечто подобное в классе и думать при этом, что дисциплина не пострадает? И как могли дети называть его Франкенштейном и все-таки любить и уважать? И это нормально?

Сквозь занавес из бус, отделявший туалет и спальню от гостиной, проскользнул Джонни.

Если он захочет, чтобы я осталась у него на ночь, я, пожалуй, не буду против.

От этой мысли тепло, как бывает, когда возвращаешься домой после долгого отсутствия.

— Ты что улыбаешься?

— Да так, — сказала она, бросая маску на софу.

— Ну а все-таки. Что-нибудь приятное? Вспомнила, как нюхала кокаин, дружище?

— Джонни, — сказала она, положив руку ему на грудь и вставая на цыпочки, чтобы поцеловать его, — не обо всем надо говорить вслух. Пошли.

Они задержались в вестибюле, пока он застегивал свою джинсовую куртку, и взгляд ее опять невольно остановился на плакате «ЗАБАСТОВКА!» со сжатым кулаком на пылающем фоне.

— В этом году будет новая студенческая забастовка, — проследив за ее взглядом, сказал он.

— Против войны?

— На сей раз не только. Вьетнам, призыв резервистов и волнения в Кентском университете взбудоражили студентов. Думаю, что никогда еще в аудиториях не сидело так мало хрюкал.

— Это ты о ком?

— Да об отличниках, которым наплевать на наше общество, лишь бы оно обеспечило им потом оклад в десять тысяч долларов. Хрюкале наплевать на все, кроме своей шкуры. Но теперь другие времена. Большинство из них проснулись. Грядут большие перемены.

— И это для тебя важно? Даже когда университет уже позади?

Он подобрался:

— Маддам, я же из Мэнского университета. Смит, выпуск семидесятого! Мы высоко держим марку старого доброго Мэна.

Она улыбнулась:

— Ладно, поехали. Я хочу прокатиться на карусели, пока ее не закрыли.

— Прекрасно, — сказал он, беря ее за руку. — За углом моего дома случайно оказалась твоя машина.

— И есть восемь долларов. Нас ждет блестящий вечер.

Вечер был облачный, но не дождливый, для позднего октября достаточно теплый. Наверху серп луны пытался пробиться сквозь завесу облаков. Джонни обхватил ее рукой, она прижалась к нему.

— Знаешь, Сара, я о тебе все время думаю, — сказал он почти небрежно, но только почти. Сердце у нее слегка замерло, а затем бешено застучало.

— Правда?

Они обогнули угол, и Джонни открыл ей дверцу. Обойдя машину, он сел за руль.

— Тебе холодно?

— Нет, — ответила она. — Вечер очень теплый.

— Да, — согласился он, отъезжая. Она вновь мысленно вернулась к нелепой маске. Половина доктора Джекиля с голубым глазом Джонни в пустой глазнице, расширенной от удивления, — *слушайте, я вчера изобрел новый коктейль, но едва ли его будут подавать в барах*, — с этой половиной лица было все в порядке, потому что за ней проглядывала частица самого Джонни. Ее испугала другая половина — Хайда. За ней мог скрываться кто угодно, потому что тот глаз превратился в щелку.

Но когда они приехали на ярмарку в Эсти, где в темноте на центральной аллее мигали голые лампочки, а длинные неоновые спицы чертова колеса мелькали вверх-вниз, она уже забыла о маске. Он был рядом, их ждал приятный вечер.

Они пошли по центральной аллее, держась за руки, почти не разговаривая, и Сара поймала себя на том, что вспоминает ярмарки своего детства. Она была родом из Саут-Париса, городка, производившего целлюлозу, в западной части штата Мэн, а боль-

шая ярмарка обычно проходила во Фрайберге. Джонни, выросший в Паунале, наверное, посещал ярмарку в Топсеме. По сути, все ярмарки в таких городках походили одна на другую и с годами почти не менялись. Паркуешь машину на грязной стоянке, платишь при входе два доллара, и едва оканываешься на ярмарке, как чувствуешь запах горячих сосисок, жареного перца и лука, бекона, леденцов, опилок и сладковатый аромат конского навоза. Слышишь лязг русской горки для малышей, которую называют «полевая мышь». Слышишь хлопанье ружей в тире, металлический рев репродукторов, которые выкликают номера для игроков в бинго; репродукторы развешаны вокруг большого тента, заполненного длинными столами и складными стульями из местного похоронного бюро. Рок-н-ролл по громкости спорит с ревом органа. Доносится нескончаемый крик зазывал — два выстрела за два десятицентовика, и ты получаешь набитую опилками собачку для своего ребеночка. Эй-эй-как-вас-там, стреляйте, пока не выиграете. Ничего не изменилось. Ты снова ребенок, жаждущий, чтобы тебя облапошили.

— Смотри! — остановила она его. — Карусель! Карусель!

— Конечно, — успокоил ее Джонни. Он протянул женщине в кассовой будке долларовую бумажку, та сунула ему два красных билета и две десятицентовые монетки, не поднимая глаз от журнала «Фотоплей».

— Что значит «конечно»? Почему ты так со мной разговариваешь?

Он пожал плечами. Лицо его выражало полную невинность.

— Речь не о том, что ты, Джон Смит, сказал. Важно, как ты это сказал.

Карусель остановилась. Люди слезали и проходили мимо — в основном подростки в голубых армейских рубашках из плотной хлопчатобумажной ткани или расстегнутых куртках. Джонни провел ее по деревянному помосту и подал билеты служителю, у которого был вид самого скучающего создания во Вселенной.

— Эко диво, — сказал Джонни, когда тот усадил их в маленькие круглые скорлупки и закрепил страхующую перекладину. — Просто эти кабинки вращаются по замкнутому кольцу, так?

— Так.

— А эти замкнутые кольца уложены на большой круглой тарелке, которая сама вращается, так?

— Так.

— И когда карусель разгоняется, кабина, где мы сидим, вертится по своей маленькой орбите и может развить такую скорость, которая ненамного меньше, чем у космонавтов при взлете с мыса Кеннеди. Я знал одного парня... — Джонни с серьезным видом наклонился к ней.

— Ну да, очередная твоя сказка. — неуверенно сказала Сара.

— Когда этому парнишке было пять лет, он упал со ступенек и заработал маленькую, с волосок, трещинку в шейном позвонке. А десять лет спустя он разогнался на карусели в Топсеме на ярмарке... и... — Он передернул плечами и похлопал ее сочувственно по руке... — Но собой, очевидно, будет все в порядке, Сара.

— Ой... Я хочу *сойти*...

А карусель несла их все быстрее, превращая ярмарку и центральную аллею в наклонное смазанное пятно из огней и лиц. Сара вскрикивала, смеялась, затем начала колотить его.

— Трещинка с волосок! — кричала она ему. — Я покажу тебе трещинку, когда мы слезем, врун несчастный!

— Как, уже чувствуешь что-нибудь в шейном позвонке? — вкрадчиво спросил он.

— Врун!

Они кружились все быстрее и быстрее, и когда пролетали мимо служителя — в десятый? пятнадцатый раз? — Джонни наклонился и поцеловал ее, а кабинка со свистом вращалась по своей орбите, их губы сливались во что-то горячее, волнуемое и родное. Затем круг замедлил движение, кабина как бы нехотя сделала еще один оборот и, наконец, покачиваясь и подергиваясь, остановилась.

Они вылезли, и Сара обхватила его шею.

— Трещинка с волосок, балда ты! — прошептала она.

Мимо них проходила тучная дама в голубых брюках и дешевых кожаных туфлях, похожих на тапочки. Джонни обратился к ней, показывая большим пальцем на Сару:

— Эта девочка пристает ко мне, мадам. Если увидите полицейского, скажите ему.

— Вы, молодые люди, считаете себя слишком умными, — презрительно сказала тучная дама. Она заковыляла по направлению к тенту для игры в бинго, еще крепче зажав под мышкой сумочку. Сара прыснула.

— Ты невозможен.

— Я плохо кончу, — согласился Джонни. — Моя мама всегда так говорила.

Они снова пошли бок о бок по центральной аллее в ожидании, когда мир перестанет качаться у них перед глазами и под ногами.

— Она очень религиозна, твоя мама? — спросила Сара.

— Она баптистка до мозга костей, — ответил Джонни. — Но она ничего. Ее не заносит. Когда я дома, она не может удержаться и вечно подсовывает мне брошюры, но тут уж ничего не попишешь. Мы с отцом смирились. Я пытался было затевать с ней разговоры — скажем, спрашивал, с кем, черт подери, мог Каин сожительствовать в земле Нод, если его папаша и мамаша были первыми людьми на Земле, ну и всякое такое, но потом решил, что это, в общем-то, гадко, и бросил. Два года назад мне казалось — Юджин Маккарти спасет мир... Что до баптистов, то они

по крайней мере не выставляют Иисуса кандидатом в президенты.

— А отец твой не религиозен?

Джонни рассмеялся.

— Не знаю. Во всяком случае, не баптист. — На мгновение задумался и добавил: — Он плотник, — будто это все объясняло. Сара улыбнулась.

— Что подумала бы твоя мать, если бы узнала, что ты встречаешься с пропащей католичкой?

— Попросись ко мне в гости, — отпарировал Джонни, — чтобы она могла всучить тебе несколько брошюр.

Сара остановилась, продолжая держать его под руку.

— Ты хочешь пригласить меня к себе домой? — спросила она, глядя ему в глаза.

Добродушное лицо Джонни посерьезнело.

— Да, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты познакомилась с ними... и наоборот.

— Почему?

— А ты не знаешь? — мягко произнес он, и вдруг у нее перехватило горло и застучало в висках, и слезы уже готовы были навернуться на глаза. Она сильно сжала его руку.

— Джонни, ты мне нравишься, ты знаешь это?

— Ты мне нравишься еще больше, — серьезно сказал он.

— Покатай меня на чертовом колесе, — вдруг потребовала она с улыбкой. Больше никаких разговоров на эту тему. Сначала надо все обдумать, попытаться заглянуть в будущее. — Я хочу взлететь наверх, откуда мы все увидим.

— Можно тебя поцеловать наверху?

— Дважды, если успеешь.

Она привела его к билетной кассе, где он оставил еще одну долларовую бумажку. Покупая билеты, он рассказывал:

— Когда я учился в школе, я знал парня, служившего на подобной ярмарке, так он рассказывал, что работники, собирающие эти колеса, обычно в стельку пьяные и забывают завинтить...

— Иди к черту, — беззаботно сказала она. — Никто не живет вечно.

— Но все стремятся к этому, ты разве не замечала? — сказал он, усаживаясь следом за ней в качающуюся гондолу.

Наверху он поцеловал ее несколько раз, октябрьский ветер ерошил волосы, и ярмарочные аллеи раскидывались внизу, подобно светящемуся в темноте циферблату.

После чертова колеса они покатались на детской карусели, хотя он честно сознался, что чувствует себя паршиво. Ноги у него были такие длинные, что ему пришлось широко их расставить, садясь на гипсового коня. Она нарочно рассказала ему, что знала в школе девочку, у которой было больное сердце, но никто об этом не догадывался, и вот однажды она пошла кататься на карусели с приятелем и...

— Когда-нибудь ты пожалеешь, — со спокойной убежденностью произнес он. — Нельзя, Сара, строить отношения на обмане. Она показала ему язык.

Потом был зеркальный лабиринт, действительно хороший. Саре вспомнился роман Брэдбери «Кто-то страшный к нам идет»: в нем изображался такой же лабиринт, и маленькая старая учительница чуть не потерялась там окончательно. Сара видела, как Джонни неуклюже топчется среди зеркал и машет ей рукой. Десятки Джонни, десятки Сар. Они проходили мимо друг друга, мелькали за неевклидовыми углами и как бы исчезали. Она поворачивала голову налево, направо, утыкалась носом в прозрачное стекло и беспомощно хихикала, скорее всего, из страха, что оказалась в замкнутом пространстве. Одно зеркало превратило ее в приземистого карлика из книг Толкиена*. В другом она выглядела длиннющей долговязой девчонкой с ногами в четверть мили.

Наконец они выбрались из лабиринта, он купил пару сосисок и здоровый бумажный стакан жаренных в масле картофельных ломтиков, которые были сейчас такие же вкусные, какими они бываю, когда тебе еще нет пятнадцати.

Они миновали веселое заведение. Перед входом стояли четыре девицы в юбках с блестками и в бюстгалтерах. Они пританцовывали под старый мотивчик Джерри Ли Льюиса, а зазывала расхваливал в микрофон их достоинства. «Обними меня, милый, покрепче, — ревел Джерри Ли Льюис, его рояль выплескивал буги-вуги на присыпанные опилками аллен. — Обними меня, милый, покрепче... ухвати-ка быка за рога... надоели мне сладкие речи... ну давай, не валяй дурака...»

— Клуб «Плейбой», — восхитился Джонни и рассмеялся. — Раньше такое заведение было в Гаррисон Бич. Зазывала там божилась, что девицы с завязанными за спиной руками могут снять очки прямо с вашего носа.

— Любопытный способ подцепить модную болезнь, — сказала Сара, и Джонни покатился со смеху.

По мере их удаления голос зазывалы, усиленный динамиком, звучал все глуше под звуки рояля Джерри Ли, этой знойной музыки, долетевшей, как некое будоражащее напоминание из отживших и смолкших пятидесятых: «Давайте, ребята, заходите, не стесняйтесь, а наши девочки и вовсе не стеснительные! Главное происходит за стенами... ваше образование будет неполным, пока вы не увидите представление в клубе «Плейбой».

— Не хочешь ли вернуться и закончить свое образование? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Я уже завершил курсовую на эту тему. А с диссертацией, пожалуй, можно подождать.

* Английский писатель, автор фантастического повествования о вымышленной стране Средиземье, населенной сказочным маленьким народцем «невысокими».

Она взглянула на часы:

— Гляди-ка, уже поздно. А завтра опять в школу.

— Да, хорошо еще, что сегодня пятница.

Она вздохнула, вспомнив свой пятый и седьмой классы, где завтра у нее современная литература. В обоих — невозможные хулиганы.

Они протолкались назад, к середине главной аллеи. Толпа редела. Карусель уже закрылась. Двое рабочих с сигаретами в углах рта задерживали брезент на «полевой мыши». Хозяин аттракциона «ставь-пока-не-выиграешь» тушил свет.

— Ты занята в субботу? — спросил он, вдруг оробев, — Конечно, до субботы времени осталось немного, но...

— Есть кое-какие планы, — ответила она.

— Ясно.

Она не могла вынести удрученного вида Джонни, было бы подло дразнить его дальше.

— Я занята с тобой.

— Да?.. Правда? Слушай, это же прекрасно. — Он улыбнулся ей, она — в ответ. Внутренний голос, который иногда, казалось, принадлежал другому человеку, внезапно заговорил: *«Тебе снова хорошо, Сара. Ты счастлива. Разве это не здорово?»*

— Да, здорово, — сказала она. Она привстала на цыпочки и быстро его поцеловала. Она заставила себя говорить, пока не передумала: — Знаешь, иногда в Визи бывает так одиноко... Пожалуй, я могла бы... провести с тобой ночь.

Он взглянул на нее с теплотой, с такой задумчивостью, что у нее внутри все затрепетало.

— А ты этого хочешь, Сара!

Она кивнула.

— Да, очень.

— Прекрасно, — сказал он и обнял ее.

— Ты уверен? — спросила Сара немного застенчиво.

— Я только боюсь, что ты передумаешь.

— Не передумаю, Джонни.

Он еще крепче притянул ее к себе.

— Это будет моя самая счастливая ночь.

Они проходили мимо «Колеса удачи» — единственного открытого павильона в той части центральной аллеи, вспоминала позже Сара. Хозяин только что смел мусор в кучу — искал скатившиеся с игровой доски десятицентовики. Наверно, он скоро закроет свое заведение, подумала Сара. За хозяином виднелось большое колесо со спицами, по его окружности светились маленькие электрические лампочки. Должно быть, он услышал последние слова Джонни, потому что почти автоматически занял свое рабочее место, глазами продолжая искать на грязном полу белые пятнышки серебра.

— Э-э-ей, мистер, крутаните на счастье «Колесо удачи», прев-

ратите центы в доллары. Все зависит от этого колеса, попытайте счастья, один маленький десятицентовик, и колесо закрутится.

Джонни повернулся на звук его голоса.

— Джонни?

— Я бы попытал счастья, как он выразился. — Он улыбнулся ей. — Ты не против?..

— Нет, пожалуйста. Только недолго.

Он снова взглянул на нее с таким задумчивым выражением, от которого ее охватила странная слабость, одновременно промелькнула мысль: как-то у нас все получится? В животе у Сары что-то перевернулось, к горлу подступила тошнота, и ее неожиданно повлекло к нему.

— Я не задержусь. — Он посмотрел на хозяина заведения. Аллея перед павильоном почти совсем опустела; стало прохладнее, так как нависавшие облака рассеялись. Все трое выдыхали струйки пара.

— Попытаете счастья, молодой человек?

— Да.

Когда они приехали на ярмарку. Джонни переложил все деньги в маленький нагрудный кармашек; теперь он вытащил из него то, что осталось от восьми долларов. Один доллар и восемьдесят пять центов.

Игральная доска представляла собой полосу желтого пластика, на которой в квадратах были нарисованы цифры и комбинации. Она выглядела как поле в рулетке, но Джонни тут же заметил, что в Лас-Вегасе такие комбинации привели бы игроков в уныние. Ставка на серию цифр при выигрыше лишь удваивалась. Две цифры — zero и двойное zero — давали выигрыш хозяину. Джонни сказал об этом, но хозяин только пожал плечами.

— Поезжайте в Вегас, если хотите. Вольному воля.

Но у Джонни в этот вечер было слишком хорошее настроение. Все началось довольно неудачно из-за маски, но затем пошло прекрасно. По правде говоря, это был его лучший вечер за много лет и, может быть, лучший в жизни. Он взглянул на Сару. Она была возбуждена, глаза блестели.

— Что скажешь Сара?

Та тряхнула головой.

— Для меня эта игра все равно что греческий. Что нужно делать?

— Поставить на номер. Либо на красное-черное. Либо на чет-нечет. Либо на серию из десяти цифр. Выигрыши разные. — Он взглянул на хозяина, который ответил ему отсутствующим взглядом. — По крайней мере должны быть разные.

— Ставь на черное, — сказала она. — Как-то более волнующе, правда?

— Черное, — сказал Джонни и бросил десятицентовик на черный квадрат.

Хозяин уставился на монету, одиноко лежавшую на игральной доске, вздохнул:

— Круто взял, ничего не скажешь, — и повернулся к колесу. Джонни рассеянно поднял руку ко лбу.

— Стойте, — быстро сказал он и кинул один из своих четвертаков на квадрат с цифрами 11—20.

— Уверены?

— Уверен, — сказал Джонни.

Хозяин крутанул колесо, и оно завертелось в кольце из лампочек, черный и красный цвета слились в один. Джонни рассеянно потирал лоб. Колесо стало останавливаться, и теперь было слышно, как с размеренностью метронома пощелкивает маленькая деревянная трещотка, скользя мимо спиłek, разделявших номера. Она дошла до 8, затем до 9, остановилась было на 10, но проскочила на 11 и, шелкнув напоследок, окончательно успокоилась.

— Дама проигрывает, джентльмен выигрывает, — сказал хозяин.

— Джонни, ты выиграл?

— Похоже, что так, — сказал Джонни, в то время как хозяин доложил два своих четвертака к его монете. Сара издала легкий вскрик, едва успев заметить, как хозяин смахнул десятицентовик со стола.

— Я же сказал, это мой счастливый вечер, — проговорил Джонни.

— Один раз — везение, два раза — счастье, — заметил крупье. — Эй-эй-эй!

— Давай, Джонни, — сказала Сара.

— Хорошо. Мне на тот же номер.

— Запускать?

— Да.

Хозяин снова крутанул колесо, и пока оно вертелось. Сара тихонько прошептала:

— А они не жульничают с этими колесами?

— Было дело. А теперь власти их проверяют, так что придется полагаться исключительно на везение.

Колесо замедлило вращение и шелкнуло напоследок. Стрелка проскочила 10 и вошла в поле Джонни, замедляя бег.

— Давай, давай! — закричала Сара. Двое подростков, шедших к выходу, остановились посмотреть на игру.

Деревянная трещотка очень медленно миновала 16, затем 17 и остановилась на 18.

— Джентльмен снова выиграл. — Хозяин добавил еще шесть четвертаков к кучке Джонни.

— Ты богат! — воскликнула Сара и поцеловала его в щеку.

— Тебе везет, парень, — с готовностью согласился хозяин.

— Никто не бросает такую везуху. Эй-эй-эй!

— Ставить опять? — просил Джонни Сару.

— А почему бы нет!

— Давайте, давайте, — сказал один из подростков. На куртке у него был значок с Джими Хендриком*. — Этот тип ободрал меня сегодня на четыре доллара. Хотел бы я посмотреть, как его вздрючат.

— Тогда ты тоже, — сказал Джонни Саре. Он дал ей одну из девяти монет, лежавших столбиком. После короткого колебания она положила ее на 21. Отдельные цифры при выигрыше оплачиваются десять к одному — явствовало из правил.

— Продолжаешь, парень?

Джонни глянул на восемь четвертаков, лежавших столбиком на доске, и стал потирать лоб, будто чувствовал приближение головной боли. Внезапно он смел с доски четвертаки и потряс ими в сжатых ладонях.

— Нет, крутите для дамы. Я посмотрю.

Она удивленно посмотрела на него:

— Ты что, Джонни?

Он пожал плечами.

— Так, предчувствие.

Крупье закатил глаза, как бы говоря: «Боже-дай-мне-силы-вынести-этих-дураков», — и вновь запустил свое колесо. Оно повертелось, замедлило ход и остановилось. На двойном zero.

— Мой номер, мой, — пропел хозяин, и четвертак Сары исчез в его переднике.

— Это честно, Джонни? — Сара была задета.

— Zero и двойное zero дают выигрыш хозяину.

— Ты хитро сделал, сняв свои деньги с доски.

— Пожалуй.

— Ну что, крутить дальше или я пошел пить кофе? — спросил хозяин.

— Крутите, — сказал Джонни и выложил свои четвертаки двумя стопками по четыре на третий сектор.

Пока колесо жужжало в кругу своей клетки из лампочек, Сара, не поднимая глаз от вращающегося поля, спросила Джонни:

— Сколько в этом заведении можно заработать за вечер?

Между тем к подросткам присоединилось четверо пожилых людей — двое мужчин и две женщины. Массивный мужчина, с виду рабочий стройки, сказал:

— От пятисот до семисот долларов.

Хозяин снова закатил глаза.

— Вашими бы устами... — проговорил он.

— Ладно, не прибедайся, — сказал мужчина, похожий на строителя. — Лет двадцать назад я работал в такой лавочке. От пяти до семи сотен за вечер, две косых по субботам. Запросто. И это без всякого жульничанья.

* Популярный американский певец 60-х годов

Джонни следил за колесом, которое сейчас вращалось достаточно медленно, так что можно было различить отдельные цифры, когда оно пробегало мимо. Промелькнуло одно zero, другое, затем медленнее первый сектор, еще медленнее — второй.

— Хорошего понемножку, — сказал один из подростков.

— Подожди, — произнес Джонни как-то странно. Сара взглянула на него: в его добродушном лице вдруг появилась жесткость, голубые глаза потемнели, стали чужими и далекими.

Стрелка остановилась на 30 и замерла.

— Игра продолжается, игра продолжается, — тоскливо пропел хозяин, а небольшая толпа позади Джонни и Сары издала радостный крик. Мужчина, похожий на строителя, хлопнул Джонни по спине, да так, что тот покачулся. Хозяин полез под прилавок, достал из сигарной коробки четыре монеты и бросил их рядом с восемью четвертаками Джонни.

— Может, хватит? — спросила Сара.

— Еще разок, — сказал Джонни. — Если выиграю, этот парень оплатит нам ярмарку и твой бензин. Если проиграют, мы потеряем всего полдоллара или около того.

— Эй-эй-эй, — пропел хозяин. Он прибодрился и вновь затараторил: — Ставьте где хотите. Приходи, не стесняйся. Этот спорт не для зевак. Крутится-вертится колесо, где остановится, не знает никто.

Мужчина, похожий на строителя, который назвался Стивом Бернхардтом, положил доллар на чет.

— А ты что, парень? — спросил хозяин у Джонни. — Оставляешь на том же месте?

— Да, — ответил Джонни.

— Ох дядя, — сказал один из подростков, — с судьбой играете.

— Наверное, — сказал Джонни, и Сара улыбнулась ему.

Бернхардт оценивающе посмотрел на Джонни и вдруг переставил свой доллар на третий сектор.

— Чем черт не шутит, — вздохнул подросток, сказавший Джонни, что тот играет с судьбой. Он переложил пятьдесят центов, которые они наскребли с приятелем, на тот же сектор.

— Все яички в одной корзинке, — пропел хозяин. — Не переживаете?

Игроки стойко молчали. Двое чернорабочих подошли посмотреть игру, один из них с подружкой; теперь перед «Колесом удачи» уже собралась довольно большая компания. Хозяин сильно крутанул колесо. За его вращением наблюдали двенадцать пар глаз. Сара поймала себя на том, что смотрит на Джонни — какое чужое у него лицо в ярком и в то же время загадочном свете. Она вновь вспомнила о маске — Джекиль и Хайд, чет и нечет. У нее опять забурчало в животе, она почувствовала легкую слабость. Колесо замедлило бег и начало щелкать. Подростки стали кричать, как бы подталкивая его.

— Еще немного, крошка, — уговаривал Стив Бернхардт. — Еще немножко, дорогое.

Колесо дощелкало до третьего сектора и остановилось на 24. Толпа снова издала радостный возглас.

— Джонни, ты выиграл, ты выиграл! — закричала Сара

Хозяин неприязненно присвистнул сквозь зубы и выплатил выигрыш. Доллар подросткам, два — Бернхардту и двенадцать долларов Джонни. Теперь перед Джонни лежали на столе всеенадцать долларов.

— Игра продолжается, игра продолжается, эй-эй-эй! Еще раз, дружище? Сегодня колесо с тобой на пару.

Джонни взглянул на Сару.

— Как хочешь, Джонни. — Ей вдруг стало не по себе.

— Давай, дядя, — подзадоривал подросток со значком Джими Хендрикса. — Одно удовольствие поглядеть, как отделявают этого типа.

— Ладно, — сказал Джонни. — Последний раз.

— Ставьте на что хотите.

Все взоры были обращены на Джонни, который стоял, задумчиво потирая лоб. Его обычно добродушное лицо застыло, стало серьезным и сосредоточенным. Он смотрел на колесо в кольцо огней, поглаживая пальцами гладкую кожу над правой бровью.

— Оставляю, — сказал он наконец.

По толпе прокатился вопросительный шепот.

— Ох, дядя, это уже чересчур.

— Разошелся, — сказал Бернхардт неуверенно. Он оглянулся на жену, но та пожала плечами, давая понять, что для нее это полная загадка. — Эх, была не была, я с вами.

Подросток со значком взглянул на дружка, тот пожал плечами и утвердительно кивнул.

— Хорошо, — сказал он, поворачиваясь к хозяину. — Мы тоже оставляем.

Колесо завертелось. Сара слышала, как сзади один из четырех рабочих поспорил на пять долларов, утверждая, что третий сектор больше не выиграет. В животе у нее опять забурчало, но на этот раз боль неотпустила, а пошла кругами, снова и снова, и тут она поняла, что ей становится плохо. На лице выступил холодный пот.

Колесо начало останавливаться у первого сектора, и один из подростков вскинул руки от досады. Но не ушел. Колесо просчитало 11, 12, 13. Наконец-то хозяин выглядел довольным. Тик-так-тик. 14, 15, 16.

— Проскакивает, — сказал Бернхардт. В его голосе слышалось восхищение. Хозяин смотрел на свое колесо с таким видом, что казалось, будь его воля, он протянул бы руку и остановил его. Оно прощелкало 20, 21 и остановилось на цифре 22.

В толпе, которая выросла уже человек до двадцати, снова раздался победный крик. Наверное, здесь собрались все запозда-

лые посетители ярмарки. Сара неясно слышала, как чернорабочий, проигравший пари, ворчал что-то о «дьявольском везении», отдавая деньги. В голове у нее шумело. Внезапно она почувствовала ужасную слабость в ногах, ее бил озноб, тело не слушалось. Она заморгала, и тут закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Мир покачнулся и накренился, словно они только что разогнались на карусели и вот теперь медленно останавливаются.

Мне попалась несвежая сосиска, подумала она с тоской. Вот чем, Сара, оборачивается счастье на деревенской ярмарке.

— Эй-эй-эй, — произнес хозяин без особого энтузиазма и раздал деньги. Два доллара подросткам, четыре — Стиву Бернхардту и целую кучу Джонни — три десятки, пятерку и один доллар. Хозяин не то чтобы лучился радостью, но был тем не менее оживлен. Если долговязый с хорошенькой блондинкой вздумает опять поставить на третий сектор, хозяин почти наверняка вернет свое. Пока этот парень не забрал со стола деньги, еще не все потеряно. А если он уйдет? Ну что ж, хозяин сегодня отхватил тыщонку на колесе и может себе позволить поделиться с ближними. Быстро разнесется слух, что на колесе Сола Драммора был крупный выигрыш, и завтра сюда повалят игроки, как никогда раньше. Выигрыш — хорошая реклама.

— Ставьте куда хотите, — пропел он. Несколько человек из толпы пододвинулись к столу и начали ставить десятицентовики и четвертаки. Однако хозяин смотрел только на одного игрока.

— Что скажешь, дружище? Играем по-крупному?

Джонни взглянул на Сару.

— Что ты...эй, что с тобой. Ты похожа на призрак.

— Что-то с желудком, — сказала она, выдавливая улыбку. — Я думаю, это сосиска. Может, поедем домой?

— Конечно. Пошли. — Он собирал кучу помятых денег со стола, и тут его взгляд снова упал на колесо. Глаза перестали светиться теплом и заботой. Казалось, они опять потемнели, стали холодными, задумчивыми. *Он смотрит на это колесо, как маленький мальчик на муравейник*, подумала Сара.

— Минутку, — сказал он.

— Хорошо, — ответила Сара. Хотя чувствовала какую-то пустоту в голове и боль в желудке. К тому же в животе бурлило, что ей совсем не нравилось. Боже, только бы все обошлось. Пожалуйста.

Она подумала: *Он не успокоится, пока все не проиграет.*

И затем со странной уверенностью: *Но он не проиграет.*

— Ну что, приятель? — спросил хозяин. — Ставишь, нет? Играешь, нет?

— Слиняешь, нет? — передразнил один из чернорабочих; раздался нервный смешок. Перед глазами Сары все плыло.

Джонни вдруг сдвинул купюры и четвертаки на угол доски.

— Ты что делаешь? — искренне удивившись, спросил хозяин

— Всю кучу на 19, — ответил Джонни.

Саре хотелось застонать, но она сдержалась.

По толпе прошел шепот.

— Не искушай судьбу, — сказал Стив Бернхардт на ухо Джонни. Джонни не ответил. Он уставился на колесо с каким-то безразличием. Глаза его казались почти фиолетовыми.

Внезапно раздался звенящий звук, который Сара поначалу приняла за звон в ушах. Затем она увидела, как другие, уже поставившие деньги на кон, забирают их со стола, оставляя Джонни играть одного.

— *Нет!!* — хотелось ей закричать. — *не так, не в одиночку, это нечестно...*

Сара закусил губу. Она боялась, что ее стошнит, если она откроет рот. С животом стало совсем худо. Кучка денег, которую выиграл Джонни, одиноко лежала под ярким светом. Пятьдесят четыре доллара, а выигрыш на отдельной цифре был десять к одному.

Хозяин облизнул губы.

— Мистер, по закону я не должен разрешать ставить на отдельные цифры больше двух долларов.

— Ты это брось, — прорычал Бернхардт, — ты не должен был разрешать ставить свыше десяти на цифру, а ты только что дал ему поставить восемнадцать. Что, в штаны наложил?

— Нет, но...

— Давайте, — обрезал Джонни. — Или я ухожу. Моя девушка не совсем здорова.

Хозяин взглянул на толпу. Та смотрела на него враждебно. Глупцы. Не понимают, что парень выбрасывает деньги на ветер, а он пытается образумить его. Черт с ними. Все равно им не угодишь. Пускай хоть на голову становится и проигрывает вчистую. По крайней мере можно будет закрыть павильон на ночь.

— Ну что ж, — сказал он, — если среди вас нет государственного инспектора... — Он повернулся к колесу. — Крутится-вертится колесо, где остановится, не знает никто.

Он крутанул, и цифры немедленно превратились в одно сплошное пятно. Какое-то время, показавшееся вечностью, не слышалось ничего, кроме жужжания «Колеса удачи», вечерний ветерок где-то трепал полу тента, и в голове у Сары болезненно стучало. Она мысленно просила Джонни обнять ее, но он стоял неподвижно — руки на столе, глаза прикованы к колесу, которое словно решило крутиться вечно.

Наконец вращение замедлилось настолько, что она могла прочесть цифры: 19 — 1 и 9, выведенные красным на черном фоне. Они то появлялись, то пропадали. Плавное жужжание колеса перешло в мерное постукивание, громкое в этой тишине.

Цифры скользили мимо стрелки все медленнее и медленнее.

Один из чернорабочих с удивлением воскликнул:

— Черт возьми, еще, глядишь, выиграет!

Джонни стоял спокойно, глядя на колесо, и теперь Саре казалось (может, из-за плохого самочувствия — живот то и дело схватывало), что глаза у него почти черные. Джекиль и Хайд, подумала она и внезапно ощутила безотчетный страх перед ним.

Ти-ки-та-ки-ти-ки-та-ки.

Колесо щелкало, оно прошло второй сектор, миновало 15 и 16, щелкнуло на 17 и после секундного колебания на 18. Последний щелчок — и стрелка уткнулась в гнездо под номером 19. Толпа затаила дыхание. Колесо еще слегка качнулось вперед, и указатель установился в шпильку между 19 и 20. Долю секунды казалось, что шпилька не удержит указатель на 19, что в последний миг он перескочит на 20. Однако силы колеса иссякли, оно вернулось назад и замерло.

Какое-то время в толпе не раздавалось ни звука. Ни единого звука.

Затем один из подростков произнес благоговейным шепотом:

— Эй, дядя, вы только что выиграли пятьсот сорок долларов.

А Стив Бернхардт добавил:

— Никогда еще такого не видел. *Никогда.*

Затем толпа взорвалась. Джонни хлопали по спине, толкали. Люди протискивались мимо Сары, чтобы дотронуться до него, и на мгновение, когда ее оттеснили, она почувствовала себя вконец несчастной, ее охватил панический страх. Сару пихали, обессиленную, туда-сюда, в животе у нее все переворачивалось. Перед глазами черными кругами ходило колесо.

Через мгновение Джонни был уже с ней, и с затаенной радостью она увидела, что это был ее Джонни, а не тот, собранный, похожий на манекен, что смотрел, как колесо совершает свой последний круг. Он выглядел смущенным и озабоченным.

— Прости, малыш, — сказал он, и ее захлестнуло чувство любви к нему.

— Все в порядке, — откликнулась она; совсем не будучи уверенной, что это так.

Хозяин откашлялся.

— Колесо закрыто, — сказал он. — Колесо закрыто.

Толпа понимающе зашумела.

Хозяин взглянул на Джонни.

— Я вынужден дать вам чек, молодой человек. Я не держу здесь таких денег.

— Пожалуйста, как вам угодно, — сказал Джонни. — Только поскорее. Девушке действительно нехорошо.

— Ну да, чек, — сказал Стив Бернхардт с безграничным презрением. — Этот тип выпишет вам чек, который вернется неоплаченным, а сам зимой будет уже во Флориде.

— Послушайте, сэр, — начал хозяин. — Уверю вас...

— Иди уверяй свою мамашу, может, она тебе поверит, — сказал Бернхардт. Внезапно он перегнулся через доску и пошарил под прилавком.

— Эй! — завопил купье. — Это же разбой!

На толпу это заявление не произвело никакого впечатления.

— Пожалуйста, — пробормотала Сара. Голова у нее шла кругом.

— Наплевать на деньги, — сказал вдруг Джонни. — Пропустите нас, пожалуйста. Девушке плохо.

— Во дает, — сказал подросток со значком Джими Хендрикса, однако вместе с дружкой нехотя отодвинулся в сторону.

— Нет, Джонни, — сказала Сара, напрягая всю свою волю, чтобы сдержать тошноту. — Возьми деньги. — Пятьсот долларов — это трехнедельная зарплата Джонни.

— Давай плати, дешевка, — прогремел Бернхардт. Он вытишил из-под прилавка сигарную коробку и отставил ее, не заглянув даже внутрь, затем пошарил снова и извлек на сей раз стальной ящичек-сейф, окрашенный в серо-стальной цвет. Он бухнул его на стол. — Если тут нет пятисот сорока долларов, я сожру свою рубашку у всех на глазах. — Мощной, тяжелой рукой он хлопнул Джонни по плечу. — Обожди минутку, сынок. У тебя будет сегодня получка или я не Стив Бернхардт.

— Правда, сэр, у меня нет столько...

— Или ты платишь, сказал Стив Бернхардт, наклонившись над хозяином, — или я позабочусь, чтобы твою лавочку прикрыли. Я не шучу. Говорю вполне серьезно.

Хозяин вздохнул и полез за пазуху. Он вытащил ключ на тонкой цепочке. Толпа выдохнула. Саре стало совсем невмоготу. Живот у нее вздулся и вдруг словно омертвел. Что-то бешено рвалось из нее наружу. Спотыкаясь, она отошла от Джонни и протиснулась сквозь толпу.

— Ты здорова ли, милочка? — спросила какая-то женщина. Сара только мотнула головой.

— Сара! — позвал Джонни.

От Джекиля и Хайда... не спрятаться, мелькнуло у нее в голове. Когда она пробегала мимо карусели, перед ее глазами в темноте центральной аллеи словно замаячила светящаяся маска. Она ударилась плечом о фонарь, пошатнулась, обхватила его, и тут ее вырвало. Казалось, ее вывернуло всю, начиная от пяток. Желудок судорожно сжимался, точно нервные пальцы.

— О боже, — сказала она ослабевшим голосом и, чтобы не упасть, крепче ухватилась за столб. Где-то позади ее звал Джонни, но сейчас она не могла отвечать, да и не имела желания. Желудок понемногу успокаивался, и в эту минуту ей хотелось одного: стоять в темноте и радоваться тому, что еще дышит, что пережила этот вечер.

— Сара? Сара!

Она дважды сплюнула, чтобы очистить рот.

— Я здесь, Джонни.

Он вышел из-за карусели, где застыли в прыжке гипсовые лошадки. Она заметила, что он рассеянно сжимает в руке толстую пачку купюр.

— Пришла в себя?

— Нет, но уже лучше. Меня стошнило.

— О господи. Поедем домой. — Он нежно взял ее за руку.

— Получил свои деньги...

Он глянул на пачку денег и рассеянно сунул их в карман брюк.

— Да. То ли часть, то ли все, не знаю. Считал этот здоровяк.

Сара вытащила из сумочки платок и вытерла губы. Глоток бы воды, подумала она. Душу продала бы за глоток воды.

— Будь осторожен, — сказала она. — Это же куча денег.

— Шальные деньги приносят несчастье, — сказал он мрачно. — Одна из поговорок моей матушки. У нее их миллион. И она терпеть не может азартные игры.

— Баптистка до мозга костей, — сказала Сара и судорожно передернулась.

— Ты что? — обеспокоенно спросил он.

— Знобит, — сказала она. — Когда мы сядем в машину, включи подогрев на полную катушку и... О боже, кажется, опять...

Она отвернулась и со стоном выбросила все, что еще оставалось в желудке. Ее зашатало. Он осторожно, но твердо поддерживал ее.

— Ты можешь дойти до машины?

— Да. Сейчас уже хорошо. — Но голова у нее трещала, во рту стоял мерзкий привкус, и все кости так ломило, будто они выскочили из суставов.

Они медленно двинулись по центральной аллее, взметая ногами опилки, прошли мимо палаток, которые были уже закрыты и прибраны. За ними плыла какая-то тень и Джонни быстро оглянулся, осознав, по-видимому, какая сумма у него в кармане.

То был один из подростков — лет около пятнадцати. Он застенчиво улыбнулся им.

— Надеюсь, вам лучше, — обратился он к Саре. — Это, наверное, сосиски. Запросто можно съесть испорченную.

— Ой, и не говори, — сказала Сара.

— Вам помочь довести ее до машины? — спросил он Джонни.

— Нет, спасибо. Мы управимся.

— Ладно. Тогда отрываюсь. — Но он задержался еще на мгновение, его застенчивую улыбку сменила широкая ухмылка. — Приятно было посмотреть, как вздрючили этого типа.

И он убежал в темноту.

На стоянке белел одинокий «универсал» Сары; он сжался под неоновым светом фонаря, подобно несчастному, забытому щенку. Джонни открыл дверцу для Сары, и она осторожно села. Он проскользнул за руль и завел мотор.

— Придется подождать, пока обогреватель наберет силу, — сказал он.

— Не беспокойся. Мне уже тепло.

Он взглянул на Сару и увидел на ее лице капельки пота.

— Может, отвезти тебя в больницу? — спросил он. — Если это ботулизм, то дело серьезное.

— Нет, все в порядке. Мне бы только добраться до дома и лечь в постель. Завтра утром, если что, позвоню в школу и снова заважусь спать.

— Не волнуйся, спи себе. Я позвоню за тебя.

Она благодарно взглянула на него.

— Позвонишь?

— Конечно.

Они уже выезжали на главную магистраль.

— Извини, что не могу поехать к тебе, — сказала Сара. — Мне очень жаль. Правда.

— Ты ни при чем.

— А кто же? Я съела испорченную сосиску. Бедняжка Сара.

— Я люблю тебя, Сара, — сказал Джонни. Итак, слово было произнесено, его нельзя было взять обратно, оно повисло между ними в ожидании какого-то продолжения.

— Спасибо, Джонни, — только и могла ответить Сара.

Они продолжали путь в приятном молчании.

Была уже почти полночь, когда Джонни завернул машину к ее подъезду. Сара дремала.

— Эй, — сказал он, выключив мотор и легонько теребя ее. — Приехали.

— Ох... хорошо. — Она села прямо и плотнее запахнулась в шубу.

— Ну как ты?

— Лучше. Ноет желудок, и спина болит, но лучше. Джонни, езжай на машине в Кливс.

— Не стоит, — сказал он. — Еще кто-нибудь увидит ее утром перед домом. Ни к чему нам эти разговоры.

— Но я же собиралась поехать с тобой...

Джонни улыбнулся:

— Вот тогда стоило бы рискнуть, даже если бы пришлось пройти пешком три квартала. Кроме того, я хочу, чтобы машина была у тебя под рукой на тот случай, если ты передумаешь насчет больницы.

— Не передумаю.

— А вдруг. Можно, я зайду и вызову такси?

— Конечно.

Они вошли в дом, и едва Сара зажгла свет, как у нее начался новый приступ дрожи.

— Телефон в гостиной. Пойду-ка лягу и укурюсь пледом.

Гостиная была маленькая и без всяких излишеств; от сходства с казармой ее избавляли лишь броские занавески, изрисованные цветами немыслимых форм и оттенков, да несколько плакатов на стене: Дилан в Форест-Хиллс, Баэз в Карнегихолл, «Джефферсон эйрплейн» в Беркли, «Бэрдс» в Кливленде.

Сара легла на кушетку и до подбородка натянула плед. Джонни озабоченно смотрел на нее. Лицо Сары было белое, как бумага, лишь под глазами темные круги. Она выглядела действительной больной.

— Может, мне остаться на ночь, — сказал он. — Вдруг что-нибудь случится...

— Например, маленькая, с волосок, трещинка в шейном позвонке? — Она взглянула на него с печальной улыбкой.

— Ну... Мало ли что.

Зловещее урчание в животе решило дело. Она искренне собиралась закончить ночь в постели с Джоном Смитом. Правда, из этого ничего не вышло. Не хватало теперь еще прибегнуть к его помощи, когда ее станет тошнить и она побежит в туалет глотать «Пепто-Бисмол».

— Все будет в порядке, — сказала она. — Это испорченная сосиска, Джонни. Ты запросто мог съесть ее с таким же успехом. Позвони мне завтра, когда у тебя будет перерыв.

— Ты уверена?

— Да.

— Ладно, парнишка. — Решив больше не спорить, он поднял трубку и вызвал такси. Она закрыла глаза, убаюканная и успокоенная его голосом. Ей особенно нравилось в Джонни его способность делать всегда то, что нужно, что от него хотят, не думая о том, как он при этом выглядит. Прекрасная черта. Она слишком устала и чувствовала себя слишком паршиво, чтобы еще играть сейчас в светские игры.

— Готово, — сказал он, вешая трубку. — Они пришлют такси через пять минут.

— По крайней мере у тебя теперь есть чем заплатить, — сказала она, улыбаясь.

— Чаевых не пожалею, — отозвался он, подражая известному комику Филдсу.

Он подошел к кушетке, сел, взял ее за руку.

— Джонни, как ты это сделал?

— Ты о чем?

— Колесо. Как это тебе удалось?

— Какое-то озарение, вот и все, — сказал он без особой охоты.

— У каждого бывают озарения. На лошадиных бегах или при игре в очко, даже в железку.

— Нет, — сказала она.

— Что — нет?

— Не думаю, что у *каждого* бывают озарения. То было что-то сверхъестественное. Меня... это даже напугало немного.

— Правда?

— Да.

Джонни вздохнул.

— Время от времени у меня появляются какие-то предчувствия, вот и все. Сколько я себя помню, с самого раннего детства. Мне всегда удавалось находить потерянные вещи. Как этой маленькой Лизе Шуман в нашей школе. Ты ее знаешь?

— Маленькая грустная тихая Лиза? — Она улыбнулась. — Знаю. На моих уроках практической грамматики она витает в облаках.

— Она потеряла кольцо с монограммой школы, — сказал Джонни, — и пришла ко мне в слезах. Я спросил ее, смотрела ли она в уголках верхней полки своего шкафчика для одежды. Все-навсего догадка. Но оно оказалось там.

— И ты всегда мог это делать?

Он засмеялся и покачал головой.

— Едва ли. — Улыбка слегка угасла. — Но сегодня чувство было особенно сильным, Сара. Это колесо... — Он слегка сжал пальцы и разглядывал их насупившись. — Оно было вот здесь. И вырывало чертовски странные ассоциации.

— Какие?

— С резиной, — произнес он медленно. — Горящей резиной. И хоподом. И льдом. Черным льдом. Все это было где-то в глубинах моей памяти. Бог знает почему. И какое-то неприятное чувство. Как будто предостережение.

Она внимательно посмотрела на него, но ничего не сказала. Его лицо постепенно прояснилось.

— Но что бы это ни было, сейчас все прошло. Может, так, показалось.

— Во всяком случае, подвалило на пятьсот долларов, — сказала она. Джонни засмеялся и кивнул. Больше он не разговаривал, и она задремала, довольная, что он рядом. Когда она очнулась, по стене разлился свет фар, проникший в окно. Его такси.

— Я позвоню, — сказал он и нежно поцеловал Сару. — Ты точно не хочешь, чтобы я побыл здесь?

Внезапно ей этого захотелось, но она отрицательно покачала головой.

— Позвони, — сказала она.

— На третьей перемене, — пообещал он и направился к двери.

— Джонни?

Он повернулся.

— Джонни, я люблю тебя, — сказала она, и его лицо засветилось, словно вспыхнула электрическая лампочка.

Он послал воздушный поцелуй.

— Будешь чувствовать себя лучше, — сказал он, — тогда поговорим.

Она кивнула, но прошло четыре с половиной года, прежде чем она смогла поговорить с Джонни Смитом.

— Вы не возражаете, если я сяду впереди? — спросил Джонни таксиста.

— Нет. Только не заденьте коленями счетчик. Еще разобьете.

С некоторым усилием Джонни просунул ноги под счетчик и захопнул дверь Таксист, бритоголовый мужчина средних лет, с брюшком, опустил флажок, и машина двинулась по Флэгг-стрит.

— Куда?

— Кливс Милс, — сказал Джонни. — Главная улица. Я покажу.

— Придется взять с вас в полтора раза больше, — сказал таксист. — Мне ведь, сами понимаете, пустым оттуда возвращаться.

Рука Джонни машинально накрыла пачку купюр в брочном кармане. Он пытался вспомнить, держал ли когда-нибудь при себе столько денег сразу. Только однажды. Когда купил подержанный «шевроле» за тысячу двести долларов. По наитию он попросил в банке выдать ему наличными — хотелось своими глазами увидеть такую кучу денег. Оказалось, ничего особенного. Зато какое было лицо у торговца машинами, когда Джонни вызвали ему в руку двенадцать стодолларовых бумажек! На это стоило посмотреть. Правда, сегодня пачка денег в кармане его нисколько не радовала, скорее наоборот, вызвала какое-то беспокойство, и ему вспоминалось выражение матери: *шалые деньги приносят несчастье*.

— Хорошо, пусть будет в полтора раза больше, — сказал он таксисту.

— Ну вот и договорились. — Таксист стал более разговорчивым. — Я так быстро приехал, потому что у меня был вызов на Риверсайд, а там никого не оказалось.

— Правда? — равнодушно спросил Джонни. Мимо проносились темные дома. Он выиграл пятьсот долларов, ничего подобного с ним еще не случалось. Его не оставлял призрачный запах горячей резины... словно он вновь переживает что-то, случившееся с ним в раннем детстве... ощущение грядущего несчастья отравляло радость удачи.

— Да, эти пьянчуги сначала звонят, а потом передумывают, — сказал таксист. — Ненавижу поганных пьянчуг. Позвонят, а потом решают — какого черта, глотну-ка еще пивка. А то пропьют все деньги, пока ждут машину, а начнешь кричать: «Кто вызывал такси?» — молчат.

— Да, — сказал Джонни. Слева текла река Пенобскот, темная и маслянистая. А тут еще заболевшая Сара и это признание в любви. Возможно, оно было проявлением слабости, но, бог мой, а вдруг это правда! Он влюбился в нее прямо с первого свидания.

Вот что было настоящей удачей, а не выигрыш на колесе. Однако мысленно он возвращался именно к колесу, оно вызвало тревогу. В темноте он все еще видел, как оно вращается, слышал, словно в дурном сне, замедляющееся пощелкивание указателя, который задевал за шпильку. Шальные деньги приносят несчастье.

Таксист повернул на автостраду № 6, теперь он увлеченно беседовал с самим собой

— Вот я и говорю: «Чтоб я этого больше не слышал». Больно умный стал. Такого дерьма я ни от кого не потерплю, даже от собственного сына. Я вожу такси двадцать шесть лет. Меня грабили шесть раз. А сколько раз я «целовался», не сосчитать, хотя ни разу в крупную аварию не попал, спасибо деде Марии, святому Христову и отцу вседержителю, правильно? И каждую неделю, какой бы неудачной она ни была, я откладывал пять долларов ему на колледж. Еще когда он был молокососом. И чего ради? Чтобы в один прекрасный день он пришел домой и заявил, что президент Соединенных Штатов свинья. Вот паразит! Парень небось думает, что я ссвинья, хотя знает: скажи он такое, я мигом пересчитаю ему зубы. Вот вам и нынешняя молодежь. Я и говорю: «Чтоб я этого больше не слышал».

— Да, — сказал Джонни. Теперь мимо пробегали перелески. Слева было Карсоново болото. Они находились примерно в семи милях от Кливс Милс. Счетчик накинул еще десять центов.

Одна тонкая монетка, одна десятая доллара, эй-эй-эй.

— Можно спросить, чем промышляете?

— Работаю учителем в Кливсе.

— Да? Значит, вы понимаете, о чем я говорю. И все-таки, что за чертовщина происходит с этими детьми?

Просто они съели тухлую сосиску под названием Вьетнам и отравились. Ее продал им парень по имени Линдон Джонсон. Тогда они, знаете, пришли к другому парню и говорят: «Ради всего святого, мистер, нам чертовски скверно». А этот другой парень, Никсон, и отвечает: «Я знаю, как вам помочь. Съешьте еще несколько сосисок». Вот что произошло с американской молодежью.

— Не знаю, — ответил Джонни.

— Вся жизнь строишь планы, делаешь как лучше, — сказал таксист, и в голосе его на сей раз ощущалось какое-то замешательство, оно продлится не очень долго, ибо ему осталось жить какую-нибудь минуту. А Джонни, не зная этого, испытывал к нему жалость, сочувствовал его непонятливости.

Обними меня, милый, покрепче... ну давай, не валяй дурака.

— И всегда ведь хочешь самого хорошего, а парень приходит домой с волосами до задницы и заявляет, что президент Соединенных Штатов — свинья! Свинья! Ну не дрянь, я...

— *Берегись!* — закричал Джонни.

Таксист повернулся к нему лицом — это было пухлое лицо члена Американского легиона, серьезное, сердитое и несчастное в

отблесках приборной доски и внезапном свете приближающихся фар. Он быстро глянул вперед, но было уже поздно.

— *И-и-и-исусе..*

Впереди были две машины по обе стороны белой разделительной линии. «Мустанг», и «додж чарджер» перевалили через гребень холма. Джонни даже слышал завывание форсируемых двигателей. «Чарджер» надвигался прямо на них. Он даже не пытался свернуть, и таксист застыл за рулем.

— *И-и-и-и-и-и...*

Джонни едва заметил, что слева промелькнул «мустаг». И тут же такси и «чарджер» столкнулись лоб в лоб, и Джонни почувствовал, как его поднимает вверх и отбрасывает в сторону. Боли не было, хотя он смутно сознавал, что зацепил ногами счетчик, да так, что сорвал его с кронштейна.

Звон бьющегося стекла. Громадный огненный язык полыхнул в ночи. Джонни пробил головой ветровое стекло. Все начало проваливаться в какую-то дыру. Он ощущал только боль, смутную, приглушенную в плечах и руках, а тело его устремилось вслед за головой сквозь дыру с стекле. Он летел. Летел в октябрьскую тьму.

Промелькнула мысль: *Умираю! Неужели конец?*

Внутренний голос ответил: *Да, вероятно.*

Он летел. Все смешалось. Октябрьские звезды, разбросанные в ночи. Грохот взрывающегося бензина. Оранжевый свет. Затем темнота.

Его полет закончился глухим ударом и всплеском. Он почувствовал влажный холод, когда очутился в Карсоновом болоте, в двадцати пяти футах от того места, где «чарджер» и такси, сцепившись воедино, выплеснули в небо столб огня.

Темнота.

Сознание угасало.

И наконец, осталось лишь гигантское красно-черное колесо, вращающееся в пустоте, в которой, возможно, плавают звезды: попытайте свое счастье, не повезет сейчас — повезет потом, эй-эй-эй. Колесо вращалось красно-черное, вверх-вниз, указатель щелкал по шпилькам, а он все пытался разглядеть, остановится ли стрелка на двойном zero — цифре, приносящей выигрыш хозяину, одному лишь хозяину. Он пытался разглядеть, но колесо уже исчезло. Остались лишь мрак и эта всеобъемлющая пустота... Забвение.

Джонни Смит оставался в нем долго, очень долго.

Миновал 1971 год. Отшумели некритянские волнения на побережье Нью-Гэмпшира, и с ростом банковских счетов смолк ропот местных предпринимателей. До смешного рано выдвинул свою кандидатуру в президенты никому не известный тип по имени Джордж Макговерн. Любой мало-мальски разбирающийся в политике понимал, что кандидатом от демократии в 1972 году станет Эдмунд Маски, и кое-кто даже считал, что ему ничего не стоит

сбить с ног тролля из Сан-Клементе* и положить его на обе лопатки.

В начале июня, перед самым роспуском школьников на летние каникулы, Сара в очередной раз встретила знакомого студента-юриста. В хозяйственном магазине Дэя она покупала тостер, а он искал подарок к годовщине свадьбы родителей. Он спросил, не пойдет ли она с ним в кино: в городе показывали новый фильм с Клинтом Иствудом «Грязный Гарри». Сара согласилась. И оба остались довольны. Уолтер Хэзлит отрастил бороду и уже не казался ей очень похожим на Джонни. По правде говоря, она уже почти забыла, каким был Джонни. Сара ясно видела его лицо лишь во сне: он стоял у «Колеса удачи», хладнокровно наблюдая за вращением, будто оно слепо повиновалось ему, при этом глаза у него, казалось, приобрели необычный и немного пугающий темно-фиолетовый цвет.

Они с Уолтом стали часто встречаться. С ним было легко. Он ни на чем не настаивал, а если такое и случалось, то его требования возрастали столь постепенно, что это было почти незаметно. В октябре он предложил купить ей кольцо с бриллиантом. Сара попросила два выходных на размышление. В субботу она поехала в «Ист-Мэн медикэл центр», получила в регистратуре специальный пропуск с красной каймой и прошла в отделение интенсивной терапии. Она сидела у кровати Джонни около часа. Осенний ветер завывал в темноте за окном, предвещая холод, снег и пору чужих. Прошел почти год — без шестнадцати дней — со времени ярмарки, колеса и лобового столкновения у болота.

Она сидела, слушала завывание ветра и смотрела на Джонни. Повязки были сняты. На его лбу в полутора дюймах над правой бровью начинался шрам, зигзагом уходивший под волосы. В этом месте их тронула проседь, как у Коттона Хоуса, детектива восьмидесяти седьмого полицейского участка*. Сара не обнаружила в Джонни никаких перемен, если не считать, что он сильно похудел. Перед ней крепко спал молодой человек, почти чужой.

Она наклонилась и слегка коснулась его губ, словно надеясь переиначить старую сказку, и вот сейчас ее поцелуй разбудит Джонни. Но он не просыпался.

Сара ушла, вернулась в свою квартиру в Визи, легла на кровать и заплакала, а за окном по темному миру бродил ветер, швыряя перед собой охапки желто-красных листьев. В понедельник она сказала Уолту, что, если он и вправду хочет купить ей колечко с бриллиантом — самым что ни на есть маленьким, — она будет счастлива и с гордостью его наденет.

Таким был 1971 год Сары Брэкнелл.

В начале 1972 Эдмунд Маски расплакался во время страстной речи перед резиденцией человека, которого Санны Эллиман назы-

* Имеется в виду Ричард Никсон.

* Герой многочисленных романов Эда Макбейна (псевдоним Ивена Хантера).

вал не иначе как «этот лысый холуй». Джордж Макговерн спутал все карты на предварительных выборах, и Лойб в своей газете радостно объявил, что жители Нью-Гэмпшира не любят плакс. В июле Макговерн был избран кандидатом в президенты. В том же месяце Сара Брэкнелл стала Сарой Хэзлит. Они с Уолтом обвенчались в первой методистской церкви в Бангоре.

Менее чем в двух милях оттуда продолжал спать Джонни. Когда Уолт поцеловал Сару на глазах у всех родных и друзей, собравшихся на обряд бракосочетания, она вдруг с ужасом вспомнила о нем — Джонни, подумала она и увидела его таким, каким он был, когда зажегся свет, — наполовину Джекиль, наполовину злобный Хайд. На мгновение она застыла в руках Уолта, а затем все прошло. Было ли это воспоминание или видение — оно улетучилось.

После долгих размышлений и разговоров с Уолтом она пригласила родителей Джонни на свадьбу. Приехал один Герберт. На банкете она спросила, хорошо ли себя чувствует Вера.

Он оглянулся, увидел, что на какое-то время они остались одни, и допил остатки виски с содовой. За последние полтора года он постарел лет на пять, подумала Сара. Волосы поредели. Морщины стали глубже. Очки он носил осторожно и застенчиво, как всякий, для кого они в новинку, из-за слабых оптических стекол настороженно смотрели страдающие глаза.

— Нет... не совсем, Сара. По правде говоря, она в Вермонте. На ферме. Ждет конца света.

— Чего?

Герберт рассказал ей, что полгода назад Вера начала переписываться с группой, состоящей примерно из десяти человек, — они называют себя Американским обществом последних дней. Заправляют там мистер и миссис Стонкерс из Расина, штат Висконсин. Стонкерсы утверждают, что, когда они отдыхали, их захватила летающая тарелка. Стонкерсов доставили на небеса, но не на созвездие Орион, а на похожую на Землю планету, которая вращается вокруг Арктура. Там они попали в общество ангелов и лицемерли рай. Стонкерсам сообщили, что последние дни уже наступают. Их сделали телепатами и вернули на Землю, чтобы они собрали немногих верующих — для первого, так сказать, челночного рейса на небо. И вот съехались десять человек, они купили ферму к северу от Сент-Джонсбери и сидят там уже около семи недель в ожидании тарелки, которая прилетит и заберет их.

— Но это похоже... — начала Сара и тут же закрыла рот.

— Я знаю, на что это похоже, — сказал Герберт. — Похоже на сумасшествие. Местечко стоило им девять тысяч долларов. А там и нет-то ничего, кроме развалившегося фермерского дома да двух акров никудышной земли. Вклад Веры составил семьсот долларов — это все, что она могла собрать. Остановить ее не было никакой возможности... Разве только посадить под замок. — Он по-

молчал, затем улыбнулся. — Не стоит об этом говорить на вашей свадьбе, Сара. У вас должно быть все отлично. Я знаю, что так будет.

Сара постаралась тоже улыбнуться:

— Спасибо, Герберт. А вы... Вы думаете, что она...

— Вернется? О да. Если к зиме не наступит конец света, я думаю, вернется.

— Ну, желаю вам самого наилучшего, — сказала Сара и обняла его.

На ферме в Вермонте не было отопления, и в конце октября, когда тарелка так и не прилетела, Вера вернулась домой. Тарелка не прибыла, сказала она, потому что они еще не готовы к встрече с ней — они еще не отринули всего несущественного и грешного в своей жизни. Но она была в приподнятом настроении и воодушевлена. Во сне она получила знак. Ей, возможно, и не придется улететь в рай на летающей тарелке. Но у Веры все больше крепло убеждение: ее призвание состоит в том, чтобы руководить сыном, направлять его на путь истинный, когда он очнется от забвения.

Герберт встретил ее, приласкал — и жизнь продолжалась. Джонни находился в коматозном состоянии уже два года.

Это был сон, мелькнула у него догадка.

Он находился в темноте, угрюмом месте — в каком-то проходе. Потолок — такой высокий, что его не было видно, — терялся где-то во мраке. Стены были из темной хромированной стали. Они расширялись кверху. Он был один, но до него, как будто издалека, доносился голос. Он знал этот голос, слышал эти слова... где-то, когда-то. Голос испугал его. Он стонал и обрывался, эхо билось о хромированные стальные стены, подобно оказавшейся в ловушке птице, которую он видел в детстве. Птица залетела в сарай с отцовскими инструментами и не знала, как оттуда выбраться. В панике она металась, отчаянно и тревожно пища, билась о стены до тех пор, пока не погибла. В голосе слышались та же обреченность, что и в птичьем писке. Ему не суждено было выбраться отсюда.

— Всю жизнь строишь планы, делаешь как лучше, — стонал призрачный голос. — И всегда ведь хочешь самого хорошего, а парень приходит домой с волосами до задницы и заявляет, что президент Соединенных Штатов — свинья! Свинья! Ну не дрянь, я...

Берегись, хотел сказать Джонни. Ему хотелось предостеречь голос, но Джонни был нем. Берегись чего? Он не знал. Он даже не знал с уверенностью, кто он, хотя смутно помнил, что когда-то был то ли преподавателем, то ли проповедником.

И-и-и-сусе! — вскрикнул далекий голос. Голос потерянный, обреченный, тонущий. — *И-и-и-и-и-и...*

Потом тишина. Вдали затихает эхо. Когда-нибудь голос снова заговорит.

И вот это «когда-нибудь» наступило — он не знал, сколько пришлось ждать, ибо время здесь не имело значения или смысла,

— и он начал ощупью выбираться из прохода, откликаясь на зов (возможно, только мысленно), в надежде — как знать, — что он вместе с обладателем голоса найдет выход, а может, просто желая утешить и получить такое же утешение в ответ.

Но голос удалялся и удалялся, становился все глуше и слабее, пока не превратился в отзвук эха. И совсем исчез. Теперь он остался один, двигаясь по мрачному и пустынному залу теней. Ему уже чудилось, что это не видение, не мираж и не сон, но все равно нечто необычное. Наверное, он попал в чистилище, в этот таинственный переход между миром живых и обителью мертвых. Но куда он шел?

К нему стали возвращаться образы. Тревожные образы. Они следовали вместе с ним, подобно духам, оказывались то сбоку, то впереди, то сзади, потом окружали его странным хороводом — оплетали тройным кольцом, касались его век колдовскими перстами... но было ли все на самом деле? Он почти что видел их. Слышал приглушенные голоса чистилища. Там оказалось и колесо, беспрерывно вращавшееся в ночи. «Колесо удачи», красное и черное, жизнь и смерть, замедляющее свой ход. На что же он поставил? Он не мог вспомнить, а надо бы: ведь от этого зависело само его существование. Туда или оттуда? Пан или пропал? Его девушке нехорошо. Ее нужно увезти домой.

Спустя какое-то время проход стал светлеть. Поначалу он подумал, что это игра его воображения, своего рода сон во сне, если такое возможно, однако прошло еще сколько-то времени, и просвет стал чересчур очевидным, чтобы его можно было приписать воображению. Все пережитое им в проходе стало меньше походить на сон. Стены раздвинулись, и он едва мог видеть их, а тусклая темного сменилась мягкой туманно-серой мутью, цветом сумерек в теплый и облачный мартовский день. И стало казаться, что он уже совсем не в проходе, а в комнате — почти в комнате, ибо пока отделен от нее тончайшей пленкой, чем-то вроде плаценты, он походил на ребенка, ожидавшего рождения. Теперь он слышал другие голоса: не эхообразные, а монотонные и глухие, будто голоса безымянных богов, говорящих на неведомых языках. Понемногу голоса становились отчетливее, он уже почти понимал их разговор.

Время от времени Джонни открывал глаза (или ему казалось, что открывал), и наконец он увидел обладателей этих городов — яркие, светящиеся призрачные пятна, не имевшие поначалу лиц, иногда они двигались по комнате, иногда склонялись над ним. Он не подумал, что можно заговорить с ними, во всяком случае вначале. Он предположил, что это, может быть, какие-то существа иного мира, а светлые пятна — ангелы.

Со временем и лица, подобно голосам, становились все отчетливее. Однажды он увидел мать, она наклонилась над ним и, попав в поле его зрения, медленно и грозно произнесла что-то бессмысленное. В другой раз появился отец. Дейв Пелсен из школы.

Медицинская сестра, которую он узнал, кажется, ее звали Мэри или, быть может, Мари. Лица, голоса — все приближалось, сливалось в нечто единое.

И пришло что-то еще: ощущение того, что он изменился. Это ощущение не нравилось Джонни. Он не доверял ему. Джонни считал, что любое изменение ни к чему хорошему не приводит. Оно предвещает, думает он, лишь печаль и плохие времена. Джонни вступил в темноту, обладая всем, теперь же он чувствовал, что выходит из нее, не имея абсолютно ничего, разве только в нем появлялось что-то странное, незнакомое.

Сон кончался. Что бы это ни было, оно кончалось. Комната была теперь вполне реальна, почти осязаема. Голоса, лица...

Он собирался войти в комнату. И вдруг ему показалось, что он хочет только одного — повернуться и бежать, скрыться в этом темном проходе навсегда. Ничего хорошего его там не ожидало, но все же лучше уйти навечно, чем проникнуть в комнату и испытывать это новое ощущение печали и грядущей утраты.

Он обернулся и посмотрел назад — да, так и есть: в том месте, где стены комнаты становились цвета темного храма, позади стула, незаметно для входящих и выходящих светлых фигур, комната превращалась в проход, уводивший, как он подозревал, в вечность. Там исчез тот, другой голос, голос....

...Таксиста.

Да. Теперь он все вспомнил. Поездку на такси, водителя, поносившего сына за длинные волосы, за то, что тот считал Никсона свиньей. Затем свет четырех фар, двигавшихся по склону, — две пары фар по обе стороны белой линии. Столкновение. Никакой боли, лишь мысль о том, что ноги задела счетчик, да так сильно, что он сорвался с кронштейна. Затем холодная сырость, темный проход, а теперь это странное ощущение.

Выбирай, шептал внутренний голос. *Выбирай, не то они выберут за тебя, они вырвут тебя из этого непонятного места, как врачи вынимают ребенка из утробы матери посредством кесарева сечения.*

А затем к нему приблизилось лицо Сары — она находилась где-то рядом, однако ее лицо было не таким ярким, как другие склоненные над ним лица. Она должна была быть где-то здесь, встревоженная и испуганная. Теперь она почти принадлежала ему. Он это чувствовал. Он собирался предложить выйти за него замуж.

Вернулось чувство беспокойства, более сильное, чем когда-либо, и теперь оно было связано с Сарой. Но еще сильнее было желание обладать ею, и Джонни принял решение. Он повернулся спиной к темноте, а когда позже оглянулся, темнота исчезла; рядом со стулом — ничего, кроме гладкой белой стены комнаты, в которой он лежал. Вскоре он начал понимать, где находится, — конечно же, в больничной палате. Темный проход почти не остал-

ся в памяти, хотя и не забылся окончательно. Но более важным, более насущным было другое: он — Джон Смит, у него есть девушка по имени Сара Брэкнелл, и он попал в страшную автомобильную катастрофу. Наверное, ему повезло, раз он жив, и хорошо бы еще не остаться калекой. Возможно, его привезли в городскую больницу Кливс Милс, но, скорее всего, это «Ист-Мэн медикэл центр». Он чувствовал, что пролежал здесь долго — может, он находился без сознания целую неделю или дней десять. Пора возвращаться к жизни.

Пора возвращаться к жизни. Именно об этом думал Джонни, когда все стало на свои места и он открыл глаза.

Было 17 мая 1975 года. Его соседа по палате, мистера Старрета, давно уже выписали с наказом совершать прогулку в две мили ежедневно и следить за едой, чтоб уменьшить содержание холестерина. В другом конце палаты лежал старик, проводивший изнурительный пятнадцатый раунд схватки с чемпионом в тяжелом весе — раковой опухолью. Он спал, усыпленный морфием. Больше в палате никого не было. 3.15 пополудни. Экран телевизора светился зеленоватым светом.

— Вот и я, — просипел Джонни, ни к кому не обращаясь. Его поразила слабость собственного голоса. В палате не было календаря, и он не мог знать, что отсутствовал четыре с половиной года.

Минут через сорок вошла сестра. Приблизилась к старику, сменила капельницу, заглянула в туалет и вышла оттуда с голубым пластмассовым кувшином. Полила цветы старика. Возле его кровати было с полдюжины букетов и много открыток с пожеланиями выздоровления, стоявших для обозрения на столике и на подоконнике. Джонни наблюдал, как она ухаживала за стариком, но не испытывал никакого желания еще раз заговорить.

Сестра отнесла кувшин на место и подошла к койке Джонни. *Собирается перевернуть подушки*, подумал он. На какое-то мгновение их взгляды встретились, но в ее глазах ничто не дрогнуло. *Она не знает, что я проснулся. Глаза у меня были открыты и раньше. Для нее это ничего не значит.*

Она положила руку ему под шею. Рука была прохладная и успокаивающая, и в этот миг Джонни узнал, что у нее трое детей и что у младшего почти ослеп один глаз год назад, в День независимости. Несчастный случай во время фейерверка. Мальчика зовут Марк.

Она приподняла ему голову, перевернула подушку и уложила его вновь. Сестра уже стала отворачиваться, одернув нейлоновый халат, но затем, озадаченная, оглянулась. Очевидно, до нее дошло, что в глазах больного появилось нечто новое. Что-то такое, чего раньше не было.

Она задумчиво посмотрела на Джонни, уж было отвернулась, когда он сказал:

— Привет, Мари.

Она застыла, внезапно зубы ее резко кляцнули. Она прижала руку к груди, чуть ниже горла. Там висело маленькое золотое распятие.

— О боже, — сказала она. — Вы не спите. То-то я подумала, что вы сегодня иначе выглядите. А как вы узнали мое имя?

— Должно быть, слышал его. — Говорить было тяжело, ужасно тяжело. Пересохший язык едва ворочался.

Она кивнула

— Вы уже давно приходите в себя. Я, пожалуй, спущусь в дежурку и позову доктора Брауна или доктора Вейзака. Они обрадуются, что вы проснулись... — На какое-то мгновение сестра задержалась, глядя на него с таким откровенным любопытством, что ему стало не по себе.

— Что, у меня третий глаз вырос? — спросил он.

Она нервно хихикнула:

— Нет... конечно, нет. Извините.

Его взгляд остановился на ближайшем подоконнике и придвинутом к нему столике. На подоконнике — большая фиалка и изображение Иисуса Христа, подобного рода картинки с Христом любила его мать, на них Христос выглядел так, будто готов сражаться за команду «Нью-йоркские янки» или участвовать в каком-нибудь легкоатлетическом соревновании. Но картинка была... пожелтевшей. *Пожелтевшая, и уголки загибаются.* Внезапно им овладел удушающий страх. будто на него накинули одеяло.

— Сестра! — позвал он. — Сестра!

Она обернулась уже в дверях.

— А где мои открытки с пожеланиями выздоровления? — Ему вдруг стало трудно дышать. — У соседа вон есть... неужели никто не присылал мне открыток?

Она улыбнулась, но улыбка была деланной. Как у человека, который что-то скрывает. Джонни вдруг захотелось, чтобы она подошла к койке. Тогда он протянет руку и дотронется до нее. А если дотронется, то узнает все, что она скрывает.

— Я позову доктора, — проговорила сестра и вышла, прежде чем он успел что-то сказать. Он испуганно и растерянно взглянул на фиалку, на выцветшую картинку с Иисусом. И вскоре снова погрузился в сон.

— Он не спал, — сказала Мари Мишо. — И говорил связно.

— Хорошо, — ответил доктор Браун. — Я вам верю. Если раз проснулся, проснется опять. Скорее всего. Зависит от...

Джонни застонал. Открыл глаза. Незрячие, наполовину зактившиеся. Но вот он, вроде бы, увидел Мари, и затем его взгляд сосредоточился. Он слегка улыбнулся. Но лицо оставалось угасшим, будто проснулись лишь глаза, а все остальное в нем спало. Ей вдруг показалось, что он смотрит не на нее, а в нее.

— Думаю, с ним все будет в порядке, — сказал Джонни. — Как только они очистят поврежденную роговицу, глаз станет как новый. Должен стать.

Мари от неожиданности открыла рот, Браун посмотрел на нее вопросительно:

— О чем он?

— Он говорит о моем сыне, — прошептала она. — О Марке.

— Нет, — сказал Браун. — Он разговаривает во сне, вот и все. Не делайте из мухи слона, сестра.

— Да. Хорошо. Но ведь он сейчас не спит, правда?

— Мари! — позвал Джонни. Он попробовал улыбнуться. — Я, кажется, вздремнул?

— Да, — сказал Браун. — Вы разговаривали во сне. Заставили Мари побегать. Вы что-нибудь видели во сне?

— Н-нет... что-то не помню. Что я говорил? Кто вы?

— Меня зовут доктор Джеймс Браун. Как негритянского певца. Только я невропатолог. Вы сказали: «Думаю, с ним будет все в порядке, как только они очистят поврежденную роговую оболочку». Кажется, так, сестра?

— Моему сыну собираются делать такую операцию, — сказала Мари. — Моему мальчику, Марку.

— Я ничего не помню, — сказал Джонни. — Должно быть, я спал. — Он посмотрел на Брауна. Глаза его стали ясные и испуганные. — Я не могу поднять руки. Я парализован?

— Нет. Попробуйте пошевелить пальцами.

Джонни попробовал. Пальцы двигались. Он улыбнулся.

— Прекрасно, — сказал Браун. — Скажите ваше имя?

— Джонни Смит.

— А ваше второе имя?

— У меня его нет.

— Вот и чудесно, да и кому оно нужно? Сестра, спуститесь в дежурную и узнайте, кто завтра работает в отделении неврологии. Я бы хотел провести ряд обследований мистера Смита.

— Хорошо, доктор.

— И позвоните-ка Сэму Вейзаку. Он дома или играет в гольф.

— Хорошо, доктор.

— И, пожалуйста, никаких репортеров... Бога ради! — Браун улыбался, но голос его звучал серьезно.

— Нет, конечно, нет. — Она ушла, слегка поскрипывая белыми туфельками. С ее мальчиком будет все в порядке, подумал Джонни. Нужно обязательно ей сказать.

— Доктор Браун, — сказал он, — где мои открытки с пожеланиями выздоровления? Неужели никто не присылал?

— Еще несколько вопросов, — сказал мягко доктор Браун. — Вы помните имя матери?

— Конечно, помню. Вера.

— А ее девичья фамилия?

— Нейсон.

— Имя вашего отца?

— Герберт. А почему вы сказали ей насчет репортеров?

— Ваш почтовый адрес?

— РФД 1, Паунал, — быстро сказал Джонни и остановился. По его лицу скользнула улыбка, растерянная и какая-то смешная, — то есть... сейчас я, конечно, живу в Кливс Милс, Норт, Главная улица, 110. Какого черта я назвал вам адрес родителей? Я не живу там с восемнадцати лет.

— А сколько вам сейчас?

— Посмотрите в моих правах, — сказал Джонни. — Я хочу знать, почему у меня нет открыток. И вообще, сколько я пробыл в больнице? И какая это больница?

— Это «Ист-Мэн медикэл центр». Что касается ваших вопросов, то дайте мне только...

Браун сидел возле постели на стуле, который он взял в углу — в том самом углу, где Джонни видел однажды уходящий вдаль проход. Врач делал пометки в тетради ручкой, какой Джонни никогда и не видел. Толстый пластмассовый корпус голубого цвета и волокнистый наконечник. И была похожа на нечто среднее между автоматической и шариковой ручкой.

При взгляде на нее к Джонни вернулось смутное ощущение ужаса, и он бессознательно схватил вдруг рукой левую ладонь доктора Брауна. Рука Джонни повиновалась с трудом, будто к ней были привязны шестидесятифунтовые гири — ниже и выше локтя слабыми пальцами он обхватил ладонь доктора и потянул к себе. Странная ручка прочертила толстую голубую линию через весь лист.

Браун взглянул на него с любопытством. Затем лицо его побледнело. Из глаз исчез жгучий интерес, теперь их затуманил страх. Он отдернул руку — у Джонни не было сил удержать ее, — и по его лицу пробежала тень отвращения, как если бы он прикоснулся к прокаженному.

Затем это чувство прошло, остались лишь удивление и замешательство

— Зачем вы так сделали, мистер Смит?...

Голос его дрогнул. Застывшее лицо Джонни выражало понимание. На доктора смотрели глаза человека, который увидел за неясно мелькающими тенями что-то страшное, настолько страшное, что невозможно ни описать, ни назвать.

Но оно было. И нуждалось в определении.

— *Пятьдесят пять месяцев?* — хрипло спросил Джонни — *Чуть не пять лет?* О господи. Это невозможно.

— Мистер Смит, — в полном смятении сказал Браун. — Пожалуйста, вам нельзя волноваться...

Джонни немного приподнялся и рухнул без сил, лицо его блестело от пота. Взгляд беспомощно блуждал.

— Мне двадцать семь? — бормотал он. — Двадцать семь? О господи.

Браун шумно проглотил слюну. Когда Смит схватил его за руку, ему стало не по себе — ощущение было сильное, как когда-то в детстве, на память пришла отвратительная сцена. Брауну вспомнился пикник за городом: ему было лет семь или восемь, он присел и сунул руку во что-то теплое и скользкое. Присмотревшись, он увидел, что это червивые останки сурка, который пролежал под лавровым кустом весь жаркий август. Он закричал тогда и готов был закричать сейчас, однако это воспоминание исчезло, улетучилось, а на смену ему пришел вопрос: *Откуда он узнал? Он прикоснулся ко мне и сразу же узнал.*

Но двадцать лет научной работы дали себя знать, и Браун выкинул эту чепуху из головы. Известно немало случаев с коматозными больными, которые, проснувшись, знают многое из того, что происходило вокруг них, пока они спали. Как и многое другое, при коме это зависит от степени заболевания. Джонни Смит никогда не был «пропащим» пациентом, его электроэнцефалограмма никогда не показывала безнадежную прямую, в противном случае Браун не разговаривал бы с ним сейчас. Иногда вид коматозных больных обманчив. Со стороны кажется, что они полностью отключились, однако их органы чувств продолжают функционировать, только в более слабом, замедленном режиме. И конечно же, здесь был именно такой случай.

Вернулась Мари Мишо.

— С неврологией я договорилась, доктор Вейзак уже едет.

— Мне кажется, Сэму придется отложить встречу с мистером Смитом до завтра, — сказал Браун. — Я хотел бы дать ему пять миллиграммов валиума.

— Мне не нужно успокоительное, — сказал Джонни. — Я хочу выбраться отсюда. Я хочу знать, что случилось!

— Всеу свое время, — сказал Браун. — А сейчас важно, чтобы вы отдохнули.

— Я уже отдыхаю четыре с половиной года!

— Значит, еще двенадцать часов не имеют особого значения, — безапелляционно заявил Браун.

Через несколько секунд сестра протерла ему предплечье спиртом и сделала укол. Джонни почти сразу стал засыпать. Браун и сестра выросли до пятиметровой высоты.

— Скажите мне по крайней мере одно, — сказал Джонни. Его голос, казалось, доносился из далекого далека. Внезапно он подумал, что это ему просто необходимо знать. — Ваша ручка. Как она называется?

— Эта? — Браун опустил ее вниз с головокружительной высоты. Голубой пластмассовый корпус, волокнистый кончик. — Она называется фломастер. А теперь спите, мистер Смит.

Что Джонни и сделал; однако это слово преследовало его во сне, подобно какому-то таинственному заклинанию, исполненному дурацкого смысла: *фломастер... фломастер .. фломастер...*

Герберт положил телефонную трубку и долго не отрывал от нее глаз. В соседней комнате гремел телевизор, включенный почти на полную мощность. Орэл Робертс говорил о футболе и исцеляющей любви Иисуса — между футболом и Господом была, наверное, какая-то связь, но Герберт ее не уловил. Из-за телефонного звонка. Голос Орэла гулко гремел. Передача вот-вот закончится, и Орэл напоследок заверит зрителей, что с ними должно случиться что-то хорошее. Очевидно, Орэл прав.

Мой мальчик, думал Герберт. Если Вера молила о чуде, Герберт молился о том, чтобы сын умер. Но услышана была молитва Веры. Что это значит и как быть теперь? И как новость повлияет на нее?

Он вошел в гостиную. Вера сидела на кушетке. Ее ноги в мягких розовых шлепанцах покоились на подушечке. На Вере был старый серый халат. Она ела кукурузный початок. Со времени происшествия с Джонни она пополнила почти на сорок фунтов, и давление у нее сильно подскочило. Врач прописывал ей лекарства, но Вера не хотела их принимать, — если Господь посылает высокое давление, говорила она, пусть так оно и будет. Герберт однажды заметил, что Господь не мешает ей принимать бафферин, когда болит голова. Она ответила своей сладчайшей страдальческой улыбкой, использовав свое самое сильное оружие — молчание.

— Кто звонил? — спросила она, не отрываясь от телевизора. Орэл обнимал известного полузащитника футбольной команды. Он говорил с притихшей миллионной аудиторией. Полузащитник застенчиво улыбался.

— ... и все вы слышали сегодня рассказ этого прекрасного спортсмена о том, как он попирает свое тело, свой божий храм. И вы слышали...

Герберт выключил телевизор.

— *Герберт Смит!* — Она выпрямилась и чуть не выплюнула всю кукурузу. — Я смотрю! Это же...

— Джонни очнулся.

— ... Орэл Робертс и...

Слова застряли у нее в горле. Она съежилась, будто над ней занесли руку для удара. Герберт отвернулся, не в силах больше вымолвить ни слова, он хотел бы радоваться, но боялся. Очень боялся.

— Джонни... — Она остановилась, сглотнула и начала снова: — Джонни... наш Джонни?

— Да. Он разговаривал с доктором Брауном почти пятнадцать минут. Это явно не то, о чем они сначала думали... не ложное пробуждение... Он говорит вполне связано. Может двигаться.

— *Джонни очнулся?*

Она поднесла руки ко рту. Наполовину объединенный кукурузный початок медленно выскользнул из пальцев и шлепнулся на ковер, зерна разлетелись в разные стороны. Она закрыла руками нижнюю половину лица. Глаза расширялись все больше и больше, и наступил жуткий миг, когда Герберт испугался, что они сейчас выскочат из орбит и повиснут как на ниточках. Потом они закрылись. Вера что-то промякала зажатым ладонями ртом.

— Вера? Что с тобой?

— О Боже, благодарю Тебя, да исполнится воля Твоя! Мой Джонни! Ты вернул мне сына, я знала, Ты не останешься глух к моим мольбам... Мой Джонни, о Боже милостливый, я буду благодарить Тебя все дни моей жизни за Джонни... Джонни... ДЖОННИИ.

Ее голос превратился в истерический, торжествующий крик. Герберт подошел, схватил жену за отвороты халата и встряхнул. Время вдруг словно пошло вспять, вывернувшись, подобно какой-то странной ткани, наизнанку, они как бы вновь переживали тот вечер, когда им сообщили об автомобильной катастрофе — по тому же телефону, в том же месте.

В том же месте с нами вместе, пронеслось у Герберта в голове нечто несуслазное.

— О Боже милосердный, мой Иисус, о мой Джонни... чудо, я же говорила: чудо...

— *Вера, прекрати!*

Взгляд ее потемнел, затуманился, стал диковатым.

— Ты недоволен, что он очнулся? После всех этих многолетних насмешек надо мной? После всех этих рассказов, что я сумасшедшая?

— Вера, я никому не говорил, что ты сумасшедшая.

— *Ты говорил им глазами!* — прокричала она. — Но мой Бог не был посрамлен. Разве был, Герберт? *Разве был?*

— Нет, — сказал он, — Пожалуй, нет.

— Я говорила тебе. Я говорила тебе, что Господь предначертал путь моему Джонни. Теперь ты видишь, как воля Божья начинает свершаться. — Она поднялась. — Я должна поехать к нему. Я должна рассказать ему. — Она направилась к вешалке, где висело ее пальто, по-видимому забыв, что на ней халат и ночная рубашка. Лицо ее застыло в экстазе. Герберт вспомнил, как она выглядела в день их свадьбы, и это было чудно и почти кошунственно. Она втоптала кукурузные зерна в ковер своими розовыми шлепанцами.

— Вера.

— Я должна сказать ему, что предначертание Господа...

— Вера.

Она повернулась к нему, но глаза ее казались далекими-далекими: она была вместе с Джонни.

Герберт подошел и положил руки на плечи жены.

— Ты скажешь, что любишь его... что ты молилась... ждала... У кого есть большее право на это? Ты мать. Ты так переживала за сына. Разве я не видел, как ты исстрадалась за последние пять лет? Я не сожалею, что он снова с нами, ты не права, не говори так. Я вряд ли буду думать также, как ты, но совсем не сожалею. Я тоже страдал.

— Страдал? — Ее взгляд выражал жестокость, гордость и недоверие.

— Да. И еще я хочу сказать тебе, Вера. Прошу тебя, прекрой обильный фонтан твоих рассуждений о Боге, чудесах и великих предначертаниях, пока Джонни не встанет на ноги и полностью не...

— Я буду говорить то, что считаю нужным!

— ... придет в себя. Я хочу сказать, что ты должна предоставить сыну возможность стать самим собой, а не наваливаться на него со своими идеями.

— Ты не имеешь права так говорить со мной! Не имеешь!

— Имею, потому что я отец Джонни, — сказал он сурово. — Быть может, я прошу тебя последний раз в жизни. Не становись на дороге сына, Вера. Поняла? Ни ты, ни Бог, ни страдающий святой Иисус. Понимаешь?

Она отчужденно смотрела на него и не отвечала.

— Ему и без того будет трудно примириться с мыслью, что он, точно лампочка, был выключен на четыре с половиной года. Мы не знаем, сможет ли он снова ходить, несмотря на помощь врачей. Мы лишь знаем, что предстоит операция на связках, если еще он захочет; об этом сказал Вейзак. И, наверное, не одна операция. И снова терапия, и все это грозит ему адовой болью. Так что завтра ты будешь просто его матерью.

— Не смей так со мной разговаривать! *Не смей!*

— Если ты начнешь свои проповеди, Вера, я вытащу тебя за волосы из палаты.

Она вперила в него взгляд, бледная и дрожащая. В ее глазах боролись радость и ярость.

— Одевайся-ка, — сказал Герберт. — Нам нужно ехать.

Весь долгий путь в Бангор они молчали. Они не испытывали счастья, которое должны были бы оба испытывать. Веру переполняла горячая, воинственная радость. Она сидела выпрямившись, с Библией в руках, раскрытой на двадцать третьем псалме.

На следующее утро в четверть десятого Мари вошла в палату к Джонни и сказала:

— Пришли ваши родители. Вы хотите их видеть?

— Да, хочу. — В это утро он чувствовал себя значительно лучше и был более собранным. Но его немало пугала мысль, что он сейчас их увидит. Если полагаться на воспоминания, последний раз он встречался с родителями около пяти лет назад. Отец закладывал фундамент дома, который теперь, вероятно, стоит уже

года три или того больше. Мама подавала ему фасоль, приготовленную ею, яблочный пирог на десерт и кудахтала по поводу того, что он похудел.

Слабыми пальцами он поймал руку Мари, когда та собиралась уйти.

— Как они выглядят? Я имею в виду...

— Выглядят прекрасно.

— Что ж. Хорошо.

— Вам можно побыть с ними лишь полчаса. И немного еще вечером, если не очень устанете после исследований в неврологии.

— Распоряжение доктора Брауна?

— И доктора Вейзака.

— Хорошо. По крайней мере пока. Не уверен, что я позволю им долго меня шупать и колоть.

Мари колебалась.

— Что-нибудь еще? — спросил Джонни.

— Нет... не сейчас. Вам, должно быть, не терпится увидеть ваших. Я пришлю их.

Он ждал и нервничал. Вторая койка была пуста: ракового больного убрали, когда Джонни спал после укола.

Открылась дверь. Вошли мать с отцом. Джонни пережил шок и тут же почувствовал облегчение: шок, потому что они *действительно* постарели; облегчение, потому что ненамного. А если они не так уж изменились, вероятно, то же самое можно сказать и о нем.

Но что-то все-таки в нем изменилось, изменилось бесповоротно, и эта перемена могла быть роковой.

Едва он успел так подумать, как его обвили руки матери, запах ее фиалковых духов ударил в нос, она шептала:

— Слава Богу, Джонни, слава Богу, что ты очнулся, слава Богу.

Он тоже крепко обнял ее, но в руках еще не было силы, они тут же упали — и вдруг за несколько секунд он понял, что она чувствует, что думает и что с ней случится. Потом это ощущение исчезло, растворилось, подобно темному коридору, который ему привиделся. Когда же Вера разомкнула объятия, чтобы взглянуть на Джонни, безудержная радость в ее глазах сменилась глубокой озабоченностью. Он непроизвольно произнес:

— Мам, ты принимай то лекарство. Так будет лучше.

Глаза матери округлились, она облизнула губы. Герберт был уже около нее, он еле сдерживал слезы. Отец похудел — не настолько, насколько поправилась Вера, но все же заметно. Волосы у него поредели, однако лицо осталось таким же — домашним, простым, дорогим. Он вытащил из заднего кармана большой цветной платок и вытер глаза. Затем протянул руку.

— Привет, сынок, — сказал он. — Я рад, что ты опять с нами.

Джонни пожал ее как можно крепче; его бледные и безжизненные пальцы утонули в широкой руке отца. Джонни смотрел по

очереди на родных — сначала на мать, одетую в просторный темно-синий брючный костюм, потом на отца, приехавшего в поистине отвратительном клетчатом пиджаке, который подошел бы скорее продавцу пылесосов в Канзасе, — и залился слезами.

— Извините, — сказал он. — Извините, это просто..

— Поплачь, — сказала Вера, садясь на кровать рядом с ним. Лицо ее дышало спокойствием, сияло чистотой. Сейчас в нем было больше материнского, чем безумного. — Поплачь, иногда это лучше всего.

И Джонни плакал.

Герберт сообщил, что тетушка Жермена умерла. Вера рассказала, что наконец-то есть деньги на молебельный дом в Паунале и месяц назад, как только оттаяла земля, началось строительство. Герберт добавил, что предложил было свои услуги, но понял: честная работа заказчикам не по карману.

— Просто ты неудачник, — сказала Вера.

Они помолчали, потом Вера заговорила вновь:

— Надеюсь, ты понимаешь, Джонни, что твое выздоровление — Божье чудо. Доктора отчаялись. У Матфея в главе девятой сказано....

— Вера, — предостерегающе произнес Герберт.

— Конечно, то было чудо, мама. Я знаю.

— Ты... ты знаешь?

— Да. И хотел бы поговорить с тобой об этом... послушать твои соображения на сей счет... только дай мне встать на ноги.

Она уставилась на него с открытым ртом. Джонни посмотрел мимо нее на отца, и на какое-то мгновение их взгляды встретились. Джонни прочитал в глазах отца облегчение. Герберт едва заметно кивнул.

— Обратился! — громко воскликнула Вера. — Мой мальчик обратился! О, хвала Господу!

— Вера, тише, — сказал Герберт. — Хвали Господа потише, пока ты в больнице.

— Не понимаю, мама, неужели найдутся люди, которые не увидят тут чуда. Мы с тобой еще вдоволь поговорим об этом. Вот только выздоровлю.

— Ты вернешься домой, — сказала она. — В дом, где вырос. Я поставлю тебя на ноги, и мы будем молиться о том, чтобы на всех снизошла благодать.

Он улыбался ей, но уже через силу.

— Ясное дело. Мам, ты не сходишь в дежурку к сестрам? Попроси Мари — пусть принесет какого-нибудь сока. Или имбирного пива. Кажется, я отвык говорить, и горло у меня..

— Конечно схожу. — Она поцеловала его в щеку и встала. — Боже, как ты похудел. Я позабочусь о том, чтобы ты поправился, когда возьму тебя домой. — Она вышла из комнаты, напоследок

бросив победоносный взгляд на Герберта. Они услышали удаляющийся стук ее туфель.

— И давно это с ней? — тихо спросил Джонни.

Герберт покачал головой.

— После твоей катастрофы ей все хуже и хуже. Но началось значительно раньше. Ты же знаешь. Сам помнишь.

— А она...

— Не думаю. На Юге есть люди, которые укрощают змей. Их я назвал бы сумасшедшими. Она до такого еще не дошла. А как ты, Джонни? По правде?

— Не знаю, — сказал Джонни. — Папа, где Сара?

Герберт наклонился и зажал ладони между колен.

— Мне не хотелось бы говорить тебе об этом, Джон, но...

— Она замужем? Она вышла замуж?

Герберт молчал. Не глядя на Джонни, он кивнул головой.

— О Боже, — произнес Джонни глухо. — Этого-то я и боялся.

— Вот уже три года, как она миссис Уолтер Хэзлит. Он юрист. У них мальчик. Джон... никто ведь не верил, что ты очнешься. За исключением, конечно, твоей матери. Ни у кого из нас не было оснований верить, что ты придешь в себя. — Его голос виновато дрожал. — Доктора говорили.. да наплевать, что они говорили. Даже я сдался. Мне чертовски стыдно признаться, но это правда. Единственная моя просьба — постарайся понять меня и... Сару.

Джонни пытался было сказать, что понимает, но вместо слов у него вырвался какой-то слабый сиплый стон. Он вдруг стал немощным, старым, и внезапно на него нахлынуло чувство невозвратимой потери. Упущенное время придавило его, подобно гряде камней, он даже физически ощутил тяжесть.

— Джонни, не расстраивайся. Столько всего кругом. Хорошего.

— К этому... надо еще привыкнуть, — выдавил он.

— Да. Я знаю.

— Ты ее видишь?

— Время от времени переписываемся. Мы познакомились после катастрофы. Она хорошая девушка, действительно хорошая. По-прежнему преподает в Кливсе, но, насколько я понимаю, хочет оставить работу в июне. Она счастлива, Джон.

— Прекрасно, — с трудом произнес он. — Рад, что хоть кто-то счастлив.

— Сынок...

— Надеюсь, вы тут не секретничаете, — весело произнесла Вера Смит, входя в палату. В руках у нее был запотевший кувшин. — Они сказали, что фруктовый сок тебе давать еще рано, Джонни, так что я принесла имбирное пиво.

— Отлично, мам.

Она переводила взгляд с Герберта на Джонни и снова на Герберта.

— Вы секретничали? Почему у вас такие вытянутые физиономии?

— Я просто говорил Джонни, что ему предстоит потрудиться, если он хочет скорее выйти отсюда, — сказал Герберт. — Хорошо подлечиться.

— А зачем говорить об этом? — Она налила пиво в стакан. — Теперь и так будет все в порядке. Вот увидишь.

Она сунула соломинку в стакан и протянула его Джонни.

— Выпей все, — сказала она улыбаясь. — Тебе полезно.

Джонни выпил до дна. Пиво отдавало горечью.

— Закройте глаза, — сказал доктор Вейзак.

Это был небольшого роста толстячок с невероятно ухоженной шевелюрой и пышными бакенбардами. Его волосы раздражали Джонни. Если бы пять лет назад человек с прической Вейзака появился в любом баре восточного Мэна, тут же собралась бы толпа зевак и его, учитывая почтенный возраст, сочли бы вполне созревшим для сумасшедшего дома.

Ну и когна!

Джонни закрыл глаза. Его голову облепили электрическими датчиками. Провода тянулись от контактов к укрепленному на стене электроэнцефалографу. Доктор Браун и сестра стояли у аппарата, из него, тихо жужжа, выползала широкая лента с графическими кривыми. Джонни предпочел бы, чтобы сегодня дежурила Мари Мишо. Ему было страшновато.

Доктор Вейзак дотронулся до его век, и Джонни дернулся

— Ну-ну... не шевелитесь, Джонни. Еще немного, и все. Вот... тут.

— Готово, доктор, — сказала сестра.

Тихое жужжание.

— Хорошо, Джонни. Вам удобно?

— Ощущение такое, будто у тебя монеты на веках.

— Да? Вы быстро привыкнете. Сейчас я все объясню. Попрошу вас представить себе различные предметы. На каждый образ я дам секунд десять, а всего вам нужно подумать о двадцати предметах. Понятно?

— Да.

— Очень хорошо. Начинаем. Доктор Браун?

— Все готово.

— Прекрасно. Джонни, я попрошу вас, представьте себе стол. На столе лежит апельсин.

Джонни представил. Он видел маленький карточный столик со складными металлическими ножками. На нем чуть в стороне от центра лежал большой апельсин, на пупырчатой кожуре была наклейка с названием фирмы САНКИСТ.

— Хорошо, — сказал Вейзак.

— Что, этот аппарат показывает мой апельсин?

— Н-нет... то есть да. Символически. Аппарат регистрирует токи мозга. Мы ищем заблокированные участки, Джонни. Участки каких-либо нарушений. Возможные указания на нарушенное внутричерепное давление. А теперь попрошу не задавать вопросов.

— Хорошо.

— Сейчас представьте себе телевизор. Он включен, но передачи нет.

Джонни увидел телевизор в своей квартире — в своей бывшей квартире. Экран подернут светло-серой изморозью. Кончики складной антенны, торчащие, подобно заячьим ушам, обернуты фольгой для лучшего приема передач.

— Хорошо.

Опыт продолжался. На одиннадцатый раз Вейзак сказал:

— А сейчас попрошу вас представить стол для пикника на левой стороне зеленой лужайки.

Джонни задумался и увидел шезлонг. Он нахмурился.

— Что-нибудь не так? — спросил Вейзак.

— Все нормально, — сказал Джонни. Он напряженно думал. Пикник. Вино, жаровня... дальше, черт возьми, дальше. Неужели так трудно мысленно увидеть стол для пикника, в своей жизни ты их видел тысячу раз, вообрази же его. Пластмассовые ложки и вилки, бумажные тарелки, отец держит в руке длинную вилку, он в поварском колпаке, на нем фартук, на котором наискось написано: **ПОВАР ХОЧЕТ ВЫПИТЬ**; буквы прыгают, словно живые. Отец жарит котлеты, потом они садут за...

Наконец-то!

Джонни улыбнулся, но улыбка тут же увяла. Теперь перед ним был гамак.

— Черт!

— Никак не увидите стол для пикника?

— Дичь какая-то. Я, кажется... не могу вообразить его. То есть я знаю, что это такое, но я не могу себе его представить. Разве не дико?

— Успокойтесь. Попробуйте вот это: глобус, стоящий на капоте пикапа.

Это было просто.

В девятнадцатый раз — гребная лодка у столба с дорожным указателем (кто изобретает эту несуслаицу? — подумал Джонни) — опять не получилось. Он был в отчаянии. Он представил себе большой мяч, лежащий рядом с могилой плитой. Он напрягся и увидел дорожную развязку. Вейзак успокоил его, и через несколько секунд датчики с головы и век были сняты.

— Почему я не смог вообразить эти предметы? — спросил Джонни, переводя взгляд с Вейзака на Брауна. — В чем дело?

— Трудно сказать определенно, — ответил Браун — Вероятно местная амнезия. А может, в результате аварии поврежден какой-то маленький участок мозга — в сущности, микроскопический. Мы

правда, не знаем, в чем дело, но, очевидно, у вас появились провалы памяти. Два мы нащупали. Наверное, обнаружатся еще.

— У вас была травма головы в детстве, да? — отрывисто спросил Вейзак.

Джонни задумчиво посмотрел на него.

— Сохранился старый шрам, — сказал Вейзак. — Существует теория, Джонни, подтвержденная статистическими исследованиями...

— Которые далеко еще не закончены, — сказал Браун почти официально тоном.

— Да, правда. Теория эта предполагает, что люди выходят из долговременной комы, если получили ранее какую-то мозговую травму... Мозг как бы адаптируется после первого ранения, что помогает перенести второе

— Это не доказано, — сказал Браун. Казалось, он был недоволен тем, что Вейзак заговорил на эту тему.

— Остался шрам, — сказал Вейзак. — Вы можете вспомнить, когда это случилось, Джонни? Вероятно, вы потеряли тогда сознание. Упали с лестницы? Или с велосипеда? Судя по шраму, это произошло в детстве.

Джонни напряг память, затем покачал головой.

— Вы спрашивали у родителей?

— Никто из них не мог вспомнить ничего такого... а вы?

На мгновение что-то всплыло — дым, черный, жирный, пахнущий, вроде бы, резиной. Холод. Затем видение исчезло. Джонни отрицательно покачал головой.

Вейзак вздохнул, пожал плечами.

— Вы, должно быть, устали.

— Да. Немножко.

Браун присел на край стола.

— Без четверти двенадцать. Сегодня вы хорошо поработали. Если хотите, мы с доктором Вейзаком ответим на ваши вопросы, а потом вас поднимут в палату, и вы вздремнете. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Джонни. — Это снимки мозга...

— КОТ, — кивнул Вейзак. — Компьютеризированная осевая томография. — Он взял коробочку со жвачкой «Чиклетс» и вытряхнул три подушечки прямо в рот. — КОТ — это, по сути дела, серия рентгено снимков мозга, Джонни. Компьютер обрабатывает снимки и...

— Что он вам сказал? Сколько мне осталось?

— Это что еще за чепуха — «сколько мне осталось»? — спросил Браун. — Похоже на фразу из допотопного фильма.

— Я слышал, люди, вышедшие из длительной комы, долго не живут, — сказал Джонни. — Они снова отключаются. Подобно лампочке, которая, перед тем как перегореть, ярко вспыхивает.

Вейзак громко захохотал. Его гулкий смех словно шел изнутри — удивительно, как он не подавился жвачкой.

— О, как мелодраматично! — Он положил руку на грудь Джонни. — Вы что думаете, мы с Джимом дети в этой области? Как бы не так. Мы неврологи. Врачи, которых вы, американцы, цените на вес золота. А что значит, что мы невежды не во всем, а лишь в том, что не касается деятельности человеческого мозга. Так что могу сказать: да, такие случаи бывали. Но с вами этого не произойдет. Думаю, мы не ошибаемся, а Джим?

— Да, — сказал Браун. — Мы не обнаружили никаких серьезных нарушений, Джонни. В Техасе один парень пролежал в коме девять лет. Сейчас он выдает ссуды в банке вот уже шесть лет. А до того работал два года кассиром. В Аризоне живет женщина, которая пролежала без сознания двенадцать лет. Что-то там случилось с наркозом, когда она рожала. Сейчас она передвигается в инвалидной коляске, но жива и в здравом уме. Она вышла из комы в шестьдесят девятом, и ей показали ребенка, который появился на свет двенадцать лет назад. Ребенок был уже в седьмом классе и, кстати, великолепно учился.

— Мне грозит инвалидная коляска? — спросил Джонни. — Я не могу вытянуть ноги. С руками получше, а вот ноги... — Он усталو замолчал, покачивая головой.

— Связки сокращаются, — сказал Вейзак. — Понятно? Вот почему коматозные больные как бы скрючиваются, принимая положение, которое мы называем зародышевым. Ныне мы знаем о физических изменениях во время комы гораздо больше и успешнее можем противостоять болезни. Даже когда вы находились без сознания, с вами регулярно занимался физиотерапевт. К тому же больные по-разному реагируют на коматозное состояние. У вас, Джонни, ухудшение протекало довольно медленно. Как вы сами говорите, руки у вас на удивление чувствительны и жизнеспособны. И тем не менее какое-то ухудшение произошло. Лечение будет долгим и... стоит ли лгать? Нет, пожалуй. Оно будет долгим и болезненным. Будут слезы. Вы можете возненавидеть врача. И остаться навсегда прикованным к постели. Предстоят операции — одна, если вам очень, очень повезет, но, может быть, и все четыре, — чтобы вытянуть связки. Такие операции еще в новинку. Они удаются полностью или частично, либо оказываются безрезультатными. И все же, с Божьей помощью, я полагаю, вы будете ходить. Лыжи и прыжки через барьер — едва ли, но бегать и, конечно, плавать вы сможете.

— Спасибо, — сказал Джонни. Внезапно он почувствовал прилив нежности к этому говорившему с акцентом человеку, у которого была такая странная шевелюра. Джонни захотелось, в свою очередь, сделать что-нибудь приятное для Вейзака, и с этим чувством пришло желание, почти необходимость прикоснуться к нему.

Неожиданно Джонни протянул руку и взял ладонь Вейзака. Ладонь врача была большая, морщинистая, теплая.

— Да? — спросил мягко Вейзак. — Что такое?

Неожиданно все преобразилось. Непонятно как. Только вдруг Вейзак весь ему открылся. Он как бы... *приблизился*, сделался контрастным в лучах мягкого чистого света. Каждая точка, родинка и черточка на лице Вейзака стала рельефной. И каждая рассказывала свою историю. *Джонни начинал понимать.*

— Дайте ваш бумажник, — сказал он.

— Бумажник?.. — Вейзак и Браун удивленно переглянулись.

— В бумажнике лежит фотография вашей матери, мне нужно взглянуть на нее, — сказал Джонни. — *Пожалуйста.*

— Как вы узнали?

— *Пожалуйста!*

Вейзак посмотрел на Джонни, затем медленно сунул руку под халат и вытащил старый бумажник, пухлый и бесформенный.

— Откуда вы узнали, что я ношу фотографию матери? Ее нет в живых, она умерла, когда нацисты оккупировали Варшаву...

Джонни выхватил бумажник. Вейзак и Браун застыли от изумления, Джонни открыл бумажник и, не обращая внимания на прозрачные кармашки для фотографий, полез в глубину: его пальцы торопливо перебирали старые визитные карточки, оплаченные счета, погашенный банковский чек, старый билет на какое-то политическое собрание. Он вытащил маленькую любительскую фотографию, вклеенную в прозрачный пластик. С нее смотрела молодая женщина с простым лицом: волосы убраны под платок, улыбка излучает свет и молодость. Она держит за руку мальчика. Рядом стоит мужчина в польской военной форме.

Джонни зажал фотографию между ладонями и закрыл глаза, сначала было темно, но затем из темноты стремительно появился фургон... нет, не фургон, а катафалк. Катафалк, запряженный лошадьми. С фонарями, покрытыми черным крепом. Конечно же, это был катафалк, потому что они...

(...умирали сотнями, нет, тысячами, не в силах противостоять броне, вермахту; кавалерия девятнадцатого века против танков и пулеметов, взрывы, крики, падающие солдаты, лошадь с развороченными внутренностями и выкатившимися белыми яблоками глаз, рядом — перевернутое орудие, и все же они движутся, движется Вейзак, стоя в стремени, и сабля его высоко в воздухе под проливным дождем осенью 1939 года, за ним, увязая в грязи, следуют его солдаты; орудие фашистского «тигра» ищет его, нащупывает, целится, стреляет, и неожиданно туловище исчезает, сабля вылетает из рук; а дорога ведет в Варшаву, и нацистский волк рыщет по Европе...)

— Пожалуй, пора кончать с этим, — сказал Браун далеким и встревоженным голосом. — Вы слишком возбуждены, Джонни.

Голоса доносились издалека, из коридора времени.

— Он в трансе, — сказал Вейзак.

Здесь жарко. Он обливается потом. Обливается потом, ведь...

(... город в огне, тысячи беженцев, ревуший грузовик, петляя, движется по мощенной булыжником улице, в кузове тесно сидят немецкие солдаты в шлемах-котелках, они машут руками, и молодая женщина уже не улыбается, она бежит, надо бежать, ребенок отправлен в безопасное место; и вот грузовик въезжает на тротуар, ударяет ее крылом, ломает бедро, отбрасывает в витрину часового магазина, и все часы начинают бить, бить, потому что пора пробить время...!)

— Шесть часов, — произнес Джонни хрипло. Глаза его закатились так, что стали видны выпуклые белки. — Второе сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, и отовсюду голоса кукушек.

— О Боже, что это? — прошептал Вейзак. Сестра отступила, прижавшись к энцефалографу, она побледнела от испуга. Все напуганы, ибо смерть витает рядом. Она всегда здесь витает, в этой...

(...больнице, запах эфира, кричат в этой обители смерти, Польша пала под молниеносным ударом вермахта; сломанное бедро; мужчина на соседней койке просит воды, просит, просит, просит; она вспоминает: «МАЛЬЧИК СПАСЕН». Какой мальчик? Она не знает, какой мальчик? Как его зовут? Она не помнит. Только одно...)

— Мальчик спасен, — прохрипел Джонни. — Так-так. Так-так.

— С этим пора кончать, — повторил Браун.

— Что вы предлагаете? — срывающимся голосом спросил Вейзак.

— Это зашло слишком далеко, чтобы...

Голоса затихают. Их обволакивает туман. Все в каком-то тумане. Европа в тумане войны. Все в тумане, кроме вершин, горных вершин...

(...Швейцарии. Швейцария, и вдруг ее имя — БОРЕНЦ. Ее имя ИОГАННА БОРЕНЦ, и муж ее инженер или архитектор, словом, тот, кто строит мосты. Он строит в Швейцарии, а там — козье молоко, козий сыр. Ребенок. О-о-о-о-х, какие роды! Тяжелейшие роды, и ей нужны наркотики, морфия, этой ИОГАННЕ БОРЕНЦ, и все из-за бедра, сломанного бедра. Оно зажило, оно успокоилось, но сейчас оно проснулось и болит под нажимом тазовых костей, раздвигающихся чтобы пропустить ребенка. Один ребенок, два и три, и четыре. Они появляются не все сразу — это урожай многих лет. Они...!)

— Детки мои... — протянул Джонни вовсе не своим, а каким-то женским голосом... Потом он запел что-то непонятное...

— Что это, Боже правый... — начал было Браун.

— Польский, он же поет по-польски! — закричал Вейзак. Он

вытаращил глаза и побледнел. — Это колыбельная, на польском, о Господи, что ж это в самом деле?

Вейзак наклонился, будто хотел вместе с Джонни перешагнуть через годы, перепрыгнуть через них, будто...

(...мост, какой-то мост, в Турции, затем другой мост среди жары Юго-Восточной Азии, не в Лаосе ли? Не разберу, потеряли там человека, ГАНСА, затем мост в виргинии, мост через РЕКУ РАППАХАНОК и еще один, в Калифорнии, мы хотим получить гражданство и занимаемся языком в маленькой душевной комнате на почте, где всегда пахнет клеем. Идет 1963 год, ноябрь, и когда мы узнаем, что в Далласе убит Кеннеди, мы плачем, а когда маленький мальчик отдает салют у гроба своего отца, она думает: «мальчик спасен», и это навевает воспоминания о каком-то пожаре, каком-то большом пожаре и скорби. Что за мальчик? Она грезит о нем, это вызывает головную боль. А человек умирает, ХЕЛЬМУТ БОРЕНЦ умирает, и она с детьми живет в Кармеле, штат Калифорния, в доме на... на... на... не вижу таблички, она в мертвой зоне, так же, как лодка, как стол для пикника на лужайке. В мертвой зоне, как Варшава. Дети уходят один за другим, мать присутствует на школьных выпусках, а бедро болит. Один погиб во Вьетнаме, с остальными все в порядке. Еще один строит мосты. Ее зовут ИОГАННА БОРЕНЦ, и ночами в одиночестве она то и дело думает в пульсирующей темноте: «МАЛЬЧИК СПАСЕН»...)

Джонни поднял на них глаза, с головой творилось что-то странное. Ореол над Вейзаком исчез. Джонни снова был самим собой, только ощущал слабость и легкую тошноту. Он мельком взглянул на фотографию и отдал ее.

— Джонни? — спросил Браун. — Как вы себя чувствуете?

— Устал, — пробормотал он.

— Можете объяснить, что с вами произошло?

Джонни посмотрел на Вейзака.

— Ваша мать жива, — произнес он.

— Нет, Джонни. Она умерла много лет назад. Во время войны.

— Ее сбил немецкий военный грузовик, и она через витрину влетела в часовой магазин, — сказал Джонни. — Она очнулась в больнице, но ничего не помнила. У нее не было удостоверения личности, никаких документов. Взяла имя Иоганна. Я не разобрал фамилии, а когда война кончилась, уехала в Швейцарию и вышла замуж за швейцарского... инженера, что ли. Его специальность — строительство мостов, а звали его Хельмут Боренц. Так что ее фамилия по мужу была и есть — Иоганна Боренц.

Глаза сестры все более округлялись. Лицо доктора Брауна стало жестким: то ли он считал, что Джонни их всех дурачит, а может, просто ему не понравилось нарушение четкой программы опытов. Вейзак оставался неподвижным и задумчивым.

— У нее и у Хельмута Боренца родилось четверо детей. — Джонни говорил тем же тихим, слабым голосом. — Жизнь бросала его в разные концы света. Какое-то время он был в Турции. И где-то в Юго-Восточной Азии. В Лаосе или, может быть, в Камбодже. Затем приехал сюда. Сначала Виргиния, затем другие места, какие — я не понял, и, наконец, Калифорния. Они с Иоганной получили американское гражданство. Хельмут Боренц умер. Один из детей погиб. Остальные живы и здоровы. Но время от времени она грезит вами. И в такие минуты она говорит: «Мальчик спасен». Однако она не помнит вашего имени. А может, считает, что все потеряно.

— Калифорния? — произнес Вейзак задумчиво.

— Сэм, — сказал доктор Браун, — ей-Богу, не стоит это поощрять.

— Где в Калифорнии, Джон?

— В Кармеле. На побережье. Не могу только сказать, на какой улице. Не разобрал названия. Оно в мертвой зоне. Как стол для пикника и лодка. Но она в Кармеле, в Калифорнии. Иоганна Боренц. Она еще не старая.

— Нет, конечно, она не должна быть старой, — сказал Сэм Вейзак тем же задумчивым, отрешенным голосом. — Ей было всего двадцать четыре, когда немцы напали на Польшу.

— Доктор Вейзак, я вынужден настаивать... — резко сказал Браун.

Вейзак будто очнулся от глубокой задумчивости. Он оглянулся, словно впервые увидел своего младшего коллегу.

— Да-да, — сказал он. — Конечно. Джону уже хватит на сегодня вопросов и ответов... хотя, полагаю, он рассказал нам больше, чем мы ему.

— Чепуха, — отрезал Браун, а Джонни подумал: *Он напуган. Напуган до чертиков.*

Вейзак улыбнулся Брауну, затем сестре. Она смотрела на Джонни, как на тигра в плохо запертой клетке.

— Не рассказывайте об этом, сестра. Ни вашему начальству, ни матери, ни брату, ни любовнику, ни священнику. Понятно?

— Да, доктор, — ответила она. *Все равно она раззвонит,* подумал Джонни и бросил взгляд на Вейзака. *И он это знает.*

Он проспал до четырех часов дня. Потом его повезли по коридору к лифту, спустили в отделение неврологии и продолжили исследования. Джонни плакал. Он, видимо, почти не мог контролировать себя, как все здоровые люди. На обратном пути он обмочился, и ему, словно ребенку, поменяли белье. На него накатила первая (но далеко не последняя) волна депрессии, ему захотелось умереть. Джонни стало жалко себя. Как все несправедливо, думал он. С ним произошло то же, что и с Рипом ван Винклем*.

* Рип ван Винкль — герой одноименной новеллы В. Ирвинга.

Ходить он не может. Его девушка вышла замуж за другого, а мать — в религиозном экстазе. Стоит ли теперь жить?

В палате сестра поинтересовалась, не нужно ли ему чего. Если бы дежурила Мари, Джонни попросил бы воды со льдом. Но она ушла в три часа.

— Нет, — сказал он и повернулся лицом к стене. И вскоре заснул.

В тот вечер отец с матерью пришли на целый час, и Вера оставила пачку брошюр.

— Мы собираемся пробыть тут до конца недели, — сказал Герберт, — и если у тебя все пойдет на лад, вернемся ненадолго в Паунал. Но мы будем приезжать каждый уик-энд.

— Я хочу остаться с моим мальчиком, — громко заявила Вера.

— Лучше, если ты тоже поедешь, мам, — сказал Джонни. Депрессия несколько уменьшилась, но он не забыл, что с ним творилось несколько часов назад. Если бы в тот момент мать затеяла разговор о чудесном предназначении, которое уготовил для него Господь, Джонни вряд ли удержался бы от взрыва истерического смеха.

— Я нужна тебе, Джон. Я должна объяснить тебе...

— Прежде всего мне нужно поправиться, — сказал Джонни. — Ты все объяснишь потом, когда я начну ходить. Хорошо?

Вера не ответила. На ее лице появилось до смешного упрямое выражение, хотя ничего смешного вокруг не было. Совсем ничего. *Всего лишь игра судьбы. Если бы он проехал пятью минутами раньше или позже по той дороге, все могло быть по-другому. А теперь посмотрите — всех нас потрянуло по первое число. И она считает, что это Божья воля. А иначе, наверное, можно свихнуться.*

Чтобы прервать неловкое молчание, Джонни спросил:

— Что, Никсона переизбрали, отец? Кто выступал против него?

— Никсона переизбрали, — сказал Герберт. — Его соперником был Макговерн.

— Кто?

— Макговерн. Джордж Макговерн, сенатор из Южной Дакоты.

— Не Маски?

— Нет. Но Никсон больше не президент. Он ушел в отставку.

— Что?

— Он был лжец, — мрачно изрекла Вера. — Его обуяла гордыня, и Господь отступился от него.

— Никсон ушел в отставку? — Джонни был потрясен. — Никсон?

— Ему нужно было уйти, иначе б его убрали, — сказал Герберт. — Дело дошло до импичмента.

Неожиданно Джонни понял, что в американской политической жизни произошли большие и серьезные перемены — почти наверняка итог вьетнамской войны — и он о них ничего не знает. Впервые он по-настоящему почувствовал себя Рипом ван Винклем.

Насколько все изменилось? Ему было даже боязно спрашивать. Затем в голову пришла поистине леденящая душу мысль.

— Агню... Агню стал президентом?

— Форд, — ответила Вера. — Хороший, порядочный человек.

— Генри Форд — президент Соединенных Штатов?

— Не Генри, — сказала она, — Джерри.

Он переводил взгляд с матери на отца, почти уверенный в том, что все это либо сон, либо чудовищная шутка.

— Агню тоже ушел в отставку, — объяснила Вера. Губы ее сжались в полоску и побелели. — Он был вор. Получил взятку прямо у себя в кабинете. Так все говорят.

— Агню убрали не из-за взятки, — сказал Герберт, — а из-за какой-то грязной истории у него в Мэриленде. Похоже, он увяз в ней по горло. Никсон назначил вице-президентом Джерри Форда. А потом, в прошлом августе, и Никсон ушел в отставку, а Форд занял его место. Форд на пост вице-президента назначил Нельсона Рокфеллера. Таковы у нас дела.

— Разведенный, — сказала сурово Вера. — Господь не даст ему стать президентом.

— А что сделал Никсон? — спросил Джонни. — Боже праведный... — Он взглянул на мать, которая тут же насупилась. — Ничего себе, если дело дошло до импичмента...

— Не поминай всуе имя Спасителя, когда говоришь о шайке бесчестных политиканов, — сказала Вера. — Виноват Уотергейт.

— Уотергейт? А что это, операция во Вьетнаме? Или что-нибудь в этом роде?

— Отель «Уотергейт» в Вашингтоне, — сказал Герберт. — Какие-то кубинские иммигранты залезли в находившуюся там штаб-квартиру демократической партии, их поймали. Никсон все знал. Пытался замаять дело.

— Ты шутишь? — еле выдавил Джонни.

— Остались магнитофонные записи, — сказала Вера. — И этот Джон Дин*? Просто крыса, бегущая с тонущего корабля. Обычная история.

— Папа, ты можешь мне это объяснить?

— Попытаюсь, — сказал Герберт, — но не думаю, что эта история раскрыта до конца. Я принесу тебе книги. Об Уотергейте уже написали миллион книг, и пока разберутся, что и как там было, я думаю, выйдет еще столько же. Ну слушай. Перед выборами летом 1972 года...

Половина одиннадцатого, родители уже ушли. В палате горел ночник. Джонни не спалось. Было тревожно. Голова у него шла кругом от полученной информации. За такое короткое время мир изменился гораздо больше, чем Джонни мог предположить. Он отстал от века и новых веяний.

* Советник президента Никсона, замешанный в уотергейтском скандале.

Цены на бензин, как сказал отец, поднялись почти на сто процентов. До аварии галлон бензина стоил тридцать-тридцать два цента. Теперь он стоит пятьдесят четыре цента, и при этом у бензозаконоков возникают очереди. По всей стране ограничили скорость — пятьдесят пять миль в час, и шоферы дальних рейсов чуть не взбунтовались.

Но это не самое главное. Позади был Вьетнам. Война там окончилась. В итоге страна пошла по коммунистическому пути. Герберт сказал, что все случилось как раз тогда, когда Джонни начал подавать признаки жизни.

Президент Соединенных Штатов побывал в красном Китае. Не Форд, а Никсон. Он отправился туда до того, как вышел в отставку. *Никсон*, подумать только. Старый охотник за ведьмами. Если б не отец сказал ему об этом, Джонни ни в жизнь бы не поверил.

Слишком много новостей, слишком много пугающего. Ему вдруг не захотелось ничего больше знать, а то окончательно можно рехнуться. Вот хотя бы ручка доктора Брауна, этот фломас-тер — сколько появилось еще новинок. Сотни маленьких вещей, напоминающих снова и снова: ты потерял часть своей жизни, почти шесть процентов, если верить статистике. Ты отстал от времени. Ты опоздал.

— Джон? — произнес чей-то мягкий голос. — Вы спите, Джон?

Он повернулся. В двери вырисовывался нечеткий силуэт маленького сутулого человека, это был Вейзак.

— Нет. Не сплю.

— Я так и думал. Можно войти?

— Да. Пожалуйста.

Сегодня Вейзак выглядел старше. Он сел возле койки Джона.

— Я позвонил по телефону, — сказал он. — Вызвал справочную в Кармеле, в Калифорнии. Спросил о миссис Иоганне Боренц. Как по-вашему, нашли они ее номер?

— Разве что он не зарегистрирован, или у нее просто нет телефона, — сказал Джонни.

— У нее есть телефон. Мне дали номер.

— Ясно, — сказал Джонни. Вейзак ему нравился. Джонни слушал с интересом, но не более того. Он не сомневался в существовании Иоганны Боренц, он знал, что его сведения верны, точно так же, как знал, что он не левша.

— Я долго думал, — продолжал Вейзак. — Я сказал вам, что моя мать умерла, но это было лишь предположение. Отца убили во время обороны Варшавы. А мать пропала без вести, так? Логично считать, что она погибла при обстреле... во время немецкого наступления... понимаете? Она пропала без вести, и мое предположение было вполне логично. Амнезия... как невролог могу вам сказать, что такая долговременная общая потеря памяти —

явление очень, очень редкое. Возможно, даже более редкое, чем настоящая шизофрения. Я никогда не слышал, чтобы кто-то зафиксировал случай амнезии, длившейся свыше тридцати пяти лет.

— Она давно излечилась от амнезии, — сказал Джонни. — Наверное, просто навсегда забыла свое прошлое. Когда к ней вернулась память, она вновь вышла замуж и родила двоих... или даже троих детей. Воспоминания, быть может, стали бы вызывать у нее чувство вины. Но мысль о вас все же возникает у нее. «Мальчик спасен». Вы позвонили ей?

— Да, — сказал Вейзак. — Напрямую, по автомату. Знаете, сейчас это просто. Очень удобно. Набираешь единицу, код, номер. Одиннадцать цифр — и можно соединиться с любой точкой страны. Удивительная штука. Даже страшновато. К телефону подошел мальчик... нет, юноша. Я спросил, дома ли миссис Боренц. И услышал, как он позвал: «Мам, это тебя». Раздался стук трубки, положенной на стол... или на что-то твердое. Я находился в Бангоре, штат Мэн, в каких-то сорока милях от Атлантического океана, и слышал, как молодой человек положил трубку в городе на побережье Тихого океана. Сердце у меня... оно стучало так, что я даже испугался. Сколько я ждал, не помню. Потом она взяла трубку и сказала: «Слушаю... Алло?»

— Ну а вы? Растерялись?

— Я, как вы выражаетесь, растерялся, — ответил Вейзак и криво улыбнулся. — Я повесил трубку. Мне захотелось выпить чего-нибудь покрепче, но ничего не нашлось.

— А вы уверены, что это была она?

— Джон, что за наивный вопрос! В тридцать девятом году мне было девять лет. С тех пор я не слышал материнского голоса. Тогда она говорила только по-польски. Сейчас я говорю только по-английски... Я почти забыл родной язык, как это ни стыдно. Могу ли я после этого быть уверенным, что это она?

— И все же вы уверены?

Вейзак медленно потер лоб.

— Да, — сказал он. — Это была она. Моя мать.

— И вы не смогли заговорить с ней?

— А зачем? — почти сердито спросил Вейзак. — Ее жизнь — это ее жизнь, правда? Мальчик спасен. Вы ведь так говорили. Стоит ли расстраивать женщину, которая только-только обретает покой? Неужели я должен навсегда вывести ее из душевного равновесия? Это чувство вины, о котором вы упоминали... стоит ли будить его? Идти на такой риск?

— Не знаю, — сказал Джонни. Трудные были вопросы, и ответить на них он не мог, но понимал, что, задавая их, Вейзак хочет что-то выяснить для себя. Вопросы, на которые Джонни не знал ответа.

— Мальчик спасен, мать тоже спасена и живет в Кармеле. Но между нами — целая страна, и да будет так. А как быть с вами, Джон? Что нам с вами делать?

— Не понимаю, о чем вы?

— Сейчас объясню, ладно? Доктор Браун злится. Злится на меня, на вас, подозреваю, и на себя — ведь он чуть было не поверил в то, что считал полной чепухой всю свою жизнь. Присутствовавшая при сем сестра молчать, конечно же, не будет. Сегодня в постели она расскажет мужу, и на том бы все и кончилось, но муж может пересказать это своему боссу, так газеты: «Больной выходит из комы со вторым зрением».

— Второе зрение, — сказал Джонни. — Это так называется?

— Не знаю, право, не знаю. Вы медиум? Провидец? Расхожие слова, которые ничего не объясняют, абсолютно ничего. Вы сказали одной из сестер, что глазная операция у ее сына пройдет успешно...

— Мари, — пробормотал Джонни. Он слегка улыбнулся. Мари ему нравилась.

— ...и об этом уже знает вся больница. Вы предсказываете будущее? В этом и состоит второе зрение? Не знаю. Вы поддержали в руках фотографию моей матери и смогли сказать, где она сейчас живет. Может, вы знаете, где находятся утерянные вещи и пропавшие люди? Не в этом ли состоит второе зрение? Не знаю. Можете ли вы читать мысли? Воздействовать на предметы материального мира? Исцелять возложением рук? Все это некоторые называют магией. И все это связано с понятием второго зрения. Над этим и смеется доктор Браун. Смеется? Нет. Не смеется. Издевается.

— А вы нет?

— Я вспоминаю Эдгара Кейса. И Питера Гуркоса. Я пытался рассказать доктору Брауну о Гуркосе, но он отделался насмешкой. Он говорить об этом не желает, знать ничего не хочет.

Джонни промолчал.

— Итак... что мы будем с вами делать?

— А нужно обязательно что-то делать?

— По-моему, да, — сказал Вейзак и поднялся. — Я сейчас уйду, а вы подумайте. В частности, вот о чем: многое в жизни лучше не замечать и лучше потерять многое, нежели найти.

Он пожелал Джонни доброй ночи и тихо вышел. Джонни очень устал, но сон еще долго не приходил к нему.

Через десять дней после первой операции и за две недели до того, как была назначена следующая, Джонни, оторвав глаза от книги «Вся президентская рать» Вудворда и Бернштейна, увидел Сару. Она стояла в дверях и неуверенно глядела на него.

— Сара, — сказал он. — Это ты?

Она тяжело вздохнула:

— Да. Я, Джонни.

Он положил книгу и окинул ее взглядом. На ней было элегантно-светло-зеленое льняное платье, перед собой, словно щит, она держала маленькую коричневую сумочку с защелкой. Она

сделала себе седую прядь в волосах, и это ей шло. Джонни почувствовал острый болезненный укол ревности — это ее идея или мужнины, с которым она жила и спала? Она была хороша.

— Заходи, — сказал он. — Заходи и садись.

Она прошла через комнату, и тут вдруг он увидел себя ее глазами — ужасно тощий, сидит, слегка скособоچась, на стуле у окна, вытянутые ноги покоятся на пуфе, казенная сорочка и дешевый больничный халат.

— Как видишь, я в смокинге, — сказал он.

— Ты отлично выглядишь. — Она поцеловала его в щеку, и у него в голове пронеслась сотня ярких воспоминаний, словно карты, перетасованные в колоде. Она села на другой стул, положила ногу на ногу и одернула подол платья.

Они смотрели друг на друга молча. Он видел, что она очень нервничает. Если бы кто-то тронул ее за плечо, она, вероятно, вскочила бы.

— Я не знала, следует ли приходить, — сказала она, — но мне действительно хотелось.

— Очень рад, что пришла.

Словно незнакомые люди в автобусе, с ужасом подумал он. А должно было бы быть теплее, верно?

— Ну и как ты? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Я побывал на войне. Хочешь посмотреть мои боевые раны? — Он поднял халат выше колен, демонстрируя волнообразные разрезы, которые только начали заживать. Они еще были красными и со следами швов.

— О, Боже мой, да что же они с тобой делают?

— Пытаются заново склеить Хампти-Дампти*, — сказал Джонни. — Все королевские лошади, вся королевская рать, все врачи короля. И мне кажется... — Тут он умолк, так как она заплакала.

— Не говори так, Джонни, — сказала она. — Пожалуйста, не говори так.

— Извини. Просто... пытаюсь шутить. — Так ли было на самом деле? Пытался ли он отшутиться или хотел сказать: «Спасибо, что пришла повидаться, они разрезают меня на части»?

— Как ты можешь? Как ты можешь шутить над этим? — Она достала из сумочки бумажную салфетку и вытерла ею глаза.

— Не так уж часто я шучу. Думаю, оттого, что я тебя снова увидел... все мои защитные сооружения рухнули, Сара.

— Они собираются тебя отпустить?

— Когда-нибудь. Это похоже на прогон сквозь строй в былые времена — ты когда-нибудь читала о таком? Если я останусь жив после того, как все индейцы племени прошлись по мне томагавком, то выйду отсюда.

* Герой детских стишков, аналогичный русскому Ваньке-Встаньке.

— Нынешним летом?

— Нет... не думаю.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказала она еле слышно. — Я пытаюсь понять, почему... или как можно было бы изменить ход вещей... и не могу спать. Если бы я не съела тогда испорченную сосиску... если бы ты остался и не поехал к себе... — Она покачала головой и взглянула на него, глаза у нее были красные. — Иногда кажется, что выигрыша и не было.

Джонни улыбнулся:

— Двойное зеро. Выигрыш хозяину. Ты помнишь? Я ведь одолел то колесо, Сара.

— Да. Ты выиграл свыше пятисот долларов.

Он взглянул на нее, продолжая улыбаться, но улыбка выглядела неуверенной, почти страдальческой.

— Хочешь, расскажу что-то забавное? Мои врачи считают, что я выжил, возможно, потому, что в детстве у меня была какая-то травма головы. Но ничего такого я вспомнить не мог, мама с папой тоже не могли. Однако каждый раз, когда я об этом думаю, у меня перед глазами встает «Колесо удачи»... и пахнет горячей резиной.

— Может, ты был в автомобильной аварии... — не очень уверенно начала она.

— Нет, думаю, дело не в этом. Но колесо как бы служило мне предупреждением... а я не обратил внимания.

Она переменяла позу и неуверенно сказала:

— Не надо, Джонни.

Он пожал плечами.

— А может, все потому, что я в один вечер использовал удачу, отпущенную на целых четыре года. Но взгляни сюда, Сара. — Осторожно, мучительно он приподнял ногу с пуга, согнул ее в колене, затем снова вытянул. — Может, они все-таки склеят Хампти. Когда я очнулся, у меня это не получалось, да и вытянуть ноги, как сейчас, я не мог.

— Но ты можешь думать, Джонни, — сказала она. — Ты можешь говорить. Мы все считали, что... ну, ты понимаешь.

— Да, Джонни превратился в репу. — Между ними снова воцарилось молчание, неловкое и давящее. Джонни нарушил его, спросив с вымученной оживленностью: — А как ты?

— Ну... Я замужем. Наверное, ты слышал.

— Папа мне рассказал.

— Он такой чудный человек, — сказала Сара. И вдруг ее прорвало: — Я не могла ждать, Джонни. Я тоже об этом жалею. Врачи говорили, что ты никогда не выйдешь из своего состояния и будешь погружаться в него все глубже и глубже, пока... пока не исчезнешь. И даже если бы я знала... — Она взглянула на него — смущенно, пытаясь оправдаться. — И даже если бы я знала, Джонни, не думаю, чтобы я смогла дождаться. Четыре с половиной года — это очень долго.

— Да, верно, — сказал он. — Чертовски долго. Хочешь, скажу что-то мрачное? Я попросил принести мне журналы за четыре года, чтобы посмотреть, кто умер. Трумэн, Джэнис Джоплин. Джими Хендрикс — Боже, я вспомнил, как он исполнял «Пурпурную дымку», и едва мог поверить этому. Дэн Блокер. Ты и я. Мы просто исчезли.

— Мне так тяжело, — сказала она почти шепотом. — Я чувствую себя такой виноватой. Но я люблю его, Джонни. Очень люблю.

— Хорошо, это главное.

— Его зовут Уолт Хэзлит, и он...

— Лучше расскажи о своем ребенке, — сказал Джонни. — Не обижайся, ладно?

— Он — персик, улыбнулась она. — Ему сейчас семь месяцев. Зовут Деннис, но для нас он Денни. Мы дали ему имя в честь дедушки по отцовской линии.

— Привези его как-нибудь. Хочется посмотреть.

— Привезу, — сказала Сара, и они неискренне улыбнулись друг другу, зная, что никогда ничего подобного не произойдет. — Джонни, тебе что-нибудь нужно?

Только ты, детка. И возвращение на четыре с половиной года назад.

— Не-а, — сказал он. — Ты все еще преподаешь?

— Пока преподаю, — кивнула она.

— Все еще нюхаешь этот чертов кокаин?

— Ох, Джонни, ты не изменился. По-прежнему шутишь.

— Шучу по-прежнему, — согласился он, и между ними, словно дирижер взмахнул палочкой, снова воцарилось молчание.

— Можно, я опять приеду тебя проведать?

— Конечно, — сказал он. — Это будет прекрасно, Сара — Он заколебался, не желая закончить разговор на такой неопределенной ноте, не желая причинять боль ей и себе. Стремясь сказать что-то настоящее. — Сара, — произнес он, — ты поступила правильно.

— Правда? — сказала она. И улыбнулась, улыбка задрожала в уголках ее рта. — Не уверена. Все это выглядит так жестоко... и хочешь не хочешь, а неправильно. Я люблю мужа и ребенка, и когда Уолт говорит, что со временем мы будем жить в лучшем доме Бангора, я ему верю. Он говорит, что со временем собирается баллотироваться на место Билла Козна в палате представителей, и я этому тоже верю. Он говорит, что со временем президентом выберут кого-нибудь из Мэна, и я почти верю-этому. А потом вот пришла я сюда и смотрю на твои бедные ноги... — Она опять заплакала. — Их словно через мясорубку пропустили, и ты такой *худой*...

— Нет, Сара, не надо.

— Ты такой худой, и все выглядит так неправильно и жестоко, это ненавистно, ненавистно, потому что все совсем неправильно, все!

— Иногда пожалуй, ничто не получается правильно, — сказал он. — Жестокий старый мир. Иногда ты просто вынужден делать единственно возможное и мириться с этим. Иди и будь счастлива, Сара. И если захочешь меня повидать, давай приходи. Принеси только доску для крив-биджа.

— Принесу, — сказала она. — Извини, что я плачу. Не очень это весело, а?

— Ничего, — сказал он, улыбнувшись. — Ты ведь хочешь бросить кокаин, крошка. Смотри, нос отвалится.

Она усмехнулась.

— Все тот же Джонни, — сказала она. Потом вдруг наклонилась и поцеловала его в губы. — Ох, Джонни, поскорее выздоравливай.

Он задумчиво смотрел на нее, пока она выпрямлялась.

— Джонни?

— Ты его не потеряла, — сказал он. — Нет, ты его не потеряла.

— Не потеряла что? — Она озадаченно нахмурилась.

— Обручальное кольцо. Ты не потеряла его тогда, в Монреале.

Он поднес руку ко лбу и потирал пальцами место над правым глазом. Рука его отбрасывала тень, и с каким-то почти суеверным страхом Сара увидела, что половина лица у него светлая, а половина — темная. Это напомнило ей маску в День благодарения, когда он так ее напугал. Она и Уолт действительно провели медовый месяц в Монреале, но откуда мог Джонни знать об этом? Если только Герберт не рассказал ему. Да, почти наверняка так и было. Но ведь только они с Уолтом знали, что она потеряла где-то в номере отеля обручальное кольцо. Никто этого больше не знал, потому что Уолт купил ей другое перед отлетом домой. **Ей было неловко рассказывать об этом кому-либо, даже матери.**

— Как...

Джонни нахмурился еще больше, затем улыбнулся ей. Он убрал руку со лба и обхватил ею другую руку, лежавшую на коленях.

— Оно было не твоего размера, — сказал он. — Ты укладывала вещи, помнишь, Сара? Он пошел что-то купить, а ты укладывала вещи. Он пошел купить... купить... не знаю что. Это — в мертвой зоне.

Мертвой зоне?

— Он пошел в магазин сувениров и накупил целую кучу всяких дурацких вещей. Надувных подушек и всякой всячины. Но, Джонни, откуда ты узнал, что я потеряла к...

— Ты укладывала вещи. Кольцо было не твоего размера, оно было чересчур велико. Ты собиралась отдать его в переделку, когда вернешься домой. А тем временем ты... ты... — Он опять нахмурился, но лицо его почти тотчас разгладилось. Он улыбнулся ей. — Ты засунула его вместе с туалетной бумагой!

Теперь страх уже точно владел ею. Он медленно расплзлся по ее животу, словно холодная вода. Рука ее поднялась к горлу, и она уставилась на него, почти как загипнотизированная. *В его глазах было то же выражение, та же холодная издевка, как в тот вечер, когда он сражался с колесом. Что произошло с тобой, Джонни? Что ты такое?* Глаза его потемнели, и из голубых стали почти фиолетовыми, казалось, он находился далеко. Ей хотелось бежать от него. Даже в самой комнате потемнело, как будто он разрывал ткань реальности, отъединяя прошлое от настоящего.

— Оно соскользнуло с твоего пальца, — сказал он. — Ты укладывала его бритвенные принадлежности в один из боковых кармашков, и оно просто соскочило. Ты не сразу заметила пропажу, а потом подумала, что оно где-то в номере. — Он засмеялся, это был высокий, звенящий ломкий звук — не обычный смех Джонни, а холодный... холодный. — Да уж, вы вдвоем вывернули ту комнату наизнанку. А ты его упаковала. Оно до сих пор лежит в кармашке чемодана. Все это время там пролежало. Поднимись на чердак и посмотри, Сара. Увидишь.

За дверь в коридоре кто-то уронил стакан или что-то еще и удивительно чертыхнулся. Джонни посмотрел на дверь, и глаза его посветлели. Затем он перевел взгляд на Сару, увидел ее застывшее лицо с широко раскрытыми глазами и озабоченно насутился.

— Что? Сара, я сказал что-то не то?

— Откуда ты узнал? — прошептала она. — Откуда ты узнал все это?

— Не знаю, — сказал он. — Сара, извини, если я...

— Мне надо идти, Джонни, у меня ведь Денни оставлен с чужой женщиной.

— Хорошо. Извини, Сара, что я расстроил тебя.

— Откуда ты узнал про мое кольцо, Джонни?

Он лишь покачал головой.

Она оставила Денни у миссис Лабелл, так что в доме, когда она вернулась, было пусто и тихо. По узкой лестнице она поднялась на чердак и, повернув выключатель, зажгла две свисавшие с потолка голые лампочки. Их вещи были сложены в углу, на оранжевых чемоданах — туристские накладки из Монреаля. Чемоданов было три. Она открыла первый, прощупала кармашки на резинке и ничего не нашла. То же было со вторым. То же и с третьим.

Она глубоко втянула воздух и выдохнула, чувствуя себя как-то

гупо и слегка разочарованно, но в основном облегченно. Необыкновенно облегченно. Никакого кольца. Извини, Джонни. Но с другой стороны, нечего извиняться. Иначе все выглядело бы страшновато.

Она начала укладывать чемоданы между высокой стопкой старых учебников Уолта времен колледжа и напольной лампой, которую когда-то уронила собака и которую Сара не решалась выбросить. И когда она уже отряхивала руки, собираясь уйти, где-то глубоко внутри еле слышно зашептал голосок: «А искала-то ты поверхностно, так ведь? На самом деле ты вовсе не хотела ничего найти, правда, Сара?»

Да. Да, она действительно ничего не хотела найти. И если голосок считал, что она снова откроет все эти чемоданы, то ошибался. Она опоздала уже на пятнадцать минут забрать Денни. Уолт должен был привезти к ужину одного из старших партнеров своей фирмы (очень важное дело), к тому же она собиралась ответить на письмо Бетти Хэкмен из Корпуса мира в Уганде — не успев вернуться оттуда, Бетти выскочила замуж за сына невероятно богатого коневода из Кентукки. К тому же ей нужно еще убраться в обеих ваннных комнатах, уложить волосы и выкупать Денни. У нее действительно слишком много дел, где там копаться на этом душном, пыльном чердаке.

И тем не менее она вновь открыла все чемоданы и на сей раз тщательно обыскала боковые кармашки и в самом углу третьего чемодана нашла свое обручальное кольцо. Она поднесла его к одной из голых лампочек и прочитала выгравированную на внутренней стороне надпись, такую же четкую, какой она была в тот день, когда Уолт надел кольцо ей на палец: УОЛТЕР И САРА ХЭЗЛИТ — 9 ИЮЛЯ 1972.

Сара долго смотрела на кольцо.

Потом уложила обратно чемоданы, выключила свет и спустилась по лестнице. Сняла пропылившееся льняное платье, надела брюки и легкую кофточку. Сходила к миссис Лабелл, жившей в том же квартале, и забрала сына. Когда они вернулись домой, Сара посадила сына в гостиную, где он стал ползать, а сама принялась готовить мясо и чистить картошку. Поставив мясо в духовку, она зашла в гостиную и увидела, что Денни уснул на ковре. Подняла его и отнесла в кроватку. Затем стала чистить туалеты. И несмотря ни на что, несмотря на приближавшееся время ужина, не переставала думать о кольце. Джонни знал. Она даже могла определить момент, когда он узнал: это произошло, когда она поцеловала его перед уходом.

При самой мысли о нем ее охватывала слабость и какое-то странное чувство, но она не могла бы сказать — какое. Все как-то смешалось. Его чуть кривая усмешка — такая же, как прежде; его совершенно изменившееся тело, такое худое и истощенное; его волосы, безжизненно лежавшие на голове, —

все так разительно отличалось от того, каким она его помнила. И ей ведь *захотелось* поцеловать его.

«Перестань», — пробормотала она про себя. В зеркале ванной собственное лицо показалось ей чужим. Возбужденное и разгоряченное и, скажем честно, — сексуальное.

Ее рука сжала кольцо в кармане брюк, и, почти не осознавая, что делает, она бросила его в чистую, голубоватую воду в унитаза, настолько сверкавшем чистотой, что если мистер Тричес из фирмы «Бариболт, Тричес, Мурхаус и Гендрон» захочет во время ужина сходить в туалет, его не покоробит неприглядная грязь на стенках унитаза, а кто знает, что может стать препятствием на пути молодого человека к тому, чтобы сделаться адвокатом могущественных людей, верно? Кто вообще что-либо знает в этом мире?

Раздался легкий всплеск, и кольцо, медленно переворачиваясь в прозрачной воде, пошло на дно. Ей показалось, что она услышала, как оно звякнуло, ударившись о фаянс, но, возможно, ей это лишь почудилось. В голове у нее стучало. Там, на чердаке, было жарко, душно и пыльно. Но каким сладким был поцелуй Джонни. Каким сладким.

Не раздумывая (и таким образом не давая рассудку взять верх), она протянула руку и спустила воду. Раздался шум и грохот воды. Возможно, он показался ей громче, чем на самом деле, так как глаза ее были зажмурены. Когда она их открыла, кольцо исчезло. Оно однажды потерялось и теперь потерялось вновь.

Внезапно она почувствовала слабость в ногах и, присев на край ванны, закрыла лицо руками. Свое разгоряченное лицо. Она больше не пойдет к Джонни. Не следовало этого делать. Она только расстроилась. Уолт привозит домой старшего партнера, у нее есть бутылка «Мондави» и серьезно ударившее по семейному бюджету жаркое — вот о чем ей следует думать. Ей следует думать о том, как она любит Уолта, и о Денни, спящем в своей кровати. Ей следует думать о том, что, сделав выбор в этом безумном мире, ты вынуждена жить с этим выбором. Больше она не будет думать о Джонни Смите и его кривой, такой обаятельной усмешке.

Ужин в тот вечер прошел очень успешно.

Когда Джонни, бледный, но сосредоточенный, появился в дверях вестибюля западного крыла больницы, репортеры вскочили и кинулись к нему. На нем была белая рубашка с открытым воротом и джинсы, которые явно были ему велики. На шее отчетливо выделялись рубцы — следы операций. Фотовспышки выстреливали в него теплым огнем и заставляли щуриться. Посыпались вопросы.

— Стойте! Стойте! — закричал Вейзак. — Он еще не совсем оправился! Он хочет сделать короткое заявление и ответить на несколько вопросов, но только если вы будете соблюдать порядок! Отодвиньтесь, а то трудно дышать!

Зажглись два телевизионных юпитера, залив вестибюль неестественно ярким светом. В дверях толпились врачи и сестры. Джонни отшатнулся от юпитеров, подумав: наверное, это и есть друммондов свет? У него было ощущение нереальности всего происходящего.

— А вы кто? — рывкнул один из репортеров на Вейзака.

— Я Сэмюэл Вейзак, врач этого молодого человека.

Атмосфера слегка разрядилась.

— Джонни, как вы себя чувствуете? — спросил Вейзак. Был ранний вечер, и загоревшаяся кухня Эйлин Мэгоун промелькнула сейчас далеким и незначительным видением, лишь тенью воспоминания.

— Вполне прилично, — ответил он.

— Так что вы хотите сказать? — крикнул один из репортеров.

— Ну, — сказал Джонни, — в общем, так. Мой физиотерапевт — женщина по имени Эйлин Мэгоун. Очень милая женщина, она помогла мне восстановить силы. Видите ли, я попал в аварию и... — Одна из телекамер надвинулась, вперившись прямо в него, и на какое-то мгновение он замялся. — И здорово ослаб. Мускулы как бы отказали. Сегодня утром мы были в физиотерапевтическом кабинете, процедуры уже заканчивались, и тут я почувствовал, что ее дом горит. То есть, если быть более точным... *Боже, ты говоришь как кретин!* — Я почувствовал, что она забыла выключить плиту и что занавески в кухне вот-вот загорятся. Тогда мы пошли и вызвали пожарную команду, вот и все.

На какое-то мгновение воцарилась тишина, пока репортеры переваривали сказанное. *Я что-то почувствовал, вот и все,* — а затем вновь посыпался град вопросов, и в шуме голосов уже ничего нельзя было разобрать. Джонни беспомощно оглянулся, он ощущал себя одиноким и очень уязвимым.

— Давайте по очереди! — закричал Вейзак. — Поднимайте руки! Вы что, в школе никогда не учились?

Поднялись руки, и Джонни указал на Дэвида Брайта.

— Можете ли вы назвать это экстрасенсорным явлением, Джонни?

— Я бы назвал это предчувствием, — ответил Джонни. — Я как раз кончил делать приседания. Мисс Мэгоун подала мне руку, чтобы помочь встать, а я уже все знал.

Он указал на следующего.

— Мел Аллен, портлендская «Санди телеграм». Мистер Смит, это было похоже на картинку? Мысленное изображение?

— Нет, совсем нет, — сказал Джонни, хотя уже не мог вспомнить, как все было на самом деле.

— С вами такое случалось прежде, Джонни? — спросила молодая женщина в брючном костюме.

— Да, несколько раз.

— Можете рассказать нам о других случаях?

— Нет, пожалуй, нет.

Один из телерепортеров поднял руку, и Джонни кивнул ему.

— Бывали ли у вас подобные прозрения до несчастного случая и последовавшей за ним комой, мистер Смит?

Джонни заколебался.

Все вокруг замерло. Телевизионные юпитеры жарко светили ему в лицо, подобно тропическому солнцу.

— Нет, — сказал он.

Снова посыпался град вопросов, и Джонни беспомощно посмотрел на Вейзака.

— Хватит! Хватит! — закричал тот. Когда шум утих, он взглянул на Джонни. — Вы устали, Джонни?

— Я отвечу еще на два вопроса, — сказал Джонни. — А затем... На самом деле... у меня был трудный день... да, мадам?

Он показал на полную женщину, которая протиснулась между двумя молодыми репортерами.

— Мистер Смит, — спросила она громким, зычным голосом, будто идущим из трубы, — кто будет выдвинут в президенты от демократов в будущем году?

— Этого я вам сказать не могу, — ответил Джонни, искренне удивленный таким вопросом. — Откуда мне знать?

Снова поднялись руки. Джонни указал на высокого мужчину в темном костюме с лицом трезвенника. Тот сделал шаг вперед. В его облике было что-то чопорное и змеиное.

— Мистер Смит, я Роджер Дюссо из льюистонской «Сан», и мне бы хотелось знать, представляете ли вы себе, почему именно у вас открылся такой исключительный дар... если, конечно, он у вас действительно открылся. Почему у вас, мистер Смит?

Джонни откашлялся, прочищая горло.

— Если я правильно понял... вы просите, чтобы я обосновал нечто такое, чего не понимаю сам. Я не могу это сделать.

— Не обосновать, мистер Смит. Просто объяснить.

Он думает, что я их дурачу. Или пытаюсь дурачить.

Вейзак подошел к Джонни.

— Быть может, я отвечу на ваш вопрос, — сказал он. — Или, по крайней мере, объясню, почему на него нельзя ответить.

— А вы что — тоже ясновидящий? — холодно спросил Дюссо.

— Да, как все неврологи. Нам без этого нельзя, — сказал Вейзак. Раздался взрыв смеха, и Дюссо покраснел.

— Леди и джентльмены, представители прессы. Этот человек провел четыре с половиной года в коматозном состоянии. Мы, изучающие человеческий мозг, не имеем ни малейшего представления о том, почему Джон оказался в этом состоянии или почему из него вышел, и все по одной причине: мы не понимаем сути такого явления, как не понимаем и что такое сон или простой акт пробуждения. Леди и джентльмены, мы почти ничего не знаем

даже о мозге лягушки или муравья. Можете меня цитировать... видите, я ничего не боюсь... так?

Снова смех. Вейзак им нравился. Но Дюссо не смеялся.

— Вы можете также меня **цитировать**, когда я говорю, что этот человек стал обладать совершенно новой или очень старой человеческой способностью. Почему? Если я и мои коллеги почти ничего не знаем даже о мозге муравья, как я отвечу почему? Могу, однако, обратить ваше внимание на некоторые интересные **моменты**, которые, впрочем, **необязательно** должны иметь какое-то **значение**. Один участок мозга у Джона Смита, правда, очень маленький, полностью поврежден... но для мозга все участки важны. Джон называет его «мертвой зоной», а там, по всей видимости, находится ряд элементов памяти. Все уничтоженные воспоминания, очевидно, были частью определенной «подгруппы» — туда входили названия улиц, проездов, дорожные знаки. Эта подгруппа составляет часть группы понятий, определяющих расположение предметов на местности. Небольшая, но полная афазия, судя по всему, затронула как языковые, так и зрительные способности Джона Смита.

В порядке компенсации другой крошечный участок его мозга, по-видимому, проснулся. Он расположен в районе темени. Это один из наиболее сложных участков «передового», или «думающего», мозга. Посылаемые им электрические импульсы совсем не такие, какими должны быть, правильно? И еще. Теменной участок имеет какое-то отношение к осязанию — в какой степени, сказать трудно — и расположен весьма близко к той части мозга, которая определяет и отождествляет различные формы и структуры. Так вот, по моим наблюдениям, «озарения» у Джона всегда вызывались предварительным контактом.

Тишина. Репортеры судорожно записывают. Телевизионные камеры, которые было придвинутись, чтобы показать крупным планом Вейзака, сейчас отъехали, чтобы в кадр вошел и Джонни.

— Так, Джонни? — снова спросил Вейзак.

— Мне кажется...

Внезапно сквозь толпу репортеров протиснулся Дюссо. Джонни подумал, что он собирается сделать какое-то опровержение. Затем он увидел, как Дюссо стаскивает что-то с шеи.

— Пускай продемонстрирует нам свои способности, — сказал Дюссо. Он держал медальку на тонкой золотой цепочке. — Посмотрим, что вы сделаете с этим.

— Ничего вы не посмотрите, — сказал Вейзак. Его седоватые густые брови грозно сдвинулись, и он воззрился на Дюссо, как пророк Моисей. — Этот человек не цирковой факир, сэр!

— А что, если вы меня дурачите? — спросил Дюссо. — Либо он может, либо нет, верно? Пока вы нам тут рассказывали обо всем, я и сам подумал кое о чем. Например, о том, что такие пар-

ни ничего не могут сделать, когда их просят, а значит, им грош цена.

Джонни окинул взглядом репортеров. Они смотрели на него во все глаза, нетерпеливо ожидая ответа. Исключение составлял Брайт, у которого был несколько смущенный вид. Джонни вдруг почувствовал себя христианином, брошенным в яму ко львам. Они все равно будут в выигрыше, подумал он. Если я смогу сказать ему что-нибудь интересное, они получат материал на первую полосу. Если не смогу или откажусь, состряпают фельетон.

— Ну что? — сказал Дюссо. Медаль раскачивалась на цепочке, зажатой в кулаке.

Джонни взглянул на Вейзака, но тот с отвращением отвернулся.

— Дайте-ка ее сюда, — сказал Джонни.

Дюссо передал медаль. Джонни положил ее на ладонь. Это оказалась медаль с изображением святого Христофора. Джонни выпустил тонкую цепочку и, когда она с сухим шуршанием выросла желтой горкой на ладони, прикрыл ее рукой.

Наступила мертвая тишина. У двери стояла группа врачей и медсестер; к ним присоединились несколько больных — они уже выписались, собирались уходить и были поэтому в верхней одежде. В конце коридора, ведущего в комнату отдыха с телевизором и настольными играми, сгрудились больные. Из главного вестибюля подошли посетители. Воздух был наэлектризован, как будто где-то рядом проходила линия высокого напряжения.

Джонни, бледный и худой, в белой рубашке и мешковатых джинсах, стоял молча. Он так сжал медаль в правой руке, что при свете телевизионных юпитеров были ясно видны вздувшиеся вены. Перед ним в темном костюме стоял Дюссо, спокойный, непогрешимый и суровый, как судья. Время словно остановилось. Ни кашля, ни шепота.

— О-о, — тихо сказал Джонни... и затем: — Вот как?

Пальцы его медленно разжались. Он взглянул на Дюссо.

— Ну? — спросил Дюссо, но уже совсем другим голосом: вся его агрессивность вдруг исчезла. Исчез и уставший, нервный молодой человек, только что отвечавший на вопросы репортеров. На губах Джонни играла полуулыбка, но ничего теплого в ней не было. Голубые глаза потемнели, взгляд их стал холодным и отсутствующим. У Вейзака мороз пробежал по коже. Потом он рассказывал, что увидел лицо человека, наблюдающего в сильный микроскоп интересную разновидность инфузории туфельки.

— Это медаль вашей сестры, — сказал Джонни, обращаясь к Дюссо. — Ее имя было Анна, но все звали ее Терри. Это ваша старшая сестра. Вы любили ее. Боготворили землю, по которой она ходила.

Внезапно голос Джонни Смита неузнаваемо и жутко изменился. Теперь это был высокий, срывающийся и неуверенный голос мальчишки-подростка.

— Это тебе, Терри, на случай, если будешь переходить Лисбон-стрит на красный свет или пойдешь гулять с каким-нибудь парнем из... Не забудь, Терри... не забудь...

Толстуха, спрашивавшая у Джонни, кого демократы выдвинут в будущем году кандидатом на пост президента, испуганно охнула. Один из телеоператоров хрипло пробормотал: «Боже правый!»

— Хватит, — прошептал Дюссо. Лицо его посерело, глаза выкатились, а на нижней губе заблестела слюна. Руки бессильно потянулись к медали, золотая цепочка была теперь обмотана вокруг пальцев Джонни. Медаль покачивалась, отбрасывая гипнотические лучи света.

— Не забывай меня, Терри. — умолял мальчишеский голос. — И... не прикасайся, пожалуйста... ради Бога. Терри, не прикасайся...

— *Хватит! Хватит, сукин сын!*

Джонни вновь заговорил своим голосом:

— Она не могла без наркотиков. Потом перешла на чистый спирт, а в двадцать семь лет умерла от разрыва сердца. Но она носила ваш подарок десять лет, Родж. Она помнила о вас. Никогда не забывала... Никогда... никогда... никогда...

Медаль выскользнула из пальцев Джонни и упала на пол с тонким мелодичным звоном. Джонни спокойно, холодно и отрешенно смотрел в пустоту. Дюссо, сдавленно рыдая, ползал у его ног в поисках медали, а вокруг царило полное оцепенение.

Сверкнула фотовспышка, лицо Джонни просветлело и стало прежним его лицом. На нем появилось выражение ужаса, а затем жалости. Он неуклюже присел рядом с Дюссо.

— Извините, — сказал он. — Извините, я не хотел...

— Дешевка, ловчила! — завопил Дюссо. — Это ложь! Ложь! Все ложь! — Он неловко ударил Джонни ладонью по шее, и тот свалился, сильно стукнувшись головой об пол. Из глаз посыпались искры.

Поднялся шум.

Джонни как в тумане увидел Дюссо — тот яростно пробивался к выходу. Вокруг Джонни толпились люди, их ноги казались ему внезапно выросшим лесом. Рядом очутился Вейзак и помог ему сесть.

— Джон, как вы? Сильно он вас?

— Не так сильно, как я его. Все нормально. — Джонни попытался подняться. Чьи-то руки помогли ему. Его покачивало и подташнивало: еще немного — и вывернет наизнанку. Произошла ошибка, ужасная ошибка.

Полная женщина, спрашивавшая насчет демократов, пронзительно вскрикнула. Дюссо грохнулся на колени, хватаясь за рукав

ее цветастой блузы, а затем устало вытянулся на кафеле около двери, к которой так рвался. Медаль с изображением святого Христофора была по-прежнему у него в руке.

— Потерял сознание, — сказал кто-то. — Глубокий обморок.

— Я виноват, — сказал Джонни Сэму Вейзаку. Ему сдавили, сжали горло слезы раскаяния. — Это я во всем виноват.

— Нет, — сказал Сэм. — Нет, Джон.

Джонни высвободился из рук Вейзака и направился к лежащему Дюссо, который начал приходить в себя и моргал, тупо глядя в потолок. К нему подошли двое врачей.

— Что с ним? — спросил Джонни. Он повернулся к репортерше в брючном костюме, но та в страхе метнулась от него.

Джонни повернулся в другую сторону, к телерепортеру, который спрашивал, были ли у него прозрения до аварии. Джонни вдруг почувствовал, что непременно должен кому-нибудь все объяснить.

— Я совсем не хотел причинить ему боль, — сказал он. — Честное слово, не хотел. Я не знал...

Телерепортер попятился к лестнице.

— Конечно, — сказал он. — Конечно, не знали. Он сам напросился, все это видели. Только... не трогайте меня, ладно?

У Джонни дрожали губы, он тупо уставился на репортера. Он был все еще в шоке, но начинал уже кое-что понимать. Да. Начиная понимать. Телерепортер попробовал изобразить улыбку, но у него лишь отвисла челюсть, как у мертвеца.

— Только не трогайте меня, Джонни. Пожалуйста.

— Все совсем не так, — сказал Джонни или попытался сказать. Он уже потом не решился бы утверждать, что вообще издал какой-либо звук.

— Не трогайте меня, Джонни, ладно?

Репортер отступил к своему оператору, который упаковывал аппаратуру. Джонни смотрел на репортера, застыв на месте. Его начало трясти.

— Вам же будет лучше, Джон, — сказал Вейзак. За ним стояла медсестра — белый призрак, подручная волшебника, колдуя над тележкой с лекарствами, этим раем наркомана, миром сладких грез.

— Нет, — сказал Джонни. Его еще трясло, а вдобавок прошибло холодным потом. — Никаких уколов. Я по горло сыт уколами.

— Тогда таблетку.

— И никаких таблеток.

— Поможет вам заснуть.

— А он сможет заснуть? Этот Дюссо?

— Он сам напросился, — пробормотала сестра и вздрогнула, поймав взгляд Вейзака. Но тот лишь ухмыльнулся.

— А она ведь права, — сказал он. — Сам напросился. Решил, что вы, Джон, торгуете пустыми бутылками. Вам надо хорошо выспаться, и все станет на свои места.

— Я сам засну.

— Джонни, пожалуйста.

Было четверть двенадцатого. Телевизор в другом конце палаты только что выключили. Джонни и Сэм вместе просмотрели снятый на пленку репортаж, следовавший сразу за рассказом о том, как Форд наложил вето на ряд законопроектов. Моя история будет поинтереснее, подумал Джонни с горькой радостью. Лысый республиканец, вещающий банальности о национальном бюджете, не шел ни в какое сравнение с тем, что снял здесь несколько часов назад оператор УАБИ. В конце репортажа Дюссо бежал через бестибюль с зажатой в руке медалью и падал в обморок, хватаясь за репортершу, словно утопающий за соломинку.

Когда ведущий начал рассказывать про полицейскую собаку, нашедшую четыреста фунтов марихуаны, Вейзак ненадолго вышел и, вернувшись, сообщил, что еще до окончания репортажа больничные телефоны разрывались от звонков людей, желавших поговорить с Джоном Смитом. Несколькими минутами позже появилась сестра с лекарствами, и Джонни убедился, что Сэм спускался к медсестрам не только затем, чтобы разузнать о реакции телезрителей.

В это мгновение зазвонил телефон.

Вейзак едва слышно выругался.

— Я же им сказал, чтобы не соединяли. Не отвечайте, Джон. Я...

Но Джонни уже взял трубку. Послушал немного, затем кивнул.

— Да, совершенно верно. — Он прикрыл рукой микрофон. — Это отец, — сказал Джон и открыл микрофон. — Привет, папа. Ты, конечно... — Он вслушался. Легкая улыбка слетела с губ и сменилась выражением ужаса. Джонни беззвучно зашевелил губами.

— Джон, что случилось? — резко спросил Вейзак.

— Хорошо, папа, — сказал Джон почти шепотом. — Да. Камберлендская терапевтическая. Я знаю, где это. Возле Иерусалимского пустыря. Хорошо. Да. Папа...

Голос его сорвался. В глазах слез не было, но они блестели.

— Я знаю, папа. Я тоже люблю тебя. Да, ужасно.

Послушал.

— Да. Да, это было, — сказал Джонни. — До скорого, папа. Да. До свидания.

Он повесил трубку, закрыл глаза ладонями.

— Джонни? — Сэм нагнулся и осторожно отвел одну его руку. — Что-нибудь с вашей матерью?

— Да. Мать.

— Инфаркт?

— Инсульт, — сказал Джонни, и Сэм Вейзак сочувственно присвистнул. — Они смотрели новости... никто из них не ожидал... и вдруг увидели меня... тут ее хватил удар. Боже. Она в больнице. Теперь, если что случится с отцом, он будет третьей жертвой, — Джонни истерически засмеялся, переводя дикий взгляд с Сэма на сестру и обратно. — Вот это дар! Всем бы такой. — Снова смехок, похожий на вскрик.

— Как она?

— Он не знает. — Джонни спустил босые ноги на пол. Он был в больничном халате.

— Вы соображаете, что делаете? — спросил отрывисто Сэм.

— А что такое?

Джонни встал, и сначала казалось, что сейчас Сэм толкнет его назад в кровать. Но он только наблюдал, как Джонни ковыляет к гардеробу.

— Не смешите меня. Вам еще нельзя, Джон.

Не стесняясь сестры — один Бог знает, сколько раз они видели его голый зад, — Джонни сбросил халат. Под коленками начинались толстые, крученые швы, исчезающие в слабо обозначенных икрах. Он порывлся в шкаф и вытащил белую рубашку и джинсы — те самые, что были на нем во время пресс-конференции.

— Джон, я категорически запрещаю. Как ваш врач и друг. Говорю вам, это безумие.

— Запрещайте сколько угодно, но я еду, — сказал Джонни. Он начал одеваться. На лице появилось то выражение отрешенной озабоченности, которое Сэм связывал с его трансами. Сестра ахнула.

— Сестра, вы можете вернуться к себе, — сказал Сэм.

Она попятилась к двери, постояла там какое-то мгновение и скрылась. Неохотно.

— Джонни. — Сэм поднялся, подошел к нему, положил руку на плечо. — Вы тут ни при чем.

Джонни стряхнул его руку.

— Еще как при чем, — сказал он. — Она смотрела на меня, когда это случилось. — Он начал застегивать рубашку.

— Вы просили ее принимать лекарства, а она прекратила.

Джонни посмотрел было на Вейзака, но затем продолжал застегивать рубашку.

— Если бы не сегодня, это произошло бы завтра, через неделю, через месяц...

— А то и через годы. Или через десять лет.

— Нет. Ни через десять лет, ни даже через год. И вы это знаете. Почему вы так спешите взвалить вину на себя? Из-за того фанфарона-репортера? А может быть, это извращенное чувство жалости к самому себе? Стремление увериться в том, что на вас лежит проклятие?

Лицо Джонни передернулось.

— Она смотрела *на меня*, когда это случилось. Разве вы не понимаете? Вы что, такой безмозглый?

— Она собиралась в трудный путь, до Калифорнии и обратно, вы сами мне говорили. На какой-то симпозиум. Что-то очень волнующее, судя по вашему рассказу. Так? Так. Почти наверняка это случилось бы там. Ведь инсульт не сваливается с ясного неба, Джонни.

Джонни застегнул джинсы и устало присел на кровать. Он был все еще босой.

— Да, — сказал он. — Да, может, вы и правы.

— Дошло! До него дошло! Слава Богу!

— И все же я должен поехать, Сэм.

Вейзак вскинул руки.

— И что дальше? Она на попечении врачей и Создателя. Такова ситуация. Вы должны понимать это лучше, чем кто-либо другой.

— Я нужен отцу, — мягко сказал Джонни. — Это я тоже понимаю.

— Как вы доберетесь? Ведь почти полночь.

— Автобусом. Или схвачу такси до «Подсвечника Питера». Автобусы ведь еще останавливаются там?

— Все это ни к чему, — сказал Сэм.

Джонни шарил под стулом в поисках ботинок и никак не мог их найти. Сэм вытащил ботинки из-под кровати и протянул ему.

— Я отвезу вас.

Джонни взглянул на него.

— Отвезете?

— Да, только если вы примете легкое успокоительное.

— А ваша жена... — Он смутился, сообразив, что о личной жизни Вейзака ему достоверно известно только одно: его мать живет в Калифорнии.

— Я разведен, — сказал Вейзак. — Врач редко бывает дома по ночам... если он не педиатр или не дерматолог. Моей жене супружеская постель казалась скорее полупустой, чем полуполной. Поэтому она заполняла ее, кем придется.

— Извините, — смутился Джонни.

— Вы тратите чересчур много времени на извинения, Джон. — Лицо у Сэма было мягким, а глаза — жесткими. — Надевайте ботинки.

Из больницы в больницу, в полудреме думал Джонни, как бы паря в воздухе под действием маленькой голубой таблетки, — он принял ее перед тем, как они с Сэмом вышли из «Медикэл центр» и уселись в «эльдорадо» выпуска 1975 года. Из больницы в больницу, от человека к человеку, из одного места в другое.

Странное дело, в глубине души он наслаждался этой поездкой: впервые за пять лет он покинул больницу. Ночь была ясная, по небу световой спиралью распластался Млечный Путь; они

мчались к югу через Пальмайру, Ньюпорт, Питсфилд, Бентон, Клинтон, а за ними над темными деревьями плыл месяц. С легким шуршанием машина летела среди всеобщего безмолвия. Из четырех динамиков магнитофона звучала тихая музыка — Гайдн.

В одну больницу попал в карете «Скорой помощи» из Кливс Милс, в другую еду на «кадиллаке», думал он. Но его это не тревожило. Хорошо было просто ехать, плыть по течению и на время забыть о матери, о своих новых способностях, о любителях лезть в чужую душу. (Он сам напросился... только не трогайте меня, ладно?) Вейзак молчал. Иногда он что-то мурлыкал себе под нос.

Джонни смотрел на звезды. Смотрел на шоссе, почти пустынное в этот поздний час. Оно безостановочно раскручивалось перед ними. Они миновали дорожный пост, где Вейзак получил билетик-квитанцию. И снова вперед — Гарднер, Сабаттис, Льюкстон.

Почти пять лет, дольше, чем иные, осужденны за убийство, проводят в тюрьме.

Он заснул.

Ему приснился сон.

— Джонни, — говорила во сне мать. — Джонни, помоги, исцели меня. — Мать была в нищенских отрепьях. Она ползла к нему по булыжной мостовой. Лицо у нее было бледное. Колени окровавлены. В редких волосах шевелились белые вши. Она протягивала к нему дрожащие руки. — Ты наделен божественной силой, — говорила она. — Это большая ответственность, Джонни. Большое доверие. Ты должен быть достоин его.

Он взял ее руки, накрыл их своими и сказал:

— Злые духи, оставьте эту женщину.

Она встала с колен.

— Исцелилась! — закричала она голосом, исполненным какого-то странного зловещего торжества. — *Исцелилась! Мой сын исцелил меня! Да славятся его земные деяния!*

Он пытался протестовать, сказать ей, что совсем не хочет вершить славные деяния, исцелять или вещать на нескольких языках, или предсказывать будущее, или находить утерянные вещи. Он пытался сказать ей все это, но язык не слушался. Затем мать оказалась позади него, она уходила по булыжной мостовой, подобострастно сгорбившись, но в то же время в ее облике было что-то вызывающее; голос матери звучал подобно колоколу:

— *Спасена! Спаситель! Спасена! Спаситель!*

И тут, к своему ужасу, он увидел, что позади нее тысячи, может быть даже миллионы других людей, изуверченных, искалеченных, запуганных. Там была и толстая репортерша, желавшая знать, кого демократы выдвинут в президенты в 1976 году, и до смерти перепуганный фермер в фартуке, с фотографией улыбающегося сына — молодого человека в форме военно-воздушных сил, пропавшего без вести во время налета на Ханой в 1972 году, и похожая на Сару заплаканная молодая женщина, она протягивала

ему младенца с оромной головой, на которой голубые вены сплетались в таинственные письмена, предвещавшие скорую смерть, и старик со скрюченными артритом пальцами, и многие другие. Они вытянулись на мили, они терпеливо ждут, они доканают его своими пугающими немymi мольбами.

— *Спасена!* — доносился настойчивый голос матери. — *Спаситель! Спасена! Спасена!*

Он пытался объяснить им, что не способен ни исцелять, ни спасать, но едва он открыл рот, как близстоящие вцепились в него и начали трясти.

Джонни действительно трясли. Это была рука Вейзака. Машину заполнял яркий оранжевый свет — жуткий свет, превращавший доброту лицо Сэма в лицо страшилища. Я еще сплю, подумал было Джонни, но тут же увидел, что это свет от фонаря на автомобильной стоянке. Фонари тоже поменяли, пока он находился в коме. Теперь вместо холодного белого света струился неестественный оранжевый, ложившийся на кожу, как краска.

— Где мы? — спросил он хрипло.

— У больницы, — сказал Сэм. — Камберлендской терапевтической.

— А-а. Хорошо.

Он выпрямился, стряхивая остатки сна.

— Вы готовы?

— Да, — сказал Джонни.

Они пересекли стоянку под мягкое стрекотание сверчков. В темноте носились светлячки. Мысли его были заняты матерью, но все же он не мог не чувствовать прелести мягкого благоухающего запаха ночи и легкого дуновения ветерка на щеке. Он наслаждался здоровым воздухом и чувствовал себя вполне окрепшим. Но Джонни вспомнил, зачем приехал сюда, и это радостное ощущение показалось ему почти кошунственным — но только почти. И отделаться от него не удалось.

Навстречу им по коридору шел Герберт: он был в старых брюках, ботинках на босу ногу и пижамной куртке. Джонни понял, насколько неожиданно все произошло. Вид отца говорил больше, чем Джонни хотел бы знать.

— Сынок, — вымолвил Герберт. Он весь как-то усох. Хотел сказать что-то еще, но не смог. Джонни обнял его, и Герберт разрыдался, уткнувшись в рубашку Джонни.

— Пап, — сказал он. — Все хорошо, пап, все хорошо.

Отец рыдал, положил руки на плечи Джонни. Вейзақ отвернулся и стал рассматривать картинки на стене — невзрачные акварели местных художников.

Герберт провел рукой по глазам и сказал:

— Посмотри, так в пижаме и приехал. У меня же было время переодеться, пока ждал «скорую». Просто в голову, наверно, не пришло. Старческий маразм.

— Ничего подобного.

— Ладно. — Герберт встряхнулся. — Тебя привез твой друг, врач? Очень любезно с вашей стороны, доктор Вейзак.

— Чепуха, не стоит благодарности, — пожал плечами Сэм.

Джонни с отцом прошли в небольшую приемную и сели.

— Пап, она...

— Угасает, — сказал Герберт. Он, вроде бы, успокоился. — В сознании, но угасает. Она спрашивала о тебе, Джонни. Наверное, только из-за тебя и держится.

— Это я виноват, — сказал Джонни. — Все это моя...

Он вздрогнул от боли и с удивлением уставился на отца — тот схватил его за ухо и больно вывернул. А ведь только что плакал у него на плече. Этот старый прием применялся им как наказание за самые тяжкие проступки. Последний раз, если Джонни не изменяла память, его драли за уши лет в тринадцать, когда он напроказил со старым «рэмблером». Он неосторожно нажал на педаль сцепления, машина бесшумно покатилась под горку и врезалась в садовый сарай.

— Чтоб никогда этого не говорил, — сказал Герберт.

— Пап, ты что!

Герберт отпустил его и усмехнулся.

— Забыл, небось, как тебя таскали за уши? Или думал, что я забыл? Нет, Джонни, не надейся.

Джонни все так же ошарашенно смотрел на отца.

— *Никогда* не смей винить себя.

— Но она же смотрела эти чертovsky...

— Новости, да. Так разволновалась, дрожит... вдруг вижу — она на полу и хватает воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. — Герберт придвинулся к сыну. — Доктору не до объяснений, но он спрашивал меня о каких-то «героических усилиях». Я ему ничего не стал говорить. Она по-своему согрешила, Джонни. Считала, что ей ведомы помыслы Создателя. Поэтому никогда не вини себя за ее ошибку. — Слезы вновь навернулись на его глаза. Голос стал тверже. — Видит Бог, я любил ее всю жизнь, но в последнее время все здорово осложнилось. Так что, наверное, это и к лучшему.

— А к ней можно?

— Да, она в конце коридора, тридцать пятая палата. Врачи знают, что ты можешь прийти, и она тоже. И вот еще что, Джонни. Что бы она ни говорила, соглашайся, не дай ей... умереть с мыслью, что все было напрасно.

— Конечно. — Он помолчал. — Ты со мной?

Не сейчас. Позже.

Джонни кивнул и пошел по коридору. Свет на ночь был потушен. Сейчас то короткое мгновение в мягкой теплой ночи казалось ему невообразимо далеким, зато кошмарный сон в машине, наоборот, приблизился.

Палата 35. Вера Элен Смит — сообщала маленькая карточка на двери. Знал ли он, что ее второе имя — Элен? Должен был бы, но знал ли? Он уже не мог вспомнить. Зато в памяти всплывало другое: как однажды в солнечный летний день на пляже Оулд Орчард она, улыбающаяся и веселая, принесла ему брикет мороженого, завернутый в носовой платок. Вспомнилось также, как они с матерью и отцом играли в карты на спички; позже, обуреваемая религиозными чувствами, она запретила карты в доме, даже криббидж. Джонни вспомнил и день, когда его ужалила пчела, и он, истошно вопя, прибежал к ней, а она поцеловала распухшее место, вытащила жало пинцетом и наложила на ранку тряпочку, смоченную в питьевой соде.

Он толкнул дверь и вошел. Мать бесформенной грудой лежала на кровати, и Джонни подумал: *Вот так и я лежал*. Сестра считала пульс; услышав скрип двери, она повернулась, и тусклый коридорный свет скользнул по стеклам ее очков.

— Вы — сын миссис Смит?

— Да.

— Джонни? — Голос был сухой и бесстрастный, в нем шелестела смерть, как шелестят камешки в пустой тыкве. От этого голоса — Господи, спаси и помилуй! — у Джонни побежали мурашки по телу. Он подошел ближе. Левая половина лица матери превратилась в страшную маску. Рука на одеяле была похожа на клешню. *Инсульт*, подумал он. *То, что старики называют ударом. Да. Именно такое у нее лицо. Будто ее хватил тяжелый удар.*

— Это ты, Джон?

— Я, мам.

— Джонни? В самом деле ты?

— Да, мам.

Он придвинулся еще ближе и заставил себя взять эту костлявую клешню.

— Мне нужен мой Джонни, — жалобно произнесла она.

Сестра кинула на него сочувственный взгляд, а ему захотелось врезать ей кулаком по очкам.

— Вы не оставите нас одних? — попросил он.

— Я, знаете, не должна, пока...

— Послушайте, это моя мать, и я хочу побыть с ней наедине, — сказал Джонни. — Понимаете?

— Я...

— Принеси мне соку, папочка, — охрипшим голосом выкрикнула мать. — Я, кажется, выпью целый литр!

— Уйдете вы наконец или нет? — не выдержал Джонни. Его охватила глухая тоска, которая мешала ему сосредоточиться. Его словно увлекло в темноту какой-то водоворот.

Сестра вышла.

— Мам, — сказал он, садясь возле кровати. Его не оставляло странное ощущение двойственности, обратного хода времени. Сколько раз мать вот так сидела возле него, наверное, тоже держала его исхудалую руку и разговаривала с ним? Джонни подумал о том, казалось бы, остановившемся времени, когда лежал в палате, которая словно надвинулась на него, и над ним склонилось лицо матери — он видел его сквозь тонкую пленку плаценты, с ее губ медленно слетали бессмысленные слова.

— Мам, — снова сказал он и поцеловал ее скрюченную руку.

— Дайте мне гвозди, я это сделаю, — сказала она. Ее левый глаз неподвижно застыл, правый дико вращался, точно у прищипленной лошади. — Мне нужен Джонни.

— Я здесь, мам.

— *Джон-ни! Джон-ни! Джон-ни!*

— Мам, — сказал он, боясь, что сестра вернется.

— Ты... — Она осеклась и слегка повернула к нему голову. — Наклонись... вот так, чтобы я тебя видела, — прошептала она.

Он наклонился, как она просила.

— Ты пришел, — сказала она. — Спасибо. Спасибо тебе. — Из здорового глаза потекли слезы. Другой, тот что находился на пораженной ударом стороне лица, безучастно смотрел вверх.

— Конечно, пришел.

— Я видела тебя, — прошептала она. — Что за силу дал тебе Господь, Джонни! Разве я тебе не говорила? Разве я не говорила, что так будет?

— Да, говорила.

— Он уготовил тебе миссию, — сказала она. — Не беги от нее, Джонни. Не прячься в пещере, как Илия, и не заставляй его посылать большую рыбу, чтобы она проглотила тебя. Не делай этого, Джон.

— Нет. Не буду. — Он держал ее птичью руку. В голове стучало.

— Ты не гончар, а гончарная глина, Джон. Запомни.

— Хорошо.

— Запомни это! — сказала она резко, и он подумал: *Опять она начинает молоть вздор*. Впрочем, вздора тут было не больше, чем в том, что она говорила, когда он вышел из комы.

— Слушай внимательно тихий голос, когда он раздастся, — сказала она.

— Да, мам, обязательно.

Она слегка повернула голову на подушке и... *неужели улыбнулась?*

— Ты, верно, думаешь, я сумасшедшая. — Она еще немного повернула голову и смотрела теперь прямо ему в глаза. — Но это неважно. Ты узнаешь голос, когда он раздастся. Он скажет тебе, что надо делать. Он сказал Иеремии и Даниилу, и Амосу,

и Аврааму. Дойдет очередь и до тебя. Он тебе скажет. И когда он скажет, Джонни... *исполни свой долг.*

— Хорошо, мам.

— Какая сила, — пробормотала она. Голос ее становился все глуше и непонятнее. — Какую силу дал тебе Господь... Я знала...

— Ее голос затих. Здоровый глаз закрылся. Другой невидяще смотрел перед собой.

Джонни сидел с ней еще минут пять, затем поднялся. Он взялся за дверную ручку и уже приоткрывал дверь, но, услышав ее сухой, дребезжащий голос, в котором звучал приказ, застыл на месте.

— *Выполни свой долг, Джон.*

— Да, мам.

Больше ему не пришлось с нею разговаривать. Она умерла утром двадцатого августа в пять минут девятого. В это же время в городе, расположенном севернее ее больницы, Уолт и Сара Хэзлиты спорили из-за Джонни и чуть не поругались, а где-то южнее Грег Стилсон доказывал одному парню, что тот — первостатейное дерьмо.

— Ты не понимаешь, — тоном, полным безграничного терпения, сказал Грег Стилсон парню, сидевшему в задней комнате полицейского участка в Риджуэе. Парень был без рубашки; он откинулся на складном стуле и потягивал из бутылки пепси-колу. Он снисходительно улыбался Грегу Стилсону, не понимая, что Грег больше двух раз ничего не повторяет; парню было ясно, что один из присутствующих — первостатейное дерьмо, о том, кто именно, он пока что имел весьма превратное представление, которое сейчас надлежало уточнить.

Если потребуется, то и силой.

Стояло теплое солнечное августовское утро. На деревьях пели птицы. И Грег чувствовал, что его судьба решится скорее, чем он предполагал. И значит, нужно быть поосторожнее с этим дерьмом. Это тебе не какой-нибудь патлатый кривоногий мотоциклист, от которого разит потом. Он учится в колледже, волосы у него умеренно длинные, вымыты до блеска, и к тому же он племянник Джорджа Харви. Джордж не то чтобы очень пекся о нем (в сорок пятом он с боями прошел Германию, и для этих длинноволосых хмырей у него в запасе было три слова, уж конечно, не «с днем рождения»), но... как-никак родная кровь. А в городском совете с Джорджем все считались. *Возьми-ка парня в оборот*, сказал Джордж Грегу, узнав, что начальник полиции Уиггинс арестовал его племянника. Но глаза говорили: *Только полегче. Как-никак родная кровь.*

Парень смотрел на Грега с ленивым презрением.

— Я все понимаю, — сказал он. — У меня отобрали футболку, и я хочу получить ее назад. А вот вам не мешает кое-что понять.

Если не отдадите, я напущу на вас Американский союз защиты гражданских свобод.

Грег поднялся, подошел к серо-стальному сейфу для бумаг напротив автомата с содовой водой, вытащил связку ключей, выбрал нужный и открыл сейф. Поверх кипы бланков для регистрации дорожно-транспортных происшествий лежала красная футболка. Он расправил ее так, чтобы видна была надпись: «ПЕРЕСПИМ, КРОШКА?»

— Ты ходил в ней по улице, — сказал Грег тем же мягким голосом.

Парень качнулся на задних ножках стула и глотнул еще пепси. Легкая снисходительная улыбка, почти ухмылка, не сходила с его губ.

— Точно, — сказал он. — И хочу получить ее назад. Это моя собственность.

У Грега разболелась голова. Этот стервец не понимает, как все просто делается. Комната звукоизолирована, и из нее не вырываются крики. Нет, он не сознает. Он не понимает.

Только держи себя в руках. Не переборщи. Не перегни палку.

Легко рассуждать. Обычно и делать легко. Но его вспыльчивость... иногда он терял над собой контроль.

Грег полез в карман и достал зажигалку.

— И скажите своему гестаповцу Уиггинсу и моему фашисту дядюшке, что первая поправка к конституции... — Парень остановился, глаза его чуть расширились. — Вы что?.. С ума сошли? Эй! Эй!

Не обращая на него внимания и внешне спокойно, Грег щелкнул зажигалкой. Пламя взметнулось вверх, и Грег поджег футболку. Она сразу занялась.

Передние ножки стула с треском ударились об пол, парень рванулся к Грегу с бутылкой пепси в руке. Самодовольная ухмылка исчезла, уступив место оторопи и нескрываемому удивлению — и еще гневу избалованного шалопая, которому слишком долго все позволяли.

Со мной еще никогда так не разговаривали, подумал Грег, и головная боль сразу дала о себе знать. О, он должен держать себя в руках.

— Отдай! — крикнул парень. Грег держал футболку двумя пальцами за воротник на вытянутой руке, готовый бросить ее, когда станет чересчур горячо. — Отдай ее, ты, дерьмо! Она моя! Она...

Грег положил руку на голую грудь парня и толкнул что было силы — а силы было порядочно. Парень полетел в другой конец комнаты, и тут гнев его сменился страхом — этого Грег и добивался.

Грег бросил глеющую футболку на кафельный пол и вылил на нее остатки пепси из бутылки. Она противно зашипела.

Парень медленно поднимался, прижимаясь спиной к стене. Грег перехватил его взгляд. Глаза у парня были карие и широко-широко открытые.

— Мы должны договориться, — произнес Грег; собственные слова доносились до него, словно издалека, приглушенные болезненным шумом в голове. — Мы сейчас проведем маленький семинар и выясним, кто здесь дерьмо. Ты меня понял? Мы разберем конкретный пример и сделаем кое-какие выводы. Как у вас в колледже. Вы ведь любите разбирать примеры и делать выводы?

Парень прерывисто втянул воздух. Облизнул губы, будто собираясь заговорить, и вдруг закричал:

— Помогите!

— Да, тебе нужно помочь, это точно, — сказал Грег. — И я тебе, пожалуй, помогу.

— Вы псих, — сказал племянник Джорджа Харви и заорал снова, но уже громче: — Помогите!

— Очень может быть, — сказал Грег. — Вполне возможно. Но нам нужно выяснить, сынок, кто же здесь дерьмо. Понимаешь, о чем я?

Он взглянул на бутылку пепси в руке и вдруг яростно двинул ею об угол стального сейфа. Она разлетелась вдребезги, и когда парень увидел осколки стекла на полу и направленные на него острые зазубрины бутылки, он завопил. Его джинсы, до белизны вытертые между ног, внезапно потемнели. Лицо стало цвета старого пергамента. А когда Грег двинулся к нему, давая стекло тяжелыми ботинками, которые он носил зимой и летом, парень от страха вжался в стену.

— Когда я выхожу на улицу, я надеваю белую сорочку, — сказал Грег и оскалился, показывая белые зубы. — Иногда с галстуком. Когда же ты выходишь на улицу, то на тебе какое-то тряпье с грязными словами. Так кто из нас дерьмо, детка?

Племянник Джорджа Харви что-то проскулил. Он не спускал вытаращенных глаз с острого зазубренного стекла.

— Вот я стою, сухой и опрятный. — сказал Грег, надвигаясь, — а у тебя течет по ногам. Так кто же дерьмо?

Он стал тыкать острым стеклом в потную грудь парня, и племянник Джорджа Харви заплакал. Вот из-за таких страна разваливается, подумал Грег. Сгусток ярости kloкотал и звенел у него в голове. Из-за вонючих желторотых сопляков вроде этого.

Только не покалечь его... не перегни палку...

— Я говорю, как человек, — сказал Грег, — а ты, детка, визжишь, как свинья в грязной канаве. Так кто же дерьмо?

Он снова ткнул разбитой бутылкой; одна из острых зазубрин царапнула кожу парня под правым соском, и там выступила капелька крови. Парень истошно завопил.

— Я с тобой разговариваю, — сказал Грег. — И лучше отвечай, как отвечал бы своему учителю. Так кто же дерьмо?

Парень что-то прохныкал, но ничего нельзя было разобрать.

— Отвечай, если хочешь сдать экзамен, — сказал Грег. — Я ведь выпущу тебе кишки, детка. — Сейчас он был близок к этому. Он не мог смотреть на набухшую каплю крови; если бы посмотрел, то совсем обезумел бы, и тогда уж было бы все равно, кто перед ним — племянник Джорджа Харви или какой-нибудь другой тип. — Так кто дерьмо?

— Я, — выдавил парень, всхлипывая, как маленький ребенок.

Грег улыбнулся. Боль глухо стучала в висках.

— Ну вот, уже хорошо. Для начала. Но этого мало. Я хочу, чтобы ты сказал: «Я дерьмо».

— Я дерьмо, — сказал парень, все еще рыдая. Из носа у него потекли сопли, да так и повисли. Он вытер их тыльной стороной ладони...

— Нет, я хочу, чтобы ты сказал: «Я первостатейное дерьмо».

— Я... первостатейное дерьмо.

— А теперь еще одно, и, пожалуй, на этом закончим. Скажи: «Спасибо, что сожгли эту поганую футболку, мэр Стилсон».

Парень уже был готов на все. Перед ним забрезжила свобода.

— Спасибо, что сожгли эту поганую футболку.

Одной из зазубрин Грег чиркнул справа налево по мягкому животу парня — показалась полоска крови. Он едва царапнул по коже, но парень взвыл так, словно за ним гнались все черти ада.

— Ты забыл сказать «мэр Стилсон», — сказал Грег, и вдруг его отпустило. Головная боль еще разок дала себя знать сильным толчком и затихла. Он тупо смотрел на бутылочное стекло в руке и с трудом соображал, откуда оно взялось. Чертовски глупо. Чуть было не наломал дров из-за этого подонка.

— Мэр Стилсон! — выкрикивал парень. Он вконец обезумел от страха. — Мэр Стилсон! Мэр Стилсон! Мэр Стил...

— Ну вот и хорошо, — сказал Грег.

— ...сон! Мэр Стилсон! Мэр Стилсон! Мэр...

Грег сильно смазал его по лицу. Парень стукнулся головой о стену и замолчал, бессмысленно вытаращив глаза.

Грег подошел к нему вплотную. Протянул руки. Сжал голову парня ладонями и притянул его к себе. Они смотрели друг на друга почти в упор.

— Так вот, твой дядя в этом городе сила, — мягко сказал он, держа парня за уши, как за ручки. Глаза у парня были огромные, карие и слезились. — Я тоже — сила... или скоро буду... хоть я и не ровня Джорджу Харви. Он здесь родился, вырос и все такое. И если ты расскажешь своему дядюшке о том, что тут произошло, он еще, чего доброго, вздумает убрать меня из Риджуэя.

Губы парня дрожали в почти беззвучном реве. Грег медленно потряс его за уши.

— Наверное, не вздумает... Он чертовски разозлился из-за этой твоей футболки. Но может. Кровные изы — крепкие узы. Так что поразмысли хорошенько, сынок. Если ты расскажешь дядюшке, что здесь произошло, и дядя выпрет меня отсюда, я скорее всего прикончу тебя. Ты мне веришь?

— Да, — прошептал парень. Щеки у него были мокрые, блестящие.

— Да, сэр, мэр Стилсон.

Грег отпустил его уши.

— Да, — сказал он. — Я убью тебя, но сначала я расскажу всем желающим, как ты обмочился тут, ревел и распустил сопли

Он отвернулся, быстро отошел, словно от парня дурно пахло, и направился снова к сейфу. Он достал с полки коробку с пластырем и кинул через комнату парню, который отшатнулся и не поймал ее. Но затем поспешно поднял коробку, опасаясь, что Стилсон снова набросится на него.

— Ванная вон там, — показал рукой Грег. — Приведи себя в порядок. Я дам тебе другую футболку. Ты пришьешь ее мне назад, выстиранную, без единого пятнышка. Понятно?

— Да, — прошептал ларень.

— Сэр! — закричал Стилсон. — Сэр! Сэр! Сэр! Ты что, не можешь запомнить?

— Сэр, — простонал парень. — Да, сэр. Да, сэр.

— Ничему-то вас не учат, — сказал Грег. — Никакому уважению.

Головная боль снова дала о себе знать. Он сделал несколько глубоких вдохов и подавил ее, но в животе творилось черт знает что.

— Ладно, покончим с этим. Хочу только дать тебе полезный совет. Когда вернешься осенью в свой чертов колледж или куда там еще, не начини ненароком думать, будто здесь произошло что-нибудь не то. И не строй иллюзий насчет Грега Стилсона. Лучше тебе, мне и Джорджу выкинуть все из головы. Если тебе вдруг покажется, что ты можешь отыгаться, что будет самая ужасная ошибка в твоей жизни. Наверное, последняя.

С этими словами Грег вышел, бросив последний презрительный взгляд на парня; тот стоял, вытаращив глаза, губы его дрожали, грудь и живот пестрели запыльными пятнышками крови. Он походил на десятилетнего мальчишку-переростка, которого выставили из школьной бейсбольной команды.

Мысленно Грег поспорил с самим собой, что никогда больше не увидит и не услышит этого парня, — и выиграл. Через несколько дней Джордж Харви остановился у парикмахерской, где брился Грег, и поблагодарил его за то, что он «вразумил» его племянника.

— Вы умеете с ними обращаться, Грег, — сказал он. — Не знаю... они почему-то уважают вас.

— Не стоит об этом говорить, — ответил Грег.

Когда Грег Стилсон сжигал футболку с неприличной надписью в Нью-Гэмпшире, Уолт и Сара Хэзлиты завтракали в Бангоре, штат Мэн. Уолт читал газету.

Он со стуком поставил чашку кофе на стол и сказал:

— Сара, твой старый дружок попал в газету.

Сара кормила Денни. Она была в халате, волосы не расчесаны, глаза едва открыты. На восемьдесят процентов она еще была сонная после вчерашней вечеринки. Почетным гостем был Гарри-сон Фишер — конгрессмен от третьего округа Нью-Гэмпшира с незапамятных времен и верный кандидат на переизбрание в будущем году. Вечеринка была для нее и для Уолта вопросом политическим. *Политический*. Это словцо Уолт в последнее время употреблял частенько. Вчера он выпил куда больше Сары, но сегодня уже с утра был одет и свеж как огурчик, а она будто помоев нахлебалась. Где справедливость?

— Бяка, — подал голос Денни и выплюнул всю фруктовую смесь.

— Как некрасиво, — сказала Сара. И затем Уолту: — Ты говоришь о Джонни Смите?

— О ком же еще?

Она встала и, обогнув стол, подошла к Уолту.

— С ним ничего не случилось?

— Судя по всему, здоров и процветает, — сухо сказал Уолт.

Размер заголовка потряс ее: **ОЧНУВШИЙСЯ ОТ КОМЫ БОЛЬНОЙ ДЕМОНИСТРИРУЕТ ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ НА СКАНДАЛЬНОЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ**. Репортаж был подписан Дэвидом Брайтом. На помещенном рядом снимке она увидела Джонни, худого жалкого и растерянного; он стоял над распростертым телом человека по имени Роджер Дюссо, репортера льюнстонской газеты. Подпись под снимком гласила: *«Репортер теряет сознание после откровения»*.

Сара села рядом с Уолтом и начала читать репортаж. Это не понравилось Денни, который забарабанил по своему стульчику, требуя утреннее яйцо.

— Кажется, он тебя зовет, — сказал Уолт.

— Ты не покормишь его, милый? У тебя он все равно ест лучше. — *Продолжение см. на стр. 9, колон. 3.* Она открыла газету на девятой странице.

— Лестью добьешься чего хочешь, — миролюбиво сказал Уолт. Он скинул спортивную куртку и надел ее фартук. — Даю, даю, парень, — проговорил Уолт и начал кормить Денни яйцом.

Сара прочла репортаж дважды. Глаза ее снова и снова притягивал снимок — растерянное, охваченное ужасом лицо Джонни. Люди, обступившие распростертого Дюссо, смотрели на Джонни почти со страхом. Она понимала, почему. Сара вспомнила, как навестила Джонни, когда он вышел из комы. Она поцеловала его, и тут на его лице появилось странное, озабоченное выраже-

ние. А когда он сказал, где она найдет потерянное обручальное кольцо, она тоже испугалась.

Но послушай, Сара, твой тогдашний испуг — это ведь совсем другое.

— Еще немножко, ты же большой мальчик, — долетали до нее будто издалека слова Уолта. Сара взглянула на мужа и сына — они сидели рядом в пронизанном пылинками луче солнечного света, ее фартук свисал между колен Уолта, и ей вдруг снова стало страшно. Она ясно увидела, как кольцо, переворачиваясь, опускается на дно унитаза. Услышала негромкий стук при его ударе о фаянс. Вспомнила про маску Джонни накануне Дня Всех Святых, про мальчишку, говорившего: *Приятно посмотреть, как вздрючат этого типа*. Она думала об обещаниях, которые даются и никогда не выполняются, и ее взгляд возвращался к худому лицу на газетной полосе, изможденному и измученному лицу, смотревшему на нее с таким удивлением.

— ...Выдумка, в любом случае выдумка, — сказал Уолт, вешая фартук. Он-таки заставил Денни съесть яйцо, и теперь их сын и наследник удовлетворенно потягивал сок из бутылочки.

— Что? — Сара подняла взгляд.

— Я сказал, что для человека, которому предстоит оплатить больничные счета на добрых полмиллиона долларов, это чертовски удачная выдумка.

— О чем ты говоришь?! Какая еще выдумка?!

— Конечно, — сказал Уолт, явно не замечая ее возмущения. — Он мог бы заработать семь, а то и десять тысяч, написав книгу о той аварии и своем пребывании в коме. А уж если он вышел из комы ясновидящим, то тут можно грести деньги лопатой.

— Ты что, серьезно? — Голос Сары дрожал от ярости.

Сначала на лице Уолта выразилось удивление, затем оно сменилось пониманием. Этот понимающий взгляд взбесил ее еще больше. Если бы она откладывала по пять центов каждый раз, когда Уолт Хэзлит считал, что понимает ее, они могли бы уже слетать на Ямайку первым классом.

— Извини, что я затеял этот разговор, — сказал он.

— Если хочешь знать, Джонни такой же обманщик, как папа римский...

Он громко захохотал, и Сара чуть было не швырнула в него кофейной чашкой. Но сдержалась, сложила под столом ладони и сжала их. Денни уставился на отца, а затем тоже разразился смехом.

— Малышка, — сказал Уолт, — я ничего не имею ни против него, ни против его действий. Я даже его уважаю. Если этот заплесневелый толстый мухомор Фишер за пятнадцать лет в палате представителей сумел из разорившегося юриста подняться в миллионера, то любой человек имеет полное право заработать, сколько может, разыгрывая из себя ясновидящего...

— Джонни не обманщик... — монотонно повторила она.

— Это же приманка для старушек, которые подсинивают кудряшки, читают бульварные еженедельники и состоят членами «Всемирного клуба любителей книг», — сказал он бодро. — Хотя должен признать, что немного ясновидения не помешало бы при отборе присяжных для суда над Тиммонсом.

— Джонни Смит не обманщик, — повторила она и услышала слова Джонни: *Оно соскочило с твоего пальца. Ты убирала бритвенные принадлежности Уолта, и оно просто соскочило... поднимишься наверх, Сара, и посмотри. Та найдешь его там.* Но она не могла сказать этого мужу. Он не знал, что она ездила повидать Джонни.

Ничего нет плохого в том, что я навестила Джонни, убеждала она себя.

Допустим, но как Уолт отнесется к тому, что она выбросила свое обручальное кольцо в туалет? Он может не понять внезапного приступа страха, заставившего ее так поступить, страха, который сейчас она видела на лицах других людей, попавших в газету, да и на лице самого Джонни. Нет, этого Уолт может совсем не понять. Как-никак, есть что-то неприятно символичное в том, что ты бросаешь кольцо в туалет и затем спускаешь воду.

— Ну, хорошо, — произнес Уолт, — он не обманщик. Но я просто не верю...

Сара тихо сказала:

— Посмотри на людей, которые стоят за ним, Уолт. Посмотри на их лица. *Они верят.*

Уолт бегло взглянул.

— Конечно, так же, как ребенок верит фокуснику на сцене.

— Ты что же думаешь, Дюссо был, как ты это называешь, подставным? В отчете сказано, что они никогда раньше не встречались.

— Только так фокусы и срабатывают, Сара, — терпеливо сказал Уолт. — Никакой иллюзионист не станет вытаскивать кролика из клетки — только из шляпы. Либо Джонни Смит что-то знал, либо чертовски удачно угадал, основываясь на поведении Дюссо.

Сейчас она его ненавидела, испытывала отвращение к этому добряку, за которого вышла замуж. Собственно говоря, ничего особенного за ним не замечалось, он был порядочный, уравновешенный, добродушный человек, обладавший чувством юмора, — просто он свято верил, что все рвутся к выигрышу и каждый использует при этом свои маленькие хитрости. Сегодня утром он назвал Гаррисона Фишера заплесневелым толстым мухомором, а вчера вечером умирал со смеху от рассказов Фишера о Греге Стилсоне, чудаковатом мэре из какого-то заштатного городка, — не иначе свихнулся малый, если собирается выставить как неза-

висимый свою кандидатуру в палату представителей на выборах будущего года.

Нет, в мире Уолта Хэзлита не было ни экстрасенсов, ни героев, здесь существовала одна доктрина: *мы должны изменить систему изнутри*. Он был порядочный, уравновешенный человек, любил ее и Денни, но ее вдруг потянуло к Джонни, и ей стало жаль те пять лет, что у них украли. Или даже целую жизнь. И ребенка, у которого волосы были бы темнее.

— Ты лучше иди, дорогой, — сказала она тихо. — Они там съедят твоего Тиммонса со всеми потрохами.

— Пожалуй, — улыбнулся он ей. Выводы сделаны, заседание окончено. — Мир?

— Мир. — *Но ведь он знал, где было кольцо*. Он знал. Уолт поцеловал Сару, слегка коснувшись правой рукой до затылка. Он всегда на завтрак ел одно и то же, всегда одинаково целовал жену, когда-нибудь они переедут в Вашингтон, и никаких экстрасенсов нет.

Через пять минут он вывел задним ходом их маленький красный «пинто» на Понд-стрит, как обычно коротко погудел на прощание и уехал. Она осталась одна с Денни, который с риском для жизни пытался слезть со своего высокого стульчика.

— Все-то ты делаешь не так, недотепа! — Сара прошла через кухню и подхватила сына.

— Бяка! — недовольно сказал Денни.

В кухню, крадучись, точно малолетний преступник, неторопливо вошел их забавный кот Рыжик, и Денни схватил его на руки, сопя от удовольствия. Рыжик прижал уши и смирился со своей участью.

Сара убирала со стола и улыбалась по инерции. Тело, находящееся в состоянии покоя, склонно пребывать в нем, а ей было покойно. Бог с ними, с недостатками Уолта, у Сары своих хватает. Она пошлет Джонни рождественскую открытку, и этим дело кончится. Так оно будет лучше, безопаснее... потому что движущееся тело склонно продолжать движение. А ей здесь хорошо. Она пережила трагедию, связанную с Джонни, который был так несправедливо отнят у нее (но ведь в этом мире столько несправедливого), прошла через собственные водовороты на пути к тихой заводи, и здесь она останется. Эта залитая солнцем кухня — неплохое место. Лучше забыть ярмарку, «Колесо удачи» и лицо Джонни Смита.

Наливая в раковину воду для мытья посуды, она включила радио и услышала начало новостей. Первое же сообщение заставило ее застыть с только что вымытой тарелкой в руке; в тревожном раздумье она смотрела на их маленький дворик. С матерью Джонни случился удар, когда она смотрела телевизионную передачу о встрече сына с репортерами. Сегодня утром она умерла, около часа назад.

Сара вытерла руки, выключила радио и вызволила Рыжика из рук Денни. Она отнесла мальчика в гостиную и посадила в манеж. Денни оскорбленно заревел, на что она не обратила никакого внимания. Сара подошла к телефону и набрала номер «Медикэл сентр». Телефонистка, которая, очевидно, устала повторять одно и то же, сообщила, что Джон Смит выписался из больницы вчера вечером, незадолго до полуночи.

Сара положила трубку и села на стул. Денни продолжал плакать в манеже. Из раковины перебегала вода. Немного погодя Сара поднялась, пошла на кухню и завернула кран.

Репортер из журнала «Потусторонний взгляд» явился 16 октября, вскоре после того, как Джонни сходил за почтой.

Отцовский дом был удален от дороги; усыпанная гравием подъездная дорожка длиной почти в четверть мили пролежала вдоль стоявших плотной стеной елей и сосен. Джонни ходил по ней каждый день. Поначалу он возвращался к веранде, дрожа от изнеможения, хромая и едва держась на ногах — их словно жгло огнем. Теперь, через полтора месяца после приезда домой (сначала он преодолевал полмили за час), эта ежедневная прогулка доставляла ему удовольствие, и он ожидал ее с нетерпением. Именно прогулку, а не почту.

Джонни стал колоть дрова к предстоящей зиме, Герберт собирался для этого нанять людей, поскольку сам подрядился делать внутренний ремонт в домах Либертивилла.

— Когда старость заглядывает через плечо, Джон, это всякий чувствует, — сказал он как-то с улыбкой. — Стоит подкрасться осени — и работа на открытом воздухе становится не по силам.

Джонни поднялся на веранду и с легким вздохом облегчения сел в плетеное кресло. Он закинул правую ногу на перила веранды, потом, морщась от боли, обеими руками поднял левую и положил ее сверху. Затем просмотрел полученную почту.

В последнее время она пошла на убыль. В первую неделю его пребывания в Паунале приходило в день до двадцати писем и восемь-девять бандеролей; в основном они пересылались из «Медикэл сентр», но некоторые были адресованы прямо в Паунал, на конвертах писали: Паунэлл, или Поунал, а однажды даже Пунатс, до востребования-.

Среди авторов писем большинство составляли люди одинокие, мечтающие найти в жизни хоть какой-либо смысл. Были письма от детей, просивших автограф, от женщин, желавших переспать с ним, от безнадежно влюбленных, которые спрашивали у Джонни совета. Иногда ему присылали талисманы на счастье. Иногда гороскопы. Многие письма были проникнуты религиозным духом; когда он читал эти послания, написанные с орфографическими ошибками, крупными, старательно выведенными буквами, немногим отличавшимися от каракулей смышленного первоклассника, ему мерещился призрак матери.

Джонни уверяли, что он пророк, призванный вывести усталый и разочарованный американский народ из пустыни. Предвестник близкого конца света. К сегодняшнему дню — шестнадцатого октября — он получил восемь экземпляров книги «Бывшая великая планета Земля» Хола Линдсея; мать наверняка одобрила бы это сочинение. Джонни призывали объявить о божественном происхождении Христа и положить конец распущенности молодежи.

Шел и поток враждебных писем, как правило, анонимных, их было меньше, но они дышали страстью, как и корреспонденция почитателей Джонни. Один нацарапал карандашом на желтом бланке, что Джонни антихрист и хорошо бы ему покончить с собой. Четверо или пятеро интересовались, какое испытываешь чувство, убив собственную мать. Очень многие обвиняли его в надувательстве. Один умник написал: «Предвидение, телепатия — чушь собачья! Дерьмо ты, а не экстрасенс!»

А кроме того, ему присылали *вещи*. Это было хуже всего.

Каждый день по дороге с работы домой Герберт заходил на почту и забирал бандероли, которые из-за своих габаритов не могли поместиться в почтовом ящике. Сопроводительные записки были, в основном, одинаковые — исступленный крик: *Скажите мне, скажите мне, скажите мне!*

Это шарф моего брата, пропавшего без вести во время рыбной ловли на Аллагаше в 1969 году. Я уверена, что он еще жив. Скажите мне, где он.

Это губная помада с туалетного столика моей жены. Мне кажется, у нее с кем-то роман, но я не уверен. Скажите мне, справедливы ли мои подозрения.

Это браслет с именем моего сына. Он перестал приходить домой после школы, пропадает где-то до позднего вечера, я просто с ума схожу. Скажите мне, чем он занимается.

Женщина из Северной Каролины — откуда только она узнала о нем, ведь августовская пресс-конференция на всю страну не транслировалась — прислала обожженный кусок дерева. Ее дом сгорел, писала она, в огне погибли муж и двое из пятерых детей. Пожарная служба города Шарлотт заявила, что всему виной неисправная электропроводка, но она с такой версией не согласна. Дом наверняка подожгли. Она хотела, чтобы Джонни потрогал почерневший кусок дерева и определил, кто совершил поджог, и пусть это чудовище остаток своей жизни гниет в тюрьме.

Джонни не ответил ни на одно письмо и вернул все предметы (даже обуглившийся кусок дерева) за свой счет без каких-либо объяснений. Но он-таки *потрогал* некоторые. Большинство из них, в том числе обуглившийся кусок стеной панели, присланный убитой горем женщиной из Шарлотт, абсолютно ничего ему не говорили. Но иногда контакт порождал тревожные образы, вроде тех, от которых просыпаешься ночью. Чаще всего было почти не за

что зацепиться: картина появлялась и тут же исчезала, оставив лишь смутное ощущение. Но один раз...

...Женщина прислала ему шарф в надежде выяснить, что случилось с ее братом. Шарф был белый, вязаный, ничем не отличающийся от миллиона других. Но стоило ему взять его в руки, как отцовский дом внезапно куда-то исчез, а звук телевизора в соседней комнате стал нарастать и убывать, нарастать и убывать, пока не превратился в монотонный гуд летних насекомых и далекие всплески воды.

В нос ударили лесные запахи. Сквозь кроны высоченных старых деревьев пробивались зеленоватые солнечные лучи. Он шел уже три часа, почва под ногами стала вязкой, хлюпающей, почти болотистой. Он был напуган, здорово напуган, но старался не поддаваться страху. Если потеряешься в безлюдных северных краях, и запаникуешь, можно заказывать надгробную плиту. Он продолжал двигаться на юг. Прошло два дня, как он расстался со Стивом, Рокки и Логаном. Они раскинули палатки около...

(название не приходило, оно было в «мертвой зоне»)

...какой-то ручей, ловля форели, сам виноват: не надо было так напиваться.

Он видел свой рюкзак, прислоненный к стволу старого, покрытого мхом упавшего дерева, белые омертвевшие сучья, подобно костям, проглядывали тут и там сквозь зелень, да, он видел свой рюкзак, но не мог до него дотянуться, потому что отошел в сторону помочиться и угодил в самую топь, его сапоги почти до верха погружались в грязную жижу, он попытался вернуться назад и найти местечко посуше, чтобы сделать свое дело, но не мог. Он не мог выбраться, потому что это была не грязь. Это было... что-то другое.

Он стоял, оглядываясь кругом в тщетной надежде ухватиться за что-нибудь, чуть ли не смеясь над своим идиотским положением: отлил водичку, нечего сказать.

Он стоял, поначалу уверенный, что это всего-навсего мелкий заболоченный участок, в худшем случае, зачерпнет в сапоги — и ладно, зато будет что порассказать, когда его разыщут.

Он стоял, еще не поддаваясь панике, пока жижа не начала неумолимо подниматься выше колен. Тогда он принялся барахтаться, позабыв, что если уж угодил по дурасти в болотную топь, то лучше не шевелиться. Не успел он оглянуться, как погрузился до пояса, теперь жижа была уже по грудь, затягивала его словно большими коричневыми губами, затрудняла дыхание; он крикнул, потом еще и еще раз, но никто не откликнулся, ничто не появилось; только пушистенькая коричневая белка пробралась по мшистой коре упавшего дерева, уселась на его рюкзаке и смотрела на него блестящими черными глазками.

И вот жижа дошла до шеи, густые коричневатые испарения били в нос, топь неумолимо сжимала ему грудь, и вскрики его

становились все тише и судорожнее. Порхали, пищали, ссорились птицы, лучи солнечного света с прозеленью, словно патина на меди, пробивались сквозь листву, а жижа поднялась уже выше подбородка. Один, он умрет один, он открыл рот, чтобы крикнуть в последний раз, но не смог, потому что жижа потекла в рот, просочилась тонкими струйками между зубов, протекла по языку, он уже глотал эту жижу и крикнуть не мог...

Джонни очнулся в холодном поту, его бил озноб, в руках был зажат туго свернутый шарф, дышал он учащенно и с трудом. Он бросил шарф на пол, где тот свернулся белой змеей. Больше Джонни к нему не притронулся. Отец вложил его в пакет и отослал назад.

Но наконец-то писем и бандеролей, слава Богу, стало меньше. Чокнутые нашли новый объект для публичного и тайного поклонения. Газетчики не просили больше дать интервью, отчасти потому, что номер телефона был изменен и не значился в справочнике, отчасти потому, что все это уже стало историей.

Роджер Дюссо напечатал длинную и злую статью в своей газете, где он был редактором отдела очерков. Он объявил случившееся жестоким и безвкусным розыгрышем. Дескать, Джонни наверняка изучил прошлое некоторых репортеров, которые могли прийти на пресс-конференцию, — так, на всякий случай. Да, признал он, прозвище его сестры Анны было Терри. Она умерла сравнительно молодой, и, возможно, амфетамины сыграли тут не последнюю роль. Но эта информация была доступна любому, кто только хотел копнуть. В статье все выглядело вполне логично. Правда, в ней не объяснилось, как Джонни, не выходя из больницы, мог получить эту «доступную информацию», однако на это обстоятельство большинство читателей, похоже, не обратили внимания. Джонни все это было безразлично. Инцидент исчерпан, и он не имел никакого желания создавать новые. Стоит ли писать женщине, приславшей шарф, что ее брат утонул, истошно крича, в болотной жиже, так как пошел помочиться куда не следовало? Разве это успокоило бы ее или облегчило ей жизнь?

Сегодня пришло всего шесть писем. Счет за электричество. Открытка от кузины Герберта из Оклахомы. Письмо от дамы, которая до этого прислала расписание со словами «Сделано на Тайване», выбитыми крошечными золотыми буквами на ступнях Христа. Коротенькая записка от Сэма Вейзака. И маленький конверт с обратным адресом, который заставил его заморгать и выпрямиться: *С. Хэзлит, Понд-стрит, 12, Бангор.*

Сара. Он вскрыл конверт.

Через два дня после похорон матери он получил от нее открытку с соболезнованием. На обороте ровным, с наклоном влево почерком было написано: «Джонни, я очень сожалею о случившемся. Я услышала по радио, что твоя мама умерла. В определенном смысле самое прискорбное во всем этом то, что твое личное

горе сделали достоянием общественности. Ты, возможно, не помнишь, но мы говорили о твоей маме в тот вечер, когда произошла авария. Я спросила тебя, как она поступит, если ты приведешь в дом грешную католичку, а ты ответил, что она примет меня и всучит мне несколько религиозных брошюр. По тому, как ты улынулся, я поняла, что ты ее любишь. От твоего отца я знаю, что она изменилась, но, скорее всего, это произошло от любви к тебе и от ее нежелания примириться с горем. Насколько я понимаю, ее вера была вознаграждена. Прими, пожалуйста, мое искреннее соболезнование, и если я могу что-нибудь сделать сейчас или в будущем, рассчитывай на своего друга Сару».

Это было единственное послание, на которое он ответил, поблагодарив Сару за открытку и за память. Он тщательно взвешивал каждое слово, боясь выдать себя. Теперь она замужняя женщина, и изменить что-либо не в его силах. Но он помнил их разговор о матери и многое другое. Ее открытка вызвала в памяти весь тот вечер, и он ответил ей с горечью и нежностью, хотя горечи было больше. Он по-прежнему любил Сару Брэкнелл, и ему постоянно приходилось напоминать себе, что Сары нет, а есть другая женщина, пятью годами старше, мать двухлетнего малыша.

Он вытащил из конверта листок почтовой бумаги и быстро пробежал его. Сара с мальчиком собиралась на неделю в Кеннебанк к подруге, с которой жила в одной комнате, когда училась на первом и втором курсах, ее фамилия сейчас Константин, а тогда она была Стефани Карслей. Сара писала, что Джонни, возможно, помнит ее, но Джонни не помнил. Короче говоря, Уолт застрял в Вашингтоне по делам своей фирмы и по партийным тоже, и Сара подумала, что могла бы на денек приехать в Паунал повидать Джонни Герберта, если это никому не помешает.

«Звонить мне по номеру Стефани 814-6219 в любое время между семнадцатым и двадцать третьим октября. Если же мой визит будет почему-либо нестати, то позвони и скажи — сюда или в Кеннебанк. Я пойму. Люблю вас обоих. Сара».

Держа письмо в руке, Джонни посмотрел через двор на лесок, ставший красновато-коричневым и золотым буквально за последнюю неделю. Скоро листья начнут опадать, придет зима.

Люблю вас обоих, Сара. Он задумчиво водил пальцем по словам. Было бы лучше, думал он, не звонить, не писать, вообще ничего не делать. Она все поймет. Что хорошего может принести ей его письмо, так же как той женщине, которая прислала шарф? Зачем будить спящую собаку? Сара могла употребить это слово «люблю», особенно не задумываясь, но он так не мог. Для него прошлое еще не отболело, а время оказалось грубо сжатым, сплюснутым, искверканным. По его внутренним часам всего полгода назад она была его девушкой. Разумом он примирился и с комой, и с такой потерей времени, но сердце противилось этому. Отвечать на ее открытку с соболезнованием было нелегко, но письмо

ведь можно просто скомкать и переписать, если получится не то, что надо, если наметится выход за рамки дружеских отношений, а только такие отношения они теперь и могли себе позволить. Если же они встретятся, он, чего доброго, сделает или сморозит какую-нибудь глупость. Лучше не звонить. Пусть все заглохнет.

Но я позвоню, подумал он. Позвоню и приглашу ее.

Растревоженный, он сунул письмо обратно в конверт.

В глаза ему ударил луч солнца, отразившийся от блестящей хромированной поверхности. Гравий на подъездной дорожке захрустел под колесами «форда». Джонни прищурился и попытался определить, знакомая ли это машина. Сюда редко кто приезжал в гости. Почты хватало, но навещали Джонни всего раза три или четыре. Паунал был маленькой точкой на карте — поди найди. Если машина принадлежит какому-нибудь охотнику до истины, Джонни быстро отошлет его или ее — вежливо, но твердо. Именно так советовал Вейзак при расставании. Хороший совет, подумал Джонни.

— Не давайте никому себя втянуть в роль учителя-консультанта. Не поощряйте их, и они вас забудут. Поначалу это покажется вам бессердечным — ведь большинство из них заблуждается, у них масса проблем и самые добрые намерения, но это вопрос вашей жизни, вашей личной свободы. Так что будьте тверды, Джон.

И он был тверд.

«Форд» въехал на площадку между садовым сараем и поленницей дров, и пока он поворачивал, Джонни заметил на ветровом стекле маленькую наклейку прокатной фирмы «Херц». Из машины вылез очень высокий мужчина в новехоньких джинсах и красной клетчатой рубашке, выглядевший так, будто ее только что извлекли из коробки, и огляделся. У него был вид человека, не привыкшего к провинции, человека, который знает, что в Новой Англии волков и пум больше нет, но все равно лучше в этом самом удостовериться. Городской житель. Он взглянул на веранду, увидел Джонни и приветственно поднял руку.

— Добрый день, — сказал незнакомец. Голос у него был тоже городской, глуховатый (с бруклинским акцентом — определил Джонни) и звучал, словно из-под подушки.

— Привет, — сказал Джонни. — Заблудились?

— Надеюсь, что нет. — Незнакомец подошел к ступенькам веранды. — Вы либо Джон Смит, либе его брат-близнец.

Джонни усмехнулся.

— У меня нет брата, так что, думаю, вы не ошиблись дверью. Чем могу быть полезен?

— Ну, может, мы будем полезны друг другу. — Незнакомец поднялся по ступенькам и протянул руку. Джонни пожал ее. — Меня зовут Ричард Дис. Журнал «Потусторонний взгляд».

Волосы его, почти совсем седые, по-модному не закрывали уши. Искусственная седина, изумился Джонни. Что можно подумать

о человеке, который говорит как сквозь подушку и красит волосы под седину?

— Вы, наверное, видели наш журнал.

— Да, видел. Он продается у касс в любом супермаркете. Я не даю интервью. Сожалею, но вы зря проделали такой путь. — Журнал действительно продается в супермаркете. Дешевая бумага, заголовки чуть не прыгают со страниц, пытаюсь вас задушить. Ребенок убит пришельцами из космоса, кричит в отчаянии мать. Продукты, которые отравляют ваших детей. Двенадцать ясновидящих предсказывают землетрясение в Калифорнии в 1978 году.

— Ну, интервью — это не совсем то, на что мы рассчитываем, — сказал Дис. — Можно сесть?

— Понимаете, я...

— Мистер Смит, я прилетел из Нью-Йорка, потом в Бостоне пересел на игрушечный самолетик, в котором меня не покидала мысль о том, что будет с моей женой, если я умру, не оставив завещания.

— Авиакомпания «Портленд-Бангор»? — спросил Джонни с улыбкой.

— Она самая, — подтвердил Дис.

— Хорошо, — сказал Джонни. — Я потрясен вашим мужеством и преданностью делу. Я выслушаю вас, но в нашем распоряжении не более пятнадцати минут. Мне предписан ежедневный послеобеденный сон.

— Пятнадцать минут вполне достаточно. — Дис придвинулся. — Я выскажу всего лишь предположение, мистер Смит, но мне кажется, что ваш долг составляет что-то около двухсот тысяч долларов. А это уже пахнет жареным, ведь так?

Улыбка Джонни угасла.

— Что и кому я должен, — сказал он, — мое дело.

— Само собой, факт. Простите, если я вас обидел, мистер Смит. «Потусторонний взгляд» хотел бы предложить вам работу. Довольно выгодную.

— Нет. Решительно нет.

— Разрешите мне только изложить вам...

— Я не практикующий экстрасенс, — сказал Джонни. — Не Джин Диксон, не Эдгар Кейс и не Алекс Танноус. Кончим с этим. Не стоит ворошить прошлое.

— Можно, я задержу вас еще на несколько минут?

— Мистер Дис, вы по-видимому, не понимаете, что я...

— Несколько минут. — Дис обезоруживающе улыбнулся.

— А как вы, собственно, меня нашли?

— У нас есть внештатный корреспондент из газеты «Кеннебек джорнэл» в глубинке штата Мэн. Он сказал, что хотя вы исчезли с горизонта, но, очевидно, находитесь у своего отца.

— Так, значит, это я его должен благодарить, да?

— Конечно, — с готовностью сказал Дис. — Могу поспорить, вы действительно будете благодарны, когда дослушаете наше предложение до конца. Я начну?

— Хорошо, — сказал Джонни. — Но я не собираюсь менять свое решение только потому, что вы примчались сюда на самолете, нагнавшем на вас страху.

— Дело ваше. У нас свободная страна, не так ли? Еще бы. Как вы, мистер Смит, вероятно, знаете, «Потусторонний взгляд» специализируется на парапсихологии. Откровенно говоря, читатель млеет от наших материалов. Еженедельный тираж три миллиона. Три миллиона читателей каждую неделю, мистер Смит, ничего себе разгончик, а? Как мы этого достигаем? Придерживаемся возвышенного, духовного...

— «Близнецы съедены медведем-людоедом», — пробормотал Джонни.

Дис пожал плечами.

— Что поделаешь, мы живем в суровом мире. Людям нужно рассказывать о таких вещах. Они имеют право знать. Но на каждую статью о предметах низменных у нас приходится три других о том, как безболезненно скинуть вес, как достичь сексуального удовлетворения и совместимости, как приблизиться к Богу...

— А вы верите в Бога, мистер Дис?

— По правде говоря, нет, — сказал Дис и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. — Но мы живем в демократической, величайшей стране мира, так? Каждый человек — сам себе пастырь. Все дело в том, что наши читатели верят в Бога. Они верят в ангелов и чудеса...

— И в изгнание нечистой силы, дьяволов и черные мессы.

— Да, да, да. Вы уловили. У нас *спиритуалистическая* аудитория. Люди верят во всю эту потустороннюю чепуху. У нас подписаны контракты с десятью экстрасенсами, включая Кэтлин Нолан, самую знаменитую ясновидящую в Америке. Мы хотели бы предложить и вам контракт, мистер Смит.

— Неужели?

— Именно. Что это будет значить для вас? Ваш портрет и небольшая колонка будут появляться приблизительно раз в месяц в номерах, посвященных исключительно паранормальным явлениям. Придумаем подзаголовок: «Десять известных экстрасенсов из журнала «Потусторонний взгляд» предсказывают второе президентство Форда» или что-нибудь в этом роде. Мы готовим новогодние выпуски, а также специальные номера ко Дню независимости — о путях Америки в грядущем году; обычно они насыщены информацией, стреляем вхолостую по внешней и экономической политике, даем всякую смесь.

— Мне кажется, вы не понимаете, — сказал Джонни. Он говорил очень медленно, как будто перед ним сидел ребенок: — У меня раза два случались озарения — пожалуй, можно считать,

что я «видел будущее», но это не зависело от меня. Я с таким же успехом способен предсказать второе президентство Форда, как и подоить быка.

— Кто сказал, будто вам придется что-нибудь делать? — удивился Дис. — Все колонки пишут наши штатные сотрудники.

— Штатные?.. — Джонни, вконец потрясенный, уставился на журналиста.

— Конечно, — сказал Дис, теряя терпение. — Например, один из наших самых преуспевающих ребят в последние годы Фрэнк Росс, он специализируется на стихийных бедствиях. Отличный парень, но Бог мой, он же девяти классов не закончил. Прослужил два срока в армии, а когда мы нашли его, он вылизывал автобусы на городском автовокзале в Нью-Йорке. По-вашему, мы могли доверить ему колонку? Да он слово «корова» не напишет без ошибки.

— Но предсказания...

— Свобода слова, полная свобода слова. Вы бы поразились, с каким удовольствием проглатывает читатель самую дикую ложь.

— Ложь, — повторил ошеломленный Джонни. Он даже удивился, что начинает злиться. Его мать покупала «Потусторонний взгляд» с незапамятных времен, когда там еще печатались снимки разбитых и залитых кровью автомашин, отрубленных голов, тайно сделанные фотографии казней. Она верила каждому слову. Очевидно, как и почти все остальные 2 999 999 читателей. А тут перед ним сидит этот тип с крашенными под седину волосами, в ботинках за сорок долларов и рубашке, только что вынутой из магазинной коробки, так что видны складки, и толкует о журнальных утках.

— Все отработано, — продолжал Дис. — Если вы наткнетесь на что-нибудь интересное, нужно лишь позвонить в журнал за наш счет, мы отдаем это дело в профессиональные руки, и материалчик готов. Мы имеем право включать ваши колонки в ежегодную антологию «Потусторонний взгляд на грядущее». Вы, однако, вольны подписать любой контракт с издательством. Мы можем только запретить печататься в другом журнале, но вообще-то редко этим пользуемся. А платим мы шикарно. Даже больше, чем указано в контракте. Так сказать, хорошая подливка к картофельному пюре. — Дис хохотнул.

— И сколько же это может составить? — спросил Джонни, растягивая слова. Он сжимал подлокотники качалки. В правом виске ритмично пульсировала вена.

— Первые два года — по тридцать тысяч, — сказал Дис. — А если вы окажетесь популярным, эта сумма будет пересмотрена. И еще. Все наши экстрасенсы имеют специализацию. Насколько я понимаю, у вас хорошо получается контакт с предметами. — Дис мечтательно прикрыл глаза. — Я уже вижу вашу колонку в журнале, дважды в месяц — зачем закапывать клад? «Джон Смит приглашает читателей «Потустороннего взгляда» присылать лич-

ные вещи для парапсихологического исследования...» Что-нибудь в этом роде. Конечно, мы оговорим, что следует присылать вещички подешевле, потому что они не будут возвращаться. Но сейчас я вас удивлю. Знали бы вы, какие встречаются психики, прости их, Господи. Чего они только не присылают! Бриллианты, золотые монеты, обручальные кольца... мы можем оговорить в контракте, что все присланное становится вашей собственностью.

Перед глазами у Джонни заплескали матово-красные пятна.

— Люди пришлют свои вещи, а я оставлю их себе. Я вас правильно понял?

— Точно. Все будет в наилучшем виде. Главное, предусмотреть это в контракте. Еще немного подливки к вашему картофельному пюре.

— Предположим, — сказал Джонни, стараясь говорить ровным и спокойным голосом, — предположим, я позвоню и скажу, что тридцать первого сентября семьдесят шестого года президент Форд будет убит...

— Вообще-то в сентябре тридцать дней, — сказал Дис. — А в остальном, по-моему, вы попали в яблочко. У вас, Джонни, все получится само собой. Вы мыслите масштабно. Это хорошо. Вы бы удивились, узнав, как мелко плавают все эти ребята. Боятся, понимаете, рот раскрыть там, где пахнет хорошими денежками. Вот, скажем, Тим Кларк из Айдахо две недели назад написал нам, что у него-де было видение; якобы в будущем году Эрл Батц уйдет в отставку. Я, конечно, прошу прощения за свой французский прононс, но на хрена это кому нужно? Кто такой Эрл Батц для американской домохозяйки? А у вас, Джонни, биотоки что надо. Вы прямо рождены для нашего дела.

— Биотоки, — пробормотал Джонни.

Дис посмотрел на него испытующе.

— Как вы себя чувствуете, Джонни? Вы что-то побледнели.

Джонни думал о женщине, которая прислала шарф. Вероятно, она тоже читает «Потусторонний взгляд».

— С вашего разрешения, подобью итоги, — сказал Джонни. — Вы платите мне тридцать тысяч долларов в год за мое имя...

— И ваш портрет, не забудьте.

— За мой портрет и несколько статей, написанных за меня. Плюс материалы, где я отвечаю на вопросы владельцев посылаемых предметов. Как дополнительная приправа к моему картофельному пюре идут вещички, которые я могу оставить...

— Если юристы это оговорят...

— ... в личную собственность. Такова суть сделки?

— Это, Джонни, только *скелет* сделки. Поразительно, как в жизни одно тянет за собой другое. Через полгода ваше имя будет на устах у всех, и тогда вы развернетесь вовсю. Телевизионное шоу Карсона. Встречи. Лекционные турне. И, само собой, книга, можете выбирать издательство по вкусу — на экстрасенсов ни денег не жалеют. Кэти Нолан начала с такого же контракта,

а теперь зашибает больше двухсот тысяч в год. Кроме того, она основала собственную церковь, и налоговые инспекторы не могут тронуть ни цента из ее денег. Наша Кэти своего не упустит. — Дис ухмыльнулся. — Я же говорю вам: всю развернете.

— Еще бы!

— Ну? Что вы об этом думаете?

Джонни ухватился одной рукой за манжет новенькой рубашки Диса, а другой — за воротник.

— Эй! Какого черта вы...

Джонни обеими руками притянул к себе журналиста. За пять месяцев регулярных физических упражнений он здорово накачал мышцы.

— Ты спрашиваешь, что я думаю, — сказал Джонни. В висках застучало, заломило. — Я скажу тебе. Ты вампир — вот что. Ты пожираешь человеческие надежды. Тебе бы работать на кладбище. Я думаю, твоей матери следовало умереть от рака на следующий же день после того, как она тебя зачала. Если есть ад, надеюсь, ты в нем сгоришь.

— Не смей так со мной разговаривать! — завизжал Дис, как торговка в рыбном ряду. — Совсем рехнулся! Забудь! Забудь обо всем, что я тебе говорил, олух, неотесанный болван! Тебе давали такой шанс! И не вздумай потом приползти...

— Ты говоришь, словно из-под подушки, — сказал Джонни, вставая. Заодно он поднял и Диса. Рубашка у того вылезла из новых джинсов, под ней оказалась сетчатая майка. Джонни начал размеренно трясти Диса. Тот забыл о своем гневе и заорал благим матом.

Джонни подтащил его к ступенькам веранды, поднял ногу и со всей силы припечатал сзади новенькие «ливайсы». Дис, не переставая орать, пересчитал ступеньки. Он упал на землю и растянулся во весь рост. Потом он поднялся, встал и повернулся к Джонни, его аккуратенькая одежда была в пыли. Теперь у нее вид более натуральный, подумал Джонни, но вряд ли Дис это оценит.

— Надо бы напустить на тебя полицейских, — прохрипел Дис. — Я, может, так и сделаю.

— Как хочешь, — сказал Джонни. — Только здешняя полиция не очень-то церемониться с теми, кто сует свой нос туда, куда их не просят.

На дергающемся лице Диса отразилось все сразу: страх, ярость и изумление.

— Если сунешься к нам, уповай на Бога, — сказал он.

Голова у Джонни раскалывалась, но он старался говорить спокойно.

— Вот и хорошо, — ответил он. — Золотые слова.

— Ты еще пожалеешь, вот увидишь. Три миллиона читателей. А это тоже кое-что значит. Когда мы разделимся с тобой, никто уже тебе не поверит, даже если предскажешь весну в апреле. Не

поверит, даже если ты подтвердишь, что очередной чемпионат мира начнется в октябре. Не поверит, даже если... если... — Дис захлебнулся о тирости.

— Проваливай-ка ты отсюда, мозгляк, — сказал Джонни.

— Плакала твоя книжка! — визгливо закричал Дис, очевидно, не придумав более страшной угрозы. С дергающимся лицом и в покрытой пылью рубашке он походил на мальчишку, бьющегося в истерике. Его бруклинский акцент до того усилился, что стал совсем провинциальным: — Тебя оборжут во всех издательствах Нью-Йорка! Редакторы бульварных листков не подпустят такого дурака и близко, когда я тебя разложу! Есть много способов уделять подобных умников, и мы тебя, дерьмо собачье, уделаем! Мы...

— Пожалуй, возьму-ка я свой «ремми» и пристрелю тебя, чтоб не ходил по чужой земле, — уронил Джонни.

Дис отступил к своей взятой напрокат машине, продолжая извергать угрозы и ругань. Джонни наблюдал за ним с веранды; в голове невыносимо стучало. Дис сел в машину, истошно взревел мотор, взвизгнули колеса, поднимая тучи пыли. Выезжая, он так вильнул, что сбил чурбак, на котором Джонни колол дрова. Несмотря на головную боль, Джонни чуть-чуть улыбнулся. Поставить чурбак на место гораздо проще, чем Дису объяснить в компании «Харц» большую вмятину на крыле «форда».

Разбрасывая колесами гравий, Дис выехал на дорогу. Слепое луденное солнце снова заиграло на хромированных деталях машины. Джонни вернулся в кресло-качалку, приложив руку ко лбу и приготовился переждать головную боль.

— Что же вы решили сделать? — спросил банкир. Внизу, за окном, по спокойной Главной улице Риджуэя, штат Нью-Гэмпшир, сновали машины. В кабинете банкира на третьем этаже на стенах, обшитых сосновыми панелями, висели литографии Фредерика Ремингтона и фотоснимки, запечатлевшие хозяина кабинета на приемах, торжествах и разнообразных вечеринках. На столе лежал прозрачный кубик с фотографиями его жены и сына.

— Решил в будущем году выдвинуть свою кандидатуру в палату представителей, — повторил Грег Стилсон. На нем были брюки цвета хаки, синяя рубашка с закатанными рукавами и черный галстук с синим рисунком. Он казался здесь неуместным, словно в любой момент мог вскочить и приняться крушить все вокруг — опрокинет стол, стулья, кресла, скинет на пол ремингтоновские литографии в дорожных рамках, сорвет портьеры.

Банкир Чарльз Гендрон, по прозвищу Цыпа, президент местного «Клуба львов», рассмеялся — правда, как-то неуверенно. Стилсон умел заставить людей чувствовать себя неуверенно. Вероятно, Грег рос чахлым ребенком, он любил повторять, что его «чуть не сдувало при сильном ветре», но в конце концов отцовские гены

взяли свое, и в кабинете Гендрона он выглядел совсем как черно-рабочий с нефтяных промыслов Оклахомы, где работал отец.

Стился нахмурился, услышав смехок Гендрона.

— Я хочу сказать, Грег, что у Джорджа Харви могут быть на этот счет свои соображения.— Джордж Харви не только стоял за кулисами политической жизни города, он был еще и крестным отцом республиканской партии в третьем округе.

— Джордж не скажет «нет», — спокойно произнес Грег. Волосы его слегка тронула седина, но лицо вдруг стало таким же, как много лет назад, когда он до смерти забил собаку на ферме в Айове. — Джордж в стороне, — терпеливо продолжал Грег, — на моей стороне, улавливаете? Я не собираюсь наступать на его любимую мозоль, потому что стану независимым кандидатом. Но я не собираюсь еще двадцать лет ходить в мальчишках и лизать чужие ботинки.

Цыпа Гендрон сказал неуверенно:

— Вы не шутите, Грег?

Грег снова нахмурился, на этот раз предостерегающе.

— Цыпа, я никогда не шучу. Люди... *думают*, что я шучу. «Юнион лидер» и эти кретины из «Дейли демократ» думают, что я шучу. Но вы поговорите с Джорджем Харви. Спросите его, шучу я или делаю дело. Да и вам следовало бы знать меня получше. Разве мы не вместе прятали концы в воду, а, Цыпа?

На суровом лице Грега неожиданно появилась холодящая улыбка — холодящая для Гендрона потому, что тот позволил Стилсону втянуть себя в кое-какие строительные махинации. Они заработали хорошо, действительно хорошо, ничего не скажешь. Но, в силу ряда обстоятельств, застройка Саннингдейлской территории (да, честно, говоря, и Лорелской тоже) не была на сто процентов законной. Например, дали взятку представителю АООС*, и это еще цветочки.

С Лорелской территорией все уперлось в старика, который жил за Риджуэйским шоссе и не желал продавать свой участок. Для начала четырнадцать его цыпят вдруг подошли от какой-то таинственной болезни. Потом сгорел сарай, где он хранил картошку, затем как-то недавно в уик-энд, пока старик навещал сестру, живущую в доме призрения в Кине, кто-то вымазал собачьим дерьмом его гостиную и столовую, и тогда старик продал-таки свой участок, и Лорелская территория попала наконец в нужные руки.

И еще: этот лихач-мотоциклист Санни Эллиман снова ошивается вокруг. Они с Грегом близкие приятели, и если об этом пока не говорит весь город, так только потому, что Грега привыкли видеть в компании длинноволосых хиппи, педиков и лихих мотоциклистов, которые проходили курс в созданном им Консультационном наркологическом центре; к тому же в Риджуэе применяли довольно необычные меры воздействия. Вместо того чтобы

* Агентство по охране окружающей среды.

штрафовать или сажать за решетку юных наркоманов, алкоголиков и дорожных нарушителей, городские власти стали их использовать на разных работах. Это была идея Грега, неплохая идея, банкир первым признал ее ценность. Отчасти благодаря ей Грег стал мэром.

Но его нынешняя идея была чистым сумасшествием.

Грег сказал еще что-то. Гендрон не расслышал.

— Простите, — проговорил он.

— Я спросил, не хотите ли вы быть организатором моей избирательной кампании, — повторил Грег.

— Грег... — Гендрон откашлялся. — Грег, вы, кажется, не понимаете ситуации, — продолжал он. — От третьего округа в палате представителей конгресса сидит Гаррисон Фишер. Он — республиканец, человек уважаемый, и, по-моему, его не сдвинуть.

— Сдвинуть можно любого, — сказал Грег.

— Гаррисон свой в доску, — ответил Гендрон. — Спросите Харви. Они вместе ходили в школу. Еще, небось, году в тысяча восьмисотом.

Грег пропустил мимо ушей эту тонкую остроту.

— Я назову себя Сохатым* или еще как-нибудь... и все решат, будто я шут гороховый... а кончится тем, что под смех избирателей третьего округа я въеду в Вашингтон.

— Грег, вы сумасшедший.

Улыбка Грега исчезла, словно ее и не было. Лицо его искалось. Застыло, он вытаращил глаза. Такие бывают у лошади, когда она почует, что ей дали тухлую воду.

— Не вздумайте повторить что-либо подобное, Цыпа. Не дай вам Бог.

Банкиру стало совсем худо.

— Грег, извините. Я просто...

— Так вот, не вздумайте повторить что-либо подобное, если не хотите в один прекрасный день столкнуться нос к носу с Санни Эллиманом возле своего вонючего «империала».

Гендрон беззвучно шевелил губами.

Грег снова улыбнулся, точно солнце внезапно пробилось сквозь обложные тучи.

— Ну ладно. Не будем ссориться, раз мы собираемся работать вместе.

— Грег...

— Вы мне нужны, потому что знаете каждого бизнесмена в этой части Нью-Гэмпшира. Как только все закрутится, нам понадобятся большие деньги, так что придется, я думаю, покачать насос. Пора уже мне развернуться в масштабе всего штата, а не только Риджуэя. Полагаю, пятидесяти тысяч долларов хватит, чтобы удобрить местную почву.

* Символ национальной прогрессивной партии, созданной Теодором Рузвельтом в 1912 году.

Банкира, работавшего во время последних четырех избирательных кампаний на Гаррисона Фишера, так потрясла политическая наивность Грега, что поначалу он даже не знал, как продолжить разговор. Наконец он сказал:

— Грег, бизнесмены дают деньги на кампанию не по доброте душевной, а потому, что победитель должен им чем-то отплатить. Если кандидаты идут голова к голове, деловые люди дадут деньги тому, кто имеет шансы на выигрыш, а проигравшего можно потом списать по графе неизбежных расходов. Главное — иметь шансы на выигрыш. Так вот, Фишер...

— Фаворит, — подсказал Грег. Из заднего кармана брюк он вытащил конверт. — Вот, взгляните.

Гендрон недоверчиво посмотрел на конверт, затем на Грега. Грег ободряюще кивнул. Банкир открыл конверт, у него перехватило дыхание, в обшитом сосновыми панелями кабинете надолго воцарилось молчание. Оно не нарушалось ничем, если не считать легкого жужжания электронных часов на столе банкира да шипения спички, которую Грег поднес к сигаре. Со стен кабинета смотрели литографии Фредерика Ремингтона. В прозрачном кубике светились семейные снимки. А на стол легло фото банкира: его голова утонула в ляжках молодой черноволосой женщины — впрочем, возможно, и рыжей, поскольку по черно-белым, отпечатанным на мелкозернистой глянцевой бумаге снимкам нельзя было судить о цвете волос. Но разглядешь ее лицо не составляло труда. Кое-кто в Риджуэе сразу сказал бы, что это вовсе не жена банкира, а официантка из придорожного кафе Бобби Стрэнга, расположенного в одном из близлежащих городков.

Снимки банкира, зарывшегося головой в прекрасные формы официантки, особой опасности не представляли: ее лицо было отчетливо видно, а его — нет. Но на других даже бабушка банкира узнала бы своего внука. На этих фото были изображены Гендрон и официантка, осваивавшие целый комплекс сексуальных забав, — вряд ли там были представлены все позиции «Кама сутры», но некоторые из них наверняка не включались в главу «Сексуальные отношения» из пособия по гигиене для риджуэйской средней школы.

Гендрон поднял глаза, лицо его покрылось испариной, руки тряслись. Сердце стучало бешено. Банкир испугался, что оно сейчас разорвется.

Грег отвернулся от него. Он смотрел в окно на ярко-голубую полосу октябрьского неба, видневшегося между магазинами «Разные мелочи» и «Галантерея».

— Подул ветер перемен, — сказал Грег. В его отрешенном лице было что-то мистическое. Он взглянул на Гендрона. — Знаете, что мне дал один из этих наркоманов в Центре?

Цыпа Гендрон отупело покачал головой. Дрожащей рукой он массировал левую сторону груди — на всякий случай. Взгляд его возвращался к фотографии. Чертовы фотографии. А если войдет

секретарша? Он перестал массировать грудь и начал собирать снимки, засовывая их в конверт.

— В красной книжечке председателя Мао, — начал Грег. Из его мощной грудной клетки вырвался смешок — когда-то она была такой же хилой, как и все тело, и это вызывало у его кумира-отца почти отвращение. — В книжонке Мао есть цитата... не помню точно, как она звучит, но что-то вроде: «Человек, который почувствовал ветер перемен, должен строить не щит от ветра, а ветряную мельницу». Во всяком случае, смысл такой.

Он наклонился вперед.

— Гаррисон Фишер не фаворит, он уже бывший. Форд тоже бывший. Маски бывший. Хэмфри бывший. Немало политиков по всей стране, начиная от мелкоты и кончая китами, проснутся на следующий день после выборов и обнаружат, что они вымерли, как птица дронт.

Грег Стилсон сверкнул глазами.

— Хотите знать, как будут развиваться события? Посмотрите на Лонгли из штата Мэн. Республиканцы выдвинули Эрвина, демократы — Митчелла, а когда подсчитали голоса, оба сильно удивились, потому что народ взял да и выбрал губернатором страхового агента из Льюистона, не желавшего иметь дело ни с одной из этих партий. Теперь поговаривают о нем как о темной лошадке, которая, чего доброго, выйдет вперед на президентских выборах.

Гендрон все еще не мог произнести ни слова.

Грег глубоко вздохнул.

— Они-то все будут думать, что я дурака валяю, понимаете? Они и про Лонгли так думали. Только я не шучу. Я строю ветряные мельницы. А вы будете поставлять строительный материал.

Он остановился, и в кабинете снова наступила тишина. Наконец Гендрон прошептал:

— Где вы достали эти снимки? Эллиман постарался?

— Да ну их. Не стоит об этом говорить. Забудьте о снимках. Возьмите их себе.

— А у кого негативы?

— Цыпа, — искренне сказал Грег, — вы не понимаете ситуацию. Я предлагаю вам Вашингтон. А там развернемся, дружище! Я даже не прошу вас собрать уйму денег. Мне надо только ведро воды, чтобы запустить насос. А когда мы его запустим, доллары сами потекут. Вы водитесь с ребятами, у которых пухлые чековые книжки. Обедаете с ними. Играете в покер. Выдаете им займы под проценты — какие они сами называют. Так что вы знаете, как зашелкнуть на них наручники.

— Грег, вы не понимаете, вы не...

Грег встал.

— Вроде того, как я зашелкнул на вас, — сказал он.

Банкир смотрел на него снизу вверх. Глаза его беспомощно бегали. Грег Стилсон подумал, что Гендрон похож на овцу, которую ведут на убой.

— Всего пятьдесят тысяч долларов, — сказал он. — Найдите их.

Он вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Даже сквозь толстые стены Гендрон слышал рокошующий голос Стилсона — Грег разговаривал с секретаршей. Секретарша — плоскогрудая шестидесятилетняя курица — хихикала со Стилсоном, как школьница. Он был шутом. Именно это качество в соединении с программой по борьбе с детской преступностью и сделало его мэром Риджуэя. Но народ не посылает шутов в Вашингтон.

Не посылал, во всяком случае.

Но это уже не проблема Гендрона. Пятьдесят тысяч долларов на избирательную кампанию — вот его проблема. Мысли банкира кружили вокруг нее, как дрессированная белая крыса вокруг тарелки с куском сыра. Возможно, план Грега и удастся. Да, возможно, и удастся... но кончится ли все на этом?

Белый конверт еще лежал на столе. Улыбующаяся жена смотрела на него из прозрачного кубика. Он сгреб конверт и сунул его во внутренний карман. Это дело рук Эллимана, можно не сомневаться.

Но навел его на эту мысль не кто иной, как Стилсон.

В конце концов, может, он не такой уж и шут. Его оценка политической ситуации семьдесят пятого — семьдесят шестого годов совсем не глупа. *Строить ветряные мельницы вместо щитов от ветра... а там развернемся.*

Но это уже не проблема Гендрона.

Пятьдесят тысяч долларов — вот его проблема.

Цыпа Гендрон, президент «Клуба львов» и вообще веселый малый (в прошлом году на праздничном параде в Риджуэе четвертого июля он катил на этом смешном мотоциклике), вытащил из верхнего ящика стола желтый блокнот для официальных записей и начал набрасывать список имен. Дрессированная крыса за работой. А Грег Стилсон на Главной улице поднял лицо навстречу яркому осеннему солнцу и поздравил себя с хорошо проведенной операцией — во всяком случае, хорошо начатой.

Впоследствии Джонни считал, что если он и оказался все-таки в объятиях Сары — почти через пять лет со дня ярмарки, — то не последнюю роль в этом сыграл визит Ричарда Диса, сотрудника журнала «Потусторонний взгляд». Джонни в конце концов сдался и позвонил Саре, пригласив ее заехать, потому что им овладело страстное желание позвонить хорошему человеку и избавиться от гадкого привкуса во рту. Так он, по крайней мере, убеждал себя.

Он позвонил в Кеннебанк, ответила ее бывшая соседка по комнате, которая сказала, что Сара сейчас подойдет. Трубку положили, и во время минутной паузы он подумал (не очень всерьез), не отказаться ли ему от разговора, чтобы закрыть, так сказать, вопрос навсегда. Затем он услышал голос Сары:

— Джонни. Это ты?

— Он самый.
— Как поживаешь?
— Хорошо. А ты?
— Тоже, — сказала она. Я рада, что ты позвонил. Я... честно говоря, сомневалась.
— Мальчик с тобой?
— Конечно. Без него я никуда не езжу.
— Почему бы вам не прикатить сюда как-нибудь, прежде чем ты возвратишься к себе на север?
— С удовольствием, Джонни. — Голос ее потеплел.
— Папа работает в Уэстбруке, а я здесь и за повара, и за посудомойку. Он приезжает примерно в половине пятого, и в полшестого мы обедаем. Приглашаю тебя на обед, но предупреждаю: основное единственное мое блюдо — франко-американские спагетти.

Она засмеялась:

— Приглашение принимается. Когда мне лучше приехать?
— Как насчет завтра или послезавтра?
— Завтра подходит, — сказала она после едва заметного колебания. — Тогда до встречи.
— Всего хорошего, Сара.
— И тебе.

Он в задумчивости повесил трубку, испытывая одновременно возбуждение и чувство вины — без всякой к тому причины. Но ведь мыслям не прикажешь. А мысли его сейчас вертелись вокруг возможных последствий их встречи, о которых, вероятно, лучше не думать.

Ну вот, она все знает. Знает, когда отец приходит домой, — это самое важное, подумал Джонни.

И сам себя мысленно спросил: *А что ты будешь делать, если она придет утром?*

Ничего, — отвечал он, хотя не очень-то в это верил. Стоило ему подумать о Саре, вспомнить изгиб ее губ, зеленые раскосые глаза, и им овладевала слабость, неуверенность в себе, даже отчаяние.

Джонни отправился на кухню и начал не спеша готовить ужин — самый простой, на двоих, на отца с сыном. Жили они похолостячки. Не так уж плохо. Мало-помалу Джонни поправлялся. Они беседовали с отцом о тех четырех с половиной годах, которые прошли мимо Джонни, о матери — к этой теме они подбирались осторожно, но все ближе и ближе, словно по спирали. Тут, наверное, вожнее было не столько понять то, что случилось с матерью, а прийти к какому-то согласию. Нет, дела не так уж плохи. Всему как бы подводился итог. Для них обоих. А с января он снова будет преподавать в Кливе Милс, начнется новая жизнь. Он получил от Дейва Пелсена полугодовой контракт, подписал его и отослал назад. Что тогда будет делать отец? Жить дальше, полагал

Джонни. У людей вырабатывается привычка, живут себе — и все, разменивают день за днем без особых переживаний, без большого шума. Он будет навещать Герберта почаще, каждый уик-энд, если нужно. Многое так быстро изменилось, что Джонни оставалось лишь медленно двигаться на ощупь, подобно слепцу в незнакомой комнате.

Он поставил жаркое в духовку, пошел в гостиную, включил телевизор, затем выключил. Сели и стал думать о Саре. *Ребенок*, размышлял он. *Если она придет рано, ребенок за нами присмотрит*. Так что все в порядке. Тылы прикрыты.

Но от беспокойных мыслей отделаться не удавалось.

На следующий день она появилась в четверть первого на модном маленьком «пинто» красного цвета, проехала по подъездной дорожке, припарковалась и вышла из машины — высокая, красивая; мягкий октябрьский ветерок шевелил ее светлые волосы.

— Привет, Джонни! — крикнула она, подняв руку.

— Сара! — Он спустился вниз и пошел навстречу; она запрокинула лицо, и Джонни осторожно коснулся губами ее щеки.

— Дай-ка я сначала вытащу императора, — сказала она, открывая заднюю дверь.

Тебе помочь?

— Нет, мы прекрасно управляемся сами, правда, Денни? Давай, малыш. — Ловким движением она расстегнула ремни, удерживавшие пухлого кроху на сиденье, и взяла его на руки. Денни, несколько обалдевший, с серьезным любопытством оглядел двор, затем его взгляд остановился на Джонни. Он заулыбался.

— Угу! — сказал Денни и замахал ручонками.

— Кажется, он хочет к тебе на руки, — сказала Сара. — Очень странно. Денни — истинный республиканец, весь в отца, он довольно сдержан в проявлении чувств. Хочешь поддержать его?

— Конечно, — сказал Джонни с некоторой опаской.

Сара улыбнулась.

— Он не разобьется, да ты и не уронишь его, — сказала она, передавая Джонни малыша. — А если уронишь, он скорее всего подпрыгнет как мячик. *Отвратительно толстый ребенок*.

— Угу! — произнес Денни, доверчиво обвив рукой шею Джонни и довольно глядя на мать.

— Просто поразительно, — сказала Сара. — Он никогда не идет к... Джонни? Джонни?

Едва ребенок обнял Джонни, как на того нахлынули самые разные чувства, будто его омыли ласковые потоки нежной воды. Джонни заглянул в душу малыша. Ничего темного, ничего тревожного. Все предельно просто. Ни намек на его будущее. Ни беспокойства. Ни горьких воспоминаний. И никаких слов, лишь ощущение тепла, чистоты и образы — матери, какого-то мужчины, то есть самого Джонни.

— Джонни? — Сара с тревогой смотрела на него.

— А?

— Все в порядке?

Она спрашивает меня о сыне, дошло до него. Все ли в порядке с Денни? Есть ли причины для тревоги? Какие-нибудь неприятности?

— Все отлично, — сказал Джонни. — Если хочешь, пойдем в дом, но обычно я торчу на веранде. Еще насидимся у плиты — впереди целый день.

— Что может быть лучше веранды. А Денни, похоже, хочет освоить двор. *Большой двор*, говорит он. Да, малыш? — Она потрепала сына по волосам, и Денни засмеялся.

— А его можно оставить одного?

— Можно, только вдруг он захочет съесть какую-нибудь щепку.

— Они большие, я их заготовил для растопки, — сказал Джонни, осторожно опуская Денни на землю, словно китайскую вазу династии Мин. — Заодно и размялся.

— Как себя чувствуешь?

— По-моему, лучше некуда, — сказал Джонни, вспомнив, как он припечатал Ричарда Диса несколько дней назад.

— Вот и хорошо. А то бы был слабоват, когда я последний раз тебя видела.

Джонни кивнул:

— Операции.

— Джонни...

Он взглянул на нее, и снова все странно соединилось, какие-то догадки, чувство вины и затаенное ожидание чего-то. Она смотрела на него — честно и открыто.

— Что?

— Помнишь... насчет обручального кольца?

Он кивнул.

— Оно было там. Там, где ты сказал. Я выбросила его.

— Выбросила? — Он нисколько не удивился.

— Я выбросила его и ни слова не сказала об этом Уолту. — Она тряхнула головой. — Сама не знаю почему. С тех пор оно не дает мне покоя.

— Не надо об этом думать.

Они стояли на ступеньках, лицом к лицу. Кровь прихлынула к ее щекам, но глаз она не опустила.

— Я хочу, чтобы мы кое с чем покончили, — сказала она просто. — Пока что нам такой случай не представился.

— Сара... — начал было он и умолк. Он совершенно не знал, что говорить дальше. Внизу Денни проковылял шесть шагов, плюхнулся на землю и радостно гукнул, не теряя присутствия духа.

— Да, — сказала она. — Не знаю, хорошо это или плохо. Я люблю Уолта. Он порядочный, любить его легко. Единственное, на

что я, наверное, способна, это отличить достойного человека от плохого. Дэн — тот парень, с которым я встречалась в колледже, — был из плохих. Ты дал мне почувствовать совсем другое, Джонни. Без тебя я никогда не смогла бы оценить Уолта.

— Сара, ты не должна...

— Нет, *должна*, — возразила она. Голос ее стал низким и напряженным. — Потому что такое говорится раз в жизни. И человек либо понимает тебя, либо нет, но в любом случае все сразу становится на свои места, потому что снова затевать такой разговор уже неумогу. — Она смотрела на него умоляюще. — Ты понимаешь?

— Да, кажется, понимаю.

— Я люблю тебя, Джонни, — сказала она. — И всегда любила. Я пыталась убедить себя, что мы разлучились по воле Божьей. Не знаю. Разве испорченная сосиска — это тоже воля Божья? Или те двое, мчащиеся среди ночи по шоссе? Единственное, чего я хочу... — Теперь она говорила с каким-то странным нажимом, слова ее звенели в прохладном октябрьском воздухе, словно золотая пластинка под молотком чеканщика: — Единственное, чего я хочу, — это получить то, что было у нас отнято. — Голос ее дрогнул. Она опустила глаза. — Хочу всей душой, Джонни. А ты?

— Да, — сказал Джонни. Он протянул руки, но Сара отрицательно покачала головой и отступила. Он смутился.

— Только не при Денни, — сказала она. — Может, это и глупо, но только я буду чувствовать себя так, будто изменяю мужу у него на глазах. Я хочу испытать все, Джонни. — На щеках ее вновь появился очаровательный румянец, он подействовал на Джонни опьяняюще. — Я хочу, чтобы ты обнимал меня, и целовал, и любил, — сказала она. Голос ее снова дрогнул, почти оборвался. — Наверное, это нехорошо, но я ничего не могу с собой поделать. Пускай нехорошо, зато правильно. Справедливо.

Он смахнул слезу, которая медленно сползала по ее щеке.

— Один-единственный раз, да?

Она кивнула.

— Сейчас мы попробуем вернуть все, что потеряли за эти годы. Все, что было бы, не случись непоправимое. — Она подняла глаза, они были еще зеленее, чем всегда, и полны слез. — Мы сможем вернуть все сразу, Джонни?

— Нет, — улыбаясь, сказал он. — Но можем попытаться.

Она с нежностью взглянула на Денни, который безуспешно старался влезть на чурбак.

— Когда он уснет, — сказала она.

Они сидели на веранде и смотрели, как Денни играет во дворе под бездонно голубым небом. Они не спешили, казались спокойными, хотя их постепенно охватывало возбуждение — они оба это чувствовали. Сара расстегнула пальто и села на качалку, закинув ногу на ногу; она была в светло-голубом шерстяном платье, воло-

сы в беспорядке раскинулись по плечам, их шевелил ветер. Румянец не сходил с ее щек. А высоко в небе с запада на восток плыли белые облака.

Сара с Джонни болтали о разных пустяках — торопиться было некуда. Впервые после выхода из комы Джонни не считал, что время — его враг. Отняв у них главное, оно предоставило им эту маленькую отдушину, и теперь они могут использовать ее — ровно столько, сколько понадобится. Они говорили о знакомых, которые поженились, о девушке из Кливс Милс, получившей именную стипендию, о независимом губернаторе штата Мэн.

— Посмотри на него, — сказала Сара, кивая в сторону Денни.

Малыш сидел на траве подле решеток для плюща, поставленный Верой Смит; он засунул в рот большой палец и сонно глядел на Сару и Джонни.

Она достала с заднего сиденья «пинто» походную кровать.

— Можно его уложить на веранде? — спросила она Джонни. — Ведь совсем тепло. Пусть поспит на свежем воздухе.

— На веранде ему будет хорошо, — сказал Джонни.

Она поставила кровать в тени, уложила в нее сына и закрыла его до подбородка двумя одеяльцами.

— Спи, малыш, — сказала она.

Он улыбнулся ей и тут же закрыл глаза.

— Вот и все? — спросил Джонни.

— Вот и все, — согласилась Сара. Она подошла к нему и обхватила его шею руками. Он услышал, как под платьем зашуршала нижняя юбка. Я хочу, чтобы ты поцеловал меня, — сказала счастливая Сара. — Я ждала пять лет, Джонни, когда ты снова меня поцелуешь.

Он обнял ее за талию и осторожно поцеловал. Ее губы раскрылись.

— Ах, Джонни, — сказала она, уткнувшись ему в шею. — Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Сара.

— Куда мы пойдем? — спросила она, отстраняясь. Глаза ее стали ясными и темными, как изумруды. — Куда?

В сарае за перегородкой, на свежем сене, он расстелил застиранное армейское одеяло. Гдо-то наверху захлопали крыльями ласточки, но затем, объясняясь на своем загадочном наречии, уселись на прежнее место. Запыленное оконце было обращено к фасаду дома. Сара расчистила глазок и посмотрела, как там Денни.

— Все в порядке? — спросил Джонни.

— Да. Лучше здесь. В доме я бы чувствовала себя так... — Она беспомощно пожала плечами.

— Будто отец на нас смотрит?

— Да. Это касается тебя и меня.

— Без посторонних.

— Без посторонних, — согласилась она. Она легла ничком со-

гнув ноги в коленях, так что туфельки болтались в воздухе; щека уткнулась в выцветшее одеяло. Сбросила туфельки, сначала одну, потом другую. — Растегни, Джонни.

Он опустился на колени и растегнул «молнию». В тишине это прозвучало особенно громко. Ее спина казалась смуглой по сравнению с белой полоской бикини. Он поцеловал ее между лопаток, и она вся подобралась.

— Сара. — Шепотом.

— Что?

— Я должен тебе кое-что сказать.

— Ну?

— Во время одной из операций хирург по ошибке отхватил мне...

Она шлепнула его по плечу.

— Ты все тот же, Джонни. Еще скажи, что у тебя был друг, который свернул себе шею на карусели.

— Точно.

— Что-то не похоже, будто они тебя навек изуродовали. — Она поймала его взгляд, глаза у нее так и светились. — Совсем не похоже. Проверим?

Пряно пахло сеном. Время застыло. Грубость армейского одеяла, гладкость ее кожи, ее нагота... Он вошел в нее, как входят в старый, не до конца забытый сон.

— Джонни... о Боже... — В голосе нарастающее возбуждение. Ускоряющий танец бедер. Слова откуда-то издалека. Ее волосы обжигали ему плечо и грудь. Он зарылся в них с головой, потерялся в этом полумраке.

Время застыло. Запах сена. Одеяло грубой выделки. Старый сарай, слегка поскрипывающий, как оснастка корабля, на осеннем ветру. Слабый свет пробивается сквозь щели в потолке, расслаиваясь на десятки солнечных нитей, в которых пляшут частички мякины. Пляшут, кружатся.

Она выкрикнула. В какой-то миг она выкрикнула его имя, еще раз, и еще, и еще — как будто заклинала. Ее ноготки вдруг вонзились в него. Вот и откупорено старое вино, вино прекрасного урожая.

Потом они сидели у окна, смотрели во двор. Сара набросила платье на голое тело и ненадолго оставила его одного. Он сидел, ни о чем не думая, достаточно было и того, что он видит, как она появилась в другом оконце и направилась через двор к крыльцу. Она наклонилась над детской кроваткой, поправила одеяла. Когда она возвращалась, ветер развеивал ее волосы, ловил за подол платья.

— Он поспит еще полчаса, — сказала она.

— Правда? — улыбнулся Джонни. — Я, пожалуй, тоже посплю.

Она провела босой ногой, одними пальцами, по его животу.

— Только попробуй.

И все повторилось, только на этот раз она сидела почти в молитвенной позе — голова склоненная, волосы закрывают лицо... И вот все кончено.

— Сара...

— Нет, Джонни. Не говори ничего. Пора.

— Я только хотел сказать, какая ты красивая.

— Правда?

— Правда, — ласково сказал он. — Милая Сара.

— Мы все вернули? — спросила она.

Джонни улыбнулся.

— Мы сделали все, что могли.

Вернувшись домой из Уэстбрука, Герберт как будто не удивился, увидев Сару. Он поздоровался с ней, повозился с ребенком и упрекнул Сару за то, что не приезжала с сыном раньше.

— У него ваши волосы и цвет лица, — сказал Герберт. — Думаю, что и глаза будут такие же, когда перестанут меняться.

— Лишь бы умом пошел в отца, — сказала Сара. Она надела передник поверх голубого шерстяного платья. Солнце садилось. Еще минут двадцать, и будет совсем темно.

— Вообще-то стряпней у нас занимается Джонни, — сказал Герберт.

— Разве ее остановишь? Пришлось уступить силе.

— Может, оно и лучше, — сказал Герберт. — А то от тебя, кроме франко-американских спагетти, ничего не дождешься.

Джонни швырнул в отца журналом, и Денни залился высоким пронзительным смехом, который отдавался во всех уголках дома.

Неужели отец все понял? — спрашивал себя Джонни. *У меня, наверно, это на лице написано.* Потом, когда в чуланчике отец искал коробку со старыми игрушками Джонни, которые Герберт не позволил Вере раздаривать, Джонни решил: *Наверное, он понимает.*

Они ужинали. Герберт спросил Сару, что делает Уолт в Вашингтоне, и она ответила, что муж отправился на конференцию по поводу земель, которые индейцы требуют обратно; на таких совещаниях, сказала она, республиканцы, в основном, выясняют, куда дует ветер.

— Большинство политиков, с которыми Уолт встречается, уверены, что, если в будущем году выдвинут Рейгана вместо Форда, это будет означать смерть партии, — сказала Сара. — А если Великая старая партия* умрет, то Уолт не сможет баллотироваться на место Билла Коэна в семьдесят восьмом году, когда Коэн будет претендовать на место Билла Хатауэя в сенате.

Герберт наблюдал, как Денни старательно поглощает фасоль, один стручок за другим, пуская в дело все свои шесть зубов.

* Великая старая партия (ВСП) — название республиканской партии, бытующее с 1880 года.

— Не думаю, что у Коэна хватит терпения ждать до семьдесят восьмого года, чтобы попасть в сенат. Он выступит против Маски в будущем году.

— Уолт говорит, что Коэн не такой уж болван, — сказала Сара. — Он подождет. Уолт считает, что его собственный шанс не за горами, и я начинаю ему верить.

После ужина они сидели в гостиной, и разговор ушел от политики. Они смотрели, как Денни играет со старыми деревянными машинками и грузовиками, которые молодой еще Герберт Смит смастерил для своего сына двадцать пять с лишним лет назад. Молодой еще Герберт Смит, муж крепкой, добродушной женщины, выпивавшей иногда вечером бутылочку пива «Черная марка». У него не было ни сединки в волосах, он связывал с сыном большие надежды.

Он, конечно же, понимает, думал Джонни, отпивая кофе. Знает он или не знает, что произошло между мной и Сарой сегодня днем, подозревает или не подозревает, что могло произойти, он понимает главное: это большой самообман. Ни изменить, ни исправить ничего нельзя, можно лишь попытаться примириться. Сегодня днем мы с ней заключили брачный союз, которого никогда не будет. И вот сегодня вечером отец играет со своим внуком.

Джонни вспомнил о «Колесе удачи» — вот оно замедляется, останавливается.

Зеро. Все проигрывают.

Подкралось уныние, гнетущее чувство безысходности, но он отогнал его прочь. Еще не время грустить во всяком случае, не сейчас.

В половине девятого Денни стал капризничать, сердиться, и Сара сказала:

— Пора нам ехать, ребята. По дороге в Кеннебанк он может пососать свою бутылочку. Мы и трех миль не проедем, как он отключится. Спасибо за прием. — Ее блестящие зеленые глаза на мгновение нашли глаза Джонни.

— Это вам спасибо, — сказал Герберт, вставая. — Правда, Джонни?

— Правда, — сказал тот. — Я помогу тебе отнести кровать, Сара.

В дверях Герберт поцеловал Денни в макушку (малыш захватил в свой пухлый кулачок нос Герберта и стал его давить так, что у отца Джонни глаза наполнились слезами), а Сару в щеку. Джонни отнес кровать к красному «пинто», и Сара дала ему ключи, чтобы он мог все сложить на заднее сиденье.

Когда он с этим покончил, она стояла у передней дверцы и смотрела на него.

— Мы сделали все, что смогли, — сказала она и слегка улыбнулась. Но по блеску ее глаз он понял, что она готова опять расплакаться.

— Было совсем неплохо, — сказал Джонни.

— Ну что, будем видаться?

— Не знаю, Сара. А ты как думаешь?

— Нет, пожалуй. Это было бы слишком просто, правда?

— Да, довольно просто.

Она подошла и потянулась, чтобы поцеловать его в щеку. Он чувствовал запах ее волос, чистых и душистых.

— Будь здоров, — прошептала она. — Я буду думать о тебе.

— Всего тебе, Сара, — сказал он и провел пальцем по ее носу.

Она повернулась, села за руль — эффектная молодая женщина, муж которой идет в гору. Через год они будут ездить уже не на «пинто», подумал Джонни.

Зажглись фары, мотор застучал, точно швейная машинка. Сара махнула Джонни рукой, и автомобиль тронулся с места. Джонни стоял рядом с фурбаком, засунув руки в карманы, и смотрел ей вслед. В сердце словно что-то закрылось. Но это казалось не таким уж важным. Совсем не важным — вот что было хуже всего.

Он подождал, пока не скрылись из виду задние фонари, затем поднялся по ступенькам веранды и вошел в дом. Отец сидел в высоком кресле-качалке в гостиной. Телевизор был выключен. Он смотрел на игрушки, которые нашел в чулане и которые теперь валялись на ковре.

— Рад был повидать Сару, — сказал Герберт. — Вы с ней... — последовало секундное, почти не заметное колебание. — Хорошо провели время?

— Да, — сказал Джонни.

— Она еще приедет?

— Нет, не думаю.

Они смотрели друг на друга.

— Ну что ж, может, оно и к лучшему, — сказал наконец Герберт.

— Да. Может, и так.

— Твои игрушки, — сказал Герберт, становясь на колени и собирая их. — Я отдал целую кучу Лотте Гедроу, когда она родила двойню, но кое-что еще осталось. Я их припрятал.

Одну за другой он осматривал игрушки, вертел в руках и укладывал в коробку. Гоновый автомобиль. Бульдозер. Полицейская машина. Пожарная машинка, с которой сползла почти вся краска в том месте, где ее хватала маленькая ручонка. Он отнес их в чулан и снова спрятал.

Джонни расстался с Сарой Хэзлит на целых три года.

В тот год снег выпал рано. К первому ноября он покрыл землю ковром дюймов в шесть, так что перед прогулками к почтовому ящику Джонни приходилось надевать старые зеленые сапоги на каучуковой подошве и старую штормовку. Две недели назад Дейв Пелсен прислал ему тексты, по которым предстояло работать в январе, и Джонни уже начал составлять примерные планы уроков.

Он с нетерпением ждал возвращения в школу. Дейв подыскал ему и квартиру — на Хаулендстрит в Кливс Милс. Хауленд-стрит, 24. Джонни положил листок с адресом в бумажник, потому что улица и номер дома, к большому его раздражению, то и дело вылетали из головы.

День стоял пасмурный, по небу плыли низкие облака, столбик термометра держался чуть ниже двадцати градусов по Фаренгейту*. Когда Джонни вышел на подъездную дорожку, закружились первые снежинки. Рядом никого не было, и Джонни без смущения высунул язык, чтобы поймать снежинку. Он почти не хромал и чувствовал себя отлично. Последние две недели, а то и больше, его ни разу не мучили головные боли.

Почта состояла из рекламного листка, журнала «Ньюсуик» и маленького плотного конверта, адресованного Джону Смит, но без имени отправителя. Джонни вскрыл его на обратном пути, сунув остальное в задний карман брюк. Он вытащил листок газетной бумаги, увидел сверху название «Потусторонний взгляд» и остановился на полдороге.

Это была третья страница журнала за прошлую неделю. Центральное место занимала «разоблачительная» история про симпатягу комика из телевизионного детектива: в свое время его дважды выгоняли из школы (двенадцать лет назад) и арестовывали за хранение кокаина (шесть лет назад). Свеженькая новость для американских домохозяек. Еще там была зерновая диета, фотография вундеркинда и рассказ о девятилетней девочке, чудесно исцеленной в Лурде от церебрального паралича (ВРАЧИ ОЗАДАЧЕНЫ, ликующе возвещал заголовок). В низу страницы помещалась отчеркнутая заметка без подписи под названием «ЯСНОВИДЯЩИЙ» ИЗ МЭНА ПРИЗНАЕТСЯ В ОБМАНЕ.

«Потусторонний взгляд» всегда считал своей главной задачей не только давать читателям исчерпывающую информацию об экстрасенсах, которых игнорирует так называемая «большая пресса», но и разоблачать жуликов и шарлатанов, до сих пор мешающих официальному признанию паранормальных явлений.

Один из таких жуликов недавно признался в обмане корреспонденту нашего журнала. Этот, с позволения сказать, «ясновидящий», Джон Смит из Паунала, штат Мэн, сказал: «Все было подстроено с целью оплатить мои больничные счета. А если мне удастся состряпать книжонку, я получу достаточно, чтобы разделаться с долгами и безбедно пожить еще пару лет. Нынче люди поверят чему угодно, так почему бы мне не приправить свою еду хорошей подливкой?» Тут Смит ухмыльнулся.

Благодаря «Потустороннему взгляду», который всегда предупреждал читателей, что на одного настоящего ясновидящего приходится по два самозванца, подливка Джону Смит не досталась.

* Приблизительно минут 7 градусов по Цельсию.

И мы подтверждаем свое обещание выслать 1000 долларов каждому, кто уличит любого из наших знаменитых ясновидящих в обмане.

Обманщики и шарлатаны, берегитесь!

Джонни перечитал записку дважды; снег уже повалил хлопьями. Он невольно усмехнулся. Да, недремлющая пресса не любит, подумал Джонни, когда какой-то Джон Смит спускает ее представителей с лестницы. Он вложил вырванную страницу в конверт и сунул его в задний карман, где лежала остальная почта.

— Дис, — сказал он вслух, — надеюсь, твои синяки еще не прошли.

Спустя около месяца все, вроде бы, забылось. Джонни отправился на совещание учителей, приступавших к занятиям в середине года, с тем чтобы заодно и отвезти вещи на новую квартиру, которая оказалась маленькой, но вполне пригодной для жилья.

Он поехал в отцовской машине, и когда уже готов был тронуться, Герберт спросил:

— Ты не боишься? Не боишься вести машину?

Джонни покачал головой. В последнее время воспоминания о дорожном происшествии мало беспокоило его. Если что и должно случиться с ним, все равно случится. В глубине души он был уверен, что молния не ударит второй раз в то же место, — конечно же, он не погибнет в автомобильной катастрофе.

И в самом деле, долгая поездка прошла тихо и спокойно, а на самом совещании царила совершенно домашняя атмосфера. Все его старые коллеги, еще продолжавшие преподавать в школе Кливс Милс, подходили, чтобы пожелать ему здоровья и счастья. Но он, конечно, заметил, что лишь немногие обменялись с ним рукопожатиями, и он ощущал некоторую сдержанность и настороженность во взглядах. Наверное, показалось, убеждал он себя по дороге домой. А если нет, ну и пусть... в этом даже есть что-то забавное. Жаль, что они не читают «Потусторонний взгляд», а то бы знали, что он обманщик и нечего его бояться.

После совещания ему пришлось вернуться в Паунал и ждать окончания рождественских каникул. Бандероли с вещами приходиться перестали, словно кто-то поставил на их пути невидимый забор, — вот она, сила печатного слова, сказал Джонни отцу. Их сменил короткий поток рассерженных — в основном анонимных — писем и открыток от людей, которые сочли себя обманутыми.

«Згарите в А-Д-У! за свои грязные планы абжудить наши Американские Штаты, — гласило типичное послание. Оно было написано на измятом листке почтовой бумаги отеля «Рамада» и отправлено из Йорка, штат Пенсильвания. — Вы просто Жулик-Трюкач и грязное вонючее дерьмо. Спасибо журналу, который раскусил вас. Вам должно быть стыдно за себя, Сэр. По Библии обычного грешника бросят в Озеро ОГНЯ, и он исчезнет там, а ЛЖЫВЫЙ ПРАРОК! Будет гореть вечно и ВСЕГДА! Это вы

Лживый Прарок, который продал свою Бессмертную Душу за несколько дешовых монет. И это конец моего письма и я надеюсь для вашего же блага никогда не поймать вас на Улицах вашего Родного Города. Остаюсь ДРУГОМ (Бога, а не вашим, Сэр)!»

После появления заметки в «Потустороннем взгляде» за двадцать дней пришло десятка два писем такого же примерно содержания. Несколько проходимцев пожелали стать партнерами Джонни. «Я был ассистентом фокусника, — похвалялся один из корреспондентов, — и мог запросто вытряхнуть старую шлюху из корсета. Если вы репетируете какой-нибудь телепатический трюк, я вам очень пригожусь!»

А затем поток писем иссяк, так же как ранее поток коробок и бандеролей. Однажды в конце ноября Джонни открыл почтовый ящик и в третий раз подряд ничего в нем не нашел; он повернул обратно и вдруг вспомнил предсказание Энди Уорола: для каждого американца наступает день, когда он может прославиться на пятнадцать минут. Судя по всему, его пятнадцать минут пришли и ушли, и никто на свете не радовался этому больше, чем сам Джонни.

Но, как показали события, радоваться ему было рано.

— Смит? — спросил голос в телефонной трубке. — Джон Смит?

— Да. — Голос был незнакомый, но человек явно не ошибся номером. Странно, ведь отец три месяца назад поменял номер телефона. Приближалось рождество, в углу гостиной стояла елка в старой крестовине, изготовленной Гербертом, когда Джонни был еще ребенком. За окном валил снег.

— Моя фамилия Баннерман. Шериф Джордж Баннерман из Касл-Рока. — Он откашлялся. — У меня, как бы это сказать... предложение к вам.

— Кто вам дал этот номер?

Баннерман снова откашлялся.

— Ну, положим, я мог бы узнать его, все-таки я работаю в полиции и расследую одно дело. Но на самом деле мне его дал ваш друг. Доктор по фамилии Вейзак.

— Сэм Вейзак дал вам мой номер?

— Так точно.

Джонни совершенно ошеломленный присел возле телефона. Теперь фамилия Баннерман начала ему о чем-то говорить. Совсем недавно он встретил ее в статье, опубликованной в воскресном приложении. Баннерман был шерифом графства Касл, расположенного значительно западнее Паунала, в районе озер. Касл-Рок, центр графства, находился милях в тридцати от Норуэя и двадцати от Бриджтона.

— Ведете расследование? — спросил он.

— Пожалуй, что так. Я подумал: не посидеть ли нам за чашечкой кофе...

— Что-нибудь с Сэмом?

— Нет. Доктор Вейзак не имеет к этому отношения, — сказал Баннерман. — Он позвонил мне и назвал ваше имя. Было это... э-э... месяц назад, а то и больше. Честно говоря, я решил, что он спятил. А теперь мы сами голову сломали.

— Из-за чего? Мистер... шериф Баннерман, я не понимаю, о чем вы.

— Нам, правда, лучше бы встретиться за чашкой кофе, — сказал Баннерман. — Может, сегодня вечером? На Главной улице Бриджтона есть славное местечко под названием «У Джона». Это как раз на полпути между нашими городками.

— Нет, извините, — сказал Джонни. — Я должен знать, о чем идет речь. И почему доктор Вейзак не позвонил сам?

— Очевидно, вы не читаете газет, — вздохнул Баннерман.

Но он ошибался. С тех пор как Джонни пришел в сознание, он заставлял себя читать все газеты, стараясь наверстать упущенное. И совсем недавно он встречал фамилию Баннермана. Совершенно точно. Баннерман попал в какой-то переплет из-за...

Джонни отвел руку с телефонной трубкой и, взглянув на нее, внезапно все понял. Он смотрел на нее так, как человек смотрит на землю, вдруг сообразив, что она ядовитая.

— Мистер Смит? — еле слышно прокричала трубка. — Алло? Мистер Смит?

— Слушаю, — сказал Джонни, вновь приложив трубку к уху. Его распирала глухая злость на Сэма Вейзака, Сэма, который только нынешним летом твердил ему, чтобы он не высовывался, а сам за его спиной наговорил Бог знает чего первому встречному.

— Вы звоните по поводу задушенных, да?

Баннерман долго колебался. Затем спросил:

— Мы могли бы встретиться, мистер Смит?

— Нет. Совершенно исключено. — Глухая злость внезапно переросла в ярость. И не только в ярость. Джонни стало страшно.

— Мистер Смит, это очень важно. Сегодня...

— Нет. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. И потом, разве вы не читаете этот дурацкий «Потусторонний взгляд»? Я же самозванец.

— Доктор Вейзак сказал...

— Он не имел права ничего говорить! — закричал Джонни. Его трясло. — Прощайте! — Он бросил трубку на рычаг и быстро отошел от телефона, будто это могло помешать новому звонку. Он чувствовал, как в висках зарождается головная боль. Глухие толчки. Не позвонить ли матери Сэма в Калифорнию, подумал он. Сказать ей, что у нее есть сынок. И сообщить, как связаться с ним. Око за око.

Вместо этого он вытащил из ящика телефонный справочник, отыскал рабочий телефон Сэма в Бангоре и набрал номер. Едва

на другом конце линии раздался звонок, как он, испугавшись, повесил трубку. Зачем Сэм устроил ему это? Зачем, черт возьми?

Он взглянул на рождественскую елку.

Все те же старые игрушки. Два дня назад они с отцом принесли их с чердака, вытащили из мягких бумажных оберток и повесили на елку. Бот ведь как забавно с этими елочными игрушками. Когда человек вырастает, мало что остается из вещей, окружавших его в детстве. Все на свете преходяще. Немногое может служить и детям, и взрослым. Однажды переходит кому-то по наследству или передается в Армию спасения, из часов с утенком Дональдом на циферблате выскакивает заводная пружинка, ковбойские сапоги изнашиваются. Вместо бумажника, который ты сам смастерил в летнем лагере, появился другой, из настоящей кожи, а свою красную коляску и велосипед ты променял на взрослые игрушки — автомобиль, теннисную ракетку, модную приставку для игры в хоккей по телевизору. Мало что сохраняется от детства. Несколько книг, счастливая монетка, коллекция марок, которая уцелела и пополнилась.

Да еще игрушки для рождественской елки в доме родителей.

Из года в год все те же облупившиеся ангелы и та же звезда из фольги, которой увенчивали елку, небольшой жизнестойкий взвод стеклянных шаров, уцелевших из целого батальона (мы не забудем геройских павших, подумал он: один погиб, сжатый рукой ребенка, другой выскользнул у отца, когда тот его вешал, и хлопнулся об пол, а третий, красный, с Вифлеемской звездой, каким-то загадочным образом оказался вдруг разбитым, когда однажды мы достали игрушки с чердака, и я долго горько плакал), а вот и крестовина. Но иногда, размышлял Джонни, рассеянно потирая виски, было бы, наверное, лучше, милосерднее совсем порвать с этими последними отголосками прошлого. Старые книги уже никогда не взволнуют тебя так, как в детстве. Счастливая монетка не уберегла тебя от ударов, издевок и обыденности. Глядя на елочные игрушки, вспоминаешь, что когда-то здесь хозяйничала мать; она всех учила наряжать елку; должно быть, ей нравилось изводить тебя указаниями: «немного выше» или «немного ниже», или «по-моему, дорогой, слишком много мишуры слева», — а ты тихо закипал. Глядя на игрушки, сознаешь, что на сей раз мы развешивали их вдвоем, потому что мать сошла с ума и умерла, а хрупкие шары по-прежнему здесь, украшают новую елку, срубленную в небольшом лесочке за домом, и разве ты не слышал, что на рождество придется больше самоубийств, чем в любое другое время года? Стоит ли удивляться!

Какую силу дал тебе Господь, Джонни.

Ну да, конечно, Господь Бог неподражаем. Он вышиб меня через ветровое стекло такси, я сломал ноги и пролежал почти пять лет в коме, а трое других людей погибли на месте. Моя девушка вышла замуж. У нее сын, который мог быть моим, от юриста, ле-

зущего из кожи вон, чтобы попасть в конгресс и там вместе со всей честной компанией кататься на большом игрушечном электропоезде!» Стоит мне пробыть на ногах два часа подряд, и уже ощущение такое, будто кто-то взял огромную спицу и вогнал ее мне до самого паха. Господь Бог — просто шутник. Большой шутник, он создал не мир, а какую-то комическую оперу, в которой стеклянный шар живет дольше, чем ты. Славный мир и во главе поистине первоклассный Бог. Он, по-видимому, был на нашей стороне во время вьетнамской войны, потому что так он правит от сотворения мира

Он поручил тебе миссию, Джонни.

Вытащил из дерьма какого-то провинциального олуха, полицейского, чтобы его переизбрали в будущем году?

Не беги от нее, Джонни. Не прячься в пещере.

Он потерял виски. Ветер усиливался. Скоро отец пойдет домой с работы. В такую погоду надо быть поосторожнее.

Джонни встал, натянул толстый свитер и вышел. Из рта повалил морозный пар. Он направился в сарай. Слева высилась поленища дров, которые Джонни наколот совсем недавно, осенью; дрова были аккуратно распилены по размеру печки. Рядом стоял ящик со щепой, а по соседству валялась кipa старых газет. Он присел и начал их перебирать. Руки быстро онемели, но он продолжал листать и наконец нашел то, что искал. Воскресную газету трехнедельной давности.

Он принес ее в дом, разложил на кухонном столе и начал просматривать. Нашел интересовавшую его статью и присел, чтобы перечитать ее.

Статью сопровождало несколько фотографий: на одной была видна старуха, запирающая дверь; на другой — полицейская машина на безлюдной улице; еще на двух — почти пустые магазины. Заголовок гласил: ОХОТА ЗА ДУШИТЕЛЕМ ИЗ КАСЛ-РОКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ... И ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Пять лет назад, говорилось в статье, молодая женщина Альфа Фречет, служившая в местном ресторане, возвращаясь с работы домой, была изнасилована и задушена. Прокуратура штата и полиция Касл-Рока провели совместное расследование. Результат — нулевой. На следующий год в маленькой квартирке на третьем этаже дома по Карбайн-стрит в том же Касл-Роке была найдена пожилая женщина — тоже изнасилованная и задушенная. Месяцем позже убийца снова дал о себе знать: на сей раз жертвой стала ученица средней школы.

Новое, более тщательное расследование с привлечением ФБР также не дало результатов. На следующих выборах шерифа Карла М. Келсо, главного стража порядка в графстве чуть ли не со времен гражданской войны, прокатили и на его место избрали

* Имеется в виду подземная электрифицированная дорога, которая соединяет старое здание палаты представителей с Капитолием

Джорджа Баннермана, он выплыл на гребне активной кампании под лозунгом: «Поймать душителя из Касл-Рока».

Прошло два года. Преступника не поймали, но убийства прекратились. А в январе двое мальчишек нашли тело семнадцатилетней Кэрол Данбаргер. Она числилась пропавшей без вести с тех пор, как родители заявили о ее исчезновении. В школе с ней без конца что-то случалось: она опаздывала на уроки, пропускала занятия, два раза была уличена в мелких магазинных кражах, а однажды убежала из дома и добралася до самого Бостона. И Баннерман, и полиция штата полагали, что Кэрол голосовала на шоссе и убийца взялся ее подвезти. В середине зимы наступила оттепель, она и помогла обнаружить тело девушки — его нашли двое мальчишек близ Стримерской протоки. Главный патологоанатом штата сказал, что смерть наступила примерно двумя месяцами ранее.

Наконец, второго ноября произошло еще одно убийство. Жертвой стала Этта Рингголд, учительница начальной школы Касл-Рока. В городе ее очень любили. Всю жизнь она была прихожанкой местной методической церкви, имела ученую степень, пользовалась влиянием в благотворительных организациях и обожала Роберта Браунинга*. Ее тело нашли в трубе, проложенной под неасфальтированной, почти непроезжей дорогой. По всей северной части Новой Англии пронеслась волна возмущения в связи с убийством мисс Рингголд. Вспоминали Альберта де Сальво, бостонского душителя, однако эти параллели никоим образом не могли утихомирить разбушевавшиеся страсти. Масла в огонь подлила газета «Юнион лидер», издаваемая Уильямом Лейбом в не таком уж далеком Манчестере, штат Нью-Гэмпшир; редакционная статья была озаглавлена «БЕЗДЕЛЬНИКИ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ИЗ СОСЕДНЕГО ШТАТА».

В старой, почти шестинедельной давности газете, впитавшей запах сарая и дров, приводились заявления двух местных психиатров, которые согласились прояснить ситуацию при условии, что их имена не будут названы. Один из них упомянул особый вид сексуального извращения — стремление совершать насильственное действие в момент оргазма. Прелестно, подумал Джонни, поморщившись. Он душил свои жертвы, когда наступал оргазм.

Головная боль давала себя знать все сильнее.

Другой психиатр обратив внимание на тот факт, что все пять убийств были совершены в конце осени либо в начале зимы. И хотя маниакально-депрессивная личность не подпадает ни под какую твердую схему, перепады настроения у маньяка, как правило, связаны со сменой времен года. У преступника мог быть «спад» агрессивности с середины апреля примерно до конца августа, а затем она начинала нарастать, достигая своего «пика» к моменту совершения убийств.

* Английский поэт XIX века

В период маниакального, или «пикового», состояния этот человек, по-видимому, сексуально крайне возбужден, активен, склонен к риску и уверен в своей безнаказанности. «Он, вероятно, убежден, что полиция его не поймают», — заключил анонимный психиатр. Статья закончивалась словами: «И пока убийца не ошибся в своих расчетах».

Джонни положил газету и взглянул на часы. Отец вернется домой с минуты на минуту, если только не застрянет из-за снега. Джонни подошел к печке и сунул газету в огонь.

Не мое дело. Все равно, черт бы побрал Сэма Вейзака.

Не прячься в пещере, Джонни.

Он не прятался, совсем нет. Просто так уж случилось, что с ним довольно жестко обошлись. Потерять целый кусок жизни — разве это не дает право самому стать жестким?

Ах, так ты себя жалеешь?

— К чертовой матери, — пробормотал Джонни. Он подошел к окну и выглянул на улицу. За сплошной пеленой снега ничего не было видно. Джонни надеялся, что с отцом будет все в порядке, а еще он надеялся, что Герберт вскоре появится и положит конец этому бессмысленному самокопанию. Джонни снова подошел к телефону и постоял в нерешительности.

Жалел себя Джонни или нет, а все-таки он потерял немалую часть жизни. Можно сказать, лучшую часть. Он многое сделал, чтобы снова обрести себя. Разве не заслужил самого обыкновенного уединения? Разве он не имеет права на то, о чем мечтал несколько минут назад, — на обыкновенную жизнь?...

.. ее не существует, мой дорогой.

Может, и так, зато существует необыкновенная жизнь. Перебирать вещи людей и внезапно узнавать про их мелкие страхи, ничтожные тайны, незначительные победы — поистине необыкновенная жизнь. Это уже не талант, а проклятие.

Предположим, он встретится с шерифом. Но ведь нет никакой гарантии, что он сможет ему помочь. Даже, предположим, он сможет. Предположим, он подаст ему убийцу на тарелочке с голубой каемочкой. Повторится больничная пресс-конференция — тот же цирк, только возведенный в чудовищную степень.

Сквозь головную боль начала пробиваться навязчивая песенка, скорее какие-то ее звонкие обрывки. Эту песенку пели в воскресной школе в раннем детстве: «Огонек в моей груди... ты свети, всегда свети... огонек в моей груди... ты свети, всегда свети... ты свети, свети, свети...»

Он поднял трубку и набрал служебный номер Вейзака. Сейчас, после пяти, это почти безопасно. Вейзак уже ушел с работы, а свой домашний номер знаменитые неврологи в справочнике не дают. После шести или семи длинных гудков Джонни собирался уже положить трубку, но тут Сэм ответил:

— Да? Алло?

— Сэм?

— Джон Смит? — В голосе Сэма, несомненно, звучало удовольствие, но в то же время и какое-то беспокойство.

— Да, это я.

— Как вам нравится эта погодка? — спросил Вейзак, пожалуй, чересчур уж бодро. — У вас идет снег?

— Да.

— Здесь он начался всего час назад. Говорят... Джон? Вы звоните из-за шерифа? Вы расстроены?

— Да, я разговаривал с шерифом, — сказал Джонни, — и хочу знать, что, собственно, произошло. Почему вы дали ему мой телефон? Почему не обратились ко мне и не сказали, что вам нужно... почему вообще не связались сначала со мной и не спросили моего согласия?

Вейзак вздохнул.

— Джонни, я бы мог вам соврать, но не буду. Я не обратился к вам, потому что боялся, что вы откажетесь. И не позвонил вам после разговора с шерифом, потому что он поднял меня на смех. Если человек смеется над моим предложением, я заключаю, что оно отвергнуто.

Джонни потер свободной рукой висок и закрыл глаза.

— Но почему, Сэм? Вы же знаете, как я к этому отношусь. Вы сами говорили, чтобы я не высывался, пока не утихнут слухи. Это ваши слова.

— Все дело в газетной заметке, — признался Сэм. — Я сказал себе: Джонни живет в тех краях. И еще я сказал себе: пять убитых женщин. Пять. — Вейзак был явно смущен, он говорил медленно, с остановками. И от этого Джонни стало не по себе. Он уже жалел, что позвонил ему. — Две девочки. Молодая мать. Учительница младших классов, любившая Браунинга. Предельно банальная история, правда? Настолько банальная, что из нее, пожалуй, даже нельзя состряпать фильма или передачи для телевидения. И тем не менее, все правда. Особенно мне жаль учительницу. Засунули в трубу, как мешок с отходами...

— Ваши фантазии по этому поводу и угрызения совести меня не интересуют. Вы не имеете права, черт возьми... — прохрипел Джонни.

— Вероятно, нет.

— Никаких «вероятно»!

— Джонни, как вы себя чувствуете? У вас такой голос...

— Хорошо! — выкрикнул Джонни.

— Судя по голосу, не очень.

— У меня жутко болит голова, что тут удивительного. Ради Христа, оставьте меня в покое. Когда я сказал вам о матери, вы ведь не позвонили ей. Вы сказали...

— Я сказал, что кое-что лучше потерять, чем найти. Но это не всегда так, Джонни. У преступника, кто бы он ни был, чудовищно изломанная психика. Он способен покончить с собой. Вероятно, когда убийства на два года прекратились, полиция так и решила. Но у маниакально-депрессивных личностей иногда бывают длительные периоды затишья — так называемое «плато нормальности», — после чего снова возобновляются перепады настроений. Он мог покончить с собой после убийства учительницы в прошлом месяце. Но если он жив, что тогда? Он может убить еще женщину. Или двух. Или четырех. Или...

— Хватит.

— Почему шериф Баннерман вам позвонил? — спросил Сэм Вейзак. — Что заставило его изменить решение?

— Не знаю. Очевидно, его донимают избиратели.

— Джонни, я сожалею, что посоветовал ему обратиться к вам и причинил вам столько боли. А еще больше сожалею, что не позвонил сам и не сказал о своем разговоре с Баннерманом. Я виноват. Видит Бог, вы заслужили спокойную жизнь.

Джонни не стало легче, когда он услышал отзвук собственных мыслей. Наоборот, он почувствовал себя еще более несчастным и виноватым.

— Ладно, — проговорил он. — Все в порядке, Сэм.

— Я больше никому ничего не скажу. Это, конечно, все равно что сменить замок в конюшне после того, как у тебя увели лошадь, но тем не менее. Я поступил глупо. Непозволительно глупо для врача.

— Ладно, — повторил Джонни. Он ощущал свою беспомощность, а от заминок и смущения Сэма ему стало еще хуже.

— Мы скоро увидимся?

— Со следующего месяца я начну преподавать в Кливе Милс. Тогда и заеду.

— Хорошо! Еще раз простите, Джон.

— Да хватит вам!

Они попрощались, и Джонни положил трубку, жалея, что вообще позвонил Сэму. Быть может, ему не хотелось, чтобы Вейзак так быстро признал, что был не прав. Быть может, на самом деле Джонни ожидал, что Сэм скажет: *Конечно, я позвонил ему. Я хотел, чтобы вы оторвали задницу от стула и сделали что-нибудь.*

Джонни медленно подошел к окну и посмотрел в темную ночь. Засунули в трубу, как мешок с отходами.

Боже, как болит голова.

Через полчаса пришел домой Герберт и, увидев побелевшее лицо Джонни, спросил:

— Голова болит?

— Да.

— Сильно?

— Не очень.

— Надо бы посмотреть новости, — сказал Герберт. — Хорошо, что не опоздал. Сегодня днем в Касл-Роке крутились телевизионщики из Эн-би-си. Там была и эта репортерша, которая тебе нравится. Кэсси Маккин.

Встретив взгляд Джонни, он зажмурился. На миг ему показалось, что на него с выражением почти нечеловеческой боли смотрят десятки глаз.

— Касл-Рок? Опять убийство?

— Да. Утром в городском парке нашли тело маленькой девочки. Ужасная история, просто в голове не укладывается. Пошла в библиотеку, но обратно уже не вернулась... Джонни, что с тобой? На тебе лица нет.

— Сколько ей было?

— Только-только исполнилось девять, — сказал Герберт. — Моя бы воля, я бы того, кто это сделал, за... подвесил.

— Девять лет, — произнес Джонни и тяжело опустился на стул. — О Господи.

— Сынок, тебе что, плохо? Вон какой белый.

— Все нормально. Включай телевизор.

На экране появился Джон Чанселлор с дневным уловом новостей: борьба за власть (избирательная кампания Фреда Харриса идет вяловато), правительственные постановления (американским городам, по словам президента Форда, недостает реализма в решении бюджетных вопросов), сообщения из-за рубежа (общенациональная забастовка во Франции), биржевые новости (играют на повышение) и, наконец, информация «для души» — о мальчике, который при церебральном параличе сумел откормить корову весом в четыре центнера.

— Может, решили не давать, — сказал Герберт.

Но после рекламной перебивки Чанселлор объявил:

— Жители небольшого городка на западе штата Мэн проведут сегодня бессонную ночь. Речь идет о Касл-Роке, где за последние пять лет совершено пять чудовищных убийств — изнасилованы и удушены лица женского пола в возрасте от четырнадцати лет до семидесяти одного года. Сегодня здесь произошло шестое убийство, жертвой стала девятилетняя девочка. Подробности из Касл-Рока сообщит Кэтрин Маккин.

А вот и она, точно фея из сказки, оказавшаяся на подмостках жизни. Кэтрин стояла напротив здания городского управления. Первые хлопья снега, предвестники близкой метели, ложились ей на пальто и светлые волосы.

— В этом небольшом фабричном городке Новой Англии царит атмосфера нарастающей истерии, — начала она. — Население Касл-Рока уже давно живет в тревоге из-за неизвестного, которого местная пресса окрестила «душителем из Касл-Рока», или иначе — «ноябрьским убийцей». Тревога сменилась настоящим ужасом — это слово никому здесь не кажется чересчур сильным — по-

сле того, как сегодня днем в городском парке было обнаружено тело Мэри Кэт Хендрасен. Это произошло недалеко от эстрады, где когда-то нашли труп официантки Альмы Фречет, первой жертвы «ноябрьского убийцы».

Последовала панорама городского парка, который сквозь пелену разыгравшейся метели казался мрачным и безжизненным. Затем показали школьную фотографию улыбающейся Мэри Кэт Хендрасен с широкими металлическими скобками на зубах. Красивые белокурые локоны. Платье цвета электрик. Наверное, это ее самое лучшее платье, с горечью подумал Джонни. Мама нарядила дочку, чтобы она хорошо выглядела на школьной фотографии.

Репортаж продолжался — теперь телезрителям напоминали историю предыдущих убийств, — но Джонни уже набирал номер. Он с трудом крутил диск, в голове у него шумело.

Из гостиной вышел Герберт и с недоумением посмотрел на сына.

— Кому это ты?

Джонни остановил его жестом, прислушиваясь к гудкам. На другом конце провода сняли трубку:

— Графство Касл, управление шерифа.

— Будьте добры шерифа Баннермана.

— Кто его спрашивает?

— Джон Смит из Паунала.

— Подождите, пожалуйста.

Джонни повернулся к экрану и увидел Баннермана таким, каким он был сегодня днем — в меховой куртке с капюшоном и шерифской нашивкой на рукаве. Ему было явно не по себе, хотя он довольно стойко отбивался от наседавших на него репортеров. Баннерман оказался широкоплечим мужчиной с высоким лбом и темными вьющимися волосами. Очки без оправы придавали ему довольно странный вид.

— Мы прорабатываем разные версии, — сказал Баннерман с экрана.

— Алло. Мистер Смит? — раздался в трубке голос шерифа.

Опять это странное чувство раздвоенности. Баннерман находился в двух местах сразу. В двух *временах*, если на то пошло. На миг у Джонни все поплыло перед глазами. Не дай бог пережить такое. Словно ты на ярмарке и катаешься на подвесной карусели или съезжаешь с русских гор.

— Мистер Смит? Вы меня слышите?

— Да, слышу. — Джонни проглотил комок в горле. — Я перестал думать.

— Молодчина! Чертовски рад это слышать.

— Только не знаю, сумею ли я вам помочь.

— Понятно. Что поделаешь, волков бояться — в лес не ходить.

— Баннерман откашлялся. — Меня с позором выставят из города, если узнают, до чего я докатился: обращаюсь за помощью к ясно-видящему.

Джонни слабо улыбнулся.

— Добавьте: опозоренному.

— Вы знаете заведение «У Джона» в Бриджтоне?

— Найду.

— Давайте встретимся там в восемь?

— Что ж, можно.

— Спасибо, мистер Смит.

— Не за что.

Джонни положил трубку. Герберт пристально смотрел на сына. В гостиной светился экран, мелькали заголовки местных новостей.

— Он что, звонил тебе?

— Да. Сэм Вейзак сказал ему, что я, возможно, сумею помочь.

— А сам ты как думаешь?

— Не знаю, — ответил Джонни, но голова немного отпустила.

Он опоздал на пятнадцать минут. Ресторанчик «У Джона» был, похоже, единственным заведением на Главной улице в Бриджтоне, которое еще не закрылось. Снегоочистители не успевали убирать сугробы, на дороге в нескольких местах образовались заносы. Завывал ветер, на перекрестке двух автострад, 302-й и 117-й, раскачивался светофор-мигалка. У входа в ресторан стояла полицейская патрульная машина с золоченой надписью на дверце: «Шериф графства Касл». Джонни поставил свою машину рядом и вошел в ресторан.

Баннерман сидел за столиком, перед ним была чашка кофе и порция «чили»*. Телевизор ввел Джонни в заблуждение. Баннерман оказался не просто крупным мужчиной, а настоящим гигантом. Джонни подошел к нему и представился.

Баннерман встал и пожал протянутую руку. При виде бледного, измученного Джонни, утопавшего в просторной куртке, он подумал: *Этот парень болен. Долго он не протянет.* Только пронзительно голубые глаза Джонни были удивительно живыми: они смотрели на Баннермана в упор с острым, нескрываемым любопытством. Когда Джонни пожимал руку шерифа, тот испытал странное ощущение; позднее он назовет его *выкачиванием*. Потом это ощущение прошло.

— Рад, что вы приехали, — сказал Баннерман. — Кофе?

— Спасибо.

— Хотите «чили»? У них тут потрясное «чили». Мне, конечно, не стоило бы его есть из-за язвы, но не могу удержаться. — Он заметил удивление на лице Джонни и улыбнулся. — Я понимаю такой с виду здоровяк — и вдруг язва. Не вяжется, да?

* Мексиканское острое блюдо.

— От болезни никто не застрахован.

— А вы, черт побери, молодец, — сказал Баннерман. — Почему вы все-таки передумали?

— Из-за сообщения в теленовостях. О девочке. Вы уверены, что это тот самый тип?

— Он. Тот же почерк. И группа спермы.

В ожидании официантки Баннерман разглядывал Джонни.

— Вам кофе? — спросила официантка.

— Чай, — сказал Джонни.

— И порцию «чили», — добавил Баннерман. Когда официантка ушла, он продолжал: — Доктор говорит, что, взяв в руки вещь, вы иногда можете определить, откуда она, кто ее владеец и все такое прочее.

— Бывает, — улыбнулся Джонни, — например, я всего лишь пожал вам руку, а уже знаю, что у вас есть ирландский сеттер по кличке Рыжий. Знаю, что он стар, начал слепнуть и вы подумываете, не усыпить ли его, только не знаете, как объяснить это девочке.

Баннерман уронил вилку в «чили» — шлеп! — и с разинутым ртом устоялся на Джонни.

— Ну и ну, — сказал он. — И вы это из меня сейчас вытянули? Только что?

Джонни кивнул.

Баннерман пробормотал, покачивая головой:

— Одно дело, когда тебе рассказывают о чем-то таком, и совсем другое... и вас это не выматывает?

Джонни удивленно посмотрел на Баннермана. Никто прежде не задавал ему такого вопроса.

— Вы правы. Выматывает.

— Да как же вы узнали? Ну дела!

— Послушайте, шериф...

— Джордж. Просто Джордж.

— Ладно, тогда и меня зовите Джонни, просто Джонни. Так вот. Джордж, того, что я *не знаю* о вас, хватит на пять томов. Я не знаю, откуда вы родом, где окончили полицейскую школу, кто ваши друзья, где вы живете. Я знаю, что у вас есть маленькая дочка, ее зовут, вроде бы, Кэти, но немного иначе. Я не знаю, ни чем вы занимались на прошлой неделе, ни какое пиво предпочитаете, ни какую телепередачу любите больше всего.

— Мою дочку зовут Катрина, — тихо произнес Баннерман. — Ей, кстати, девять лет. Мэри Кэт была ее одноклассницей.

— Я хочу сказать, что мои... мои способности в общем-то ограничены. Из-за мертвой зоны.

— Какой мертвой зоны?

— Оттуда как бы не доходят некоторые сигналы, — пояснил Джонни. — Я совсем не улавливаю название улиц и адреса. С цифрами тоже сложно, хотя иногда я могу их назвать. — Офи-

диантка принесла Джонни чай и «чили». Он попробовал «чили» и одобительно кивнул Баннерману. — Вы правы, вкусно. Особенно в такой вечер.

— Наваливайтесь, — сказал Баннерман. — Настоящее «чили» — моя слабость. Но уже после первой ложки язва закатывает мне жуткую истерику. А я ей говорю: иди ты знаешь куда... И давай наворачивать.

Они замолчали. Джонни принялся за «чили», а Баннерман с любопытством разглядывал его. Смит мог, конечно, узнать заранее, что у него есть пес по кличке Рыжий. Джонни мог также разузнать, что Рыжий стар и почти ослеп. Пойдем дальше: если ему было известно имя дочери, он запросто мог вернуть эту фразочку: «... ее зовут вроде бы Кэти, но немного иначе», чтобы изобразить некоторую неуверенность. Но зачем? И откуда возникло это цепенеющее, ни на что не похожее ощущение, когда Смит пожал ему руку? Если тут и надувательство, то очень высокого класса.

Ветер завывал сильнее, сотрясая легкое строенье. Снег залепил окна кегельбана на противоположной стороне улицы.

— Слышите, что творится? — сказал Баннерман. — Теперь до утра не утихнет. А еще говорят, зимы стали не такие суровые.

— Вам удалось что-нибудь найти? — спросил Джонни. — Как-нибудь вещи этого типа?

— Может быть, и удастся, — сказал Баннерман и сам же с сомнением покачал головой. — Надежда слабая.

— Но почему?

Баннерман рассказал все по порядку. Начальную школу и библиотеку разделяет городской парк. Когда ученик идет в библиотеку, учитель дает бланк, а библиотекарь делает в нем соответствующую отметку. Примерно посередине парка есть неглубокая ложбинка. На западной ее стороне расположена эстрада. В самой ложбинке — десятка два скамеек, сюда приходят послушать джазовые концерты или поговорить о футбольных баталиях.

— Мы предполагаем, что преступник сидел на скамейке и ждал, когда какая-нибудь девочка пройдет мимо одна. Со стороны входа и выхода из парка видеть ее не могли. Дорожка тянется по северному склону, недалеко от скамеек. — Баннерман со вздохом покачал головой. — Как назло, первая женщина, Фречет, была убита там же, только на эстраде. Представляю, какие на меня посыплются шишки на собрании избирателей в марте, если я вообще продержусь до марта. Я, конечно, могу показать свою докладную записку с просьбой выделить людей для патрулирования парка в период школьных занятий. Когда я писал ее, скажу честно, я меньше всего думал об этом убийстве. В самом страшном сне я не мог представить, что он вторично придет на то же место.

— И что же, вашу просьбу не поддержали?

— Не нашлось средств, — сказал Баннерман. — Разумеется, начальство постарается переложить вину на городское управление,

там, как водится, свалят все на меня, а трава на могиле Мэри Кэт Хендрасен будет расти и.... — Тут он остановился и опустил голову — вероятно, не в силах был продолжать. Джонни сочувственно смотрел на него. — Правда, не уверен, что это помогло бы, — заговорил Баннерман уже более сдержанно. — Как правило, на патрулирование мы отряжаем женщин, а этому кобелине, за которым мы охотимся, похоже, наплевать, какого они возраста.

— Итак, вы считаете, что он ждал на скамейке?

Баннерман подтвердил. Возле скамейки нашли дюжину свежих окурков и еще четыре вместе с пустой пачкой за эстрадой. К сожалению, преступник курил «Мальборо» — вторую или третью по распространенности марку сигарет. Целлофановую обертку послали на экспертизу, но отпечатков пальцев не обнаружили.

— Ни одного отпечатка? — удивился Джонни. — Странно!

— Почему?

— Ну убийца, само собой, был в перчатках, даже если и не думал о том, чтобы не оставить следов, просто из-за холода... Но ведь продавец....

— А вы неплохо соображаете в нашем деле, — усмехнулся Баннерман. — Но сразу видно, что вы не курите.

— Верно, — сказал Джонни. — Когда я работал в школе, выкуривал в день несколько сигарет, но после катастрофы бросил.

— Пачку держат в нагрудном кармане. Достал, вынул сигарету, положил пачку обратно. Если я в перчатках, то новых следов на целлофане уже не будет, а старые затрут. Понимаете? И потом, Джонни, вы упустили из виду еще одно обстоятельство. Знаете, какое?

Джонни подумал и сказал:

— Возможно, пачку просто вытряхнули из блока. А блоки заклеивает машина.

— Вот именно, — сказал Баннерман. — Вы действительно хорошо соображаете.

— А чье торговое клеймо стояло на пачке?

— Штата Мэн, — сказал Баннерман.

— Значит, если убийца и владелец сигарет — одно лицо... — в задумчивости произнес Джонни.

— Конечно, теоретически возможен другой вариант. — Баннерман пожал плечами. — Но я попробовал представить себе: кто еще стал бы холодным зимним утром так долго сидеть на скамейке городского парка? Ведь он успел выкурить двенадцать или шестнадцать сигарет.

— И никто из детей его не видел? — Джонни отпил чаю.

— Нет, — сказал Баннерман. — Я говорил со всеми кто ходил в библиотеку сегодня утром.

— Это еще более странно, чем отсутствие отпечатков на пачке. Вы не находите?

— Не так странно, как страшно. Вообразите, он сидит и ждет, когда появится ребенок... девочка... Если ребенок не один, ему это слышно издали. И всякий раз он прячется за эстрадой.

— А следы? — сказал Джонни.

— Какие там следы! Утром еще не было снега. Земля промерзла. И вот этот псих, которого надо бы кастрировать и накормить собственным дерьмом, скрывается за эстрадой. Около восьми пятидесяти появляются Питер Харрингтон и Мелисса Логгинс. Занятия в школе начались минут двадцать назад. Когда дети скрываются из виду, он снова возвращается на свою скамейку. В девять пятнадцать он снова прячется за эстрадой. На этот раз идут две девочки: Сьюзен Флархети и Катрина Баннерман.

Рука Джонни упала, кружка стукнула об стол. Баннерман, сняв очки, усердно тер стекла.

— Ваша дочь тоже проходила мимо того места? О Господи!

Баннерман снова надел очки. **Лицо его стало жестким** и бледным от гнева. И от страха, подумал Джонни. Но не перед избирателями, которые могут прокатить его на выборах, и не перед газетой «Юнион лидер», где могут еще раз проехаться по адресу туповатых полицейских штата Мэн, а из-за того, что случись его дочке пойти сегодня утром одной в библиотеку...

— И моя дочь тоже, — тихо подтвердил Баннерман. — Она, по-видимому, прошла в каких-нибудь двадцати метрах от этого... этого животного. Теперь вы понимаете, каково мне?

— Могу себе представить, — сказал Джонни.

— Не уверен. У меня такое чувство, словно ступил ногой в пустую шахту лифта. Или передал кому-то за столом грибы, и они оказались ядовитыми, и человек умер. Меня будто вывалили в грязи. В дерьме. Не знаю, может, поэтому я и решил позвонить вам. Сейчас я готов на все, только бы взять этого типа. На все.

За окном из снежной пелены, словно какое-то чудовище из фильма ужасов, вдруг выползла гигантская оранжевая снегоочистительная машина. Машина остановилась, на землю соскочили двое. Они пересекли дорогу, вошли в ресторан и направились к стойке. Джонни допил чай. Аппетит у него совсем пропал.

— Так вот, преступник опять садится на скамейку, — продолжал Баннерман, — но ненадолго. Приблизительно в девять двадцать пять он слышит, как возвращаются из библиотеки Харрингтон и Логгинс. Он снова укрывается за эстрадой. Приблизительно в девять двадцать пять, потому что пометку в бланке библиотечарь сделал в девять восемнадцать. В девять сорок пять в библиотеку прошли мальчики из пятого класса. Один из них, вроде бы, видел какого-то типа за эстрадой. Вот и весь портрет преступника, которым мы располагаем. «Какой-то тип». Может, разослать это описание, как вы считаете? «Обратите внимание на какого-то типа».

Баннерман хмыкнул.

— В девять пятьдесят пять моя дочь и ее подружка Сьюзен идут обратно. И вот примерно в десять ноль пять появляется Мэри Кэт Хендрасен... одна. Катрина и Сью столкнулись с ней на крыльце школы. Они поздоровались.

— О Господи, — пробормотал Джонни и нервно провел рукой по волосам.

— И наконец, десять тридцать. Трое пятиклассников возвращаются из библиотеки. Один из них замечает что-то на эстраде. Это Мэри Кэт. Ее ноги оголены и залиты кровью, а лицо... лицо...

— Успокойтесь, — Джонни положил руку ему на плечо.

— Попробуй тут успокойся, — сказал Баннерман. Он словно извинялся. — Ничего подобного я не видел за все восемнадцать лет службы. Он изнасиловал девочку, и уже одного этого хватило бы, чтобы... убить ее... врач, производивший экспертизу, сказал, что он так... понимаете, там такие разрывы... в общем, это бы ее почти наверняка... убило... но ему было мало, и он задушил ее. Задушить девятилетнюю девочку и оставить... оставить в таком виде...

И тут по лицу Баннермана потекли слезы. У стойки два парня из бриджтонской дорожной бригады говорили об играх на кубок. Баннерман опять снял очки и вытер лицо носовым платком. Плечи у него тряслись. Джонни молчаковырял вилкой «чили».

Наконец Баннерман спрятал носовой платок. Глаза его стали красными, лицо без очков казалось каким-то беззащитным.

— Вы уж меня простите, — сказал он. — Тяжелый день выдался.

— Еще бы, — сказал Джонни.

— Знал, что этим кончится, только вот думал: как-нибудь продержусь до дому.

— Слишком долго ждать.

— У вас редкий дар понимать людей. — Баннерман снова надел очки. — И не только понимать. В вас что-то есть. Черт его знает, что именно, но что-то такое есть.

— Какие у вас еще зацепки?

— Да никаких. Верчусь, как на сковородке, а полиция штата все раскачивается. Вместо со специальным следователем генеральной прокуратуры и нашим любимчиком из ФБР. Пока что экспертизой установлена группа спермы, но сейчас это нам ничего не дает. Больше всего меня озадачивает отсутствие волос или кожной ткани под ногтями жертв. Он ни разу не обранил ни пуговицы, ни магазинного чека, ровным счетом ничего. К нам тут приехал спец по психам из Огасты — генеральный прокурор расстарался. — так он уверен, что все эти типы рано или поздно выдают себя. Чем не утешение. Особенно если позже... если еще дюжина трупов прибавится.

— Эта пачка из-под сигарет находится у вас?

— Да.

Джонни поднялся.

— Ну так поехали.

— В моей машине?

Джонни прислушался к вою ветра и едва заметно улыбнулся.

— В такой вечер, — сказал он, — совсем не мешает проехать-ся в компании полицейского.

Метель разбушевалась вовсю, и дорога в Касл-Рок на машине Баннермана отняла полтора часа. В двадцать минут одиннадцатого они вошли в вестибюль городского управления, оббили с ботинок снег.

В коридоре находилось несколько газетчиков, они сидели под отвратительным портретом одного из местных отцов-основателей и рассказывали друг другу о своих вчерашних ночных бдениях. Баннерман и Джонни не успели глазом моргнуть, как оказались в кольце.

— Шериф, это правда, что в деле наметился сдвиг?

— Мне нечего пока сказать, — устало отозвался Баннерман.

— Говорят, вы посадили под арест, кого-то из Оксфорда. Это правда, шериф?

— Нет. Дайте-ка нам, ребята, пройти...

Но они уже переключились на Джонни, и у того упало сердце, когда он узнал двух журналистов, которые были на пресс-конференции в больнице.

— Разрази меня гром! — воскликнул один из них. — Вы случайно не Джон Смит?

— Да, — сказал Джонни. — Он самый.

— Экстрасенс, что ли? — спросил другой.

— Дайте же нам пройти! — повысил голос Баннерман. — Вам что, делать нечего, кроме как...

— Судя по тому, как пишет «Инсайд вью», вы шарлатан, — сказал молодой человек в меховом пальто. — Это правда?

— На это я могу вам ответить только одно: «Инсайд вью» печатает то, что находит нужным, — сказал Джонни. — Слушайте, нам...

— Значит, вы не согласны с тем, что они написали?

— Да мне, правда, нечего больше сказать.

Не успели они закрыть за собой двери с матовыми стеклами, как газетчики ринулись к двум телефонам-автоматам, висевшим на стене близ дежурки.

— Да-а, вляпались мы, ничего не скажешь, — огорчился Баннерман. — Клянусь Богом, мне в голову не могло прийти, что они будут торчать здесь в такую ночь. Надо было провести вас через заднюю дверь.

— Чего уж там, — с горечью отозвался Джонни, — разве вы не знаете, что мы обожаем рекламу? Ради саморекламы мы и попадаем в экстрасенсы.

— Сомневаюсь, — сказал Баннерман. — Во всяком случае, не вы. Н-да, опростоволосились. Теперь ничего не поделаешь.

А Джонни мысленно уже видел газетные заголовки — пикантную добавку к недавно забуллившей похлебке: ШЕРИФ ИЗ КАСЛ-РОКА ПРИВЛЕКАЕТ МЕСТНОГО ЭКСТРАСЕНСА К ДЕЛУ ОБ УДУШЕНИИ. ЯСНОВИДЯЩИЙ ИДЕТ ПО СЛЕДУ «НОЯБРЬСКОГО УБИЙЦЫ», «МОЕ ПРИЗНАНИЕ В МОШЕННИЧЕСТВЕ — ФАЛЬШИВКА», — ЗАЯВЛЯЕТ СМИТ.

Перед входом в кабинет сидели два помощника шерифа: один дремал, другой пил кофе и с мрачным видом просматривал донесения.

— Его что, жена из дому выставила? — раздраженно сказал Баннерман, кивая в сторону спящего.

— Только что вернулся из Огасты, — ответил помощник. Это был совсем еще мальчишка, с ввалившимися от усталости глазами. Он с интересом посмотрел на Джонни.

— Джонни Смит. Фрэнк Додд. А этого спящего красавца зовут Роско Фишер.

Джонни кивнул в знак приветствия.

— Роско говорит, что генеральный прокурор затребовал дело, — сказал Додд Баннерману. Вид у полицейского был возмущенно-задиристый и в то же время растерянный. — Хорошенький подарочек к Рождеству, правда?

Баннерман слегка потрепал Додда по загривку.

— Не надо так переживать, Фрэнк. И вообще ты чересчур усердствуешь.

— Должно же что-нибудь выплыть из этих донесений... — Додд пожал плечами и постучал пальцем по стопке бумаг. — Ну хоть что-нибудь.

— Иди домой, Фрэнк, отдохни малость. И забери с собой эту спящую красавицу. Не хватало, чтобы кто-то из репортеров щелкнул его сейчас. А наутро в газетах заголовок: «РАССЛЕДОВАНИЕ В КАСЛ-РОКЕ ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ» — и нас всех отправляют мести улицы.

Баннерман провел Джонни в свой кабинет. Стол завален исписанными листами бумаги. На подоконнике три фотографии: Баннерман, его жена и дочь Катрина. На стене — диплом в аккуратной рамке, а рядом, тоже в рамке, — первая полоса местной газеты «Колл» с сообщением о победе Баннермана на выборах.

— Кофе? — спросил Баннерман, отпирая бюро.

— Нет, спасибо. Лучше еще чаю.

— Миссис Цукерман бережет чай как зеницу ока, — сказал Баннерман. — Каждый день, к сожалению, уносит его домой. Могу предложить тоник, только нам придется еще раз пройти сквозь строй, чтобы добраться до автомата. Хоть бы разошлись по домам.

— Ничего, я обойдусь.

Баннерман принес небольшой запечатанный конверт.

— Вот, — сказал он и, помедлив, протянул его Джонни. Джонни взял конверт, но не спешил открывать.

— Надеюсь, вы понимаете — никаких гарантий. Я не могу ничего обещать. Иногда получается, иногда нет.

Баннерман лишь устало передернул плечами и повторил:

— Волков бояться — в лес не ходить.

Джонни вскрыл конверт и вытряхнул на ладонь пустую пачку «Мальборо». Красно-белую пачку. Он держал ее в левой руке и смотрел на стену. Серая стена. Обычная серая стена. Красно-белая пачка. Обычная красно-белая пачка. Он переложил пачку в другую руку, потом зажал ее в обеих ладонях. Он ждал, ждал хоть какого-нибудь видения. Ничего. Он продолжал сжимать пачку, надеясь на чудо, словно забыв, что если образы возникают, то возникают тотчас же.

Наконец Джонни возвратил пачку.

— Увы, — сказал он.

— Не вышло?

— Нет.

Раздался громкий стук в дверь, и показались голова Роско Фишера. Он выглядел сконфуженным.

— Джордж, мы с Фрэнком идем по домам. Не знаю даже, как это я вырубился.

— Надеюсь, в патрульной машине с тобой этого не случится, — сказал Баннерман. — Передай привет Диле.

— Обязательно.

Фишер бросил взгляд на Джонни и прикрыл дверь.

— Ну что ж, — сказал Баннерман. — Во всяком случае, попробовали. Я отвезу вас...

— Я бы хотел осмотреть парк, — перебил его Джонни.

— Бессмысленно. Там снегу по колено.

— Но вы сможете найти то место?

— Еще бы. Но что это нам даст?

— Не знаю. И все же давайте сходим.

— За нами увяжутся газетчики. Как дважды два четыре.

— Вы говорили, что есть задняя дверь.

— Есть. Аварийный выход. Проникнуть через него в здание можно, но если выбираться этим путем, сработает сигнализация.

Джонни присвистнул.

— Что же, пусть увязываются.

Несколько секунд Баннерман испытующе смотрел на него и наконец кивнул.

— Идемте.

Как только они вышли из кабинета, репортеры вскочили с мест и окружили их. Джонни вдруг вспомнилась ветхая конура в Дареме, где чудаковатая старуха держала своих колли. Если кто шел мимо с удочкой, собаки выбегали навстречу и нагоняли страху. Они даже и не кусались, просто хватали за ноги.

— Вы знаете, Джонни, кто это?

— Есть идеи?
— Как насчет биотоков, мистер Смит?
— Это вам, шериф, пришла мысль пригласить экстрасенса?
— Шериф Баннерман, об этом знают полиция штата и генеральный прокурор?

— Джонни, вы надеетесь раскрыть это дело?
— Шериф, вы его уже оформили своим помощником?
На ходу застегивая куртку, Баннерман медленно, но решительно пробивал себе дорогу.

— Мне нечего пока сказать. Нечего.

Джонни отмалчивался.

Пока репортеры толпились в вестибюле, Джонни с Баннерманом спустились по заснеженным ступенькам. Они обошли машину шерифа и начали переходить улицу; тут кто-то из репортеров сообразил, что они направляются в городской парк. Несколько человек бросились обратно за верхней одеждой. Те, кто был уже в пальто, гурьбой, гандя, как школьники, скатились вниз по лестнице.

В снежной мгле мелькали огни. Ветер с воем швырял им в лицо хлопья снега.

— Ни черта вы здесь не разглядите, — сказал Баннерман. — Вы... тьфу, пропасть! — Репортер в толстой шубе и нелепом берете налетал на него и едва не сшиб с ног.

— Извините, шериф, — пробормотал он. — Забыл галоши. А тут скользко.

Впереди из темноты выплыла желтая нейлоновая веревка, протянутая над землей. На веревке раскачивалась табличка с надписью: ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ.

— Голову вы тоже забыли, — сказал Баннерман. — А ну-ка, осадите все назад! Назад, кому говорю!

— Парк — общественная собственность, шериф, — крикнул кто-то из газетчиков.

— Пусть так, но здесь ведется расследование. Так что стойте лучше за ограждением, не то вам придется провести ночь в кутузке.

Он посветил фонариком, а затем приподнял веревку, чтобы Джонни мог пройти. Они двинулись вниз по склону к заваленным снегом скамейкам. Позади сгрудились репортеры, светя фонариками, так что Джонни и Джордж Баннерман шли как бы в полосе тусклого света.

— Снег прямо в глаза, — сказал Баннерман.

— Все равно пока не на что смотреть, — отозвался Джонни.

— Пока не на что. Я уже говорил Фрэнку, чтобы он снял веревку. Хорошо, у него до этого руки не дошли. Хотите подойти к эстраде?

— Потом. Покажите, где валялись окурки.

Они прошли еще немного, и Баннерман остановился.

— Здесь, — сказал он и осветил вапиравшую снежным горбом скамейку.

Джонни снял перчатки, сунул их в карманы пальто, опустившись на колени, начал сметать снег с сиденья. Баннермана вновь поразило его лицо — изможденное, бледное. Сейчас он напоминал истового богомольца.

Руки у Джонни озябли, почти онемели. Снег под ладонями таля. Наконец он добрался до выщербленной, рассохшейся древесины. И все вдруг представилось ему отчетливо, будто сквозь увеличительное стекло. Когда-то скамейка была зеленого цвета, но со временем краска облупилась и стерлась. Два ржавых стальных болта скрепляли сиденье со спинкой.

Он сжал сиденье обеими руками, и тут на него нахлынуло что-то необъяснимое — никогда прежде это не ощущалось столь остро, и лишь еще раз с ним случится подобное. Из всех сил он сжимал скамейку и, наморщив лоб, неотрывно смотрел на нее. Это была...

(... летняя скамейка...)

... Сколько сотен людей сидело на ней, слушая «Боже, храни Америку», «Звезды и полосы» (... «не обижай своих друзей с перепончатыми лапками... у этой утки наверняка есть де-е-е-точ-ки...») или боевой марш в исполнении каслрокских «Пантер»? Зеленая листва, легкая осенняя дымка — она будит воспоминания о летящей мякине, о людях, орудующих вилами в тусклых сумерках. Буханье большого барабана. Мягкое звучание золоченых труб и тромбонов. Школьники-оркестранты в униформе...

(... у этой утки... наверняка... есть деточки...)

Сидит беззаботная публика, слушает, аплодирует, в руках у всех программки, изготовленные в художественной мастерской местной школы.

В то утро здесь сидел убийца. Джонни осязал его.

На сером небе, предвещающем снег, вырисовываются черные ветви деревьев, похожие на руки. Я (он) сижу здесь, дымлю сигаретой, жду, мне хорошо, как будто я (он) могу перемахнуть через высочайшую крышу мира и мягко приземлиться на обе ноги. Мурлычу песенку. Что-то из репертуара «Роллинг стоунз». Не могу понять, но совершенно ясно, что все... что все...?

(... отлично. Все отлично, кругом все серое, вот-вот пойдет снег, и я...)

— Хитрый, — пробормотал Джонни. — Я очень хитрый.

Баннерман наклонился к нему, силясь разобрать слова сквозь завывания ветра.

— Хитрый, — повторил Джонни. Он поднял глаза на шерифа, и тот невольно попятился. Взгляд у Джонни был холодный и какой-то жесткий. Темные волосы взлетели, открывая побелевшее лицо, ветер со стоном уносился в ночное небо. Руки Джонни, казалось, были приварены к скамейке.

— Я дьявольски хитрый, — отчетливо сказал он. На губах его появилась торжествующая улыбка. Глаза смотрели сквозь Баннермана. И Баннерман поверил. Такое нельзя сыграть или подстроить. Но самое страшное... Джонни напоминал ему кого-то. Улыбка... интонации... Джонни Смит исчез, остался один силуэт. За ничего не выражающими чертами стояло совсем близко другое лицо. Либо убийцы.

Лицо человека, которого Баннерман знал.

— Ни за что не поймаете. Всех перехитрю. — У Джонни вырвался смешок, самодовольный, издевательский. — Я всякий раз надеваю его, и как они ни царапайся... и ни кусайся.... ничего не останется... а все потому, что я очень хитрый! — Его голос сорвался на торжествующий диковатый визг, который мог поспорить с ветром, и Баннерман отступил на шаг. По спине его пробежал озноб.

Хватит, говорил он про себя. Хватит, слышишь?

Джонни перегнулся через скамейку.

(Снег. Тихий, безответный снег...!)

(Она защемила мне это место прищепкой, чтобы я знал, как бывает, когда заразишься. От какой-нибудь девки. Потому что все они грязные потаскухи, и их надо остановить, слышишь, остановить, останови их, останови, останови — О БОЖЕ, ЭТОТ СТОП-ЗНАК!...)

Сейчас он ребенок. Он идет в школу по тихому, безответному снегу. И вдруг из клубящейся белизны вырастает человек, ужасный человек, ужасный черный ухмыляющийся человек с глазами, сверкающими как две монеты, одна его рука в перчатке, а в руке красный СТОП-ЗНАК... Он!.. Это он!.. Это он!

(БОЖЕ, БОЖЕНЬКА... СПАСИ МЕНЯ ОТ НЕГО... МАМОЧКА, СПАСИ-И-И-И МЕНЯ ОТ НЕГО...!)

Джонни вскрикнул и рухнул рядом со скамейкой, прижимая ладони к щекам. Перепуганный насмерть Баннерман присел возле него на корточки. Репортеры за ограждением зашумели, задвигались.

— Джонни! Довольно! Слышите, Джонни...

— Хитрый, — пробормотал Джонни. Он поднял на Баннермана глаза, в которых читались боль и страх. Мысленно он еще видел эту черную фигуру с блестящими глазами-монетами, вырастающую из снежной круговерти. Он чувствовал тупую боль в паху от прищепки, которой мать мучила убийцу в детстве. Нет, тогда он еще не был ни убийцей, ни животным, не был ни соплей, ни кучей дерьма, как однажды обозвал его Баннерман, он был просто обезумевшим от страха мальчишкой с прищепкой на... на...

— Помогите мне встать, — пробормотал Джонни.

Баннерман помог ему подняться.

— Теперь эстрада, — сказал Джонни.

— Не стоит. Нам лучше вернуться.

Джонни высвободился из его руки и как слепой двинулся, пошатываясь, по направлению к эстраде — она огромной круглой тенью маячила впереди, как склеп. Баннерман догнал Джонни.

— Кто он? Вы знаете, кто?

— Под ногтями у жертв не обнаружено кожной ткани, потому что на нем был плащ, — сказал Джонни, с трудом переводя дыхание. — Плащ с капюшоном. Скользящий прорезиненный плащ. Посмотрите донесения. Посмотрите донесения, и вы увидите. В те дни шел дождь или снег. Да, они царапали его ногтями. И сопротивлялись. Еще как. Но пыльцы у них соскальзывали.

— Кто он, Джонни? Кто?

— Не знаю. Но узнаю.

Он споткнулся о ступеньку лестницы, которая вела на эстраду, потерял равновесие и наверняка упал бы, не подхвати его Баннерман под руки. Они стояли на помосте.

Благодаря конической крыше снега здесь почти не было, только слегка припорошило. Баннерман посветил фонариком, а Джонни опустился на четвереньки и медленно пополз вперед. Руки у него сделались багровыми. Они казались Баннерману похожими на сырое мясо.

Внезапно Джонни остановился и замер, точно собака, взявшая след.

— Здесь, — пробормотал он. — Он сделал это здесь.

И вдруг нахлынуло: лица, ощущения, фактура вещей. Нарастающее возбуждение, вдвойне острое оттого, что могут увидеть. Девочка извивается, пытается кричать. Он закрывает ей рот рукой в перчатке. Чудовищное возбуждение. *Где вам поймать меня — я человек-невидимка. Ну как, мамочка, эта грязь сойдет для тебя?*

(Треск разрываемой одежды. Что-то теплое, мокрое. Кровь? Семенная жидкость? Моча?)

Джонни дрожал всем телом. Волосы закрыли глаза. *Его лицо. Сведенное судорогой лицо, в обрамлении капюшона... его (мои) руки соединяются в момент оргазма на шее жертвы и сжимают... сжимают...*

Видение стало ослабевать, и сила ушла из рук. Он упал ничком и распростерся на сцене, сотрясаясь от рыданий. Баннерман тронул его за плечо, Джонни вскрикнул и рванулся в сторону с перекошенным от страха лицом. Но мало-помалу напряжение спадало. Он ткнулся головой в низкую балюстраду и закрыл глаза. По телу пробегали судороги, как это бывает у гонимых. На пальто и брюки налип снег.

— Я знаю, кто это сделал, — сказал он.

Через пятнадцать минут Джонни сидел в кабинете Баннермана, раздевшись до белья и вплотную придвинувшись к портативному обогревателю. Он был по-прежнему весь какой-то озябший и жалкий, но дрожь прекратилась.

— Может, все-таки выпьете кофе?

Джонни покачал головой.

— Организм не принимает.

— Послушайте, — Баннерман сел на стул, — вы в самом деле что-то узнали?

— Я знаю, кто их убил. Все равно рано или поздно поймали бы его. Просто он ближе, чем вы ищете. Вы даже видели его в этом плаще, таком блестящем, наглухо застегнутом. Он по утрам пропускает детей через дорогу. Он поднимает стоп-знак, чтобы дети могли перейти улицу.

Баннерман смотрел на него как громом пораженный.

— Вы имеете в виду Фрэнка? Фрэнка Додда? Вы с ума сошли!

— Да, это Фрэнк Додд, — подтвердил Джонни. — Он убил их всех.

У Баннермана было такое лицо, будто он не знал, рассмеяться ему или огреть Джонни чем-нибудь.

— Чушь собачья, — произнес он наконец. — Фрэнк Додд — отличный полицейский. И отличный парень. В ноябре будущего года он вполне может стать кандидатом в начальники городской полиции, и он займет этот пост с моего благословения. — На лице Баннермана появилась улыбка, усталая и презрительная. — Фрэнку двадцать пять лет. По-вашему выходит, он начал заниматься этим скотством в девятнадцать. У него больная мать — гипертония, щитовидка, начальная стадия диабета. Они ведут очень тихий образ жизни. Словом, Джонни, вы попали пальцем в небо. Фрэнк Додд не может быть убийцей. Даю голову на отсечение.

— Между убийствами был перерыв в три года, — сказал Джонни. — Где тогда находился Фрэнк Додд? Он был в городе?

— Ну вот что, хватит! Вы были недалеко от истины, когда говорили, что не очень-то многое можете. Ваше имя, считайте, уже в газетах, но это еще не значит, что я должен выслушивать, как вы поносите должностное лицо, достойного человека, которого я.

— Человека, которого вы считаете своим сыном, — невозмутимо закончил Джонни:

Баннерман стиснул зубы, кровь отхлынула от его покрасневших на холоде щек. Его словно ударили ниже пояса. Затем он взял себя в руки, лицо его превратилось в маску.

— Убирайтесь отсюда, — сказал он. — Попросите кого-нибудь из ваших дружков-газетчиков отвезти вас домой. По дороге можете устроить пресс-конференцию. Но клянусь Богом, Господом Богом клянусь, если вы упомянете имя Фрэнка Додда, я отыщу вас и переломлю кости. Понятно?

— Ну да, мои дружки-газетчики! — заорал вдруг Джонни. — Еще бы! Вы же видели, как я спешил удовлетворить их любопытство? Как я позировал перед объективами в расчете на выигрышный снимок? Как я по буквам диктовал им свое имя во избежание парке. Щеки у Джонни побагровели. Зубы оскалились.

Баннерман несколько оторопел, но потом его лицо вновь стало жестким.

— Сбавьте-ка тон.

— Сбавить? Черта с два! — продолжал Джонни еще громче и пронзительнее. — Вы, кажется, забыли, кто кому позвонил! Так я вам напомним. Это вы позвонили мне. А то видели бы вы меня здесь!

— Это еще не значит...

Джонни приблизился к Баннерману, нацелив в него, как пистолет, указательный палец; он был гораздо ниже и намного легче Баннермана, однако тот попятился — точно так же, как там, в парке, Щеки у Джонни побагровели. Зубы оскалились.

— Вы правы. То, что вы позвонили мне, ровным счетом ничего не значит, — сказал он. — Просто вы не хотите, чтобы им оказался Додд. Пусть это будет кто-то другой, тогда мы, возможно, почесемся, лишь бы не старина Фрэнк Додд. Еще бы, Фрэнк — перспективный парень, Фрэнк — заботливый сын, Фрэнк смотрит в рот старому доброму шерифу Джорджу Баннерману. Ах, да чем наш Фрэнк не мученик, снятый с креста! Правда, иногда он насилует и душит пожилых женщин и девочек, и, между прочим, Баннерман, среди них могла быть ваша дочь. Неужели вы не понимаете, что среди них могла бы быть ваша...

Баннерман ударил его. В последний миг он придержал руку, но все равно удар вышел достаточно сильным; Джонни отлетел и, зацепившись за ножку стула, растянулся на полу. Печатка выпускника высшей полицейской школы до крови расцарапала ему щеку.

— Сам напросился, — сказал Баннерман, но это прозвучало не очень убедительно. До него дошло, что первый раз в жизни он поднял руку на человека неполноценного или почти неполноценного.

В голове у Джонни поплыло и зазвенело. Голос казался чужим, как будто за него говорил диктор или актер во второразрядном фильме:

— На вашем месте я стал бы на колени и возблагодарил Господа Бога за то, что убийца не оставил никаких следов. Иначе при вашем отношении к Додду вы бы закрыли на все глаза. И до конца жизни чувствовали бы свою вину за смерть Мэри Кэт Хендрасен, будучи пособником убийцы.

— Это гнусная ложь, — произнес Баннерман, тщательно выговаривая каждое слово. — Я арестовал бы родного брата, окажись он этим человеком. Поднимайтесь. И простите, что я вас ударил.

Он помог Джонни встать на ноги и осмотрел царапину на щеке

— Сейчас я возьму аптечку и смажу йодом.

— Бог с ней, с царапиной, — сказал Джонни. Голос его звучал спокойно. — Не надо было выводить вас из себя. Сам виноват. Меня тоже занесло.

— Поверьте, это не может быть Фрэнк. Насчет того, что вы любитель рекламы, я погорячился. Только ваши биоволны, или выходы в астрал, или как они там называются, на этот раз сбили вас с толку.

— А вы проверьте, — сказал Джонни. Он смотрел Баннерману прямо в глаза, не давая ему отвести взгляд. — Проверьте, докажите, что я не прав. — Он сглотнул слюну. — Сравните время и даты убийств с его дежурствами. Это можно сделать?

— Все графики дежурств за последние четырнадцать-пятнадцать лет находятся в том шкафу, — сказал Баннерман через силу. — Да, это можно сделать.

— Так сделайте.

— Мистер... — Баннерман остановился. — Джонни, если бы вы знали Фрэнка, вы бы посмеялись над своими подозрениями. Честное слово. Не верите мне, спросите у кого угодно...

— Если я не прав, я с радостью признаю свою ошибку.

— Это невозможно, — буркнул Баннерман, однако направился к шкафу, где хранились старые графики, и отпер дверцу.

Прошло два часа. Было около часа ночи. Джонни позвонил отцу и сказал, что переночует где-нибудь в Касл-Роке; метель уже завывала на одной пронзительной ноте, и ехать назад было небезопасно.

— Что нового? — спросил Герберт. — Можешь сказать?

— Пожалуй, это не телефонный разговор.

— Ладно, Джонни. Ты там не слишком переутомляйся.

— Постараюсь.

Но он уже переутомился. Он устал больше, чем уставал, проходя курс физиотерапии под наблюдением Эйлин Мэгоун. Симпатичная женщина, подумал он ни с того ни с сего. Симпатичная и душевная. Такой, во всяком случае, она была, пока я не сказал ей, что у нее дома пожар. После этого она стала отчужденной и настороженной. Да, она была благодарна, но... разве она еще хоть раз прикоснулась ко мне? А в самом деле, прикоснулась? Какое там... И с Баннерманом произойдет то же самое, когда все будет позади. Печально. Он ведь тоже неплохой человек. Просто людям становится не по себе рядом с человеком, которому достаточно потрогать вещь, чтобы все узнать о ее владельце.

— Это еще ничего не доказывает, — услышался голос Баннермана. Он говорил с вызовом, как разобиженный мальчик, и у Джонни возникло сильное желание сграбастать его и тряхнуть так, чтобы зубы лязгнули. Но на это у него не было сил.

Они изучили таблицу, которую Джонни набросал на обратной стороне акта о списании устаревшей аппаратуры для радиоперехвата. Возле стола Баннермана были в беспорядке свалены семь или восемь картонных коробок со старыми карточками, а в ящике для входящих и исходящих бумаг стояли карточки с графика-

ми дежурств Фрэнка Додда за все время его службы в полиции. Таблица выглядела следующим образом:

УБИЙСТВА	ФРЭНК ДОДД
Альма Фречет (официантка) 15.00 12.11.70	Дежурство на Главной улице. Пост в гавани
Полина Тусейкер 10.00 17.11.71	Свободен от службы
Черил Моуди (школьница) 14.00 16.12.71	Свободен от службы
Кэрл Данбаргер (студентка) (?) 11.74	Двухнедельный отпуск
Этта Рингголд (учительница) 29 (?) 10.75	Патрулирование
Мэри Кэт Хендрасен 10.10 17.12 75	Свободен от службы

Время смерти указано предположительно, на основании заключения экспертизы.

— Вы правы, это еще ничего не доказывает, — согласился Джонни. — Но и не снимает с него подозрения.

Баннерман ткнул пальцем в таблицу.

— Когда была убита мисс Рингголд, он нес службу.

— Положим, что так. Если только она действительно была убита двадцать девятого октября. Хотя это могло случиться и двадцать восьмого, и двадцать седьмого. А что, если он даже нес службу? Кому придет в голову подозревать полицейского?

Баннерман пристально изучал таблицу.

— Ну а как обстоит дело с интервалом? — спросил Джонни. — С интервалом в три года?

— В семьдесят третьем — семьдесят четвертом годах Фрэнк находился здесь при исполнении служебных обязанностей, — сказал Баннерман, перебирая карточки. — Вы же видите.

— Как знать, может быть, в ту зиму у него не было вспышки активности. Такое бывает, насколько нам известно.

— Насколько нам известно, нам ничего не известно, — отрезал Баннерман.

— А как насчет семьдесят второго? Конца семьдесят второго — начала семьдесят третьего? В картотеке ничего нет по этому поводу. Он что, был в отпуске?

— Нет, — сказал Баннерман. — Фрэнк и еще один парень по имени Том Харрисон слушали курс «О местном судопроизводстве» на отделении Колорадского университета в Пуэблo. Курс рассчитан на два месяца. Фрэнк с Томом пробыл там с пятнадцатого ок-

тября и почти до Рождества. Фрэнк чуть было не отказался ехать, боясь оставить мать дома одну. Честно говоря, я думаю, это она убеждала его остаться. Но я уговорил Фрэнка. Он рассчитывал сделать карьеру по нашему ведомству, а при этом совсем неплохо иметь в активе университетский курс. Помнится, когда они вернулись в декабре, Фрэнк выглядел ужасно — перенес вирусное заболевание. Похудел на двадцать фунтов. Он сказал, что никто в тех молочных краях не готовит так, как его мамочка.

Баннерман умолк. Видимо, что-то в этом рассказе смутило его самого.

— Он взял недельный отпуск по болезни на время школьных каникул и только после этого немного отошел, — закончил Баннерман, словно оправдываясь. — На службу вышел не позднее пятнадцатого января. Можете проверить по картотеке.

— Нет необходимости. Так же, как нет необходимости говорить вам, каким будет ваш следующий шаг.

— Вы правы, — сказал Баннерман, опуская глаза. — Я говорил, что вы неплохо соображаете в нашем деле. Вероятно, я и сам не понимал, насколько был прав. Или не хотел понимать.

Он снял телефонную трубку и извлек из нижнего ящика стола толстый справочник в простом синем переплете. Листая справочник, он бросил:

— Здесь есть телефон любого шерифа в любом графстве Соединенных Штатов.

Банерман нашел нужный номер и набрал его.

Джонни поерзал на стуле.

— Алло, — сказал Баннерман. — Управление шерифа в Пуэбл-ло?.. С вами говорит Джордж Баннерман, шериф графства Касл в западном Мэне... Да, именно так, штат Мэн. Простите, с кем я говорю?.. Так вот, полицейский Тейлор, ситуация следующая. У нас тут произошла серия убийств — изнасилования с удушением, шесть случаев за последние пять лет. Все они имели место в конце осени или в самом начале зимы. Мы... — Он поднял на Джонни страдальческий, беспомощный взгляд, затем снова опустил глаза. — Мы подозреваем человека, который находился в Пуэбл-ло с пятнадцатого октября по... гм... семнадцатое декабря семьдесят второго года, если не ошибаюсь. Я хотел бы знать, числится ли в ваших журналах за этот период нераскрытое убийство — жертва женского пола, любого возраста, изнасилована, причина смерти — удушение. Далее, если такое преступление было совершено и вы взяли пробу спермы, я хотел бы знать ее группу. Что?.. Хорошо. Благодарю... Я буду ждать. До свидания.

Он повесил трубку.

— Сейчас он проверит, кто я такой, затем пройдет по журналу и перезвонит мне. Хотите чашечку... ах да, вы же не пьете.

— Нет, — сказал Джонни. — Я выпью воды.

Он наполнил бумажный стаканчик. Буран выл и барабанил в стекла.

За его спиной виноватый голос Баннермана:

— Ладно, чего там. Вы правы. Я бы не отказался от такого сына. Когда моя жена рожала Катрину, пришлось делать кесарево. Ей больше нельзя иметь детей. Врач сказал, что это убьет ее. Тогда ей перевязали трубы, а я сделал вазектомию. Для страховки.

Джонни подошел к окну и долго стоял со стаканчиком в руке, вглядываясь в темноту. Кроме снега, смотреть было не на что, но он не мог обернуться, иначе Баннерман сломался бы окончательно. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы почувствовать это.

— Отец Фрэнка работал на железнодорожной ветке Бостон-Мэн. Погиб, когда мальчику было лет пять. Пьяный полез сцеплять вагоны, и его буферами... в лепешку. Фрэнк остался единственным мужчиной в доме. Роско утверждает, что у него в школе была девочка, но миссис Додд быстро это дело поломала.

Ничего удивительного, подумал Джонни. Женщина, которая могла... прищепкой... собственного сына... такая ни перед чем не остановится. Тоже хорошая психопатка.

— В шестнадцать лет он пришел ко мне и спросил, не возьмут ли его полицейским на полставки. Сказал, что с детства ни о чем другом не мечтает. Мне он сразу понравился. Я оставил его при себе и платил из своего кармана. Платил, сами понимаете, сколько мог, но он не жаловался. Готов был вкалывать задаром. За месяц до окончания школы подал рапорт с просьбой перевести его на полную ставку, однако в тот момент у нас не было вакансий. Тогда он устроился где-то на временную работу, а по вечерам ездил на лекции для полицейских в Горемский университет. Похоже, что Додд и тут пыталась все поломать — не хотела оставаться дома одна, но на этот раз Фрэнк уперся... не без моей поддержки. Мы взяли его к себе в июле семьдесят первого года, и с тех пор он у нас... Вот вы мне говорите такое, а я как вспомню, что Катрина была там вчера утром, что она прошла в двух шагах от того человека... для меня это все равно что кровосмешение. Фрэнк бывал у нас в доме, ел с нами за одним столом. раза два мы оставляли на него маленькую Кэти... а вы говорите...

Джонни повернулся. Баннерман снял очки и вытирал глаза.

— Если вам и вправду дано все это видеть, мне жаль вас. Бог создал вас уродцем вроде коровы с двумя головами — показывали такую на ярмарке. Простите. Зря я вас так.

— В Библии сказано, что Бог равно любит все свои создания, — отозвался Джонни. Голос у него слегка дрожал.

— Ну-ну, — кивнул Баннерман, потирая переносицу. — Оригинально же он решил продемонстрировать это, вы не находите?

Спустя минут двадцать зазвонил телефон, и Баннерман быстро снял трубку. Сказал два-три слова. Потом долго слушал. И старел

у Джонни на глазах. Положив трубку, он молча смотрел на Джонни.

— Двенадцатого ноября семьдесят второго года, — выдавил он наконец. — Студентка. Ее нашли в поле у шоссе. Анна Саймонс. Изнасилована и удушена. Двадцать три года. Группа спермы не установлена. И все же, Джонни, это еще ничего не доказывает.

— Не думаю, что вам действительно нужны дополнительные доказательства, — сказал Джонни. — Поставьте его перед фактами, и он во всем сознается.

— А если нет?

Джонни припомнил свое видение у скамейки. Оно налетело на него с бешеной скоростью, словно смертоносный бумеранг. Ощущение рвущейся ткани. И сладкая, ноющая боль, воскресившая в памяти боль от прищепки. Боль, которая испугала все.

— Заставьте его спустить штаны, — сказал Джонни.

Репортеры еще толпились в вестибюле. Едва ли они ожидали развязки или по крайней мере неожиданного поворота в деле. Просто дороги из-за снега стали непроезжими.

— Вы уверены, что приняли наилучшее решение? — Ветер отшвыривал слова Джонни куда-то в сторону. Разболелись ноги.

— Нет, — ответил Баннерман просто. — Но думаю, что вам надо быть при этом. Думаю, Джонни, будет лучше, если он посмотрит вам в глаза. Пошли, Додды живут всего в двух кварталах отсюда.

Они шагнули в снежный буран — две тени в капюшонах. Под курткой Баннермана был пистолет. Наручники он пристегнул к ремню. Они и квартала не прошли по глубокому снегу, а Джонни уже начал сильно прихрамывать, хотя и не сказал ни слова.

Но Баннерман заметил. Они остановились в дверях каслрокского трансгентства.

— Что с вами, дружище?

— Ничего, — сказал Джонни. Ну вот, теперь и голова заболела.

— Что значит «ничего»? Глядя на вас, можно подумать, что у вас сломаны обе ноги.

— Когда я вышел из комы, врачам пришлось их прооперировать. Атрофировались мышцы. Начали таять, как выразился доктор Браун. И суставы стали ни к черту. Все, что можно, заменили синтетикой....

— Это как тому типу, которого отремонтировали за шесть миллионов?

Джонни подумал об аккуратной стопке больничных счетов в верхнем ящике бюро у них дома.

— Что-то в этом роде. Когда я долго на ногах, они у меня деревенеют. Вот и все.

— Хотите, вернемся?

Еще бы не хотеть. Вернуться домой и начисто забыть об этом кошмаре. И зачем приехал? Расхлебываешь за него все это и тебя же называют короной с двумя головами.

— Нет, мне уже лучше, — сказал Джонни.

Они вышли из дверей, ветер подхватил их и попытался метнуть по желобу пустынной улицы. Они с трудом продвигались, в лицо им светили облепленные снегом фонари, гнувшиеся под напором ветра. Они свернули в боковую улочку и миновали пять домов; перед аккуратной двухэтажной коробкой Баннерман остановился. Подобно соседним, она была наглухо закрыта и погружена в темноту.

— Вот этот дом, — сказал Баннерман каким-то бесцветным голосом. Они перебрались через наметенные перед крыльцом сугробы и поднялись по ступенькам.

Пока Баннерман барабанил в дверь, Джонни, преодолевая боль, переступал с ноги на ногу и думал о том, что эта ночь никогда не кончится. Она будет тянуться и тянуться и наметет сугробы, которые, рухнув, погребут всех под собой. Минут через пять дверь отворилась.

Генриетта Додд оказалась женщиной необъятных размеров — настоящая гора плоти. Джонни впервые видел человека столь отталкивающей и болезненной внешности. Желтовато-серая кожа. Ящероподобные ручки в сыпи, похожей на экзему. Узкие щелочки глаз, поблескивавших из-под набрякших век. Такой взгляд, с горечью подумал Джонни, бывал у матери, когда она погружалась в свой религиозный транс.

— Что вам нужно среди ночи, Джордж Баннерман? — подозрительно спросила миссис Додд дребезжащим голосом, похожим на жужжание пчелы или мухи в бутылке, — такой голос бывает у толстух.

— Мне надо поговорить с Фрэнком, Генриетта.

— Утром поговорите, — сказала Генриетта Додд и хотела закрыть дверь у них перед носом.

Баннерман придержал дверь рукой.

— Извините, Генриетта. Дело срочное.

— Будить его? Вот еще! — взвизгнула она, стоя в дверях. — Он спит как убитый! Иногда у меня среди ночи разыгрывается тахикардия, я знаю, звоню в колокольчик, и что же, думаете, он приходит? Как бы не так, спит, и хоть бы хны. Ничего, когда-нибудь он проснется и найдет в постели мой труп. Вот умру от сердечного приступа — кто тогда подаст ему это чертовое яйцо в мешочек! А все потому, что вы совсем его загоняли.

Она улыбнулась довольно гаденькой улыбкой — так улыбаются, поверяя под большим секретом грязную историю, — вот, мол, полюбуйтесь.

— Каждую ночь дежурство, гоняется на машине за всякой пьянью, а у них, может, пистолет под сиденьем. Мотается по забе-

галавкам да притонам, где всякий сброд, а вам начхать. Знаю я, что там творится, шлюха за кружку пива в два счета может наградить моего невинного мальчика какой-нибудь дурной болезнью.

Ее дребезжащий голос отзывался в висках у Джонни пульсирующей болью. Хоть бы она уж замолчала! Умом Джонни понимал: это галлюцинация, результат усталости и напряжения, но ему все больше казалось, что перед ним стоит его мать, вот-вот она переведет взгляд с Баннермана на него и начнет свою волюнку о редкостном даре, которым Господь наградил Джонни.

— Миссис Додд... Генриетта... — только и успел сказать Баннерман примирительным тоном, но тут она действительно перевела взгляд на Джонни и уставилась на него своими острыми и в то же время глуповатыми поросычьими глазками.

— А это кто такой?

— Помощник по особым делам, — не моргнув глазом ответил Баннерман. — Генриетта, я должен разбудить Фрэнка. Всю ответственность беру на себя.

— *Ах ответственность!* — прогудела она с каким-то жутковатым сарказмом, и лишь теперь до Джонни дошло, что она боится. От нее исходили удушливые волны страха — вот отчего у него так заболели виски! Неужели Баннерман не чувствует? — *Ответственность!* Ах ты, Боже мой, какие мы *ва-а-ажные!* Так вот, Джордж Баннерман, я не позволю будить моего мальчика среди ночи. Так что вы и ваш помощник по особым делам можете убираться к своим занюханым бумажонкам!

Она опять попыталась закрыть дверь, но на этот раз Баннерман силой распахнул ее.

— Отойдите, Генриетта, я не шучу. — Чувствовалось, что он уже на пределе и с трудом сдерживает гнев.

— Вы не имеете права! — завопила она. — У нас не полицейское государство! Вас вышвырнут со службы! Предъявите ордер!

— Тише, ордер ни при чем, просто я должен поговорить с Френком, — сказал Баннерман и, отстранив ее, прошел в дом.

Джонни как в тумане шагнул следом. Миссис Додд попыталась перехватить его. Он придержал ее за руку — и в тот же миг страшная боль пронзила мозг, заглушив тупую ломоту в висках. *И она почувствовала...* Они смотрели друг на друга лишь мгновение, но казалось, ему не будет конца: невысказанное, абсолютное всепонимание. Они словно срослись в это мгновение. Потом миссис Додд отшатнулась, хватаясь за исполинскую грудь.

— Сердце... сердце... — Миссис Додд судорожно порылась в кармане халата и достала лекарство. Лицо у нее приобрело оттенок сырого теста. Она открыла трубочку, вытряхнула горошинку на ладонь, просыпав остальные на пол, и сунула ее под язык. Джонни смотрел на старуху с немим ужасом. Голова была сейчас как пузырь, который вот-вот лопнет от распирающей его горячей крови.

— *Вы знали?* — прошептал он.

Ее мясистый, обвисший рот беззвучно открывался и закрывался, открывался и закрывался, точно у выброшенной на берег рыбы. — Все это время *знали?*

— Дьявол! — завизжала она. — Чудовище... дьявол... ох, сердце... ох, я умираю... умираю... врача... *Джордж Баннерман, только посмейте подняться наверх и разбудить моего мальчика!*

Джонни отпустил ее руку и, машинально вытирая ладонь о пальто, как будто выпачкал ее, стал неуверенно взбираться по лестнице вслед за Баннерманом. Снаружи ветер всхлипывал под карнизами, как заблудившийся ребенок. Дойдя до середины лестницы, Джонни обернулся. Генриетта Додд сидела на плетеном стуле — осевшая гора мяса — и, придерживая руками огромную грудь, хватала ртом воздух. Голова у Джонни по-прежнему раздувалась, и он подумал, как во сне: *Кончится тем, что она просто-напросто лопнет. И слава Богу.*

Старый потертый коврик на полу в узеньком коридоре. Обои в разводах. Баннерман колотил в запертую дверь. Здесь наверху было холоднее по меньшей мере градусов на десять.

— Фрэнк! Это я, Джордж Баннерман! Фрэнк, проснись!

Никакого ответа. Баннерман повернул ручку и толкнул дверь плечом. Пальцы соскользнули на рукоять пистолета, но Баннерман не вынул его, хотя это могло стоить шерифу жизни — впрочем, комната Фрэнка Додда оказалась пустой.

Они стояли на пороге, осматриваясь. Это была детская. Обои — тоже в разводах — с танцующими клоунами и деревянными лошадками. Сидевшая на детском стульчике тряпичная кукла таращила на них блестящие пустые глаза. В одном углу — ящик с игрушками. В другом — узкая деревянная кровать. Перекинутый через спинку кровати ремень с кобурой выглядел здесь как-то неуместно.

— Бог ты мой, — тихо сказал Баннерман. — Что все это значит?

— Помогите, — донесся снизу голос миссис Додд. — Помогите же...

— Она знала, — сказал Джонни. — Знала с самого начала, с первой жерты. Он ей рассказывал. И она его покрывала.

Баннерман медленно вышел из комнаты и открыл соседнюю дверь. Взгляд его выражал растерянность и боль. Комната для гостей тоже была пуста. Он открыл дверь в чулан, но увидел там только плошку с крысиным ядом. Следующая дверь. Здесь, в еще не отделанной спальне, был такой холод, что у Баннермана пошел порок изо рта. Он огляделся. Ступеньки вели еще к одной двери. Туда он и направился. Джонни следовал за ним. Заперто.

— Фрэнк! Ты здесь? — Он подергал ручку. — Фрэнк, открой!

Ответа не было. Баннерман примерился и ударил ногой в стык,

чуть пониже дверной ручки. Раздался треск, и в голове у Джонни завенело, словно железная тарелка упала на кафельный пол.

— О Господи, — выдохнул Баннерман и осекся.

Джонни все видел поверх его плеча; видел более чем достаточно. Фрэнк Додд сидел на крышке унитаза — голый, если не считать блестящего черного дождевика, накинутого на плечи; капюшон (*капюшон палача*, мелькнуло у Джонни) свисал на водосливной бачок гигантским увядшим черным стручком. Фрэнк Додд умудрился перерезать себе горло, что показалось Джонни невероятным. На краю раковины лежала пачка «уилкинсоновских» лезвий. Одинокое лезвие с запекшимися алыми капельками жутковато поблескивало у ног. Все вокруг забрызгано кровью из вскрытой сонной артерии. Кровь была в складках плаща. И на клеенчатой занавеске, по которой в лодочках плыли утки под зонтиками. И на потолке.

На шее у Фрэнка Додда висела табличка с надписью, сделанной губной помадой: Я ПРИЗНАЮСЬ!

Голова болела невыносимо. Джонни нашарил рукой дверную ручку.

Он понял, шевельнулось в мозгу. Каким-то образом понял, увидел меня. Понял, что его песенка спета. Пришел домой. И вот конец.

Перед глазами, разбегаясь зловещей рябью, поплыли черные круги.

Джонни, Господь наградил тебя редкостным даром.

(Я ПРИЗНАЮСЬ!)

— Джонни!

Откуда-то издалека.

— Джонни...

Расплывается. Все расплывается. Вот и прекрасно. А еще лучше, если бы я тогда не вышел из комы. Всем было бы лучше. Да, повезло, называется.

— Фжонни...

Фрэнк Додд поднялся сюда и перерезал себе горло, что называется, от уха до уха, а в это время ветер снаружи завывал так, словно все темные силы вырвались из недр земных. Ничего себе фонтанчик, как сказал отец однажды зимой, лет двенадцать назад, когда лопнули трубы в котельной. Ничего себе фонтанчик. Уж это точно. До самого потолка.

Джонни казалось, что он тогда закричал, но он и сам не был уверен. Возможно, то был внутренний крик. Но как же ему хотелось крикнуть, вложить в этот крик весь ужас, и жалость и боль, разрывавшие ему сердце.

Но тут Джонни стал падать ничком в черный провал, радуясь этому падению. Он потерял сознание.

«Нью-Йорк таймс», 19 декабря 1975 года:
ЭКСТРАСЕНС ИЗ МЭНА ПРИВОДИТ ШЕРИФА
К ДОМУ ЕГО ПОМОЩНИКА — УБИЙЦЫ
ПОСЛЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

(Специально для «Таймс»). Возможно, Джон Смит из Паунала никакой не экстрасенс, но не так-то просто будет убедить в этом Джорджа Баннермана из графства Касл, штат Мэн. Придя в отчаяние после шестого случая изнасилования и убийства в маленьком городке Касл-Рок на западе штата Мэн, шериф Баннерман позвонил Смицу и попросил помочь расследованию. Имя Смица вызвало широкий общественный резонанс в начале года после того, как он, проведя четыре с половиной года в бессознательном состоянии, вышел из глубокой комы. Еженедельник «Инсайд вью» объявил его шарлатаном, однако шериф Баннерман на вчерашней пресс-конференции был лаконичен: «У нас в Мэне не очень-то верят всяким ньюйоркским газетчикам».

По словам шерифа Баннермана, Смит облазил на четвереньках место в городском парке Касл-Рока, где было совершено шестое по счету убийство. Дело кончилось тем, что он слегка обморозился, но установил личность убийцы — им оказался Франклин Додд, помощник шерифа, прослуживший пять лет в полиции графства Касл.

Ранее в этом году Смицу было видение, будто загорелся дом его лечащей сестры. Так оно и оказалось. Эта история вызвала разноречивые толки в его родном штате. На проведенной вскоре пресс-конференции один из репортеров потребовал, чтобы Смит...

«Ньюсуик», 24 декабря 1975 года, страница 41:

НОВЫЙ ГУРКОС

Кажется, в нашей стране объявился первый настоящий экстрасенс со времен ясновидящего Питера Гуркоса, выходца из Германии, который мог рассказать подробности частной жизни любого человека, коснувшись его руки или кольца, или содержимого сумочки.

Джон Смит, застенчивый и скромный молодой человек, живет в Паунале на юге штата Мэн. В этом году он пришел в сознание после четырех с лишним лет глубокой комы — следствие автомобильной катастрофы (см. фото). По мнению невролога Сэмюэла Вейзака, лечащего врача, выздоровление Смица «представляется из ряда вон выходящим».

Смит, слегка обморозивший пальцы, пробыл четыре часа в бессознательном состоянии после неожиданной развязки, которая положила конец делу о целой серии убийств в Касл-Роке. Сейчас Смит поправляется и...

Дорогая Сара,

сегодня пришло твое письмо, которому мы с папой очень обрадовались. Я в полном порядке, так что не волнуйся понапрасну, ладно? А вообще я тронут. В прессе сильно преувеличили мое «обморожение». Подумаешь, несколько пятнышек на кончиках трех пальцев левой руки. Я действительно потерял сознание, но это был всего лишь легкий обморок, вызванный, по словам Вейзака, «эмоциональной перегрузкой».

Да-да, он приехал собственной персоной и увез меня в Портлендскую больницу. Стоит, право же, заплатить за место в больнице, чтобы посмотреть на этого человека в действии. Он выбил у них и кабинет, и ЭЭГ, и оператора. Сэм говорит, что не обнаружил поражения новых участков коры головного мозга или ухудшения прежнего состояния. Он собирался провести ряд исследований, от которых сильно пахнет инквизицией — «Отрекись, еретик, не то мы всадим тебе в мозг электроды!» (Ничего шуточка, а?) Конечно, я отклонил великодушное предложение потерзать меня еще немного. Папа рассвирепел, мой отказ напоминает ему отказ матери принимать лекарство от гипертонии. Но разве ему втолкуешь, что если Вейзак действительно что-то там нашел, то ничего он уже не сделает. Ставлю девять против одного.

Да, статью в «Ньюсуик» я видел. Они взяли фотографию, напечатанную после той пресс-конференции, только всю обкорнали. Представляешь, столкнулась бы с таким типом нос к носу в темной аллее, а? Ха-ха! Го-сс-поди (как любит говорить твоя подружка Анна Стриффорд), написали на мою голову! Опять пошел поток бандеролей, открыток и писем. Я уже не вскрываю их, если обратный адрес мне незнаком, а просто пишу на конверте: «Вернуть отправителю». В них слишком много сочувствия, слишком много надежд и ненависти, веры и неверия, и все они почему-то напоминают мне маму.

Пойми меня правильно, я не собираюсь сгущать краски, все не так уж мрачно. Просто не хочется быть практикующим экстрасенсом, ездить с лекциями и маячить на телеэкране (один сукин сын из Эн-би-си разузнал каким-то образом наш телефон и предложил мне участвовать в их шоу. А что, гениальная идея? Дон Риклз смешает кой-кого с грязью, какая-нибудь старлетка продемонстрирует свои ножки, ну а я сделаю несколько предсказаний. А подаст это блюдо компания «Дженерал фудз»). Только на Х.Р.Е. Н.А мне все это? Мне бы вернуться в Кливс Милс учителем старших классов и жить себе в своей норке. И приберечь свои озарения для футбольных баталий.

Пожалуй, на сегодня хватит. Надеюсь, ты весело провела Рождество вместе с Уолтом и Денни, и теперь вы (по крайней мере Уолт, судя по твоему письму) с нетерпением ждете года Великого

Двухсотлетия и грядущих выборов. Рад был узнать, что твоего супруга выдвинули в сенат штата, но ты, Сара, стучи по дереву — 1976 год не обещает быть триумфальным для слонофилов. Благодарственные письма шлите слонику в Сан-Клементе*.

От папы привет и спасибо за карточку Денни, который, надо сказать, произвел на него впечатление. Я присоединяюсь. Спасибо за письмо и за излишние волнения (излишние, но очень трогательные). Я держусь молодцом и мечтаю поскорее снова впрячься в работу.

Всего тебе самого хорошего,
Джонни.

29 декабря 1975 г.

Дорогой Джонни,
за шестнадцать лет моего пребывания на административном посту в школе ни одно письмо, пожалуй, не давалось мне с таким трудом и душевной болью. И не только потому, что Вы хороший друг, но и потому, что Вы — чертовски хороший преподаватель. Этим, правда, не подсластишь пилюлю, так стоит ли пытаться?

Вчера вечером состоялось специальное заседание школьного совета (по просьбе двух членов, чьих имен я не стану называть — они входили в совет еще при Вас, так что Вы, думаю, догадаетесь, о ком речь), и пятью голосами против двух было решено ходатайствовать об аннулировании Вашего контракта. Основание: Вы слишком противоречивая фигура, чтобы быть хорошим преподавателем. Все это так гадко, что я сам едва не подал в отставку. Если бы не Морин и дети, скорее всего этим бы и кончилось. Вот ведь свинство. Похуже, чем запрещение романов «Кролик, беги!» и «Над пропастью во ржи». Куда хуже. Хоть нос затыкай.

Я им так и сказал, но с равным успехом я мог говорить с ними на эсперанто или на тарабарском языке. Им достаточно того, что ваша фотография была в «Ньюсик» и в Нью-Йорк таймс», а сама история в Касл-Роке освещалась телевидением на всю страну. Слишком противоречивая фигура! Да, эти пятеро ветхозаветных старцев из тех, кого длинные волосы учеников занимают гораздо больше, чем их знания. Такие станут докапываться, кто из преподавателей балуется наркотиками, но и пальцем не пошевелият, чтобы достать современное оборудование для кабинетов.

Я написал резкий протест в Большой совет, и не исключено, что если немного нажать на Ирвинга Файнголда, он тоже подпишет. Однако не хочу кривить душой: переубедить этих пятерых старцев нет ни малейшего шанса.

* Слон — эмблема республиканской партии В Сан-Клементе (Южная Калифорния) находился «западный Белый дом» — резиденция президента Никсона.

Мой Вам совет, Джонни, наймите адвоката. Контракт — штука серьезная, и Вы наверняка сможете выжать из них все свое жалованье до последнего цента, независимо от того, переступите Вы порог класса в Кливс Милс или нет. И звоните мне без всякого стеснения.

Поверьте, мне искренне жаль, что все так получилось.

*Ваш друг
Дейв Пелсен.*

Джонни стоял возле почтового ящика и вертел в руках письмо Дейва. Он не верил своим глазам. Последний день уходящего 1975 года выдался ясный, с морозцем. Из носа у Джонни вырывались струйки пара.

— Ч-черт, — прошептал он. — Ах ты ч-черт!

Еще до конца не осознав, что произошло, он нагнулся за оставшейся корреспонденцией. Как всегда почтовый ящик был забит до отказа. По случайности письмо Дейва торчало уголком наружу.

Обнаружилось сердитое извещение — от него требовали зайти, наконец, на почту за бандеролями (ох уж эти бандероли!). Муж бросил меня в 1969 году, вот его носки, скажите мне, где он, чтобы я могла вытянуть алименты из этого подлеца. Мой ребенок умер от асфиксии в прошлом году, вот его погребушка, напишите мне, пожалуйста, попал ли он в рай. Я не успела его окрестить, так как муж был против, и теперь у меня сердце разрывается. Нескончаемая литания.

Господь наградил тебя редкостным даром, Джонни.

Основание: слишком противоречивая фигура, чтобы быть хорошим преподавателем.

Внезапно им овладела ярость, и он стал лихорадочно выгребать из ящика открытки и письма, роняя их на снег. Как и следовало ожидать, головная боль начала сгущаться у висков, подобно двум черным тучам, которые иногда соединялись, замыкая мучительный обруч. По щекам текли слезы, застывая на леденящем холоде прозрачными сосульками.

Он наклонился и стал поднимать оброненные конверты; на одном из них черным карандашом было жирно выведено ДЖОНУ СМИТУ — ЭКС ТРАСЕНСУ.

Экс трасенс — это я. Руки у него затряслись, и он все выронил, включая письмо Дейва. Оно спланировало, как опавший лист, и приземлилось среди прочих писем, текстом вверх. Сквозь слезы Джонни разглядел горящий факел — эмблему школы, а ниже девиз: УЧИТЬСЯ, ПОЗНАВАТЬ, УЧИТЬ.

— Задницу свою учите, мозгляки хреновые! — вырвалось у Джонни. Он опустился на колени и начал собирать рассыпавшиеся письма, подгребая их к себе варежками. Ныли обмороженные пальцы — напоминавшие о забрызганном кровью с головы до ног

стопроцентном светловолосом американце Фрэнке Додде, въезжающем в вечность на крышке унитаза. **Я ПРИЗНАЮСЬ.**

Он собрал все письма, и тут до него донесся собственный голос, повторявший снова и снова, как заезженная пластинка: «Доконаете вы меня, dokonаете, оставьте меня в покое, вы меня доканаετε, неужели не ясно?»

Он взял себя в руки. Нет, так нельзя. Жизнь не стоит на месте. Что бы ни происходило, жизнь никогда не стоит на месте.

Джонни возвращался в дом, теряясь в догадках, чем он станет теперь заниматься. Может, что-нибудь само собой подвернется? Как бы то ни было, он последовал завету матери. Если Господь возложил на него некую миссию, то он ее выполнил. И разве так уж важно, что эта миссия превратила его в камикадзе? Главное, он ее выполнил.

Он заплатил сполна.

СМЕЮЩИЙСЯ ТИГР

Возле бассейна под ярким июньским солнцем сидел в шезлонге юноша, вытянув длинные загорелые ноги, выдававшие в нем футболиста, и медленно читал по слогам:

— «Вне всяких сомнений, юный Денни Джу... Джунипер... юный Денни Джунипер был мертв и надо ду... надо думать, не много нашлось бы на свете людей, которые бы сказали, что он не до... да... до...» Фу, черт, не могу.

— «Не много нашлось бы на свете людей, которые бы сказали, что он недостоин смерти», — закончил Джонни Смит. — Говоря проще, почти любой согласился бы, что Денни получил по заслугам.

Он поймал на себе взгляд Чака, чье лицо, обычно приветливое, выражало сейчас знакомую гамму чувств: удивление, досаду, смущение и некоторую подавленность. Чак вздохнул и снова уткнулся в боевик Макса Брэнда.

— «...недостоин смерти. Однако я был сильно уяз... уязв...»

— Уязвлен, — помог Джонни.

— «Однако я был сильно уязвлен тем, что он погиб в тот самый момент, когда мог одним подвигом искупить свои злоде... деяния. Разумеется, это сразу отр... атр... отр...»

Чак закрыл книгу и улыбнулся Джонни ослепительной улыбкой

— Может, хватит на сегодня, а? — это была его коронная улыбка, которая наверняка опрокидывала навзничь болельщиц со всего Нью-Гэмпшира. — Хотите искупаться? Хотите, по глазам вижу. Вы вон какой худющий — кожа да кости, и то с вас, глядите, пот в три ручья.

Джонни пришлось согласиться, по крайней мере мысленно, что его и вправду тянет искупаться. Начало лета юбилейного 1976 года выдалось необычно знойным и душным. Из-за противоположного крыла большого белого особняка до них доносилось убаюкивающее жужжание машинки, которой вьенамец Нго Фат, садовник, подравнивал лужайку, прозванную Чаком «перинкой под открытым небом». Этот звук вызывал желание выпить два стакана холодного лимонада и погрузиться в дрему.

— Пожалуйста, без иронии по поводу моей худобы, — сказал Джонни. — И потом, мы только начали главу.

— Да, но перед этим мы уже две прочитали

Подлизывается. Джонни вздохнул. В другое время он бы легко справился с Чаком, но не сейчас. Сегодня мальчик отважно преодолел путь к тюрьме Эмити — этой дорогой, сквозь засады, расставленные Джоном Шербурном, пробился кровожадный Красный Ястреб, чтобы прикончить Денни Джунипера.

— Ну ладно, только дочитай страницу, — сказал Джонни. — Ты застрял на слове «отравило». Смелее Чак, оно не кусается.

— Хороший вы все-таки человек! — улыбка стала еще лучезарней. — И без вопросов, идет?

— Посмотрим... может быть, один-два.

Чач нахмурился, но скорее для виду; он понимал, что добился послабления. Он снова открыл роман, на обложке которого был изображен супермен, толкающий плечом дверь салуна, и медленно, запинаясь, до неузнаваемости изменившимся голосом начал:

— «Разумеется, это сразу отр... отравило мне настроение. Однако еще большее испытание ожидало меня у одр... одра бедного Тома Кейн... Кеньона. Его подстрелили, и он удирал на глазах, когда я...»

— Умирал, — спокойно сказал Джонни. — Контекст, Чак. Вчитывайся в контекст.

— Удирал на глазах, — хмыкнул Чак и продолжал: — «... И он умирал на глазах, когда я по... по... когда я появился».

Джонни почувствовал жалость к Чаку, склонившемуся над дешевым изданием романа «Быстрый как молния», над этим чтением, которое глотается залпом, а между тем вот он, Чак, с трудом, чуть не по складам разбирает непритязательную, совершенно однозначную прозу Макса Брэнда. Отцу Чака, Роджеру Чатсворту, принадлежало все прядильно-ткацкое дело в южном Нью-Гэмпшире, а это было солидное дело. Ему также принадлежал шестнадцатикомнатный дом в Дареме с прислугой из пяти человек, включая Нго Фата, посещавшего раз в неделю занятия в Портсмуте для получения американского гражданства. Чатсворт ездил на подновленном «кадиллаке» модели 1957 года с откидным верхом. Его супруга, обаятельная женщина сорока двух лет, ездила на «мерседесе». У Чака был «корвет». Их семейное состояние исчислялось почти пятью миллионами долларов.

Джонни часто приходило в голову, что Господь, вдыхая жизнь в кусок глины, вероятно, представлял себе в конечном счете семнадцатилетнего Чака. Парень был великолепно сложен. При росте шесть футов два дюйма он весил сто девяносто фунтов, и все они ушли в мускулы. Лицо его, гладкое, чистое, не отличалось, быть может, особой красотой, но поражали зеленые глаза; Джонни знал только одного человека с такими же ярко-зелеными глазами — Сару Хэзлит. В школе на Чака разве что не молились. Капитан бейсбольной и футбольной команд, староста класса, а с будущей осени — еще и председатель ученического совета. И что удивительно — все это ничуть не вскружило ему голову. По выражению

Герберта Смита, приезжавшего однажды посмотреть, как подвигаются у сына дела на новом поприще, Чак был «стоящий парень». Выше похвалы в лексиконе Герберта не существовало. Следовало добавить, что этот стоящий парень когда-нибудь сильно разбогатеет.

А сейчас он обреченно склонился над книжкой, и словно снайпер, сидящий один-одинешенек в засаде, выстреливал слово за словом. Он превращал захватывающий и стремительный рассказ Макса Брэнда о странствиях «быстрого как молния» Джона Шербурна и его стычках с Красным Ястребом, этим разбойником из племени команчей, в нечто столь же романтическое, как реклама полупроводников или радиодеталей.

И все же Чак не был глуп. Он успевал по математике, у него были цепкая память и хорошие руки. Однако он с огромным трудом усваивал печатное слово. Говорить он мог свободно и знал в теории фонетику, а вот на практике... Иногда какая-то фраза выходила у него вполне гладко, без единой ошибки, но просьба пересказать прочитанное ставила его в тупик. У Чатсворта-старшего возникли опасения, что его сын дислексик, но Джонни думал иначе; он еще не встречал ребенка, страдающего дислексией*, хотя многие родители ухватились за это словечко, думая объяснить или оправдать этим косноязычное чтение своих детей. У Чака, судя по всему, была разновидность более общего заболевания — обычной и весьма распространенной ридингфобии**.

Учителям понадобилось пять лет, чтобы прийти к такому выводу, родители же — да и сам Чак — забеспокоились всерьез лишь сейчас, когда под угрозой оказалась спортивная карьера. И это еще не самое страшное. Зимой Чаку предстояло пройти тестирование, чтобы с осени семьдесят седьмого учиться в колледже. С математикой-то он справится, а вот дальше... Если бы ему прочли вслух все вопросы, тогда бы он, конечно, мог рассчитывать на средний, а то и приличный общий балл. Пятьсот очков запросто. Но не приведешь же с собой теща на экзамены, даже если твой отец большая шишка в деловом мире Нью-Гэмпшира!

— Я увидел др... другого человека. Он знал, что его ожидает, но держался совершенно нав... навоз... невозмутимо. Он ничего не просил, ни о чем не сожалел. Все страхи и без... беспокойство, одол... одал.. одолевавшие его с той поры, как он стол... стал... столкнулся... столкнулся с неизвестностью...»

Прочитав в «Мэн таймс» объявление, что требуется репетитор, Джонни предложил свои услуги, хотя и без особой надежды. Он переехал в Киттери в середине февраля с единственной целью — сбежать из Паунала, сбежать от ежедневной корреспонденции — от нее уже ломился почтовый ящик; от газетчиков, зачавших в последнее время; от истеричек с затравленным взглядом — они

* Нарушение способности к чтению.

** Страх перед чтением.

решали «заглянуть к нему на минуточку», раз уж «случайно оказались в этих краях» (у одной из таких случайно оказавшихся в этих краях номер на машине был мэрилендский, у другой, приехавший на стареньком выдохшемся «форде», — аризонский); от рук, которые тянулись, чтобы прикоснуться к нему...

В Киттери он впервые осознал, что безликое имя Джон Смит имеет свои преимущества. На третий день он нанялся поваром в закусочную, призвав на помощь опыт, приобретенный в летних кафе и в лагере бойскаутов на Рейнджлейских озерах, где он подрабатывал один сезон. Владелица закусочной, сухая как палка женщина по имени Руби Пеллетье прочитала его послужной список и сказала:

— Уж больно ты, пострел, образованный, чтобы мясо крошить.

— Ваша правда, — сказал Джонни. — На бирже труда я весь курс наук прошел.

Руби Пеллетье уперла руки в тощие бока и, запрокинув голову, разразилась лающим смехом.

— А ты справишься, если в два часа ночи заявится целая орава и потребует яичницу с беконом, сосиски, французские тосты и пирожки?

— Пожалуй, — сказал Джонни.

— Пожалуй, ни хренушка ты не понимаешь, о чем тебе толкуют, — сказала Руби, — ну уж ладно, грамотей, валяй. Только принеси мне сначала справку, чтобы у меня не было неприятностей с охраной здоровья. И можешь сразу приступать.

Так он и сделал, и после двух суматошных недель (даже обжег правую руку, когда в запарке плюхнул ковшик в кипящее масло) он укротил работу, а не она его. Прочитав объявление Чатсворта, Джонни написал по указанному адресу. В письме он коротко рассказал о себе, особо отметив, что прошел курс «Выработка навыков чтения».

В последних числах апреля, когда он проработал в закусочной два месяца, пришло письмо от Роджера Чатсворта с предложением приехать пятого мая для беседы. Джонни договорился об отгуле и прекрасным весенним днем в назначенный час сидел с запотевшим стаканом пепси-колы в кабинете Чатсворта и слушал рассказ Роджера о том, как трудно дается его сыну чтение.

— По-вашему, это дислексия? — спросил Роджер.

— Нет. Я думаю, обычная ридингфобия.

Чатсворта слегка передернуло.

— Синдром Джексона?

Джонни был поражен. Еще бы! Девять лет назад Майкл Кэри Джексон, специалист по грамматике и методике чтения из университета Южной Калифорнии, выпустил, можно сказать, нашумевшую книгу «Невосприимчивый читатель». В ней описывался целый букет проблем, возникающих при чтении и получивших впоследствии название «синдрома Джексона». Это была хорошая книга для тех, кто мог продрасться сквозь густой замес научной фразео-

логии. Чатсворт явно продрался, и Джонни сразу оценил волевой характер этого человека, решившего во что бы то ни стало помочь сыну выкарабкаться.

— Вроде того, — согласился Джонни. — Но учтите, я еще не видел вашего сына и не слышал, как он читает.

— Ему нужно сдать хвосты за прошлый год. Американскую литературу, историю и, мало того, гражданское право. Не смог прочесть всю эту писанину и завалил экзамены. У вас есть разрешение преподавать в Нью-Гэмпшире?

— Нет, — сказал Джонни, — но это не проблема.

— Так как бы вы поступили с моим сыном?

Джонни объяснил в общих чертах. Чаку надо как можно больше читать вслух, особенно книги, пробуждающие воображение: фантастику, приключенческие романы для юношества. Учиться отвечать на вопросы о прочитанном. И расслабляться по методу Джексона.

— Прирожденным лидерам зачастую приходится труднее всех, — сказал Джонни. — Они слишком рьяно берутся за дело и перенапрягают мозг. Получается что-то вроде мысленного заикания...

— Так считает Джексон? — перебил Чатсворт.

— Нет, так считаю я, — улыбнулся Джонни.

— Ясно. Продолжайте.

— Если ученик, прочитав текст, не будет ни о чем думать, если не заставлять его тут же пересказывать текст — каналы памяти могут прочиститься сами собой. И тогда он поймет, на чем застопорился...

Глаза у Чатсворта заблестели. Джонни нащупал самую сердцевину его убеждений, а возможно, и философии всех тех, кто самостоятельно пробил себе дорогу в жизни.

— Ничто так не окрыляет, как успех? — спросил Чатсворт.

— Если угодно.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы получить разрешение на преподавание?

— Ровно столько, сколько нужно, чтобы завизировать мое заявление и прислать ответ. Вероятно, недели две.

— Значит, вы могли бы приступить с двадцатого?

Джонни растерянно заморгал.

— Вы хотите сказать, что берете меня?

— Если работа вас устраивает, считайте, что я вас взял. Жить можете в домике для гостей, заодно отвядим на лето родственников, не говоря уж и о приятелях Чака — и пусть он берется за работу засучив рукава. Я буду платить вам шестьсот долларов в месяц — не Бог весть какая сумма, но если дела у Чака пойдут на лад, вы получите приличное вознаграждение. *Приличное.* — Чатсворт снял очки и протер глаза. — Я люблю своего мальчика, мистер Смит. С ради него готов на все. Помогите нам, если можете.

— Постараюсь.

Надев очки, Чатсворт снова взял в руки письмо Джонни.

— Долго вы, однако, не преподавали. Разонравилось?

Начинается, подумал Джонни.

— Нет, — сказал он, — просто попал в аварию.

Чатсворт перевел взгляд на шею Джонни, где остались шрамы после частичной замены атрофировавшихся сухожилий.

— Автомобильная катастрофа?

— Да.

— Серьезная?

— Да.

— Ну сейчас вы, кажется, в полном порядке, — заметил Чатсворт. Он убрал письмо Джонни в ящик стола, и на этом вопросы, как ни странно, кончились. Так после пятилетнего перерыва Джонни стал лидером, хотя в классе у него был всего один ученик.

— «И ко мне, кос... косвенно виновному в его с... смерти, он протянул свою слабеющую руку и улыбнулся все... всепрощающей улыбкой. Это была тяжелая минута, и я ушел с чувством, что мне никогда не искупать... не искупить то зло, которое я сотворил».

Чак захлопнул книжку.

— Все. Кто последним нырнет, тот последний идиот.

— Еще минутку, Чак.

— О-о-о-ох... — Чак тяжело осел, на его лице было написано: опять эти вопросы. Страдальческая мина сопровождалась добродушной улыбкой, но за этой улыбкой временами угадывался другой Чак: замкнутый, нервный, растерянный. В конце растерянный. Ведь вокруг был мир, в котором все читали: неграмотный человек в Америке похож на динозавра, забредшего по ошибке в наш век. Чак был слишком умен, чтобы этого не понимать. И он с ужасом ожидал осени и той неизвестности, которую готовил ему новый учебный год.

— Всего несколько вопросов.

— Зачем? Вы же знаете, что я не отвечаю.

— Ответишь. На этот раз ты ответишь на все вопросы.

— Я никогда не понимаю, что читаю, вы в этом давно могли убедиться. — Вид у Чака был мрачный и несчастный. — И вообще мне непонятно, зачем вы у нас остались, разве только из-за харчей.

— Ты ответишь на все вопросы, потому что они не имеют отношения к книге.

Чак поднял на него глаза.

— Не имеют отношения? Чего ж тогда спрашивать? Я думал...

— Ну, доставь мне удовольствие, ладно?

Сердце у Джонни бешено колотилось, чему он, впрочем, не очень-то удивился. Он давно готовился к этой минуте, дожидаясь

лишь благоприятного стечения обстоятельств. Сейчас момент был самый подходящий. Не крутилась поблизости миссис Чатсворт, которая своей вечной озабоченностью выбивала Чака из колеи. Не плескались в бассейне дружки-приятели — при них чтение вслух казалось Чаку занятием для отстающего первоклашки. И, что самое важное, не было отца, человека, порадовать которого Чак мечтал больше всего на свете. Он уехал в Бостон на заседание региональной комиссии по охране окружающей среды, где обсуждался вопрос о загрязнении водоемов.

Из книги Эдварда Стэнни «Трудности обучения»:

Пациент Руперт Дж. сидел в кинотеатре, в третьем ряду. Он был ближе других к экрану и единственный заметил, что на полу загорелась кучка мусора. Руперт Дж. вскочил и закричал: «П-п-п-п-п-п...», а сзади зашикали, чтобы он сел и не мешал.

— *Что вы тогда почувствовали?* — спросил я Руперта Дж.

— *Мне трудно это объяснить,* — ответил он. — *Меня охватил страх, но еще сильнее было отчаяние. Я чувствовал свою никчемность — будто какой-то недочеловек. Я всегда комплексовал из-за этого заикания, а тут добавилось ощущение полной беспомощности.*

— *И только?*

— *Нет, еще зависть, что сейчас кто-то другой заметит пламя и... как вам сказать...*

— *Отнимет у вас лавры?*

— *Вот именно. Кроме меня, никто ничего не видел. А я, как назло, только мог из себя выдавить, что «п-п-п-п-п-п...», точно дурацкая заезженная пластинка. Какой-то недочеловек — лучше не скажешь.*

— *И как же вы сломали этот барьер?*

— *Накануне у моей матери был день рождения. Я купил для нее у цветочницы розы. И вот стою, все кругом шикают, а я подумал: сейчас как открою рот да как заору: РОЗЫ! Это слово уже готово было сорваться с моих губ.*

— *И что же произошло!*

— *Я открыл рот и что было мочи заорал: ПОЖАР!*

Этот случай, о котором Джонни прочитал восемь лет назад в предисловии к книге Стэнни, запал ему в голову. Он всегда считал, что ключевое слово в рассказе Руперта Дж. — беспомощность. Если в данный момент близость с женщиной для тебя важнее всего на свете, риск оказаться не на высоте возрастает раз в десять, а то и в сто. Ну а если для тебя так важно предстоящее чтение...

— Какое, Чак, у тебя второе имя? — спросил он как бы между прочим.

— Мэрфи, — ответил Чак и улыбнулся. — Жуть, правда? Девичья фамилия моей матери. Не вздумайте рассказать Джеку или Элу, не то ваше хилое тело здорово пострадает.

— Не беспокойся. Когда у тебя день рождения?

— Восьмого сентября.

Джонни начал забрасывать его вопросами, не давая времени на раздумья, Впрочем, это были не те вопросы, над которыми нужно долго думать.

— Как зовут твою девушку?

— Бет. Вы же знаете Бет...

— А ее второе имя?

— Альма. Кошмар, да? — хмыкнул Чак.

— Как звать твоего деда по отцу?

— Ричард.

— Кто больше всего понравился тебе в этом году в восточном дивизионе Американской бейсбольной лиги?

— «Янки». Особенно как они переходили на первую базу.

— Кого бы ты хотел видеть президентом?

— Хорошо бы победил Джерри Браун.

— Будешь продавать свой «корвет»?

— В этом году нет. Может, в будущем.

— Мама не против?

— Наоборот. Она говорит, что у нее обрывается сердце — так я гоняю.

— Каким образом Красному Ястребу удалось, обойдя засады, убить Денни Джунипера?

— Шербурн забыл о люке, через который можно было попасть на чердак здания тюрьмы, — ответил Чак не задумываясь, и Джонни вдруг охватило ликование — вроде горячей волны после хорошего глотка крепкого виски. Сработало. Он вовлек Чака в разговор о розах, и тот ответил жизнерадостным воплем: «Пожар!».

Чак смотрел на него как громом пораженный.

— Красный Ястреб проник на чердак через слуховое окно. Открыл люк. Застрелил Денни Джунипера. А затем и Тома Кеньона.

— Все правильно, Чак.

— Я вспомнил, — пробормотал тот, глядя на Джонни расширенными глазами, рот его уже растягивался в улыбке. — Ловко вы меня навели...

— Я просто взял тебя за руку и помог обогнуть то, что стояло на твоём пути, — сказал Джонни. — Но препятствие еще не устранено, Чак. Не обольщайся. Кто была девушка, в которую влюбился Шербурн?

— Она... — Глаза его слегка затуманились, и он сокрушенно покачал головой. — Не помню. — С внезапным озлоблением он ударил себя по колену. — Ничего не помню! Какой же я тупица!

— А ты не помнишь, тебе когда-нибудь рассказывали, как познакомились твои родители?

Чак посмотрел на него и едва заметно улыбнулся. На том месте, где он ударил себя, зазелело пятно.

— Как не помнить. Мама работала в Чарлстоне, в конторе по прокату, и дала отцу автомобиль со спущенной шиной. — Чак засмеялся. — С тех пор она уверяет, будто вышла за него потому, что отстающий больше старается.

— Ну а назови мне девушку, которой увлекся Шербурн?

— Дженни Лэнгхорн. Намучился он с ней. Раньше она была с Грэшемом. Рыжая, как моя Бет. Она... — Он осекся и вытаращился на Джонни, словно тот у него на глазах достал кролика из нагрудного кармана. — Опять у вас получилось!

— Нет, Чак. Это у тебя получилось. Вся хитрость в том, чтобы направить человека по ложному пути. Так почему, говоришь, Джон Шербурн намучился с Дженни?

— Так ведь Грэшем-то — большой туз в городе...

— В каком городе?

Чак открыл было рот, но так ничего и не сказал. Вдруг он отвернулся к бассейну. Потом улыбнулся и снова посмотрел на Джонни.

— Эмити. Как в фильме «Челюсти».

— Молодец! И как же ты вспомнил?

Чак хмыкнул.

— Ерунда какая-то. Я начал думать, не выступить ли мне в соревнованиях по плаванию, и вдруг — бац! Вот так хитрость. Потрясно!

— Ну ладно. Пожалуй, на сегодня хватит. — Джонни устал, взмок, но чувствовал себя по-настоящему счастливым. — Вот ты и сделал первый шаг. Ты хоть сам-то понимаешь это? Пойдем поплаваем. Кто последним нырнет, тот последний идиот.

— Джонни?

— Что?

— Это прием будет всегда срабатывать?

— Да, если ты его освоишь, — сказал Джонни. — Всякий раз, когда ты станешь обходить препятствие, вместо того чтобы лезть напролом, оно будет уменьшаться. И с чтением вслух тоже пойдет на лад, вот увидишь. У меня есть в запасе и другие маленькие хитрости. — Он умолк. То, что он сейчас сказал Чаку, было не столько правдой, сколько смелой попыткой гипнотического внушения.

— Спасибо вам, — сказал Чак. Вымученную страдальческую улыбку сменило выражение искренней благодарности. — Если вы меня вытащите, я... я просто стану на колени и буду целовать вам ноги, только прикажите. Меня иногда жуть берет, мне кажется, я не оправдываю надежд отца...

— А ты не догадываешься, Чак, что этим отчасти и объясняются твои трудности?

— Правда?

— Да. Ты хочешь всех перебегать. Переплывать. У тебя во всем перебор. И дело тут, возможно, не только в психологическом

барьере. Некоторые считают, что затрудненное чтение, синдром Джексона и другие аналогичные фобии — все это следствие, так сказать... родимого пятна на коре мозга. Забитых каналов. Неправного реле. Мерт... — Он прикусил язык.

— Чего? — спросил Чак.

— Мертвой зоны, — выдавил Джонни. — Неважно. Названия не играют роли. Главное — результат. Никакой хитрости собственно говоря, тут нет — нужно лишь направить мысли по обходному пути. Это значит — обучить активную область мозга выполнять работу, с которой не справляется какой-нибудь маленький участок. Скажем, тебе нужно всякий раз, когда ты напарываешься на сучок, начинать рассуждать вслух. Тем самым импульс мысли перемещается в другую точку мозга. Это умение переключаться.

— А я сумею? Вы думаете, сумею?

— Уверен, — сказал Джонни.

— Ну что ж. Значит, научусь. — Чак нырнул в бассейн и по крутой дуге выплыл на поверхность; он потрянул своими длинными волосами, и брызги разлетелись веером. — Прыгайте! Вода отличная!

— Сейчас, — сказал Джонни, но в эту минуту он был рад просто стоять на кафельном бортике и, глядя, как Чак мощными гребками приближается к дальнему концу бассейна, наслаждаться одержанной победой. Подобной радости он не испытывал ни когда ему было видение, что у Эйлин Мэгоун загорелись занавески на кухне, ни когда ему открылось имя Фрэнка Додда. Если Господь и наградил его даром, то даром учить людей, а вовсе не выяснять подробности, которые его не касаются. Вот его призвание — он понял это еще тогда, в 1970-м, когда учительствовал в Кливе Милс. И что еще важнее, это — понимали дети и раскрывались в ответ, как раскрылся Чак сегодня.

— Так и будете стоять столбом? — донесся голос Чака.

Джонни нырнул в бассейн.

Уоррен Ричардсон вышел из конторы без четверти пять, как всегда. Он направился к стоянке, втиснул свое грузное тело за руль «шевроле», завел мотор. Все как обычно. Необычным было только лицо, появившееся внезапно в зеркале заднего обзора, — небритое смуглое лицо, длинные волосы и неправдоподобно зеленые глаза, такие же зеленые, как у Сары Хэзлит или Чака Чатсворта. Подобный страх Уоррену Ричардсону доводилось испытывать разве что в далеком детстве.

— Привет, — сказал Санни Эллиман, перегибаясь через спинку сиденья.

— Кто?.. — только и выжал из себя Ричардсон. Сердце у него колотилось, в глазах заплясали темные блики. Он испугался, как бы с ним не случился сердечный приступ.

— Тихо, приятель, — сказал человек, прятаящийся на заднем сиденье. — Тихо. Включите подфарники.

И тут у Ричардсона возникло странное чувство благодарности. Человек, нагнавший на него страх, не будет больше пугать его. Наверное, это очень славный человек, наверное...

— Кто вы? — выдавил он на этот раз.

— Ваш друг, — сказал Санни.

Ричардсон хотел повернуться, но в его дряблую шею клещами впились пальцы. Боль была непереносимая. У Ричардсона перехватило дыхание, и он судорожно заскулил.

— Не надо оборачиваться, приятель. У вас есть зеркало заднего обзора. Врубилась?

— Да, — задыхался Ричардсон. — Да, да, только отпустите!

Пальцы ослабили хватку, и вновь он испытал это странное чувство благодарности. Правда, сейчас он уже не сомневался во враждебных намерениях человека, как не сомневался и в том, что незнакомец находится в его машине не случайно, хотя не представлял себе, зачем и кому это могло понадобиться...

И вдруг он сообразил, кому могло, точнее, могло бы это понадобиться; трудно, конечно, ожидать такого от нормального кандидата, но Грег Стилсон не был нормальным, Грег Стилсон сумашедший, так что... Уоррен Ричардсон начал тихо всхлипывать.

— Мне надо поговорить с вами, приятель, — сказал Санни. В его голосе сквозило участие и сожаление, однако в глазах поблескивал зеленый огонек насмешки. — Дядюшка хочет сказать вам пару теплых слов.

— Это связано со Стилсоном? С...

И снова клещи впились ему в шею, и Ричардсон взвизгнул от боли.

— Не надо имен. — Страшный человек за его спиной произнес это с тем же участием и сожалением. — Можете делать свои выводы, мистер Ричардсон, но имена оставьте при себе. Мой большой палец упирается сейчас в вашу сонную артерию, а остальные пальцы — в шейную вену, так что при желании я могу превратить вас в живой труп.

— Чего вы хотите? — чуть не простонал Ричардсон. Трудно поверить, что все это происходит на стоянке автомашин, среди бела дня, в двух шагах от его конторы по делам о недвижимости, в главном городе штата Нью-Гэмпшир. Ему были видны часы, вделанные в красную кирпичную кладку ратушной башни. Часы показывали без десяти пять. Сейчас Норма поставит в духовку свиные отбивные, обильно сдобренные специями. Шон смотрит по телевизору «Сезам-стрит». А тут за спиной сидит человек, грозящий сделать из него идиота. Это какой-то ужасный сон. Сон, от которого мечешься на постели.

— Я-то ничего не хочу, — сказал Санни Эллиман. — Вопрос в том, чего хотите вы.

— Я не понимаю, о чем вы. — Но, к своему ужасу, он, кажется, понимал.

— Эта статейка в «Нью-Гэмпшир джорнэл» по поводу сомнительных операций с недвижимостью, — сказал Санни. — Не слишком ли вы много знаете, мистер Ричардсон? Особенно в отношении... некоторых лиц.

— Но я...

— Вся эта болтовня о городском парке, к примеру говоря. С намеками на сорванный куш и взятки, и круговую поруку. Вся эта бредятинна. — Пальцы снова впились ему в шею, и на этот раз Ричардсон застонал. Но ведь его имя в статье не называлось, он был всего-навсего «информированным источником». Как же они узнали? Как узнал Грег Стилсон?

Незнакомец быстро заговорил ему в самое ухо, щекоча его жарким дыханием.

— Вы понимаете, мистер Ричардсон, что подобной чушью вы можете навлечь неприятности на некоторых лиц. Скажем, на лиц, участвующих в предвыборной кампании. Баллотироваться на высший пост — это все равно что играть в бридж, сечете? Тут нельзя ошибаться. И не дай Бог швырнут в тебя комом грязи, грязь — штука липкая, особенно в наши дни. Пока ничего серьезного не случилось. Я рад сообщить вам это, поскольку, случись что-нибудь серьезное, вы бы сейчас не вели со мной дружескую беседу, а пересчитывали остаток зубов

— Этот молодой человек... это лицо... неужели вы в самом деле надеетесь выгородить его? Он же развернулся, как какой-нибудь продавец змеинового жира в провинциальном городке на Юге. Рано или поздно...

Большой палец вонзился ему в ухо и начал проворачиваться. Боль была адская, невыносимая. Ричардсон вскрикнул и ткнулся головой в боковое стекло. Руки его ощупью искали звуковой сигнал.

— Только нажми, сукин сын, и я тебя прикончу, — послышался шепот.

Рука Ричардсона безвольно упала. Незнакомец оставил его ухо в покое.

— Не мешало бы вам, приятель, прочистить уши, — донеслось с заднего сиденья. — Весь палец вымазал. Жуть сколько серы.

Уоррен Ричардсон беззвучно плакал, не в силах совладать с собой. Слезы текли по его одутловатым щекам.

— Прошу вас, не мучайте меня, — проговорил он. — Не мучайте. Прошу вас.

— Могу лишь повторить, — сказал ему Санни. — Вопрос в том, чего хотите вы. Кто что говорит по поводу... некоторых лиц — не ваше дело. Ваше дело — врать, да не завираться. Трижды подумайте, прежде чем открывать рот, когда к вам навевается парень из «Джорнэл». Подумайте, как просто бывает узнать, кто этот «информированный источник». И как хреново, когда твой дом вдруг сгорает дотла. Или когда приходится роскошествовать на

пластическую операцию, потому что жене плеснули в лицо кислотой.

Незнакомец сопел, как зверь, продирающийся сквозь заросли.

— Может, теперь вы поймете, как просто перехватить вашего мальчугана, когда он возвращается домой из детского сада.

— Только посмейте! — прохрипел Ричардсон. — Только посмейте, негодяй!

— Я просто говорю, что пора задуматься над тем, чего же вы сами хотите, — заметил Санни. — Выборы... этим живет вся Америка, верно? Тем более в год двухсотлетнего юбилея. Вот пусть каждый и поживет в свое удовольствие. А какое уж тут удовольствие, когда всякие кретины начинают брехать направо и налево? Прыщу на чужой... завидуют.

Тут незнакомец совсем убрал руку. Задняя дверца открылась. Господи, наконец-то.

— Так что пора задуматься, — повторил Санни Эллиман. — Надеюсь, мы поняли друг друга.

— Да, — прошептал Ричардсон. — Но если вы рассчитываете, что Гре... что некое лицо может победить на выборах с помощью подобной тактики, то сильно ошибаетесь.

— Нет, — сказал Санни. — Это вы ошибаетесь. Не забывайте, что все хотят пожить в свое удовольствие. Так что смотрите, как бы вам не опоздать к общему пирогу.

Ричардсон молчал. Он сидел за рулем словно изваяние, чувствуя, как пульсирует шейная артерия, и тупо смотрел на ратушные часы, будто все остальное в этой жизни потеряло смысл. Часы показывали без пяти пять. Свиные отбивные наверняка уже в духовке.

Незнакомец кинул напоследок два слова и, не оглядываясь, быстро зашагал прочь; его длинные волосы взлетали над воротом рубашки. Он свернул за угол и скрылся.

Последнее, что он сказал Уоррену Ричардсону, было: «Прочисть уши».

Ричардсона охватила дрожь, и прошло немало времени, прежде чем он смог вести машину. Первым его осознанным ощущением была ярость, сильнейшая ярость. Хотелось тут же подъехать к полицейскому управлению (оно находилось в здании ратуши, как раз под часами) и заявить о случившемся, об угрозах расправиться с его женой и сыном, о физическом насилии и о том человеке, от имени которого все это делалось.

...как хреново, когда приходится раскошелиться на пластическую операцию... как просто перехватить вашего мальчугана...

Но с какой стати? С какой стати рисковать? Он сказал этому подонку чистейшую правду. Всякий, кто имел в южном Нью-Гэмпшире дело с недвижимостью, отлично знал, что Стилсон пустился в опасную авантюру. Выгоды, которые он сейчас извлекает, рано или поздно обернутся крахом, и он очутится за решеткой

гораздо раньше, чем кажется. Его избирательная кампания — верх сумасшествия. А теперь еще тактика выкручивания рук! В Америке, тем более в Новой Англии, такое не проходит.

Но пусть кто-нибудь другой скажет об этом во всеуслышание.

Уоррен Ричардсон поехал домой, где его ждали свинные отбивные, и ни словом не обмолвился о случившемся. Кто-нибудь другой наверняка положит этому конец.

Как-то вечером, вскоре после знаменательного успеха Чака, Джонни Смит брился в ванной комнате в домике для гостей. В последние дни, стоя перед зеркалом, он каждый раз испытывал нелепое чувство, будто видит не себя, а своего старшего брата. Лоб прорезали две глубокие морщины. Еще две залегли возле рта. Неожиданно вылезла белая прядка, и вообще волосы вдруг тронула седина. Казалось, это случилось за одну ночь.

Он выдернул из розетки шнур электробритвы и вышел в кухню, служившую одновременно столовой. Прямо роскошь, подумал Джонни и чуть заметно улыбнулся; похоже, он понемногу приходит в себя. Он включил телевизор, достал из холодильника бутылку пепси и сел смотреть новости. Роджер Чатсворт вернется поздно, а завтра утром Джонни не без удовольствия сообщит ему о первом серьезном успехе сына.

Раз в две недели Джонни навещал отца. Новое поприще Джонни пришлось по душе Герберту, который с неподдельным интересом слушал рассказы о Чатсвортах, об их доме в Дареме, этом уютном университетском городке, и о делах Чака. В свою очередь, Джонни слушал рассказы отца о том, как он помогает Чарлине Маккензи, живущей в соседнем Нью-Глостере.

— Ее муж был первоклассным врачом, но мало что умел по дому, — рассказывал Герберт. — Чарлина с Верой дружили, пока Вера не погрузилась в дебри фундаментализма. Это их разобщило. Муж Чарлины умер от инфаркта в 1973 году. Дом практически развалился на глазах, — продолжал Герберт. — Надо же было как-то помочь. Я приезжаю туда в субботу утром и после обеда возвращаюсь обратно. Должен тебе сказать, Джонни, готовит она лучше тебя.

— И выглядит тоже, — подыграл Джонни.

— Ну конечно, она хорошенькая, но между нами, сам понимаешь, ничего такого. Еще ведь и года не прошло, как мы похоронили маму...

Джонни, однако, подозревал что-то такое между ними и в глубине души был этому рад. Очень уж ему не хотелось думать, что отца ждет одинокая старость.

Уолтер Кронкайт рассказывал телезрителям о новостях политической жизни. Первичные выборы закончились, до партийных съездов оставались считанные недели, по всему видно, что у Джими Картера дело в шляпе, и кандидатом от демократов будет он. Зато Форд не на шутку сцепился с бывшим губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом.

Репортерам в пору подсчитывать делегатов поименно. В одном из своих редких писем Сара Хэзлит писала: «Уолт держит пальцы рук (и ног!) скрещенными, чтобы Форд пришел первым. Уолт рассчитывает в этом случае пройти в сенат штата. Он не знает, как в других местах, но в Мэне у Рейгана нет никаких шансов».

Работая поваром в Киттери, Джонни взял за правило ездить раза два в неделю в Дувр или Портсмут, или другие ближайшие городишки Нью-Гэмпшира. Там перебивали все кандидаты в президенты, так что Джонни представлялась уникальная возможность увидеть их вблизи, без царственного ореола, который позже, может быть, окружит того, кто заберет власть в свои руки. Эти поездки превратились у него в своего рода хобби — на короткий срок, разумеется. Когда предвыборная кампания в Нью-Гэмпшире закончится, кандидаты переберутся во Флориду и даже не бросят прощального взгляда. Кое-кому, естественно, придется похоронить свои политические амбиции где-нибудь на полпути между Портсмутом и Кином. Никогда не интересовавшийся политикой (исключая период Вьетнама), Джонни вдруг всерьез увлекся ею, когда страсти, вызванные касл-рокским делом, понемногу улеглись, и его дар, а может быть, несчастье, как ни называй, сыграл тут не последнюю роль.

Он пожимал руки Моррису Юдоллу и Генри Джексону, Фред Харрис похлопал его по спине. Рональд Рейган принимал его профессиональным жестом политика со словами: «Приходите на избирательный участок, ваш голос будет весьма кстати». В ответ Джонни согласно кивнул, полагая, что проще оставить Рейгана в заблуждении, будто на него, Джонни, можно вполне положиться.

Он почти пятнадцать минут беседовал с Сарджем Шрайвером в вестибюле страхолудного «Ньюингтон-Молла». Шрайвер, только что подстриженный, распространяющий волны парфюмерных запахов и, пожалуй, неуверенности, шел в сопровождении помощника, чьи карманы были набиты воззваниями, и агента секретной службы, ковырявшего украдкой прыщик. Шрайвер чуть не расплылся оттого, что его узнали. Едва они попрощались, к Шрайверу подошел кандидат в какой-то местный орган власти и попросил автограф. Шрайвер благосклонно улыбнулся.

Во время этих контактов Джонни всякий раз открывались различные подробности, но почти ничего существенного. По-видимому, рукопожатия превратились для этих людей в ритуал, при котором живые побуждения оказывались погребенными под толстым слоем прозрачного плексигласа. Джонни удалось повидать практически всех, за исключением президента Форда, но лишь однажды он испытал внезапное, как удар тока, озарение, подобное тем, какие были у него в случае с Эйлин Мэгоун и — при всей их несхожести — с Фрэнком Доддом.

Ранним утром, без четверти семь, Джонни приехал в Манчестер на своем стареньком «плимуте». Он работал всю ночь с десяти до шести. Он устал, но приглушенный зимний рассвет был

слишком хорош, чтобы проспять его. Кроме того, Джонни нравились Манчестер — узкие улочки, обшарпанные кирпичные дома и рассыпанные по берегу, как четки, островерхие здания прядильных фабрик. В то утро он не собирался охотиться за очередным политиком. Он решил просто покружить по улицам, пока еще не высыпали люди и не рассеялось холодное и тихое очарование февраля, а потом вернуться в Киттери и немного соснуть.

Джонни завернул за угол и увидел у ворот обувной фабрики три безликих «седана», хотя стоянка в этом месте была запрещена. Перед воротами стоял Джимми Картер и пожимал руки рабочим, заступавшим на смену. Они шли полусонные, в тяжелых мешковатых пальто, с завтраком в корзинках или бумажных пакетах. Для каждого у Картера находилось свое слово. Его улыбка, не успевшая пока разойтись миллионными тиражами, была безоблачной и неутомимой. Нос покраснел от мороза.

Джонни проехал еще полквартала, припарковался и направился к фабричным воротам; снег скрипел и похрустывал у него под ногами. Агент секретной службы смерил его взглядом и потерял к нему интерес — по крайней мере внешне.

— Я готов голосовать за любого, кто собирается снизить налоги, — говорил мужчина в заношенной лыжной куртке с целым созвездием прожженных кислотой дырок на рукаве. — От этих проклятых налогов житья нет, честное слово.

— Мы займемся этим делом, — сказал Картер. — Когда я окажусь в Белом доме, мы прежде всего пересмотрим налоговую политику. — Спокойная самоуверенность, звучавшая в его голосе, насторожила Джонни.

Глаза Картера, поражавшие своей голубизной, встретились с глазами Джонни.

— Привет! — сказал он.

— Здравствуйте, мистер Картер, — сказал Джонни. — Я не работаю здесь. Просто ехал мимо и увидел вас.

— Ну что же, рад, что вы остановились. Я выдвинул свою кандидатуру в президенты.

— Я знаю.

Картер протянул руку. Джонни пожал ее.

— Надеюсь, что вы... — начал было Картер. И осекся.

Последовала вспышка, внезапный треск, как будто он сунул палец в электрическую розетку. Зрачки у Картера сузились. Они с Джонни смотрели друг на друга, казалось, целую вечность.

Агенту секретной службы все это не понравилось. Он бросился к Картеру, на ходу расстегивая пальто. За их спиной, из какой-то немыслимой дали, донесся долгий и протяжный гудок, возвещающий о начале семичасовой смены.

Джонни выпустил руку Картера, но они продолжали смотреть друг на друга.

— Что это, черт возьми? — тихо спросил Картер.

— По-моему, дружище, ты куда-то собирался, — подал вдруг голос агент и положил увесистую руку на плечо Джонни. — Или нет?

— Все в порядке, — успокоил его Картер.

— Вы станете президентом, — сказал Джонни.

Рука агента лежала на его плече, но она стала как будто легче, и вновь Джонни что-то почувствовал. Агенту секретной службы..

(...глаза...)

...не нравились эти глаза. Они показались ему...

(...глаза убийцы, глаза маньяка...)

...холодными и странными... пусть только запустит руку в карман пальто, пусть хотя бы шевельнет ею, и я уложу его прямо на тротуаре. Не успела эта мысль агента пронестись в голове Джонни, как вдруг откуда-то пришли два слова, простые и страшные:

(...лорел мэриленд, лорел мэриленд, лорел мэриленд, лорел...)

— Да, — сказал Картер.

— Это реальнее, чем многие думают... реальнее, чем вы сами думаете... в общем, вы победите.

Картер молча глядел на него, слегка раздвинув губы в улыбке.

— У вас есть дочь. Она поступит в школу в Вашингтоне. В школу... — Но это уже было в мертвой зоне. — Школа названа именем освобожденного раба.

— Приятель, а ну-ка двигай отсюда, — сказал агент.

Картер посмотрел на него, и тот замолчал.

— Рад был познакомиться, — сказал Картер. — Вы меня слегка озадачили, и все же я рад.

Джонни вернулся в свое обычное состояние. Все прошло. Он почувствовал, что у него замерзли уши и что не мешает заглянуть кой-куда.

— Всего доброго, — сказал он, смешавшись.

— Спасибо. И вам того же.

Он повернулся к машине, чувствуя на себе взгляд агента, и уехал, как в тумане.

Уолтер Кронкайт перешел от американских политиков к гражданской войне в Ливане. Джонни поднялся, налил себе еще пепси и отсалютовал стаканом экрану телевизора. *Твое здоровье, Уолт. Выпьем за три «Р» — распад, разрушение и рок. Куда бы мы без них делись?*

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — отозвался Джонни, ожидая увидеть Чака; наверное, позовет его прокатиться в Сомерсуэрт. Но это был не Чак. Это был отец Чака.

— Привет, Джонни, — сказал Чатсворт. Он был в застиранных джинсах и легкой спортивной рубашке навыпуск. — Можно?

— Разумеется. Я думал, вы возвратитесь поздно.

— Видите ли, мне позвонила Шелли. — Так звали его жену. Роджер вошел и закрыл за собой дверь. — К ней прибежал Чак.

Расплакался от радости, как малый ребенок. Сказал, что ваша система сработала. И что у него, наверное, все будет в порядке.

Джонни поставил стакан.

— Нам еще предстоит потрудиться, — сказал он.

— Чак встретил меня в аэропорту. Последний раз я видел его таким... уж и не вспомню, когда. Лет в десять. Или в одиннадцать. Тогда я подарил ему пистолет калибра 5,6 миллиметра, о котором он мечтал пять лет... Он прямо в аэропорту прочитал мне заметку из газеты. Сдвиг просто невероятный. Я пришел поблагодарить вас.

— Благодарить надо Чака, — сказал Джонни. — Он очень восприимчив. Его успех во многом объясняется самовнушением. Он убедил себя, что это ему под силу, и теперь развивает успех. Точнее не сформулируешь.

Роджер сел.

— Он говорит, вы учите его мысленно переключаться.

— Что ж, верно, — улыбнулся Джонни.

— Он сумеет пройти тесты?

— Трудно сказать. Жаль, если он все поставит на карту и проиграет. Экзамен всегда стрессовая ситуация. Если его вдруг заклинит, не исключена психическая травма. Не подумать ли о хороших подготовительных курсах? Вроде Питсфилдских.

— Была у нас такая мысль, но, честно говоря, я считал, что этим мы просто отдадим то, чего все равно не миновать.

— Вот-вот, отсюда все комплексы. Он чувствует, что ситуация критическая: пан или пропал.

— Я никогда не давил на Чака.

— Сознательно нет. Мне это известно. И Чаку тоже. Но, с другой стороны, вы богаты, преуспеваете и колледж в свое время окончили с отличием. Чак, по-моему, чувствует себя так, словно ему вступать в игру сразу же за Хенком Аароном*.

— Тут уж я, Джонни, ничего не могу поделать.

— Я полагаю, что после года на подготовительных курсах, вдали от дома, он яснее представит свое будущее. А потом он бы поработал на одной из ваших фабрик. Если бы это был мой сын и мои фабрики, я бы пошел ему навстречу.

— Почему же он мне сам ничего об этом не говорил?

— Чтобы вы не подумали, будто он перед вами стелется, — сказал Джонни.

— Это его собственные слова?

— Да. Чаку хотелось бы попробовать себя в деле, он считает, это ему пригодится. Чак мечтает пойти по вашим стопам, мистер Чатсворт. Но за вами трудно угнаться. Отсюда его проблемы. У него дрожат руки, как у неопытного охотника при виде дичи.

Вообще-то Джонни немного приврал. Правда, кое-что проскальзывало в их разговорах, но до таких откровений никогда не дохо-

* Известный американский бейсболист.

дило. Если что и было, то не на словах. Просто Джонни время от времени прикасался к Чаку, и таким образом ему многое открылось. Он видел фотокарточки, которые Чак носил в бумажнике, и понял, как тот относится к отцу. О каких-то вещах Джонни никогда бы не рассказал своему собеседнику, человеку приятному, но достаточно для него далекому: Чак готов был целовать землю, по которой ступал его отец. Держался он уверенно и непринужденно, точь-в-точь как Роджер, но за этим таился страх, что он никогда не нагонит отца. Захиревшую ткацкую фабрику Чатсворт-старший превратил в текстильную империю Новой Англии. Отцовская любовь, казалось Чаку, зиждется на вере, что и он когда-нибудь горы своротит. Станет настоящим спортсменом. Будет учиться в хорошем колледже. Будет *читать*.

— Вы уверены, что все обстоит именно так? — спросил Роджер.

— Вполне. Но я буду очень признателен, если Чак не узнает о нашем разговоре. Я ведь открыл вам его секреты. — *Уж это точно, не сомневайтесь.*

— Хорошо, о подготовительных курсах мы с Чаком и Шелли еще поговорим. А пока возьмите. — Он достал из кармана брюк белый конверт и протянул его Джонни.

— Что это?

— Откройте и увидите.

Джонни открыл. В конверте лежал чек на пятьсот долларов.

— Да вы что! Я не могу...

— Можете и возьмете. Я обещал вам вознаграждение в случае успеха, а свои обещания я выполняю. Перед отъездом вы получите еще один чек.

— Послушайте, мистер Чатсворт, я ведь просто...

— Тсс. Я хочу вам кое-что сказать, Джонни. — Чатсворт наклонился. На его губах играла едва заметная улыбка, и Джонни вдруг понял: он, пожалуй, сумел бы разглядеть, что скрывается за приятной внешностью сидящего перед ним человека, добраться до сути того, кто вызвал к жизни все это — дом, поместье, фабрики. И разумеется, ридингфобию в своем сыне, каковую, по-видимому, следует классифицировать как истерический невроз.

— Джонни, я по собственному опыту знаю, что девяносто пять процентов людей на Земле — это инертная масса. Один процент составляют святые и еще один — непроходимые кретины. Остается три процента — те, кто могут чего-то добиться... и добиваются. Я вхожу в эти три процента и вы тоже. Вы заработали эти деньги. У меня на предприятиях есть люди, которые получают в год одиннадцать тысяч долларов только за то, что целыми днями почесывают... брюхо. Нет, я не жалею. Я не вчера родился и знаю, как устроен мир. Топливная смесь состоит из одной части высокооктанового бензина и девяти частей всякого дерьма. Вы

с этим дерьмом не имеете ничего общего. А посему кладите деньги в бумажник и в следующий раз цените себя дороже.

— Ну что ж, — сказал Джонни. — Не стану врать, я найду им применение.

— Больничные счета?

Джонни пристально посмотрел на Чатсворта.

— Я все про вас знаю, — сказал Роджер. — Неужели вы думали, что я не наведу справки о человеке, которого я нанимаю репетитором к своему сыну?

— Так вы знаете, что я...

— Экстрасенс или что-то в этом роде. Вы помогли распутать дело об убийствах в Мэне. Во всяком случае, если верить газетам. До января у вас был контракт в школе, но когда ваше имя замесляло в газетах, вас отшвырнули, как горячую картофелину, которой обожгли пальцы.

— Вы все знали? И давно?

— Еще до того, как вы к нам перебрались.

— И тем не менее вы наняли меня?

— Я ведь искал репетитора. А у вас, судя по всему, дело должно было клеиться. По-моему, я проявил дальновидность, прибегнув к вашим услугам.

— Мне остается только поблагодарить вас, — сказал Джонни неожиданно охрипшим голосом.

— Повторяю: вы себя недооцениваете.

Пока шел этот разговор, Уолтер Кронкайт покончил с международным положением и перешел к курьзам, которыми иногда завершается выпуск новостей.

— ...у избирателей в третьем округе западного Нью-Гэмпшира...

— Так или иначе, деньги пригодятся, — повторил Джонни. — Я...

— Погодите. Это надо послушать.

Чатсворт подался вперед; он улыбался, явно предвкушая удовольствие. Джонни повернулся к телевизору.

— ...появился независимый кандидат Стилсон, — говорил Кронкайт, — сорокатрехлетний агент по страхованию и продаже недвижимости. Он стал одним из самых эксцентричных кандидатов в избирательной кампании тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, но республиканцу Гаррисону Фишеру, равно как и его сопернику — демократу Дэвиду Боузу, от этого не легче, поскольку, по данным опроса общественного мнения, Грег Стилсон опережает их с приличным отрывом. С подробностями — Джордж Герман.

— Кто такой Стилсон? — спросил Джонни.

Чатсворт рассмеялся:

— Сейчас увидите. Чумной, как мартовский заяц. Но трезво-мыслящие избиратели третьего округа, сдается мне, пошлют его в ноябре в Вашингтон. Разве только он грохнется оземь и забудется в судорогах.

На экране возник смазливый молодой человек в белой сорочке. Он стоял на помосте, задрапированном звездно-полосатой материей, и обращался к небольшой толпе на автомобильной стоянке при супермаркете. Молодой человек всюду уламывал слушателей, которые, судя по их лицам, смертельно скучали. За кадром слышался голос Джорджа Германа:

— Это Дэвид Боуз, кандидат от демократов — жертвенный агнец, по мнению некоторых. Боуз настроился на трудную борьбу, поскольку третий округ Нью-Гэмпшира никогда не тяготел к демократам, даже во времена громкой победы Эл Би Джея* в шестьдесят четвертом году. Боуз ждал соперничества со стороны вот этого человека.

На экране появился мужчина лет шестидесяти пяти. Он держал застольную речь перед солидной публикой. Те, которым предстояло субсидировать его избирательную кампанию, имели вид людей благообразных, склонных к ожирению, страдающих легкими запорами — не иначе как бизнесмены присвоили себе монопольное право так выглядеть по причине своей принадлежности к ВСП.

— Перед вами Гаррисон Фишер, — комментировал Герман. — Избиратели третьего округа посылали его в Вашингтон каждые два года, начиная с шестидесятого. Он заметная фигура в палате представителей, член пяти комиссий и председатель комитета по озеленению и ирригации. Ожидалось, что он свалит юного Дэвида Боуза одной левой. Однако ни Фишер, ни Боуз не приняли в расчет темную карту в колоде. А вот и она!

— О Господи! — сказал Джонни.

Чатсворт разразился хохотом и захлопал себя по ляжкам.

— Вы бы пошли за таким?

Ничего от апатии, наблюдавшей на стоянке при супермаркете. Ничего от благодушия, царившего в Гранитном зале отеля «Хилтон» в Портсмуте. Грег Стилсон стоял на возвышении при въезде в родной Риджуэй. За его спиной высилась статуя — американский солдат с автоматом в руках и в берете, надвинутом на глаза. Перегороженную улицу запрудила беснующаяся толпа, преимущественно молодежь. На Стилсоне были вылинявшие джинсы и армейская рубашка с двумя нагрудными карманами — на одном вышито: ДАЕШЬ МИРНУЮ ПЕРЕДЫШКУ, на другом: ВДАРИМ ПО ЯБЛОЧНОМУ ПИРОГУ! На голове — массивная каска строителя-монтажника, лихо сдвинутая на затылок, на ней — зеленая экологическая эмблема. Под боком у Стилсона стояла тележка из нержавеющей стали. Из динамиков неслся голос Джона Денвера, певшего «Я, слава Богу, деревенский парень».

— Зачем ему тележка? — спросил Джонни.

— Увидите, — сказал Роджер, продолжая ухмыляться.

А Герман говорил:

* Бывший президент США Линдон Б. Джонсон.

— Темную карту зовут Грегори Аммас Стилсон, сорок три года, бывший коммивояжер при библейском обществе «Американский праведный путь», бывший маляр, а также продавец дождя в Оклахоме, где он вырос.

— Продавец дождя, — повторил Джонни в растерянности.

— О, это один из гвоздей его предвыборной программы, — заметил Роджер. — Если мы его изберем, у нас с дождем не будет никаких проблем.

Джордж Герман продолжал:

— Политическая платформа Стилсона, скажем прямо, отличается свежестью.

Джон Денвер закончил песню воплем, который толпа радостно подхватила. И тут заговорил Стилсон, голос его гремел, усиленный мощными динамиками. Уж этот человек знал, как овладеть аудиторией. Его голос заставил Джонни поежиться. Было в нем что-то властное, берущее за горло, что-то кликушеское. Оратор брызгал слюной.

— Что мы будем делать в Вашингтоне? На кой он нам, Вашингтон? — бушевал Стилсон. — Какая, вы спросите, у нас платформа? Наша платформа — это пять лозунгов, друзья мои, пять боевых лозунгов! Какие, спрашиваете? А я вам скажу! Первый: ВЫШВЫРНЕМ ВСЕХ БРЕХУНОВ!

Рев одобрения пронесся над толпой. Кто-то пригоршнями бросал в воздух конфетти, кто-то завопил: «Гип-гип, ур-р-р-а-а-а!» Стилсон подался вперед.

— А хотите знать, друзья мои, зачем я надел каску? Я вам отвечу. Когда вы пошлете меня в Вашингтон, я их всех протараню в этой каске! Я пойду на них вот так!

К изумлению Джонни, Стилсон наклонил по-бычьей голову и принялся раскачивать помост, издавая при этом пронзительный воинственный клич. Роджер Чатсворт просто-таки обмяк в кресле, зайдясь в приступе хохота. Толпа обезумела. Стилсон снова выпрямился во весь рост, снял с головы каску и швырнул ее в толпу. Тотчас же вокруг нее началась свалка.

— Второй лозунг! — вопил Стилсон в микрофон. — Мы вышвырнем из правительства любого, от короля до пешки, кто балуется в постели с разными девочками! У них есть законные жены. Мы не позволим им брать налогоплательщиков за вымя.

— Что он сказал? — спросил Джонни, моргая.

— Это еще цветочки, — ответил Роджер. Он смахнул слезы и вновь зашелся в припадке смеха. Джонни пожалел, что не может разделить его веселья.

— Третий лозунг! — ревел Стилсон. — Мы запустим все эти выхлопные газы в космос! Соберем их в пластиковые пакеты, в кожаные мешки! И запустим их на Марс, на Юпитер, на кольца Сатурна! У нас будет чистый воздух, у нас будет чистая вода, и все это у нас будет ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА!

Толпа обезумела от восторга. Джонни заметил, что многие, как и Роджер Чатсворт, буквально лопаются от смеха.

— Четвертый лозунг! Даешь вволю газа и нефти! Хватит играть в бирюльки с этими арабами, пора взяться за дело! Мы не допустим, чтобы старики в Нью-Гэмпшире превращались в эскимо на палочке, как это было прошлой зимой.

Последние его слова вызвали бурю одобрения. Прошлой зимой в Портсмуте пожилая женщина, у которой отключили газ за неуплату, замерзла насмерть в своей квартире на третьем этаже.

— У нас рука крепкая, друзья мои, и нам это по силам! Или есть здесь такие, кто в этом сомневается?

— Нету-у! — ревела в ответ толпа.

— Тогда последний лозунг, — сказал Стилсон и подошел к тележке. Он откинул крышку, и из-под нее повалили клубы пара. — **ГОРЯЧИЕ СОСИСКИ!** — Он запустил обе руки в тележку и стал выхватывать оттуда пригоршнями сосиски и швырять их толпе. Сосиски летели во все стороны. — Каждому мужчине, женщине и ребенку в Америке — горячие сосиски! Помните — когда Грег Стилсон окажется в палате представителей, вы сможете сказать: **ГОРЯЧИЕ СОСИСКИ! НАКОНЕЦ КТО-ТО ПОЗАБОТИЛСЯ ОБ ЭТОМ!**

Теперь на экране телевизора команда длинноволосых юнцов, напоминавшая хипповую рок-группу, разбирала помост. Еще трое убирали мусор, оставленный толпой. Джордж Герман говорил напоследок:

— Кандидат от демократов Дэвид Боуз назвал Стилсона шумом гороховым, который пытается вставлять палки в колеса демократическим преобразованиям. Гаррисон Фишер выразился резче. Он считает Стилсона циничным ярмарочным торгашом, превращающим свободные выборы в дешевый балаган. В своих публичных выступлениях он именует независимого кандидата Стилсона не иначе как первым и последним членом Американской партии горячих сосисок. Однако факт остается фактом: по данным опроса, проведенного нашей телекомпанией в третьем избирательном округе Нью-Гэмпшира, за Дэвида Боуза собираются голосовать двадцать процентов избирателей, за Гаррисона Фишера — двадцать шесть, а за пробивающегося в одиночку Грега Стилсона — целых сорок два процента. Конечно, до выборов еще далеко, и все может измениться. Но на сегодняшний день Грег Стилсон сумел завоевать если не умы, то сердца избирателей третьего округа в Нью-Гэмпшире. — Тут Джордж Герман поднял руку — в руке была сосиска. Он откусил добрую половину и закончил: — Комментировал Джордж Герман, отдел новостей Си-би-эс, Риджуэй, Нью-Гэмпшир.

На экране вновь появился Уолтер Кронкайт.

— Горячие сосиски, — сказал он и хмыкнул. — Вот так обстоят дела...

Джонни встал и выключил телевизор.

— Просто не верится, — сказал он. — Неужели этот тип и вправду баллотируется в палату представителей? Это не розыгрыш?

— Розыгрыш или нет, это как посмотреть, — усмехнулся Роджер, — во всяком случае, он выставил свою кандидатуру. Сам я республиканец до мозга костей, но должен признаться, этот парень мне чем-то по душе. Представляете, он нанял полдюжины бывших головорезов-мотоциклистов для своей охраны. Настоящие железные всадники. Это, конечно, не «ангелы смерти»*, но подозреваю, что за ними тоже немало грешков. Говорят, Стилсон перевоспитал их.

«Шпана на мотоциклах в качестве личной охраны. Час от часу не легче, — подумал Джонни. — Такая же шпана на мотоциклах обеспечивала безопасность во время бесплатного концерта ансамбля «Роллинг стоунз» в калифорнийском городе Алтамонте. Ничего хорошего из этой затеи не вышло».

— И что же, никому нет дела до... моторизованной шайки бандитов?

— Не совсем так. Пока они ведут себя прилично. За Стилсоном в Риджуэе давно закрепилась репутация человека, умеющего работать с трудными подростками.

Джонни недоверчиво хмыкнул.

— Вы видели его, — сказал Роджер, показывая на экран. — Это клоун. Такое он вытворяет каждый раз. Швыряет каску в толпу — я думаю, он этих касок раскидал добрую сотню, — раздает сосиски. Да, он клонун, ну и что? А может, людям нужна время от времени такая вот комическая разрядка? У нас перебои с нефтью, инфляция выходит из-под контроля, налоги придавили рядового американца как никогда, и ко всему мы, похоже, собираемся сделать президентом арахисового пустозвона из Джорджии**. Вот люди и хотят посмеяться разок-другой. А пуще того хотят показать нос политическим заправилам, которые не могут решить ни одну проблему. Стилсон безобиден.

— Ну да, он ведь метит в космос, — заметил Джонни, и оба засмеялись.

— Разве мало у нас полоумных политиков? — сказал Роджер. — В Нью-Гэмпшире это Стилсон, который надеется с помощью сосисок пробить себе дорогу в палату представителей. В Калифорнии — это Хайякава. А взять нашего губернатора Мелдрима Томсона. В прошлом году он собирался вооружить нью-гэмпширскую национальную гвардию тактическим ядерным оружием. Вот уж сумасшествие так сумасшествие.

* Прозвище преступных банд, разъезжающих на мотоциклах.

** Джорджия — родина Джимми Картера, происходящего из семьи владельцев арахисовых плантаций.

— По-вашему, избиратели третьего округа поступят правильно, посыл деревенского шута представлять их в Вашингтон?

— Вы не понимаете главного, — терпеливо начал объяснять Чатсворт. — Поставьте себя, Джонни, на место избирателей. Население третьего округа — в основном «синие воротнички» и мелкие лавочники. У тех, кто живет в глубинке, и развлечений-то никаких сроду не было. Эти люди смотрят на Дэвида Боуза и видят честолюбивого парня, который рассчитывает собрать голоса на том лишь основании, что у него неплохо подвешен язык и он чем-то отдаленно напоминает Дастина Хоффмана*. Для кого-то он свой в доску уже потому, что ходит в джинсах.

Теперь возьмем Фишера. Моего кандидата, по крайней мере номинально. Я организовывал сбор средств на его кампанию, как и на кампанию прочих кандидатов-республиканцев в этой части Нью-Гэмпшира. Он как сроднился с Капитолийским холмом, что свято верит, будто купол Капитолия рухнет без его моральной поддержки. У него за всю жизнь не родилось в голове ни одной оригинальной идеи, он никогда не шел против большинства. Его имя ничем не запятнано, он слишком глуп, чтобы проворачивать темные делишки, хотя и в него могут полететь комья грязи в связи с Корегейтским** делом. Его речи столь же зажигательны, как страницы каталога канализационного оборудования. Не то чтобы простой люд все это понимал, но порой они такие вещи чувствуют. Сама мысль, что Гаррисон Фишер делает хоть что-то для своих избирателей, — чистейший нонсенс.

— Отсюда вывод: изберем сумасшедшего?

Чатсворт снисходительно улыбнулся.

— Иногда эти сумасшедшие очень неплохо показывают себя в деле. Посмотрите на Беллу Абцуг***. Под этой кретинской шляпкой скрываются отличные мозги. Но, допустим, в Вашингтоне Стилсон станет паясничать так же, как и в Риджуэе. Не надо забывать, что он садится в это кресло на два года. В семьдесят восьмом году его прокатят и посадят на его место того, кто сделает правильные выводы из этого урока.

— Какого урока?

Роджер поднялся.

— Нельзя долго морочить людям голову, — сказал он. — Вот и весь урок. В этом убедился Адам Клейтон Пауэлл**** И Агню с Никсоном тоже. Понимаете... нельзя долго морочить людям головы. — Он взглянул на часы. — А не сходить ли нам, Джонни,

* Известный американский киноактер, исполнитель главных ролей в фильмах «Крамер против Крамера», «Маленький большой человек» и др.

** Словообразование по аналогии с Уотергейтским делом. Имеется в виду скандал, связанный с подкупом высокопоставленных американских должностных лиц южнокорейскими властями.

*** Женщина-конгрессмен, сторонница феминистского движения в США.

**** Негритянский проповедник и конгрессмен.

в большой дом, выпили бы по рюмочке. Я и Шелли должны скоро уехать, но пропустить по одной мы с вами успеем.

Джонни улыбнулся и встал.

— Ну что ж, — сказал он. — Вы загнали меня в угол.

В середине августа Джонни оказался один в поместье Чатсвортов, если не считать Нго Фата, жившего за гаражами. Хозяева заперли дом и отбыли на три недели в Монреаль, чтобы отдохнуть и развлекаться перед началом учебного года и жарких дней на предприятиях.

Роджер оставил Джонни ключи от «мерседеса» своей жены, и Джонни отправился к отцу в Паунал, чувствуя себя монархом. Отношения отца с Чарлиной Маккензи вошли в решающую стадию, и Герберт уже не утверждал, будто его единственное желание — это чтобы она не погибла под руинами дома, который, того гляди, рухнет. Наоборот, он так откровенно ухаживал за Чарлиной, что Джонни стало немного не по себе. Его хватило на три дня, после чего он вернулся в поместье Чатсвортов, принялся за чтение и письма, и жизнь вошла в тихое русло.

Он дрейфовал в центре бассейна в надувном кресле и, потягивая коктейль, читал «Нью-Йорк таймс бук ревью», когда Нго Фат подошел к барьерчику, снял шлепанцы и спустил ноги в воду.

— А-а-а-а, — выдохнул он. — Сразу легче. — Он улыбнулся Джонни. — Тихо, правда?

— Очень тихо, — согласился Джонни. — Что слышно насчет гражданства, Нго? Как подвигаются занятия?

— Сильно подвигаются, — сказал Нго. — Мы скоро все едем на прогулку. Очень интересно. Первый раз. Чтобы в субботу не заторчать в городе.

— Торчать, — сказал Джонни, улыбаясь при мысли, как весь класс Нго кейфует от ЛСД или псилоцибина.

— Простите? — брови у Нго Фата вопросительно поднялись.

— Торчать в городе.

— А, спасибо. Мы будем присутствовать на политическом выступлении в Тримбулле. Мы все думаем, нам повезло, что мы готовимся получить американское гражданство в год выборов. Это очень полезно.

— Да-да, ну еще бы. И кого же вы будете слушать?

— Грега Стилс... — Он остановился и начал еще раз, тщательно выговаривая: — Грега Стилсона. Он независимый кандидат в палату представителей.

— Я слышал о нем, — сказал Джонни. — И что же, вы обсуждали его в классе?

— Да, мы немного говорили об этом человеке. Родился в тридцать третьем году. Были разные профессии. Приехал в Нью-Гэмпшир в шестьдесят четвертом. Он уже столько здесь прожил. Преподаватель сказал, что его никто теперь не считает перекатилесом.

— Полем, — сказал Джонни.

Нго смотрел на него с непроницаемо вежливой улыбкой.

— Правильно говорить — перекати-поле.

— А, спасибо.

— Стилсон вам не кажется несколько странным?

— Это в Америке, — сказал Нго. — Во Вьетнаме таких было много. Таких, которые... — Он сидел, болтая в задумчивости своими маленькими, как у женщины, ступнями в голубовато-зеленой воде. Потом снова посмотрел на Джонни. — Я не знаю, как это сказать по-английски. У нас в стране есть игра «Смеющийся тигр». Старая игра, все ее очень любят, как у вас бейсбол. Там ребенок, знает, одевается в тигра. Накрывается шкурой. Бегаёт и танцует. А другие дети стараются его поймать. Ребенок, который в шкуре, смеется, но еще он рычит и кусается, такая это игра. По-моему, ваш Стилсон тоже знает эту игру.

Джонни с беспокойством слушал Нго Фата.

Что касается Нго, то он был само спокойствие.

— Вот мы поедем, — улыбнулся он, — и сами все увидим. А потом у нас будет пикник. Я испеку два пирога. Хорошо, наверное, получится.

— Просто здорово.

— Да, очень здорово, — сказал Нго Фат, вставая. — Потом мы в классе обсудим все, что видели в Тримбулле. Может быть, напишем сочинение. Писать сочинение всегда легче, потому что можно посмотреть в словаре точное слово.

— Пожалуй, что так. Только почему-то мне никогда не удавалось убедить в этом своих учеников.

Нго снова улыбнулся.

— Как дела у Чака?

— Неплохо.

— Да, он теперь веселый. А раньше притворялся. Он хороший мальчик. — Нго поднялся. — Отдыхайте, Джонни. Я иду поспать.

— Ладно.

Джонни проводил глазами гибкую миниатюрную фигурку Нго в джинсах и вылинявшей рубашке.

Ребенок, который в шкуре, смеется, но еще он рычит и кусается, такая это игра... По-моему, ваш Стилсон тоже знает эту игру.

Опять этот укол беспокойства.

Надувное кресло покачивалось на воде. Солнце ласкало кожу. Джонни снова раскрыл «Бук ревью», но читать расхотелось. Он отложил журнал, подгреб к бортику и вылез. До Тримбулла каких-нибудь тридцать миль. Может, махнуть туда в субботу на «мерседесе» миссис Чатсворт? Посмотреть своими глазами на Грегга Стилсона. Насладиться спектаклем. А то и... а то и пожать ему руку.

Ни за что!

Но почему? В конце концов разве он не начал коллекционировать политиков перед нынешними выборами? Ну увидит еще одного — есть из-за чего расстраиваться!

Но Джонни уже расстроился, факт. Сердце заколотилось, он даже уронил журнал в бассейн. Чертыхаясь, он выуживал его, пока тот не размок.

Почему-то при мысли о Грее Стилсоне вспоминался Фрэнк Додд

Вот уж совсем нелепица. Какое у него может быть отношение к Стилсону, когда он всего один раз видел его по телевизору? Да никакого.

Держись от него подальше.

Ну а что в конце концов? Может, съезжу, а может, нет. Может быть, поеду в субботу в Бостон. Схожу в киношку.

Но к тому времени, как он вернулся домой и переоделся, странное тяжелое чувство страха уже овладело им. Чем-то это чувство напоминало старинного знакомого — из тех, кого в душе ненавидишь. Решено, в субботу он поедет в Бостон. Так будет лучше.

Много месяцев спустя Джонни снова и снова возвращался к этому дню, 19 августа, и не мог в точности вспомнить, как же он все-таки оказался в Тримбулле. Он поехал в сторону Бостона, рассчитывая посмотреть игру «Ред сокс»* в Фенвей-парке, затем, если получится, прокатиться до Кембриджа и пройтись по книжным магазинам. А если хватит денег (из «премиальных» Чат-сворта четырехста долларов он послал отцу, который, в свою очередь, перешлет их в «Ист-Мэн медикэл центр» — по сравнению с тем, сколько останется выплачивать, это, конечно, капля в море), то еще сходить в кино на музыкальный фильм под названием «На всю катушку». Неплохая программа и подходящий денек для ее осуществления: теплый, безоблачный, мягкий — один из лучших летних дней, какие бывают в Новой Англии.

Он наведался в кухню большого дома, приготовил три больших бутерброда с ветчиной и сыром, сложил их в старомодную плетеную корзинку, найденную в кладовке, и после некоторых колебаний добавил к ним шесть банок пива «туборг». В ту минуту он чувствовал себя отлично, просто превосходно. Ни тени мысли о Грее Стилсоне и его доморощенной охране из железных всадников.

Он поставил корзинку под сиденье и взял курс на юго-восток, к автострате 1-95. До этой минуты все было ясно. И вдруг что-то странное полезло в голову. Сначала вспомнилась мать на смертном одре. Ее лицо с застывшим оскалом, скрюченная рука на покрывале, голос, звучащий приглушенно, как будто у нее полон рот ваты.

А что я тебе говорила? Разве я тебе этого не говорила?

* Бейсбольная команда.

Джонни включил погромче радио. Стереодинамики выдавали добротный рок-н-ролл. Он проспал четыре с половиной года, но рок-н-ролл, слава Богу, живет и здравствует. Джонни начал подпевать.

Он уготовил себе миссию. Не беги от нее, Джонни.

Радиоприемник не мог заглушить голоса матери. Даже из могилы.

Не прячься и не заставляй Его посылать большую рыбу, чтобы она проглотила тебя.

Но гигантская рыба его проглотила-таки. И называлась эта рыба не Левиафан, а кома. Он провел четыре с половиной года в ее черном брюхе, и этого было предостаточно.

Показался дорожный знак со стрелкой — и вот он уже позади. Джонни был так погружен в свои мысли, что проскочил поворот. Эти призраки прошлого — они не хотят отступать, не хотят оставить его в покое. Ладно, придется доехать до следующего поворота и сделать крюк.

Ты не гончар, а гончарная глина, Джонни.

— Ну все, хватит, — пробормотал он. Пора выбросить из головы эту ахинею. Вера Смит, конечно, была фанатичкой — пусть он отзывался о собственной матери нелестно, зато справедливо. Рай в созвездии Ориона, ангелы в летающих тарелках, подземные царства... Ее сумасшествие мало чем отличалось от сумасшествия Грега Стилсона.

Послушай, не связывайся ты, Христа ради, с этим типом.

«И когда вы пошлете Грега Стилсона в палату представителей, вы сможете сказать: ГОРЯЧИЕ СОСИСКИ! НАКОНЕЦ КТО-ТО ПОЗАБОТИЛСЯ ОБ ЭТОМ!»

Он подъезжал к 63-й автостраде. Левый поворот: Конкорд, Берлин, Ридерс Милл, Тримбулл. Джонни повернул, даже не успев сообразить, что делает. Он думал о другом.

Роджер Чатсворт, меньше всего похожий на наивного младенца, потешался над Грегом Стилсоном так, словно тот в этом году заткнул за пояс Джорджа Карлина и Чевы Чейса*, вместе взятых. Он клоун, Джонни.

Если Стилсон клоун, и ничего больше, какие тогда могут быть страхи? Милый чудак. Бюллетень, на котором избиратели напишут, обращаясь к другим кандидатам: *Ребята, вы такие ничтожества, что мы решили избрать на два года этого дурачка.* Может, так оно и есть. Безобидный юродивый, только и всего. И ни к чему эти сравнения с Фрэнком Доддом, расчетливым маньяком-убийцей. А вместе с тем... он почему-то... сравнивал.

Шоссе перед ним раздваивалось. Налево — Берлин и Ридерс Милл, направо — Тримбулл и Конкорд. Джонни повернул направо.

Тебя ведь не убудет оттого что ты пожмешь ему руку?

* Популярные комедийные актеры.

Пожалуй, нет. Еще один политик в его коллекции. Кто собирает марки, кто монеты, а он, Джонни Смит, коллекционирует рукопожатия, и кроме того—

...и, кроме того, сознайся: ты давно искал в колоде темную карту.

Эта мысль так потрясла его, что он чуть было не притормозил у обочины. Он поймал свое отражение в зеркальце и не увидел того умиротворенного, всем и всеми довольного лица, которое представилось ему нынче утром. Такое лицо у него было во время пресс-конференции, а также когда он ползал в снегу на четвереньках посреди касл-рокского городского парка. Кожа побелела, под глазами залегли темные круги, морщины прочертились особенно резко.

Нет. Это неправда.

Увы, правда. Теперь, когда сокровенное вышло наружу, не зачем играть с самим собой в прятки. За первые двадцать три года своей жизни он пожал руку одному единственному политику; это случилось в 1966 году, когда Эд Маски выступал у них в школе. За последние же семь месяцев он пожал руку доброй дюжине великих мира сего. Разве у него при этом всякий раз не мелькало в голове: *что он за человек? Что-то он мне сейчас поведает?*

Разве не искал он все время политический аналог Фрэнка Додда?

Да. Именно так.

Но все дело в том, что ни от кого, за исключением Картера, не было настоящей отдачи, да и то, что он узнал о Картере, не особенно его встревожило. Рукопожатие Картера не породило в нем того гнетущего чувства, какое он испытал, увидев Грегга Стилсона на экране телевизора. Ему показалось, что игру в смеющегося тигра — под шкурой зверя человек — Стилсон вывернул наизнанку.

Здесь под шкурой человека скрывался зверь.

Как он ехал дальше, Джонни не помнил; во всяком случае, завтракал он не на открытом стадионе в Фенвее, а в тримбулльском парке. Он приехал туда вскоре после полудня и прочел на доске объявлений, что встреча с кандидатом начнется в три часа.

Он отправился в парк, надеясь побыть в одиночестве, но там уже кто-то расстилал на траве одеяла, другие перебрасывались летающей тарелкой, третьи раскладывали провизию.

В отдалении несколько человек сооружали помост. Двое обтягивали невысокие перила звездно-полосатой материей. Еще один, стоя на стремянке, цеплял за круглый козырек разноцветные бумажные ленты. Остальные устанавливали звуковую аппаратуру, и, как Джонни догадался во время выпуска новостей Си-би-эс, это была не какая-нибудь дешевка за четыреста долларов. Динамики были фирмы «Алтек-Лансинг» и расставлялись с таким расчетом, чтобы звук шел со всех сторон.

Техническая служба (хотя эти парни скорее походили на бродяг, подготавливающих площадку перед концертом группы «Иглз» или «Гейлз») действовала умело и деловито. Все было отработано до автоматизма, и это как-то не вязалось со Стилсоном, изображавшим из себя симпатягу дикаря с Борнео.

— Проверка, — сказал в микрофоны человек на подмостках. — Раз-два-три... Раз-два-три... — Один динамик громко зафонил, и проверявший сделал знак, чтобы динамики отнесли подальше.

Толпа состояла в основном из молодежи от пятнадцати до тридцати пяти. Никто не скучал. Малыши ковыляли, сжимая в ручонках шоколадных принцесс и собачек. Женщины болтали и заливались смехом. Мужчины пили пиво из пластиковых стаканов. Несколько собак путалось под ногами, хватая все, что плохо лежит. Солнце благосклонно дарило всех своими лучами.

Так не готовятся к встрече с кандидатом, подумал Джонни. Скорее так ведут себя перед дружеской пирушкой... или вечеринкой, где можно себе позволить всякие вольности.

— Проверка... раз-два-три... раз-два-три...

Тут Джонни увидел, что они привязывают огромные динамики к деревьям. Не прибавают, а привязывают. Стилсон — яркий защитник окружающей среды, и кто-то предупредил техническую службу, чтобы, не дай Бог, не повредить ни одно деревце. Он понял: все продумано до мелочей. Здесь ничего не пускают на самотек.

Два желтых школьных автобуса обогнули слева небольшую и уже забитую до отказа стоянку. Двери открылись, и из автобуса, оживленно беседуя друг с другом, начали выходить нарядно одетые мужчины и женщины. Они резко отличались от остальной публики — мужчины были кто в костюмах, кто в спортивного покрова пиджаках, женщины в шуршащих юбках и блузках либо в элегантных платьях. Они озирались восторженно и изумленно, как дети, и Джонни не сумел сдержать улыбку. Приехал Нго со своим классом.

Джонни направился к автобусу. Нго стоял рядом с высоким мужчиной в диагональном костюме и двумя китайками.

— Привет, Нго, — сказал Джонни.

— Джонни! — просиял Нго. — Вот так встреча! Сегодня великий день в Нью-Гэмпшире, правда?

— Должно быть, так, — ответил Джонни.

Нго представил своих спутников. Мужчина в диагональном костюме оказался поляком, женщины — сестрами с Тайваня. Одна из них сообщила Джонни, что мечтает пожать руку кандидату после встречи, и, конфузясь, достала блокнот для автографов, лежавший у нее в сумочке.

— Я так счастлива, что я в Америке, — сказала она. — Но как-то здесь странно, правда, мистер Смит?

Джонни тоже многое находил странным, поэтому он не мог не согласиться.

Два преподавателя, приехавших с классом, начали собирать группу.

— Мы еще увидимся, Джонни, — сказал Нго. — Мне нельзя сейчас заторчать здесь.

— Торчать, — поправил Джонни.

— А, спасибо.

— Надеюсь, Нго, вы получите удовольствие.

— Обязательно получу. — В глазах Нго вспыхнул какой-то огонек. — Я уверен, это будет здорово весело.

Группа, человек сорок, ушла в южную часть парка, чтобы перекусить на траве. Джонни вернулся на свое место и через силу съел бутерброд. Он отдавал одновременно бумагой и канцелярским клеем.

Джонни чувствовал, как напряжение во всем теле нарастает.

К половине третьего парк был набит битком; люди стояли плотно, почти плечом к плечу. Городская полиция, усиленная рядом полиции штата, перекрыла улицы, ведущие к парку. Это все больше напоминало атмосферу концерта рок-музыки. Из динамиков доносились мелодии в стиле кантри, быстрые и живые. Пухлые белые облака скользили в невинно-голубом небе.

Вдруг люди начали привставать на цыпочки и вытягивать шеи. По толпе словно прошла рябь. Джонни тоже привстал: неужели Стилсон приехал раньше срока? Он услышал ровное гуденье мотоциклов, звук разрастался по мере их приближения. Джонни ослепили солнечные блики, отбрасываемые хромированными поверхностями, и вот уже около десятка мотоциклов показалось из-за поворота, где стояли школьные автобусы. Машины среди них не было. Джонни догадался, что это отряд передовой охраны.

Ощущение беспокойства усилилось. Сами мотоциклисты в застиранных, выцветших джинсах и белых рубашках выглядели достаточно скромно, но вот их мотоциклы, в основном «харлен» и БСА, были переделаны до неузнаваемости: изогнутые рули, ребристые хромированные накладки, необычные обтекатели.

Мотоциклисты заглушили моторы, слезли с сидел и гуськом двинулись к помосту. Один из них обернулся и не спеша обвел взглядом огромное скопление народа; даже с такого расстояния Джонни рассмотрел, что глаза у него блестящие, зеленые, цвета бутылочного стекла. Казалось, он подсчитывает число собравшихся. Он глянул влево, где стояли четверо или пятеро полицейских, прислонившись к цепи, служившей ограждением перед местным стадиончиком, и помахал им рукой. Один из полицейских отвернулся и сплюнул. Это было похоже на какой-то ритуал, и Джонни почувствовал новый прилив беспокойства. Зеленоглазый пошел вразвалочку к помосту.

Помимо беспокойства, заглушавшего в нем все прочие чувства, Джонни начал испытывать еще и ужас, смешанный с нездоровым возбуждением. Он словно в забытии перенесся в мир тех сюрреалистических полотен, где паровозы выезжают из каминов, а циферблаты часов свисают, как тряпки, с веток деревьев. Мотоциклисты смахивали на массу из американского боевика, которая дружно бросила клич: «Ради Джина долой волос длинный»*. Из-под чистеньких вытертых джинсов выглядывали тупоносые грубые ботинки с хромированными цепочками. Металл зловеще поблескивал на солнце. Лица выражали примерно одно и то же: показное добродушие. Но не скрывалось ли за ним презрение к молоденьким ткачихам, к слушателям подготовительных курсов Нью-Гэмпширского университета в Дареме, к фабричным рабочим, встретившим их аплодисментами. У каждого было по два политических значка. На одном — желтая каска строителя-монтажника с зеленой экологической эмблемой спереди. На другом — надпись: **СТИЛСОН ПОЙМАЛ ИХ В ДВОЙНОЙ НЕЛСОН****.

Из правого заднего кармана у каждого торчал обрубок бильярдного кия.

Джонни повернулся к молодому человеку, стоявшему рядом вместе с женой и ребенком.

— Что, эти штуки разрешены? — спросил он.

— Всем до лампочки, — засмеялся тот. — Все равно они скорее для красоты. — И, не переставая аплодировать, выкрикнул: — Ну-ка, Грег, покажи им!

Почетная охрана из мотоциклистов образовала цепь вокруг подмостков и стала, как по команде «вольно».

Аплодисменты пошли на убыль, зато разговоры оживились. Толпа получила остренькую закуску перед главным блюдом, и у нее разыгрался аппетит.

Чернорубашечники, подумал Джонни, садясь. *Чернорубашечники, вот кто они такие.*

Ну и что? Может, оно и к лучшему. Американцы всегда недолюбливали фашистов — даже такие твердолобые правые, как Рональд Рейган, и те относились к ним с прохладцей; эта традиция установилась помимо жарких призывов «новых левых» или песен Джоан Баэз. Восемь лет назад фашистская тактика чикагской полиции перечеркнула все надежды Хьюберта Хамфри. В конце концов, думал Джонни, не столь уж важно, как выглядят эти молодцы, достаточно того, что они на службе у человека, баллотирующегося в палату представителей; значит, Стилсон вот-вот свернет себе шею. Да, забавно, не будь это так дико.

А в общем, зря он сюда приехал.

* Лозунг хиппи во время президентской кампании 1968 года, когда одним из кандидатов от демократической партии был Юджин Маккарти.

** Нелсон (нельсон) — захват в спортивной борьбе.

Незадолго до трех воздух разорвало буханье большого барабана, которое ноги ощутили раньше, чем уши. Постепенно присоединились и другие инструменты, и вот уже духовой оркестр грянул марш Сузы*. Почему бы в хороший летний день заштатному городку не пустить пыль в глаза по случаю предстоящих выборов?

Люди стали опять приподниматься на цыпочках и вытягивать шею в ту сторону, откуда доносилась музыка. Вскоре показался оркестр — впереди девочка-тамбурмажор в короткой юбке, высоко вскидывающая ножки в белых шевровых башмаках с помпонами, за ней две мажоретки, за ними два прыщавых подростка несли с мрачным видом полотнище, которое возвещало, что это **ОРКЕСТР ТРИБУЛЛСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**, а то, не дай Бог, кто-нибудь не знает. Далее шествовали сами оркестранты, обливающиеся потом в своих ослепительно-белоснежных мундирчиках с медными пуговицами.

Толпа расступилась, давая им дорогу, и провожала аплодисментами. За оркестром ехал белый «форд»-фургон, на крыше которого стоял, широко расставив ноги, кандидат собственной персоной — загорелый, улыбающийся во весь рот, в сдвинутой на затылок каске. Он поднес ко рту мощный рупор и проорал, не щадя своей луженой глотки: **САЛЮТ, РЕБЯТА!**

— Салют, Грег! — моментально отозвалась толпа.

Грег, подумал Джонни, начиная паниковать. Мы с ним запросто.

Стилсон соскочил на землю с видимой легкостью. Одет он был так же, как тогда в теленовостях: джинсы и рубашка цвета хаки. По пути к помосту он уже обрабатывал толпу — улыбался, кивал, пожимал руки, не забывая и тех, кто тянулся к нему через головы стоявших в первых рядах. Толпу бросало, единым порывом заносило в его сторону, и Джонни почувствовал, что его тоже заносит.

Я не прикаснусь к нему. Ни за что.

Но вдруг толпа перед ним слегка раздалась, и, невольно шагнув в образовавшийся просвет, он очутился в переднем ряду возле мальчика из трибуллского оркестра; при желании он мог протянуть руку и постучать костяшками пальцев по раструбу трубы.

Стилсон быстро проскочил сквозь ряды оркестрантов, чтобы пожать руки людям с противоположной стороны, и теперь Джонни видел только его мелькающую желтую каску. Он почувствовал облегчение. Вот и хорошо. От греха подальше. Подобно фарисею из известной притчи, он обойдет стороной. И прекрасно. И замечательно. А когда Стилсон поднимется на помост, Джонни соберет свои пожитки и потихоньку ускользнет. Посмотрел — и будет.

Мотоциклисты просочились сквозь толпу и стали по обе стороны перехода, не давая толпе поглотить кандидата. Палки по-прежнему были в задних карманах, однако лица их владельцев

* Джон Филип Суза (1854—1932) — американский композитор, прозванный «королем маршей».

стали жесткими, настороженными. Джонни не знал, почему они так насторожились, глядишь, кто-нибудь швырнет в лицо кандидату глазированное пирожное — но во всяком случае, впервые их лица выразили живой интерес.

И тут что-то в самом деле произошло — Джонни так и не понял до конца, что именно. Женская рука потянулась к мелькающей в толпе желтой каске — по-видимому, просто чтобы коснуться ее «на счастье», — и в ту же секунду один из стилсоновских парней рванулся туда. Послышался вскрик, и женская рука исчезла. Все это случилось в отдалении, разглядеть было трудно из-за оркестра.

Шум стоял неслыханный, и Джонни вновь вспомнил концерты рок-музыки, на которых ему доводилось бывать. То же самое творилось бы с толпой, если бы Пол Маккартни или Элвис Пресли начали пожимать всем руки.

Они выкрикивали, они скандировали его имя: ГРЕГ... ГРЕГ... ГРЕГ...

Молодой человек, стоявший еще недавно со своей семьей бок о бок с Джонни, посадил сынишку к себе на плечи, чтобы тому было лучше видно. Юноша с обожженной щекой размахивал плакатом с надписью: **МОЖНО И КОНЦЫ ОТДАТЬ, ЛИШЬ БЫ ГРЕГА УВИДАТЬ!** Сказочно красивая девица лет восемнадцати потрясала ломтем арбуза, и розовый сок стекал по ее загорелой руке. Это был массовый психоз. По толпе будто пропустили ток высокого напряжения.

Грег Стилсон снова продрался сквозь оркестр — туда, где стоял Джонни. Он двигался не останавливаясь, но все же успел на ходу похлопать по спине мальчика с трубой.

Позднее Джонни снова и снова прокручивал этот эпизод в голове и пытался уверить себя, что у него не было ни времени, ни возможности нырнуть обратно в толпу, что толпа практически бросила его в объятия Стилсона. Он пытался уверить себя, что Стилсон чуть не насильно схватил его за руку. Все ложь. У него было время, потому что толстуха в идиотских желтых брючках-дудочках кинулась Стилсону на шею и крепко поцеловала, а тот тоже чмокнул ее и засмеялся: «Ну уж тебя-то, малышка, я надолго запомню». Толстуха визжала от восторга.

Знакомый холодок, предвестник транса, пробежал у Джонни по всему телу. И одно желание: *узнать*, все остальное неважно. Он улыбнулся, но это была не его улыбка. Он протянул руку, Стилсон схватил ее обеими руками и начал трясти.

— Надеюсь, дружище, вы поддержите нас на...

Вдруг Стилсон осекся. Точно так же, как Эйлин Мэгоун. Как доктор Джеймс Браун. Как Роджер Дюссо. Зрачки у него расширились, и в них появился — страх? Нет. В зрачках Стилсона был *ужас*.

Это тянулось бесконечно. Реальное время уступило место другому, застывшему, как камень, а они все смотрели и смотрели

друг другу в глаза. Джонни как бы опять шел по коридору с хромированными стенами, только на этот раз с ним был Стилсон, и все у них было... было...

(...общим).

Впервые в жизни такая острота. Навалилось разом, налетело с воем, как громадный черный товарняк, несущийся по узкому тоннелю, — мчащаяся с бешеной скоростью машина с пылающим фонарем, и тот фонарь был *всепониманием*, и Джонни пронзило его светом, как жука булавкой. Бежать было некуда, его прижало к земле этим абсолютным знанием истины и расплющило в тонкий лист бумаги, а над головой все грохотал ночной поезд.

Ему хотелось закричать, но не было ни сил, ни голоса.

Отныне Джонни будет преследовать образ...

(...тут стала *наползать голубоватая дымка*).

Грега Стилсона, принимающего присягу. Приводит его к присяге старый человек с испуганными, затравленными глазами... полевой мыши, попавшей в когти опытного, изуродованного в сражениях...

(...тигр...)

...деревенского кота. Одна рука Стилсона лежит на Библии, другая поднята вверх. Это происходит много лет спустя, потому что волос у Стилсона существенно поубавилось. Старик что-то говорит, Стилсон за ним повторяет. Он обещает...

(...голубая дымка *сгущается, заволакивая все вокруг, скрадывает детали одну за другой, благословенная голубая дымка, и лицо Стилсона уходит за голубое... и желтое... желтое, как тигриные полосы...*)

...все осуществить, и «да поможет ему Бог». Лицо его торжественно-спокойно, даже сумрачно, но горячая волна радости распирает его изнутри, стучится в виски. Еще бы, ведь человек с испуганными глазами полевой мыши не кто иной, как председатель Верховного суда Соединенных Штатов Америки, и...

(...о Боже, дымка, дымка, голубая дымка, желтые полосы...)

...вот уже все постепенно исчезает в голубой дымке — только это никакая не дымка, а что-то осязаемое. Это...

(...сокрыто в будущем, в мертвой зоне...!)

...нечто из будущего. Его? Стилсона? Он не знал.

Было ощущение полета — сквозь голубизну — над совершенно опустошенной землей, неясно различимой. И в этот пейзаж врывался бесплотный голос Грега Стилсона — голос не то унесенного Создателя, не то ожившего покойника из комической оперы: «Я ИХ ВСЕХ ПРОТАРАНИЮ В ЭТОЙ КАСКЕ! Я ПОЙДУ НА НИХ ВОТ ТАК!»

— Тигр, — глухо пробормотал Джонни. — Тигр там, за голубым. За желтым.

Затем картины, образы, слова поглотил нарастающий, убаюкивающий рокот забытья. Джонни почудилось, что он вдыхает слад-

коватый едкий запах, как от горящих автомобильных покрышек. На какой-то миг внутреннее око, казалось, еще больше открылось; голубое и желтое, все собой заслонившее, начало точно бы застывать... и откуда-то изнутри донесся женский крик, далекий и иступленный: «Отдай мне его, негодяй!»

Сколько же мы так стояли, спрашивал себя впоследствии Джонни. Кажется, секунд пять. Потом Стилсон начал высвобождать руку, вырывать ее, таращась на Джонни, при этом челюсть у него отвисла и лицо побледнело, несмотря на сильный загар, приобретенный за время летней кампании. Джонни видел во рту у кандидата пломбы в коренных дубах.

Взгляд Стилсона выражал нескрываемый ужас.

Ну! хотелось выкрикнуть Джонни. Ну же! Развались на куски! Сгинь! Рухни! Взорвись! Рассыпья! Сделай миру такое одолжение!

Двое молодчиков Стилсона, выхватив из карманов обрубки бильярдных киев, рванулись к ним, и Джонни оцепенел: сейчас они ударят его, ударят по голове своими шутовскими, и все поверят, что его голова — это всего лишь восьмой шар, который они с треском вгонят в боковую лузу, вгонят обратно во мрак комы, и на этот раз он уже из нее не выберется, и, значит, никогда не расскажет о том, что увидел, и не сумеет ничего изменить.

Полное ощущение краха — Господи, это же был *конец всего!*

Он попытался шагнуть назад. Люди расступались, снова напирали, кричали от испуга или от возбуждения? К Стилсону понемногу возвращалась уверенность, он осаживал телохранителей, умерял знаками их пыл.

Джонни не видел, что произошло дальше. Он зашатался, голова его бессильно упала, а веки начали смыкаться, как после недельного запоя. Затем убаюкивающий, нарастающий рокот забытья стал накрывать его, и Джонни с готовностью отдался этому забытью. Он потерял сознание.

— Нет, — сказал шеф тримбулльской полиции Бейсс, — вы ни в чем не обвиняетесь. Вы не под арестом. И не обязаны отвечать на вопросы. Но мы были бы очень признательны, если бы вы ответили.

— *Очень признательны,* — эхом отозвался мужчина в строгом костюме. Его звали Эдгар Ланкте. Он служил в Бостонском отделении Федерального бюро расследований. Джонни Смит производил на него впечатление тяжелобольного. Над левой бровью у Джонни была припухлость, которая краснела на глазах. Падая, Джонни сильно ударился то ли о туфлю кого-то из оркестрантов, то ли о тупоносный ботинок мотоциклиста. Мысленно Ланкте склонялся ко второму. Не исключал он также и того, что в момент удара ботинок, был на встречном движении.

Смит сидел белый как мел, он принял от Бейсса бумажный стаканчик с водой и трясущимися руками поднес его ко рту. Одно

веко подергивалось. Ни дать ни взять законченный убийца, хотя самым смертоносным оружием у него в машине были кусачки. И все же Ланкте отметил про себя — профессия есть профессия.

— Что я могу вам сказать? — спросил Джонни. Он очнулся на койке в незапертой камере. Голова раскалывалась. Сейчас боль начинала отпускать, оставляя ощущение странной пустоты. Будто из головы все вынули, а пустоту заполнили ватой. В ушах звучала какая-то высокая нота — не звон, скорее монотонное жужжание. Девять часов вечера. Стилсон со своей свитой давно покинул город. Все сосиски съедены.

— Можете рассказать, что там у вас произошло, — сказал Бейсс.

— Это связано с какой-нибудь болезнью? — как бы между прочим спросил Ланкте.

Джонни посмотрел ему прямо в глаза.

— Только не надо играть со мной в прятки, мистер Ланкте. Если вы знаете, кто я, так и скажите.

— Знаю, — произнес Ланкте, — говорят, вы экстрасенс.

— Тут и не экстрасенс догадался бы, что агент ФБР играет в прятки, — сказал Джонни.

— Вы житель штата Мэн, Джонни. Там вы родились и выросли. Что житель Мэна делает в Нью-Гемпшире?

— Преподает.

— Сыну Чатсворта?

— Повторяю: если знаете — зачем спрашиваете? Или вы подозреваете меня в чем-то?

— Богатая семья. — Ланкте закурил.

— Да, богатая.

— Вы что же, Джонни, поклонник Стилсона? — спросил Бейсс.

— А вы? — спросил он.

Бейсс издал губами непристойный звук.

— Лет пять назад у нас в Тримбулле устроили на целый день концерт фолк-рок-музыки. Место предоставил Хейк Джеймисон. Отцы города поначалу колебались, ну все же пошли на это: должны ведь быть у молодежи какие-то развлечения. Мы думали, на выгоне у Хейка соберется сотни две ребят. А пришли тысяча шестьсот человек, и все курили «травку», пили прямо из горлышка и вытворяли Бог знает что. Отцы города не на шутку разозлились и заявили, что впредь они подобного не допустят. Тут наши детишки надули губки и спрашивают: «А что мы плохого сделали? Разве кого-нибудь избили?» Другими словами — валяйте, делайте что угодно, лишь бы без драки. Стилсон, по-моему, из этой же компании. Помнитесь, он еще...

— Джонни, у вас нет зуба на Стилсона? — перебил его Ланкте. — Между вами ничего не произошло? — он отечески улыбнулся, как бы приглашая облегчить душу чистосердечным признанием.

— Полтора месяца назад я знать не знал, кто он такой.

— Ясно, но это не ответ на мой вопрос.

Джонни помолчал.

— Стилсон вызывает у меня тревогу, — произнес он наконец.

— Это тоже не ответ.

— Я так не считаю.

— А мы надеялись, что вы захотите нам помочь, — огорчился Ланкте.

Джонни перевел взгляд на Бейсса.

— Скажите, мистер Бейсс, у вас все, кто падает в обморок на встрече с кандидатом, проходят через руки ФБР?

Бейсс замаялся:

— Ну... почему. Нет, конечно.

— Перед тем как отключиться, вы пожимали руку Стилсону, — сказал Ланкте. — Вид у вас при этом был болезненный. И Стилсон побелел как полотно. Вы очень везучий молодой человек, Джонни. Его друзья-приятели могли сделать из вашего черепа избирательную урну. Они уже решили, что вы против него что-то задумали.

Джонни смотрел на Ланкте с возрастающим изумлением. Он поглядел на Бейсса, затем снова на агента ФБР.

— *Вы там были*, — сказал он. — Бейсс не вызывал вас по телефону. Вы там были. На встрече.

Ланкте потушил сигарету.

— Да. Был.

— Но почему ФБР интересуется Стилсоном? — вырвалось у Джонни.

— Давайте поговорим о вас, Джонни. Каково ваше...

— Нет уж, давайте поговорим о Стилсоне. Поговорим о его друзьях-приятелях, как вы их называете. Что, закон разрешает им разгуливать с обрубками бильярдных киев?

— Да, — сказал Бейсс. Ланкте предостерегающе посмотрел на него, но Бейсс либо не заметил его взгляда, либо сделал вид — Кии, бейсбольные биты, клюшки для гольфа, все это разрешено законом.

— Я слышал, эти друзья-приятели раньше были железными всадниками. Членами моторизованных банд.

— Они действительно входили в клубы, кто в нью-джерсийский, кто в нью-йоркский, тут вы...

— Послушайте, Бейсс — перебил его Ланкте, — сейчас не время...

— Не вижу ничего страшного в том, что он узнает правду, — сказал Бейсс. — Да, это отребье, гниль, мусор. Кое-кто из них ошивался лет пять назад в Хэмптоне, когда там творились всякие безобразия. Некоторые из них были связаны с мотоклубом «Чертова дюжина», прикрытым в семьдесят втором году. Правая рука Стилсона, некий Санни Эллиман, в свое время был президентом «Чертовой дюжины». Его пять раз арестовывали, но так ни разу и не осудили.

— Тут вы ошибаетесь, шеф, — заметил Ланкте, закуривая новую сигарету. — В семьдесят третьем году в штате Вашингтон его вызвали в суд за нарушение правил уличного движения — левый поворот в неподобающем месте. Он не стал обжаловать приговор и уплатил двадцать пять долларов штрафа.

Джонни встал и медленно пересек комнату, чтобы налить себе еще воды. Ланкте не отрывал от него глаз.

— Так, значит, вы просто потеряли сознание, — сказал Ланкте.

— Нет, — сказал Джонни, не оборачиваясь. — Я собирался прикончить его из базуки. Но в решающий момент в цепи произошло замыкание.

Ланкте вздохнул.

— Вы можете уйти в любую минуту, — сказал Бейсс.

— Благодарю.

— Но мой вам совет — и мистер Ланкте скажет вам то же самое, держитесь-ка вы подальше от Стилсона и его сборищ. Если, конечно, хотите остаться целым и невредимым. С теми, кто не нравится Грегу Стилсону, вечно что-то случается...

— Вот как? — сказал Джонни и отпил воды.

— Вы превышаете свои полномочия, Бейсс, — сказал Ланкте, буравя Бейсса глазами.

— Ладно, молчу, — примирительно отозвался тот.

— На таких встречах действительно бывали несчастные случаи, — сказал Ланкте. — В Риджуэе избили молоденькую беременную женщину, да так, что у нее случился выкидыш. Это произошло сразу после выступления Стилсона, отснятого Си-би-эс. Женщина не запомнила лица нападавшего, но у нас есть основания полагать, что это был кто-то из стилсоновских мотоциклистов. Месяц назад проломили голову четырнадцатилетнему парнишке. У него был пластмассовый водяной пистолетик. Парнишка тоже не мог опознать нападавшего. Водяной пистолет наводит на мысль, что это просто охрана перестаралась.

Какой, однако, невинный оборот речи, подумал Джонни.

— И вы не нашли ни одного свидетеля?

— Ни одного, кто бы пожелал говорить. — Ланкте мрачно улыбнулся и стряхнул пепел. — Ведь он любимец публики.

Джонни подумал о молодом человеке, который посадил к себе на плечи сына, чтобы тому было лучше видно Грегга Стилсона. *Всем до лампочки. Все равно они скорее видны красоты.*

— Поэтому он завел себе любимца в ФБР.

— Ну что вам ответить? — Ланкте пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся. — В общем, не думайте, Джонни, что я на этом что-то имею. Иногда мне становится не по себе. Этот парень прямо-таки излучает магнетические волны. Ткни он в меня пальцем с трибуны и скажи, кто я такой, меня бы вздернули на ближайшем фонаре.

Джонни вспомнил сегодняшнюю толпу и юную красавицу, неистово размахивающую ломтем арбуза.

— Не исключено, — сказал он.

— Поэтому, если вам что-нибудь известно... — Ланкте подался вперед. В его обезоруживающей улыбке появилось что-то хищное. — А может, вы его насквозь просветили, а? Может, этого и брякнулись?

— Может быть, — сказал Джонни с каменным лицом.

— Ну и?..

У Джонни мелькнула безумная мысль выложить все как есть. Но он тут же раздумал.

— Я видел его по телевизору. День у меня сегодня относительно свободный, вот и решил: дай, думаю, прокачусь, посмотрю на него. Полагаю, я не единственный приезжий сегодня.

— Уж это точно, — воскликнул Бейсс.

— И все? — спросил Ланкте.

— Все, сказал Джонни и, поколебавшись, добавил: — Ну, разве что... я думаю, он победит на выборах.

— Никто и не сомневается, — сказал Ланкте. — Если только мы не разбудим чего-нибудь компрометирующего. А пока я полностью согласен с Бейссом. Держитесь от Стилсона подальше.

— За меня не беспокойтесь. — Джонни скомкал бумажный стаканчик и выбросил его. — Приятно с вами беседовать, джентльмены, но мне еще ехать в Дарем.

— Вы не собираетесь возвращаться в Мэн, Джонни? — как бы мимоходом спросил Ланкте.

— Не знаю. — Он переводил взгляд с поджарого, лощенного Ланкте, выбивавшего новую сигарету о циферблат часов, на Бейсса, крупного, усталого человека с лицом таксы. — Как, по-вашему, он попытается пойти дальше? Если попадет в палату представителей?

— Одному Богу известно, — изрек Бейсс, возводя очи горе.

— Такие приходят и уходят, — сказал Ланкте. Глаза его, темно-карие до черноты, безотрывно изучали Джонни. — Они как какой-нибудь редкий радиоактивный элемент, который моментально распадается. У людей вроде Стилсона нет твердой политической платформы, их временные коалиции быстро разваливаются. Видели сегодня толпу? Студенты и ткачихи превозносят до небес одного и того же человека! Это не политика, это мода, что-то вроде повального увлечения хулахупами, или енотовыми шапками, или париками а-ля битлз. Он получит место в палате представителей и будет снимать пенки до семьдесят восьмого года. На этом все кончится, помяните мое слово.

Но Джонни сомневался.

На следующий день лоб у Джонни расцветился слева всеми цветами радуги. Темно-пурпурный — почти черный — над бровью переходил в красный, а на виске — отвратительное ярко-желтое

пятно. Веко припухло, придав физиономии зверское выражение, точно у какого-нибудь подмигивающего фигляра в пошлом ревю.

Он двадцать раз с головой окунулся в бассейн и, тяжело дыша, откинулся в шезлонге. Чувствовал он себя хуже некуда. Минувшей ночью он спал меньше четырех часов, да и эти четыре часа его одолевали кошмары.

— Привет, Джонни... Как поживаете?

Он обернулся. Это был Нго в рабочем комбинезоне и рукавицах, на лице вежливая улыбка. За его спиной стояла красная тележка с саженцами карликовых сосен, их корни были укутаны мешковиной. Вспомнив, как Нго называл сосенки, он сказал:

— Опять, я вижу, сорняки сажаете.

— Да приходится. — Но сморщил нос. — Мистер Чатсворт их любит. Я ему говорю: это один смех, а не деревья. Таких деревьев в Новой Англии видимо-невидимо. Тогда он делает так... — Тут лицо Нго сморщилось, и он стал похож на карикатурного монстрика из какой-нибудь передачи на сон грядущий. — И отвечает: «Ваше дело сажать».

Джонни рассмеялся. В этом весь Чатсворт. Он непременно должен настоять на своем.

— Ну как вам понравилась встреча с кандидатом?

— Очень поучительно, — сказал Нго, вежливо улыбаясь. Взгляд его ничего не выражал. Может, он даже и не заметил, как лучезарно светится лоб у Джонни. — Да, очень поучительно, нам всем очень нравится.

— Прекрасно.

— А как вам?

— Не очень, — сказал Джонни и осторожно прикоснулся пальцами к синяку — до сих пор болело.

— Да, плохо, надо было приложить сырое мясо, — сказал Нго со своей неизменной улыбкой.

— И как он вам, Нго? Рут Чен и ее сестре? И всем остальным?

— На обратном пути мы не говорили об этом, так просили преподаватели. Они сказали, чтобы мы обдумали все, что видели. Во вторник мы будем писать в классе, я так думаю. Да, я очень думаю, что мы будем писать классное сочинение.

— И что же вы напишете в своем сочинении?

Нго поднял глаза к голубому летнему небу. Он и небо улыбнулись друг другу. Нго уже начал сесть. Джонни не знал о нем практически ничего; не знал, была ли у него семья — жена, дети; не знал, когда он покинул страну и откуда он — из Сайгона или из сельской местности. Он понятия не имел о политических убеждениях Нго.

— Мы говорили об игре в «Смеющегося тигра», — сказал Нго. — Помните?

— Да, — сказал Джонни.

— Я расскажу вам про настоящего тигра. Когда я был мальчиком, на нашу деревню стал нападать тигр. Это был людоед, он

ел мальчиков, и девочек, и старых женщин, потому что была война и мужчин в деревне не осталось. Я говорю не про последнюю войну, а про вторую мировую. Еми понравилось человеческое мясо, этому тигру. Кто мог убить такого страшного зверя? В деревне самому молодому мужчине было шестьдесят лет, и у него была одна рука. А самому старшему мальчику, мне, только исполнилось семь. И вот однажды этого тигра нашли в яме, туда положили приманку — труп женщины. Ужасно, конечно, когда приманка — человек, созданный Богом по своему подобию, но еще ужаснее ничего не делать, когда этот злой тигр уносит маленьких детей. Так я напишу в своем сочинении. А дальше я напишу, что злой тигр был еще живой, когда мы нашли его в яме. У него в боку торчал кол, но он был еще живой. Мы били его до смерти мотыгами и палками. Все — старики, женщины, дети. Некоторые маленькие были так напуганы, что обмочились. Тигр свалился в яму, и мы били его до смерти мотыгами, потому что мужчины из нашей деревни ушли воевать с японцами. Я подумал, что ваш Стилсон похож на того злого тигра, он тоже любит человеческое мясо. А если он останется жить, его надо бить до смерти.

Он стоял, освещенный ярким летним солнцем, и улыбался Джонни своей вежливой улыбкой.

— Вы, правда, так считаете? — спросил Джонни.

— Конечно, — ответил Нго. Он говорил спокойно, будто речь шла о совершеннейших пустяках. — Я не знаю, что мне скажет преподаватель, когда я отдам ему такое сочинение. — Он пожал плечами. — Может быть, он скажет: «Нго, вы еще не готовы к Американскому Пути». Но я напишу все, что думаю. А что вы думаете, Джонни? — Он посмотрел на его синяк и отвел взгляд.

— Я думаю, это опасный человек, — сказал Джонни. — Я... я знаю, что он опасен.

— Знаете? — переспросил Нго. — Да, вы, наверное, знаете. А вашим соотечественникам в Нью-Гэмпшире он кажется смешным клоуном. Для них он то же самое, что для многих сегодня этот черный — Иди Амин Дада. Но не для вас.

— Нет, — сказал Джонни. — И все же предлагать его убить...

— Политически, — улыбнулся Нго. — Я предлагаю убить его только политически.

— А если это невозможно?

Нго улыбнулся, вытянул указательный палец и резко согнул его.

— Паф, — тихо сказал он. — Паф, паф, паф.

— Нет, — сказал Джонни и сам удивился тому, как хрипло прозвучал его голос. — Это не выход. Ни при каких обстоятельствах.

— Разве? По-моему, у вас, американцев, это довольно частый выход. — Нго взялся за ручку красной тележки. — Мне пора сажать сорняки. Счастливо оставаться, Джонни.

Джонни провожал глазами этого маленького человека в защитном комбинезоне и мокасинах, тащившего полную тележку крохотных сосенок. Вот он и скрылся за углом дома.

Нет. Убивать — значит сеять зубы дракона. Я верю, что это так. Я свято верю в это.

...Почти все свободное время этой осенью он провел в обществе Грегори Аммаса Стилсона.

Он превратился в стилсономана. В комоде под слоями нижнего белья, носков и футболок были припрятаны три блокнота. Блокноты с пометками, размышлениями и ксерокопиями всевозможных публикаций.

От всего этого ему было не по себе. По ночам он исписывал убористым почерком листки с уже наклеенными газетными вырезками и чувствовал себя не то Артуром Бремером*, не то Сарой Мур, задумавшей убить президента Форда. Если бы Эдгар Ланкте, бесстрашный рыцарь ФБР, застукал его за этим занятием, в квартире наверняка бы завелись «жучки». А из окна можно было бы увидеть мебельный фургон, только начинен он был бы не мебелью, а микрофонами, кинокамерами и еще Бог знает чем.

Он убеждал себя в том, что до Бремера ему далеко и что Стилсон вовсе не стал его навязчивой идеей, но после очередного дня в библиотеке наедине со старыми подшивками и фотокопировальной машиной трудно было в это поверить. Да, трудно в это поверить, когда ты ночь напролет строчишь под лампой, пытаешься найти логическую связь. Почти невозможно в это поверить, когда ты под утро проваливаешься в какую-то черную яму, а тебя оттуда опять вырывает этот кошмар.

Кошмар повторялся почти без изменений: он пожимает руку Стилсону на митинге в Тримбулле. Внезапная темнота. Тоннель. Несущаяся прямо на него, неотвратимая как рок, черная машина с пылающим фонарем. Старый человек с затравленными глазами, произносящий немыслимые в этих обстоятельствах слова присяги. Смятение чувств. И отрывочные видения, целая гирлянда, вроде разноцветных флажков на распродаже подержанных автомобилей. Внутренний голос подсказывал: видения связаны между собой, это своего рода рассказ в картинках о «Титанике», плывущем навстречу неотвратимому, или того хуже, Армагеддону, в который непоколебимо верила его мать.

Но что было в этих видениях? Что именно? Они расплывались, дразнили смутными очертаниями... а все эта странная дымка, да, голубая дымка и еще, иногда, желтые тигровые полосы.

* Маньяк, совершивший покушение на ультраправого губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса.

Но одно видение — им заканчивались цветные ролики его снов — было отчетливым: крики умирающих, запах тлена. И километры, километры выжженной земли, оплавленного стекла, исторженного металла, и по этой земле в гордом одиночестве идет тигр. Тигр смеется и в зубах у него... в зубах у него что-то желтое, истекающее кровью.

Этот сон, казалось, сведет его с ума. Глупейший сон. Все эти зыбкие пророчества не стоили ломаного гроша. Выбрось из головы.

Нет, он не мог выбросить и потому продолжал исследовать феномен Стилсона, стараясь убедить себя в том, что это вполне безобидное хобби, а вовсе не опасное помешательство.

...Грег Стилсон окончил школу — кстати, с самым плохим аттестатом — в июне пятьдесят первого. Несмотря на неважные отметки, с мозгами у него было все в порядке. К тому же бойкий язык, обаятельная внешность. Он ждал своего звездного часа. А пока устроился на лето подручным на бензоколонке. В августе, послушав проповеди под открытым небом в Уайлдвуд Грин, Грег вдруг ударился в религию. Ушел с бензоколонки и, «исполняясь благодати Господней», стал продавцом дождя.

Случайно ли так совпало, но со времен знаменитой пыльной бури старожилы Оклахомы не помнили такого засушливого лета. Посевы, считай, погибли, домашний скот ожидала та же участь в случае, если бы колодцы окончательно высохли. Тут-то Грег и получил приглашение на собрание ассоциации местных ранчеров. О том, что за этим последовало, Джонни узнал из документированных рассказов очевидцев — да уж, то был отнюдь не проходной момент в карьере Стилсона. Каждый очевидец предлагал свою версию — для Джонни это было в порядке вещей. Типичный американский миф. Вне всякого сомнения, *что-то* произошло. И докопаться до истины уже не было никакой возможности.

Лишь об одном, пожалуй, можно сказать с уверенностью. Более удивительного собрания ранчеров не знавала история. Ассоциация пригласила добрых два десятка продавцов дождя с Юга. Половину из них составляли негры. Было также два индейца — несколько сомнительный пауни и чистокровный аппачи. И еще мексиканец, жевавший без конца пейот. Грег был одним из девяти или десяти белых и единственным уроженцем здешних мест.

Ранчеры выслушали одного за другим всех продавцов дождя и лозоискателей. После чего как-то сами собой образовались две группы: тех, кто требовал вперед половину назначенной суммы (безвозвратно), и тех, кто требовал вперед всю сумму (безвозвратно).

Когда подошла очередь Стилсона, он встал и, засунув большие пальцы за пояс джинсов, заявил будто бы следующее: «Вы, вероятно, знаете, что способность вызывать дождь открылась во мне после того, как я обратился к Господу. До этого я, великий греш-

ник, шел кривыми стезями порока. Одну из них, главную, нам указали сегодня: эта стезя вымощена долларовыми бумажками».

Ранчеры оживились. В свои девятнадцать Стилсон уже владел приемами дешевой риторики. Да и могли ли они отказаться от столь заманчивого предложения? Ведь Стилсон, возрожденный к жизни христианина и как никто понимавший, что сребролюбие есть корень зла, готов был *сначала* вызвать дождь, а уж потом получить расчет, причем сумма вознаграждения целиком и полностью оставлялась на их усмотрение.

Словом, он прошел на «ура», и спустя два дня, весь в черном, в шляпе проповедника, он разъезжал в кузове грузовика по городам и весям Оклахомы и, стоя на коленях, взывал к небесам через два громкоговорителя, для которых источником питания служил тракторный движок. Толпа людей выходила посмотреть на него.

Историю венчал умирительный, хотя и ожидаемый финал. Шел второй рабочий день Грега, когда небо стали заволакивать тучи... а наутро хлынул дождь. Дождь лил три дня и две ночи, разгравшаяся стихия унесла несколько человеческих жизней, в Гринвуд Ривер смывало курятники с цыплятами на крыше, колодцы наполнились водой, скот был спасен, а в ассоциации оклахомских ранчеров и скотоводов сошлись на том, что дело так и так кончилось бы дождем. На своем очередном заседании они пустили по кругу шляпу, и юный продавец дождя сорвал солидный куш — семнадцать долларов.

Грега это не смутило. На полученные деньги он дал объявление в столичной газете. В объявлении отмечалось, что однажды нечто подобное произошло с крысоловом из Гамельны. Будучи христианином, говорилось далее в объявлении, Грег Стилсон далек от мысли уводить чужих детей, он также отдает себе отчет в том, что юридически бессилен противостоять такому могущественному объединению, как ассоциации оклахомских ранчеров и скотоводов. Но где же справедливость? На какие средства он должен содержать старую больную мать? Из объявления следовало, что он, можно сказать, лоб себе расшиб, молясь за сборище богатых и неблагодарных снобов из породы тех, кто в тридцатых сгонял с земли людей вроде Джоудов*. Из объявления следовало, что он сэкономил им не один десяток тысяч на домашнем скоте, и вот награда — семнадцать долларов. Его, истинного христианина, такая неблагодарность, конечно же, не задела, но, как знать, не заставит ли это задуматься честных граждан Оклахомы. Все, в ком говорит совесть, могут присылать пожертвования на адрес редакции, абонементный ящик 471.

Сколько же, гадал Джонни, получил Грег Стилсон в ответ на свое объявление? Цифры расходились. Осенью однако, Грег уже разъезжал по городу в новеньком «меркьюри». Была погашена задолженность за маленький дом, перешедший к Мэри Лу от ее ма-

* Семья, чья трудовая жизнь описана в романе Стейнбека «Гроздь гнева».

тери. Сама Мэри Лу, матушка Грега (не то чтобы очень большая и уж никак не старая в свои сорок пять лет) отныне красовалась в енотовой шубке. Похоже, Стилсон открыл тайную пружину важнейшего принципа, благодаря которому вращается Земля: в то время как одни, облагодетельствованные, не спешат воздать тем же, другие готовы прийти на помощь... хотя зачем, казалось бы. Не на этом ли принципе основана уверенность всех политиков, что пушечного мяса всегда будет в избытке?

До ранчеров вдруг дошло, что они дружно сунули руку в осиное гнездо. Стоило им появиться в городе, как их со всех сторон осыпали насмешками. Не было уголка в штате, где бы их не поносили с кафедры. Говядина, спасенная дождями, перестала находить сбыт, разве только за тридцать земель.

В ноябре того же памятного года два молодых человека с железными кастетами на костяшках пальцев и отделанными никелем пистолетами 32-го калибра в карманах постучали к Грегу Стилсону, чтобы, по всей вероятности, передать ему просьбу ассоциации ранчеров и скотоводов — с нажимом, если понадобится — подыскать себе более подходящий климат. Оба молодых человека в результате оказались на больничной койке: один — с сотрясением мозга, другой — с переломом и без четырех зубов. Их нашли за углом стилсоновского дома... без штанов. Железные кастеты обнаружили в том самом месте, которое обыкновенно ассоциируется с сидением на стуле, и для извлечения этих посторонних предметов, во всяком случае, одного из них, пришлось прибегнуть к небольшому хирургическому вмешательству.

Ассоциация запросила пощады. На собрании в начале декабря из общего фонда была выделена призовая сумма в размере семисот долларов и чек соответственно отправлен на имя Грега Стилсона.

Он своего добился.

В 1953-м они с матерью переехали в Небраску. Не иначе дождь упал в цене, да и ставки на подпольной бирже тоже, кажется, начали падать. Короче, они объявились в Омахе, где Грег открыл контору по производству малярных работ, которая прогорела через два года. Куда лучше пошли его дела в качестве коммивояжера библейского общества американского праведного пути. Он изъездил вдоль и поперек кукурузный край, обедал в домах богобоязненных фермеров, вкалывавших от зари до зари, рассказывал им историю своего обращения и продавал Библии, мемориальные дощечки, «инсусиков» из стеклопластика, псалтыри, записи церковной музыки, религиозные трактаты, а также откровенно черносотенную брошюру под названием «Праведный Путь в Америке: коммунистическо-еврейский заговор против наших Соединенных Штатов». В 1957-м отслуживший свой век «меркюри» уступил место новенькому «форду»-фургону.

В 1958-м Мэри Лу умерла от рака, и Грег Стилсон, оставив процветающий библейский бизнес, подался на восток. Перед тем

как очутиться в Олбани, он провел около года в Нью-Йорке. Это время он посвятил актерской профессии, рассчитывая преуспеть на новом поприще, — однако это оказалось одним из немногих предприятий (сюда можно отнести и малярное дело), на котором он не состриг купоны. Хотя вряд ли из-за отсутствия таланта, отметил про себя Джонни с горьким сарказмом.

В Олбани, столице штата Нью-Йорк, Стилсон поступил на работу в административно-хозяйственный совет и прожил там до 1965 года. Успех в роли страхового агента он скорее мог записать в свой пассив. Никто не предлагал ему высокой должности в совете, никто не испытывал позывов к христианской благотворительности. За эти пять лет нахально-дерзкий росток стилсоновского дарования словно прибило морозцем. Светлую полосу в его карьере вновь сменила темная полоса, только уже не было рядом женщины, одной-единственной, — его матушки. Он ни разу не был женат, даже более или менее постоянной дамы, насколько удалось выяснить Джонни, у него никогда не было.

В 1965-м административно-хозяйственный совет предложил ему место в Риджуэе, штат Нью-Гэмпшир, и Грег не отказался. Период заморозков как будто миновал. Предприимчивые шестидесятые разогнались на всех парах. Начиналась эра мини-юбок и личной инициативы. Грег с головой окунулся в общественную жизнь Риджуэя. Стал членом торговой палаты и «Ротари-клуба». В 1967-м он прогремел на весь штат во время жарких дискуссий по поводу счетчиков на городской бензоколонке. Шесть лет противоборствующие партии ломали копыя. Грег предложил ликвидировать счетчики, а вместо них установить монетоприемники. Пусть, дескать, люди платят, сколько считают нужным. Кое-кому его предложение показалось верхом сумасшествия. А вот увидите, пообещал им Грег. Да, он умел увлечь за собой. В конце концов городские власти пошли на этот эксперимент, и если кого и удивил хлынувший поток пяти- и десятицентовиков, то только не Грега. Он давно открыл для себя универсальный принцип.

В 1969-м он снова прогремел на весь штат после того, как в просторном и хорошо продуманном письме в редакцию местной газеты он выдвинул идею использовать наркоманов на общественных работах при благоустройстве парков и велосипедных дорожек, на стрижке уличных газонов. Но это же верх сумасшествия, сказали многие. А вы попробуйте, сказал им Грег, не выйдет — откажетесь. Городские власти попробовали. Один любитель «травки» заменил устаревшую десятиричную систему каталогизации в местной публичке на более современную, по типу библиотеки конгресса... бесплатно, разумеется. Группа хиппи, арестованная во время вечеринки «с балдежом», сделала из городского парка конфетку — с прудом и площадкой для аттракционов, которая, согласно точному инженерному расчету, пропускала максимум посетителей при минимальном риске для жизни. По словам Грега, многие из этих

хиппарей когда-то, школьниками, увлекались техникой, но тогда почему, спрашивается в задаче, они до сих пор не применяли прочих знаний, приобретенных в школе?

Параллельно с преобразованиями в области автосервиса и наркомании, которые Грег затеял на своей новой родине, он расбуждал «Нью-Йорк таймс» с изложением крайне правых взглядов сылая письма в манчестерский «Юнион-Лидер», бостонский «Глоба» на войну во Вьетнаме, предложениями об уголовной наказуемости для закоренелых наркоманов и восстановлении смертной казни, в первую очередь для торговцев героином. Позже, баллотировавшись в палату представителей, Грег не раз заявлял о том, как он чуть не с семидесятого года выступал против вьетнамской войны, однако его же высказывания в печати опровергали эту явную ложь.

В 1970-м Грег Стилсон открыл собственную контору по страхованию недвижимости. Успех был полный. Спустя три года он и еще три бизнесмена финансировали строительство торговых рядов на окраине Конкорда, столицы штата, где он теперь заседал как полномочный представитель от третьего избирательного округа. Это был год не только арабского нефтяного бойкота, но и год, когда Грег сел за руль «линкольна-континенталь». Тогда же он выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Риджуэя.

Он занял заветное кресло на двухлетний срок, а двумя годами раньше одновременно республиканцы и демократы этого небольшого городка Новой Англии (8500 человек) предложили ему выдвинуть свою кандидатуру в палату представителей. И тем и другим он ответил вежливым отказом. И в семьдесят третьем, став независимым кандидатом, схлестнулся с весьма популярным лидером республиканцев, чьей ахиллесовой пятой были ярые высказывания в поддержку Никсона, а заодно и с маловыразительной фигурой от демократов. Тогда-то он и водрузил на голову каску строителя-монтажника. Он начал избирательную кампанию под лозунгом: «Построить новый Риджуэй!» Победил он безошибочно. В следующем году избиратели в соседнем штате Мэн отвернулись от демократа Джорджа Митчелла и республиканца Джеймса Эрвина и выбрали своим губернатором страхового агента из Льюистона — Джеймса Лонгли.

Для Грегори Аммаса Стилсона чужой урок пошел впрок.

Рядом с ксерокопированными вырезками из газет Джонни набрасывал соображения и вопросы, которые его мучили. Он столько раз мысленно проигрывал ситуацию, что мог, не слушая комментариев Чанселлора и Бринкли, изложить слово в слово все перипетии избирательной кампании.

Начать с того, что у Грега Стилсона, казалось, даже теоретически не было шансов пройти. Его предвыборные обещания смахивали на анекдоты. Прошлое у него было никудышное. Образование тоже. Оно исчерпывалось школой, и до 1965 года он был, в сущности, человеком без определенных занятий. В стране, где

законы, по мнению избирателей, должны устанавливать **законо-**
веды, интерес Стилсона к кодексу диктовался соображениями сов-
сем иного порядка. Кроме того, он не был женат. Что до его карье-
ры, то она была сплошным недоразумением.

Поразительно, что пресса фактически обходила Стилсона сто-
роной. А уж здеть-то она могла бы разгуляться в год выборов,
когда Уилбур Миллс погорел из-за любовницы, когда по этой же
причине турнули члена палаты представителей Уэйна Хайса, когда
даже власть предержащие жили в страхе, что газетчики могут
в любой момент перетряхнуть их грязное белье. Фигура же Стил-
сона — однозная, броская — вызывала у прессы в лучшем случае
одобрительные смешки и в отличие от Джонни Смита ни тени
тревоги. В телохранителях у него были вчерашние бичи и желез-
ные всадники, его встречи с избирателями то и дело кончались
увечьями, однако ни один репортер не пожелал копнуть глубже.
На митинге в Конкорде, в тех самых торговых рядах, к которым
приложил руку Стилсон, восьмилетней девочке сломали руку и
повредили шейный позвонок, с матерью случилась истерика, она
кричала, что ее дочь хотела взять автограф у своего кумира, и один
из этих «психов на мотоциклах» сбросил девочку с помоста. Га-
зета отделалась короткой информашкой — «несчастный случай во
время выступления Стилсона», которая очень скоро забылась.

Когда Грег обнародовал свой финансовый отчет, Джонни ре-
шил, что лучшего подарка нельзя себе представить. В 1975 году
Стилсон уплатил федеральный налог — одиннадцать тысяч с об-
щей суммы тридцать шесть тысяч долларов; местный налог он
оставил без внимания по той простой причине, что Нью-Гэмпшир
его не взимает. Стилсон утверждал, что источником доходов яв-
ляется контора по страхованию недвижимости, не считая жалких
грошей, ежемесячно выплачиваемых ему как мэру. Ни слова о ба-
рышах, которые принесли ему торговые ряды в Конкорде. Ни
малейшей попытки объяснить, каким образом он стал владельцем
дома стоимостью восемьдесят шесть тысяч, не прибегая к рас-
срочке и ссудам. В то время, когда за сокрытие доходов прижали
к стене президента Соединенных Штатов, при виде бредового
финансового отчета Стилсона ни у кого даже брови не поднялись.

Ну а как у него обстояли дела на посту мэра? В этой роли
он выступил гораздо удачнее, чем можно было предположить,
глядя на него в роли кандидата в палату представителей. Он по-
казал себя расчетливым и практичным, с не то чтобы тонким, но
точным пониманием человеческой и социальной психологии. К ра-
дости налогоплательщиков, он закончил свой срок с положитель-
ным балансом — впервые за последние десять лет. Не без основан-
ний гордился он своим планом реорганизации бензоколонок и, как
он выражался, «программой трудового воспитания хиппи». Или
такой момент: Риджуэй одним из первых в стране учредил комитет
по празднованию двухсотлетия Америки. Словом, полный ажур.

Но пребывание Стилсона на посту мэра было отмечено и другими обстоятельствами, которые вызывали у Джонни тревогу.

Дотации городской библиотеке сократились с одиннадцати с половиной тысяч до восьми, а там и до шести с половиной тысяч. В то же время на нужды муниципальной полиции было отпущено средств на сорок процентов больше обычного. Прибавилось три патрульные машины, расширился ассортимент орудий усмирения недовольных. Разбухали штаты местной полиции. Городской совет пошел навстречу Стилсону и узаконил ограниченную практику приобретения полицейскими собственного оружия, после чего некоторые блюстители порядка в Риджуэе, где порядок с успехом блюл себя сам, поспешили приобрести «магнумы» 357-го калибра — оружие, ставшее бессмертным с легкой руки Гарри Каллагана по кличке Чумазый. Пока Стилсон заправлял в мэрии, был открыт молодежный спортивный комплекс, установлен в добровольно-принудительном порядке комендантский час для подростков, урезаны на тридцать пять процентов расходы на здравоохранение.

Да, многие обстоятельства, к которым был причастен Грег Стилсон, вызывали у Джонни тревогу.

Деспот отец и мягкотелая, всепрощающая мать. Политические митинги, больше похожие на рок-концерты. Обращение с толпой. Телохранители...

Со времени Синклера Льюиса американцы проклинали фашизм на веки вечные и бдительно следили за тем, чтобы не допустить в стране фашистские порядки. И не допускали. Правда, был в Луизиане такой Хью Лонг, но его...

...пристрелили.

Джонни закрывал глаза и видел, как Нго резко сгибает указательный палец. Паф, паф, паф. Тигр, о тигр! Кровавый всполох. Быстрый блеск в полночных долах...*

Нет, нельзя сеять зубы дракона. Нельзя, если не хочешь оказаться в одной компании с Фрэнком Доддом, ходившим «на дело» в черном хлорвиниловом плаще с капюшоном. А также с Освальдами, и Сирханами, и Бремерами. Под сумасшедшим лозунгом: «Сумасшедшие всех стран, соединяйтесь!» Впрочем, дело хозяйское: можешь регулярно записывать в блокнот свои параноидальные мысли и перечитывать их по ночам, а когда окончательно свихнешься, отправь куда следует денежный купон, и тебе по почте вышлют винтовку. Джонни, познакомьтесь с «Писклей» Фромм**.

Здравствуйте, Джонни, рада познакомиться, я прочла все, что вы пишете в своем блокноте, и готова подписаться под каждым словом. Позвольте, я представлю вас моему духовному наставнику. Знакомьтесь, Джонни: это Чарли. Знакомьтесь, Чарли: это Джонни. Когда вы разделяетесь со Стилсоном, мы общими уси-

* Начало известного стихотворения У. Блейка «Тигр» (перевод В. Топорова).

** Линнет Фромм петалась совершить покушение на президента Форда.

лиями прикончим всю эту братию — надо же на ком-то выместить нашу ярость.

Голова шла кругом. Сейчас заломит в висках. Этим кончается. Стоит сосредоточиться на Стилсоне, как этим кончается. Пора спать. Только бы, Христа ради, ничего не приснилось.

И все же: вопрос.

Он записал его в одном из блокнотов и беспрестанно к нему возвращался. Он записал его аккуратным почерком и заключил в тройное кольцо, словно не давая улизнуть. Вопрос был следующий: *Если бы сестра в машину времени и вернуться в 1932 год, убила ли бы ты Гитлера?*

Джонни глянул на часы. Без четверти час, третье ноября. Очередные президентские выборы, совпавшие с двухсотлетием Америки, становятся историей. Правда, Огайо еще колеблется, но Картер идет с большим опережением. Борьбы не получилось. Покуролесли, и будет: победитель определен. Джерри Форд может повесить на гвоздик свою жокейскую шапочку — по крайней мере, на четыре года.

Джонни подошел к окну. Большой дом стоял без признаков жизни, а вот в комнатке над гаражом горел свет: это Нго, будущий гражданин США, прилип к экрану, на котором разворачивался великий американский ритуал выборов: «уходят-одни-ребята-входят-другие»...

Джонни лег в постель и долго не мог уснуть.

Приснился ему смеющийся тигр.

Герберт Смит сочетался вторым браком с Чарлиной Маккензи в назначенный день и час — в полдень второго января 1977 года. Церемония происходила в конгрегационалистской церкви на Саутвест Бенд. Отец невесты почти слепой восьмидесятилетний старик, передал ее жениху. Джонни, стоявший рядом с отцом, без заминки поднес в нужный момент обручальное кольцо. Вот он, радостный миг.

На бракосочетание приехала Сара Хэзлит с мужем и сыном, успевшим выйти из младенческого возраста. Сара была беременна и вся сияла — само воплощение счастья и осуществленных мечтаний. Джонни почувствовал укол жгучей ревности, его словно застигла врасплох газовая атака. Через несколько секунд все стало на свои места, и, едва церемония закончилась, он подошел к ним и заговорил.

Он впервые видел мужа Сары. Это был высокий видный мужчина с едва намеченными усиками и ранней сединой. Он с успехом прошел в сенат штата Мэн и сейчас рассуждал о том, какая ситуация сложилась после выборов и как непросто находить общий язык с губернатором из независимых, а Денни тянул его за штанину и просил пить: «Пи-ить, пап, пии-и-ить!»

Сара говорила мало, но Джонни чувствовал на себе взгляд ее сияющих глаз; это его скрывало, хотя было по-своему приятно. Но и грустно, пожалуй.

Вино лилось рекой, и Джонни выпил четыре бокала — вдвое больше обычного; возможно, тому причиной была встреча с Сарой, которая приехала не одна, а может быть, просто, глядя на сияющую Чарлину, он до конца осознал, что Вера Смит ушла навсегда... Как бы то ни было, направляясь к Гектору Маркстоуну, отцу невесты, минут через пятнадцать после ухода Хэзлитов, он чувствовал приятный шум в голове.

Старик сидел в углу возле порушенного свадебного пирога, сложив скрюченные артритом руки на набалдашнике трости. Одна дужка его темных очков была обмотана черной изоляционной лентой. Возле него стояли две пустые бутылки из-под пива и еще одна, недопитая. Он всмотрелся в лицо Джонни.

— Ты сын Герберта?

— Да, сэр.

Еще более пристальный взгляд.

— Ты плохо выглядишь, мальчик.

— Это, наверное, оттого, что я допоздна работаю.

— Тебе надо попить что-нибудь тонизирующее. Чтобы прийти в норму.

— Вы участвовали в первой мировой войне? — спросил Джонни.

К синему саржевому пиджаку старика были приколоты медали, в том числе французский Военный крест.

— А как же, — просветлел Маркстоун. — Служил под командованием Джека Першинга. Американский экспедиционный корпус. Семнадцатый-восемнадцатый год. Прошли огонь и воду. И по грязи топали, и дерьмо лопали. Белло Вуд*, мой мальчик, Белло Вуд. Для многих сейчас это просто название из учебника истории. А я там был. Я видел, как там умирали. И по грязи топали, и дерьмо попали, и кости свои разбрасывали по полю.

— Чарлина говорила, что ваш сын... ее брат...

— Бадди? Да, был бы сейчас тебе вроде дядюшки. Любили ли мы своего мальчика? Как не любить. При рождении ему дали имя Джо, но все его звали Бадди. Как получила мать Чарли ту телеграмму, так начала таять на глазах.

— Его убили на войне?

— Убили, — не сразу ответил старик. — Сент-Лу, сорок четвертый год. Не так уж далеко от Белло Вуд — по тамошним понятиям. Угодил под нацистскую пулю.

— Я тут пишу статью, — сказал Джонни, еще больше хмелея при мысли о том, как ловко он направил разговор в интересное его русло. — Надеюсь продать ее в «Атлантик» или «Харперс»...

— Ты писатель? — стекла зеркальных очков блеснули; Джонни явно пробудил его любопытство.

* Лесистая местность на севере Франции.

— Начинаящий, — сказал Джонни. Он уже сожалел о своей разговорчивости. — *Да, я писатель. Пишу по ночам.* — В общем, статья будет о Гитлере.

— О Гитлере? Что о Гитлере?

— Видите ли... предположим... предположим, что вы сели в машину времени и вернулись в тридцать второй год. В Германию. И предположим, вы встречаете Гитлера. Вы убьете его или оставите в живых?

Темные очки старика приблизились к самому лицу Джонни. С Джонни сразу слетел весь хмель, и куда-то девались и разговорчивость, и умные мысли. Все теперь зависело от того, что ему ответит этот старик!

— Ты не шутишь, сынок?

— Нет, не шучу.

Гектор Маркстоун снял одну руку с набалдашника трости, запустил в карман брюк и бесконечно долго там рылся. Наконец он вынул ее. В руке оказался складной нож с костяной рукояткой, отполировавшейся и пожелтевшей за много лет. Тут заработала другая рука, которой старик с осторожностью, отличающей артритиков, стал раскрывать нож. Лезвие коварно блеснуло в лучах света. Этот нож проделал путь во Францию в 1917 году вместе с мальчишкой, вступившим в армию таких же мальчишек, которым не терпелось дать по рукам грязному бошу, коловшему штыком детей и насилующему монахинь, и показать этим французикам, как надо воевать. Тех мальчишек косили из пулеметов, их валила дизентерия и инфлюэнция, они наглотались горчичного газа и фосгена, они выходили из-под огня у Белло Вуд, оборванные и обезумевшие от страха, будто столкнулись нос к носу с самим дьяволом. И все это оказалось напрасным. Оказалось, что все надо начинать сначала.

Где-то играла музыка. Люди смеялись, танцевали. Где-то в отдалении гудела лампа дневного света. Джонни не мог глаз отвести от обнаженного лезвия, загипнотизированный игрой света на отточенном острие.

— Видишь? — тихо спросил Маркстоун.

— Да, — вздохнул Джонни.

— Я бы вонзил нож в этого убийцу, прямо в его черное и лживое сердце, — сказал Маркстоун. — Я воткнул бы нож по самую рукоятку... а потом повернул бы, вот так. — Он медленно повернул руку с ножом, сначала по часовой, потом против часовой стрелки. На лице его появилась странная улыбка и стали видны гладкие, как у младенца, десны. — Но прежде, — сказал он, — я бы смазал лезвие крысиным ядом.

— Убил ли бы я Гитлера? — повторил Роджер Чатсворт; изо рта у него шел пар. Они с Джонни прогуливались вдвоем по заснеженному лесу за даремским домом. В лесу тишина. Начало марта, а тишина такая неподвижная, как в январе.

— Да, именно.

— Любопытный вопрос, — сказал Роджер. — Беспредметный, но любопытный. Нет, вряд ли. Я бы скорее вступил в его партию. Попытался бы что-нибудь изменить изнутри. Возможно, удалось бы исключить его или скомпрометировать. Конечно, если знать наперед, во что это выльется.

Джонни вспомнил обрубки бильярдных киев. Вспомнил ярко-зеленые глаза Санни Эллимана.

— Возможно также, что вас бы самого прикончили, — сказал он. — В тридцать третьем году эти парни не только распевали песни в пивнушках.

— Что ж, верно. — Он вопросительно посмотрел на Джонни. — А что бы сделали вы?

— Сам не знаю, — сказал Джонни.

Роджер переменял тему:

— Как ваш отец и его жена провели медовый месяц?

Джонни хмыкнул. Они отправились в Майами-Бич, а там началась забастовка служащих отелей.

— Чарлина сказала, что ей привычнее дома, где она сама стелет постель. А отец говорил, что он чувствует себя пижоном, демонстрируя загар в марте месяце. Но, по-моему, оба остались довольны.

— Они что, продали свои дома?

— Да, в один день. И в общем-то взяли неплохую цену. Если бы не эти чертовые больничные счета, мы бы сейчас горя не знали.

— Джонни...

— Да?

— Нет, ничего. Пойдемте обратно. Угощу вас хорошим виски, не возражаете?

— Можно, — сказал Джонни.

Они читали «Джуда Незаметного», и Джонни поразился, как легко дается Чаку эта книга (разве что первые страниц сорок он преодолел с некоторым скрипом). Чак признался, что ночами забегает вперед и уже решил после «Джуда» взять еще какой-нибудь роман Харди. Впервые в жизни он получал от книги наслаждение и купался в нем, как невинный юноша в объятиях опытной женщины.

Сейчас раскрытая книга лежала у него на коленях обложкой вверх. Они с Джонни снова сидели возле бассейна, но воду в бассейн еще не пустили; оба они сегодня были в пиджаках. По небу скользили тучки, бестолково пытаюсь срастись в одно целое, чтобы пролиться дождем. В воздухе пахло чем-то пряным и загадочным: подступала весна. На календаре было 16 апреля.

— Это что, очередной вопрос с подвохом? — спросил Чак.

— Нет.

— А они меня схватят?

— О чем ты? — до Чака никто не задавал этого вопроса.

— Если я убью его. Они меня схватят? И подвешат на фонарном столбе, чтобы я дрыгал в воздухе ножками?

— Не знаю, — сказал Джонни. — Но скорее всего они тебя схватят.

— И нельзя будет перенестись на машине времени в этот прекрасный мир? В славный семьдесят седьмой год?

— Боюсь, что нет.

— Ну и ладно. Я бы так и так убил его.

— Значит, убил бы?

— Ясное дело. — Чак ухмыльнулся. — Запасся бы цианистым калием или зашил в воротник рубашки бритвенное лезвие, или еще что-нибудь такое. Чтобы не измывались, когда схватят. Но я бы это сделал. Иначе я бы с ума сходил, что все они, эти миллионы погибших по его милости, будут преследовать меня до самой смерти.

— До самой смерти, — повторил Джонни каким-то больным голосом.

— Вы что, Джонни?

Джонни заставил себя улыбнуться.

— Все в порядке. Просто сердце провалилось куда-то на секунду.

Чак продолжал чтение «Джуда» под почти безоблачным небом.

Май.

И вновь запах сена, и вновь все заполняют жимолость, пыль и розы. Весна гостит в Новой Англии недолго, одну неповторимую недельку, а там диск-жокеи поставят «золотые пластинки» ансамбля «Бич бойз», рев «хонды» огласит окрестности и с шумом ввалится разгоряченное лето.

Как-то вечером в конце этой неповторимой недели Джонни сидел дома, всматриваясь в мягкий и глубокий весенний сумрак. Чак отбыл на школьный бал со своей новой подружкой, куда более развитой, чем ее предшественницы. Она *читает*, доверительно сообщик Чак Джонни, — это был разговор людей, знающих, что почем на белом свете.

Нго больше не жил в поместье. В конце марта он получил гражданство, в апреле предложил свои услуги в качестве портье в одном из отелей курортного местечка в Северной Каролине, три недели назад поехал туда на собеседование и сразу же был принят. Перед отъездом зашел к Джонни.

— Мне кажется, вы зря так беспокоитесь из-за тигров, вы видите их там, где их нет, — сказал он. — У тигра полосы сливаются с зарослями, так что его не разглядеть. Вот беспокойному человеку и начинают повсюду мерещиться тигры.

— Но ведь тигр есть, — возразил Джонни.

— Возможно, — согласился Нго. — Только он где-то прячется. А тем временем вы таете на глазах.

Джонни встал, подошел к холодильнику и, налив себе пепси, вышел со стаканом на веранду. Он сидел, потягивал пепси и думал о том, как повезло людям, что путешествие во времени невозможно. Оранжевый глаз луны зажегся над соснами, кровавая дорожка перечеркнула бассейн. Заквакали, забултыхались первые лягушки. Немного погода Джонни зашел в дом и плеснул себе в пепси изрядную порцию рома. Потом вернулся на террасу, снова сел со стаканом в руке и стал смотреть, как луна, поднимаясь все выше, из оранжевой постепенно превращалась в таинственную серебряную.

23 июня 1977 года Чак прощался со школой. Джонни, надевший по этому случаю парадный костюм, сидел в душном зале вместе с Роджером и Шелли Чатсворт и смотрел, как ему, сорок третьему по счету, вручали аттестат. Шелли прослезилась.

А потом был банкет на лужайке перед домом Чатсвортов. День выдался жаркий и влажный. Грозные тучи с багровым брюхом скапливались на западе; они медленно ползли вдоль горизонта и, судя по всему, не собирались приближаться. Чак, раскрасневшийся после трех коктейлей, подошел со своей подружкой Патти Стрэн к Джонни и показал ему подарок родителей по случаю окончания школы — часы «Пульсар» последней модели.

— Вообще-то я просил робота, но старики не потянули, — сказал Чак. Джонни засмеялся. Они еще немного поговорили, и тут Чак рубанул: — Я вам очень благодарен, Джонни. Если б не вы, я бы сегодня не получил аттестат.

— Не преувеличивай, дружище, — сказал Джонни. Его обеспокоили дрожащие нотки в голосе Чака. — Порода есть порода.

— Я ему то же самое все время внушаю, — сказала подружка Чака. Очки до поры скрывали ее холодную изысканную красоту.

— Допустим, — сказал Чак. — Допустим. И все же я знаю, кому обязан своим аттестатом. Огромное вам спасибо. — Он обнял Джонни и слегка притянул к себе.

И вдруг — вспышкой — резкая, яркая картина, заставившая Джонни отпрянуть и схватиться за голову, как будто Чак не обнял его, а ударил. Картина отпечаталась в мозгу, точно с клише.

— Нет, — сказал он. — *Нет выхода.* Не ходите туда, ни ты, ни она.

Чак опасно попятился. Он почувствовал что-то. Что-то холодное, темное, непостижимое. Ему вдруг расхотелось прикасаться к Джонни; в эту минуту у него было одно желание — никогда больше не дотрагиваться до Джонни. Он словно узнал, что чувствуешь, когда тебя живьем заколачивают в гробу.

— Джонни, — сказал он, и голос его дрогнул. — Что... что это?..

Роджер, подходивший к ним с бокалами, в растерянности остановился. Джонни смотрел мимо Чака на далекие грозные тучи. Глаза у него были отсутствующие и затуманенные.

— Вам туда нельзя. Там нет громоотводов, — сказал он.

— Джонни... — Чак в страхе повернулся к отцу. — По-моему, у него... обморок, что ли.

— Молния, — возвестил Джонни во весь голос. Люди стали оборачиваться. Он простирал к ним руки. — Пожар. Пробита изоляция. Двери заперты. Горящие люди.. запах жареной свинины.

— О чем это он? — вскрикнула подружка Чака. Разговоры прекратились. Все смотрели на Джонни, застыв с тарелками и бокалами в руках.

— Джон! Джонни! Что случилось? Очнитесь. — Роджер шагнул к нему и щелкнул пальцами перед невидящими глазами Джонни. На западе забулчал гром — словно где-то там великаны ссорятся за картами. — Что случилось?

Голос Джонни звучал отчетливо и громко, его слышали все пятьдесят с лишним человек — бизнесмены, учителя, их жены, выпускники даремской средней школы.

— Сегодня вечером Чак должен сидеть дома, не то он сгорит вместе с остальными. Будет пожар, страшный пожар. Не пускайте его в «Кэти». Ударит молния, и когда придут пожарники, все уже сгорит дотла. Загорится проводка. У выходов найдут обугленные тела. Опознать их можно будет только по пломбам в зубах. Там... там...

Патти Стрэн закричала и уронила пластиковый стакан — кубики льда рассыпались по траве, сверкая, как огромные алмазы. Еще секунду она стояла, пошатываясь, а затем упала без чувств — в своем воздушном, пастельных тонов, вечернем платье, — и ее мать метнулась на помощь, бросив Джонни на ходу:

— Да что с вами? Что, я вас спрашиваю?

Чак, белый как мел, смотрел на Джонни расширенными зрачками.

Глаза у Джонни начали проясняться. Он озибался, встречая устремленные на него взгляды.

— Простите, — пробормотал он.

Мать Патти стояла на коленях, приподняв голову дочери, и легонько похлопывала ее по щекам. Девушка зашевелилась и застонала.

— Джонни... — прошептал Чак и, не дожидаясь ответа, бросился к своей подружке.

Безмолвие воцарилось на лужайке Чатсвортов. Все смотрели на Джонни. Опять с ним это случилось, и опять все глазело на него. Как глазели сестры в больнице. И репортеры. Они смахивают на ворон, усевшихся в ряд на проводах. Стоят — в руках бокалы и тарелки с картофельным салатом — и таращатся так, будто у него расстегнуты брюки.

Ему захотелось убежать, забиться в угол. Подступила тошнота.

— Джонни, — Роджер обнял его, — пойдемте в дом. Нельзя вам здесь...

— Что такое «Кэти»? — оборвал Джонни, пытаясь высвободиться из рук Роджера. — Это не частный дом, потому что там таблички с надписью «Выход». Что это? Где?

— Уведите же его отсюда! — закричала мать Патти. — Он опять ее напугает!

— Пошли, Джонни...

— Но...

— Пошли!

Он позволил увести себя. Их шаги по гравиевой дорожке к домику, где жил Джонни, отдавались особенно гулко. Больше ни звука. Они поравнялись с бассейном, и тут до них донесся гул приглушенных голосов.

— «Кэти» — где это? — снова спросил Джонни.

— Странно, что вы не знаете, — сказал Роджер. — Я думал, вы все знаете. Бедняжка Патти Стрэн хлопнулась из-за вас в обморок.

— Не вижу. Это в мертвой зоне. Что это такое?

— Давайте войдем в дом.

— Да что вы со мной как с больным!

— Вы перенапряглись, — сказал Роджер. Он говорил с ним мягко, успокаивающе, как говорят с душевнобольными. От этого тона у Джонни пробежал холодок по спине, и начала наваливаться головная боль. Он попытался остановить ее напряжением воли. Они поднялись по лестнице в дом.

— Вам лучше? — спросил Роджер.

— «Кэти» — что это?

— Шикарный ресторан в Сомерсуэрте. Неизвестно почему, но вечеринки выпускников в «Кэти» стали традицией. А все-таки примите аспирин.

— Нет. Не пускайте его, Роджер. В ресторан ударит молния. Он сгорит дотла.

— Джонни, — начал Чатсворт медленно и очень ласково, — вы не можете этого знать.

Джонни отпил немного ледяной воды и поставил стакан на место: рука его дрожала.

— Вы говорили, что интересовались моим прошлым. А значит...

— Да, интересовался. Но вы делаете отсюда неправильный вывод. Я знал, что вас считают экстрасенсом или вроде этого, но мне не нужен был экстрасенс. Мне нужен был репетитор. И вы оказались прекрасным репетитором. Лично я полагаю, что нет никакой разницы между хорошими экстрасенсами и плохими, поскольку я не верю в эти шутки. Все очень просто. Я не верю в это.

— Иными словами, я вру.

— Ну почему, — сказал Роджер тем же ласковым, тихим голосом. — У меня на фабрике в Сассексе есть мастер, который ни за

что не прикурит третьим от одной спички, но это еще не значит, что он плохой мастер. У меня есть набожные друзья, и хотя сам я в церковь не хожу, мы продолжаем оставаться друзьями. Я искал репетитора, и мне было безразлично, что вы там думаете о своей способности к прозрениям или телепатии. Нет... не совсем так. Мне стало безразлично, когда я решил, что это не мешает вашим занятиям с Чаком. Так оно и вышло. Но пожар в «Кэти» сегодня вечером для меня то же самое, что луна из рокфора.

— Ну да, я не вру, просто я свихнулся. — Глупо до смешного. Дюссо и многие из тех, от кого Джонни получал письма, обвиняли его в шарлатанстве. Чатсворт первый приписал ему комплекс Жанны д'Арк.

— Тоже нет, — сказал Роджер. — В свое время вы попали в страшную аварию и со страшным трудом выкарабкались; вы заплатили слишком большую цену за то, чтобы жить. Я не сторонник трепа на такие темы, ну а если кто-нибудь из гостей, не исключая матери Патти, намерен делать далеко идущие выводы, им вежливо объяснят, чтоб они помалкивали о том, чего не понимают.

— «Кэти», — сказал Джонни. — Откуда тогда мне стало известно это название? Каким образом я узнал, что это не чей-то дом?

— От Чака. Последнюю неделю он часто говорил о вечеринке.

— Только не мне.

Роджер пожал плечами.

— Возможно, вы слышали, как он говорил об этом Шелли или мне. Это отложилось в вашем подсознании, и в какой-то момент...

— Ну конечно, — с горечью сказал Джонни. — Все, чего мы не понимаем, все, что не укладывается в привычную схему, мы помечаем грифом «П», то бишь подсознательное. Идол двадцатого века. Сколько раз это бывало с вами, Роджер, когда что-то шло вразрез с вашим прагматическим взглядом на мир?

В глазах Роджера мелькнул огонек — или Джонни просто показалось?

— Надвигалась гроза, отсюда ассоциация с молнией, — сказал он. — Неужели не ясно? Это ведь так просто...

— Послушайте, — перебил Джонни. — Я объясняю вам как ребенку. В здание ударит молния. Оно сгорит. *Удержите Чака дома.*

О Господи, эта мигрень доканает его. Крадется как тигр. Он потер лоб ладонью.

— Джонни, вас заклинило.

— Удержите его дома, — повторил Джонни.

— Пусть сам решает, я не могу давить на него. В конце концов он свободный белый человек восемнадцати лет от роду.

В дверь постучали.

— Можно, Джонни?

— Входи, — сказал Джонни, и в комнату вошел Чак.

— Ну как вы? — взволнованно спросил он.

— Нормально, — сказал Джонни. — Голова болит, а так ничего. Чак... пожалуйста, не езди туда сегодня. Прошу тебя как друг. Одного твоего мнения с отцом или нет — неважно. Не езди.

— Разумеется, дружище, — бодро сказал Чак и, плюхнувшись на диван, поддел ногой подушечку. — Патти теперь туда на аркане не затянешь. Здорово вы ее напугали.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказал Джонни. Вместе с облегчением пришли слабость и легкий озноб. — Мне очень жаль, но я рад.

— У вас было озарение, да? — Чак перевел взгляд с Джонни на отца, потом снова на Джонни: — Я почувствовал. Ощущение не из приятных.

— Иногда это передается окружающим. Я им не завидую.

— Да уж, не хотел бы пережить, такое еще раз, — сказал Чак. — Но послушайте... неужели ресторан и вправду сгорит?

— Да, — сказал Джонни. — Лучше держаться подальше.

— Но ведь... — Чак растерянно посмотрел на отца. — Старшие классы откупили весь ресторан. Школа не против. Лучше так, чем надираться небольшими компаниями где-нибудь на природе. Там будет... — Чак умолк на секунду и испуганно закончил: — Там будет двести пар. Папа, ты...

— Боюсь, он в это не верит, — сказал Джонни.

Роджер с улыбкой поднялся.

— Вот что, давайте съездим в Сомерсуэрт и поговорим с владельцем ресторана, — сказал он. — Банкет у нас явно разладился. Если же после поездки вы оба проголосуете против «Кэти», мы можем принять всех у себя. — Он обратился к Джонни: — При одном условии — вы, дружище, не пьете и поможете ублажать гостей.

— С удовольствием, — сказал Джонни. — Но зачем все это, если вы не верите?

— Чтобы вас успокоить, — сказал Роджер, — вас и Чака. И чтобы потом когда ничего не произойдет, я мог напомнить вам свои слова и вдоволь посмеяться.

— Что ж, и на этом спасибо — Сейчас, когда стало полегче, его вдруг затрясло, но головная боль притупилась.

— Однако скажу вам прямо, Джонни, — продолжал Роджер, — по-моему, вы скорее достанете снега в аду, чем добьетесь, чтобы хозяин поверил вам на слово и отменил банкет. Надо думать, эти ежегодные банкеты приносят ему большие деньги.

— Придумаем что-нибудь на месте... — сказал Чак.

— Например?

— Скажем ему, что... в общем, вообразим что-нибудь...

— То есть наврем? Нет, Чак, на это я не согласен. Исключено.

— Ладно, — кивнул тот.

— Тогда нечего расслаживаться, — деловито сказал Роджер. — Уже без четверти пять. Едем в Сомерсуэр.

Без двадцати шесть они входили в ресторан. Джонни прочитал объявление: «СЕГОДНЯ с 19.00 В РЕСТОРАНЕ БАНКЕТ. ЖДЕМ ВАС ЗАВТРА». У него упало сердце. Брюс Каррик, хозяин заведения, стоял за стойкой бара.

Нельзя сказать, что Каррик сбивался с ног. Народу в баре было немного: несколько работяг пили пиво и смотрели выпуск новостей, да еще три пары тянули коктейль. Каррик слушал Джонни, и глаза его лезли на лоб. Когда Джонни кончил, Каррик произнес:

— Вас зовут, говорите, Смит?

— Совершенно верно.

— Мистер Смит, давайте подойдем к окну.

Он провел Джонни мимо гардероба к окну в коридоре.

— Посмотрите, мистер Смит, и скажите мне, что вы видите.

Джонни посмотрел, заранее зная, что он увидит. Автострада № 9, уходящая на запад, просыхала после недавнего дождика. Небо было абсолютно чистым. Гроза прошла стороной.

— Безоблачно. По крайней мере сейчас. Но...

— Никаких «но», — сказал Брюс Каррик. — Хотите знать, что я думаю? Хотите всю правду? Я думаю, что вы с приветом. Почему вы выбрали именно меня для своих дурацких шуточек, я не знаю и знать не хочу. Но если у вас, братец, есть минута свободного времени, я обрисую ситуацию. Выпускники выложили мне шестьсот пятьдесят долларов за этот банкет. Они наняли отличную рок-группу. Продукты в морозилке, хоть сейчас в духовку. Салаты на холоде. За выпивку плата отдельная, ребятам уже по восемнадцать, так что они могут и будут пить вволю... их тоже надо понять: как-никак школу кончаешь раз в жизни. Сегодня я положу в карман две тысячи долларов, будьте уверены. Я нанял двух барменов. Я нанял шесть официанток и метрдотеля. Если я все отменю, я потеряю выручку за целый вечер и, кроме того, придется вернуть шестьсот пятьдесят долларов, которые я уже получил. И еще я недосчитаюсь дневной клиентуры — ведь это объявление висит здесь целую неделю. Ну как, ясна картина?

— У вас есть на крыше громоотвод? — спросил Джонни.

— Я ему обрисовываю ситуацию, а он мне о громоотводах! — Каррик всплеснул руками. — Да, есть у меня громоотводы! Приходил тут один, лет пять назад, из страховой конторы. Все уши прожужжал, что надо принять дополнительные меры безопасности, тогда, мол, застрахуют на большую сумму. Пришлось купить эти треклятые громоотводы! Что, довольны? Ну дела! — Он повернулся к Роджеру с Чаком: — А вы-то куда смотрите? Идите-ка отсюда подобру-поздорову! У меня дело стоит.

— Джонни... — начал было Чак.

— Все, — сказал Роджер. — Пошли. Извините, что отняли у вас время, мистер Каррик, и спасибо вам за ваше радушие и внимание.

— Это вам спасибо, — сказал Каррик. — Во, психи! — и он вернулся за стойку.

Они вышли на улицу. Чак с сомнением посмотрел на безоблачное небо. Джонни понуро побрел к машине, понимая, что проиграл да еще оказался посмешищем. Тупо ломило виски. Засунув руки в задние карманы брюк, Роджер разглядывал плоскую крышу.

— Что ты там увидел, папа? — спросил Чак.

— Нет никаких громоотводов, — задумчиво произнес Роджер.

— Нет и в помине.

Они втроем сидели в гостиной большого дома. Чак держал руку на телефоне, глядя на отца в некоторой нерешительности.

— Вряд ли кто захочет менять свои планы в последнюю минуту, — сказал он.

— Все их планы — это вырваться из дому, — сказал Роджер.

— С таким же успехом они могут приехать сюда.

Чак пожал плечами и начал обзванивать ребят.

Из тех, кто собирался на банкет в «Кэти», удалось отговорить половину; почему они все же приехали к Чатсвортам, осталось для Джонни загадкой. Наверное, кто-то счел новую идею более заманчивой, поскольку гарантировалась бесплатная выпивка, но главное — слухами земля полнится, а многие родители были здесь днем. Так или иначе, народу собралось немало, и Джонни весь вечер чувствовал себя экспонатом под стеклянным колпаком. Роджер с непроницаемым видом сидел в углу и пил мартини.

Без четверти восемь он пересек бильярдную, которая занимала большую часть первого этажа, наклонился к Джонни и, перекрывая вопли Элтона Джона, закричал:

— Пошли наверх, сыграем партию в крибидж?

Джонни благодарно кивнул.

На кухне Шелли писала письма. Когда они вошли, Шелли подняла глаза и улыбнулась.

— Я уже решила, что вы, как два мазохиста, проторчите там всю ночь. Между прочим, это совсем необязательно.

— Простите, что все так вышло, — сказал Джонни. — Знаю, со стороны я смахивал на сумасшедшего.

— Есть немного, — сказала Шелли. — Чего греха таить. Хотя приятно видеть ребят здесь. Я довольна.

Где-то гроыхнуло. Джонни обернулся к окну. Шелли украдкой улыбнулась. Роджер ушел искать доску для крибиджа.

— Разве это гроза? — заметила она. — Погремит и перестанет.

— Да, конечно, — отозвался Джонни.

Она закончила письмо изящным росчерком, сложила его, запечатала, надела адрес, наклеила марку.

— Вы правда что-то почувствовали, Джонни?

— Да.

— Наверное, общая слабость, — сказала она. — От неправильного питания. Вон вы какой худой. Может, оттого и галлюцинации, а?

— Нет, не думаю.

Опять заворочался гром где-то в отдалении.

— Я рада, когда Чак дома. Не верю я в астрологию, в хиромантию, в ясновидение и все такое, но... я рада, когда он дома. Один он у нас, малыш... Вы, конечно, сейчас думаете: ничего себе **малыш**, но я-то его помню в коротких штанишках на детской карусели в городском парке. Прекрасно помню. И как приятно быть с ним рядом, когда он... прощается с детством.

— Вы так о нем говорите... — начал Джонни и вдруг испугался, чувствуя, как подступает комок к горлу. Похоже, что за последние шесть-восемь месяцев он разучился держать себя в руках.

— Вы столько сделали для Чака. Я имею в виду не только чтение. Вообще.

— Я полюбил его.

— Да, — тихо сказала она. — Я знаю.

Вернулся Роджер с доской для крибиджа и транзистором, настроенным на программу классической музыки с горы Вабингтон.

— У них там Элтон Джон, «Аэросмиты», «Фогхеты» и так далее, — сказал он, — а это небольшое противоядие. Ну что, Джонни, по доллару за партию.

— Не возражаю.

Роджер сел, потирая руки.

— Смотрите, вернетесь домой без гроша, — сказал он.

Они играли. Время шло. После каждой партии один из них спускался на первый этаж проверить, не танцуют ли на бильярдном столе и не откололся ли кто-нибудь маленькой тесной компанией.

— Буду смотреть в оба, чтобы сегодня здесь никто не забеременел, — сказал Роджер.

Шелли ушла с книжкой в гостиную. Каждый час музыкальная передача прерывалась выпуском новостей, и Джонни начинал прислушиваться. Однако ни слова о «Кэти» в Сомерсуэрте — ни в восемь, ни в девять, ни в десять.

После десятичасовых новостей Роджер спросил:

— Ну что, Джонни, скорректируете свое предсказание?

— Нет.

Синоптики пообещали уменьшение облачности после полуночи.

Пол у них под ногами загудел от мощных звуков бас-гитары из «Саншайн бэнд».

— Здорово разошлись, — заметил Джонни.

— Какое там, — усмехнулся Роджер. — Здорово напились. Спайдер Пармело валяется в углу, а на нем стоит поднос с пивом. Представляю, как у них будет утром трещать голова. Помню, когда у меня был выпускной вечер...

— Передаем специальный выпуск, — объявили по радио.

Джонни, который в этот момент тасовал колоду, рассынал карты по полу.

— Спокойней. Наверное, какие-нибудь подробности похищения во Флориде...

— Не думаю, — сказал Джонни.

— Как нам только что сообщили, — раздался голос диктора, — в городе Сомерсуэрте, на границе Нью-Гэмпшира, произошел пожар. Этот пожар, самый большой в истории штата, случился в ресторане «Кэти» и унес уже более семидесяти жизней. Огонь вспыхнул в разгар банкета выпускников. Шеф пожарников Милтон Хови сказал репортерам, что вероятность поджога исключается. Скорее всего пожар был вызван ударом молнии.

Роджер Чатсворт побледнел как смерть. Он застыл, прямой и неподвижный, уставясь в одну точку. Его руки бессильно лежали на столе, снизу доносились разговоры и смех попеременно с пением Брюса Спрингстина.

В комнату вошла Шелли. Она посмотрела на мужа, потом на Джонни.

— В чем дело? Что произошло?

— Помолчи, — сказал Роджер.

— .. еще бушует, и, по словам Хови, окончательное число жертв скорее всего станет известно к утру. Сообщают, что более тридцати человек, получивших сильные ожоги — в основном выпускники даремской средней школы, — были доставлены в близлежащие больницы. **Сорок человек сумели выпрыгнуть во двор из маленьких окон в курительной комнате, остальные, по всей видимости, сгрудились у выхода, что привело к трагическим...**

— Это он про «Кэти»? — ахнула Шелли Чатсворт. — Это случилось там?

— Да, — сказал Роджер. Он говорил леденяще спокойным голосом. — Да, там.

Внезапно на первом этаже воцарилось молчание. Затем послышался топот ног по лестнице. Дверь на кухню распахнулась, и ворвался Чак, ища глазами мать.

— Мам... Что такое? В чем дело?

— Похоже, что мы обязаны вам жизнью нашего сына, — сказал Роджер все тем же леденяще спокойным голосом. Лицо его по-прежнему покрывала смертельная бледность. Он напоминал ожившую восковую фигуру.

— *Он сгорел?* — Чак отказывался верить. За его спиной толкались на лестнице, приглушенно звучали испуганные голоса. — Вы хотите сказать, что он сгорел?

Все молчали. И вдруг откуда-то сзади раздался пронзительный, истерический крик Патти Стрэн:

— *Это он, он виноват!* Все из-за него! Он мысленно поджег ресторан, как в той книжке «Кэрри»*. Убийца!

Роджер повернулся на крик.

— Заткнись! — прорычал он.

Патти разразилась судорожными рыданиями.

— Сгорел? — повторил Чак. Казалось, он спрашивал самого себя, словно проверяя, верное ли нашел слово.

— Роджер... — пролепетала Шелли. — Родж, милый!

Шепот по лестнице и в зале внизу разрастался, напоминая шуршание листьев. Выключился стереопроектор. Стали слышны отдельные фразы:

— *Майк был там? А Шеннон? Точно? Я уже уходила, но позвонил Чак. Мама была здесь, когда этот тип вырубился. Меня, говорит, будто заживо похоронили, так что поезжай к Чатсвортам. Слушай, а Кейси был там? А Рэй? А Морин Онтелло? Бог мой, и она тоже? А...*

— Я предлагаю, — сказал Роджер, — отобрать наиболее трезвых — тех, кто способен вести машину, и всем отправиться в больницу. Им понадобятся доноры.

Джонни сидел как каменный. Ему казалось, что он никогда больше не сможет пошевелиться. За окном прокатился гром. И следом за ним из какой-то глубины донесся голос умирающей матери:

Исполни свой долг, Джон...

12 августа 1977 г.

Дорогой Джонни.

разыскать Вас оказалось проще простого — я иногда думаю, что в Америке за деньги можно найти кого угодно, а деньги у меня есть. Подобной прямотой я рискую вызвать Ваше неудовольствие, но мы с Чаком и Шелли слишком многим обязаны Вам, чтобы говорить недомолвками. Деньги могут купить почти все, но от молнии деньгами не откупишься. Пожарники нашли двенадцать мальчиков в туалете. Окно было забито гвоздями. Огонь туда не добрался, зато добрался дым и все двенадцать задохнулись. Никак не выброшу это из головы, ведь среди них мог быть и Чак. Ну вот, я Вас опять «сцапал», как сказано в Вашем письме. По известной причине я не оставляю Вас в покое, и не просите. Во

* Роман Стивена Кинга

всяком случае до тех пор, пока прилагаемый к письму чек не вернется ко мне с пометкой, что деньги Вы получили.

Вы наверняка обратите внимание, что новая сумма значительно меньше той, которую Вы отклонили месяц назад. Я связался с банком, где имеет расчетный счет известная Вам больница, и погасил Вашу пресловутую задолженность. Теперь, Джонни, у Вас развязаны руки. Мне нетрудно было сделать это, и я это сделал с большим, добавлю, удовольствием.

Вы заявляете, что не можете взять эти деньги. А я Вам говорю: можете и возьмете. Возьмете, Джонни. Я выследил Вас в Форт-Лодердейле и в другом месте тоже выслежу, даже если Вы переберетесь в Неаполь. Можете называть меня прилипчивой вошью, дело Ваше, а по-моему, я больше похож на Гончего Пса. Поймите, Джонни, у меня и в мыслях нет травить Вас. Помню, как Вы просили меня в тот день не жертвовать сыном. Я едва не пожертвовал. А другие? Восемьдесят один человек погиб, еще тридцать получили жуткие увечья. Вспоминаю слова Чака — дескать сообразим что-нибудь, на месте придумаем, — и мое праведное возмущение, возмущение глупца: «На это я не согласен. Исключено». А ведь я мог кое-что сделать. Вот что не дает мне покоя. Я мог дать этому мяснику Каррику три тысячи долларов, он рассчитался бы с официантами и закрыл ресторан на вечер. Это обошлось бы мне в тридцать семь долларов за каждую жизнь. Словом, поверьте, у меня и в мыслях нет травить Вас. Я сам себя так расстривал — надолго хватит. Не на один год. Приходится платить за неверие в то, что лежит за пределами наших пяти чувств. И, пожалуйста, не думайте, будто я оплачиваю Ваши больничные счета и посылаю этот чек, чтобы облегчить свою совесть. Деньгами не откупишься от молнии, не откупишься и от ночных кошмаров. Эти деньги — во имя Чака, хотя он ничего о них не знает.

Получите деньги, и я оставлю Вас в покое. Вот мое условие. Можете переслать их в ЮНИСЕФ или отдать сиротскому приюту, или просадить на ипподроме. Это меня не касается. Главное — получите их.

Жаль, что Вы так поспешно от нас уехали, но в общем я Вас понимаю. Надеюсь, скоро увидимся. Чак уезжает четвертого сентября на подготовительные курсы в Стовингтон.

Джонни, возьмите чек. Пожалуйста.

Будьте здоровы.
Роджер Чатсворт.

1 сентября 1977 г.

Дорогой Джонни,
неужели Вы думаете, что я отступлюсь? Пожалуйста, возьмите чек.

Всего доброго.
Роджер.

10 сентября 1977 г.

Дорогой Джонни,

мы с Чарли ужасно обрадовались, что ты наконец отыскался. Приятно получить письмо, написанное прежним Джонни. Одно меня, сынок, сильно встревожило. Я позвонил Сэму Вейзаку и прочитал ему то место из твоего письма, где ты пишешь про участвовавшие головные боли. Он советует тебе обратиться к врачу, и немедленно. Он опасается, как бы в поврежденном участке мозга не образовался тромб. Это очень меня беспокоит, и Сэма тоже. С тех пор, как ты вышел из комы, у тебя нездоровый вид, а в последнюю нашу встречу в начале июня ты выглядел особенно усталым. Сэм мне этого не сказал, но ему, я знаю, больше всего хотелось, чтобы ты прилетел домой из своего Финикса и чтобы он понаблюдал за тобой. Теперь-то уж тебе грех жаловаться на безденежье!

Роджер Чатсворт дважды звонил нам, и я сообщил ему что мог. По-моему, он искренне говорит, что эти деньги не для успокоения совести и не в награду за спасение жизни его сына. Твоя мать скорее всего сказала бы: этот человек замаливает грехи единственным известным способом. Так или иначе, ты взял эти деньги, и, надеюсь, не только потому, что «хотел от него отвязаться». Для тебя, при твоём твердом характере, это не причина.

А теперь самое трудное. Прошу тебя, Джонни, возвращайся. Шумиха постепенно улеглась — ну да, я уже слышу, как ты говоришь: «Чушь собачья! После того, что случилось, она никогда не уляжется», — и в чем-то ты, вероятно, прав, но лишь отчасти. По телефону мистер Чатсворт сказал: «Объясните ему при случае, что после Нострадамуса ни один экстрасенс не потянет больше, чем на короткую сенсацию». Я очень беспокоюсь за тебя, сынок. Меня беспокоит, что ты казнишься из-за погибших, вместо того чтобы воздать самому себе за живых — за тех, кого ты спас, кто был в тот вечер у Чатсвортов. Я беспокоюсь, и вообще ты мне нужен, Джонни. «Как не знаю кто», сказала бы наша бабушка. Поэтому приезжай поскорее, прошу тебя.

Папа.

Р. С. Посылаю газетные вырезки о пожаре и о твоём участии в этой истории. Их собрала Чарли. Ты опасался, что «все, кто был тогда на лужайке, проболтаются газетчикам», и, видишь, не зря опасался. Возможно, эти вырезки только расстроят тебя. Тогда выброси их в корзину. Но Чарли подумала, а вдруг, прочтя их, ты скажешь: «Все могло быть гораздо хуже, совесть моя чиста». Надеюсь, так и будет.

Папа.

29 сентября 1977 г.

Дорогой Джонни,

я взял Ваш адрес у папы. Как там Великая американская пустыня? Видали хоть одного краснокожего (ха-ха)? Ну вот я и в Стовингтоне, на подготовительных. Ничего, жить можно. Шестнад-

цать часов в сутки в твоем распоряжении. Я тут увлекся химией, хотя здешний курс повышенной трудности — это тыфу по ~~равне~~нию с тем, чему нас учили в Дареме. Мне всегда казалось, что наш химик, старик Фарнем по прозвищу Храбрец, с большей радостью изготовлял бы какую-нибудь адскую смесь, от которой мир взлетит на воздух. По английскому в этот месяц мы читали три вещи Сэлинджера — «Над пропастью во ржи», «Фрэнни и Зуй» и «Выше стропила, плотники». Здорово он пишет. Преподаватель сказал, что он по-прежнему живет в Нью-Гэмпшире, только писать бросил. У меня это в голове не укладывается. Зачем бросать, когда все идет как по маслу? Ну да ладно. Меня тянут в футбольную команду, но я почувствовал вкус к соккеру* Тренер считает, что соккер — это футбол для людей с головой, а футбол — футбол для дураков. Пока не пойму, прав он или это он от зависти.

Ничего, если я дам Ваш адрес кое-кому из тех, кто был на нашей вечеринке? Они хотят поблагодарить Вас. В том числе мать Патти Стрэн — помните, та, что начала выступать, когда ее драгоценная доченька хлопнулась в обморок на лужайке. Сейчас вы сильно выросли в ее глазах. Кстати, у меня с Патти все кончено. Я ведь «совсем еще ребенок» (ха-ха!), где уж мне ухаживать, тем более на расстоянии — Патти, как Вы могли догадаться, уезжает в Вассар**. А я тут успел познакомиться с одной куколкой.

Напишите, дружище, когда будет время. Отца послушать, так Вы совсем скисли, только с чего бы это, ведь Вы сделали что могли. Наверное, он не так понял, да, Джонни? Правда же, Вы не скисли? Пожалуйста, напишите, все ли в порядке, а то я беспокоюсь. Смех да и только — Альфред Ньюмен* беспокоится за Вас! Но я, правда, беспокоюсь.

Когда будете писать, объясните, с чего это Холдена Колфилда все время тоска заедает? Ладно был бы он черный, а так-то что? Чак.

P. S. Куколку зовут Стефания Уаймен, я уже приобщил ее к роману «Кто-то страшный к нам идет». Ей тоже нравится панк-рок, группа «Рамонес», послушайте их — вот кто дает жару.

Ч.

17 октября 1977 г.

Дорогой Джонни,

ну вот, теперь вижу, что Вы в норме. Ну и обожался же я, читая про Ваши подвиги на общественных работах в Финиксе. После четырех вылазок на природу в составе «Стовингтонских тигров» я обгорел не меньше Вашего, так что не плачьте. Тренер, пожалуй, прав: футбол — это футбол для дураков, по крайней мере

* Разновидность футбола.

** Женский колледж в штате Нью-Йорк.

^ Вымышленный карикатурный персонаж, ставший эмблемой популярного в 60-е годы издания «Мэд мэгзин» («Журнал для психов»).

здесь. Наш рекорд пока 3:1. В одной игре я сделал три точдауна*. Кстати, наглотался как дурак холодного воздуха и даже потерял сознание.

Я не торопился с письмом, хотел узнать, как Вы просили, что думают предки о Грее Стилсоне теперь, когда он «вступил в должность». Я приезжал домой на выходные. Значит, так. Сначала я спросил папу, а он мне: «Джонни все еще интересуется этим типом?» Я говорю: «Совсем он, видно, не соображает, если спрашивает твое мнение». Тут он обращается к матери: «Ты видишь, какой он стал умник на этих подготовительных курсах? Ничего другого я и не ожидал».

Ладно, ближе к делу. Многих сильно удивило, как лихо Стилсон начал. Папа говорит: «Если бы жителей его округа попросили оценить первые десять месяцев его пребывания в конгрессе, он бы получил в основном оценки «хорошо». А за работу над законопроектом Картера об энергетике и за собственный законопроект об отоплении жилищ, в его штате — «отлично». И еще одну оценку «отлично» — за усердие». Отец просил передать Вам, что он, возможно, ошибался, называя Стилсона деревенским шутом.

А вот другие мнения. Всем, кого я ни спрашивал, нравится, что он не вырядился в костюм. Миссис Джарвис, владелица закусочной «В два щета» (извиняюсь за орфографию, но так она называется), считает, что Стилсон не боится «крупных воротил». Генри Берк, хозяин «Бочки» (развеселый кабачок в центре города), говорит, что Стилсон «прыгнул, черт возьми, выше головы». Другие высказываются в том же духе. Все сравнивают сделанное Стилсоном и не сделанное Картером, в котором большинство разочаровались, и теперь кусают локти — зачем голосовали за него. Я спрашивал, как они относятся к тому, что он по-прежнему окружен желчными всадниками, а этот тип Санни Эллиман у него в помощниках. Все пожимают плечами. Владелец дискотеки сказал мне: «Если Том Хейден** становится пай-мальчиком, а Элдридж Кливер*** юродствует во Христе, почему бы банде мотоциклистов не войти в истеблишмент. Плюнь и забудь».

Вот так. Я бы накатал еще, но у нас скоро тренировка. В воскресенье «Дикие кошки» из Барре отделают нас под орех. Дотянуть бы до конца сезона. Будьте здоровы.

Чак.

* В американском футболе точдауном называется маневр, когда игрок пересекает с мячом линию ворот противника, что приносит его команде шесть очков.

** Том Хейден — один из популярных лидеров леворадикального движения в США в 60-е годы, впоследствии эволюционировавший в сторону буржуазного либерализма.

*** Элдридж Кливер — деятель негритянской боевой организации «Черные пантеры», в 70-е годы изменивший радикальным идеалам «буржуазного десятилетия».

Эдгар Ланкте, 37 лет, десять лет работы в ФБР, судя по всему убит прошлой ночью на закрытой автомобильной стоянке в Оклахома-сити. Полиция сообщает, что в машине Ланкте взорвалась бомба, когда он включил зажигание. Типично гангстерский способ расправы напоминает убийство аризонского репортера Дона Боллза, занимавшегося два года назад частным расследованием, однако шеф ФБР Уильям Уэбстер отрицает наличие связи между этими двумя преступлениями. На вопрос о причастности Ланкте к расследованию темных махинаций с земельными участками, в чем, возможно, замешаны местные политические деятели, Уэбстер не дал определенного ответа.

Последнее задание Ланкте окружено тайной. Согласно информации, исходящей из министерства юстиции, Ланкте занимался отнюдь не расследованием земельных махинаций, а вопросами национальной безопасности.

Ланкте поступил на работу в ФБР в 1968 году и...

Число блокнотов в письменном столе Джонни выросло с четырех до пяти, а к осени 1978 года — до семи. Осенью 1978 года скончался глава римско-католической церкви, вскоре последовала смерть его преемника; в короткий промежуток между этими событиями Грег Стилсон оказался в центре внимания американцев.

Он на «ура» был переизбран в палату представителей и, когда страна после 13-го предложения* дала крен вправо, основал партию «Америка сегодня». Самое поразительное, что несколько конгрессменов изменили своим партиям и, по выражению Грега, к нему «прямкнули». Большинство из них придерживалось сходных политических взглядов, которые Джонни определял как фальшиво-либеральные в вопросах внутренней политики и умеренные, если не консервативные, во внешнеполитических вопросах. Ни один из этих людей не поддержал договора Картера о Панамском канале. Стоило, впрочем, снять налет либерализма с их внутривнутриполитической программы, как она оказывалась ничуть не менее консервативной. Партия «Америка сегодня» требовала, чтобы города сами решали свои проблемы («Фермер, работающий в поте лица, платит налоги не для того, чтобы их использовали на метадонные** программы Нью-Йорка», — объявил Грег), чтобы государство перестало выбрасывать деньги на пособия проституткам, гомосексуалистам, тунеядцам и бывшим преступникам и чтобы ра-

* В июне 1978 года власти Калифорнии установили максимальный уровень подоходного налога, что привело к оттоку средств из общественного сектора,

** Метадон — наркотик-заменитель, используемый как болеутоляющее при лечении наркоманов.

дикальное снижение налогов было увязано с радикальным сокращением расходов на социальные нужды. Все это было старой песней, но партия Грега «Америка сегодня» завела ее на приятный новый лад.

Семь конгрессменов и два сенатора переметнулись к Стилсону перед промежуточными выборами. Обоих сенаторов и шестерых конгрессменов избрали на новый срок. Из девяти переметнувшихся восемь были республиканцы, от чьей первоначальной платформы остались рожки да ножки. Их переход в другую партию и последующее переизбрание один остролов назвал трюком более ловким, нежели тот, коему предшествовали слова: «Лазарь! Иди вон».

Кое-кто уже видел в Грее Стилсоне силу, с которой придется считаться, и очень скоро. Ему, правда, не удалось «запустить» выхлопные газы на Юпитер и на кольца Сатурна, зато его усилиями слетели со своих мест две одиночные фигуры — конгрессмен, утеплявший родное гнездышко за счет незаконных прибылей с автостоянок, а также помощник президента, имевший пристрастие к барам для «голубых». Его законопроект об отоплении жилищ отличался смелостью и изобретательностью, а в том, как умело он провел его через все стадии обсуждения, чувствовалась хватка парня из глубинки. К 1980 году Грег еще не дозреет. 1984-й будет уже большим соблазном, но если у него хватит выдержки потерпеть до 1988-го, если он сумеет укрепить свои позиции и ветер не настолько переменит направление, чтобы сдуть со сцены его неоперившуюся партию, как знать, всякое может случиться.

Республиканцы между собой перегрызлись, и если предположить, что на смену Картеру придет Мондейл или Джерри Браун, или даже Говард Бейкер, кто, спрашивается, будет следующим? Даже 1992 год — для него еще не поздно. Он ведь сравнительно молод. Да, 1992-й — дата вполне вероятная...

В блокнотах Джонни было несколько политических карикатур. Все художники изображали Стилсона в каске строителя, с заразной ухмылочкой. Карикатурист Олифант изобразил, как Грег в сдвинутой назад каске катит по центральному проходу палаты представителей бочку с нефтью, на которой написаны: **БЕШЕНЫЕ ЦЕНЫ**. В конце прохода стоит, почесывая затылок, озадаченный Джимми Картер; он не смотрит в сторону Грега — автор, по-видимому, намекал, что Картер сейчас будет сметен. Подпись гласила: **С ДОРОГИ, ДЖИММИ!**

Каска. Почему-то каска больше, чем что-либо другое, беспокоила Джонни. У республиканцев слон, у демократов осел, у Грега Стилсона каска. Каска строителя-монтажника. В снах Джонни она иногда превращалась в мотоциклетный шлем на голове Стилсона. А иногда в шахтерскую каску.

В отдельный блокнот он вклеил присланные отцом газетные вырезки о пожаре в «Кэти». Он снова и снова перечитывал их,

правда по причине, о которой ни Сэм, ни Роджер, (ни даже его отец не догадывались. ЭКСТРАСЕНС ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПОЖАР. «МОЯ ДОЧЬ ТОЖЕ ПОГИБЛА БЫ», — ГОВОРИТ МАТЬ СО СЛЕЗАМИ БЛАГОДАРНОСТИ (говорившая со слезами благодарности мать была не кто иная, как мать Патти Стрэн). *Экстрасенс, распутавший цепь убийств в Касл-Роке, предсказывает пожар.* ЧИСЛО ЖЕРТВ В РЕСТОРАНЕ СОСТАВИЛО ДЕВЯНОСТО ЧЕЛОВЕК. ДЖОННИ СМИТ, ПО СЛОВАМ ОТЦА, ПОКИНУЛ НОВУЮ АНГЛИЮ, О ЕГО МЕСТОНАХОЖДЕНИИ НЕ СООБЩАЕТСЯ. Его фотографии. Фотографии его отца. Снимки той давней аварии на автостраде № 6, ведущей в Кливс Милс, снимки из далекого прошлого, когда Сара Брэкнелл была его девушкой. Сейчас Сара замужняя женщина, мать двоих детей, и в последнем письме Герберт писал, что у нее появились седые волосы. Трудно поверить: ему самому уже тридцать один. Невероятно, но факт.

Рядом с вырезками пестрели записи — результат отчаянных попыток разобраться во всем раз и навсегда. Никто не понимает истинного значения пожара, который влечет за собой куда более серьезный вопрос: как быть с Греггом Стилсоном?

Он записал: «Я должен что-то делать со Стилсоном. *Должен.* Я оказался прав с «Кэти» и снова окажусь прав. Тут у меня нет сомнений. Он станет президентом и развяжет войну — или спротицирует ее элементарным просчетом, что сути дела не меняет.

Вопрос: сколь круты должны быть принимаемые меры?

Возьмем «Кэти» как испытательную модель. Это, можно сказать, был мне знак свыше... ну вот, я начинаю рассуждать, как мама... и тем не менее. Я ведь знал, что случится пожар и погибнут люди. Но достаточно ли было этого знания, чтобы спасти их? Ответ: недостаточно, чтобы спасти *всех*, так как люди по-настоящему верят лишь в свершившийся факт. Те, кто променял «Кэти» на дом Чатсворта, спаслись, однако Р. Ч. устроил вечерку вовсе не потому, что поверил моему предсказанию. Он высказался недвусмысленно: вечеринка была устроена, дабы меня успокоить. В душе он посмеивался надо мной. Поверил он *потом*. Мать Патти Стрэн тоже поверила *потом*. Потом, потом, потом. Но мертвым и обожженным от этого не легче.

Отсюда второй вопрос: мог ли я предотвратить катастрофу?

Да. Я мог врезаться на машине в ресторан и все там разнести. Мог собственноручно поджечь его.

Третий вопрос: чем это мне грозило?

Вероятно, тюрьмой. Если бы я выбрал вариант с машиной, а затем вечером в здание ударила бы молния, пожалуй, я сумел бы доказать... нет, этот номер не проходит. Обыватель готов признать экстрасенсорные способности человека, но закон — нет. Пожалуй, если бы мне снова представился такой шанс, я бы

действовал, не думая о последствиях. А может быть, я не до конца верил в свое собственное предсказание?

То же самое сейчас со Стилсоном, все до жути похоже. Только времени на этот раз, слава Богу, куда больше.

Итак, круг замкнулся. Я не хочу, чтобы Грег Стилсон стал президентом. Как это предотвратить?

1. Вернуться в Нью-Гэмпшир и «прямкнуть», по выражению Грега, к партии «Америка сегодня». Вставлять им палки в колеса. Саботировать распоряжения их лидера. Грязи в доме хватает. Может, и удастся кое-что вымести.

2. Нанять человека, который обольет его грязью. Оставшихся денег Роджера вполне хватит, чтобы нанять человека с головой. Но ведь Ланкте был наверняка человек с головой. А Ланкте мертв.

3. Ранить или изувечить его. Как Артур Бремер изувечил Уоллеса, как кто-то изувечил Ларри Флинта*.

4. Убить его.

Теперь минусы. Первый вариант недостаточно надежен. Все может кончиться тем, что мне просто-напросто пересчитают ребра, как Хантеру Томпсону, когда он собирал материал для своей книги об «ангелах смерти». Или того хуже. Ведь этот Эллиман мог запомнить меня на встрече в Тримбулле. А разве не принято заводить досье на тех, кто под тебя подкапывается? Не удивлюсь, если Стилсон держит специального человека, в чьи обязанности входит вести досье на всех подозрительных и шизоидов. В число которых автоматически попадаю я.

Второй вариант. Предположим, удалось вытащить на свет какую-то грязь. Если Стилсон действительно метит высоко — а судя по всему, это так — он наверняка уже успел замести следы. И еще: грязь становится грязью лишь с подачи прессы, а пресса любит Стилсона. Он умеет ее обработать. Можно бы пофантазировать, как я сам делаюсь частным детективом и ловлю его с поличным, но, увы, я не знаю, с какого конца взяться. Казалось бы, моя способность «читать» людей и находить пропавшие вещи должна, как говорил Сэм, дать мне фору. Если удастся выяснить что-нибудь о Ланкте, тогда другой разговор. Хотя едва ли Стилсон станет марать руки, скорее всего подобные дела он передоверяет Санни Эллиману.

А ведь у меня даже нет полной уверенности при всех подозрениях, что Эдгар Ланкте шел по следу Стилсона и поэтому его убрали. Я могу затянуть петлю на шее у Санни Эллимана, но так и не добраться до Стилсона.

Иными словами, второй вариант тоже не вполне надежен. Ставка чересчур велика — недаром я гоню от себя мысль

* Джордж Уоллес стал частично парализованным после полученных ранений и сошел с политической арены. Ларри Флинт, издатель порнографического журнала, был тяжело ранен неким рьяным блюстителем нравственности.

о «тримбулльском видении». Каждый раз это сопровождается дьявольской головной болью.

Я уже дошел до того, что подумываю, не поймать ли его на крючок с помощью наркотиков, как герой Джина Хэкмана во «Французском связном II», или сделать из него психа, подмешав ЛСД в «доктор Пеппер»* или что он там пьет. Но все это из дешевого детектива. Мерзопакость в стиле Гордона Лидди**. Тут столько всяких сложностей, что об этом «варианте» и говорить-то не стоит. А если похитить его? В конце концов он всего лишь член палаты представителей... Кстати, о наркотиках. Где взять героин или морфий, не знаю, но вот ЛСД можно достать сколько угодно прямо здесь, в управлении общественных работ Финикса, у Ларри Макнотона. У Ларри есть таблетки на все случаи жизни. Но предположим (если вообще стоит предполагать такое), что он всего-навсего «забалдеет»?

Подстрелить и изувечить его? Может, удастся, а может, и нет. Б подходящей обстановке, вроде встречи в Тримбулле, может удастся. Допустим, удалось. После покушения в Лореле Джордж Уоллес перестал быть реальной политической силой. С другой стороны, Рузвельт вел свою кампанию из инвалидного кресла, и это даже приносило ему определенную выгоду.

Таким образом, остается убийство, «мокрое дело». Тут уж гарантия стопроцентная. Труп не может баллотироваться в президенты.

Но хватит ли у меня духу спустить курок?

И если хватит, то чем это мне грозит?

Как у Боба Дилана: «Задай вопрос полегче, крошка».

Много записей и рассуждений было в блокнотах. Самое важное Джонни записал отдельно и обвел рамкой:

«Предположим, убийство окажется единственным выходом. И предположим, хватит духу спустить курок. Все равно убийство — это порочный путь. Убийство — это порочный путь. Порочный. Должен быть какой-то другой выход. Слава Богу, у меня еще полно времени».

Но Джонни ошибался.

В начале декабря 1978 года, вскоре после того, как на затепляющей в джунглях Гаяны посадочной полосе был убит конгрессмен Лео Райан из Калифорнии, выяснилось, что времени у него в обрез.

26 декабря 1978 года в 14.30 Бад Прескотт, продавец магазина спортивных товаров на Четвертой улице города Финикса, обслуживал высокого молодого, но уже сидящего человека, из-

* Тонизирующий напиток,

** Один из организаторов взлома в штаб-квартире демократической партии в Уотергейте.

можденного, с воспаленными глазами. Был первый день после Рождества, и работа Бада и еще двух продавцов сводилась в основном к обмену товаров, но этот человек пришел покупать.

Он сказал, что ему нужна хорошая винтовка, легкая, со скользящим затвором. Бад показал ему несколько образцов.

Человек внимательно их осмотрел и наконец остановил свой выбор на «ремингтоне-700» — очень приличная винтовка калибра 6,17 миллиметра, с дальним и точным боем и мягкой отдачей. Человек расписался в регистрационной книге: Джон Смит, и Бад подумал: *Интересно, как его зовут на самом деле?* «Джон Смит» расплатился наличными — бумажник, из которого он вытаскивал двадцатидолларовые бумажки, был туго набит. Он взял винтовку с прилавка. Бад сказал с подковыркой, что магазин бесплатно выжигает инициалы владельца на прикладе. Но «Джон Смит» отрицательно покачал головой.

Когда «Смит» выходил, Бад увидел, что он заметно прихрамывает. В случае чего опознать этого парня будет проще просто, подумалось ему, вон как хромает. Да еще вся шея в шрамах.

27 декабря 1978 года в 10.30 утра болезненно худой мужчина вошел, прихрамывая, в магазин канцелярских товаров города Финикса и направился к продавцу Дину Клею. Позднее, рассказывая об этом человеке, Клей употребит выражение покойной матери: глаз у него «горел». Покупатель сказал, что ему нужен большой «дипломат», и в конце концов выбрал самый лучший — воловьей кожи, за 149 долларов 95 центов. Рассчитался хромавший мужчина новенькими двадцатидолларовыми бумажками. Вся процедура заняла не больше десяти минут. Выйдя из магазина, покупатель направился в сторону центра, и больше Дин Клей этого человека не видел — до появления его фотографии в местной газете «Сан».

В тот же день высокий, с проседью мужчина подошел к окошечку железнодорожной кассы и спросил, как быстрее добраться до Нью-Йорка. Кассирша Бонита Альварес показала ему, где сделать пересадки. Он внимательно изучил схему, водя по ней пальцем, и аккуратно все записал. Затем спросил Бонни Альварес, можно ли купить билет на третье января. Бонни пробежалась по клавишам компьютера и ответила утвердительно.

— Тогда, пожалуйста... — начал было высокий мужчина, но осекся и поднес руку к голове.

— Что с вами, сэр?

— Фейерверк, — сказал мужчина. Она уверяла впоследствии полицию, что слышала именно это слово.

— Сэр! Вам плохо?

— Голова, — сказал он. — Извините. — Он попытался улыбнуться, но это почти не изменило его осунувшееся, раньше времени постаревшее лицо.

— Дать вам аспирин? У меня есть.

— Спасибо, не надо. Пройдет.

Она выписала билет и сказала, что поезд прибудет в Нью-Йорк на Центральный вокзал шестого января в полдень...

— Сколько с меня?

Она назвала сумму и спросила:

— У вас наличные, мистер Смит?

— Наличные, — сказал он и вытащил из бумажника целую пачку двадцати- и десятидолларовых купюр. Она пересчитала деньги, дала ему сдачу, квитанцию и билет.

— Ваш поезд отходит в десять тридцать, мистер Смит, — сказала она. — Приходите минут за двадцать.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Бонни одарила его ослепительной профессиональной улыбкой, но Смит уже отвернулся. Он был очень бледен и, как видно, с трудом превозмогал боль.

Бонни утверждала, что он именно так и сказал: *фейерверк*.

Элтон Карри работал проводником на перегоне Финникс — Солт-Лейк. 3 января ровно в 10 часов на платформе появился высокий мужчина; он сильно хромал, и Элтон помог ему подняться в вагон. В одной руке у пассажира был потертый клетчатый саквояж. В другой — новехонький кожаный «дипломат». Чувствовалось, что «дипломат» изрядно тяжелый.

— Вам помочь, сэр? — спросил Элтон, имея в виду «дипломат». Но пассажир передал ему саквояж и билет.

— Нет-нет, благодарю. А это я заберу, когда поедем.

— Как вам угодно. Спасибо.

Очень вежливый пассажир, скажет Элтон Карри, когда его будут допрашивать агенты ФБР. И на чаевые не поспешил.

6 января 1979 года выдалось в Нью-Йорке серое, пасмурное — снегопада можно было ждать в любую минуту. Такси Джорджа Клементса стояло у входа в отель «Билтмор», против Центрального вокзала.

Дверца открылась, и в машину осторожно, словно каждое движение причиняло ему боль, сел молодой человек с уже заметной сединой. Он поставил на сиденье дорожный саквояж и «дипломат», захлопнул дверцу, откинул голову на спинку и устало прикрыл глаза.

— Куда едем, дружище? — спросил Джордж.

Пассажир заглянул в листок бумаги.

— Вокзал Порт Осорити, — сказал он.

— Что-то у вас, дружище, вид неважнецкий. У меня свояк такой же становится во время приступа желчного пузыря. У вас тоже камни?

— Нет.

— Свояк говорит, что камни в желчном — это хуже некуда.

Ну разве что камни в почках. А я ему знаете что на это? Ты чудила, говорю. Энди, говорю, ты отличный парень, и я тебя уважаю, но ты чудила. У тебя был, спрашиваю, рак, Энди? Рак, говорю, был? Всем известно, хуже рака ничего нет, верно? — Джордж пристально посмотрел в зеркало заднего обзора. — Послушайте, дружище, я вас без дураков спрашиваю... вы как, ничего? А то малость на покойничка смахиваете.

— Все в порядке, — ответил пассажир. — Просто вспомнил... как ехал однажды на такси. Несколько лет назад.

— Ясно, — глубокомысленно сказал Джордж, будто и впрямь знал, о чем речь. Да, шизов в Нью-Йорке хоть отбавляй. После короткой паузы, вызванной раздумьями на эту тему, он продолжил рассказ о свояке.

— Мама, дядя больной?

— Ш-ш-ш.

— Ну скажи!

— Денни, угомонись.

Она виновато улыбнулась пассажиру, сидевшему справа через проход, словно желая сказать: ну что с ним поделаешь? Похоже, однако, что пассажир ничего не заметил. Бедняга и вправду выглядел больным, в данном случае четырехлетний Денни не ошибся. Мужчина безучастно смотрел в окно; снег, который пошел вскоре после того, как они пересекли границу штата Коннектикут, все падал и падал. Мужчина был ужасно бледный, ужасно худой, и сбоку его шеи наискось прорезал жутковатый, как у Франкенштейна, шрам. Слово в недалеком прошлом кто-то пытался открутить ему голову, и эта попытка едва не увенчалась успехом.

Автобус направлялся в Портсмут, штат Нью-Гэмпшир, куда он прибудет по расписанию в полдесятого вечера, если нигде не застрянет из-за снегопада. Джулия Браун с сыном ехала в гости к свекрови, этой старой курице, которая опять станет баловать Денни, а он уж и так испорчен дальше некуда.

— Я хочу подойти к нему.

— Нельзя, Денни.

— Я хочу посмотреть, какой он больной.

— Нельзя!

— Мама, а вдруг он *вымирает*? — глаза у Денни возбужденно блестели. — Он, наверное, вымирает вейчас!

— Денни, молчи.

— Мистер, мистер! — позвал Денни. — Вы вымираете, да?

— Денни! Ты замолчишь, наконец! — прошипела Джулия, пунцовая от смущения.

Денни заплакал, точнее, стал хныкать с подвыванием, как он это умел, когда ему что-то не разрешали, и у нее всякий раз было одно желание — сграбастать Денни и сделать ему больно, чтобы он заревел по-настоящему. В такие минуты, когда трясешься в автобусе, а за окнами темень и грязное снежное месиво и рядом

завывает ребенок, начинаешь думать: Господи, лучше бы мать стерилизовала меня еще девочкой.

Тут пассажир, сидевший через проход, повернулся к ней, и на лице его появилась усталая, болезненная и в то же время довольно приятная улыбка. Глаза у него были воспаленные, словно заплаканные. Она попробовала улыбнуться в ответ, но улыбка получилась вымученная. Этот красный левый глаз и шрам на шее — из-за них в его профиле было что-то зловещее и отталкивающее.

Джулия надеялась, что он едет не до самого Портсмута, но, как потом выяснилось, он ехал именно туда. Она увидела его в здании автовокзала, когда бабушка Денни, заливаясь счастливым смехом, тискала внука в объятиях. Человек, прихрамывая, шел к выходу, с потертым саквояжем в одной руке и новеньким «дипломатом» в другой. Внезапно холодная дрожь пробежала у нее по спине. Дело не в том, что он шел прихрамывая — его буквально несло вперед. Он был какой-то неудержимый, скажет она позднее представителям нью-гэмпширской полиции. Казалось, он точно знал, куда ему надо, и ничто не могло его остановить.

Потом он вышел в темноту, и она потеряла его из виду.

Тиммесдейл, небольшой городок в штате Нью-Гэмпшир, расположен западнее Дарема. Он входит в третий избирательный округ и живет за счет самой маленькой из чатсвортовских прядельно-ткацких фабрик, которая уродливо торчит, вся прокопченная, на берегу Тиммесдейлской Протоки. Единственное, чем, по данным местной торговой палаты, может похвастаться город, это первым во всем Нью-Гэмпшире электрическим уличным освещением.

Однажды вечером в начале января сидящий молодой человек вошел, прихрамывая, в «Тиммесдейлский бар» — единственную пивную в городке. За стойкой стоял сам владелец — Дик О'Доннелл. Заведение пустовало, и неудивительно: будний день да еще сильный северный ветер. Снега навалило выше щиколотки, и это было только начало.

Молодой человек постучал ботинками о порожек, подошел к стойке и заказал кружку пива. О'Доннелл налил. Человек не спеша выпил кружку и еще две, поглядывая в телевизор над баром. Цвета были никудышные, телевизор барахлил второй месяц, и Фонз* смахивал на одряхлевшего трансильванского вампира**. О'Доннелл в первый раз видел этого парня.

О'Доннелл обслужил двух старых перечеиц, сидевших в углу, и вернулся за стойку.

— Повторить? — спросил он.

* Главный персонаж телевизионной серии «Счастливые деньки».

** Трансильвания — область, где обитают, согласно легендам западных славян, вампиры, вурдалаки и проч.

— Пожалуй, — согласился молодой человек и указал на стену. — Вы с ним знакомы, я так понимаю?

Над телевизором висела увеличенная газетная карикатура в рамке. На ней Григ Стилсон в сдвинутой на затылок каске спускал с лестницы Капитолия конгрессмена Луиса Квинна, попавшегося около года назад на левых доходах с автостоянок. Карикатура была озаглавлена: *ПОД ЗАД КОЛЕНКОЙ, а в углу виднелась размашистая надпись: Дик О'Доннеллу, владельцу лучшего салуна в третьем округе! Не сбавляй оборотов, Дик! — Грег Стилсон.*

— Вот это были бабки, — сказал О'Доннелл. — Он выступал здесь, когда последний раз баллотировался в конгресс. По всему городу расклеили объявления: приходите в субботу в два часа дня в «Бар» и пропустите кружку за счет Грега. Такой выручки у меня еще никогда не было. Каждому вроде обещал по одной, а в результате оплатил всю выпивку. Ну кто еще, скажите, так раскошелится?

— Вы, я вижу, считаете его отличным парнем.

— Да, — сказал О'Доннелл. — И готов вздуть любого, кто считает иначе.

— Тогда молчу. — Молодой человек положил на стойку три четвертака. — Выпейте одну за мой счет.

— Ну что ж. Почему бы и нет? Спасибо, мистер...

— Меня зовут Джонни Смит.

— Очень приятно, Джонни. А я Дик О'Доннелл. — Он налил себе кружку. — Да. Грег здорово нам всем помог. Тут много таких, которые боятся сказать об этом вслух, а я не боюсь. Я скажу во весь голос. В один прекрасный день Грег Стилсон станет президентом.

— Вы так думаете?

— Уверен, — сказал О'Доннелл. — В Нью-Гэмпшире Грегу тесновато. Он политик будь здоров какой, уж я-то знаю, что говорю. Мне вся эта капитольская публика всегда казалась шайкой проходимцев и бездельников. И сейчас кажется. Но Грег исключение. Это человек дела. Если бы лет пять назад вы мне сказали, что я буду говорить такое, я б рассмеялся вам в лицо. Скорей бы уж я нашел что-нибудь стоящее в стишках, чем в этих политиках. Но он, черт меня дери, парень что надо.

— Большинство из них, — сказал Джонни, — набиваются к тебе в друзья-приятели, пока идет избирательная кампания, но не успеют сесть в заветное кресло, как уже слышишь: а иди-ка ты, дружище, куда подальше до следующих выборов. Сам я из Мэна и однажды написал Эду Маски, так знаете, что я получил в ответ? Письмо со стандартным текстом!

— Слушайте, — сказал О'Доннелл, — Грег призжает в свой округ каждый уик-энд! Это тоже, по-вашему, «иди-ка ты, дружище, куда подальше?»

— Каждый уик-энд, говорите? — Джонни отхлебнул из круж-

ки. — Куда же это? В Тримбулл? В Риджуэй? В большие города?

— У него своя система, — сказал О'Доннелл с оттенком уважения, как человек, который сам никогда не жил по системе. — Пятнадцать городов, от главного до самых маленьких, вроде Тиммседейла и Куртерской Засеки. Каждую неделю — один город, пока все не объедет, а потом по новой. Знаете, сколько народу в Куртерской Засеке? Восемьсот душ. Так что вы скажете о человеке, который променял Вашингтон на Куртерскую Засеку, где в зале такой собачий холод, что зад к скамейке примерзает? По-вашему, это «иди-ка ты, дружище, куда подальше?»

— Непохоже, — признал Джонни. — И что же он делает? Пожимает всем руки?

— Нет, в каждом городе он заказывает зал. На всю субботу. В десять утра он обычно уже на месте, и можно прийти поговорить с ним. Поделиться соображениями. Если задают вопросы, он отвечает. Если не может ответить, он возвращается в Вашингтон и там находит ответ! — он торжествующе посмотрел на Джонни.

— И когда же он последний раз был в Тиммседейле?

— Пару месяцев назад, — сказал О'Доннелл. Он отошел к кассе и порылся в каких-то бумагах. Вернувшись, он положил перед Джонни газетную вырезку с загнутым уголком. — Вот. Судите сами.

Это была вырезка из риджуэйской газеты. Довольно старой. Заметка называлась ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: НАРОД, ГОВОРIT СТИЛСОН, ПРИХОДИТ К СВОЕМУ КОНГРЕССМЕНУ! Первый абзац звучал так, словно его позаимствовали в стилсоновской пресс-группе. Ниже следовал перечень городов, где побывал Грег, и предполагаемые даты. В Тиммседейле он уже не появится до середины марта.

— Да, впечатляет, — сказал Джонни.

— Еще бы. И не я один так считаю.

— Тут сказано, что он был в Куртерской Засеке на прошлой неделе.

— Точно, — сказал О'Доннелл и засмеялся. — Ох уж эта мне Куртерская Засека! Как насчет еще одной кружки, Джонни?

— Только с вами за компанию, — сказал Джонни и положил на стойку два доллара.

— А почему бы и нет?

Одна из старых пьянчужек кинула монетку в музыкальный автомат, и Тэмми Уайнетт надтреснутым и усталым голосом, будто ей смертельно не хотелось петь в таком месте, затянула «Любимому во всем будь верной».

— Эй, Дик! — прохрипела вторая. — Что-то твой сервис уж больно ненавязчивый.

— Заткнись! — рявкнул О'Доннелл.

— ...тебе! — отозвалась она и заржала.

— Кларисса, черт тебя дери, я, кажется, предупреждал, чтобы в моем баре не выражаться! Я ведь предупреждал...

— Да ладно тебе, носи лучше пиво.

— Видеть не могу этих потаскух, — сказаал сквозь зубы О'Доннелл. — Шлюхи старые. Сто лет здесь ошиваются. Вот ведь мир устроен.

— Ваша правда.

— Вы уж извините, я мигом. Вообще-то у меня есть помощница, но зимой она приходит только по пятницам и субботам.

О'Доннелл налил пиво в две огромные кружки и отнес их пьянчужкам. Он что-то сказал им, а Кларисса опять выдала «...тебе!» и заржала. Призраки прошлого наводнили пивную. Крутилась заигранная пластинка, и сквозь треск пробивался голос Тэмми Уайнетт. Батареи отопления грели немилосердно, в баре сделалось жарко и душно, снежная крупа прокатывалась дробью по стеклам. Джонни потерял виски. Этот бар, он давно знаком ему — по сотне других, в таких же городишках. Болела голова. Пожав О'Доннеллу руку, он узнал, что у бармена есть матерый пес — какая-то помесь, обученный набрасываться по команде на человека. И больше всего Дик О'Доннелл мечтает о том, чтобы как-нибудь ночью к нему залез вор, и тогда можно будет спустить — вполне законно — матерого пса, после чего на свете станет одним прибалдевшим, грязным хиппарем-извращенцем меньше.

Отчаянно болела голова.

Вернулся О'Доннелл, вытирая руки о фартук. Тэмми Уайнетт допела свою песню, зазвучал голос Реда Совайна.

— Еще раз спасибо за угощение, — сказал О'Доннелл, наливая две кружки.

— О чем разговор, — сказал Джонни, продолжая изучать газетную вырезку. — На прошлой неделе Куртерская Засака, на этой будет Джэксон... что-то я о таком не слышал. Небось маленький городишко?

— Крохотный, — подтвердил О'Доннелл. — Когда-то был лыжный курорт, но прогорел. Многие остались без работы. А вообще они там перерабатывают древесину да на фермах понемногу ковыряются. Но ему, представьте, и туда заехать не лень. Беседует с ними. Выслушивает их бабье. Вы сами-то, Джонни, где живете в Мэне?

— В Льюистоне, — соврал Джонни. В заметке говорилось, что Грег Стилсон встретится со всеми желающими в общественном центре.

— Никак сюда на лыжах покататься приехали?

— Нет, я недавно ушиб ногу. Теперь не до лыж. Так, проездом. Спасибо, что дали посмотреть. — Он возвратил газетную вырезку. — Занятная штука.

О'Доннелл аккуратно подложил ее к остальным бумагам. Все его достояние: пустой бар, дома пес, готовый по команде наброситься на человека, да вот Грег Стилсон. Грег, побывавший в его баре.

Джонни вдруг захотелось сию же секунду умереть. Если этот дар ниспослан ему Богом, то Бог, без сомнения, опасный безумец, которого пора остановить. Если Бог хочет смерти Грега Стилсона, почему Он не задушил его пуповиной при появлении на свет? Не толкнул под колеса машины? Не убил током, когда тот настраивал радиоприемник? Не утопил в бассейне? Почему Он свалил грязную работу на Джонни Смита? Ну, конечно, спасение мира не входит в Его обязанности. Это дело экстрасенсов, пусть они и попотеют. Внезапно Джонни решил, что оставит Грега Стилсона в живых и плевать он хотел на господ Бога.

— Джонни, вы как, ничего? — встревожился О'Доннелл.

— Что? Да-да, разумеется.

— У вас сейчас был какой-то странноватый вид.

Он вспомнил слова Чака Чатсворта: *Я бы это сделал. Иначе я бы с ума сошел, что все они, эти миллионы погибших по его милости, будут преследовать меня до самой смерти.*

— Замечтался, видно, — сказал Джонни. — Рад был с вами выпить. Спасибо за компанию.

— И вам тоже, — сказал О'Доннелл, явно польщенный. — Побольше бы таких людей к нам заглядывало. А то все норовят мимо, на лыжные курорты — сами понимаете, цивилизация. Вон куда уплывают денежки. Знать бы, что ко мне завернут, я бы тут такое устроил... Плакаты с видами Швейцарии и Колорадо. Камин. Зарядил бы автомат рок-н-роллом вместо этого дерьма. Я бы... я бы знаете, как развернулся. — И, пожав плечами, добавил: — Что я, хуже других?

— Конечно, нет, — сказал Джонни, поднимаясь со стула и думая о собаке, обученной бросаться на человека, и о тоске ее хозяина по грязному хиппи, который когда-нибудь залезет в дом.

— Теперь шлите сюда своих приятелей, — сказал О'Доннелл.

— Обязательно, — сказал Джонни.

— Эй, Дик! — заорала одна из пьянчужек. — Здесь что, не умеют вежливо обслуживать посетителей?

— Когда ты уже лопнешь! — вскипел О'Доннелл, багровея.

— А... тебе! — откликнулась Кларисса и заржала.

Джонни тихо выскользнул за дверь навстречу надвигающемуся бурану.

В Портсмуте он остановился в «Холидей Инн». Вернувшись вечером в гостиницу, он сказал портье, чтобы к утру был готов счет.

В номере он сел за безликий гостиничный письменный стол, достал пачку бумаги и взял казенную гостиничную ручку. В висках у него стучало, но он должен был написать несколько писем. Его внезапный внутренний протест — если это можно так назвать — сошел на нет. Его счет к Грегу Стилсону остался.

Я сошел с ума, думал он, не иначе. Совсем спятил. Мысленно он уже видел броские заголовки: ЭКСТРАСЕНС СТРЕЛЯЕТ

В КОНГРЕССМЕНА ОТ НЬЮ-ГЭМПШИРА. МАНЬЯК УБИВАЕТ СТИЛСОНА. ПУЛЯ ОБРЫВАЕТ ЖИЗНЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Что касается журнала «Инсайд вью», то на его улице будет праздник: ЭКСТРАСЕНС-САМОЗВАНЕЦ УБИВАЕТ СТИЛСОНА, 12 ИЗВЕСТНЫХ ПСИХИАТРОВ ОБЪЯСНЯЮТ, ПОЧЕМУ СМИТ ЭТО СДЕЛАЛ. И сбоку, возможно, колонка Диса о том, как Джонни пригрозил ему, что возьмет мелкокалиберную винтовку и пристрелит непрошенного посетителя.

Сумасшедший.

Больничный долг выплачен, но после этой истории будет предъявлен особый счет, по которому отцу придется долго платить.. Еми и его жене предстоит не один день прожить в отраженных лучах печальной славы Джонни. Пойдут письма, полные ненависти. Все, кого он знал, подвергнутся допросу — Чатсворты, Сэм, шериф Баннерман. Сара? Кто знает, может, до Сары они не доберутся. В конце концов, не на президента же покушение. По крайней мере сейчас. *Тут много таких, которые боятся сказать об этом вслух, а я не боюсь. Я скажу во весь голос. В один прекрасный день Грег Стилсон станет президентом.*

Джонни потерял виски. Боль накатывала медленными волнами. Нет, так дело не пойдет. Он пододвинул к себе верхний лист бумаги, взял ручку и вывел: *Дорогой папа.* Ветер швырнул в стекло горсть сухого снега — сейчас разыграется... Наконец ручка заскользила по бумаге, сначала нехотя, затем все быстрее и быстрее.

Джонни поднялся по деревянным ступенькам, очищенным от снега и посыпанным солью. Миновав двойные двери, он оказался в вестибюле, стены которого были заклеены образцами избирательных бюллетеней и объявлениями, извещавшими о предстоящем третьего февраля сего года в Джэксоне, в этих стенах, собрании избирателей. Висело там и сообщение о скором визите Грега Стилсона и тут же портрет Самого в сдвинутой на затылок каске, с жесткой кривой ухмылкой, как бы говорящей: «Здорово мы их, приятель, а?» Чуть правее зеленой двери, которая вела в зал, обнаружилась довольно неожиданная табличка, и Джонни несколько секунд молча изучал ее: **СЕГОДНЯ СДАЕМ НА ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА. НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОКУМЕНТЫ.** Табличка стояла на деревянной подставке.

Он открыл дверь, почувствовал одуряющий жар, исходивший от большой печки, и увидел полицейского за столом. На полицейском была растянутая лыжная куртка с капюшоном. Перед ним на столе валялись бумаги, тут же стоял прибор для проверки зрения.

Полицейский поднял глаза на Джонни, и у того потянуло низ живота.

— Чем могу быть полезен, сэр?

Джонни показал на фотоаппарат, висевший у него через плечо.

— Да, вот, думал осмотреться, — сказал он. — Я от журнала «Янки». Мы делаем разворот об общественных зданиях в Мэне, Нью-Гэмпшире и Вермонте. С фотографиями, сами понимаете.

— Валяйте, — сказал полицейский. — Моя жена читает «Янки». А меня от него в сон клонит.

Джонни улыбнулся.

— Архитектура Новой Англии отличается известной... мрачностью.

— Мрачностью, — повторил полицейский, глядя на Джонни с некоторым сомнением, но тут же уткнулся в свои бумаги. — Следующий, пожалуйста.

Какой-то молодой человек подошел к столу и протянул полицейскому экзаменационный лист. Тот взял его и сказал:

— Смотрите, пожалуйста, в этот глазок и называйте дорожные знаки и сигналы, которые я вам буду показывать.

Молодой человек прилип к глазку. Полицейский положил перед собой таблицу условных знаков. Джонни отошел на несколько шагов и нацелил объектив на трибуну, находившуюся в конце центрального прохода

— Знак «стоп», — говорил за его спиной молодой человек. — А это разрешающий... это предупреждающий.. нет правого поворота... левого...

Он не ожидал увидеть здесь полицейского. Он даже не удосужился купить пленку для фотоаппарата, который взял для отвода глаз. Но отступать поздно. Сегодня пятница, завтра, если не произойдет ничего неожиданного, Стилсон будет здесь. Будет отвечать на вопросы и выслушивать предложения добропорядочных граждан города Джэксона. С ним будет целая свита. Два-три помощника, два-три консультанта... и еще несколько молодых людей в приличных костюмах или спортивных пиджаках — те, кто еще недавно носил джинсы и гонял на мотоциклах. Грег Стилсон по-прежнему свято верил в телохранителей. В Тримбулле они разгуливали с обрубками бильярдных киев. Теперь у них, наверное, пистолеты. Трудно ли члену конгресса добиться разрешения вооружить свою охрану? Джонни полагал, что нетрудно. Оставалось рассчитывать на удачу — что ж, он постарается использовать любой шанс. Надо осмотреть помещение и решить, убрать ли Стилсона здесь или ждать в машине на автостоянке, с опущенным стеклом и винтовкой между колен.

Слева висела доска объявлений, и Джонни навел на нее незаряженный аппарат... Господи, почему почему он не потратил еще две минуты, чтобы купить пленку? Доска пестрела всякими объявлениями: продажа консервированных бобов, предстоящая школьная премьера, регистрация собак и, само собой, еще кое-что о Грее. На стандартной карточке было написано, что председателю городского управления Джэксона требуется стенографистка;

Джонни сделал вид, будто содержание карточки чрезвычайно его заинтересовало, а в это время мысли завертелись с удвоенной скоростью.

Конечно, если Джексон отпадает или хотя бы окажется под вопросом, можно предпринять новую попытку через неделю, когда то же самое будет происходить в Апсоне. Или через две недели, в Тримбулле. Или никогда.

Нет, все должно решиться в эту неделю. Точнее — завтра.

Он «сфотографировал» большую печь в углу и взглянул наверх. Там был балкон. Даже не балкон, а галерея с перилами по пояс, сработанными из широких выкрашенных белой краской планок с прорезями в виде ромбов и завитушек. Что ж, за такими перилами вполне можно укрыться и наблюдать в прорезь. А в нужный момент встать и...

— Какая у вас камера?

Джонни обернулся в полной уверенности, что это полицейский. Сейчас он попросит показать ему фотоаппарат... незаряженный... потом захочет посмотреть его удостоверение личности... а потом с ним будут говорить в другом месте.

Но это был не полицейский. Это был молодой человек, который только что проходил тест на водительские права. Лет двадцати двух; длинноволосый, с приятным открытым взглядом, в замшевом пиджаке и вытертых джинсах.

— «Никон», — сказал Джонни.

— Отличная штука. Фотокамеры — моя страсть. Давно работаете для «Янки»?

— Я... э-э... свободный художник, — сказал Джонни. — Иногда делаю кое-что для них, иногда для «Кантри джорнал», иногда для «Даун-ист»

— А выше рангом? «Пипл» или «Лайф»?

— Нет. Пока, во всяком случае.

— Какую вы поставили диафрагму?

Диафрагма! Это что еще за штуковина такая?

Джонни пожал плечами.

— Я, знаете, все больше на слух...

— На глаз, что ли? — улыбнулся молодой человек.

— Ну да, на глаз. *Сгинь, Бога ради, сгинь!*

— Я тоже мечтаю быть свободным художником, — сказал молодой человек и ухмыльнулся. — Моя голубая мечта — снять что-нибудь этакое, вроде водружения флага на Иводзима*.

— Я слышал, там все было срепетировано, — заметил Джонни.

— Возможно, возможно. Но это классика. Или, скажем, первый снимок посадки НЛО, а? Здорово было бы. Кстати, у меня тут с собой портфель фотографий. Вам кто заказывает работу в «Янки»?

* Японский остров, захваченный американцами в 1945 году.

Джонни взмок.

— Вообще-то они только сейчас ко мне обратились, — сказал он. — Просто я...

— Мистер Клоусон, подойдите, — послышался раздраженный голос полицейского. — Посмотрим вместе ваши ответы.

— О, начальник зовет, — сказал Клоусон. — Я сейчас. — Он поспешил к столу экзаменатора, и Джонни перевел дух. Надо было убираться, и немедленно.

Он еще два-три раза «щелкнул», чтобы его уход не выглядел совсем уж бегством, но едва ли видел что-либо в объектив. Затем он ушел.

Клоусону, молодому человеку в замшевом пиджаке, было не до Джонни. Судя по всему, он не справился с письменным заданием и сейчас яростно доказывал что-то полицейскому, но тот лишь качал головой.

Джонни ненадолго задержался в вестибюле. Налево был гардероб. Направо — закрытая дверь. Он повернул ручку — дверь была не заперта. Узкая лестница уходила наверх в темноту. Там, должно быть, служебные помещения. И галерея.

Он снял номер в ночь на субботу в маленькой уютной гостинице «Джэксон Хаус» на главной улице. Гостиницу основательно переоборудовали, и это стоило, надо думать, немалых денег, но владельцы, по-видимому, считали, что она себя окупит благодаря новому лыжному курорту. Увы, курорт прогорел, и теперь маленькая уютная гостиница едва сводила концы с концами. В четыре часа утра Джонни вышел из номера с «дипломатом» в левой руке; ночной портье клевал носом над чашкой кофе.

Джонни почти не спал, только после полуночи задремал ненадолго. Ему приснился сон. 1970 год. Ярмарка. Они с Сарой стоят перед рулеткой, и вновь это ощущение сумасшедшего, безграничного могущества. И запах плавящейся резины.

«А ну-ка, — раздался у него за спиной тихий голос. — Хотел бы я посмотреть, как вздрючат этого типа». Он обернулся и увидел Фрэнка Додда в черном прорезиненном плаще, с широченным — во всю шею, от уха до уха — разрезом вроде кровавого оскала, с жутковатым блеском в остекленевших глазах. Он испуганно отвернулся к рулетке, но теперь за крупье был Грег Стилсон в своей желтой каске, лихо сдвинутой на затылок, с многозначительной улыбочкой, адресованной Джонни. — «Эй-эй-эй, — пропел Стилсон, и голос его звучал утробно, гулко, зловеще. — Ставьте куда хотите. Что скажешь, дружище? Играем по-крупному?»

Джонни был не прочь сыграть по-крупному. Стилсон запустил рулетку, и вдруг внешнее поле стало на глазах зеленым. Каждая цифра превратилась в двойное зеро. Куда ни поставь — выигрывал хозяин.

Он вздрогнул и проснулся. И до четырех сидел, тупо глядя в темноту сквозь заиндевевшие стекла. Головная боль, терзавшая его с момента приезда в Джэксон, отпустила, он чувствовал

слабость, но зато пришло спокойствие. Он сидел, сложив руки на коленях. Он не думал о Грее Стилсоне, он думал о прошлом. Вспоминал, как мать заклеивала ему пластырем ссадину на колене; как собака порвала сзади смешное летнее платье бабушки Нелли и как он хохотал, пока Вера не дала ему затрещину, оцарапав лоб обручальным кольцом с камешком; как отец учил его наживлять крючок, приговаривая: *«Червям не больно, Джонни... по крайней мере, мне так кажется»*. Он вспоминал, как отец подарил ему, семилетнему, перочинный нож на Рождество и очень серьезно сказал: *«Я тебе доверяю, Джонни»*. Все эти воспоминания нахлынули разом.

Он шагнул в пробирающий до костей утренний холод, и его ботинки закрепили по дорожке, проложенной в глубоком снегу. Из рта вырывался пар. Луна зашла, зато звезд на черном небе было пропасть сколько. Господни сокровища, называла их Вера. Перед тобой, Джонни, Господни сокровища.

Он прошел несколько кварталов по главной улице и, остановившись перед крошечной почтой, выудил письма из кармана пальто. Письма отцу, Саре, Сэму Вейзаку, Баннерману. Зажав «дипломат» между ног, он открыл почтовый ящик, стоявший перед аккуратным кирпичным строением, и после недолгого колебания бросил в щель письма. Он слышал, как они ударились о дно — без сомнения, первое почтовое отправление города Джэксона, и с этим звуком возникло смутное чувство наступившей разрядки. Письма отправлены, обратной дороги нет.

Он подхватил «дипломат» и двинулся дальше. Снег скрипел под ногами. Большой термометр над входом в банк Гранитного штата* показывает минут три, в воздухе были разлиты тишина и покой, какие бывают только в такие вот морозные утра в Нью-Гэмпшире. Ничто не шелохнется. Дорога пустынна. Ветровые стекла припаркованных автомашин незрячи из-за снежной катастрофы. Темные окна, закрытые ставни. Все казалось Джонни каким-то зловещим и в то же время святым. Он отогнал эту мысль. Не на святое дело шел он.

Он пересек Джаспер-стрит, и перед ним выросло здание общественного центра, белое и изящное в своей строгости среди сугробов посверкивающего снега.

Что ты будешь делать, умник, если дверь заперта?

Ничего, найдет способ преодолеть этот барьер. Джонни огляделся по сторонам — вокруг ни души. Да, если бы сегодня перед жителями города держал речь президент, все было бы, разумеется, иначе. Здание было бы оцеплено еще с вечера и охранялось изнутри. Но ждали всего лишь конгрессмена, одного из четырех сотен, невелика шишка.

Джонни поднялся по ступенькам и нажал на ручки. Она легко повернулась. Джонни шагнул в холодный вестибюль и плотно

* Общепринятое название Нью-Гэмпшира,

прикрыл за собой дверь. Головная боль возвращалась, пульсируя в такт ровным гулким ударам сердца. Он поставил «дипломат» на пол и стал массировать виски пальцами в перчатках.

Вдруг раздался басовитый скрип. Дверь гардероба медленно отворилась, и что-то белое начало выпадать из тьмы прямо на него.

Джонни едва не вскрикнул. На мгновение ему показалось, что из чулана вываливается труп, как в фильме ужасов. Но это была лишь табличка с надписью: НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОКУМЕНТЫ.

Он положил табличку на место и направился к двери, ведущей на лестницу.

Сейчас она была заперта.

Он нагнулся, чтобы получше рассмотреть замок в тусклом молочном свете уличного фонаря, просачивавшемся в окно. Это был обыкновенный пружинный замок, и Джонни подумал, что его, наверное, можно открыть крючком вешалки. Он принес вешалку из гардероба и просунул крючок в зазор между дверью и косяком. Он подвел к замку крюк и поводил им. Отчаянно стучало в висках. Наконец ему удалось прижать язычок, замок щелкнул, и дверь открылась. Он взял «дипломат» и вошел, держа вешалку в руке. Закрыл за собой дверь и услышал, как замок защелкнулся. Он стал подниматься по узкой лестнице, которая под ним скрипела и стонала.

Наверху обнаружился короткий коридор с дверями по обе стороны. Они миновал ПРЕДСЕДАТЕЛЯ и ЧЛЕНОВ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, НАЛОГОВОГО ИНСПЕКТОРА и МУЖСКОЙ ТУАЛЕТ, ПОПЕЧИТЕЛЯ БЕДНЫХ И ДАМСКИЙ ТУАЛЕТ.

В конце коридора была дверь без таблички. Дверь была не заперта, и он вышел на галерею; под ним лежал зал в диковинной сетке теней. Он затворил за собой дверь и вздрогнул, услышав, как прокатилось эхо в пустом зале. Он взял вправо, затем влево; каждый его шаг отзывался таким же гулким эхом. Он прошел вдоль правой стены галереи, на высоте примерно двадцати пяти футов, и остановился над печкой, как раз против сцены, на которую часов через пять взойдет Стилсон.

Он сел на пол по-турецки и перевел дух. Несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоить головную боль. Печка не топилась, и он чувствовал, как холод обволакивает его, пробирает насквозь. Предвестие гробовых пелен.

Когда немного отпустило, он нажал на замочки «дипломата». Двойной щелчок отзывался эхом, как ранее отзывались шаги; сейчас это напоминало звук взводимых курков.

Правосудие по-американски. подумал он ни с того ни с сего. Так говорил прокурор, когда присяжные признали виновной Клодину Лонге, застрелившую своего любовника. *Теперь она поняла, что значит правосудие по-американски.*

Джонни заглянул в «дипломат» и в растерянности заморгал — у него стало двоиться в глазах. Затем это прошло. И вдруг перед его мысленным взором возникла картина. Картина очень далекого прошлого; похоже на старую фотографию, сделанную сепией. На галерее толпятся мужчины, курят сигары, рассказывают анекдоты в ожидании начала собрания. Какой это год? 1920-й? 1902-й? Во всем этом было что-то жутковатое, и ему стало не по себе. Один из мужчин говорит о ценах на виски и ковыряет в носу серебряной зубочисткой...

(...а два года назад он отравил свою жену...)

...Джонни поежился. Картина, впрочем, не стоит особого внимания. Мужчина давно уже мертв.

Из «дипломата» поблескивал ствол винтовки.

На войне за это представляют к награде, пронеслось в голове.

Он начал собирать винтовку. Каждому щелчку вторило эхо, коротко и внушительно, напоминая все тот же звук взводимого курка.

Он зарядил «ремингтон» пятью патронами.

Положил винтовку на колени.

И стал ждать.

Медленно рассветало. Джонни ненадолго забылся, но было слишком холодно, чтобы заснуть по-настоящему. Он видел какие-то короткие, обрывистые сны.

Окончательно он очнулся, когда часы показывали начало восьмого. Дверь внизу с шумом отворилась, и он чуть было не вскрикнул: «*Кто там?*»

Это был сторож. Джонни прикинул глазом к ромбовидной прорези в балюстраде и увидел крупного мужчину в бушлате. Он шел по центральному проходу с вязанкой дров, мурлыча «Долину Красной реки». С грохотом вывалив дрова в деревянный ящик, он исчез из поля зрения. Секундой позже Джонни услышал высокий дребезжащий звук открываемой печной заслонки.

Вдруг Джонни подумал о том, что при каждом выдохе из рта у него вырываются облачка пара. А если сторож поднимет голову? Заметит он что-нибудь?

Он попробовал задержать дыхание, но от этого усилилась головная боль, и опять все стало раздваиваться перед глазами.

Донесся хруст сминаемой бумаги, чиркнула спичка. В стылом воздухе слабо запахло серой. Сторож продолжал мурлыкать «Долину Красной реки» и вдруг запел, громко и фальшиво: «Ты долину навек покидаешь... не забудем улыбку твою-у-у-у...»

Послышался другой звук — потрескивание. Занялся огонь.

— Сейчас мы тебя, гад ползучий, — сказал сторож, под самой галереей, и печная дверца захлопнулась. Джонни, точно кляпом, зажал рот обеими руками, чтобы не сыграть шутку, которая окажется для него последней. Он явственно представил: вот он встает во весь рост на галерее, тощий и белый, как всякое уважающее себя привидение, раскидывает руки, словно крылья, выста-

вив пальцы-когти, и говорит замогильным голосом: «Это мы сейчас тебя, гад ползучий!».

Джонни подавил смехок. Голову распирало, она была словно гигантский помидор, заполненный горячей, пульсирующей кровью. Перед глазами все плясало и расплывалось. Неудержимо потянуло бежать от человека, ковыряющего в носу серебряной зубочисткой, но он боялся пошевелиться. Господи, а если захочется чихнуть?

Внезапно чудовищный пронзительный вой пронесся по залу, впился ему в уши тонкими иглами, потом полез вверх, вибрируя и отдаваясь в голове. Сейчас он закричит...

Вой оборвался.

— Вот гад, — укоризненно сказал сторож.

Джонни глянул в прорезь и увидел, что сторож стоит на сцене и вертит магнитофон. Шнур от микрофона змеей тянулся к небольшому портативному усилителю. Сторож сошел по ступенькам со сцены, перенес усилитель подальше от микрофона и pokrutil ручки на верхней панели. Вернувшись на сцену, он еще раз включил микрофон. Тот снова зафонил, но уже слабее, и понемногу затих. Джонни прижал ладони ко лбу и начал его массировать.

Сторож постучал пальцем по микрофону, и пустое помещение наполнилось звуками. Словно кто-то забарабанил по крышке гроба. И тот же фальшивый голос, усиленный до чудовищного рева, обрушился на голову Джонни: «ТЫ ДОЛИ-И-И-НУ-У-У НАВЕК ПОКИДАЕШЬ...»

Прекрати, хотелось закричать Джонни. Умоляю, прекрати, я схожу с ума, прекрати же, слышишь?

Пение завершил громкоподобный щелчок, и сторож сказал своим обычным голосом: «Вот так мы тебя, гад».

Он опять исчез из поля зрения Джонни. Послышался треск — разорвалась бумага, сухой щелчок — лопнул шпагат. И вот сторож снова появился в поле зрения, насистывая, с целой кипой буклетов в руках. Он начал раскладывать их через небольшие промежутки на скамьях.

Покончив с этим, сторож застегнул бушлат и покинул зал. Дверь гулко хлопнула за ним. Джонни посмотрел на часы. Семь сорок пять. Зал понемногу прогревался. Он сидел и ждал. Голова по-прежнему разламывалась, но, как ни странно, переносить боль было теперь куда легче. Ничего, подумал Джонни, недолго ей мучить меня.

Ровно в девять дверь распахнулась, и он мгновенно вышел из полудремы. Пальцы непроизвольно стиснули винтовку, потом разжались. Он приник к ромбовидному глазку. Появились четверо, среди них сторож в своем бушлате с поднятым воротником. Остальные трое в расстегнутых пальто. Сердце у Джонни учащенно забилося. Один из прибывших был Санни Эллиман —

волосы коротко подстрижены, и прическа модная, но в зеленых глазах все тот же блеск.

— Готово? — спросил он.

— Можете проверить, — ответил сторож.

— Не обижайся, папаша, — сказал второй. Они направились к передним рядам. Один из них, судя по щелчкам, включил и выключил усилитель, проверяя его.

— Можно подумать, что прямо императора встречаем, — проворчал сторож.

— Вот именно, — повернул третий, чей голос показался Джонни знакомым, наверное, слышал его на митинге в том же Тримбулле. — В твои годы, папаша, пора бы понимать такие простые вещи.

— Наверху проверил? — спросил Эллиман сторожа. Джонни похолодел.

— Дверь на лестницу заперта, — ответил сторож. — Как обычно. Я ее подергал.

Джонни мысленно поблагодарил дверной замок.

— Должен был посмотреть, — сказал Эллиман.

Сторож даже крикнул в сердцах.

— Да что вы в самом деле, — сказал он. — Кого боитесь-то? Привидения?

— Ладно тебе, Санни, — опять вступил тот, чей голос показался Джонни знакомым. — Нет там никого. Если рванем в кафе на углу, еще успеем глотнуть кофе.

— Разве это кофе, — сказал Санни. — Бурда, а не кофе. Ну-ка, Мучи, сбегай наверх и глянь, все ли там тихо. Порядок есть порядок.

Джонни облизал губы и крепче сжал винтовку. Он окинул взглядом из конца в конец узкую галерею. Справа она упиралась в глухую стену, слева уходила к служебным помещениям. Туда кинуться или сюда — невелика разница. Стоит ему пошевелиться, и они услышат. Пустой зал — тот же усилитель. Он в ловушке.

Внизу послышались шаги. Открылась и закрылась дверь на лестницу. Джонни ждал, оцепеневший и беспомощный. Прямо под ним разговаривали те двое и сторож, но он не понимал ни слова. Джонни повернул голову медленно, как робот; он уставился в дальний конец галереи, ожидая, когда там появится тот, кого Санни Эллиман назвал Мучи. Скучающее лицо Мучи мгновенно перекосит от неожиданности, и он заорет: «Эй, Санни, тут какой-то тип!»

Он слышал приглушенные шаги Мучи, поднимавшегося по лестнице. Надо что-то придумать, что угодно. Заклинило. Сейчас его обнаружат, вот-вот, и как быть — неизвестно. Что бы он ни сделал, все полетит к чертям.

Открывались и закрывались двери, с каждым разом все явственнее. Капля пота упала со лба Джонни и оставила темное пятнышко на джинсах. Он вспоминал каждую из дверей, мимо кото-

рых проходил. Мучи уже заглянул к ПРЕДСЕДАТЕЛЮ и к ЧЛЕНАМ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, и к НАЛОГОВОМУ ИНСПЕКТОРУ. Вот он открывает дверь МУЖСКОГО ТУАЛЕТА, вот заглядывает в кабинет ПОПЕЧИТЕЛЯ БЕДНЫХ, а сейчас в ДАМСКИЙ ТУАЛЕТ. Следующая дверь ведет на галерею.

Дверь открылась.

Мучи сделал два шага к балюстраде.

— Ну что, Санни? Доволен?

— Как там? Все тихо?

— Ага, как в гробу у тещи, — откликнулся Мучи, и внизу загоготали.

— Тогда спускайся и пошли кофейку попьем, — сказал третий.

Невероятно, но пронесло. Захлопнулась дверь. Послышались удаляющиеся шаги — сначала в коридоре, затем на лестнице.

Джонни обмяк, у него поплыло перед глазами, на мгновение предметы слились в сплошное серое пятно. Стук входной двери, означавший, что они ушли, вернул его к действительности.

— Вот стервецы, — сказал внизу привратник свое веское слово. После чего тоже ушел, и следующие минут двадцать Джонни провет з одиночестве.

Около половины десятого зал постепенно начал заполняться. Сначала вошли три дамы — пожилые, в черных вечерних платьях; они трещали как сороки. Дамы выбрали места поближе к печке, где он их почти не видел, и взяли с сидений глянцевиные буклеты, состоявшие, похоже, из одних фотографий Грега Стилсона.

— Я его просто обожаю, — сказала одна. — Я уже три раза брала у него автограф и сегодня возьму.

Больше о Грегe Стилсоне речи не было. Дамы переключились на предстоящую воскресную службу в методистской церкви.

Джонни, сидевший над печкой, из сосульки превратился в размягченный воск. Во время затишья между уходом стилсоновской охраны и появлением первых жителей города Джэксона он сбросил не только куртку, но и рубашку. Он то и дело вытирал платком пот. Опять начал дергаться больной глаз, все виделось сквозь красноватую пелену.

Входная дверь отворилась, послышался дробный стук оббиваемой обуви, а затем четверо мужчин в клетчатых пиджаках прошли через весь зал и уселись в первом ряду. Один из них тут же начал рассказывать французский анекдот.

Появилась молодая женщина лет двадцати трех с сынишкой в голубом спортивном комбинезоне с ярко-желтой отделкой. Мальчику на вид было года четыре. Он сразу же спросил, можно ли ему поговорить в микрофон.

— Нельзя, малыш, — сказала женщина, и они сели позади мужчин. Мальчик заколотил ногами по передней скамье, и один из мужчин полуобернулся.

— Перестань, — сказала женщина.

Без четверти десять. Дверь беспрерывно открывалась и закрывалась, впуская самых разных людей — мужчин и женщин, стариков и молодых. Зал гудел, воздух был пронизан ожиданием. Они пришли сюда не за тем, чтобы забрасывать вопросами законного представителя в конгрессе; они жаждали увидеть, наконец, в своем городишке настоящую звезду. Джонни знал, что на такие встречи с «нашими кандидатами» и «нашими конгрессменами», как правило, никто не приходил, за исключением горстки фанатиков. Во время избирательной кампании 1976 года дебаты в штате Мэн между Биллом Козном и его противником Лейтоном Куни собрали, не считая репортеров, всего двадцать шесть человек. Все эти тоскливые мероприятия неизменно проводились с большой помпой, чтоб было чем козырнуть на очередных выборах, а ведь для любой такой встречи хватило бы места и в кладовке.

Но здесь к десяти часам зал был набит, и еще человек тридцать стояли сзади. Всякий раз, когда дверь открывалась, Джонни крепче сжимал винтовку. Он до сих пор не был уверен, что сумеет осуществить задуманное, хотя на карту поставлено все.

Десять ноль пять. Десять десять. Джонни с невольным облегчением подумал, что Стилсон где-то задержался, а может, и вовсе не придет.

Но вот дверь распахнулась, и раздался зычный голос:

— Эй! Ну как поживает город Джэксон, штат Нью-Гэмпшир?

По рядам пробежала волна оживления. Кто-то завопил:

— Грег! Как жизнь?

— Лучше некуда, — отозвался Стилсон. — Ты-то как, шельма?

Всплеск аплодисментов сменился одобрителным гулом.

— Эй, будет вам, — крикнул Грег, перекрывая гул.

Он быстро шел к сцене, пжимая на ходу руки.

Джонни наблюдал за ним в прорезь балюстрады. На Стилсоне было тяжелое пальто из невыделанной кожи с овчинным воротником, а вместо привычной каски — вязаная лыжная шапочка с ярко-красной кисточкой. В конце прохода он остановился и помахал репортерам. Засверкали блицы, и снова

И Джонни Смит понял: сейчас или никогда.

Ему вдруг вспомнилось с ужасающей ясностью все, что он узнал о Грее Стилсоне тогда, в Тримбулле. В его истерзанном мозгу раздался тупой деревянный звук — словно произошло какое-то чудовищное столкновение. Быть может, так возвещает о себе сама судьба. Проще всего отложить до следующего раза, и пусть себе Стилсон говорит и говорит. Проще всего позволить ему уйти, а самому сидеть, обхватив голову руками, и ждать, когда рассосется толпа, когда вернется сторож, чтобы снять динамики и вымести мусор, и пока все это происходит, уговаривать себя, что через неделю будет другой город.

Час пробил — судьба каждого человека на Земле зависела от того, что произойдет в этом захолустье.

Глухой стук в голове... как будто столкнулись полюса судьбы.

Стилсон поднимался по ступенькам к трибуне. Он был весь на виду. Трое в расстегнутых пальто стояли у сцены, прислонившись к стене.

Джонни встал.

Все происходило словно в замедленной съемке.

Ноги свело судорогой от долгого сидения. Суставы затрещали, как отсыревшая петарда. Время, казалось, застыло, аплодисменты гремели, хотя уже поворачивались головы, и вытягивались шеи, и кто-то вскрикнул, потому что на галерее стоял человек, и в руках у него была винтовка, и все много раз видели это на экране телевизора и сейчас узнавали классическую ситуацию. Она по-своему была такой же неотъемлемой частью американской жизни, как удивительный мир Диснея. Здесь политический деятель, а там, наверху, человек, вооруженный винтовкой.

Грег Стилсон задрал голову, на толстой шее обозначились складки. Подпрыгнула красная кисточка.

Джонни вскинул винтовку. Приклад начал было гулять, но потом уткнулся в выемку плечевого сустава. Вдруг вспомнилось, как он мальчишкой пошел с отцом на охоту. Они бродили в поисках дичи; наконец Джонни увидел куропатку, увидел и — не смог нажать на спуск; рука задрожала. То была его постыдная тайна, и он никогда и никому об этом не рассказывал.

Еще вскрик. Пожилая дама зажала рот рукой; Джонни разглядел искусственные ягодки на широких полях ее черной шляпы. К нему поворачивались лица — большие белые зеро. Разинутые рты — маленькие черные зеро. Малыш в спортивном комбинезончике показывал на него пальцем. Мать пыталась заслонить сына. Внезапно Стилсон оказался точно на линии прицела, и Джонни сообразил сбросить предохранитель. У противоположной стены мужчины в расстегнутых пальто что-то вытаскивали из внутренних карманов, и Сэни Эллиман, сверкая зелеными глазами, кричал: «Ложись! Грег, ЛОЖИСЬ!»

Но Стилсон все смотрел на галерею, второй раз их взгляды сошлись — они понимали друг друга без слов, и когда Джонни спустил курок, Стилсон успел лишь пригнуться. Грохот выстрела прокатился по залу, пулей срезало краешек сцены, обнажилось светлое дерево. Полетели щепки. Одна угодила в микрофон — опять раздался чудовищный вой и неожиданно перешел в низкое гортанное гудение.

Джонни дослал патрон и опять нажал спуск. Вторая пуля продырявила пыльный ковер, покрывавший помост.

Толпа заматалась, как обезумевшее стадо. Люди бросились в центральный проход. Стоявшие у дверей сразу выскочили из зала, остальные с криками и проклятиями пытались пробиться наружу.

С другого конца зала тоже раздался сухой щелчок выстрелов, перила перед носом у Джонни разнесло в щепы. Секундой позже

что-то взвизгнуло у самого уха. Затем невидимый палец чиркнул по воротнику рубашки. Трое у дальней стены стреляли из пистолетов. Джонни, возвышавшийся на галерее, представлял собой отличную мишень — впрочем, подумалось Джонни, вряд ли они колебались бы, будь он в окружении ни в чем не повинных людей.

Пожилая дама, из тех трех, вцепилась в Мучи. Она всхлипывала, давась каким-то вопросом. Он отшвырнул ее и зажал пистолет обеими руками. В зале запахло пороховым дымом. Прошло около двадцати секунд с момента, как Джонни встал.

— *Ложись! Ложись, Грег!*

Стилсон стоял, пригнувшись, на краю помоста и исподлобья смотрел наверх. Джонни прицелился, на мгновение Стилсон оказался у него на мушке. Но тут его шею зацепило, он отшатнулся, и его собственная пуля, уйдя резко вверх, попала в окно напротив. Звонким дождем посыпались осколки стекла. Снизу донесся визг. Плечо и грудь Джонни заливала кровь.

Да, классно ты его убиваешь, пронзила отчаянная мысль. Он снова метнулся к перилам, дослал патрон, вскинул винтовку к плечу. Наконец Стилсон стряхнул оцепенение и рванулся по ступенькам в зал, бросив взгляд на Джонни.

Еще одна пуля просвистела у виска. *Весь в крови, как заколотая свинья*, мелькнуло в голове. *Давай же, кончай это дело.*

Пробку в дверях выбило — люди повалили наружу. Из дула пистолета вырвался дымок, и тот же невидимый палец, что оцарапал шею, полоснул теперь по щеке. Наплевать. На все наплевать, кроме Стилсона. Он снова прицелился.

Ну, хоть на этот раз.

Стилсон двигался с удивительной для его комплекции быстротой. Темноволосая молодая женщина, которую заметил Джонни, была в этот момент на полпути к выходу; загораживая плачущего малыша, она крепко прижимала его к груди. То, что в следующую секунду сделал Стилсон, ошеломило Джонни — он едва не уронил винтовку. Стилсон вырвал мальчика из рук матери и, держа его перед собой, повернулся к галерее. Теперь уже на мушке был не Грег Стилсон, а маленькая извивающаяся фигурка...

(... дымка, голубая дымка, желтые полосы, тигриные полосы...)

... голубом спортивном комбинезоне с ярко-желтыми трубочатыми полосами.

У Джонни от изумления открылся рот. Да, перед ним Стилсон. Тигр. *Только сейчас его заволокла дымка.*

— *Что это значит?* — крикнул Джонни, но с губ его не слетело ни звука.

Пронзительно закричала мать, — где-то Джонни уже слышал все это. *Томми! Отдай мне его! ТОММИ! ОТДАЙ МНЕ ЕГО, НЕГОДЯИ!*

Голова у Джонни угрожающе раздулась, вот-вот лопнет. Краски начали меркнуть. Единственное цветное пятно осталось в прези прицела, а прицел упирался в грудь голубому комбинезону.

Давай же, ради всего святого, не то он уйдет...

И тут — возможно, у него просто помутилось в глазах — голубой комбинезон начал растекаться, уходить за красноватую плену, застилать ему глаза, а желтые полосы вытянулись, расплозлись, поглотили все вокруг...

(... за дымкой, да, он за дымкой, но что это значит? Значит ли это, что у меня руки развязаны или что он вне досягаемости? Что все это...)

Где-то внизу вспыхнул огонь и тут же погас. Блцц, мелькнуло в затуманенном мозгу Джонни.

Стилсон, оттолкнул женщину, пятился к двери, в его сузившихся глазах был только холодный расчет. Он крепко держал извивающегося мальчугана за шею и ноги.

Не могу. О Боже правый, прости меня, но я не могу.

Еще две пули достали его — одна, попав в грудь, отбросила к стене, откуда его, как пружиной, отшвырнуло обратно, другая вошла слева под ребра и развернула боком к балюстраде. Он смутно осознал, что выронил винтовку — та ударилась об пол галереи и разрядилась в стену. Ломая перила, Джонни полетел вниз. Зал дважды перевернулся перед его глазами, потом раздался оглушительный треск: он рухнул на скамейки, сломав при этом ноги и позвоночник.

Джонни хотелось закричать, но изо рта ударил фонтан крови. Он лежал среди обломков, а в голове пронеслось: *Кончено. Я все заporол. Все насмарку.*

Его грубо схватили чьи-то руки и перевернули. Над ним стояли Элтиман, Мучи и тот третий. Перевернул его Элтиман.

Подошедший Стилсон оттолкнул Мучи в сторону.

— Брось его, — сказал он резко. — Где сукин сын, который меня щелкнул? Разбейте аппарат.

Мучи и тот, третий, исчезли. Где-то рядом темноволосая женщина причитала... *за малышом прятался, за малышом, я всем расскажу....*

— Заткни ей рот, Санни, — сказал Стилсон.

— Сделаем, — сказал Санни и отошел.

Стилсон стал на колени и навис над Джонни.

— Мы знакомы, приятель? Только не ври. Ты все равно не жилец.

— Знакомы, — прошептал Джонни.

— Тримбулл?

Джонни едва заметно кивнул.

Стилсон рывком встал, и тогда Джонни из последних сил попынулся и схватил его за щиколотку. Это длилось секунду. Стилсон легко высвободился. Но и секунды оказалось достаточно.

Все изменилось.

К нему приближались люди — он не видел лиц, только ноги. Но это уже не имело никакого значения. *Все изменилось.*

Из глаз потекли слезы. Прикоснувшись к Стилсону, он ощутил на этот раз пустоту. Как если бы коснулся отработанного аккумулятора. Упавшего дерева. Обезлюдившего дома. Голых книжных полок. Бутылки из-под вина, в которую только свечи вставлять.

Все меркнет, отдаляется. Обступившие его ноги теряют контуры, расплываются. Он слышал возбужденные голоса, но уже не различал слов — лишь звуки. Угасая, они сливались в одну нежную высокую ноту.

Он скосил глаза и увидел коридор, из которого вышел когда-то давным-давно. Вышел из плаценты на яркий свет. Тогда еще жива была мать, и отец стоял рядом и звал его, пока Джонни к ним не прорвался. Сейчас пришло время вернуться — только и всего. Значит, надо вернуться.

Я своего добился. Каким-то образом добился. Не понимаю как, но добился.

Течение уносило его в сторону этого коридора с хромированными стенами, и он не знал, есть что-нибудь в конце коридора или нет, — неважно, время даст ответ. Угасла нежная нота. Померк свет, сделался туманным. Но он еще был он — мыслящее существо, Джонни Смит.

Войди в коридор, думал он. Ну же.

Он думал о том, что, оказавшись в коридоре, он сможет идти.

ВЕСТИ ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ

Портсмут, Нью-Гэмпшир,
23 января 1979 г.

Дорогой папа,

это письмо потребует всех моих сил, так что постараюсь быть кратким. Когда ты его получишь, меня скорее всего не будет в живых. Произошло ужасное, и я думаю, все началось задолго до автотрагедии и комы. Ты в курсе моей экстрасенсорной эпопеи и, возможно, помнишь, как мама клялась перед смертью, что это дело рук Господних, что Господь возложил на меня некую миссию. Она просила меня не бежать от этой миссии, и я пообещал — не столько всерьез, сколько желая ее успокоить. Смешно сказать, но она, похоже, была по-своему права. Я по-прежнему не очень-то верю в Бога как в реальное Существо, которое все решает за нас и дает нам задания, словно бойскаутам, зарабатывающим почетные знаки в Великом Походе под названием Жизнь. Однако я не верю и в то, что происшедшее со мной — всего лишь слепой случай.

Летом 1976 года, папа, я отправился на предвыборное выступление Грега Стилсона в Тримбулле, входящем в третий избирательный округ Нью-Гэмпшира. Если помнишь, он тогда впервые выставил свою кандидатуру. По пути к трибуне он пожал множество рук, в том числе мою. В дальнейшем тебе будет трудно поверить, хотя ты имел возможность убедиться в моем даре. То было одно из моих «озарений», но уже не просто озарение, папа, то было видение, в библейском смысле слова, или что-то вроде. Удивительное дело, оно было не столь отчетливым, как некоторые предыдущие «прозрения» — впервые все затягивал странной голубоватый флер, — но необыкновенно сильным. Я увидел Грега Стилсона президентом Соединенных Штатов. В каком году, сказать затрудняюсь, во всяком случае, он изрядно облысел. Пожалуй, лет через четырнадцать, от силы восемнадцать. Мой дар, как ты знаешь, состоит в том, чтобы видеть, а не истолковывать, а тогда картину застилали эта странная голубая дымка, однако я разглядел достаточно. Если Стилсон станет президентом, международная ситуация еще более ухудшится; а она и без того скверная. Если Стилсон станет президентом, он в конце концов **развяжет**

ядерную войну. Думаю, первой вспыхнет Южная Африка. И еще я думаю, что в этой короткой кровопролитной войне дело не ограничится ракетной пикировкой между двумя-тремя державами — вовлечено будет стран двадцать, не считая террористических групп.

Папа, я понимаю, это похоже на бред. Мне самому это кажется бредом. Однако у меня нет ни малейших сомнений — как ни крути, угроза страшна и неотвратима.

Ни ты, ни кто другой не знаете, что я сбежал от Чатсвортов вовсе не из-за пожара в ресторане. Наверное, я бежал от Грега Стилсона и от своей миссии. Как Илия, укрывшийся в пещере, или Иона, оказавшийся во чреве кита. Понимаешь, я думаю: проживем — увидим. Проживем и увидим, появятся ли реальные приметы этой чудовищной перспективы. Вероятно, я бы и по сей день ждал, если бы прошлой осенью головные боли не усилились, а тут еще эта история в дорожной бригаде, где я работал. Надо полагать, Кит Стрэнг, наш бригадир, припомнит обстоятельства...

Выдержка из свидетельских показаний, заслушанных так называемым «Стилсоновским комитетом» под председательством сенатора от штата Мэн Уильяма Коэна. Опрос ведет главный юрисконсульт комитета Норман Д. Верайзер. Свидетель — Кит Стрэнг, проживающий по адресу: 1421, бульвар Дезерт, Финикс, штат Аризона.

Дата — 17 августа 1979 г.

Верайзер: В то время, если я не ошибаюсь, Джон Смит служил в управлении общественных работ города Финикса?

Стрэнг: Да, сэр.

В.: Это было в начале декабря 1978 года?

С.: Да, сэр.

В.: Случилось ли что-нибудь примечательное 7 декабря? Что-нибудь относящееся к Джону Смику?

С.: Да, сэр. Еще как случилось.

В.: Расскажите, пожалуйста, об этом комитету.

С.: Мне надо было сходить в главный гараж, набрать оранжевой краски — две канистры по сорок галлонов. Мы ведь размечаем дороги. В тот день Джонни, то есть Джонни Смит, размечал Роузмонт-авеню. Так вот, вернулся я примерно в четверть пятого, минут за сорок пять до конца рабочего дня, и тут ко мне подходит Герман Джоэллин, вы с ним уже беседовали, и говорит. «Ты бы, Кит, глянул, как там Джонни. Что-то с ним неладно. Я к нему обращаюсь, а он вроде не слышит. Чуть меня не задавил. Ты бы привел его в чувство». Так и сказал. Я спрашиваю: «А что с ним, Герми?» А он мне: «Глянь своими глазами, по-моему, этот тип немножечко того». Приезжаю я туда и поначалу вижу — все в норме. А потом — бац!

В.: Что же вы увидели?

С.: На дороге?

В.: Да.

С.: Линия, гляжу, пошла вкось. Сначала чуть-чуть — там зигзаг, тут клякса... Короче, перестала быть прямой. А Джонни в нашей бригаде всегда считался лучшим разметчиком. Ну а дальше началось вообще не поймешь что. Всю дорогу разрисовал петлями и загогулинами. Кое-где даже несколько кругов на одном месте сделал. А ярдов сто и вовсе по обочине линию протянул.

В.: И как вы поступили?

С.: Я остановил его. То есть не сразу. Поравнялся с ним и давай кричать. Раз пять, наверное, крикнул, а он вроде и не слышит. Потом как развернется — и у меня на боку вот такая вмятина. А машина, между прочим, казенная. Тогда я начал сигналить и опять закричал, и на этот раз он, видно, услышал. Тормознул и смотрит на меня. Ты что же, спрашиваю, делаешь?

В.: И что он ответил?

С.: Он сказал «привет». И все. «Привет, Кит». Как будто все в ажуре.

В.: И как вы отреагировали?

С.: Я, признаться, сорвался. Прямо озверел. А Джонни озирается по сторонам и держится за борт, будто выпадать боится. Тут я вижу, что он совсем плох. Он всегда был худющий, а тут еще весь побелел, и рот у него... как бы сказать... вниз опустился. Сначала он даже не понимал, о чем ему толкую. Но потом обернулся и увидел, что творится с линией.

В.: И что же он сказал?

С.: Извинился. Потом... закачался, что ли, и прикрыл лицо рукой. Я спросил, что с ним, а он... понес какую-то чушь.

Полную ахинею.

В.: Мистер Стрэнг, комитет особенно интересуется все, что говорил Смит, — его слова могут многое прояснить. Постарайтесь поточнее вспомнить, что он сказал.

С.: Сначала он сказал, что все в порядке, вот только пахнет паленой резиной. Мол, покрышки горят. На костре. Потом он говорит: «Акумулятор взорвется, если вы его подключите». И еще что-то вроде: «Оба динамика на солнце. Так что деревья будут в сохранности». Точнее не вспомню. Я же говорю, чушь какая-то.

В.: Что произошло дальше?

С.: Он начал вываливаться. Я схватил его за плечо, и рука его — та, которой он прикрывал лицо, — упала. Я увидел, что правый глаз у него как будто кровью налит. И тут он потерял сознание.

В.: Больше он ничего не сказал перед тем, как потерять сознание?

С.: Сказал, сэр.

В.: Что же?

С.: Он сказал: «О Стилсоне, папа, подумаем после, сейчас он в мертвой зоне».

В.: Вы точно помните? Он произнес именно эти слова?

С.: Да, сэр. Я их никогда не забуду.

... очнулся я в ремонтной мастерской, в самом начале Роуз-монт-авеню. Кит сказал, чтобы я немедленно шел к врачу, иначе он не допустит меня к работе. Мне стало страшно, папа, но не из-за того, о чем подумал Кит. В общем, я ходил к невропатологу, которого рекомендовал мне Сэм Вейзак в своем письме в начале ноября. Видишь ли, я написал Сэму, что побаиваюсь водить машину, так как иногда у меня двоится в глазах. Сэм сразу же подтвердил, что симптомы очень тревожные, но не рискнул ставить диагноз на расстоянии и посоветовал обратиться к доктору Вэнну.

К Вэнну я пошел не сразу. Мозг может сыграть злую шутку с каждым, и я полагал, пока не произошел случай с дорожной разметкой, что эти симптомы — явление временное, и все наладится. Видимо, я просто не хотел думать о неблагоприятном исходе. Но дорожная история оказалась последней каплей. Я пошел к врачу потому, что мне стало страшно. Не за себя — за всех.

Словом, я обратился к доктору Вэнну, он меня обследовал и выложил все начистоту. И выяснилось, что времени у меня меньше, чем я думал, поскольку...

Выдержка из свидетельских показаний, заслушанных так называемым «Стилсоновским комитетом» под председательством сенатора от штата Мэн Уильяма Козна. Опрос ведет Норман Д. Верайзер, главный юрисконсульт комитета. Свидетель — доктор Квентин М. Вэни, проживающий по адресу: 17 Паркленд-драйв, Финикс, штат Аризона.

Дата — 22 августа 1979 г.

Верайзер: Когда вы закончили обследование и поставили диагноз, вы пригласили Джона Смита?

Вэни: Да. Это был трудный разговор. Такие разговоры легкими не бывают.

В.: Вы не могли бы вкратце рассказать, о чем у вас шла речь?

Вэни: Пожалуй. Я полагаю, что в этих необычных обстоятельствах имею право нарушить врачебную тайну. Прежде всего я сказал Смицу, что случившееся вызвало у него сильное эмоциональное потрясение. Он подтвердил это. Правый глаз у него был очень красный из-за лопнувшего капилляра, хотя и наблюдалось некоторое улучшение. Позвольте мне объяснить на схеме... (Часть стенограммы опущена).

В.: Как на это реагировал Смит?

Вэни: Он спросил меня о последней стадии. Это его слова — «последняя стадия». Должен сознаться, что его спокойствие и мужество произвели на меня впечатление.

В.: И какой же представлялась вам последняя стадия?

Вэни: Простите? Мне казалось, я внес достаточную ясность. У

Джона Смита была прогрессирующая опухоль в теменной области головного мозга.

(Волнение в зале; короткий перерыв).

В.: Извините, доктор, за эту вынужденную паузу. Я бы хотел напомнить присутствующим, что у нас рабочее заседание комитета и что идет расследование, а не программа ужасов. Прошу соблюдать порядок, в противном случае я прикажу очистить зал.

Вэнн: Я к вашим услугам, мистер Верайзер.

В.: Благодарю вас, доктор. Не сообщите ли вы комитету, как Смит воспринял это известие?

Вэнн: Спокойно. Поразительно спокойно. Хотя и признался, что ему страшно. Думаю, он уже сам поставил себе диагноз, и этот диагноз совпал с моим. А потом спросил, сколько ему осталось жить.

В.: И каков был ваш ответ?

Вэнн: Я сказал, что вопрос этот беспредметен, пока не определены дальнейшие шаги. Я сказал, что необходима операция. Хочу отметить, что тогда мне не было ничего известно о его коме и необыкновенном — почти сверхъестественном — выздоровлении.

В.: Что же он ответил?

Вэнн: Что операции не будет. Спокойно, но твердо: никакой операции. Надеюсь сказал я, вы передумаете — ведь отказываясь от операции, вы подписываете себе смертный приговор.

В.: Смит, как-нибудь реагировал на это?

Вэнн: Он попросил меня уточнить, сколько он проживет без операции.

В.: Вы сообщили ему свое мнение?

Вэнн: Да, в общих чертах. Я сказал, что процесс развития опухоли трудно прогнозировать и что у некоторых моих пациентов опухоль дремала и по два года, правда, такие случаи нетипичны. Я сказал, что без операции он может реально рассчитывать на восемь месяцев, максимум на год и восемь месяцев.

В.: И тем не менее он отказался от операции?

Вэнн: Да.

В.: Не произошло ли что-нибудь необычное, когда Смит выходил из вашего кабинета?

Вэнн: Я бы сказал — более чем необычное.

В.: Пожалуйста, расскажите обо всем комитету.

Вэнн: Я тронул Смита за плечо — думал задержать его на несколько минут. Не хотелось, как вы понимаете, сразу отпускать человека после таких слов. И когда я к нему прикоснулся, мне что-то передалось... словно током ударило, и в то же время было странное ощущение, будто он из меня высасывает, выкачивает... вытягивает что-то. Готов согласиться, это весьма субъективное описание, но, учтите, его дает человек, чье ремесло состоит как раз в том, чтобы делать профессиональные наблюдения. Ощущение, можете мне поверить, не из приятных... Я отшатнулся... а он

вдруг говорит: позвоните жене, Стробери сильно расшибся.

В.: Стробери?

Вэнн: Да, именно так. Это брат жены... его зовут Стэнбери Ричардс. Мой младший сын, когда был маленький, звал его дядя Стробери*. Я не сразу сообразил, о ком речь. Вечером говорю жене, что надо бы позвонить брату — он живет в городе Кус-Лейк, штат Нью-Йорк.

В.: Она позвонила?

Вэнн: Да. Они мило поболтали.

В.: То есть ваш шурин был вполне здоров?

Вэнн: Да, вполне. Но на следующей неделе он красил дом, упал с лестницы и сломал позвоночник.

В.: Доктор Вэнн, верите ли вы, что Джон Смит предвидел это?

Верите ли вы, что у него было прозрение?

Вэнн: Не знаю. Но думаю... это не исключено.

В.: Благодарю вас, доктор.

Вэнн: Могу я кое-что добавить?

В.: Разумеется.

Вэнн: Если он действительно был отмечен проклятием — да, я называю это проклятием — я надеюсь, Господь будет милосерден к измученной душе этого человека.

... и все, я знаю, станут говорить, будто я задумал и осуществил это из-за опухоли, но ты не верь им, папа. Это неправда. Опухоль — просто несчастье, которое, как я сейчас думаю, давно уже гналось за мной и наконец меня настигло. Опухоль находится в том месте, что я ушиб во время автокатастрофы, и, по-видимому, в том самом месте, которое я ушиб в детстве, гоняя на коньках по Круглому пруду. Именно тогда у меня было первое «озарение», вот только подробности забылись. Потом было другое, перед самой автомобильной катастрофой, на ярмарке в Эсти. Спроси Сару, она наверняка помнит. Опухоль расположена в той области мозга, которую я всегда называл «мертвой зоной». Видишь, так все и оказалось. Вот она, горькая правда. Бог... судьба... промысел... рок.. как ни назови, это нечто словно протягивает твердую и властную руку, чтобы опять привести весы в равновесие. Я мог наверняка погибнуть в автокатастрофе, а то и раньше, на Круглом пруду. И я верю: когда я исполню то, что должен исполнить, весы вновь придут в абсолютное равновесие.

Я люблю тебя, папа. Самое ужасное — ужасное может быть лишь убеждение, что единственным выходом из безвыходного положения, в котором я оказался, является снайперский выстрел, — это, все понимая, оставлять тебе в удел не только скорбь, но еще и ненависть тех, для кого Стилсон — сама доброта и справедливость...

Выдержка из свидетельских показаний, заслушанных так называемым «Стилсоновским комитетом» под председательством сена-

* Клубника (англ.)

тора от штата Мэн Уильяма Коэна. Ведет опрос помощник главного юрисконсульта комитета Альберт Ренфрю. Свидетель — доктор Сэмюэл Вейзак, проживающий по адресу: 26, Харлоу Корт, Бангор, штат Мэн.

Дата — 23 августа 1979 г.

Ренфрю: Дело идет к перерыву, доктор Вейзак, и мне бы хотелось от лица комитета поблагодарить вас за участие в этом долгом четырехчасовом разговоре. Вы существенно прояснили события

Вейзак: Рад был помочь.

Р.: Доктор Вейзак, у меня к вам последний вопрос — может быть, самый важный. Интересующий нас момент затронут в письме Джона Смита к отцу, которое здесь зачитывалось. Вопрос следующий...

В.: Нет.

Р.: Простите, не понял.

В.: Вы собирались спросить меня, не опухоль ли заставила Джонни в тот день в Нью-Гэмпшире нажать на спусковой крючок, так?

Р.: Собственно, я действительно...

В.: Отвечаю: нет. Джонни Смит до конца своих дней был человеком разумным, мыслящим. Об этом говорит его письмо к отцу, а также письмо Саре Хэзлит. Да, он жил под невыносимым, почти божественным бременем власти или, если угодно, проклятия, как выразился мой коллега доктор Вэнн. Но он не был ни сумасшедшим, ни человеком, чьи действия определяются навязчивыми идеями, вызванными нарушением внутричерепного давления, если такая зависимость вообще возможна.

Р.: Но, согласитесь, у Чарлза Уитмена, прозванного «техасским снайпером»*, тоже была...

В.: Опухоль мозга? Да. И у пилота восточных авиалиний, чей самолет разбился во Флориде несколько лет назад, — тоже. Но ни в том, ни в другом случае никто не утверждал, что всему виной была опухоль. Позволю себе напомнить вам имена других печально известных личностей — например, Ричард Спек** или пресловутый «сын Сэма»***, или Адольф Гитлер, — у них не было опухолей мозга, однако они стали убийцами. Или тот же Фрэнк Додд, преступник из Касл-Рока, которого разоблачил Джонни. Комитет может счесть поступок Джонни противоестественным, но это был поступок человека в здравом уме. Вероятно, истерзанного мучительными сомнениями... но в здравом уме.

* Маньяк, стрелявший в прохожих из здания библиотеки Техасского университета.

** Убийца из Чикаго, чьими жертвами были медицинские сестры.

*** Так называл себя Дэвид Берковиц, убийца-маньяк, терроризировавший Нью-Йорк в 1976 году.

...а главное, я хочу, чтобы ты понял: за этим шагом стоят долгие и мучительные раздумья. Даже если человечество выгадает лишние четыре года, два года, хотя я бы восемь месяцев, чтобы во всем разобраться, дело того стоит. Это порочный путь, но он может оказаться единственно правильным. Не знаю. Во всяком случае, играть Гамлета я больше не намерен. Я слишком хорошо знаю, как опасен Стилсон.

Папа, я тебя очень люблю. Поверь мне.

Твой сын Джонни.

Выдержка из свидетельских показаний, заслушанных так называемым «Стилсоновским комитетом» под председательством сенатора от штата Мэн Уильяма Коэна. Опрос ведет помощник главного юрисконсульта комитета Альберт Ренфрю. Свидетель — Стюарт Клоусон, проживающий на Блэкстрэп-роуд, Джэксон, штат Нью-Гэмпшир.

Ренфрю: Итак, вы захватили с собой фотоаппарат, мистер Клоусон?

Клоусон: Точно! Перед самым уходом. Я вообще чуть было не остался дома в тот день, хотя мне и нравится Грег Стилсон... то есть нравился до того, как все случилось. Понимаете, мне этот общественный центр был как кость в горле.

Р.: Из-за экзамена на водительские права?

К.: Ну да. Надо же было такого дурака свалить. Но потом я сказал себе: какого черта! И пошел. А в результате этот снимок. И какой! Еще разбогатею, вот увидите. Это, пожалуй, не хуже, чем воодружение флага на Иводзима.

Р.: Молодой человек, я надеюсь, вы не считаете, что все было отрепетировано специально для вас?

К.: Конечно, нет! Что вы! Просто я хотел сказать... э-э... сам не знаю, что я хотел сказать. Понимаете, это произошло прямо перед моим носом, ну и... как бы вам сказать... В общем, здорово, что мой «Никон» оказался при мне.

Р.: Вы сфотографировали Стилсона в тот момент, когда он поднял ребенка?

К.: Да, сэр, Томми Робсона.

Р.: Это и есть тот снимок в увеличенном виде?

К.: Точно, моя фотография.

Р.: Что же произошло после того, как вы сделали снимок?

К.: За мной бросились два этих бандита. Они орал: «Отдай камеру, парень! Брось ее, су...» Ну, в общем, в таком духе.

Р.: А вы бежали от них?

К.: Бежал? Еще как бежал! Они гнались за мной почти до самых гаражей. Один чуть не схватил меня, но поскользнулся на льду и упал.

Коэн: Молодой человек, позволю вам заметить, что убежав от этих двух бандитов, вы выиграли главный забег в своей жизни.

К.: Благодарю вас, сэр. То, что Стилсон сделал тогда... это, ко-

нечно, надо было видеть, но вообще... закрываться маленьким ребенком — дальше уже ехать некуда. Да уж, теперь Нью-Гэмпшир не выберет его даже в бригаду по отлову собак. Даже если...
Р.: Благодарю вас, мистер Клоусон. Вы свободны.

Снова октябрь.

Долго не могла Сара решиться на эту поездку, но пришел час, когда она почувствовала, что откладывать дальше невозможно. Она оставила детей на миссис Эйбленп — у них теперь была прислуга и две машины вместо маленького красного «пинто», и годовой доход Уолта подбирался к тридцати тысячам — и отправилась одна в Паунал сквозь пылающее зарево поздней осени.

Приехав на место, она поставила машину на обочине живописной проселочной дороги и перешла на другую сторону, где было кладбище. Маленькая потускневшая дощечка на каменном столбе возвещала, что это БЕРЕЗОВАЯ СЕНЬ. Каменная ограда, ухоженные могилы. Несколько выцветших флагов еще сохранились со Дня памяти павших, тому пять месяцев. Скоро они будут погребены под снегом.

Она шла медленно, никуда не торопясь, и ветер трепал подол ее темно-зеленой юбки. Здесь лежали поколения БОУДЕНОВ и целый клан МАРСТЕНОВ, здесь, объединенный высоким мраморным обелиском покоился род ПИЛЛСБЕРИ, восходящий к 1750 году.

А в глубине, возле самой ограды, она увидела сравнительно новую могильную плиту с простой надписью: ДЖОН СМИТ. Сара опустилась на колени, нерешительно тронула камень В задумчивости провела кончиками пальцев по гладкой поверхности.

23 января 1979 г.

Дорогая Сара,

только что я закончил очень важное письмо отцу, я писал его почти полтора часа. На второе такое же просто не хватит сил, поэтому сразу, как только получишь это письмо, позвони отцу. Позвони ему прямо сейчас, прежде чем читать дальше.

Ну вот теперь, скорее всего, ты все знаешь. Я хочу сказать тебе, что в последнее время много думал о нашей поездке в Эсти на ярмарку. Если бы меня спросили, какие две вещи тебе больше всего тогда запомнились, я бы ответил: невероятное мое везение в рулетке (помнишь, там парнишка повторял: «Хотел бы я посмотреть, как вздрючат этого типа?») и маска, которую я надел для смеха. Я думал тебя повеселить, но ты рассердилась, и все чуть не пошло насмарку. Хотя, пойдя все насмарку, я, наверное, не сидел бы сейчас здесь, а таксист по сей день был бы жив-здоров. Впрочем, кто знает. Вероятно, чему быть, того не миновать, и дело все равно кончилось бы пулей, только через неделю или через месяц, или через год.

Что ж, мы использовали свой шанс, и выпало «на хозяина» — я бы сказал, на двойное зеро. Но я думаю о тебе, Сара, и хочу,

чтобы ты это знала. У меня ведь никого не было, кроме тебя, и ничего у нас не было лучше того вечера...

— Здравствуй, Джонни, — прошептала она, и ветер отозвался в пылающих кронах; красный лист покружился в чистом голубом небе и, незамеченный, опустился ей на волосы. — Я здесь. Вот я и пришла.

Казалось неуместным говорить здесь вслух — только сумасшедший, сказала бы она раньше, может разговаривать на кладбище с мертвыми. Но вдруг с ней произошло что-то удивительное — чувства нахлынули с такой силой, что у нее перехватило горло и пальцы сцепились намертво. А почему бы и не поговорить с ним; как-никак позади девять лет, и сейчас подводится черта. Завтра будет Уолт и дети, и улыбки тех, кто слушает выступления ее мужа на трибуне, бесконечные улыбки сидящих рядом, на сцене, и время от времени заметка с фотографией мужа в воскресном приложении, если политическая карьера Уолта совершит стремительный взлет, согласно его трезвым расчетам. Будущее означало, что каждый год прибавит ей несколько седых волос и тело потеряет упругость, и косметику придется продумывать более тщательно; будущее означало занятия гимнастикой в Христианской ассоциации молодых женщин в Бангоре, нескончаемые покупки, новогодние вечеринки и замысловатые шляпки; а тем временем Денни отправится в первый класс, а Джэнис в ясли, и жизнь ее перевалит рубеж научно-фантастических восьмидесятых и вступит в странную и неожиданную фазу — средний возраст.

Провинциальных ярмарок в будущем не ожидалось.

Медленно поползли первые жгучие слезы.

— Ах, Джонни, — сказала она. — Разве мы думали, что все так сложится? Разве думали, что этим кончится?

Она поникла головой, горло сжимали спазмы. Наконец она разрыдалась, и яркий солнечный свет разломился на множество лучей. Ветер, казавшийся таким теплым, словно стояло бабье лето, вдруг обдал февральским холодом ее мокрые щеки.

— *За что!* — ее крик взорвал безмолвие БОУДЕНОВ, МАРС-ТЕНОВ и ПИЛЛСБЕРИ, всей этой усопшей конгрегации, которая могла засвидетельствовать лишь то, что жизнь скоротечна и смерть есть смерть. — О Господи, *за что!*

И тут кто-то коснулся ее шеи.

...и ничего у нас не было лучше того вечера, хотя иногда мне с трудом верится, что был 1970 год с волнениями в университетах, и Никсон еще президент, и нет карманных калькуляторов и домашних видеомэгнитофонов, нет ни Брюса Спрингстина, ни ансамблей панк-рока. А в иные минуты кажется, что до той поры рукой подать, что она почти осязаема, и стоит мне обнять тебя, дотронуться до твоей щеки или шеи, и я смогу увлечь тебя в другое будущее, где нет ни боли, ни мрака, ни горечи выбора.

Что же, каждый делает, что в его силах, и 'делать это надо как можно лучше... не всегда получается, но надо стараться. Надеюсь, дорогая, ты будешь поминать меня добрым словом.

Всего тебе самого хорошего.

*С любовью,
Джонни.*

У нее перехватило дыхание, спина напряглась, зрачки расширились и округлились.

— Джонни?..

Исчезло.

Что бы это ни было — исчезло. Она поднялась с колен и осмотрелась — никого, как и следовало ожидать. Хотя вон же он стоит, глубоко засунув руки в карманы, с этой своей ухмылочкой на обаятельном, пусть и не очень красивом лице, стоит, долго-вязый, прислонившись то ли к памятнику, то ли к столбу кладбищенских ворот, а может, просто к дереву, опаленному догорающим огнем осени.

Кто это, как ни Джонни; там, совсем близко, может быть, везде.

Каждый делает, что в его силах, и делать это надо как можно лучше... не всегда получается, но надо стараться. Сара, нет на свете такого, что утрачиваешь навсегда. Нет на свете такого, чего нельзя обрести вновь.

— Ты все тот же, Джонни, — прошептала она и пошла с кладбища. Она пересекла дорогу и, остановившись, бросила взгляд назад. Дул теплый порывистый ветер, и мир прочерчивали широкие полосы света и тени. Тайнственно шелестели кроны.

Сара села за руль, и вскоре машина скрылась из виду.

ПОТАЕННОЕ ОКНО, ПОТАЕННЫЙ САД

Несколько слов о «Потаенном окне»

1

— Вы украли у меня рассказ, — сказал человек, стоявший на пороге. — Вы украли у меня рассказ и этого нельзя так оставить. Права — правами, честностью — честностью, но этого нельзя так оставить.

Мортон Рэйни, который перед этим слегка задремал и еще не вполне вернулся к реальности, не нашелся, что сказать в ответ. Когда он работал, такого с ним никогда не случалось. Был ли он болен или здоров, устал или преисполнен бодрости, но он был писатель и всегда не задумываясь мог вложить в уста персонажа острую ответную реплику. Рэйни открыл было рот, но не находя слов для острого ответа (для вялого, впрочем, тоже), снова его закрыл.

— В этом человеке есть что-то нереальное, — подумал он, — Пожалуй, он похож на какой-то персонаж из романа Уильяма Фолкнера.

Эта мысль не помогла ему найти выход из положения, но она была несомненно верной. Человеку, который позвонил в дверь дома Рэйни, затерявшегося где-то на западе штата Мэн, было на вид лет сорок пять. Он был чрезвычайно худ. Лицо его было спокойно, почти безмятежно, хотя и покрыто глубокими морщинами. Горизонтальными ровными волнами они шли через высокий лоб, вертикальными разрезами опускались от краев губ к нижней челюсти, тонкими лучиками разбегались от уголков глаз. Глаза были бледно-голубыми. Рэйни не мог сказать, какого цвета были его волосы, потому что на нем была большая черная шляпа с круглой тульей, сидевшая на голове совершенно прямо. Края ее полей касались верхушек ушей. По виду она напоминала шляпы, которые носят квакеры Бакенбардов у него тоже не было и, насколько мог судить Мортон Рэйни, под фетровой шляпой незнакомец мог быть лыс, как Телли Савалас*.

На нем была линиялая голубая рубаша, аккуратно застегнутая до самого воротничка, подпиравшего выбритое докрасна горло, хотя галстука он не носил. Внизу рубаша исчезала в джинсах, сидевших на нем несколько мешковато. Джинсы заканчивались от-

* Телли Савалас — популярный американский киноактер. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

воротами, лежавшими на выцветших желтых ботинках, как будто созданных для того, чтобы шагать по свежей борозде за плугом в трех с половиной футах от задницы мула.

— Ну? — спросил он, поскольку Рэйни безмолвствовал.

— Я вас не знаю, — сказал наконец Рэйни. Это были первые слова, которые он произнес с тех пор как звонок в дверь поднял его с кушетки, и они показались ему самому в высшей степени глупыми.

— Это я знаю, — сказал человек. — Это не имеет значения. Но я знаю вас, мистер Рэйни, вот что важно. — И — затем он вновь повторил: — Вы украли мой рассказ.

Он протянул руку и тут Рэйни впервые увидел, что в руке у него что-то есть. Стопка бумаги. Нет, не просто стопка: это была рукопись. Имея некоторый опыт, — подумал Рэйни, — сразу узнаешь рукопись. Особенно непрошенную.

И запоздало подумал: «Тебе повезло, что это не пистолет, старина Морт. Ты бы отправился ко всем чертям, прежде чем понял, что происходит».

Вслед за этим он понял, что, по-видимому, имеет дело с одним из племени сумасшедших. Это уже давно должно было случиться. Три его последних книги стали бестселлерами, и вот впервые его навещает такой тип. Он почувствовал одновременно страх и досаду, все его мысли свелись к одному: избавиться от непрошеного визитера как можно быстрее, избежав, если удастся, неприятных сцен.

— Я не читаю рукописей... — начал он.

— Эту вы уже читали, — спокойно сказал человек с лицом изможденного тяжким трудом поденщика. — Вы украли ее. — Он говорил ровно, как будто сообщал очевидный факт. Таким тоном можно было заметить, что греет солнышко и стоит чудесный осенний денек.

Казалось, все мысли приходят Мورتу в голову с запозданием. Теперь он вдруг отчетливо понял, что он здесь совсем один. Он приехал в этот дом в Тэшмор Глене в начале октября, после того, как провел в Нью-Йорке два скверных месяца. Дело о его разводе окончательно решилось только на прошлой неделе.

Дом был большой, но это был летний дом, и Тэшмор Глен был местом летнего отдыха. Вдоль дороги, огивавшей с севера озеро Тэшмор, стояло около двадцати коттеджей, и в июле или в августе в каждом из них, наверное, жили бы люди. Но теперь был не июль, и не август... Был конец октября. Он понял, что выстрела здесь просто никто не услышит. А если кто-то и услышит, то скорее всего решит, что это охотник стреляет перепела или фазана, — сезон для такой охоты как раз настал.

— Могу вас заверить...

— *Знаю*, что можете, — сказал все с тем же неземным спокойствием человек в черной шляпе. — Я это *знаю*.

За спиной незнакомца Морт разглядел автомобиль, на котором тот приехал. Это был старый пикап, проделавший на своем веку немало миль, но, судя по всему, почти не знавший хороших дорог. Но номерному знаку, он видел, что автомобиль не из штата Мэн, но из какого именно штата, сказать не мог: ему уже давно надо было сходить к оптометристу, чтобы сменить очки, и он собирался в начале лета выполнить эту маленькую повинность, но в апреле ему позвонил Генри Янг и спросил, что это за парень, с которым он видел Эми в универсальном магазине, — какой-нибудь родственник? — и мутная волна подозрений, которая в конце концов вынесла его к до жути быстрому и тихому разводу, захватила его, завертела и стала пожирать все силы и все время. Хорошо, если в последние месяцы он не забывал поменять белье, — где уж тут было заниматься такими изысканными вещами, как визит к оптометристу.

— Если вы хотите с кем-то поговорить о каких-то претензиях, которые, как вам кажется, у вас есть, — неуверенно начал Морт, испытывая ненависть к собственной неуклюжей и напыщенной речи, но не зная, как ответить иначе, — можете обратиться к моему...

— Нет, это между нами, — терпеливо объяснил стоявший на пороге человек. Бамп, кот Морта, лежавший до этого, свернувшись клубком, на низком мусорном ящике, пристроенном к стене дома, — мусор приходилось держать под замком, чтобы приходившие по ночам еноты не растаскивали его ко всем чертям, — теперь спрыгнул на землю и, описав сложную кривую, прошел между ног незнакомца. Тот продолжал, не отрываясь, смотреть своими голубыми глазами прямо в лицо Рэйни. — Не надо никого больше впутывать в это, мистер Рэйни. Это касается только вас и меня.

Мне не нравится, когда меня обвиняют в плагиате, если вы имеете в виду, это, — сказал Морт. Одновременно какая-то часть рассудка предупреждала его, что с представителем племени сумасшедших надо быть осторожным. Может быть, надо соглашаться с тем, что он говорит? Но у него кажется, нет пистолета, а по весу он уступает Мورتу по меньшей мере на пятнадцать фунтов. «Да и на вид он лет на пять или десять старше меня», — подумал Морт. Он где-то читал, что настоящие сумасшедшие бывают невероятно сильными, но черт его подери, если он будет просто стоять здесь и позволять какому-то типу, которого видит впервые в жизни, говорить, что он, Мортона Рэйни, украл у него рассказ. Даже не пытаюсь это как-нибудь опровергнуть.

— Я не виню вас за то, что это вам не нравится, — сказал человек в черной шляпе. Он говорил все так же терпеливо и ровно. Морт подумал, что таким тоном говорит терапевт, который имеет дело с детьми с небольшой задержкой в развитии. — Но вы это сделали. Вы украли мой рассказ.

— Вам придется уйти, — сказал Морт. Теперь он окончательно проснулся и уже не чувствовал себя сбитым с толку или загнанным в угол. — Мне нечего вам сказать.

— Да, я пойду, — согласился человек. — Мы потом поговорим подробнее. — Он протянул рукопись и Морт поймал себя на том, что тоже тянет руку навстречу. Он отдернул руку как раз в тот момент, когда его непрошенный и нежеланный гость уже готов был вложить в нее рукопись, — так ловкий посыльный всовывает повестку человеку, который в течение нескольких месяцев избегал вызова в суд.

— Этого я не возьму, — сказал Морт, внутренне поражаясь тому, насколько покладистым животным является человек: когда тебе что-то протягивают, твое первое побуждение — взять. Это может быть чек на тысячу долларов или динамитная шашка с подожженным запалом, — все равно первым делом ты обнаруживаешь готовность это принять.

— Не нужно играть со мной в игры, мистер Рэйни, — мягко сказал человек. — Это дело надо решить.

— Что касается меня, то я его уже решил, — сказал Морт и, закрыв дверь, отгородился от этого изборожденного морщинами, поношенного и как бы вне времени пребывающего лица.

В какой-то момент он испытал страх. Это произошло, когда, еще не проснувшись как следует, он вдруг понял, о чем говорит незнакомец. Затем пришло раздражение — от того, что его побеспокоили во время сна, и еще больше — от того, что сделал это, судя по всему, сумасшедший.

Теперь, когда дверь была закрыта, страх возвратился. Сжав губы, он ждал, что человек начнет в нее колотить. Но этого не случилось и он пришел к выводу, что тот просто стоит снаружи, неподвижный, как камень, и терпеливо ждет, чтобы он снова открыл дверь. И рано или поздно он вынужден будет это сделать.

Затем он услышал глухой стук, за которым последовал звук легких шагов, удаляющихся по дощатому полу веранды. Морт перешел в спальню. Здесь было два больших окна: одно из них смотрело на дорогу и на возвышавшийся за ней холм, другое открывало вид на склон, полого спускавшийся к синей, девственной глади озера Тэшмор. Оба окна были снабжены специальным покрытием, позволявшим свободно глядеть наружу, но если бы кто-то вздумал заглянуть в дом, он увидел бы лишь собственное искаженное отражение. Чтобы различить что-либо внутри, надо было прижаться носом к стеклу и руками защитить глаза от бликов.

Он увидел, как человек в голубой рубашке, и подвернутых джинсах идет к своему старому пикапу. Под этим углом он смог рассмотреть номерной знак: машина была зарегистрирована в штате Миссисипи. Когда человек открыл переднюю дверцу, Морт подумал: «Черт, оружие, наверное в автомобиле. Он не взял его с собой, считая, что сможет со мной как-то договориться. Теперь

он возьмет его и пойдет назад. Скорее всего, оно под сидением или в ящике для перчаток.

Но человек сел за руль, задержавшись лишь для того, чтобы снять шляпу и бросить ее рядом с собой на сиденье. Когда он захлопнул дверцу и включил зажигание, Морт подумал: «Что-то в нем теперь изменилось». И только после того, как машина его непрошенного гостя выехала на дорогу и скрылась за плотной стеной кустарника, Морт понял, в чем дело.

Когда человек сажился в машину, в руках у него уже не было рукописи.

2

Она лежала на веранде. Сверху она была придавлена большим камнем, чтобы ветер не разметал отдельные страницы по всему двору. Стук, который он слышал, стоя у закрытой двери, это был звук камня, положенного на рукопись.

Морт стоял в дверях, засунув руки в карманы своих брюк цвета хаки, и смотрел на нее. Он знал, что упомешательство не заразно (кроме тех случаев, полагал он, когда подвергаешься его воздействию слишком долго), но он все равно не хотел прикасаться к этой чертовой штуке. Однако рано или поздно это придется сделать. Он не знал, как долго он здесь пробудет — день, неделю, месяц или год, — в этот момент все казалось ему равно возможным, — но не мог же он оставить эту треклятую вещь вот так просто лежать на веранде. Грег Карстерз, служивший у него сторожем, должен был приехать в этот день к вечеру, чтобы сообщить, сколько будет стоить новая кровля. И Грег несомненно поинтересуется, что это такое. Хуже того, он скорее всего решит, что это вещь Морта, и тогда придется пускаться в объяснения, которых эта чертова дрянь не стоит.

Он стоял там до тех пор, пока шум мотора машины его посетителя не растворился в низком и неторопливом послеполуденном жужжании, затем вышел на веранду, осторожно ступая босыми ногами (веранду уже давно надо было покрасить: на разохшихся досках можно было легко занозиться), и выбросил камень в заросшую можжевельником водосточную канаву, проходившую слева от веранды. Он поднял небольшую стопку исписанных страниц и посмотрел на нее. Верхний лист был титульным. На нем можно было прочесть:

Джон Шутер

ПОТАЕННОЕ ОКНО, ПОТАЕННЫЙ САД

Помимо воли, Морт испытал мгновенное облегчение. Он никогда в жизни не слышал о Джоне Шутере и никогда не читал и не писал рассказа под названием «Потаенное окно, потаенный сад».

На кухне, проходя мимо мусорной корзины, он сунул в нее рукопись, затем направился в гостиную, вновь растянулся на кушетке, подсунув под шею одну из подушек, и через пять минут уже спал.

Ему снилась Эми. Все эти дни он очень много спал и все время видел во сне Эми и, просыпаясь от собственных хриплых криков, уже больше не удивлялся. Он считал, что это пройдет.

3

На следующее утро он сидел за своей электронной машинкой в уголке, выгороженном в гостиной и служившем ему кабинетом всегда, когда они здесь бывали. Машинка была включена, но Морт смотрел через окно на озеро. По немуплыли две моторные лодки, разрезавшие голубую поверхность озера широкими белыми полосами. Вначале он решил, что это рыбаки, но они плыли, нигде не задерживаясь — просто бороздили озеро, выписывая большие петли и пересекая друг другу курс. Дети, — подумал он, — это просто дети играют.

В их забаве не было ничего особенно интересного, но и в его работе — тоже. Все, что он писал с тех пор, как расстался с Эми, не стоило ломаного гроша. Он сидел перед электронной машинкой каждый день с девяти до одиннадцати, как делал это на протяжении последних трех лет (а перед этим тысячу лет подряд ежедневно проводил эти два часа сидя за старым конторским «Роялем» с большой кареткой), но сколько ни пытался что-то из нее выжать, с таким же успехом мог бы променять ее на моторную лодку и целыми днями гонять с ребятами по озеру.

Сегодня за время своего двухчасового урока он написал такие строки бессмертной прозы:

Через четыре дня после того, как Джордж убедился, к собственному удовлетворению, что жена его обманывает, он решил поговорить с ней начистоту.

— Мне надо поговорить с тобой, Эбби, — сказал он.

Это было из рук вон плохо.

Это и не могло быть хорошо, так как слишком напоминало реальную жизнь.

Раньше он относился к реальной жизни спокойнее. Может быть, в этом и заключалось все дело.

Он выключил машинку и мгновение спустя понял, что забыл перевести написанный текст в память. Ничего. Наверное, критик, сидевший у него в подсознании, сказал, что текст не стоит того, чтобы его запоминать.

Миссис Гэвин, очевидно, закончила убирать наверху: гудение пылесоса прекратилось. Она приходила каждый вторник и когда Морт две недели назад сказал ей, что они с Эми расстались, она от неожиданности надолго замолчала, что было ей вообще-то несвойственно. Он подозревал, что она была гораздо больше рас-

положена к Эми, чем к нему. Но все-таки она продолжала приходить убирать дом, и это по его мнению было уже неплохо.

Он поднялся и прошел в гостиную навстречу миссис Гэвин, которая как раз спускалась по главной лестнице. В руке она сжимала шланг, за которым тянулся маленький цилиндрический пылесос. Он прыгал вслед за ней, перескакивая со ступеньки на ступеньку, как механическая собачка. «Если бы я попробовал так тащить пылесос по лестнице, он ударил бы меня по лодыжке и скатился бы вниз, — подумал Морт. — Интересно, как это ей удается?»

— Салют, миссис Г., — сказал он, направляясь на кухню. Ему хотелось кока-колы. После того, как пишешь всякое дерьмо, всегда мучает жажда.

— Здравствуйте, мистер Рэйни. — Когда-то он предлагал, чтобы она звала его Морт, но она не стала. Она не стала даже звать его Мортон. Миссис Гэвин свято блюла свои принципы, однако ее принципы не мешали ей называть его женой Эми.

«Может быть, сказать ей, что я поймал Эми в постели с другим мужчиной в одном из дорогих мотелей Дерри, — подумал, распахивая двери на кухню, Морт. — Тогда она, наверное, снова станет называть ее по крайней мере миссис Рэйни».

Это была скверная, низкая мысль, — одна из тех мыслей, которые, как он подозревал, мешали ему хорошо писать, — но он не мог от нее удержаться. Быть может, такие мысли тоже пройдут... как и сны. По странной ассоциации он вспомнил наклейку, которую видел однажды на заднем бампере очень старого «жучка» фольксвагена. На ней была надпись: *застряло — не проходит*.

Пропустив его, двери кухни качнулись в обратную сторону и он услышал голос миссис Гэвин:

— Я нашла один из ваших рассказов в мусоре, мистер Рэйни, и подумала — может, он вам нужен, — так я положила его в кухне на тумбу.

— Ладно, — сказал он, не имея ни малейшего представления, о чем она говорит. У него не было привычки бросать в кухонную мусорницу свои неудачные рукописи или забракованные варианты. Когда его писанина оказывалась заведомой дрянью, — а в последнее время это случалось более, чем регулярно, — он либо подвергал ее немедленной компьютерной смерти, либо отправлял в корзину для бумаг, стоявшую справа от его машинки.

Про человека с лицом в морщинках и в круглой черной квакерской шляпе он даже не вспомнил.

Он открыл холодильник, отодвинул две тарелочки с остатками какой-то безымянной еды, отыскал бутылку пепси и откупорил ее, одновременно закрыв дверцу холодильника движением бедра. Шагнув к мусорнице, чтобы выкинуть пробку, он увидел рукопись. Она лежала на кухонной тумбе. Титульный лист ее был испачкан чем-то вроде апельсинового сока, но в остальном она была невре-

дима. Теперь он вспомнил. Как же, Джон Шутер. Из Общества Сумасшедших. Отделение в Миссисипи. Почетный член.

Он глотнул пепси, затем взял в руки рукопись. Переложив титульный лист в конец, он прочел на первой странице следующее:

Джон Шутер
До востребования
Деллакорт, Миссисипи

30 страниц
Приблизительно 7500 слов
Предлагается право на публикацию в периодике,
Северная Америка

Джон Шутер

ПОТАЕННОЕ ОКНО, ПОТАЕННЫЙ САД

Рукопись была отпечатана на хорошей плотной бумаге и никуда не годной машинке, — судя по всему, это была старая конторская модель, с которой обращались не слишком бережно. Почти все буквы клонились набок, как зубы у старика.

Он прочитал первую фразу, затем вторую, затем третью, и на какой-то миг в голове у него помутилось.

Тодд Дауни считал, что женщина, которая способна украсть у тебя любовь, когда любовь — это единственное, что у тебя есть, — уже как бы не женщина. Поэтому он решил ее убить. Он решил сделать это в глухом углу, где к стене дома вплотную подходит стена сарая, — там, где у его жены был свой сад.

— А, черт, — пробормотал Морт, бросая рукопись назад на тумбу. Рукой он задел бутылку пепси. Ее содержимое, пенясь и шипя, расплылось по тумбе и стало стекать на пол. — А, ЧЕРТ! — завопил он.

Миссис Гэвин вбежала на кухню и, быстро оценив ситуацию, сказала:

— Ну, ничего. А то я уж было решила, что вы перерезали себе горло. Подвиньтесь, пожалуйста, мистер Рэйни.

Он подвинулся, и первым делом она схватила лежавшую на тумбе рукопись и сунула ему в руки. Рукопись по-прежнему была невредима: бурный поток обошел ее стороной. Рэйни всегда считал себя человеком, обладающим чувством юмора, но теперь, глядя на эту стопку страниц, вновь оказавшуюся у него в руках, обнаружил, что максимум, на что он способен, это чувство горькой иронии. «Какая-то сказка про белого бычка, — подумал он. — Она снова ко мне вернулась».

— Если вы собирались это уничтожить, — сказала миссис Гэвин, кивнув на рукопись и доставая из-под раковины тряпку, — вы на правильном пути.

— Это не мое, — сказал он и внутренне усмехнулся. Вчера, когда он чуть было не взял рукопись из рук своего непростого

гостя, он подивился готовности человека брать то, что ему дают. По-видимому, эта готовность простирается еще дальше, ибо, прочитав эти три фразы, он мгновенно испытал чувство вины... но разве не это хотел заставить испытать его Шутер (или как его там на самом деле зовут)? Действительно, он все время повторял «Вы украли мой рассказ», а вор должен чувствовать себя виноватым.

— Извините, мистер Рэйни, — сказала миссис Гэвин, наступая на него с тряпкой.

Он вновь отодвинулся, давая ей пройти к месту катастрофы. — Это не мое, — повторил он более настойчиво.

— А, — сказала она, вытирая поверхность тумбы и затем подходя к раковине, чтобы выжать тряпку. — Я думала, это ваше.

— Здесь написано: Джон Шутер, — сказал он, снова положив титульный лист наверх и повернув к ней рукопись. — Видите?

Миссис Гэвин удостоила титульный лист коротким вежливым взглядом и начала вытирать дверцы шкафа. — Я думала, что это, как его, псевдоним...или ним, — сказала она.

— Я не пользуюсь псевдонимом, — сказал он. — И никогда не пользовался.

На этот раз она удостоила самого Морта коротким взглядом, лукавым и недоверчивым, и, опустившись на колени, стала подбирать тряпкой с пола остатки пепси. — А хотя бы и пользовались, все равно бы мне не сказали.

— Извините меня за этот потоп, — сказал он, направляясь к двери.

— Это моя работа, — сказала она отрывисто, уже на него не глядя. Он понял, что разговор окончен, и вышел.

С минуту он постоял в гостиной, уставившись на брошенный посреди ковра пылесос. В голове у него еще раз прозвучал терпеливый голос человека с лицом в морщинах: «Не надо никого больше впутывать в это, мистер Рэйни. Это касается только вас и меня».

Морт, привыкший профессионально запоминать лица и действия, вызвал в памяти это лицо и, внимательно в него вглядевшись, подумал: «Нет, это было не минутное помрачение и не экстравагантный способ познакомиться с писателем, которого он мог считать знаменитостью. Он, пожалуй, еще вернется».

Вдруг решительным шагом он направился в кабинет, скручивая по дороге в трубочку рукопись.

4

Из четырех стен его кабинета три были заняты книжными полками. Одну из них занимали различные издания — американские и зарубежные — его собственных произведений. Всего он написал шесть книг: пять романов и один сборник рассказов. Рассказа-

зы и первые два романа были хорошо приняты членами его семьи и несколькими друзьями. Третий роман, «Сын шарманщика», неожиданно стал бестселлером. После того, как к нему пришел успех, его ранние произведения были переизданы и расходились неплохо, хотя и уступали в популярности его более поздним книгам.

Сборник назывался «Каждый теряет грош». Большинство входивших в него рассказов были вначале напечатаны в журналах для мужчин, где их окружали фотографии красоток, не прикрытых ничем, кроме, разве что, туши для ресниц. Однако один из них появился в Журнале Детективов Эллери Куин. Назывался он «Время сеять», и как раз его открыл теперь Морт.

Женщина, способная украсть у тебя любовь, когда любовь — единственное, что у тебя есть, — это уже «как бы не женщина. По крайней мере, так считал Томми Хэйвлок. И он решил ее убить. Он даже знал совершенно точно, где он это сделает: в маленьком садике, который она устроила в глухом углу, образованном стеной дома и стеной сарая.

Морт сел и стал медленно читать оба рассказа, сравнивая их между собой. Дойдя до середины, он понял, что может и не продолжать. Кое-где они отличались по стилистике, но в других местах совпадали слово в слово. Если отвлечься от стилистических разночтений, можно было сказать, что это — *один и тот же* рассказ. Там и здесь человек убивает свою жену. Там и здесь жена выведена как сухая, холодная стерва, которой нет дела ни до чего, кроме ее сада и консервирования. Там и здесь убийца закапывает тело супруги в саду, а затем ухаживает за ним, и выращивает грандиозный урожай. В версии Мортон Рэйни это бобы, у Шутера — кукуруза. В обеих версиях убийца в конце концов сходит с ума и полиция обнаруживает его, когда он, давась, пытается съесть выращенные таким образом овощи (соответственно, бобы или кукурузу), и бормочет, что вот теперь он наконец от нее избавится.

Морт никогда не считал себя мастером новеллы ужасов, и в рассказе «Время сеять» не было ничего выдающегося, но все-таки этот уродец стоил ему труда, и выбрасывать его было жаль. Эми, прочитав его, передернула плечами и сказала: «Наверное, это хорошо, но душа этого человека... Господи, Морт, что за банка с червями».

Он чувствовал абсолютно то же самое. С тех пор он не часто навещал мир этого рассказа, и не считал, что это «Сердце-обличитель»*, но ему казалось, что он честно сделал свое дело и неплохо изобразил нервный срыв Тома Хэйvloка. Издатель Журнала Детективов был с этим согласен и читатели — если судить по почте, — в общем тоже. Издатель просил его дать в журнал что-нибудь еще в таком роде, но Морт этого не сделал и не написал

* Рассказ Эдгара По.

после этого ничего, что хотя бы отдаленно напоминало «Время сеять».

— Я знаю, что могу это сделать, — сказал Тодд Дауни, доставая из кипящей на огне кастрюли еще один початок кукурузы. — Уверен, что со временем я так ее всю уничтожу.

Так закончил свой рассказ Шутер.

— Не сомневаюсь, что справлюсь с этим отлично, — сказал им Том Хейвлок, накладывая себе очередную порцию бобов из наполненной почти до краев, кипящей кастрюли. — Уверен, что со временем смерть ее станет загадкой даже для меня.

Такая концовка была у Мортон Рэйни.

Морт закрыл книгу и задумчиво поставил ее назад на полку рядом с другими своими произведениями.

Он сел к письменному столу и начал медленно и методично рыться в ящиках. Стол был огромный, настолько огромный, что в свое время его пришлось заносить в дом по частям. В нем было множество ящиков. Это была его территория: ни Эми, ни миссис Г. к столу даже не приближались, и ящики были забиты всякой всячиной, копившейся здесь в течение десяти лет. Прошло уже четыре года с тех пор, как Морт бросил курить, и если где-то в доме еще оставались сигареты, это могло быть только здесь. Если сигареты найдутся, он закурит. Сейчас ему смертельно хотелось курить. Если не найдутся — тоже хорошо. Перебирая весь этот мусор, он стал понемногу успокаиваться. Старые письма, которые он отложил, чтобы написать ответ, но так этого и не сделал. То, что когда-то казалось важным, теперь выглядело архаичным, даже немного таинственным. Открытки, которые он купил, но так никогда и не отправил. Куски рукописей — с правкой и без. Початая пачка старых кукурузных хлопьев. Конверты. Скрепки. Аннулированные чеки. Он натывался здесь на пласты почти геологические — пласты летней жизни, застывшей на месте, замороженной, когда пришел холод. Это в самом деле его успокаивало. Он закончил с первым ящиком и перешел к следующему, не переставая думать о Джоне Шутере и о том, какое действие оказал на него рассказ Шутера (его собственный рассказ, черт возьми!).

Прежде всего, он заставил его искать сигареты. Конечно, это случилось не впервые за эти четыре года. Бывали моменты, когда, увидев курящего человека за рулем автомобиля, остановившегося рядом у светофора, он испытывал вдруг мимолетное желание затянуться дымом. Но именно мимолетное. Оно проходило, как проходит весенний ливень: вот все вокруг застилает серебристая пелена дождя, а пять минут спустя на голубом небе уже снова ярко сияет солнце. И ему никогда не хотелось затормозить у ближайшего магазина, чтобы купить себе курева, или шарить в поисках пачки сигарет в отделении для перчаток, как шарик он сейчас в своем письменном столе.

Он чувствовал *вину*, и это было глупо. Это его бесило. Он не крал рассказа у Шутера, он был в этом уверен. Если здесь и было какое-то воровство (а оно несомненно было, ибо два рассказа не могли быть столь схожи без того, чтобы один из авторов не знал текста другого, — иного Морт просто представить себе не мог), то это *Шутер украл у него*.

Конечно.

Это было так же очевидно, как нос у него на лице, или ... как круглая черная шляпа на голове Джона Шутера.

И все же что-то его беспокоило, вселяло неуверенность, заставляло чувствовать себя виноватым... Он был в затруднении, и не мог ни назвать его, ни понять, в чем причина. Может быть...

В этот момент Морт обнаружил ксерокопированную рукопись «Сына шарманщика», а под ней — пачку сигарет «L&M». Он не знал даже, выпускают ли теперь такие сигареты. Пачка была старой, помятой, но определенно не пустой. Он взял ее и заглянул внутрь. По классификации, известной только ему, как единственному представителю неформальной науки — геологии его письменного стола — он прикинул, что пачка эта была куплена где-то в 1985 году.

Заглянув внутрь, он увидел там три сигареты, — три гвоздя, которые можно было заколотить в собственный гроб, — лежавшие в ряд.

«Посланцы другого века, — подумал Морт. Он взял из пачки одну сигарету и вышел на кухню, где в коробке у плиты лежали спички. — Посланцы другого века, преодолевшие годы; терпеливые путешественники, ждавшие подходящего случая, чтобы вновь вывести меня на прямую дорогу, ведущую к раку легких. Кажется, час ваш пробил».

— Ну-ка, отведаем вкуса дерьма, — сказал он громко, на весь пустой дом (миссис Гэвин к этому времени уже давно ушла), и поднес огонь к кончику сигареты. Вкус дерьма, однако, он не почувствовал. На вкус сигарета была великолепной. Он побрел назад в кабинет, затягиваясь, пуская дым и испытывая приятное прояснение в голове. «О, жуткая сила привычки», — думал он. Что там говорил Хэмингуэй? Не в августе, не в сентябре — в этом году ты можешь делать, что хочешь. Но время идет по кругу. Всегда. И рано или поздно ты снова засовываешь что-нибудь в свою постаревшую и немую пасть. Бутылку, сигарету, а быть может и ствол винтовки. Не в августе, не в сентябре...

... к сожалению, теперь был октябрь.

Еще раньше, на кухне, он обнаружил старую полупустую банку с арахисом. В съедобности орехов он усомнился, но из крышки вышла отличная пепельница. Он сел за письменный стол, посмотрел в окно на озеро (лодки, как миссис Г., к этому времени тоже куда-то исчезли), жадно затянулся, окончательно сдавшись на волю старой дурной привычки, и обнаружил, что может уже спокойнее думать о Джоне Шутере и об этом рассказе.

Человек этот *конечно* ненормальный. Это можно считать доказанным. Почему же, наткнувшись на совпадение, он совершенно потерял равновесие? .

Что ж, с одной стороны, рассказ — это *реальная* вещь, — вполне можно так думать, особенно если кто-то у тебя его ~~моку~~пает, — но с другой и, пожалуй, более существенной стороны, — это вовсе не вещь. Это не то, что ваза, стул или, скажем, автомобиль. Это чернила, нанесенные на бумагу, но это не бумага, и не чернила. Иногда его спрашивали, где он берет идеи, и в ответ он обычно отшучивался, но при этом испытывал легкий стыд, чувствуя себя немного лжецом. Люди подозревают, что где-то есть Центральное Хранилище Идей (или кладбище слонов, или город из чистого золота), а у него есть потаенная карта, сверяясь с которой он может попадать туда и возвращаться обратно, но Морт знал, как это происходит на самом деле. Он совершенно точно помнил, *где он находился*, когда ему в голову пришла та или иная идея, и знал, что идеи возникают из наблюдения странных связей между вещами, событиями или людьми, которые до этого казались несвязанными. Но это было все. Как и почему он улавливает эти связи, чтобы затем превращать их в рассказы, — об этом он не имел ни малейшего представления.

Если бы Джон Шутер пришел к нему и вместо того, чтобы сказать «Вы украли мой рассказ», сказал «Вы украли мою машину», Морт мог быстро и решительно опровергнуть такое заявление. Он мог сделать это даже в том случае, если бы речь шла о машинах одной модели, изготовленных в одном и том же году и выкрашенных в один цвет. Он показал бы человеку в круглой черной шляпе документы на машину, заставил его сравнить номер, напечатанный на розовой карточке, с номером, выбитым на корпусе, и — горячий привет.

Но к идее рассказа не прилагается чек на покупку. Происхождение ее проследить невозможно, ведь она достается тебе даром. Это потом ты выставляешь счет каждому, кто захочет ее у тебя купить, — журналам, газетам, издательствам, кинокомпаниям, — и стараешься сделать его как можно больше, чтобы вернуть деньги, которые эти сукины дети тебе когда-то недоплатили. А вначале идея является тебе чистой, и нет к ней ни преysкуранта, ни сопроводительных документов. В этом все дело, — решил он. Поэтому он и почувствовал себя виноватым, хотя знал, что не крал у Джона Шутера никакого рассказа. Писательское ремесло само по себе чем-то сродни воровству, а Джон Шутер просто был первым, кто пришел к нему и сказал об этом вслух. Он подумал, что подсознательно он ждал чего-нибудь в этом роде долгие годы.

Морт погасил сигарету и решил немного соснуть. Затем ему пришло в голову, что это плохая идея. Будет гораздо лучше — и для души, и для тела — чего-нибудь сейчас съесть, полчаса

почитать и пойти как следует прогуляться вдоль озера. Он слишком много спит в последнее время: это признак депрессии. Он направился в сторону кухни, но по дороге свернул и прилег на кушетку, стоявшую под окном гостиной. «К черту, — решил он, подсовывая подушку себе под шею, — депрессия так депрессия».

И уже засыпая, подумал: «Этот парень меня просто так не оставит. Нет, он не из тех. Он еще вернется».

5

Ему снилось, что он блуждает по огромному кукурузному полю. Он переходит от одного ряда к другому, и солнце отражается на стеклах часов: их у него надето по нескольку на каждой руке и все показывают разное время.

— Помогите! — кричит он. — Кто-нибудь, пожалуйста, помогите! Я потерялся, мне страшно!

Впереди, по обе стороны борозды, шевелится и шуршит кукуруза. С одной стороны навстречу ему выходит Эми. С другой — Джон Шутер. У обоих в руках по ножу.

— Не сомневаюсь, что справлюсь с этим отлично, — говорит Шутер, когда они подходят вплотную, выставив ножи вперед. — Уверен, что со временем твоя смерть станет загадкой даже для нас.

Морт поворачивается, пытаясь бежать, но чья-то рука — он уверен, что это Эми, — хватается его за пояс и тянет назад. И ножи, сверкая под ярким солнцем этого огромного потаенного сада...

6

Через час с четвертью его разбудил звонок телефона. Страхнув с себя остатки кошмара, — ему запомнилось только, что его кто-то душил, — он сел на кушетке. Ему было невыносимо жарко: каждый квадратный сантиметр тела буквально исходил потом. Пока он спал, солнце перешло на эту сторону дома и уже неизвестно как долго светило на него в упор через окно.

Морт медленно направился к телефонному столику, который стоял в прихожей, ступая тяжело, как водолаз, идущий против течения по дну реки. В голове у него стучало, во рту был такой вкус, словно он съел дохлого суслика. Казалось, что с каждым его шагом дверь в прихожую отодвигается немного назад, и Морт подумал (это и раньше приходило ему на ум), что в аду человек вероятно чувствует себя так же, как после долгого и изнурительного послеполюденного сна на жаре. Главным было даже не физическое мучение. Главным было выбивающее из колеи чувство какого-то несовпадения с самим собой, — как будто смотришь вокруг через телевизионную камеру с запотевшим объективом.

Он поднял трубку, ожидая услышать Шутера.

«Да уж, конечно, это он — единственный человек на всем свете, с которым мне не следует разговаривать в таком развинченном состоянии, когда одна половина мозгов отстегивается от другой. Конечно, он, — кто же еще?»

— Да?

Это был не Шутер, но, услышав голос на другом конце провода, он понял, что на свете есть по крайней мере еще один человек, с которым он не хотел бы беседовать, чувствуя себя физически незащищенным.

— Привет, Морт, — сказала Эми. — У тебя все в порядке?

7

В тот же день позднее Морт надел красную фланелевую куртку, которую носил ранней осенью и, осуществляя свой замысел, все-таки отправился на прогулку. Кот Бамп проводил его достаточно далеко, чтобы убедиться, что намерения Морта серьезны, а затем возвратился домой.

Он шагал медленно и решительно, погрузившись в этот замечательный день с его голубыми небесами, красными листьями и золотым воздухом. Он шел, засунув руки в карманы, стараясь насладиться спокойствием озера, которое всегда действовало на него умиротворяюще. Он считал, что именно за этим и приехал сюда, а не остался, как этого ждала от него Эми, в Нью-Йорке, пока дела их неуклонно подвигались к разводу. Это было магическое место, особенно осенью, и когда он сюда приехал, ему казалось, что вряд ли найдется на всей планете другой столь же несчастный и столь же нуждающийся в магии человек. И если испытанная магия этого места оказалась бессильной, и он по-прежнему не мог написать ни строчки, он не знал, что можно еще предпринять.

Постепенно он все-таки успокаивался. Странная тишина, которая с наступлением осени повисала в обезлюдевших окрестностях озера Тешмор, действовала на него, как поглаживание ласковых рук. Теперь ему было о чем подумать, кроме Джона Шутера. Ему надо было подумать еще об Эми.

— Конечно, у меня все в порядке, — сказал он, тщательно выговаривая слова, как пьяный, который пытается убедить окружающих, что он совершенно трезв. В действительности в голове у него стоял такой туман, что он был в некотором роде не лучше, чем пьяный. Слова казались ему громоздкими и плохо умещались во рту, словно куски мягкого, рыхлого камня. Он говорил осторожно, как будто впервые в жизни прокладывал путь через условности и шахматные комбинации телефонного разговора. — А ты как?

— О, отлично, у меня все отлично, — сказала она и в трубке раздался короткий, быстрый смешок, который обычно означал, что она флиртует либо чертовски нервничает, и поскольку Морт

сомневался, что в данный момент она способна с ним флиртовать, он отбросил эту возможность. Сознание, что она тоже нервничает, позволило ему немного расслабиться. — Просто ты там совсем один, и мало ли что может случиться, ведь никого нет поблизости... — она не договорила.

— Я не совсем один, — сказал он мягко. — Сегодня приходила миссис Гэвин. И Грег Карстерз всегда рядом.

— Ой, я совсем забыла об этой починке крыши, — сказала Эми, и у него мелькнула мысль, что их беседа звучит как-то уж чересчур естественно и мирно. «Послушать нас, — подумал Морт, — ни за что не догадаешься, что этот подонок, агент по продаже недвижимости, забрался в мою постель... или в то, что я считал своей постелью». Он ждал, что сейчас в нем поднимется волна негодования, — уязвленного самолюбия, ревности, гнева, — но там, где еще недавно обитали эти живые хотя и неприятные чувства, теперь зашевелилась какая-то бледная тень.

— Грег не забыл об этом, — заверил ее Морт. — Он приходил вчера и часа полтора лазил по крыше.

— Что, там совсем все прогнило?

Он ответил и они еще минут пять говорили о крыше. Морт, между тем, понемногу приходил в себя. Они говорили об этой крыше так, будто все осталось по-прежнему, будто они собираются проводить вместе следующее лето под новым кедровым гонтом, как они девять лет подряд проводили его под старым. «Дайте мне крышу, — подумал Морт, — дайте немного кедрового гонта, и я буду говорить с этой стервой до скончания века».

Он слушал, что он сам говорит, поддерживая эту беседу, и постепенно его охватывало чувство нереальности. Он как будто опять впадал в то полусонное сомнамбулическое состояние, в котором подошел к телефону. Наконец это стало невыносимо. Если цель этого испытания — выяснить кто из них сможет дольше притворяться, что последних шести месяцев в их жизни просто не было, он был готов признать себя побежденным.

Она спрашивала, где Грег собирается доставать кедровые рейки, и будет ли он нанимать бригаду плотников в городе, но тут Морт не выдержал:

— Послушай, Эми, почему ты все-таки позвонила?

На минутку в трубке воцарилась тишина и он почувствовал, как она подыскивает слова, словно примеряет перед зеркалом шляпки. Вот это его по-настоящему разозлило. Это была одна из черт, — одна из немногих черт, — которые он в ней действительно не любил. Совершенно неосознанное двуличие.

— Я уже сказала тебе, почему, — произнесла она наконец, — Чтобы узнать, все ли у тебя в порядке. — Она опять волновалась и говорила неуверенно. Как правило, это означало, что она говорит правду. Когда Эми лгала, это звучало так, будто она сообщает, что земля круглая. — У меня было тревожное чувство... Я знаю,

ты в это не веришь, но ты ведь знаешь, что у меня это бывает...

И что я верю в это... Да, Морт!

— Да, я знаю.

— Ну вот, у меня было плохое чувство. Я делала себе бутерброд к ленчу и мне показалось, что ты... что у тебя не все в порядке. Я немножко подождала — думала, это пройдет, но это не прошло. Ну, я решила тогда позвонить. У тебя действительно все нормально?

— Да, — сказал он.

— И ничего не случилось?

— Ну, кое-что случилось, — сказал он после короткой паузы.

Он подумал, что, вероятно, даже скорее всего, Джон Шутер (если это настоящее имя) сначала пробовал разыскать его в Дерри, и лишь затем приехал сюда. В конце концов, в это время года он обычно был в Дерри. Эми могла сама направить его в Тэшмор Глен.

— Я так и знала, — сказала она. — Ты поранился бензопилой? Или...

— Нет, медицинская помощь не требуется, — сказал он, слегка улыбнувшись. — Просто досадная встреча. Скажи, имя Джон Шутер что-нибудь тебе говорит?

— Нет. Кто это?

Он подавил раздражение, выпустив воздух через сжатые зубы, как пар. Эми была неглупая женщина, но у нее всегда было что-то вроде короткого замыкания между языком и мозгами. Он вспомнил, как пошутил однажды, посоветовав ей носить футболку с надписью «Вперед говорю, потом думаю». — Не говори «нет» с места в карьер. Подумай немножко. Очень высокий человек, около шести футов. Думаю, что ему лет сорок пять. С лица он старше, но двигается как сорокалетний. Лицо деревенское, свежее, много морщин от солнца. Когда я его увидел, то подумал, что он выглядит как персонаж Фолк...

— О чем ты говоришь, Морт?

В этот момент вся история прошла у него перед глазами. Он еще раз понял, почему он не осуществил своего желания — посещавшего его главным образом по ночам — предложить ей попробовать уладить свои разногласия. Он знал, что, прояви он настойчивость, она бы на это пошла. Но беда в том, что неполадки в их браке отнюдь не сводились к фигуре агента по торговле недвижимостью. Командные нотки, прозвучавшие сейчас в ее голосе — то был еще один симптом, оказавшийся для их союза смертельным. «Что это ты наделал?» — требовала она немедленного ответа. — «Во что это ты ввязался? Ну-ка, объясни».

Он прикрыл глаза и, прежде, чем ответить, еще раз выдохнул сквозь зубы. Затем он рассказал ей о Джоне Шутере, о его рукописи и о своем рассказе. Эми вспомнила: «Время сеять», но сказала, что никогда в жизни не слышала о Джоне Шутере — такое имя трудно забыть (с этим Морт был готов согласиться). И определенно никогда не встречала этого человека.

— Ты уверена? — настаивал Морт.

— Да, вполне, — сказала Эми. Вопросы Морта ее слегка возмущали. — С тех пор, как ты уехал, я такого человека не видела. И прежде, чем ты снова скажешь, чтобы я не говорила «нет» с места в карьер, хочу тебя заверить, что я прекрасно помню практически все, что происходило за это время.

Она остановилась и он понял, что ей трудно сейчас говорить, что он, по-видимому, действительно сделал ей больно. Маленький, гнусный зверек в его душе возликовал. Большая и лучшая часть его натуры немедленно осудила эту подлую вылазку, но тот продолжал ликовать, демонстрируя полное безразличие к мнению Морта Великодушного.

— Может быть, его видел Тед? — сказал он. Тед Милнер — это был агент по продаже недвижимости. Ему до сих пор было трудно поверить, что она бросила его ради агента по продаже недвижимости, и это, как он полагал, составляло серьезную часть всей проблемы, ибо многое из того, что произошло, объяснялось его сомнением. Конечно, он тоже не был святым: по крайней мере, себе самому он готов был в этом признаться.

— Это что — шутка? — голос Эми прозвучал зло, виновато, горько и вызывающе в одно и то же время.

— Нет, — сказал он. Он снова почувствовал себя усталым.

— Теда здесь нет, — сказала она. Тед сюда почти не заходит. Я... Я сама хожу к нему.

«Спасибо, Эми, что ты поделилась со мной», — он едва не произнес это, но в последний момент прикусил язык. Хотя бы один разговор хотелось закончить без взаимных обвинений. Поэтому он не стал благодарить ее за откровенность, и не стал говорить, что у нее все наладится, и тем более не стал спрашивать «что с тобой, Эми?» — главным образом, чтобы она, в свою очередь, не задала ему того же вопроса.

8

Она посоветовала ему поговорить с Дэйвом Ньюсомом — тэшморским констеблем, — в конце концов, человек этот может оказаться опасным. Морт ответил, что пока не видит в этом необходимости, но если «Джон Шутер» появится снова, он пожалуй, ему позвонит. Обменявшись неловкими любезностями, они попрощались. Он был уверен, что она продолжает переживать его прозрачный намек, что Тед теперь сидит в кресле медвежонка Морта или спит в его постельке, но он искренне не понимал, как долго можно избегать упоминаний о Теде. Все-таки, Тед стал частью жизни Эми. И ведь это *она* позвонила *ему*. У нее было одно из этих смешных предчувствий и она позвонила *ему*.

Шагая по тропинке вдоль озера, Морт дошел до развилки. Тропинка, уходившая вправо, взбиралась по крутому береговому склону и выводила к шоссе. Морт стал подниматься по ней не

торопясь, наслаждаясь красками осени. Когда тропинка сделала последний поворот и впереди замаячила узкая полоса асфальта, он без особого удивления увидел грязный голубой пикап с номером, зарегистрированным в штате Миссисипи, который стоял на обочине с видом привязанной к дереву побитой собаки, и длинную фигуру Джона Шутера со скрещенными на груди руками, подпиравшую правое переднее крыло автомашины.

Морт ждал, что сердце его сейчас начнет бешено колотиться и по всему телу разольется адреналин, но сердце билось в нормальном ритме и железы внутренней секреции помалкивали.

В этот момент из-за облака показалось солнце, и осенние краски, и без того яркие, вспыхнули теперь всеми оттенками пламени. Из-под ног Морта выросла его собственная тень — длинная, темная, четко очерченная. Круглая черная шляпа Шутера стала еще чернее, его рубашка пронзительно поголубела, и в воздухе появилась такая прозрачность, что весь он казался представителем какой-то иной реальности, более живой и яркой, чем та, которую знал Морт. И он понял, что ошибся, или непроизвольно солгал, ругаясь себе и Эми, почему он не хочет обращаться к Дэйву Ньюсому. Правда заключалась в том, что он хотел сам решить это дело. «Наверное, чтобы доказать, что я все еще на что-то способен», — подумал он, и снова стал подниматься вверх по склону, туда, где, прислонившись к машине, его ждал Джон Шутер.

9

Его прогулка вдоль берега озера была долгой и неторопливой, так что он успел подумать не только о звонке Эми. Когда дорогу ему преграждало упавшее дерево, он перелезал через него или обходил вокруг. Время от времени он поднимал с земли плоские камушки и заставлял их прыгать по поверхности озера (в детстве он делал это виртуозно, и по-настоящему хороший камень — они называли их «блинами» — мог подпрыгнуть у него до девяти раз, но теперь ему удалось дойти только до отметки четыре). И еще он думал, как ему быть с Шутером, когда (и если) Шутер появится снова.

Его в самом деле посетило мимолетное — пожалуй даже, не очень мимолетное — чувство вины, когда он убедился в почти полном тождестве двух рассказов, но с этим он разобрался. Он решил, что это — проявление общего чувства вины, которому подвержены все писатели, имеющие дело с вымыслом. Что же касается самого Шутера, то к нему он не испытывал ничего, кроме раздражения, злости... и какого-то облегчения. Вот уже несколько месяцев в нем копилась, кипела и не находила выхода глухая ярость. Было приятно найти, наконец, козла отпущения.

Морт знал старую байку, что если посадить четыреста обезьян колотить по клавишам четырехсот пишущих машинок в течение четырех миллионов лет, то одна из них напечатает собрание сочи-

нений Шекспира. Он в это не верил. Но пусть даже это и так, Джон Шутер не обезьяна и прожил еще недостаточно долго, каким бы морщинистым ни было его лицо.

Следовательно, Шутер списал у него рассказ. Почему он выбрал именно «Время сеять», оставалось за пределами разума Мортон Рэйни, но он знал, что дело обстоит именно так, ибо в случайное совпадение он не верил, и хотя мог допустить, что позаимствовал эту историю (а заодно и все остальные свои сюжеты) во Всеобщем Космическом Банке Идей, но был абсолютно убежден, что у мистера Джона Шутера из Великого Штата Миссисипи он ее никогда не крад.

Хорошо, тогда *откуда* списывал рассказ Шутер? Морт полагал, что это самый важный вопрос. Ответив на него, можно было расчитать вывести Шутера на чистую воду, обвинив его во лжи и подлоге.

Существовало два возможных ответа, поскольку рассказ этот публиковался дважды: первый раз — в Журнале Детективов Эллери Куин, а затем — в сборнике его рассказов «Каждый теряет грош». Обычно в начале сборника приводятся даты первой публикации каждого рассказа. Так было сделано и в книге «Каждый теряет грош». Открыв ее, он увидел, что рассказ «Время сеять» впервые появился в июньском номере Журнала Детективов за 1980 год. Сам сборник «Каждый теряет грош» был напечатан издательством Сен-Мартинз Пресс в 1983 году. Потом выходили и другие издания — все, кроме одного, в мягкой обложке, — но это уже было неважно. Ему предстояло иметь дело с этими двумя датами — 1980 и 1983. И он тешил себя надеждой, что кроме литературных агентов и юристов, работающих в издательствах, никто никогда не обращает внимания на эту напечатанную мелким шрифтом строчку, в которой указана дата первой публикации.

Надеясь, что Шутер не является исключением, что, как всякий читатель, он наивно считает, что рассказ, впервые включенный в сборник, до этого не существовал, Морт решительным шагом направился к этому человеку и остановился перед ним на обочине шоссе.

10

— Вы, наверное, успели уже прочитать мой рассказ, — сказал Шутер. Он говорил небрежно, как будто речь шла о погоде.

— Да, успел.

Шутер серьезно кивнул — Представляю, какое это произвело на вас впечатление.

— Конечно, произвело, — согласился Морт и добавил как бы невзначай, — Когда вы его написали?

— Я знал, что вы это спросите, — сказал Шутер. Он хитро улыбнулся и замолчал. Руки его по-прежнему были скрещены на груди, ладони подмышками. У него был такой вид, будто он со-

бирается стоять так всегда, по крайней мере, пока не наступит ночь и он не сможет больше подставлять лицо лучам солнца.

— Как же, — сказал Морт, стараясь, чтобы его слова звучали небрежно. — Это надо выяснить. Когда у двоих получается один и тот же рассказ, это серьезно.

— Серьезно, — задумчивым голосом подтвердил Шутер.

— А чтобы это выяснить, — продолжал Морт, — чтобы решить, кто у кого списал, надо установить, кто написал эти слова первыми. По-другому это не сделаешь. — Решительно и прямо он посмотрел в голубые глаза Шутера. Где-то поблизости важно застрекотала цикада, затем все снова затихло. — Разве не так?

— Так, — согласился Шутер. — Потому я и приехал сюда из самого Миссисипи.

На дороге послышался шум приближающейся машины. Они оба повернули в эту сторону головы. Из-за холма вынырнул «скаут» Тома Гринлифа, позади которого, крутясь, летели сухие осенние листья. Том, семидесятилетний старик, бодрый и крепкий, был местным жителем и сторожил дома по эту сторону озера, куда уже не распространялось влияние Грега Кастерза. Не снижая скорости, Том приветствовал их, подняв руку. Морт помахал в ответ. Шутер извлек одну руку из ее убежища и дружелюбно поднес палец к шляпе. В этом движении угадывались многие годы деревенской жизни, крепко усвоенный обычай приветствовать водителей встречных грузовиков, тракторов и сенокосилок одним и тем же привычным жестом. Когда машина Тома скрылась из виду, он снова скрестил на груди руки. Растрепанные листья улеглись на дороге. Его спокойный, твердый и немного отрешенный взгляд опять устремился в лицо Мортон Рэйни. — Да, о чем мы говорили? — спросил он почти деликатно.

— Мы пытались установить первенство, — сказал Морт — Это значит...

— Я знаю, что это значит, — сказал Шутер, бросив на Морта холодный, слегка презрительный взгляд. — Я знаю, что моя машина похожа на говновоз, и что одет я как говновоз, и что я происхожу из породы говновозов, и, может быть, поэтому я и сам говновоз, но это не значит, что я идиот.

— Не значит, — согласился Морт. — Но умный это еще не обязательно честный. Чаще, по-моему, бывает наоборот.

— Если бы я этого не знал, я бы понял это, глядя на вас, — сказал насмешливо Шутер, и Морт почувствовал, что краснеет. Он не любил, когда ему хамили, и не часто с этим сталкивался, но вот Шутер только что это сделал с небрежностью опытного стрелка, который разносит вдребезги подброшенную в воздух тарелку.

Его шансы загнать Шутера в угол катастрофически падали. Они еще не дошли до нулевой отметки, но он надеялся, что все будет гораздо проще. Шутер казался не только умен, но и хитер.

И все-таки не было смысла с этим дальше тянуть. Он не хотел оставаться в его обществе дольше, чем это было необходимо. Странно, но когда он понял, что это столкновение неизбежно, он сам стал его искать, — может быть, только для того, чтобы разорвать порочный круг мучительной для него рутины. Теперь он хотел с этим покончить. Он уже не считал Джона Шутера сумасшедшим, — разве только отчасти, — но опасным он мог быть вполне. В нем чувствовалась какая-то дьявольская неумолимость. Морт решил, что не станет ходить вокруг да около, а зайдет прямо к козырной карты.

— Так тогда вы написали ваш рассказ, мистер Шутер?

— Может, меня зовут вовсе не Шутер, — сказал человек, взглянул на него с легкой ухмылкой. — Может, это псевдоним.

— Понимаю. Как же тогда вас зовут?

— Я сказал: «может быть». Но это не имеет отношения к нашему делу. — Он говорил безмятежно и, казалось, что его больше занимает облако, плывшее в высоком голубом небе вдогонку заходящему солнцу.

— Хорошо, — сказал Морт. — Но время, когда вы написали рассказ, имеет к нему прямое отношение.

— Я написал его семь лет тому назад, — сказал он, продолжая изучать облако, которое теперь коснулось солнца, позолотившего его край. — В 1982 году.

«Готово, — подумал Морт. — Старая лиса угодила прямо в капкан. Конечно, он взял рассказ из сборника. А так как «Каждый теряет грош» напечатан в 1983 году, он решил, что подойдет любая более ранняя дата. Надо было глядеть на первую страницу, старый дурак!»

Он ждал, что его охватит победное ликование, но оно не пришло. Только глухое облегчение то того, что теперь он сможет без усилия расколоть этот орешек. И еще любопытство, проклятие всех писателей. Скажем, почему он выбрал именно этот рассказ, выходящий за рамки его обычной манеры, совсем для него нетипичный? И если уж он собирался обвинить его в плагиате, зачем вообще было брать малоизвестный рассказ. Состряпал бы такую же рукопись из какого-нибудь бестселлера, из «Сына шарманщика», в конце концов. Это была бы хоть смачная шутка.

«Пожалуй, пришлось бы слишком много потеть, переписывая роман», — подумал Морт.

— А почему вы так долго ждали? — спросил он. — Ведь сборник моих рассказов вышел в 1983 году, то есть шесть лет тому назад. Теперь уже почти семь.

— Потому что я этого не знал, — сказал Шутер. Он наконец оторвал взгляд от облака и неприязненно, с легким презрением оглядел Морта. — Такой человек, как вы, наверное, думает, что каждый в Америке, или где там еще печатают ваши книги, читает все, что вы ни напишете.

— Я вовсе так не думаю, — сказал Морт.

— Но это не так, — продолжал свою уничижительно-безмятежную речь Шутер, игнорируя его замечание. — Это совсем не так. Я в глаза не видел этого рассказа до середины июня. До середины июня этого года.

«Знаешь, Джонни, милый мой мальчик, я до середины мая не видел своей жены в постели с другим мужиком», — хотел сказать Морт. Интересно, сможет он выбить Шутера из колеи такой фразой?

Он посмотрел ему в лицо и решил, что не будет этого говорить. Безмятежность выветрилась из этих глаз, как в знойный день выветривается туман с холмов. Теперь Шутер был похож на фундаменталистского проповедника, готового извергнуть изрядную порцию дыма и пламени на склоненные головы своей паствы, и Мортон Рэйни впервые по-настоящему его испугался. В то же время, он был еще зол. Он опять подумал, что надо вести к концу встречу с этим «Джоном Шутером», и как бы он ни был напуган, он не может позволить себе просто вот так стоять и выслушивать, как этот человек обвиняет его в краже, — особенно теперь, когда из его собственных слов стало ясно, что обвинение это ложно.

— Хотите я скажу вам, как было дело, — произнес Морт. — Такой человек, как вы, читает, конечно, с большим разбором и не засоряет свою голову тем мусором, который я пишу. Вы предпочитаете ребят вроде Марселя Пруста или Томата Харди. Правда? Вечером, после того, как вы подоили коров, вы зажигаете милую деревенскую керосиновую лампу, ставите ее на кухонный стол, — покрытый, конечно, уютной скатертью в красную и белую клетку, — и почитываете себе «Тэсс» или «В поисках утраченного времени». Быть может, по выходным вы позволяете себе немного расслабиться и вытаскиваете Эрскина Колдуэлла или Анни Диллард. О том, как я украл честно написанный вами рассказ, поведал вам кто-нибудь из ваших друзей. Разве не так было дело, мистер Шутер... или как вас еще назвать?

Голос его стал хриплым, и он с удивлением обнаружил, что его захлестывает настоящая ярость. Но, как выяснилось, удивление его еще не достигло предела.

— Нет, у меня нет друзей, — Шутер говорил ровно, как будто речь шла о вещах обыденных. — Нет друзей, нет семьи, нет жены. У меня небольшой домик в двадцати милях к югу от Перкинсбурга, и действительно стол на кухне покрыт клетчатой скатертью — раз уж вы об этом сказали, — но у нас проведено электричество. Керосиновые лампы я достаю только если в грозу бывают неполадки на линии.

— Вы неплохо устроились, — сказал Морт.

Шутер не обратил внимания на это саркастическое замечание. — Дом я унаследовал от отца и вложил в хозяйство еще немного денег, доставшихся мне от бабушки. У меня в самом деле есть

стадо — около двадцати дойных коров — это вы тоже правильно сказали, а по вечерам я пишу рассказы. У вас, наверное, стоит такой новый компьютер с экраном, но мне хватает старой пишущей машинки.

Он замолчал, и стало слышно, как шуршит сухими листьями поднявшийся к вечеру ветер.

— То, что ваш рассказ такой же, как мой, — это я выяснил без всякой помощи, сам. Я подумал, не продать ли мне ферму. Решил, что если появятся какие-то деньги, то я смогу писать днем, когда голова еще свежая, а не только когда стемнеет. Агент по недвижимости в Перкинсбурге хотел, чтобы я встретился в Джексоне с человеком, у которого много молочных ферм по всему Миссисипи. На машине я не люблю ездить дальше, чем на десять или пятнадцать миль — у меня начинает болеть голова, — особенно, если это в городе, где гоняют все эти идиоты, — и я решил ехать автобусом. Я уже собрался садиться в автобус, когда вспомнил, что не взял с собой ничего почитать. Терпеть не могу ехать в автобусе и ничего не читать.

Морт поймал себя на том, что непроизвольно кивает. Он тоже не любил, когда в дороге —неважно, в автобусе, поезде, самолете или в машине — бывает нечего почитать. Чего-нибудь более существенного, чем утренняя газета.

— В Перкинсбурге нет автовокзала, автобусы дальнего следования останавливаются на пять минут у аптеки — и едут дальше. Я уже заходил в автобус, когда понял, что в руках у меня пусто. Я спросил водителя, не сможет ли он чуть-чуть задержаться, но он сказал, что это исключено, он и так опаздывает, и выедет ровно через три минуты, по часам. Если я успею, он будет за меня рад, если нет — я смогу поцеловать его в зад, когда мы встретимся снова.

«Он рассказывает как новеллист, — подумал Морт. — Черт меня подери, если это не так.» — Он попытался отогнать эту мысль, считая, что не должен так думать, но так и не смог отделаться от этого впечатления.

— Ну, я бросился бегом в аптеку. У них там стоит такая старомодная проволочная стойка с книгами, которую можно вертеть. Здесь в магазине у вашего дома тоже такая.

— У Боуи?

Шутер кивнул — Да, точно. Так вот, я схватил первую попавшуюся книгу, даже не посмотрел на обложку, — это вполне могла оказаться карманная Библия. Но это оказался сборник ваших рассказов. «Каждый теряет грош». И насколько я знаю, это были в самом деле ваши рассказы. Все, кроме, одного.

«Останови же его, а то он сейчас затуманит тебе голову».

Но он понял, что ждет продолжения. Может быть, Шутер действительно был писателем. По крайней мере, он удовлетворял двум главным требованиям: во-первых, он рассказывал историю,

которую ты хотел дослушать до конца, даже прекрасно зная, чем кончится дело, во-вторых, его так распирало, что он не мог не рассказывать.

В этот момент Морту следовало сказать, что даже если, благодаря какому-то невероятному стечению обстоятельств, то, что говорит Шутер, является правдой, все равно он, Морт, опередил его на два года с этим несчастным рассказом. Вместо этого он произнес:

— Итак, вы прочитали «Время сеять» в июне, в автобусе, направляясь в Джексон, чтобы продать свою молочную ферму.

— Нет. На самом деле я прочел этот рассказ по пути обратно. Я продал ферму и возвращался назад автобусом, имея в кармане чек на шестьдесят тысяч долларов. По дороге туда я прочитал первые шесть рассказов. Не могу сказать, что я был потрясен, но они помогли мне скоротать время.

— Спасибо.

Шутер коротко поглядел в его сторону. — Вообще-то я не ска- зал вам никакого комплимента.

— Неважно.

Шутер на минутку задумался, затем пожал плечами. — Ну вот, а по дороге назад я прочел еще два рассказа... а потом этот. Мой рассказ.

Он посмотрел на облако, которое теперь превратилось в сплош- ную сияющую золотую массу, затем перевел взгляд на Морта. Лицо его по-прежнему не выражало эмоций, но Морт неожиданно понял, как страшно он ошибался, считая, что в этом человеке есть хоть капля безмятежности. То, что он принял за безмятеж- ность, было железной броней самоконтроля, которую Шутер на- дел на себя, чтобы не придушить на месте Мортон Рэйни. Лицо его было бесстрастным, но глаза излучали глубокую, дикую ярость. Мортон понял, что, поднявшись по дорожке от озера, он подошел вплотную к тому, что могло оказаться его собственной смертью от рук этого человека. Перед ним был человек, доста- точно невменяемый — в любом смысле этого слова, — чтобы совершить убийство.

— Странно, что до сих пор никто этого не заметил, — рассказ этот совершенно не похож на другие ваши рассказы. — Голос Шутера был по-прежнему ровным, но Морт теперь различал в нем угрозу. Это был голос человека, который едва удерживается, чтобы не броситься на него, не начать его бить, может быть ду- шить; голос человека, который знает, что перейдет границу, отде- ляющую беседу от убийства, если позволит своему голосу поднять- ся хотя бы на один регистр, допустит в него хотя бы одну ноту ярости; голос человека, знающего, что в один миг он может стать равен линчующей толпе.

Морт внезапно почувствовал себя так, будто он находится в в темной комнате, где со всех сторон идут тонкие проволочки, при-

водящие в действие чудовищной силы взрывное устройство. Было трудно поверить, что всего несколько мгновений назад ему казалось, что он полностью владеет ситуацией. Его проблемы — Эми, неспособность писать — выглядели теперь незначительными деталями случайного ландшафта. В каком-то смысле они перестали существовать как проблемы. Перед ним сейчас стояла только одна проблема: остаться в живых, чтобы добраться до дома, чтобы увидеть, как сегодня садится солнце.

Он открыл рот, и снова его закрыл. Ничего сказать он сейчас не решался. Со всех сторон протянуты тонкие проволочки.

— Это *очень* странно, — повторил Шутер тем тяжелым ровным голосом, который звучал теперь как зловещая пародия на безмятежность.

Морт услышал, как он сам произносит. — Моя жена. Ей он не понравился. *Она* сказала, что он совершенно не похож на то, что я писал до этого.

— Откуда вы взяли его? — медленно и свирепо спросил Шутер. — Вот что я хотел бы узнать. Как случилось, что такая высокооплачиваемая самопишущая задница, как вы, оказались в нашем медвежьем углу в Миссисипи и украли мой хренов рассказ? Я хотел бы еще узнать *зачем*, если только вы не украли где-нибудь и вс остальное, но если вы скажете *как*, этого для меня пока будет достаточно.

Морта поразила чудовищная несправедливость, прозвучавшая в этих словах, и его собственная ярость вернулась, как неутоленная жажда. В этот миг он забыл, что находится на пустынном шоссе один на один с этим лунатиком из Миссисипи.

— Прекратите, — сказал он резко.

— Как это, прекратить? — спросил Шутер, глядя на Морта с каким-то неловким удивлением. — Что вы имеете в виду, черт возьми?

— Вы утверждаете, что написали ваш рассказ в 1982 году, — сказал Морт. — Я думаю, что мой рассказ был написан в конце 1979 года. Я не могу вспомнить точной даты, но впервые он был напечатан в июне 1980 года. В журнале. Я опередил вас на два года, мистер Шутер, или как вас там. И если кого-то здесь надо обвинять в плагиате, так это вас.

Морт даже не заметил, как тот на него бросился. Только что они стояли друг против друга рядом с машиной Шутера, а в следующий момент он обнаружил, что прижат к передней дверце, руки Шутера удерживают его руки, а лицо Шутера прижато к его лицу, лоб в лоб. В промежутке между двумя положениями было лишь смутное ощущение, что его схватили и крутанули.

— Ложь, — сказал Шутер и в его дыхании он ощутил сухой запах корицы.

— Сушая правда, — сказал Морт и рванулся вперед, отталкивая навалившегося на него Шутера.

Пожалуй, Шутер был сильнее, чем Морт Рэйни, но Морт был моложе, тяжелее и позади у него был старый пикап, от которого он мог оттолкнуться. Ему удалось разжать железные объятия Шутера и отбросить его на два или три шага.

«Вот теперь он пойдет в атаку», — подумал Морт. Хотя в последний раз он дрался где-то в четвертом классе, на школьном дворе, да и дракой это трудно было назвать, — просто обменивался толчками и тычками соодноклассниками, — сейчас он с изумлением обнаружил, что совершенно спокоен. — Теперь мы, кажется, наконец разберемся с этим сволочным рассказом. Что ж, я и так убил на это весь сегодняшний день».

Но этого не произошло. Шутер поднял руки, посмотрел на них, увидел, что они сжаты в кулаки... и заставил себя разжать ладони. Морт почувствовал, каких усилий стоило ему вновь надеть на себя броню самоконтроля, и ощутил что-то вроде уважения. Одну из раскрытых ладоней Шутер поднес ко рту, медленно и тщательно вытер губы.

— Доказательства, — сказал он.

— Хорошо. Вернемся ко мне домой. Дата первой публикации стоит на первой странице книги.

— Нет, — сказал Шутер. — *Книга* мне не нужна. Мне плевать на книгу. Мне нужен журнал с рассказом, чтобы я сам мог его прочитать.

— Здесь у меня нет журнала.

Он хотел что-то еще добавить, но Шутер, воздев глаза к небу, издал короткий смешок, прозвучавший резко, как удар острого топора по сухому бревну. — Как же, — сказал он. В глазах его все еще пылали огоньки ярости, но, казалось, он уже овладел собой. — Как же, конечно у вас его *нет*.

— Послушайте, — сказал Морт, — вообще-то мы с женой живем здесь только летом. У меня здесь есть экземпляры моих книг — американские издания и некоторые зарубежные, — но я еще много писал для журналов: не только рассказы, но и статьи. Все журналы — в нашем доме в Дерри, где мы живем круглый год.

— Тогда почему вы сейчас здесь, а не там? — спросил Шутер.

В глазах его Морт мог прочесть недоверие и злорадство — было ясно, что Шутер ожидал, что он станет выкручиваться, — и так оно по мнению Шутера сейчас и происходило.

— Я здесь потому... — на миг он замолчал. — А откуда вы знали, что застанете меня здесь?

— Я просто посмотрел на заднюю обложку вашей книги, — сказал Шутер, и Морт чуть не ударил себя по лбу от досады. Он понял. Конечно, на задней стороне обложки всех изданий сборника «Каждый теряет грош» была его фотография. Ее сделала Эми, и получила она блестяще. На переднем плане был он, чуть поодаль — их дом, а на заднем плане — озеро Тэшмор. Под ней была подпись: *Мортон Рэйни в своем доме на западе штата Мэн.*

Значит, Шутер просто приехал в западный Мэн, и ему не пришлось слишком долго ходить с расспросами по барам и аптекам здешних маленьких городков, прежде, чем он услышал: «Морт Рэйни? Как же, черт возьми! У него дом в Тэшморе. Мой близкий друг».

Что ж, кое-что он все-таки выяснил.

— Я здесь, потому что мы с женой развелись, — сказал он. — Это закончилось только что. Она осталась в Дерри. Иначе дом здесь был бы сейчас пустым.

— Ага, — сказал Шутер, и от тона, которым это было сказано, Морт снова рассвирепел. — «Ври, ври, — как будто говорил его голос, — в данном случае это не имеет значения. Я знал, что ты станешь врать. Вранье ведь это твой конек, правда? — Я бы все равно вас нашел — здесь или там.

Он пригвоздил Морта суровым взглядом.

— Я бы нашел вас, даже если бы вы уехали в Бразилию.

— Пожалуй, — согласился Морт. — Тем не менее, вы ошибаетесь. Или пытаетесь меня обмануть. Я готов сделать вам любезность и допустить, что это только ошибка, потому что ваше негодование мне кажется искренним...

Господи, да еще каким!

— ...но я действительно напечатал этот рассказ за два года до того, как вы, по вашим словам, его написали.

Он увидел, как в глазах Шутера снова вспыхнули искры бешенства, вспыхнули и исчезли. Они не погасли — он просто себя одернул, как одергивают свирепого пса.

— Вы говорите, журнал в другом вашем доме?

— Да.

— И там напечатан ваш рассказ?

— Да.

— И журнал вышел в июне 1980 года?

— Да.

Этот напряженный диалог стал утомлять Морта (за каждым его ответом следовала длинная пауза), но в то же время он давал ему некоторую надежду: казалось, что человек этот по крупницам усваивает истину. Морт подумал, что какая-то часть души «Джона Шутера» и так эту истину знает, ибо он по-прежнему не мог допустить, что почти буквальное совпадение двух рассказов было случайным. Значит, решил он, Шутер не помнит, как совершил плагиат. Потому что он, без сомнения, сумасшедший.

Он уже не испытывал прежнего страха перед безумством Шутера, — того страха, который охватил его, когда он в первый раз заметил огоньки ярости, вспыхнувшие в его глазах отблеском близкого пожара. Он оттолкнул этого человека и тот отступил, и Морт подумал, что если они снова схлестнутся, он, пожалуй, сможет постоять за себя... или даже положить его на обе лопатки.

Но все-таки, будет лучше, если до этого не дойдет. В глубине души он почувствовал какую-то странную, неловкую жалость к Шутеру.

Тем временем, этот господин с упорством продолжал свое расследование.

— Этот другой дом, в котором сейчас живет ваша жена, он тоже здесь, в штате Мэн?

— Да.

— Она сейчас там?

— Да.

На этот раз молчание воцарилось надолго. Глядя на Шутера, Морт подумал, что он похож на компьютер, который загружается большим массивом информации. В конце концов он сказал:

— Даю вам три дня.

— Очень щедро с вашей стороны, — ответил Морт.

Длинная верхняя губа Шутера поднялась, обнажив нечто белое и ровное, что могло быть только дешевой вставной челюстью.

— Не надо меня злить, мой милый. Я и так едва сдерживаюсь

— Вы?! — заорал на него Морт. — А я? Это невероятно! Вы появляетесь здесь, как джин из бутылки, обвиняете меня черт знает в чем, а затем, когда я говорю, что могу доказать, что вы либо ошибаетесь, либо нагло врете, начинаете гладить себя по головке и хвалить свою выдержку.

— Невероятно!

Шутер лукаво поглядел на него исподлобья. — Доказать? — сказал он. — Я пока не вижу никаких доказательств. Пока была только одна болтовня, а это не доказательство.

— Я же *сказал* вам, — крикнул Морт. Он чувствовал бессилие, как человек, пытающийся собрать в коробок паутину. — Я же вам все *объяснил*!

Шутер поглядел на него долгим взглядом, затем повернулся и сунул руку в открытое окно своего автомобиля.

— Что вы делаете? — спросил Морт, и в голосе его прозвучало напряжение. Вот теперь он почувствовал внезапный прилив адреналина и тело его приготовилось драться или лететь... второе было более вероятно, если Шутер действительно собрался достать большой револьвер, как это померещилось в какое-то мгновение Морту.

— Беру курево, — сказал Шутер. — Не надо дергаться.

В руке у него оказалась красная пачка Пэл Мэл, которую он взял из-под ветрового стекла. — Хотите сигарету?

— У меня есть, — буркнул Морт и полез под красную куртку в карман, где лежала старинная пачка «L&M».

Они закурили каждый из своей пачки.

— Если дело так пойдет дальше, мы будем драться, — сказал в конце концов Шутер. — Я этого не хочу!

— Господи, я тоже этого не хочу!

— Хотите, — возразил Шутер. Он продолжал изучающе смотреть на него из-под приспущенных век с выражением деревенского лукавства. — Может, сами не знаете, а хотите. Но вряд ли это из-за меня или моего рассказа. У вас какая-то еще есть заноза, которая злит вас и вы лезете на рожон. Это осложняет дело. Вы хотите драться, но не понимаете, что если уж мы начнем, то не закончим, пока один из нас не будет мертв.

Морт был бы рад убедиться, что Шутер сгущает краски, но, взглянув на него, увидел, что это не так. Где-то в основании позвоночника у него возник холодок.

— Итак, я даю вам три дня. Вы звоните своей бывшей жене и просите прислать вам журнал, если он вообще существует. А я вернусь. Журнала, конечно, никакого нет, — мы оба об этом знаем. Но вы мне кажетесь человеком, которому надо о чем-то крепко подумать.

Он посмотрел на Морта с выражением строгой жалости.

— Вы ведь не думали, что кто-то выведет вас на чистую воду? — спросил он. — Вижу, что не думали.

— Если я покажу вам журнал, вы тогда уберетесь? — сказал Морт, обращаясь скорее к самому себе, чем к Шутеру. — Я вот о чем думаю: стоит ли вообще играть с вами в эти игры?

Шутер резко распахнул дверцу машины и сел за руль. Его способность молниеносно двигаться наводила на Морта жуть. — Три дня. Можете использовать их как угодно, мистер Рэйни.

Он завел мотор. Раздался характерный скрежет износившихся клапанов, и из выхлопной трубы появилось густое облако дыма, повисшее в вечернем прозрачном воздухе. — Права — правами, честность — честностью. Первое, я хочу, чтобы вы поняли, что влипли и вам не выпутаться так легко, как это до сих пор вам всю жизнь удавалось. Это первое.

Он без всякого выражения смотрел на Морта из окна своего автомобиля.

— Второе, — сказал он, — это почему я на самом деле сюда приехал.

— Почему? — услышал Морт собственный голос. Это было нелепо и досадно, но он вновь ощутил, что в нем неумолимо растет чувство вины, как будто он в самом деле совершил то, в чем обвиняет его этот деревенский сумасшедший.

— Мы еще поговорим об этом, — сказал Шутер и включил первую скорость. — Вы пока подумайте, что честно, а что нечестно.

— У тебя не все дома! — крикнул Морт, но машина Шутера уже ехала по шоссе, приближаясь к развилке, которая вела на 23-ю магистраль.

Он смотрел вслед, пока она не скрылась из виду, затем медленно побрел к дому. Он чувствовал себя опустошенным. И злость, и страх куда-то исчезли. Он просто замерз, устал и испытывал

тоску по женатой домашней жизни, которой у него теперь не было и, как ему начинало казаться, не было у него никогда.

11

Телефон начал звонить, когда он прошел половину дорожки, спускавшейся от шоссе к его дому. Он побежал, зная, что не успеет, и ругая себя за это на ходу.. Чем не собака Павлова?

Он открыл наружную дверь и возился с замком внутренней, когда телефон замолчал. Войдя в дом и закрыв за собою дверь, он посмотрел на телефон, стоявший на маленьком антикварном столике, который Эми когда-то купила на распродаже в Микэник Фоллз. В этот момент он мог без труда вообразить, что телефон смотрит в ответ с заученным механическим безразличием: «Не спрашивайте, босс. Я не знаю, о чем была речь. Я только передаточное звено». Он подумал, что может быть, надо купить автоответчик... или не надо. Размышляя об этом, он понял, что телефон едва ли был его любимой игрушкой. И если людям что-то от тебя нужно, они в конце концов позвонят еще.

Он приготовил себе сэндвич, заварил в кастрюле суп и обнаружил, что ничего этого не хочет. Он был одинок, несчастен и, кажется, Шутер все-таки заразил его слегка своим безумием. В сумме все эти ощущения сводились к одному желанию — спать. Взгляд его задумчиво остановился на кушетке.

« Ну, хорошо, — прошептал ему внутренний голос, — ты можешь сбежать. Не забывай, однако, что спрятаться ты не можешь. Когда ты проснешься, все это дерьмо будет опять тут как тут».

Тем не менее, в эту минуту перспектива заснуть казалась благословенной. Это был не выход из положения, но все-таки это было лучше, чем ничего. Он решил позвонить домой (про себя он по-прежнему называл Дерри домом и подозревал, что еще не скоро от этого отучится), чтобы попросить Эми найти экземпляр Журнала Детективов, где был напечатан этот злополучный рассказ, и выслать его сюда срочной почтой. Вот после этого **можно будет прилечь на пару часов**. Тогда он встанет часов в семь, отдохнувший, пойдет в кабинет и попробует чего-нибудь написать.

«В твоём теперешнем состоянии, — шепнул внутренний голос, — ты опять напишешь какое-нибудь дерьмо».

— Пошел ты... — сказал ему Морт. Как он обнаружил, одно из немногих преимуществ одинокой жизни заключалось в том, что можно было говорить с самим собой вслух, ни на кого не оглядываясь и не опасаясь, что тебя сочтут ненормальным.

Он поднял трубку и набрал номер Дерри. В трубке несколько раз что-то щелкнуло, затем раздался самый неприятный из всех телефонных звуков: на том конце было занято. Эми с кем-то беседовала, а когда Эми сядила на телефон, беседа могла продолжаться часами. Или сутками.

— ... твою мать! — воскликнул в сердцах Морт и с такой силой швырнул на рычаг трубку, что аппарат слегка звякнул.

Ну, что будем делать, дружище?

Он подумал, что можно позвонить Изабелле Фортин, которая жила напротив них через улицу, но ему вдруг показалось, что это слишком тяжелый труд, да к тому же еще головная боль: Изабелла принимала чересчур живое участие в их разводе. А кроме того, было уже пять часов, и даже если послать журнал сегодня, он все равно не начнет двигаться по почтовым каналам между Дерри и Тэшмором раньше завтрашнего утра.

Пожалуй, он позвонит Эми вечером попозже, и если у нее будет снова (или по-прежнему) занято, тогда он попробует связаться через Изабеллу. А пока его, как сирена, призывала стоявшая в гостиной кушетка. И он уже не мог сопротивляться этому зову.

Морт выдернул телефонный провод из розетки, — кто бы ни звонил ему, когда он подходил к дому, пусть наберется еще терпения, — и побрел в гостиную.

Он поправил подушки, подsunул одну из них под голову, другую — под шею, и поглядел из окна на озеро, где в конце сверкающей золотом дорожки живописно садилось солнце.

«Никогда в жизни не был я еще так одинок и так страшно напуган», — подумал он с удивлением. Затем его слегка налитые кровью глаза сами закрылись, и Морт Рэйни, — который на самом деле не ведал еще настоящего ужаса, — заснул.

12

Ему приснилось, что он находится в классе.

Это был знакомый класс, хотя он не мог сказать — почему. Вместе с ним в классе находился Джон Шутер. На локте у Шутера висела корзина. Он вынул из нее апельсин и стал задумчиво подбрасывать его рукой и ловить.

Взгляд его был направлен в сторону Морта, но не на Морта, а на что-то, что было у него за спиной.

Морт обернулся и увидел школьную доску, висевшую на шлакоблочной стене, и дверь, застекленную в верхней части. Вглядевшись, он смог разобрать надпись, которая шла задом наперед по матовому стеклу двери:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ШКОЛУ КРУТЫХ УДАРОВ.

Надпись на доске оказалось прочитать легче. Она гласила:

ВРЕМЯ СЕЯТЬ

Рассказ Мортон Рэйни

Внезапно что-то просвистело над самым ухом у Морта, едва его не задев. Это был апельсин. Морт отшатнулся, а апельсин врезался в доску с гнилым чавкающим звуком и растекся по ней кровавым пятном, которое стало заливать надпись.

Он повернулся к Шутеру и крикнул дрожащим, сварливым голосом: «Перестань!».

Шутер снова запустил руку в корзину. «В чем дело?» — спросил он своим твердым, спокойным тоном. — Ты что, не узнаешь кровавых апельсинов? Какой же ты тогда писатель?»

Он бросил еще один. Апельсин взорвался алыми брызгами как раз на имени Морта и стал медленно сползать вниз.

«Хватит!» — закричал во весь голос Морт, но Шутер медленно и неумолимо снова запустил руку в корзину. Он извлек оттуда еще один апельсин, его длинные мозолистые пальцы впились в кожуру и на ней стали проступать мелкие, с булавочную головку, капли крови.

«Хватит! Хватит! Перестань! Хватит! Пожалуйста! Я все, все признаю, если ты перестанешь! Все, если только ты перестанешь! Если только ты...!»

13

— ... перестанешь, если ты перестанешь...

Он падал.

Морт схватился за край кушетки как раз вовремя, чтобы убежать от короткого, но, вероятно, болезненного полета на пол гостиной. Он откатился к стенке и лежал там некоторое время, судорожно вцепившись в подушки, дрожа всем телом и пытаясь сосредоточиться на обрывках только что виденного кошмарного сна.

Какой-то класс, кровавые апельсины, школа крутых ударов. Все стремительно исчезало из памяти, а остальное уже исчезло. Но что бы там ни было, оно было реальным. Слишком реальным.

Наконец он открыл глаза, но почти ничего не увидел: пока он спал, наступила ночь. Тело его чудовищно онемело, особенно у основания шеи, и он решил, что проспал, наверное, четыре или пять часов, не меньше. Осторожно, ощупью он добрался до выключателя, чудом разминувшись с восьмиугольным журнальным столиком со стеклянной доской (ему показалось, что столик почувствовал его приближение и осторожно подался немного в глубь комнаты), а затем вышел в прихожую, чтобы попытаться еще раз позвонить Эми.

По дороге он взглянул на часы. Они показывали четверть одиннадцатого. Значит, он спал больше пяти часов... и это уже сегодня не в первый раз. Но он не заплатит за это бессонницей. Судя по опыту последних недель, он заснет, как только голова его коснется подушки.

Он снял трубку, на минуту его поразило ее мертвое молчание, затем он вспомнил, что сам вырвал у этой дряни ее ядовитый зуб. Он стал тянуть провод, пропуская его сквозь пальцы, пока в руке у него не оказалась вилка, повернулся, чтобы вставить ее в розетку... и замер. Отсюда через маленькое окошко слева от двери ему была видна веранда, на которой таинственный и неприят-

ный мистер Шутер оставил вчера свою рукопись, прижав ее большим камнем.

Еще ему был виден ящик для мусора, и на этом ящике что-то лежало. То есть на нем лежали два каких-то предмета: один белый и один темный. Темный предмет выглядел отвратительно. На какой-то миг ему показалось, что там притаился гигантских размеров паук.

Он уронил телефонный провод и быстро включил свет на веранде. Затем на какое-то время — он не знал, как долго это продолжалось, и ему было это все равно — он утратил способность двигаться.

Белый предмет оказался листом бумаги — совершенно обычным, стандартным листом писчей бумаги 8,5×11 дюймов. Хотя от того места, где стоял Морт, до мусорного ящика было добрых пятнадцать футов, он мог легко разобрать слова, написанные на нем большими печатными буквами. Он подумал, что Шутер, наверное, воспользовался либо очень мягким карандашом, либо углем, которым работают художники. Послание было следующим:

В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ТОЛЬКО ТРИ ДНЯ.

Я НЕ ШУЧУ.

Темным предметом был Бамп. Шутер, по-видимому сначала сломал ему шею, а затем пригвоздил его к крышке мусорного ящика отверткой, которую нашел среди инструментов Морта.

14

Он не помнил, как вышел из оцепенения. Он стоял, скованный ужасом, в прихожей у телефонного столика, глядя на старика Бампа, у которого посреди груди, казалось, выросла ручка отвертки, — как раз там, где была прядка белой шерсти, — Эми называла ее нагрудничком Бампа. А в следующий момент он очутился уже на веранде, холодный ночной воздух забирался под тонкую рубашку, и он озибался по сторонам.

Он заставил себя остановиться. Шутера, конечно, уже здесь не было. Поэтому он и оставил записку. Кроме того, он был, кажется, не из тех сумасшедших, которые стали бы наслаждаться видом до смерти напуганного Морта. Он был сумасшедшим, но из другой серии. Он просто воспользовался Бампом, чтобы воздействовать на Морта, как пользуется фермер ломом, чтобы убрать с дороги неподатливый камень. В этом не было ничего личного: он просто спокойно делал свое дело.

Затем он вспомнил, глаза Шутера, и его передернуло. Нет, личного здесь тоже было достаточно.

— Он считает, что я это сделал, — прошептал Морт в холодную ночь сквозь зубы, выбивавшие барабанную дробь, и голос его прозвучал прерывисто. — Сукин сын считает, что я действительно это сделал.

Он приблизился к мусорному ящику, и живот ему свело судорогой. Лоб покрылся холодным потом. Он не был уверен, что сможет сейчас что-нибудь сделать, хотя то, что он увидел, невозможно было оставить так. Голова Бампа была вывернута влево, и от этого у него был странный вопросительный вид. Его мелкие, ровные, острые зубы были обнажены. В том месте, где лезвие отвертки вонзалось в его нагрудничек, была видна кровь, но совсем немного. Бамп был дружелюбным котом. Если бы Шутер его приласкал, он не стал бы от него шарахаться. По-видимому, тот так и сделал, подумал Морт, утирая со лба липкий пот. Дальше ему оставалось пальцами сломать шею, как палочку от эскимо, и пригвоздить к мусорному ящику. Тем временем Морт Рейни спал сном, если не праведным, то, во всяком случае, очень не чутким.

Морт скомкал послание Шутера, засунул его в задний карман брюк и прикоснулся к груди Бампа. Тельце кота еще не окоченело, и легко подалось под рукой. В животе Морт снова почувствовал предательский спазм, но заставил себя другой рукой взяться за желтую пластмассовую ручку отвертки и вытащить ее.

Он бросил отвертку на веранду и стоял, держа в правой руке старину Бампа, как тряпичную куклу. Теперь в животе было такое ощущение, будто он куда-то стремительно падал. Подняв одну из двух крышек мусорного ящика он закрепил ее щеколдой, приделанной для того, чтобы тяжелая крышка не ударила по рукам или по голове того, кто пришел выкидывать мусор. Внутри в ряд стояли три контейнера. Морт открыл средний из них и мягко опустил туда тело Бампа. Оно распласталось поверх оливкового целлофанового мешка, как меховая накидка.

Внезапно он почувствовал ненависть к Шутеру. Если бы тот появился сейчас на дорожке, Морт бросился бы на него, повалил и задушил бы, наверное, если бы смог.

«Вот так, просто, — пожалуй, все-таки, это заразно».

Быть может, но ему уже наплевать. Не в том дело, что Шутер убил единственное живое существо, которое было с ним рядом в этом одиноком доме, на берегу пустынного октябрьского озера. Дело в том, что он сделал это, пока Морт спал, причем так, что старина Бамп превратился в какую-то отвратительную тряпку, вызывавшую блевотный рефлекс.

Хуже всего, что ему пришлось бросить своего замечательного кота в помойку, как какую-то рухлядь.

«Похороню его завтра. Слева от дома, где мягкая земля. Откуда видно озеро».

Да, но всю ночь Бамп будет лежать на помойке, в недостойном и непотребном виде, потому что эта сволочь, этот бешеный сукин сын может быть где-то поблизости, и у него есть какие-то претензии к рассказу, о котором последние пять лет Морт даже не вспоминал. Конечно, он ненормальный, и из-за этого Морт боялся хоронить среди ночи Бампа: записка или не записка, но он мог быть где-то рядом.

«Я готов его убить. И если эта ненормальная сволочь еще раз ко мне прикоснется, я попробую это сделать».

Он вошел в дом, захлопнул дверь и закрыл ее на замок. Затем он прошел по всему дому, тщательно закрывая все двери и окна. Когда это было сделано, он вернулся к окну у выхода на веранду и стал задумчиво глядеть в темноту. Он видел отвертку, лежащую на дощатом полу, и казавшуюся черной дыру, которую удар Шутера оставил на правой крышке мусорного ящика.

Внезапно он вспомнил, что собирался позвонить Эми.

Подсоединив аппарат к розетке, он стал быстро набирать знакомый номер домашнего телефона, размышляя, говорить ли Эми про Бампа.

В трубке слышались обычные щелчки, затем последовала долгая пауза. Он уже собирался положить трубку, когда раздавая еще один щелчок, — очень громкий, — и механический голос сообщил ему, что номер, который он набирает, не обслуживается.

— Чудесно, — пробормотал он. — Что ты там натворила, Эми? Заговорила телефон до смерти?

Нажав кнопку, он разъединил линию и подумал, что все-таки придется звонить Изабелле Фортин, но пока он вспоминал ее номер, телефон зазвонил прямо у него в руке.

До этого он не понимал, как у него взвинчены нервы. Вскрикнув и отшатнувшись, он уронил трубку на пол и сам едва не упал, споктнувшись о проклятую скамейку, которую купила и поставила сюда Эми, и которой не пользовался никто, в том числе и она сама.

Вытянув руку, он ухватился за книжный шкаф и только благодаря этому удержался на ногах. Затем он подобрал с пола трубку.

— Алло? Шутер? — сказал он, ибо в этот момент, когда весь мир медленно, но неотвратимо переворачивался с ног на голову, он просто не мог представить, что это кто-то другой.

— Морт? — Это была Эми и голос ее почти срывался на крик. За последние два года их совместной жизни он хорошо изучил эту ее интонацию. Она была либо чем-то расстроена, либо злилась, скорее последнее. — Морт, это ты? Это ты, черт тебя подери? Морт? М...

— Да, это я, — сказал он, и внезапно ощутил адскую усталость.

— Где ты был? Я пытаюсь дозвониться тебе уже *три часа!*

— Спал, — сказал он.

— Ты отключил телефон. — Она говорила усталым и раздраженным голосом человека, который уже не в первый раз ходит по этой дороге. — Что ж, ты выбрал для этого подходящее время. Молодец.

— Я звонил тебе около пяти...

— Я была у Теда.

— Но там был *кто-то*, — сказал он. — Может быть...

— В каком смысле там кто-то был? — спросила она, не дав ему закончить. Кто там был?

— Откуда я знаю, черт возьми, Эми? Не забывай, это ты сидишь в Дерри. Ты — в Дерри, я — в Тэшморе. Просто было занято, когда я звонил. Если ты была у Теда, то, наверное, Изабелла...

— Я и сейчас у Теда, — сказала она, и голос ее стал подозрительно ровным. — И буду теперь у Теда, нравится тебе это или нет. Кто-то сжег наш дом, Морт. Кто-то спалил его дотла. — И неожиданно Эми расплакалась.

15

В последнее время он так напряженно думал о Джоне Шутере, что сейчас, когда он стоял в прихожей единственного оставшегося дома, потеряв дар речи, прижав телефонную трубку к уху, он сразу решил, что дом сжег Шутер. Зачем? Ясно, как божий день. Шутер спалил дом, отреставрированный дом Викторианской эпохи стоимостью 800 тысяч долларов, чтобы избавиться от журнала. А именно, от «Журнала Детективов Эллери Куин» за июнь 1980 года.

Но мог ли это быть Шутер? Конечно, нет. От Тэшмора до Дерри было более ста миль, а тело Бампа было еще теплым, и кровь, проступившая вокруг отвертки, загустела, но еще не высохла.

«Если он гнал во всю мочь...

Оставь, ты сам сходишь с ума. Скоро ты начнешь обвинять Шутера в том, что ты развелся, и думать, что спишь шестнадцать часов в сутки, потому что Шутер подсыпает тебе в еду фенотарбитал. Затем начнешь писать письма в газеты, сообщая, что крестным отцом всех американских кокаинистов является некий Джон Шутер из Вороньей Задницы, штат Миссисипи. Что он убил Джимми Хоффа и был тем знаменитым вторым стрелком, который стрелял в Кеннеди с поросшего травой пригорка в ноябре 1963 года. Хорошо, он сумасшедший... но ты что, действительно думаешь, что он проехал сто миль на север, чтобы уничтожить твой чертов дом с журналом? Когда таких журналов по всей Америке существует еще, наверное, тьма-тьмущая? Не надо преувеличивать.

Однако... если бы он гнал во всю...

Нет, это было смешно. Но внезапно Морт понял, что он не сможет предоставить это чертово доказательство. Если только...

Его кабинет находился в задней части дома. Они превратили в кабинет то, что было когда-то чердаком каретного сарая.

— Эми, — сказал он.

— Это так ужасно, — всхлипнула она в трубку. — Я была у Теда, и позвонила Изабелла... она сказала, там не меньше пятнадцати пожарных машин... поливают из брандспойтов... толпа... все глазят... зеваки... ты знаешь, как я ненавижу, когда приходят глазеть на дом, даже если он не горит. .

Он со всей силой прикусил изнутри щеку, чтобы не рассмеяться вслух. Смеяться в такой момент было бы жестоко. Да, он *знал*. Успех, которого он достиг на добровольно избранном поприще после многолетнего каторжного труда, был для него исполнением желаний.

Иногда он чувствовал себя человеком, проделавшим опасный путь через джунгли, где до него погибли многие искатели приключений, путь, в конце которого его ожидала сказочная награда. Эми радовалась за него, по крайней мере в начале, однако саму ее это ставило в двусмысленное положение. Во всей этой истории ей была уготована не просто вторая роль: в некотором смысле она вообще переставала существовать, как отдельная от него личность.

— Да, — постарался сказать он как можно мягче, продолжая прикусывать щеку, так как его все еще душил приступ смеха. Если бы он сейчас рассмеялся, это относилось бы только к тому, какие слова она нашла, чтобы это сказать, но она бы не поняла. Все эти годы, что они были вместе, она обычно неправильно истолковывала его смех. — Да, дорогая, я знаю. Расскажи мне, что случилось.

— Кто-то сжег наш дом! — воскликнула Эми сквозь слезы. — Вот что *случилось*!

— Совсем?

— Да, так сказал начальник пожарной команды. — Он услышал, как она сглатывает слезы, пытаясь с собой справиться. Но затем она снова разрыдалась. — Он сгорел дот-т-гла!

— И мой кабинет?

— Да, с него все и началось. — Она всхлипнула. — Так сказал начальник пожарных. Они так думают. И по тому, что говорит Патти, тоже все так и было.

— Патти Чэмпион?

Чэмпионы были их соседями справа. От участка Рэйни их участок был отгорожен рядом тисовых деревьев, со временем сильно разросшихся.

— Да Подожди секундочку, Морт.

Он услышал, как она трубно высморкалась, и когда она снова взяла трубку, то казалась уже немного собранней. — Патти гуляла с собакой, — так она рассказала пожарным. Это было сразу после того, как стемнело. Она проходила мимо нашего дома и увидела, что под галереей стоит машина. Потом она услышала, что внутри, в доме что-то разбилось и из большого окна твоего кабинета полыхнул огонь.

— Она видела, какая это была машина? — спросил Морт. Под ложечкой у него засосало. Дело Джона Шутера принимало, кажется, угрожающие размеры. Речь шла уже не только об этом проклятом июньском номере Журнала Детективов за 1980 год.

Там были практически *все* его рукописи, — опубликованные и

незаконченные, — все первые издания, все зарубежные издания, все публикации в периодике.

О, это было еще не все. Они лишились библиотеки — около четырех тысяч книг. Если все обстояло так, как она говорит, то сгорела и вся одежда Эми, и вся антикварная мебель, которую она покупала, — иногда с его участием, но чаще сама. Все это превратилось в пепел и шлак. С ее драгоценностями и их личными бумагами — страховыми полисами и так далее — все, наверное, было в порядке (сейф, спрятанный в чулане на втором этаже, считался огнеупорным), но турецкие ковры стали пеплом, тысячи видеокассет — сгустками сплавившейся пластмассы, аудиовизуальная аппаратура... его одежда... их фотографии, тысячи фотографий...

Господи, а он еще думал об этом несчастном журнале.

— Нет, — говорила между тем Эми, отвечая на вопрос, о котором он сам забыл думать, оценивая в уме масштабы постигшего их несчастья. Она не могла сказать, какая это была машина. Она подумала, что кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью или что-то в этом роде, потому что раздался звон разбитого стекла и сразу же из окна полыхнуло пламя. Она говорит, что бросилась по дорожке к дому, но тут открылась дверь кухни и оттуда выбежал человек. Бруно стал на него лаять, но Патти была перепугана и удержала его, хотя, как она говорит, он чуть не вырвал у нее из рук поводок.

Затем этот человек вскочил в машину, завел мотор и включил фары. Патти говорит, что они ее почти ослепили. Она заслонила рукой глаза, и только слышала, как машина с ревом вылетела из-под галереи... она так рассказывает... и она прижалась к нашей ограде и только крепко держала Бруно, потому что тот бы его сшиб. Потом он свернул с дорожки и быстро уехал по улице.

— И она так и не увидела, какая это была машина?

— Нет. Сначала было темно, а потом, когда вспыхнул пожар, ее ослепили фары. Она побежала домой и вызвала пожарную команду. Изабелла говорит, что они приехали быстро, но, ты же знаешь, какой у нас старый дом... был... и... как быстро горит сухое дерево... особенно, если там был бензин...

Да, он знал. Старый, сухой, набитый деревом дом был мечтой поджигателя. Но кто же был поджигателем? Если не Шутер, то кто? Выслушав эту ужасную новость, достойно завершившую все события дня, как жуткий десерт, поданный под конец омерзительного обеда, он, кажется, утратил способность думать

— Он сказал, что там, вероятно, был бензин... я имею в виду, начальник пожарной команды... они приехали первыми, а потом появились полицейские и стали задавать вопросы. Морт, они в основном спрашивали о тебе... есть ли у тебя враги. . *враги*... и я сказала, что по-моему у тебя нет никаких врагов... я старалась отвечать на все их вопросы...

— Я уверен, что ты все сказала, как надо, — произнес он мягко.

Она продолжала говорить, как будто не слышала его слов, короткими, отрывистыми фразами, — словно телеграфный оператор, зачитывающий поступающие новости вслух, по мере того, как их печатает на ленте его машина.

— Я даже не знала, как сказать им, что мы *развелись*... они, конечно, ничего не знали... в конце концов им вынужден был сказать об этом Тед... Морт... Библия моей матери... она лежала на тумбочке в спальне... в ней были фотографии моей семьи...и...это была у меня единственная вещь... единственное, что от нее ос-с-сталось...

Она снова стала жалобно всхлипывать.

— Я приеду утром, — сказал он. — Если я выеду в семь, то в половине десятого, наверное, уже буду. Может быть, даже в девять. Осенью на шоссе меньше машин. Где ты будешь сегодня ночевать? У Теда?

— Да, — сказала она, шмыгнув носом. — Я знаю, Морт, ты его не любишь, но что бы я делала без него сегодня... как бы я все это выдержала... знаешь... все эти вопросы...

— Я рад, что он был рядом с тобой, — сказал он твердо, и сам подивился тому выдержанному, *цивилизованному* тону, который прозвучал в его голосе. — Береги себя. У тебя с собой есть таблетки? — Последние шесть лет ей прописывали транквилизаторы, но она принимала их только когда ей предстояло лететь самолетом... или, вспомнил он, однажды, накануне его ответственного выступления, когда ей надо было выступать в роли Супруги.

— Они были в ящике для лекарств, — сказала она безразлично. Это неважно. Со мной все в порядке. Просто грустно.

Морт чуть было не сказал, что чувствует то же самое, но решил этого не делать.

— Я постараюсь быть как можно скорее, — сказал он. — Если ты считаешь, что мне имеет смысл приехать прямо сейчас...

— Нет, — сказала она. — Где же мы сейчас встретимся? У Теда?

Неожиданно, против своей воли, он увидел, как его рука сжимает запасной ключ, который ему дала горничная мотеля. Увидел, как он поворачивается в замке. Как распахивается дверь номера. И — удивленные лица над простыней: Эми слева, Тед Миллер справа. Его лицо было все как-то перекошено со сна и Морту он показался чем-то похож на Альфальфу* из Маленьких Негодяев. Глядя на его свалывшиеся, всклокоченные волосы, Морт впервые ощутил, что это реальный мужчина. Он увидел их растерянность и их голые плечи. И внезапно, почти случайно, подумал: *Женщина, которая способна украсть у тебя любовь — это единственное, что у тебя есть...*

* Персонаж популярного американского телесериала.

— Нет, — сказал он, — не у Теда. Может быть, в этой маленькой кофейне на Уитчем Стрит?

— Ты хочешь, чтобы я пришла одна? — В ее голосе не было злости, но в нем была *готовность* разозлиться. Как же хорошо я ее изучил, подумал он. Каждую интонацию, каждый поворот фразы. И как хорошо, должно быть, она изучила меня.

— Нет, — сказал он. — Приходи с Тедом. Это будет нормально. — «Не нормально, конечно, — подумал он, но он сможет это пережить».

— Значит, в девять тридцать, — сказала она, как будто немного остыв. — У Марчмэна.

— Это место так называется?

— Да — Ресторан Марчмэна.

— Хорошо. В девять тридцать или немного раньше. Если я приду раньше, я сделаю пометку мелом на двери...

— А если я приду раньше, я ее сотру, — закончила она старую шутку и они оба усмехнулись. Морт обнаружил, что даже шутки причиняют боль. Они прекрасно знали друг друга. Разве не для этого люди живут вместе помногу лет? И разве не поэтому делается так больно, когда оказывается, что это не просто *может* закончиться, а что это уже закончилось?

Вдруг он вспомнил про записку, которую обнаружил на мусорном ящике, — В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ТОЛЬКО ТРИ ДНЯ. Я НЕ ШУЧУ. И уже хотел было сказать «У меня тут тоже неприятности, Эми», но понял, что не может прибавить к ее несчастью еще и это. Это были его проблемы.

— Если бы это случилось позднее, то, по крайней мере, *твои* вещи бы не сгорели, — сказала она. — Мне страшно подумать о рукописях, которые здесь, наверное, погибли. Морт, если бы ты поставил огнеупорные ящики два года назад, как предлагал Херб...

— Это неважно, — сказал Морт. — У меня здесь есть рукопись нового романа. — Она действительно у него была здесь: все четырнадцать дерьмовых, ходульных страниц. — Остальное — ерунда. До завтра, Эми. Я...

(Я тебя люблю...)

На этом он прикусил язык. Между ними все было кончено. Неужели он *мог* по-прежнему ее любить? Это казалось почти противостественным. А даже если и так, разве у него было право так говорить?

— Я очень жалею, что так случилось, — сказал он вместо этого.

— Мне тоже ужасно жаль, Морт. — В голосе ее опять появились слезы. Теперь он слышал, как ее утешает какая-то женщина, наверное, Изабелла Фортин.

— Постарайся уснуть, Эми.

— Ты тоже.

Он положил трубку. И сразу же ему показалось, что в доме теперь спокойнее, чем во все те ночи, что он провел здесь один. Снаружи не доносилось никаких звуков. Только ночной ветер шептал в карнизах и где-то далеко на озере кричала гагара. Он вытащил из кармана записку, расправил ее и снова прочел. Вещи такого рода надо сохранять для полицейского следствия. К ним даже не следует прикасаться, пока полиция их не сфотографирует и не поколдует над ними. Это — маэстро, пожалуйста, бравоурий марш, — ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

«К черту», — подумал Морт и снова скомкал записку. Какая полиция? Дэйв Ньюсом, местный констебль, наверное, с трудом вспоминает, что он ел на завтрак, когда время подходит к ленчу, и вряд ли у него есть основания передавать дело шерифу графства или в полицию штата. В конце концов, на жизнь Морта никто не покушался. Убили его кота, но кот — это не человек. А в свете событий, о которых поведала ему Эми, Джон Шутер вообще становился неважной фигурой. Он был сумасшедший, его укусила бешеная муха, и может быть, он опасен... но Морт находил в себе все больше и больше решимости разобраться с этим делом самостоятельно, даже если Шутер опасен. *В особенности*, если он опасен.

Дом в Дерри заслонил собой Джона Шутера и его безумные идеи. Он заслонил собой даже вопрос, кто это сделал, — Шутер или какой-то другой маньяк, движимый безумием, завистью или тем и другим вместе. Дом и, наверное, Эми. Она была, безусловно, не в форме, и будет лучше для них обоих, если он постарается морально ее поддержать. Тогда она, может быть, даже...

Но он запретил себе думать о том, что может сделать Эми. На этом пути его ждало только разочарование. Лучше считать, что путь этот навсегда заказан.

Он прошел в спальню, разделся и лег, заложив руки за голову. Вдалеке снова раздался отчаянный крик гагары. Ему опять представилось, что Шутер может быть где-то здесь, представилось его бледное лицо, выглядывающее из-под полей немыслимой черной шляпы. Шутер ненормальный, и то, что он расправился с Бампом при помощи голых рук и отвертки, не исключало, что у него есть ружье.

Но, рассудил Морт, вряд ли он теперь где-то здесь, с оружием или без.

«Позвонить, — подумал он. — Надо будет позвонить по крайней мере двум людям: Грегу Кастерзу и Хербу Крикмору. Отсюда звонить им рано, если я выеду в семь. Можно позвонить по дороге — из телефонной будки в Аугусте...»

Он повернулся на бок, размышляя о том, что после всего случившегося вряд ли сможет быстро заснуть... но темная мягкая волна тут же захватила его, и если бы кто-нибудь решил посмотреть, как он спит, он бы об этом не узнал.

В шесть пятнадцать его поднял будильник. Ему понадобилось полчаса, чтобы похоронить Бампа на песчаном откосе, спускавшемся от дома к озеру, и в семь он уже катил по дороге. Все шло по плану. Проехав десять миль, он приблизился к Микэник Фоллз — крупному, по местным понятиям, центру, состоявшему из текстильной фабрики, закрытой в 1970 году, пяти тысяч жителей и желтого светофора-мигалки на пересечении 23 и 7 магистралей, — и тут обнаружил, что в баке его старого «бьюика» практически не осталось бензина. Он свернул к бензоколонке, ругая себя за то, что выезжая, даже не посмотрел на счетчик: если бы он сейчас проскочил Микэник Фоллз, ему пришлось бы как следует прогуляться, и он бы уж точно не поспел ни на какое свидание к Эми.

Пока рабочий бензоколонки пытался наполнить бездонное чрево «бьюика», он пошел к висевшему на стене телефону. Выудив из левого заднего кармана свою потрепанную записную книжку, он набрал номер Грегa Кастерза. Это было самое подходящее время, чтобы поймать Грегa, и действительно, он оказался дома.

— Алло?

— Привет, Грег. Это Морт Рэйни.

— Привет, Морт. У тебя, кажется, неприятности в Дерри, а?

— Да, — сказал Морт. — Что, это уже попало в сводку новостей?

— Передавали по пятому каналу

— Ну, и как это выглядело?

— *Что* как выглядело? — переспросил Грег. — Это уже никак не выглядело. — Морт поморщился... но если ему суждено было это от кого-то услышать, то он предпочел бы, чтобы это был Грег Кастерз. Это был дружелюбный длинноволосый человек, в прошлом хиппи, который вскоре после Вудстока обратился в какую-то не очень понятную веру, — кажется, стал сведенборгианцем. У него была жена и двое ребят, — пяти и семи лет, — и, насколько мог судить Морт, все члены семьи были такие же отвязанные как и сам Грег. На лице его постоянно играла легкая улыбка, а в тех редких случаях, когда она исчезала, он казался раздетым

— Настолько плохо?

— Да, — просто сказал Грег. — Как будто там взорвалась бомба. Я тебе не завидую.

— Я сейчас туда еду. Грег. Звоню тебе из Микэник Фоллз. Можешь оказать мне одну услугу, пока меня здесь не будет?

— Если ты имеешь в виду гонт, я думаю...

— Нет, не гонт. Другое. Тут уже два или три дня ко мне привязался один чужак. Чокнутый. Он говорит, что я украл рассказ, который он написал шесть или семь лет назад. Когда я сказал

ему, что я написал свой вариант рассказа раньше, чем по его словам он написал свой, и что могу доказать, у него совсем крыша поехала. Я думал, он после этого отвяжется, но не тут-то было. Вчера вечером я прилег немного соснуть, а он в это время убил моего кота.

— Бампа? — В голосе Грега прозвучало легкое удивление: это означало, что на самом деле он ошарашен. — Он убил *Бампа*?

— Да.

— А ты говорил об этом с Дэйвом Ньюсомом?

— Нет, и не хочу. Я хочу с ним сам разобраться, если смогу.

— Морт, этот тип вообще-то не похож на пацифиста.

— Убить кота это еще не убить человека, — сказал Морт, — и мне кажется, что я справлюсь с ним лучше, чем Дэйв.

— Может, ты и прав, — согласился Грег. — С тех пор, как ему перевалило за семьдесят, Дэйв стал немного медлителен. Я могу чем-нибудь помочь тебе, Морт?

— Во-первых, я хотел бы знать, где он обретается.

— Как его зовут?

— Не знаю. На рукописи, которую он мне показывал, было написано Джон Шутер, но дальше он стал хитрить и сказал, что, может быть, это псевдоним. Я думаю, это так: это *звучит*, как псевдоним. Как бы то ни было, если он остановился в каком-нибудь из окрестных мотелей, он вряд ли зарегистрировался под этим именем.

— Как он выглядит?

— Длинный, около шести футов, на вид — лет сорок с чем-нибудь. Лицо обветренное, морщинки вокруг глаз, и глубокие вертикальные складки от концов губ к подбородку.

Пока он говорил, перед ним вдруг с потрясающей ясностью всплыло лицо «Джона Шутера», — как лицо духа, вызванного медиумом с помощью магического кристалла. Морт ощутил легкую дрожь и руки его покрылись гусиной кожей. Внутренний голос подсказывал ему, что он ошибается, либо намеренно не говорит Грегу всей правды. Шутер был опасен, очень опасен. Он знал это еще до того, как увидел, что тот сделал с Бампом. Еще вчера он прочитал это в его глазах. Зачем же он теперь изображает из себя бравого парня?

«Так надо, — ответил внутри другой, более глубокий голос, прозвучавший со зловещей твердостью. — Так надо, и все».

Первый голос снова заговорил с беспокойством: «Ты хочешь с ним посчитаться? Это ты имеешь в виду? Ты хочешь с ним сам посчитаться?»

Но глубокий голос ничего не ответил. Он замолчал.

— Половина фермеров здесь в округе выглядят так же, — сказал с сомнением Грег.

— Ну, есть еще кое-что, — сказал Морт. — Во-первых, он южанин, это слышно за версту по его выговору. Он ходит в боль-

шой черной шляпе, по-моему — фетровой, с круглыми полями. Примерно такие носят меннониты. И у него голубой форд-пикап, модель начала или середины шестидесятых с номерами из Миссисипи.

— Это уже лучше. Я спрашиваю. Если он где-то здесь, его наверняка кто-нибудь видел. Номера из других штатов в это время года встречаются не на каждом шагу.

— Да, вот еще что, — вспомнил внезапно Морт. — Ты можешь для начала спросить Тома Гринлифа. Вчера я разговаривал с этим Шутером на шоссе, — примерно полмили к северу от моего дома, — и мимо проехал Том. Он помахал нам рукой и мы оба тоже ему помахали. Том должен был хорошо его разглядеть.

— Хорошо. Я зайду в десять на чашку кофе к Боун и наверняка его там застану.

— Да, у Боун он тоже был, — сказал Морт. — Он говорил, что видел там эти проволоочные стойки с книгами. Знаешь, старого образца.

— А что делать, если я его разыщу?

— Ничего, — сказал Морт. — Пока ничего. Я позвоню тебе вечером. А завтра к вечеру я сюда вернусь. Честно говоря, я не знаю, что мне делать в Дерри, разве что бродить по пепелищу.

— А что Эми?

— У нее есть парень, — Морт старался говорить непринужденно, но, кажется, ему это не очень удавалось. — И я думаю, что она поступит дальше так, как они это вместе решат.

— Извини, Морт.

— Ничего, — ответил он. Взглянул в сторону бензоколонки, он увидел, что рабочий уже наполнил бак и теперь (о, удивительная картина!) протирал ветровое стекло его «бьюика».

— Так ты хочешь разобраться с этим типом сам? Ты... ты в этом уверен?

— Да, — сказал Морт.

Он загнулся, внезапно поняв, о чем думает Грег: если он разыщет человека в черной шляпе, а в результате Морт пострадает, то он, Грег, будет в этом виноват.

— Послушай, Грег, ты можешь быть рядом, когда я буду с ним говорить, если ты так хочешь.

— Пожалуй, я так и сделаю, — сказал Грег с облегчением.

— Ему нужны доказательства, — сказал Морт, — так что мне надо будет просто их найти и ему показать.

— Я думал, ты уже представил ему доказательства.

— Да, на словах, но ему этого было мало. Наверное, придется бросить ему их в рожу, чтобы он отстал.

— Ну и ну, — Грег обдумывал ситуацию. — Пожалуй, он действительно ненормальный.

— Да, похоже на то.

— Ладно, постараюсь его найти. Позвони к вечеру.

- Обязательно позвоню. И спасибо, Грег.
- Ерунда. Перемена так же хороша, как покой.
- Говорят, что так.

Прощавшись с Грегом, он взглянул на часы. Они показывали половину восьмого. Хербу Крикмору было звонить еще слишком рано: он не хотел вытаскивать его из кровати. Позвонит из Аугусты — это будет в самый раз. Он пошел назад к своему «бьюнку», засосывая в карман записную книжку и вытаскивая бумажник. Подойдя к рабочему, он спросил, сколько с него причитается.

— Двадцать два пятьдесят по счетчику, — сказал тот и смущенно посмотрел на Морта. — Можно попросить у вас автограф, мистер Рэйни? У меня есть все ваши книги.

Это заставило его снова вспомнить об Эми: она ненавидела любителей автографов. Сам Морт не понимал их страсти, но считал, что они люди безвредные. Для нее же **они воплощали ту** сторону их совместной жизни, которая становилась со временем все более мучительной. Под конец он уже внутренне съеживался всякий раз, когда кто-нибудь просил у него автограф в присутствии Эми. Ему казалось, что он слышит ее безмолвную мольбу: «Если ты меня любишь, останови их!» — Как будто он мог это сделать! Его работой было писать книги, которые захочет прочитать вот этот парень... По крайней мере, он думал так. И когда ему это удавалось, они просили автограф.

Он нацарапал свое имя на обороте квитанции, вручил ее любителю автографов (в конце концов, тот вымыл ему ветровое стекло), и подумал, что когда Эми осуждала его за то, что он делал в угоду этим людям, — сама она, по-видимому, не отдавала себе в этом отчета, — у него возникало чувство вины. **Так уж** он был устроен.

Он имел на это право, и был честен с самим собой. Но, как сказал Джон Шутер, права — правами, а честность — честностью...

Он сел в машину и поехал в сторону Дерри.

17

В Аугусте, заплатив семьдесят пять центов, он въехал на платную стоянку, в дальнем конце которой находились телефонные будки. День стоял солнечный, прохладный и ветренный. Ветер, дувший с юго-запада, от Личфилда, был настолько свежим и крепким, что пока Морт шел через площадь, на глазах у него выступили слезы. Это ему даже нравилось. Он чувствовал, как у него проветриваются мозги, которые, надо сказать, давно уже в этом нуждались.

По кредитной карточке он позвонил в Нью-Йорк, набрав домашний номер Херба Крикмора. Он даже не попытался связаться с конторой Джеймса и Крикмора, его литературных агентов, ибо, насколько он изучил повадки Херба, он мог точно сказать, что в данный момент тот как раз принял душ и сидел на кухне с ча-

шечкой кофе, ожидая, пока запотевшее в ванной зеркало снова станет прозрачным и он сможет побриться.

Второй раз за сегодняшний день ему повезло. Херб ответил голосом, из которого уже окончательно выветрились остатки сна. «Похоже, пока все идет, как по маслу», — подумал Морт и улыбнулся, подставляя лицо под холодный октябрьский ветер. Напротив него на той стороне шоссе несколько человек устанавливали, в преддверии стремительно надвигающейся зимы, снегозащитные укрепления.

— Привет, Херб, — сказал он. — Я звоню тебе из телефонной будки в Аугусте. С разводом у меня все закончено, дом в Дерри вчера ночью сгорел дотла, один ненормальный убил моего кота и холод сейчас такой, что зуб на зуб не попадает. Короче, мы славно повеселились.

Он не подозревал, как абсурдно звучит перечень обрушившихся на него несчастий, пока не произнес все это вслух. И ему стало смешно. Господи, как же здесь холодно! Какой удивительный, прекрасный, какой *очищающий* холод!

— Морт. — осторожно произнес Херб голосом человека, подозревающего, что его разыгрывают

— К твоим услугам, — ответит Морт.

— Что это ты говоришь про дом?

— Я сейчас расскажу тебе все, только не переспрашивай. Если хочешь, делай заметки, потому что я собираюсь вернуться в машину прежде, чем околею здесь от холода. — И он поведал ему о событиях последних дней, начав с визита и обвинений Джона Шутера и закончив вчерашним звонком Эми.

Херб, который в свое время был частым гостем Морта и Эми (и, как догадывался Морт, был потрясен их разводом), теперь по-настоящему удивился и расстроился, узнав о судьбе их дома в Дерри. Он спросил, знает ли Морт, кто мог это сделать. Морт ответил, что не знает.

— А ты не думаешь, что это мог быть этот тип, Шутер? — спросил Херб. — Конечно, я понимаю, что кот был убит незадолго до того, как ты проснулся, но все-таки...

— Пожалуй, технически это было возможно, и я не исключаю такой вариант, — сказал Морт. — Но сильно сомневаюсь: может быть, потому, что у меня в голове не укладывается, что человек мог сжечь дом из двадцати четырех комнат с единственной целью избавиться от какого-то журнала. Но, главное, я его видел и мог тебе сказать, Херб: он на самом деле считает, что я украл его рассказ. То есть он не сомневается в этом ни минуты. Когда я сказал ему, что готов предоставить доказательства, его реакция была такой, что, мол, давай-давай, сукин сын, вешай мне лапшу на уши.

— Но все-таки, ты позвонил в полицию?

— Да, сегодня утром, — сказал Морт, и хотя это не было чистой правдой, но, кажется, не было и враньем. Он действительно *позвонил* утром. Грегу Кастерзу. Но он не был уверен, что если он скажет Хербу, что хочет справиться с этим делом один, позволив быть рядом с собой разве что Грегу, то Херб поймет его. Он живо представил себе Херба Крикмора, сидящего в гостиной своей нью-йоркской квартиры в элегантных твидовых брюках и модной майке. Херб был хорошим другом, но он был слегка конформист — человек светский, горожанин до мозга костей, типичный представитель Цивилизации конца двадцатого века. Он был из тех, кто верит в компетенцию специалистов, в здравый смысл и посредничество, в то, что любой вопрос можно обсуждать на уровне рациональных аргументов, а если это почему-либо не получается, — передавать на рассмотрение Лиц, облеченных властью. Ситуацию, в которой мужчина должен действовать на свой страх и риск, он был готов допустить.. в фильме с участием Сильвестра Сталлоне.

— Вот это правильно, — в голосе Херба прозвучало облегчение. — У тебя сейчас хватает забот и кроме этого психа из Миссисипи. Что ты будешь делать, если они его найдут? Подашь на него в суд за то, что он тебя преследовал?

— Скорее, постараюсь убедить, его, чтобы он дал ход своему иску, — сказал Морт. Его не покидало ощущение какого-то бесшабашного оптимизма, бесосновательное, но несомненно реальное. Он знал, что надолго его не хватит, но теперь не мог удержаться улыбки. Поэтому, продолжая улыбаться, он утер мокрый нос рукавом пальто. Он уже позабыл, какое это приятное чувство, когда губы сами складываются в улыбку.

— Как же ты собираешься это сделать?

— С твоей помощью. У тебя ведь стоят на полке все мои дела, да?

— Да, но...

— Так вот, ты достаешь июньский номер Журнала Детективов Эллери Куин за 1980 год. Я бы сделал это и сам, да вот, видишь ли, погорел...

— У меня его нет, — мягко сказал Херб.

— Нет? — Морт заморгал. Этого он никак не ожидал. — Почему?

— Потому что в 1980 году я еще не был твоим литературным агентом. Ты принял меня на борт два года спустя. У меня есть экземпляры всех твоих вещей, которые я продавал, но этот рассказ ты пристраивал сам.

— Ах, черт! — Морт вдруг отчетливо вспомнил, что в сборнике «Каждый теряет грош» против каждого из рассказов было написано «Печатается с разрешения автора и его литературных агентов Джеймса и Крикмора», и лишь «Время сеять» (и, кажется, еще два или три рассказа) сопровождалось более короткой фразой: «Печатается с разрешения автора».

— Извини, — сказал Херб.

— Конечно, помню, я сам посылал рассказ — сначала я еще писал им письмо. Просто мне теперь кажется, что ты был моим агентом всю жизнь. — Он коротко рассмеялся и добавил. — Прости.

— Ничего, — сказал Херб. — Если хочешь, я позвоню в Журнал Детективов. У них должны быть подборки номеров за все годы.

— Да? — переспросил Морт с благодарностью. — Это было бы великолепно.

— Я сделаю это прямо сейчас. Только.. — Херб запнулся.

— Что только?

— Обещай, что когда у тебя в руках будет экземпляр журнала, ты не будешь пытаться разобраться с этим типом в одиночку.

— Обещаю, — сразу же согласился Морт. Он снова покривил душой, но, черт возьми, он ведь попросил Грегa быть рядом и Грег сказал, что готов, и значит, он не будет действовать в одиночку. Да и в конце концов, Херб Крикмор был его литературным агентом, а не папашей. И какое ему дело, как Морт решает свои личные проблемы.

— Хорошо, — сказал Херб. — Я этим займусь. Позвони мне из Дерри, Морт — может быть, там все не так плохо, как кажется.

— Хотел бы я верить.

— Но не веришь?

— Боюсь, что нет.

— Ну, ладно, — Херб вздохнул. Затем добавил неуверенно. — Это нормально, если я попрошу тебя передать привет Эми?

— Нормально. Я передам.

— Хорошо. Ну, ты уж иди, а то даже мне слышно, как там свистит ветер. У тебя ухо к трубке примерзнет.

— Иду. Спасибо еще раз, Херб.

Он повесил трубку и с минуту задумчиво глядел на телефон. Он забыл, что «бьюик» надо заправить; это было не очень важно. Однако, он также забыл, что Херб Крикмор был его литературным агентом только с 1982 года. Это было уже серьезнее. Слишком много всего обрушилось на него в последнее время. Интересно, что он забыл еще?

Вдруг где-то в самой глубине его существа раздался отчетливый внутренний голос: «А как насчет кражи рассказа? Может быть, об этом ты забыл в первую очередь?»

Он хрипло засмеялся и поспешил к машине. Никогда в жизни он не был в Миссисипи, и даже сейчас, когда в его работе что-то прочно заклинило, он был еще очень далек от того, чтобы ступить на путь плагиата. Он сел за руль, включил зажигание и подумал о том, с какой легкостью человеческий разум принимает порой сверхъестественные объяснения.

Морт не верил, что люди, — даже те, которые стараются быть честными перед самим собой, — знают, когда в их жизни что-то подходит к концу. Вот уже вспыхнули аршинными буквами на стенах их домов надписи, возвещающие конец их прошлой жизни, а они продолжают считать, что все происходит по-прежнему. То, что им дорого, они продлевают правдами и неправдами, передегивая карту, делая вид, что их жизнь это телепрограмма, и уговаривая себя, что временные сложности рано или поздно пройдут и все опять вернется на круги своя. Морт думал, что, будучи лишено этой способности к самообману, человечество, и так довольно безумное, обезумело бы еще больше.

Но иногда правда сметает эту тщательно выстроенную линию обороны, и тогда уклоняться от нее бесполезно. Она сбивает тебя с ног и распластывает, как клокающая волна прилива, прорвавшая возведенную у нее на пути дамбу.

Одно из таких катастрофических откровений Морт Рэйни пережил сегодня, тогда представители полицейского и пожарного управлений ушли, и они с Эми и с Тедом Милнером остались тихо бродить вокруг дымящихся развалин зеленого викторианского дома, простоявшего под номером 92 на Канзас-стрит сто тридцать шесть лет. Именно во время этой короткой траурно-инспекционной прогулки он вдруг понял, что его совместная жизнь с Эми, в девичестве Доуд, из Портленда, штат Мэн, закончилась. Не было уже ни «семейных размолвок», ни «бракоразводных процессов», — все это было в прошлом. И это был не тот случай, когда, как это порой случается, стороны еще могут примириться и возобновить отношения. Все закончилось. Их семейная жизнь стала уже историей. Даже дом, в котором они провели вдвоем столько прекрасных дней, превратился в ряд уныло тлеющих балок, торчавших, как зубы великана, из выгоревшей ямы подвала.

Их встреча у Марчмэна — в маленьком кафе на Уитчем Стрит — прошла в общем сносно. Эми поднялась, чтобы обнять его, и он в ответ стиснул ее в объятиях. Но когда он попытался поцеловать ее в губы, она ловко увернулась, и поцелуй угодил в щеку. Целую-в-щечку, как говорят конторские служащие, приветствуя друг друга на вечеринках. Что ж, рад видеть тебя, дорогая.

У Теда Милнера этим утром волосы были гладко расчесаны и он был ничуть не похож на Альфальфу. Сидя за столиком в углу зала, он молча глядел на них. В руке у него была трубка: за последние три года Морт не раз уже видел его с этой трубкой в зубах на различных приемах и вечеринках. Морт ни минуты не сомневался, что трубка — притворство, бутафорский трюк, придуманный, чтобы выглядеть старше своих лет. Сколько же лет ему на самом деле? Этого Морт точно не знал, но Эми было теперь тридцать шесть, а Тед в своих безупречных вареных джинсах и элегантной рубаше с открытым воротом был, пожалуй, младше ее

годика на четыре, если не больше. Он подумал, что лет через десять — а может и пять — Эми еще хлебнет горя, но решил, что пусть ее предупреждает об этом кто-то другой.

Он спросил, есть ли новости, и Эми сказала, что нет. Затем в разговор вступил Тед. У него был легкий южный акцент, — впрочем, не такой чудовищный, как гнусавое урчание Джона Шутера. Он сообщил, что начальник пожарной охраны и лейтенант из полицейского участка в Дерри будут ждать их, как он выразился, «на месте происшествия». Они хотят задать Морту несколько вопросов. Морт сказал, что это прекрасно. Но, может быть, он закажет себе чашку кофе, — спросил Тед, — время еще есть. Морт сказал, что это тоже прекрасно. Потом Тед спросил, как у него дела, и Морт снова сказал, что, мол, прекрасно. С каждым разом, слетая с губ Морта слово это несколько обесмысливалось. Эми с тревогой наблюдала за их диалогом, и Морт, пожалуй, понимал, почему. В тот день, когда она обнаружил их вдвоем в постели, он сказал Теду, что убьет его. Не исключено, что он пообещал убить их обоих. Вообще-то события того дня были в его памяти как бы подернуты туманной дымкой, и он подозревал, что они тоже помнят их не слишком отчетливо. Для него (как это было для них, он не знал) такая затуманенность не только была вполне объяснимой, но и приносила немалое облегчение.

Они выпили кофе. Эми поинтересовалась, как обстоят дела с «Джоном Шутером». Не обременяя ее подробностями насчет котов, журналов и записок с угрозами, Морт дал понять, что все идет нормально. Посидев еще немного у Марчмэна, они отправились на Канзас Стрит, туда, где еще недавно стоял их дом, и где теперь было «место происшествия».

Как было обещано, их уже ждали там начальник пожарной охраны и полицейский детектив, и, как было обещано, они задавали вопросы. Главным образом они пытались выяснить, мог ли кто-нибудь ненавидеть Морта до такой степени, чтобы бросить ему в кабинет бутылку с бензином. Если бы Морт был один, он бы вообще не стал упоминать имени Джона Шутера, но Эми была рядом и, предвзяв ее вмешательство, он рассказал о своей первой с ним встрече.

— И что, он был очень зол? — спросил Уикершэм, начальник пожарной охраны.

— Да.

— Настолько, что мог поехать в Дерри и спать в ваш дом? — спросил полицейский детектив Брэдли.

Он был почти уверен, что Шутер этого не делал, но ему не хотелось вдаваться в подробности своих дальнейших взаимоотношений с Шутером. Это означало бы, прежде всего, рассказать им, что Шутер сделал с Бампом. Эми была бы расстроена, очень... А кроме того, он не хотел вскрывать эту консервную банку, из

которой, он знал, ползут во все стороны черви. Морт решил не быть до конца откровенным.

— Сперва, пожалуй, он был очень зол. Но когда я обнаружил, что два рассказа действительно очень похожи, я посмотрел дату первой публикации моего.

— А его рассказ никогда не публиковался? — спросил Брэдли.

— Нет, я совершенно в этом уверен. Затем вчера он появился опять. Я спросил его, когда был написан его рассказ, надеясь, что он назовет более позднюю дату. Вы понимаете?

Детектив Брэдли кивнул. — Вы надеялись доказать, что вы его обскакали.

— Абсолютно точно. Рассказ «Время сеять» был напечатан в моем сборнике, который вышел в 1983 году. Но *впервые* он был опубликован еще в 1980-м. И я рассчитывал, что он для верности назовет какую-нибудь дату за год или за два до 1983-го. Так оно и вышло. Он сказал, что написал рассказ в 1982-м. Так что, ясно как божий день, что я его обставил.

Он надеялся, что сможет на этом остановиться, но Уикершэм, начальник пожарной охраны, ухватился за его слова. — Это ясно вам, и ясно нам, мистер Рэйни, но *ему* это было ясно?

На какое-то мгновение Морт задумался. Он знал, что ступив на путь полуправды, рано или поздно приходишь к необходимости либо сказать правду целиком, либо откровенно солгать. Сейчас он как раз находился на перепутье. Но кому какое до этого дело? Кого это вообще касается, кроме него? И он принял решение.

— Да, — сказал он, — ему это тоже было ясно.

— И что он сделал? — спросил Тед. Морт взглянул на него с легким раздражением. Тед отвел глаза, как будто ему вдруг захотелось поиграть со своей трубкой. Трубка осталась в машине. В его элегантной рубашке не было кармана, чтобы носить ее с собой.

— Он уехал, — сказал Морт. Злость на Теда, которому не следовало влезать здесь со своими вопросами, облегчала ему задачу. Врать Теду было гораздо проще. — Он стал бормотать что-то насчет невероятного совпадения, затем вскочил в машину, как будто ему вставили шило в зад, и был таков.

— А вы не заметили, какая это была машина и с каким номером, мистер Рэйни? — спросил Бредли, вынимая блокнот и шариковую ручку.

— Это был «форд», — сказал Морт. — А вот номер. . Боюсь, что я не смогу вам помочь. Номер был зарегистрирован не в штате Мэн. Но это все, что мне удалось заметить... — и он с извиняющимся видом пожал плечами. На самом деле, ему вдруг стало ужасно неловко. Все было хорошо, пока, демонстрируя чудеса сообразительности, он избегал прямой лжи. Таким образом он как бы оберегал Эми, избавляя ее от рассказа о том, как незнакомец свернул шею Бампу и пригвоздил его отверткой к крышке помой-

ного ящика. Но теперь получалось, что разным людям он поведал различные истории. И если вдруг они встретятся и сравнят свои версии, он будет иметь бледный вид. Будет крайне неприятно объяснять, почему он солгал. Конечно, если Эми не станет обсуждать это с Греггом Кастэрзом или Хербом Крикмором, все это вряд ли выплывет наружу. Но вдруг возникнут какие-то осложнения с Шутером, когда они с Греггом швырнут ему в рожу июньский номер Журнала Детективов за 1980 г.?

«Не бойся, парень, — сказал он себе. — Мы сожжем этот мост, когда возьмем его приступом». — От этой мысли он как-то прибодрился, к нему на минуту вернулось то же воодушевление, которое охватило его утром, пока он говорил по телефону с Хербом. Он едва не рассмеялся вслух, но сдержал себя. Смех произвел бы на его собеседников странное впечатление.

— Наверное, Шутер уехал...

(в Миссисипи!)

...туда, откуда он появился, — закончил он, почти без запинки.

— Скорее всего, вы правы, — сказал лейтенант Брэдли, — но я считаю, что в этом надо еще убедиться, мистер Рэйни. Может быть, вы и уговорили этого парня, однако вряд ли, уезжая от вас, он был благодушно настроен. Возможно, что он направился сюда и от досады подпалил ваш дом. То есть как раз потому, что вы его как следует вдрючили... Простите мисисс Рэйни.

С кривой улыбкой Эми отмахнулась от извинений.

— Как вы думаете, это возможно?

«Нет, — подумал про себя Морт. — Если бы он решил сжечь дом, то прежде, чем ехать в Дерри, ему надо было еще убить Бампа, — хотя бы на тот случай, если я проснусь до его возвращения. Но тогда Бамп, когда я его нашел, был бы уже окоченевшим, и кровь бы успела высохнуть. Дело было не так... но я не могу ему об этом сказать. Даже если очень захочу. Они станут думать, почему я до сих пор не рассказал им про Бампа, и наверное решат, что у меня не все дома...»

— Да, пожалуй, — сказал он, — но я видел этого чудака, и мне не показалось, что он похож на поджигателя.

— Ты хочешь сказать, что он не из Сноупсов, — неожиданно сказала Эми.

Морт взглянул на нее ошарашенно, затем улыбнулся.

— Точно, — сказал он, — южанин, но не Сноупс.

— Что это значит? — с опаской спросил Брэдли.

— Старая шутка, лейтенант, — сказала Эми. — Про Сноупсов пишет в своих романах Уильям Фолкнер. Они начали свое дело, поджигая амбары.

— А... — разочарованно сказал Брэдли.

— Поверьте моему опыту, мистер Рэйни, — сказал Уикершэм, — не существует никакого особого типа поджигателей. Они могут выглядеть как угодно.

— Да, но...

— Если можете, постарайтесь подробнее описать машину, — сказал Брэдли, нацеливаясь ручкой в блокнот. — Я хочу, чтобы полиция штата знала об этом типе.

Морт вдруг решил, что надо наврать им еще, причем, как можно больше.

— Ну, это был «седан». Это я во всяком случае помню точно.

— Ага. «Форд-седан». А какого года?

— По-моему, модель семидесятых годов, — сказал Морт. — Он был абсолютно уверен, что пикап Шутера был в действительности сделан примерно в то время, когда человек по фамилии Освальд избрал Линдона Джонсона президентом Соединенных Штатов*. Немного помолчав, он добавил. Номер был белого цвета. Зарегистрирован кажется, во Флориде. За это я не поручусь, но, кажется, так.

— Ага. А сам этот человек?

— Среднего роста. Блондин. В очках. Знаете, такие круглые очки в металлической оправе, как у Джона Леннона. Вот, пожалуй, и все...

— Но ты вроде бы говорил, что он был в шляпе, — внезапно вмешалась Эми.

Морт едва не поперхнулся. — Да, — согласился он. — Правда. Я позабыл. В темно-серой или черной шляпе. Только это была скорее не шляпа, а кепка. Знаете, такая с наклейкой.

— Хорошо, — Брэдли захлопнул блокнот. — Для начала хватит.

— А не могло это быть просто хулиганством? — спросил Морт. — Просто кто-нибудь поджог дом забавы ради? В романах все всегда между собой связано, но я знаю по опыту, что в жизни многие вещи случаются сами по себе.

— Все может быть, — согласился Уикершэм. — Но не мешает проверить связи, которые лежат на поверхности. — И, многозначительно подмигнув Морту, добавил:

— Вы же знаете, иногда жизнь вдруг становится похожа на произведение искусства.

— Вы что-нибудь еще хотите узнать? — спросил Тед и рукой обнял Эми за плечи.

Уикершэм и Брэдли обменялись взглядами, затем Брэдли покачал головой. — Нет, пожалуй. По крайней мере, сейчас.

— Я спрашиваю, потому что Эми и Морту надо еще встретиться со страховым агентом, — сказал Тед. — И, вероятно, страховая компания тоже пришлет своего следователя.

Южный акцент Теда раздражал Морта все больше. Наверное, он родился несколько севернее тех мест, о которых писал Фолкнер, но лучше было бы обойтись и без таких совпадений.

* Ли Освальд убил президента США Джона Кеннеди в 1963 г. После этого президентом стал Линдон Джонсон.

Чиновники пожали руку Эми и Морту, выразили им свои соболезнования, велели держать с ними связь и немедленно сообщать, если что-то еще случится, и удалились, оставив их вдвоем дальше бродить вокруг сгоревшего дома.

— Мне так жаль всего этого, Эми — внезапно сказал Морт. Она шла между ними и теперь повернула к нему голову. Очевидно, что-то в его голосе ее поразило. Наверное, искренняя боль — Всего этого. Действительно жаль.

— Мне тоже, — сказала она мягко и коснулась его руки.

— Тедди тоже с вами, ребята, — произнес с напускной сердечностью Тед. Она повернулась к Теду и в этот момент Морт готов был броситься на него и душить до тех пор, пока глаза его не выскочат из орбит и не повиснут на глазных нервах.

Они шли теперь вдоль западной стороны дома, направляясь к улице. Прежде вот здесь стена его кабинета подходила под острым углом к дому, а неподалеку Эми разводила свои цветы. Цветы все конечно погибли, и Морт решил, что это, наверное, справедливо. Пожар был настолько сильным, что в радиусе двенадцати футов вокруг дома выгорела вся зелень. Если бы цветы сейчас цвели, они бы все равно сгорели, и это было бы еще грустнее. Это было бы...

Морт внезапно остановился. Он вспомнил рассказы, Вернее, *рассказ*. Его можно было назвать «Время сеять» или «Потаенное окно, потаенный сад», но если отвлечься от внешних различий и посмотреть в корень, это была одна вещь. Он взглянул вверх. Сейчас там не было ничего, кроме голубого неба, но еще вчера, прежде, чем разыгрался пожар, в том месте, куда он смотрел, было окно. Это было окно небольшой комнаты, находившейся рядом с прачечной. В ней у Эми был свой кабинет. Там она выписывала чеки, вела свой журнал, звонила по телефону... и, как он подозревал, в этой комнате несколько лет тому назад Эми начала писать роман. Там же она и похоронила его, тихо и чинно, в ящике письменного стола. Стол стоял под самым окном. Эми любила приходить сюда по утрам. Часто она затевала стирку в соседней комнате и шла сюда возиться с бумагами до тех пор, пока гудок таймера не призывает ее опорожнять бак машины и загружать вещи в сушилку. Комната эта была в доме несколько на отшибе, и она говорила, что здесь ей нравится тишина. Тишина и ясный, прозрачный утренний свет. Ей нравилось выглядывать из окна и видеть, как в углублении между домом и кабинетом растут ее цветы. И он вдруг отчетливо услышал ее голос: *«Это лучшая комната в доме, во всяком случае для меня, потому что никто кроме, меня никогда сюда не заходит. И там есть потаенное окно, выходящее в потаенный сад»*.

— Морт? — говорила сейчас Эми и он какое-то мгновение не мог ничего понять, потому что ее реальный голос смешался со звучащим у него в голове голосом памяти. Но было ли это памятью? Было ли это реальным воспоминанием? Вот проблема, ко-

торая вдруг встала перед ним во всей остроте. Конечно, это *казалось* подлинной частью прошлого, но он жил все это время в таком чудовищном напряжении — даже еще до Шутера, до Бампа, до пожара. И, быть может, это воспоминание... — своего рода галлюцинация? Быть может, он пытается таким образом свою прошлую жизнь с Эми привести в соответствие с этим проклятым рассказом, где герой сходит с ума и убивает свою жену?

«Господи, только не это. Только не это, потому что это значит, что я и вправду схожу с ума».

— Морт, с тобой все в порядке? — спросила Эми, взволнованно дергая его за рукав. Это вывело его из транса, по крайней мере, на время.

— Да, сказал он, и тут же добавил: — Нет. По правде говоря, мне немного нехорошо.

— Может, съел что-нибудь за завтраком, — предположил Тед.

Эми наградила его взглядом, от которого Морту сразу стало немного лучше. — Это не завтрак, — сказала она с легким негодованием. И указала рукой на пепелище. — Это вот что. Давайте уйдем отсюда.

— Представители страховой компании будут здесь в полдень, — сказал Тед.

— Ну, значит, у нас в запасе больше часа. Поехали к тебе, Тед. Я тоже устала. И хочу есть.

— Хорошо, — сказал Тед слегка раздраженным голосом, всем своим видом показывая, что не станет с ней спорить, Морту от этого еще полегчало. И хотя еще сегодня утром он готов был поклясться, что дом Теда Милнера — последнее место на всей земле, куда он захочет пойти, он последовал за ними без возражений.

19

Пока они ехали в машине на восточную оконечность города, где обосновался Тед, все трое молчали. Морт не знал, о чем думали Эми и Тед, хотя мог предположить, что у Теда в голове были две мысли: одна — о доме для Эми, и другая — о том, успеют ли они на встречу с представителями страховой компании. Однако он очень хорошо знал, о чем думал *он сам*. Он пытался понять, действительно ли он сходит с ума, реальность его преследует или фантасмагория.

В конце концов он пришел к выводу, что Эми в самом деле говорила эти слова о своем кабинете рядом с прачечной, что это не выдумка, не химера. Но, интересно, было ли это сказано до 1982 года, когда «Джон Шутер», по его собственному утверждению, написал рассказ под заглавием «Потаенное окно, потаенный сад»? Этого он не знал. Сколько ни терзал он свою сбитую с толку и саднящую память, ответ был предельно кратким: неизвестно. Ну, хорошо, пусть она сказала это, неважно когда, мог ли заголовок рассказа Шутера быть простым совпадением? Мог, конечно, однако что-то уж очень много совпадений громоздились одно на дру-

гое. Он решил, что пожар был, не мог не быть, совпадением. Но воспоминание, которое пробудил в нем этот сад Эми с урожаем погибших цветов... ему становилось все труднее и труднее поверить, что все это не было связано воедино каким-то странным, едва ли не сверхъестественным образом.

И ведь сам «Шутер» тоже был совершенно сбит с толку. «Как вы раздобыли этот рассказ? — спрашивал он, и в голосе его звучали неподдельные ярость и удивление. — Как случилось, что такая высокооплачиваемая самопишущая задница, как вы, оказались в нашем медвежьем углу в Миссисипи и украли мой хренов рассказ?» — В тот момент Морт готов был увидеть в этом проявление либо помутившегося рассудка, либо актерского мастерства Шутера. Теперь же, в машине Теда ему пришло в голову, что если бы ситуация перевернулась, он сам реагировал бы точно так же.

А ситуация в каком-то смысле уже перевернулась. Одним из моментов, в которых два рассказа существенно различались, были их заголовки. Каждый по-своему был неплох. Однако теперь Морт обнаружил, что должен задать Шутеру вопрос — почти такой же, как тот, что задавал ему Шутер: Откуда вы взяли ваш заголовок, мистер Шутер? Откуда вам было ведомо, что за двенадцать сотен миль от вашего медвежьего угла в Миссисипи у жены писателя, о котором, как вы говорите, вы до этого года даже не слыхали, было свое потаенное окно, выходящее в потаенный сад? Вот что я хотел бы узнать.

Что ж, узнать это можно только одним способом. Когда Грег выследит Шутера, Морт вынужден будет его об этом спросить.

20

Отказавшись от предложенной Тедом чашки кофе, Морт спросил, нет ли у него кока-колы или пепси. У Теда нашлась бутылка пепси, и после нее Морт окончательно пришел в себя. Он осмотрелся. Это было место, которое Тед и Эми, избавленные теперь от необходимости искать пристанища в загородных мотелях, пытались считать своим домом. Морт опасался, что попав сюда, испытает прилив злости и раздражения. Но этого не произошло. Это был обычный дом, в котором каждая комната, казалось, вслух заявляла, что владельцем ее является Довольный Жизнью Молодой Холостяк. Морт обнаружил, что смотрит на все это совершенно спокойно, и только вновь почувствовал легкую тревогу за судьбу Эми. Он представил себе ее маленький кабинет, залитый чистым светом, услышал мерное, уютное гудение сушилки за стеной, мысленно выглянул из окна, потаенного окна, единственного во всем доме, которое выходило в глубокую нишу между пристройкой и домом, и подумал, насколько она была там на своем месте, и насколько чужим должно быть все для нее здесь. Но с этим она должна была разбираться сама. А он, проведя несколько минут в этом доме, который в конце концов был обычным домом, а не

каким-нибудь притоном, понял, что вполне готов это принять, и что даже . вполне всем этим доволен.

Она спросила, останется ли он в Дерри на ночь.

— Нет, я поеду назад, как только мы уладим дело со страховой компанией. Если что-то возникнет, они всегда могут мне позвонить... Или ты можешь мне позвонить.

Он улыбнулся ей. Она улыбулась в ответ и слегка коснулась его руки. Теду это не понравилось. Нахмурившись, он отвернулся к окну и стал приминать пальцем табак в своей трубке.

21

На встречу с представителями страховой компании они успели вовремя, и это заметно успокоило Теда, присутствие и участие которого Морт воспринимал без особого восторга: в конце концов, никогда, даже после развода. Тэд в этом доме не жил, и все эти дела его не касались. Но Эми, вроде бы, было спокойнее с Тедом, и Морт выкинул это из головы.

После того, как они еще раз осмотрели «место происшествия», Дон Стрик, страховой агент, с которым они вели дела, пригласил всех в свой офис. Здесь к ним присоединился некий Фред Эванс, следователь страховой компании, специалист по поджогам. В разговоре быстро выяснилось, почему Эванса не было с ними ни утром, когда они беседовали с Уикершэмом и Брэдли, ни теперь, в полдень, когда они встретились на Канзас Стрит со Стриком: минувшей ночью, вооружившись камерой «Поляроид» с мощной вспышкой, он трудился в поте лица на пепелище, отыскивая, как он выразился, «зацепки и нити», а затем отправился к себе в motel, чтобы подготовиться к встрече с четой Рэйни.

Морту Эванс очень понравился. Похоже, он в самом деле сочувствовал постигшему его и Эми несчастью, в то время как все остальные, включая мистера Тедди-я-с-вами-ребята, произносили формальные слова соболезнования, думая лишь о том, чтобы исполнить эту обязанность и заняться своими делами (а для Теда Милнера, подумал Морт, главным делом было выпроводить его поскорее из Дерри назад в Тэшмор Лэйк). И Фред Эванс, говоря о руинах на Канзас Стрит, 92, называл их не «местом происшествия», а «домом».

Он задавал примерно те же вопросы, что Уикершэм и Брэдли, но делал это деликатнее, мягче и в то же время старался выяснить больше деталей и вникнуть в суть дела. Хотя спал он скорее всего не больше четырех часов, взгляд его был ясным, и беседу он вел энергично и собранно. Поговорив с ним в течение двадцати минут, Морт твердо решил, что если когда-нибудь соберется поджечь свой дом чтобы получить страховку, он подыщет какую-нибудь другую компанию. Или подождет, пока Эванс уйдет на пенсию.

Покончив со всеми вопросами, Эванс широко улыбнулся. — Спасибо, — сказал он, — вы очень мне помогли. Благодарю вас за вдумчивые ответы и за то, что вы не восприняли мои вопросы за шутки. Очень часто у людей шерсть встает дыбом, когда они слышат слова «следователь страховой компании». Понятно, они и без того расстроены, их постигло несчастье, а появление следователя они воспринимают как обвинение в поджоге собственного имущества.

— Вы тоже проявили в этой ситуации удивительную деликатность и такт, — сказала Эми, и Тед Милнер закивал головой так сильно, словно она была у него подвешена на веревочке, находившейся в руках у очень нервного кукловода.

— Теперь нам предстоит неприятная процедура, — сказал Эванс. Он кивнул Стрику, и тот достал из ящика письменного стола компьютерную распечатку. — После того, как следователь подтверждает, что пожар был таким серьезным, как это несомненно было в данном случае, мы даем клиенту перечень застрахованной собственности. Изучив этот список, вы должны подписать заявление, подтверждающее, что все упомянутые здесь предметы по-прежнему принадлежат вам, и что в момент пожара они находились в доме. В этом списке вы должны отметить все вещи, которые были вами проданы с момента последнего страхового осмотра, который проводил мистер Стрик, а также вещи, которых не было в доме в момент пожара. — Эванс поднес ко рту кулак и откашлялся. — Насколько мне известно, последнее время вы жили врозь. Поэтому то, что я сказал, приобретает особую важность.

— Мы развелись, — сказал без обиняков Морт, — И я сейчас живу в нашем доме у озера Тэшмор. Раньше мы жили там только летом, но в принципе там есть все, чтобы жить и зимой. К сожалению, я не успел вывезти свои вещи отсюда, из Дерри: собирался это сделать, но все время откладывал.

Дон Стрик ободряюще кивнул. Тед, положил ногу на ногу, теребил свою трубку. У него был вид человека, который всеми силами старается скрыть, как ему на самом деле скучно.

— Посмотрите внимательно этот список, — сказал Эванс. Он взял распечатку из рук Стрика и передал ее через стол Эми. — Я понимаю, это не слишком приятное занятие. Что-то вроде поиска сокровищ, только наоборот.

Тед забыл про свою трубку и вытянув шею стал с интересом изучать список. Скуки его как не бывало. Он оживился, как уличный прохожий, который протискивается сквозь толпу, чтобы посмотреть на последствия несчастного случая. Заметив его интерес, Эми предупредительно подвинула к нему бумагу. Морт, сидевший с ней рядом с другой стороны, резко придвинул список к себе.

— Ты позволишь? — сказал он, обращаясь к Теду. Он был просто в бешенстве, и это прозвучало у него в голосе.

— Морт... — сказала Эми.

— Я бы не хотел сейчас выяснять отношения, Эми, — сказал Морт — Но это список наших вещей. *Наших*.

— Не думаешь ли ты... — негодуя начал Тед.

— Нет, мистер Милнер, он совершенно прав, — мягко сказал Фред Эванс, и Морт подумал, что мягкость эта может быть обманчива. — По закону вам вообще не полагается читать этот список. Мы иногда закрываем глаза на такие вещи, если никто не против.. но, мне кажется, что в данном случае мистер Рэйни как раз возражает.

— Мистер Рэйни категорически возражает, — сказал Морт. Он непроизвольно сжал под столом кулаки и почувствовал как ногти, впиваясь в ладони, оставляют на них полукруглые улыбочатые следы.

Эми перевела умоляющий взгляд с Морта на Теда. Морт ожидал, что Тед сейчас начнет кипятиться, петушиться и устроит нудную сцену, но этого не случилось. Морт даже подумал, что, наверное, он к нему несправедлив. В общем-то он не знал Теда (если не считать того факта, что, будучи внезапно разбужен в некоем мотеле, Тед становится похож на Альфальфу), но он знал Эми. И мог точно сказать: если бы Тед был треплом, она бы его уже бросила.

Слегка улыбаясь, Тед сказал, обращаясь к ней, полностью игнорируя Морта и всех остальных:

— Если я пойду прогуляюсь вокруг квартала, это поможет делу?

Морт хотел расслабиться и не мог. — Почему бы тебе не прогуляться еще дальше? — спросил он Теда с напускным дружелюбием.

Эми пронзила его в упор мрачным взглядом, и опять повернулась к Теду. — Да? Наверное, так будет чуточку легче...

— Конечно, — сказал он. Он поцеловал ее в висок и Морт сделал еще одно горестное открытие: Тед на самом деле к ней равнодушен. То есть, может быть, это и не всегда так, но сейчас это проявилось вдруг со всей очевидностью. Морт понял, что уже привык представлять себе Эми игрушкой для Теда, игрушкой, которая забавляет его теперь, но скоро надоест. Но это противоречило и тому, что он узнал об Эми. Она редко ошибалась в людях... и слишком уважала себя.

Тед встал и вышел. Эми укоризненно посмотрела на Морта. — Ты доволен?

— Доволен, — сказал он. — Послушай, может я и переборщил, но, ей-богу, у меня не было недостойных побуждений. Мы много лет были вместе. Вот — все, что от этого осталось. И помо-ему, это должно быть между нами. Хорошо?

Стрик явно испытывал неловкость. Фред Эванс — нет Он переводил взгляд с Морта на Эми и затем опять на Морта с таким интересом, словно это был захватывающий теннисный матч.

— Хорошо, — тихо сказала Эми. Он слегка коснулся ее руки и она в ответ улыбнулась. Улыбка ее была напряженной, но пусть уж лучше такая, чем никакой, рассудил Морт.

Он придвинул свой стул к ней поближе, и они склонились над списком, голова к голове, как школьники накануне экзамена. Морту понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, почему Эванс призывал их держаться мужественно. До сих пор он считал, что представляет себе масштабы ущерба. Но он заблуждался.

Просматривая строчки, набранные бесстрастным компьютерным шрифтом, Морт думал, что он был бы, наверное, не более потрясен, если бы кто-нибудь вытряхнул все содержимое дома 92 по Канзас Стрит и разложил бы его вдоль улицы на потеху всему свету. Он не верил, что забыл о стольких вещах, о вещах, которых уже не было.

Семь больших хозяйственных агрегатов. Четыре телевизора, один — с приставкой для редактирования видеофильмов. Спудовский фарфор* и антикварная мебель в колоннальном стиле, которую Эми покупала, вещь за вещью, в течение многих лет. Страховая стоимость антикварного шкафа, стоявшего у них в спальне, составляла 14000 долларов. Они не были серьезными коллекционерами, но любили живопись, и вместе с их домом погибло двенадцать оригинальных произведений. Их общая стоимость была оценена в 22 000 долларов, но в данном случае Морту было наплевать на доллары. Перед глазами у него стоял рисунок Н. К. Уайета: два мальчика собираются плыть по морю в маленькой лодке. Идет дождь, на мальчиках — дождевики и калоши, и они широко улыбаются. Морт по-настоящему любил этот рисунок и вот его нет. Уотерфордский хрусталь**. Спортивное снаряжение, хранившееся в гараже — лыжи, велосипеды с десятью скоростями, каноэ. В список были включены три меховые вещи из гардероба Эми. Он увидел, что она поставила маленькие галочки против бобровой и норковой шуб, — очевидно, они были на лето сданы на хранение, — но пропустила лисий жакет: теплый и стильный, — идеальная одежда для осени, — он наверное висел в чулане, когда случился пожар. Он вспомнил, что подарил ей этот жакет на день ее рождения шесть или семь лет тому назад. Теперь его тоже нет. Его телескоп фирмы Селестрон. Огромное стеганое лоскутное одеяло, которое мать Эми подарила им, когда они поженились. Мать Эми с тех пор умерла, и одеяло теперь превратилось в пепел, наверное уже развеянный ветром.

Худший удар ждал Морта где-то в середине второй колонки, и вновь дело было не в деньгах: «124 бутылки вина, страховочная стоимость 4900 долларов». Они оба ценили хорошее вино. В подвале они оборудовали себе небольшой винный погреб, вместе выбирали вино и вместе любили иногда выпить бутылочку.

* Дорогой английский фарфор.

** Дорогой английский хрусталь.

— Даже вино, — сказал он, обращаясь к Эвансу. — Даже это. Эванс как-то странно на него посмотрел. Морт не мог понять, что означает этот взгляд, — затем кивнул.

— Винный погреб вообще-то остался цел, потому что в баке отопительной системы у вас было мало топлива, и он не взорвался. Но от жара большинство бутылок полопалось. Те, которые остались целы... Что ж, я не специалист по вину, но подозреваю, что вряд ли его теперь можно пить. Но, может быть, я ошибаюсь.

— Нет, вы не ошибаетесь, — сказала Эми. По щеке ее покатилась слеза, и она с отсутствующим видом стерла ее рукой.

Эванс предложил ей носовой платок. Она отрицательно покачала головой и снова вместе с Мортом погрузилась в список.

Десять минут спустя все было закончено. Они подписали заявление и Стрик засвидетельствовал их подписи. В ту же минуту появился Тед Милнер, — как будто он все это время наблюдал за ходом дела по телевизору.

— Что-нибудь еще? — спросил Морт Эванса.

— На сегодня все. Но дальше могут возникнуть вопросы. Фирме известен ваш номер в Тэшморе?

— Да, — сказал Морт и еще раз записал его специально для Эванса. — Пожалуйста, звоните, если будет нужна моя помощь.

— Хорошо, — он поднялся, протягивая руку. — Это всегда неприятная процедура. Мне жаль, что вам обоим пришлось через это пройти.

Все пожали друг другу руки, и они ушли, оставив Стрика и Эванса в конторе писать отчет. Был уже второй час, и Тед спросил Морта, не хочет ли он съесть где-нибудь лэнч с ним и с Эми. Морт отказался.

— Мне надо ехать, у меня еще есть работа, и, может быть, я смогу на какое-то время обо всем этом забыть. — Он вдруг подумал, что, пожалуй, теперь и в самом деле сможет что-нибудь написать. Его это не удивило. В тяжелые времена — но не в период развода, который в этом смысле был исключением — ему всегда на удивление хорошо работалось. Работа становилась для него своеобразной отдушиной. Было так отраднo погружаться в вымысел, когда реальность причиняла боль.

В глубине души он ждал, что Эми попросит его еще задержать, но она этого не сделала. — Езжай осторожно, — сказала она, и наградила его строгим поцелуем в уголок губ. — Спасибо, что ты приехал, и что был такой... благоразумный.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь. Эми?

Она покачала головой, улыбнулась и взяла Теда за руку. Если он ждал ответа на свой вопрос, такой ответ был вполне однозначным.

Они медленно пошли к машине Морта.

— У тебя там всего хватает» — спросил Тед. — Может быть, что-то нужно?

Его уже в третий раз поразил южный выговор Теда.

— Да нет, ничего не надо, — сказал он, открывая дверь Бьюика и доставая из кармана ключ зажигания. — Тед, а где ты родился и вырос? Ты или Эми, наверное мне говорили, но я совершенно забыл. Случайно, не в Миссисипи?

Тед от души рассмеялся. — Далеко отсюда, Морт. Я вырос в Теннесси. В маленьком городке. Называется Шутерз Ноб*.

22

Не отрывая взгляда от дороги, крепко ухватившись за руль и держа спину прямо, как по линейке, Морт ехал назад в Тэшмор Лейк. Он громко включил радио, и, каждый раз, когда в мозгу у него появлялись малейшие признаки умственной деятельности, он делал яростное усилие, чтобы сосредоточить внимание только на музыке. Не проехав и сорока миль, он почувствовал, что мочевого пузыря у него переполнен. Это его обрадовало, и он даже не стал останавливаться в тех местах, где были придорожные уборные. Желание облегчиться оказалось блестящим, отвлекающим средством.

Примерно в половине пятого он подъехал к своему дому и, обогнув его, поставил «бьюик» в обычном месте. Гитара Эрика Клаптона замолкла посреди упругого соло, когда он выключил мотор, и тишина обрушилась на него, как груз камней в оболочке из пенорезины. На озере не было видно ни одной лодки, в траве не стрекотал ни один жучок.

«Писать и думать — очень похожие вещи, — мелькнуло у него в голове, пока он вылезал из машины и расстегивал молнию на брюках. — То и другое можно отсрочить... Но не навечно».

Морт Рэйни стоял и орошал землю. Он думал о потаенных окошках и садиках, о тех, кто разводит эти садики и выглядывает из этих окошек. Он думал о том, что журнал, который был ему нужен, чтобы доказать, что некий человек является либо лунатиком, либо мошенником, сгорел прежде, чем он успел взять его в руки. Он думал о том, что любовник его бывшей жены, человек, которого он ненавидел всем сердцем, вырос в городишке под названием Шутерз Ноб, а Шутер — это псевдоним вышеупомянутого лунатика или мошенника, который появился на горизонте как раз в то самое время, когда вышеупомянутый Морт Рэйни начал догадываться, что его развод — не отвлеченная умозрительная концепция, а простой факт, с которым ему предстояло прожить весь остаток жизни. И он даже подумал, что момент, когда «Джон Шутер» обнаружил, по его словам, плагиат, совершенный Мормоном Рэйни, это был как раз тот момент, когда он расстался со своей женой.

* Здесь игра слов: Шутерз Ноб означает «пригорок Шутера», а Шутер, в свою очередь, буквально означает «стрелок».

Вопрос: Является ли все это случайным совпадением?

Ответ: В принципе, это возможно.

Вопрос: *Верит ли* он, что все эти вещи совпали случайно?

Ответ: Нет.

Вопрос: *Верит ли* он в таком случае, что сходит с ума?

— Нет, — сказал Морт. — Не верю. Пока еще нет. — Он застегнул брюки и, обогнув угол дома, подошел ко входной двери.

23

Достав ключ, он уже начал вставлять его в замочную скважину, но затем медленно вытащил его назад. Вместо этого рука его потянулась к дверной ручке, и когда он за нее ухватился, он был уже абсолютно уверен, что сможет повернуть ее без усилия и открыть дверь. Здесь был Шутер... был, а может, и до сих пор есть. И ему не понадобилось ломать замок. Нет. Это не тот фрукт. Запасной ключ от входной двери Морт держал в старой мыльнице, которая лежала высоко на полке в сарае для инструментов. Именно там взял Шутер отвертку, когда ему понадобилось пригвоздить бедного Бампа к крышке мусорного ящика. И вот теперь он проник в дом. Роемся там в вещах... или прячется. Он...

Ручка не хотела поворачиваться. Пальцы Морта скользнули по холодному металлу. Дверь была заперта.

— Хорошо, — сказал Морт. — Хорошо же, пусть так. — Он даже коротко рассмеялся, засовывая обратно ключ и поворачивая его в замке. То, что дверь была заперта, еще не означало, что Шутера в доме нет. Наоборот, скорее всего он как раз *был* в доме, позаботившись о том, чтобы никто не смог этого предположить. Он мог воспользоваться запасным ключом, затем положить его на место и, заперевшись изнутри, усыпить таким образом всякие подозрения. Ведь чтобы ручка перестала поворачиваться, надо просто нажать изнутри собачку. «Он пытается давить мне на психику», — подумал Морт, заходя внутрь.

В доме висел пыльный свет послеполуденного солнца. И тишина. Но это не была тишина *необитаемого* дома.

— Ты что, пытаешься давить мне на психику? — крикнул он. Он ожидал, что эти слова прозвучат для него самого криком безумца, воплем одинокого параноика, обращенным к непрошенному пришельцу, существующему, в конечном счете, только в его воображении. Но это *не прозвучало* как крик безумца. Скорее, это был возглас человека, разгадавшего коварный замысел только *наполовину*. Конечно, увидеть путь, ведущий в ловушку, еще не значило увидеть саму ловушку, но все же это было лучше, чем ничего.

Он шагнул в гостиную с ее высоким, как в соборе, потолком, с выходящим на озеро окном во всю стену и (о, знакомая картина!) со Всемирно Известным Диванчиком Морта Рэйни, известным также как Кушетка Писателя, Спящего Летаргическим Сном.

Щеки его тронула легкая, осторожная улыбка. Он почувствовал, как его мошонка подтянулась к самому паху.

— Эй, Шутер! — позвал он. — Я уже прошел полпути! Это лучше, чем ничего, правда?

Слова повисли в пыльной тишине. Ноздри уловили затхлый запах табачного дыма. Взгляд наткнулся на смятую пачку сигарет, которую он откопал в дебрях письменного стола. Ему вдруг показалось, что в доме чем-то отвратительно пахнет. Это был какой-то совсем не домашний, неженский запах. Затем он подумал: «Нет. Это ошибка. Это запах Шутера. Шутера и его сигарет, а вовсе не твоих».

Глядя через плечо, он медленно обернулся. Отсюда был виден кусочек спальни второго этажа. Картину наискось перечеркивали темно-коричневые прямые балясины, которые держали перила и кроме этого должны были играть декоративную роль. Но сейчас они показались Морту прутьями тюремной решетки. То, что они с Эми называли гостевой спальней, выглядело сквозь них плоскостью потолка и ножкой кровати.

— Эй, Шутер, ты там, наверху? — прокричал Морт.

Ответа не последовало.

— Я знаю, ты пытаешься давить мне на психику! — Только теперь крик его начинал казаться ему немного глупым. — Но у тебя ничего не выйдет!

Шесть лет тому назад они переоборудовали в гостиной камин, сложенный из крупных булыжников: вмонтировали в него современную электрическую печь. Но стойка с каминными приборами осталась стоять рядом. Морт выхватил из нее совок, взвесил его в руке, бросил, и взял взамен кочергу. Глядя на зарешеченный кусочек гостевой спальни, он поднял кочергу над головой, как рыцарь, который приветствует свою королеву. Затем он медленно подошел к лестнице и стал подниматься по ступеням. Он почувствовал, как во всем теле растет напряжение, и понял, что на самом деле боится *не Шутера*. В действительности он боялся, что ничего не найдет.

— Я знаю, что ты здесь, и что ты пытаешься давить мне на психику! Я только не знаю, чего тебе надо, Альфи, но когда я тебя найду, ты мне это скажешь!

Поднявшись на последнюю ступеньку, он остановился. В груди бешено колотилось сердце. Слева была дверь в комнату для гостей. Справа — дверь в гостевую ванную. Вдруг он понял, что Шутер здесь. Конечно здесь, но не в спальне. Спальня была уловкой. Шутер *хочет*, чтобы он так подумал.

Шутер был в ванной.

И, стоя на верхней площадке лестницы сжимая в руках кочергу, чувствуя, как пот катится со лба по щекам, Морт *услышал* его. Легкий шорох. Да, он был там. Судя по звуку, он стоял в ванне. И едва заметно пошевелился. Эй, Джонни, я тебя нашел. Ты вооружен, сукин сын.

Морт решил, что скорее всего — да, но вряд ли это будет ружье. Хотя его псевдоним так откровенно намекает на огнестрельное оружие, сам Шутер производит впечатление человека, привыкшего к другому рода орудиям. То, что он сделал с Бампом, было прекрасным тому подтверждением.

«Как пить дать, это молоток», — подумал Морт, вытирая свободной рукой мокрую от пота шею. Он чувствовал, как глаза его пульсируют в глазницах в такт сердцу. «Как пить дать, молоток, который он взял в сарае».

Больше он об этом не размышлял. Он ясно видел, как Шутер стоит в ванне, в своей черной шляпе с круглыми полями, в желтых ботинках-говнодавах, с улыбкой, обнажившей его дешевые вставные челюсти, видел, как по лицу у него тоже струится пот стекая по глубоким морщинкам, словно по жестяным желобам водосливной системы, и молоток в его правой руке поднят к плечу — как у судьи. Вот так, стоит в ванне и ждет момента, когда надо будет опустить молоток: слушание по делу закончено.

«Я знаю тебя, приятель. Я тебя вычислил. Я раскусил тебя в первый же момент, когда ты появился. И знаешь что? Тебе не повезло. Ты плохо выбрал писателя. Мне еще с середины мая хочется кого-нибудь укокошить. И ты подойдешь не хуже другого».

Он повернул голову к двери спальни и одновременно левой рукой (вытерев предварительной ладонь о рубаху, чтобы пальцы не соскользнули в критический момент) ухватился за ручку двери, ведущей в ванную.

— Я знаю, что ты здесь! — прокричал он в сторону спальни. — Если ты под кроватью, вылезай!! Считаю до пяти! Если ты до этих пор не вылезешь, я войду... и тебе не поздоровится! Слышишь!

Ответа не последовало... Но он и не ждал ответа. И не хотел его слышать. Он только крепче сжал пальцами ручку двери и приготовился начать счет. Он не знал, сможет ли Шутер уловить разницу, если он станет считать, повернув голову не в сторону спальни, а в сторону ванной, но на всякий случай решил придерживаться этой хитрости. Шутер был умен. И дьявольски проницателен.

За мгновение до того, как он начал считать, из ванной донесся еще один шорох. Даже с такого близкого расстояния он бы не расслышал его, не будь он так начеку.

— Раз!

Господи, как же он вспотел! Как свинья!

— Два!

Холодная дверная ручка была, словно камень, зажата у него в кулаке.

— Тр...

Он крутанул ручку, распахнул дверь ванной с такой силой, что она пробила обои и вылетела из нижней петли. и устремился

внутри. Шутер был там: он надвигался, чем-то замахнувшись, на лице его был сумасшедший оскал убийцы и совершенно безумные глаза. И Морт обрушил на него кочергу, вложив в этот удар всю силу, и пока его кочерга, описывая полукруг, со свистом рассекала воздух, он успел понять, что Шутер тоже сжимает в руках кочергу, и что на нем нет черной шляпы с круглыми полями, и что это вовсе не Шутер, а *он сам*, что безумец — это он сам, и в этот миг кочерга угодила в зеркало, и во все стороны полетели, сверкнув в полутьме, серебристые кусочки стекла, и в раковину рухнул шкафчик с лекарствами. Дверца его распахнулась, и из него посыпались бутылочки с сиропом от кашля, иодином и листерином.

— Проклятье, я угробил зеркало, — сказал он хрипло, собравшись уже бросить на пол кочергу, но тут за рифленой дверцей душа что-то в самом деле *зашевелилось*, и оттуда донесся испуганный тонкий писк. Губы Морта растянулись в улыбке и он с плеча рубанул кочергой по раздвижной пластиковой дверце, пробив в ней брешь и выбив ее из пазов. И снова привел кочергу в боевое положение. Вытаращенные глаза его остекленели, на губах застыла та самая гримаса, которую он ожидал увидеть на лице Шутера.

Затем он медленно опустил кочергу. Ему пришлось пальцами левой руки разжать пальцы правой, и кочерга со звоном упала на пол.

— Ах, ты, трусливая животиная, — сказал он мышке, в панике метавшейся по дну ванны, — как же я тебя напугал. — Голос его прозвучал сипло, монотонно и странно. Это был какой-то чужой голос — как будто он впервые в жизни слушал свою речь записанной на магнитофон.

Он повернулся и медленно вышел из ванной, не обращая внимания на хрустящее под ногами стекло, на дверь косо повисшую на одной петле.

Внезапно его потянуло вниз, в гостиную, на кушетку. Внезапно все его желания свелись к одному — немного вздремнуть

24

Разбудил его звонок телефона. Уже смеркалось, в комнате было почти темно и, пробираясь наощупь, стараясь не налететь на притаившийся где-то рядом стеклянный журнальный столик, он подумал, что это уже было недавно, что время сделало странную петлю и вернулось назад. Правая рука его ныла и он с трудом мог разогнуть спину. Интересно, с какой же силой он размахивал кочергой? До какой степени был он охвачен паникой? Ему не хотелось об этом думать.

Он поднял трубку, даже не стараясь понять, кто это может быть. Жизнь подкинула ему столько забот в последнее время, что

будь это сам президент Соединенных Штатов, — ему было уже наплевать. — Слушаю?

— Как ваши дела, мистер Рэйни? — спросил знакомый голос, и Морт отшатнулся от трубки, как будто это была змея, собравшаяся его укусить. Затем медленно он снова поднес трубку к уху.

— Мои дела идут отлично, мистер Шутер, — сказал он ровным, спокойным тоном, — а как *ваши* дела?

— О, совершенно прекрасно, — сообщил Шутер. Его неимоверный южный выговор был убогим, как сколоченный наспех сарай, стоящий посреди кукурузного поля. Но, по-моему, у вас все не так уж гладко. То есть вас вряд ли беспокоит, что вы украли рассказ, написанный другим человеком. И никогда не беспокоило, пока вас не поймали за руку... и у вас не начались неприятности.

— Что вы имеете в виду?

В голосе Шутера прозвучало легкое удивление. — Ну, я слышал по радио, в новостях, что кто-то спалил ваш дом. Тот ваш *другой* дом. А когда вы сегодня оттуда вернулись, то у вас был припадок или я не знаю что. Вы тут кричали, ломали вещи... Может быть, у известных писателей так принято — закатывать истерику, когда дело идет не так, как им хочется? А?

«Боже, он был здесь. Все-таки был...»

Морт поймал себя на том, что выглядывает из окна, как будто Шутер мог все еще быть поблизости. Как будто, прячась в кустах, он мог говорить с ним по беспроводному телефону. Это было смешно.

— Журнал, где напечатан рассказ, скоро будет у меня здесь, — сказал он. — Я надеюсь, что, увидев его, вы оставите меня в покое.

Вновь ленивое удивление прозвучало в голосе Шутера. — Нет никакого журнала с рассказом, мистер Рэйни. Вы знаете это не хуже меня. Нет такого журнала за 1980 год. Мой рассказ был написан в 1982 году, и только после этого могли вы его украсть.

— Черт подери, да не крал я вашего...

— Когда я услышал, что случилось с вашим домом, я вышел и купил «Ивнинг Экспресс», — сказал Шутер. — Они напечатали фотографию того, что осталось после пожара. Мало чего осталось. Еще там есть фотография вашей жены. — Он задумчиво замолчал, затем сказал: — Она милашка. — И издевательски хмыкнул. — Никак не пойму, как это такая милашка пошла замуж за такую убогую скотину, как вы, мистер Рэйни?

— Мы развелись, — сказал он. — Я вам уже говорил. Наверное, она поняла, что я убогая скотина. Но давайте оставим Эми в покое. Дело это касается только вас и меня.

Ему пришло в голову, что уже второй раз на протяжении этих двух дней телефонный звонок застает его спящим. И пока он как следует не проснулся, его можно брать голыми руками. Шутер

захватил в разговоре всю инициативу, и теперь спокойно прикладывает его мордой об стол.

«Тогда положи трубку».

Но этого он сделать не мог. По крайней мере, сейчас.

— Только вас и меня? — переспросил Шутер. — То есть вы хотите сказать, что никому обо мне не рассказывали?

— Что вам нужно? Скажите! Что вам от меня нужно?

— То есть вы хотите узнать вторую причину, которая заставила меня приехать?

— Да!

— Я хочу, чтобы вы написали для меня рассказ, — спокойно сказал Шутер. — Я хочу, чтобы вы написали рассказ, поставили на нем мое имя, и отдали его мне. Вы остались мне должны. А долги надо возвращать.

Морт стоял посреди прихожей, сжав ноющей рукой телефонную трубку, чувствуя, как во лбу у него пульсирует жилка. На минуту его захлестнула волна испепеляющей ярости, что он почувствовал, как будто его сжигают заживо. Он мог только повторять про себя вновь и вновь: ВОТ ОНО ЧТО! ВОТ ОНО ЧТО! ВОТ ОНО ЧТО!

— Вы слышите меня, мистер Рэйни? — спросил своим ровным гнусавым голосом Шутер.

— Если я для вас что-нибудь и напишу, — сказал Морт с расстановкой, вбивая слова, как гвозди, — это будет ваш смертный приговор. И я это сделаю, если вы не оставите меня в покое.

— Красиво говорите, братец, — сказал Шутер терпеливым тоном, как будто он объясняет простую задачку глупому ребенку. — Красиво говорите, потому что знаете, что я не могу причинить вам вреда. Если бы вы украли у меня собаку или машину, я бы забрал у вас вашу собаку или машину. Я бы сделал это так же легко, как свернул шею вашему коту. Попытайся вы меня остановить, я бы сделал то же самое с вами, и все равно забрал бы то, что мне причитается. Но в данном случае то, что мне нужно, находится у вас в голове. И заперто там, как в сейфе. И я не могу просто взорвать дверцу этого сейфа или вырезать автогеном стенку. Мне придется подобрать шифр. Правда?

— Не знаю, о чем вы говорите, — сказал Морт. — Но скорее Статуя Свободы перевернется с ног на голову, чем вы получите от меня рассказ... братец.

— Конечно, я бы оставил ее в покое, — сказал Шутер, как будто размышляя вслух, — но я начинаю думать, что вы не даете мне такой возможности.

В один миг у Морта во рту пересохло. — Что... что вы хотите...

— Вы не бойтесь, что однажды ляжете вот так вздремнуть, проснетесь, а на мусорном ящике — Эми? — спросил Шутер. — Или в одно прекрасное утро включите радио и услышите, что ей

не удалось выйти победителем в схватке с бензопилой, которая лежит там у вас в гараже? Да и гараж может сгореть, правда?

— Послушайте, что вы говорите... — прошептал Морт. От ужаса и бессильной ярости на глаза у него стали наворачиваться слезы.

— У вас есть еще два дня, чтобы все это обдумать, мистер Рэйни. И я бы на вашем месте крепко задумался. Я бы подумал о том, что может с ней приключиться. И я бы не стал больше ни с кем болтать на эту тему. Это все равно, как выйти в грозу в открытое поле, и ждать, когда молния угодит тебе в зад. Развелись — не развелись, но мне кажется, что эта дама вам еще дорога. Пора уже чуть-чуть повзрослеть. Вы никуда не денетесь, вы поняли? Я поймал вас за руку и не отступлюсь, пока не получу то, что мне причитается.

— Вы сошли с ума! — закричал Морт.

— Спокойной ночи, мистер Рэйни, — сказал Шутер и положил трубку.

25.

Морт постоял с минуту, сжимая трубку в руке. Он был готов швырнуть телефон об стену. Сделав над собой усилие, он положил трубку и заставил себя раз десять глубоко вздохнуть. В голове у него немного прояснилось. Тогда он снова поднял трубку, и набрал домашний номер Херба Крикмора.

После второго гудка трубку взяла подруга Херба, Делорес, и позвала к телефону Херба.

— Привет Морт, — сказал Херб, — Что там у тебя с домом? — И, прикрыв трубку рукой, прокричал вдаль: — Делорес, сдвинь там сковородку на дальнюю конфорку, пожалуйста.

« В Нью-Йорке ужинают, — подумал Морт. — И он дает мне понять, что не намерен разговаривать долго. Но мне наплевать, черт возьми. Только что маньяк пообещал мне, что сделает из моей жены телячьи котлеты. А у них там ужин...»

— Дом сгорел, — сказал он. — Страховая компания возместит ущерб, — Морт запнулся. — Денежный ущерб, по крайней мере.

Сочувствую тебе, — сказал Херб. — Могу я чем-то помочь?

— Нет, — сказал Морт, — спасибо. С домом уже ничего не надо. А вот насчет рассказа...

— Какого рассказа, Морт!

Он почувствовал, как пальцы его опять впились в трубку, и заставил себя расслабиться. — «Он не виноват. Он ведь не знает, что здесь творится», — сказал себе Морт.

— Рассказа, за которым охотится мой сумасшедший друг, — напомнил он Хербу. — «Время сеять», Журнал Детективов Эллен Кун.

— Ах, этого! — сказал Херб.

Морт почувствовал укол страха. — Ты не забыл случайно им позвонить?

— Нет, почему же, я позвонил, — успокоил его Херб. — У меня просто сейчас это вылетело из головы. У тебя дом сгорел, и вообще...

— Ну? Что они сказали?

— Не волнуйся. Завтра с посыльным они высылают мне ксерокс, и я тут же отправляю его тебе курьерской почтой. Так что к десяти утра послезавтра он будет у тебя.

На минуту ему показалось, что это решает проблему, и он вздохнул с облегчением. Затем он вспомнил, какой огонь горел в глазах Шутера. Вспомнил, как тот приблизил к нему лицо. И почти ощутил запах корицы, который донесся с его дыханием, когда он сказал: «Ложь!».

Ксерокс? Он был совершенно уверен, что журнал Шутер примет как доказательство. Но ксерокс?

— Нет, — сказал он медленно, — так не пойдет, Херб. Никаких ксерокопий, никаких звонков из редакции. Мне нужен подлинный номер журнала.

— Это сложнее. Сама редакция находится, конечно, в Манхэттене, но старые номера они хранят в отделе, который занимается подпиской, а это в Пенсильвании. И они оставляют только по пять экземпляров каждого номера — больше они хранить просто не в состоянии, ведь журнал выходит с 1941 года. И я бы не сказал, что их вдохновляет идея выдавать из этого фонда журналы направо и налево.

— Херб, придумай что-нибудь! Эти журналы можно поймать на распродажах. По-моему, они есть в каждой второй библиотеке в Америке.

— Да, но всегда неполный комплект. — Херб помолчал. — Что, ты говоришь, даже звонок из редакции не поможет? Этот тип и вправду такой параноик, что считает, что повсюду расставлены твои агенты?

Морт услышал голос Делорес. — Херб, тебе наливать вино?

Херб снова прикрыл трубку рукой. — Ди, подожди минутку.

— Прости, — сказал Морт. — Я, кажется, вытащил тебя из-за стола.

— Ничего, Морт, скажи честно, этот тип совсем ненормальный? Может быть, он опасен?

«Я бы не стал больше ни с кем болтать на эту тему. Это все равно, как выйти в грозу в открытое поле и ждать, когда молния угодит тебе в зад».

— Нет, не думаю, — сказал он. — Но я бы хотел, чтобы он от меня наконец отвязался. — Он запнулся, подыскивая слова. — Понимаешь, за последние полгода я и так нахлебался дерьма.

И я не хочу, чтобы у меня на шее висело еще и это. Я хочу, чтобы он отстал от меня раз и навсегда.

— Хорошо, — голос Херба вдруг прозвучал решительно. — Я позвоню Марианне Джеффри из Журнала Детективов. Я знаю ее много лет. И я думаю, она мне не откажет, если я попрошу ее уговорить хранителя библиотеки — ей-богу, так называется у них эта должность — выслать нам июньский номер журнала за 1980 год. Могу я пообещать, что ты напишешь для их журнала какой-нибудь рассказ?

— Конечно, — ответил Морт, а про себя подумал: «Скажи ей, что я подпишу его псевдонимом Джон Шутер». И он едва не рассмеялся вслух.

— Хорошо. Она попросит хранителя выслать его тебе курьерской почтой прямо из Пенсильвании. Только верни журнал в хорошем состоянии, иначе тебе придется ловить его, как ты выразился, на распродажах.

— Могу я надеяться получить журнал послезавтра? — спросил Морт. Он не сомневался, что Херб решит, что он ненормальный... или, по крайней мере, что он делает из мухи слона.

— Я думаю, что это возможно, — сказал Херб. — Обещать не могу, но скорее всего так оно и будет.

— Спасибо, Херб, — Морт был ему искренне благодарен. — Ты молодчина.

— О, благо-арю, ма-ам, — сказал Херб, плохо имитируя голос Джона Уэйна*. Он почему-то страшно гордился своей способностью ему подражать.

— Ладно, ступай ужинадь. И поцелуй от меня Делорес.

Херб не хотел выходить из роли Джона Уэйна. — Я па-а-умаю об этом. Я па-элюю ее от себя, братец.

«Красиво говорите, братец».

Морт почувствовал такой ужас, что с губ его едва не сорвался крик. Те же слова, тот же монотонный гнусавый выговор. Шутер каким-то образом подсоединился к его телефонной линии, и теперь с кем бы он ни разговаривал, он разговаривал с Джоном Шутером. Херб Крикмор — это был просто еще один его псевдоним, и...

— Алло, Морт, куда ты пропал?

Он закрыл глаза. Теперь Херб говорил своим голосом. Наваждение прошло. Это опять был Херб, и до этого это тоже был он. Просто он стал говорить слова, которые...

Которые — что?

«Еще одно совпадение? Да. Конечно. Ничего страшного. Просто я должен стоять, как полководец, и принимать Парад Совпадений. Передо мной прошло их уже несколько. Были и пострашнее».

* Джон Уэйн — американский киноактер, исполнитель характерных ролей в вестернах.

— Я здесь, Херб. — сказал он, открывая глаза. — Я пытаюсь вычислить, как я тебя люблю. Знаешь, подсчитываю способы.

— Это серьезное дело, — сказал Херб, очевидно польщенный.

— Ты, давай, считай аккуратно и честно. Хорошо?

— Хорошо.

— А я пойду поужинаю с моей ненаглядной.

— Отличная мысль. Пока, Херб. И еще раз спасибо.

— Пожалуйста. Я постараюсь, чтобы ты получил этот журнал послезавтра. Ди тоже говорит до свидания.

— А что она может еще сказать, ведь она уже разлила вино, — сказал Морт и они оба, рассмеявшись, повесили трубки.

Как только он остался в одиночестве, прежние фантазии возвратились. Шутер. Это он говорит на разные голоса. Конечно, сейчас темно, он в доме совсем один, и это рождает страхи. Но он не считает Джона Шутера сверхъестественным существом или преступником-суперменом. В первом случае, тот бы заведомо знал, что Морт Рэйни не совершал плагиата — во всяком случае, не крал *этого* рассказа. Во втором — затеял бы ограбить банк или что-нибудь в этом роде, а не бродил, как неприкаянный, по штату Мэн, пытаясь вытянуть короткий рассказ из писателя, который гораздо больше заработал на своих романах.

Он медленно пробрел в сторону гостиной, намереваясь пройти в кабинет, чтобы посидеть немного за пишущей машинкой, когда эта мысль.

(во всяком случае, не крал *этого* рассказа)
вдруг пронзила его сознание и заставила остановиться.

Что это означает? Разве *когда-нибудь* он присваивал себе чужое произведение?

Впервые с тех пор, как Шутер появился со своей рукописью на пороге его дома, Морт всерьез задался этим вопросом. Во многих рецензиях его упрекали в том, что произведения его не оригинальны, что он широко использует уже существующие сюжеты. Он вспомнил, как Эми читала рецензию на «Сына шарманщика», автор которой вначале хвалил его темп и слог, а затем указывал, какие элементы сюжета являются, на его взгляд, вторичными. Она сказала тогда: «Ну и что? Разве эти люди не знают, что на свете есть всего пять хороших историй, и писатели просто пересказывают их вновь и вновь, изменяя характеры их героев?»

Сам Морт считал, что таких историй в общей сложности шесть: успех; неудача; любовь и расставание; месть; подмена персонажа; поиск высшей силы, будь то Бог или дьявол. В своих произведениях он все время пересказывал первые четыре из этих сюжетов, и сейчас, навязчиво вспоминая рассказ «Время сеять», находил в нем признаки по крайней мере трех из них. Было ли это плагиатом? Если да, то в этом грехе повинен буквально каждый работающий писатель.

Плагнат, решил он, это прямое и неприкрытое воровство. И он никогда в жизни не совершал этого. Никогда.

— Никогда, — сказал он, и решительно направился в кабинет, высоко подняв голову и расправив плечи, как воин, выходящий на поле боя. Там просидел он примерно час за машинкой, и ни слова не написал.

26

Встав, несолоно хлебавши, из-за машинки, он почувствовал, что в горле у него пересохло. Это навело его на мысль, что вместо ужина лучше, пожалуй, хорошо выпить, и он уже допивал второй стакан виски с водой, когда вновь зазвонил телефон. Он приблизился к нему осторожно, пожалев внезапно о том, что не завел себе автоответчик. Одно неоспоримое достоинство у автоответчика все-таки есть: он позволяет контролировать входящие звонки, отделяя друзей от недругов.

Он стоял у телефона в нерешительности, и думал о том, как ему не нравится звук, который издают современные аппараты. Было время, когда они в самом деле звонили — ровным серебристым веселым звоном. Теперь они хрипло улюлюкают, и звук их похож на начинающуюся мигрень.

«Ну, что, ты так и собираешься стоять здесь, или все-таки возьмешь трубку?»

Я не хочу снова с ним разговаривать. Он пугает меня и приводит в бешенство, и я даже не знаю, какое из этих чувств мне больше не нравится.

Может быть, это не он.

А может быть, он».

Две эти мысли вращались, сменяя друг друга, у него в голове, и слушать их было еще более невыносимо, чем верещание телефона, поэтому он все-таки поднял трубку и буркнул неприветливое «алло», но это оказался самый безопасный из всех собеседников, которых он мог ожидать, — Грег Кастерз.

Грег стал спрашивать про пожар, и Морт, уже привыкший к этим вопросам, отвечал на них без запинки. Ему пришло в голову, что рассказывать об этом — все равно, что объяснять чью-то внезапную смерть: постоянное повторение одних и тех же известных фактов помогает преодолеть шок.

— Послушай, Морт, сегодня вечером я наконец поймал Тома Гринлифа, — сказал Грег, и Морт подумал, что в голосе его есть что-то смешное, какая-то осторожность. — Они с Сонни Троттсом нанялись красить методистскую церковь.

— Да? Ты поговорил с ним об этом моем приятеле?

— Поговорил, — сказал Грег. Голос его стал еще более осторожным.

— Ну?

Последовала короткая пауза. Затем Грег сказал:

— Том думает, что ты перепутал дни.

— Перепутал... Что это значит?

— Понимаешь, — Грег как будто извинялся, — он говорит, что действительно ехал вчера вечером по шоссе и видел тебя. И что он тебе помахал, а ты помахал в ответ. Но, знаешь, Морт...

— Что? — Но он кажется уже догадался, в чем дело.

— Том говорит, что ты был один, — закончил Грег.

27

Долгое время Морт не мог ничего сказать. То есть он просто не знал, что можно сказать на это. Грег тоже замолчал, давая ему время собраться с мыслями. Том Гринлиф был, конечно, не первой молодости. Он был старше Дэйва Ньюсома года на три, а может быть, лет на шесть. Но маразматиком он не был.

— Господи, — произнес наконец Морт. Он сказал это очень тихо. По правде говоря, у него немного перехватило дыхание.

— Я думаю, — робко предположил Грег, — что может быть, это Том чего-то напутал. Знаешь, он же все-таки...

— Не первой молодости, — закончил за него Морт. — Да, я знаю. Но у Тома наметан глаз на чужих. Всю свою жизнь он должен был запоминать здесь в Тэшморе чужих. В этом ведь заключается одна из обязанностей сторожа, верно?

Он неуверенно замолчал, а затем не выдержал:

— Он смотрел на нас! Он должен был видеть нас *обоих*!

Грег сказал осторожно, как будто в шутку:

— Послушай, Морт ты совершенно уверен, что этот тип тебе не приснился?

— Мне это не приходило в голову до сих пор, — медленно сказал Морт. — Но если ничего этого не было, а я хожу и рассказываю направо и налево байки, это значит, что я схожу с ума.

— Что ты, я вовсе не это имел в виду, — поспешно сказал Грег.

— Зато я имею в виду это, — ответил Морт. И подумал: «Может быть, он как раз этого и добивается. Чтобы люди считали, что они сходят с ума. И чтобы, в конце концов, они на самом деле теряли разум.

О, да. Конечно. И он договорился со стариком Томом. Не исключено, что это Том поехал в Дерри и поджег дом, а Шутер все это время был здесь и убил кота. Все сходится.

А теперь подумай. Подумай хорошенько. Был он там, на шоссе? Был он там *на самом деле*?»

И он стал думать. Никогда в жизни он не думал ни о чем так сосредоточенно. Он не думал так даже об Эми и Теде, и о том, что с ними делать после того, как в мае он обнаружил их вместе в постели. *Были ли* Шутер галлюцинацией?

Он вспомнил, как Шутер неожиданно схватил его и прижал к машине.

— Грег?

— Да, Морт?

— А машину Том тоже не видел? Старый пикап, регистрация — Миссисипи?

— Он сказал, что вчера вечером на шоссе не было вообще ни одной машины. Только ты стоял там, где дорожка спускается к озеру. Он решил, что ты любишь вид.

«Неужели правда приснилось?»

Он снова вспомнил железную хватку Шутера, вспомнил, как тот схватил его за руки и прижал к машине. «Ложь» — сказал Шутер. И Морт вновь увидел, как вспыхнули в его глазах огоньки ярости, и почувствовал запах корицы.

Стоп. Его руки.

Он сжимал их как клещами.

— Грег, подожди минутку, хорошо?

— Конечно.

Морт положил трубку и попытался закатать рукава рубашки. Это получалось плохо, потому что руки сильно дрожали. Тогда он просто расстегнул на груди пуговицы и снял рубашку. Вначале он ничего не видел. Но затем, слегка вывернув руки, обнаружил на каждой из них с тыльной стороны выше локтя желтеющие кровоподтеки.

Это были следы больших пальцев Джона Шутера.

Вдруг ему показалось, что он начал кое-что понимать. И он испугался. Но не за себя.

Ему стало страшно за Тома Гринлифа.

28

Он снова взял трубку. — Грег?

— Слушаю.

— Когда ты говорил с Томом, как тебе показалось, он был в порядке?

— Он был усталый, — с готовностью откликнулся Грег. — Старый дурак целый день проторчал на лесах на холодном ветру, раскрашивая эту церковь. В его возрасте нельзя так увлекаться. У него был такой вид, что если он сейчас не доберется до своей кровати, то рухнет в первую же кучу листьев. Я понимаю, к чему ты клонишь, Морт. Конечно, от усталости он мог чего-нибудь позабыть, но...

— Нет, нет, я не об этом. Ты уверен, что он только устал? А не был он, например, напуган?

Теперь молчание воцарилось на том конце провода. И хотя Морту не терпелось услышать ответ, он не стал торопить Грега.

— Вообще-то он был как бы сам не свой, — сказал наконец

Грег. — Какой-то... отсутствующий. Я решил, что это он от усталости. Но, может быть, не только от усталости.

— А тебе не показалось, что он от тебя что-то скрывает?

На этот раз пауза была короче. — Не знаю. Может быть. Я не могу точно сказать. Наверное, мне надо было поговорить с ним подольше и нажать на него посильнее.

— Это хорошая мысль, — сказал Морт. — Может быть, нам в самом деле зайти к нему. Прямо сейчас. Все происходило, как я сказал тебе, Грег. И если Том рассказывает по-другому, это может означать, что тот тип запугал его до полусмерти. Давай встретимся у Тома.

— Давай, — голос Грега снова прозвучал озабоченно. — Только, знаешь, Том не из тех, кого легко запугать.

— Конечно. Но не забудь, что Тому уже семьдесят пять. А я думаю, что чем старше человек, тем легче становится его запугать.

— Хорошо, до встречи.

— Пока, — Морт положил трубку, вылил остатки виски в раковину, вывел на дорогу свой «бьюик», и поехал к дому Тома Гринлифа.

29

Когда Морт подъехал к дому, где жил Том, машина Грега была уже там. Грег был во фланелевой куртке с поднятым воротником: с озера дул пронзительный ветер.

— С ним все в порядке, — сказал он, увидев Морта.

— Откуда ты знаешь?

Оба они говорили вполголоса.

— Его машина стоит у заднего крыльца, а на двери записка, — что он устал и рано лег спать. — Грег улыбнулся и откинул со лба длинные волосы. — Еще там сказано, что по всем неотложным вопросам его клиенты могут обращаться ко мне.

— Записка написана его почерком?

— Да. Такие большие старческие каракули. Я их хорошо знаю. Потом я подходил к окну спальни. Он там. Окно закрыто, но он так храпит, что едва стекла не вылетают. Хочешь сам посмотреть?

Морт вздохнул и покачал головой.

— Но что-то все-таки не так, Грег. Том видел нас. Он видел нас *обоих*. Через несколько минут после того, как он проехал мимо, этому типу моча ударила в голову, и он схватил меня за руки. У меня остались синяки. Могу показать, если хочешь.

Грег покачал головой.

— Я верю. Чем больше я думаю об этой истории, тем меньше мне нравится, каким тоном он сказал мне, что ты был там вчера один. Что-то было в нем... странное. Я еще раз поговорю с ним утром. Или, хочешь, можем поговорить вместе?

— Отлично. Когда?

— Давай поедем прямо к церкви где-нибудь в девять тридцать? К этому времени он уже примет две-три чашки кофе, — пока он с утра не выпьет кофе, с ним вообще бесполезно разговаривать, — и мы его ненадолго снимем с лесов. Может быть, спасем ему жизнь. Идет!

— Хорошо. — Морт протянул руку. — Прости, что напрасно вытащил тебя из дому.

Они пожали друг другу руки.

— Ничего, — сказал Грег. — Надо же это как-то выяснить. Мне уже самому интересно.

Морт направился к Бьюнку, Грег сел за руль своего грузовика и они разъехались в разные стороны, оставив старика мирно спать.

Сам Морт не мог заснуть часов, наверное, до трех. Он ворочался на кровати в спальне, пока простыня не стала похожа на поле боя. Потом это ему надоело, и он побрел в полусне в гостиную. Зацепившись ногой за журнальный столик, он привычно выругался, устроился на кушетке и почти в ту же минуту провалился в темноту.

30

Проснувшись на следующее утро в восемь часов, Морт решил, что чувствует себя превосходно. В этом заблуждении он пребывал до тех пор, пока не сел на кушетке. Тут он издал глухой стон, больше похожий на сдавленный вопль, и едва удержал равновесие, так как захотел одновременно схватиться за все больные места — спину, ягодицы, колени и правую руку. В конце концов он схватился за правую руку, которая ныла сильнее всего. Он где-то читал, что люди, охваченные паникой, совершают иногда невероятные усилия: они могут легко поднять автомобиль, чтобы освободить детей, застрявших в нем в результате аварии, или голыми руками придушить добермана-пинчера, натренированного на убийства. И только когда волна эмоций оказывается уже позади, до них доходит, как велико было напряжение. Теперь он поверил, что это возможно. Он с такой силой распахнул дверь ванной, что сорвал одну из петель. А какую мощь он вложил в удар кочергой? Он боялся об этом думать, так болели теперь его спина и рука. Не хотел он думать и о том, как бы выглядела картина причиненных их разрушений для постороннего глаза. Он попробует починить все сам — насколько сможет. Морт подумал, что Грег Кастерз уже кажется испытывает сомнения насчет его умственного здоровья, хотя и старается показать, что это не так. И если он увидит сломанную дверь ванной, разбитую перегородку душа и изувеченный шкафчик для лекарств, он точно решит, что у него не все дома. Он вспомнил, что заподозрил Шутера в намерении убедить окружающих, что он ненормальный. Рассматривая теперь эту идею при свете дня, Морт вовсе не находил

ее глупой. Наоборот, она казалась вполне логичной и правдоподобной.

Но он обещал через полтора часа — теперь уже меньше — встретиться с Грегом у церкви, где они собирались поговорить с Томом Гринлифом. Если он будет сидеть так и прислушиваться к своим болячкам, он не успеет вовремя.

Морт с трудом, поднялся на ноги и медленно побрел через весь дом в хозяйскую ванную. Он включил душ, настолько горячий, что ванная тут же наполнилась паром, выпил три таблетки аспирина и встал под струю воды.

Когда он выходил из ванной, аспирин начал действовать, и он подумал, что, пожалуй, сможет прожить этот день, хотя это будет нелегко. Наверное, к вечеру ему покажется, что прошло много лет.

«Настал второй день», — подумал он, одеваясь, и у него возникло тревожное чувство. — «Завтра последний срок». — Это напомнило ему об Эми и в голове у него вновь прозвучал голос Шутера: «Я бы оставил ее в покое, но вы не дадите мне такой возможности».

Тревога росла. Этот ненормальный сукин сын убил Бампа, затем он запугал Тома Гринлифа (конечно, он это сделал), и теперь Морт начинал верить, что именно Шутер поджег дом в Дерри. Пожалуй, он и раньше был в этом уверен, но не хотел себе в этом признаться. Спалить дом и избавиться от журнала — это несомненно было главной целью Шутера. Этот ненормальный вряд ли вообще подумал о других экземплярах журнала, которые еще существуют во множестве: в картине мира лунатика они просто не предусмотрены.

А Бамп? Кот, по-видимому, просто попался ему на дороге. Шутер вернулся, увидел кота на веранде, увидел, что Морт все еще спит, и убил кота из чистой прихоти. Так быстро доехать до Дерри и вернуться обратно — это сложно. Но это возможно. Все это вполне увязывается одно с другим.

А теперь он еще угрожает Эми.

«Надо предупредить ее», — подумал он, заправляя рубашку в брюки. — «Позвоню ей сегодня и выложу все начистоту. То, что я хочу разобраться с ним сам, это мое личное дело. Но стоять в стороне и смотреть, как сумасшедший плетет свою сеть вокруг единственной женщины, которую я в своей жизни любил, а она ничего об этом не знает... это совсем другое дело».

Да. Но сначала он поговорит с Томом Гринлифом и заставит его сказать правду. Пока Том не подтвердит, что Шутер действительно находится где-то здесь и действительно представляет опасность, любые действия Морта будут выглядеть подозрительно и безумно.

Итак — вначале Том.

Прежде, чем ехать в методистскую церковь на встречу с Грегом, он решил завернуть к Боуи и съесть у Герды один из ее

знаменитых омлетов с сыром и ветчиной. Солдат на марше должен съесть плотный завтрак. Верно, рядовой Рэйни? Так точно, сэр. Он вышел в прихожую и открыл деревянный шкафчик, висевший над телефоном, где лежали ключи от «бьюика». Ключей не было.

Нахмурившись, он пошел на кухню и увидел ключи, которые лежали на тумбе у раковины. Он взял их и задумчиво несколько раз подбросил в руке. Разве не положил он их вчера в шкафчик после того, как съездил вечером к дому Тома? Он постарался вспомнить, и не смог. Класть ключи в шкафчик — эта была привычка, он делал это автоматически. Спросите человека, который любит яичницу, что он ел на завтрак третьего дня. Он не сможет вспомнить, но скажет, что, вероятно, яичницу, ибо он ест ее на завтрак чаще всего. Но наверняка сказать он не сможет. Здесь был такой же случай. Он вернулся вчера домой усталый, разбитый и озабоченный. Он не мог точно вспомнить.

Но это ему не нравилось.

Это ему совсем не нравилось.

Он подошел к задней двери и распахнул ее. Там на дощатом полу веранды лежала черная шляпа Шутера с круглыми полями.

Морт стоял в дверях и смотрел на нее, сжимая в руке ключи от машины. Висевший на них медный брелок ярко блестел на утреннем солнце. Он чувствовал, как у него бьется сердце: медленно и решительно. Какая-то часть его существа ожидала такого развития событий.

Шляпа лежала как раз на том месте, где в прошлый раз Шутер оставил рукопись. А позади нее, на дорожке стоял его «бьюик». Он твердо помнил: вернувшись вчера вечером, он оставил машину за углом. Но теперь она была здесь.

— Что ты сделал? — закричал вдруг Морт Рэйни, и крик его повис в прозрачном утреннем воздухе. Птицы, безмятежно щебетавшие на деревьях, замолкли. — Ради Бога, что ты на этот раз сделал?

Но если Шутер и притаился где-то здесь, он не ответил. Возможно, он знал, что Морт скоро сам обнаружит, что он сделал.

31

Когда Морт сел в машину, он увидел, что пепельница выдвинута и в ней лежат два окурка. Сигареты без фильтра. Брезгливо поморщившись, он взял кончиками пальцев один из них, уверенный, что это Пэл Мэл — любимый сорт Шутера. Это действительно был Пэл Мэл.

Он включил зажигание и мотор сразу завелся. Подходя к машине, он не слышал потрескивания остывающего мотора, но завелся он так, будто был уже разогрет. Шляпа Шутера теперь лежала в багажнике. Морт поднял ее с таким же отвращением, как и окурочек, стараясь поменьше к ней прикоснуться. Ни под шляпой, ни в шляпе ничего не было — только залоснившаяся,

пропитанная потом лента, обрамлявшая изнутри тулью. Однако от шляпы шел какой-то другой запах — более острый и едкий, чем запах пота. Морту он показался знаком, но он не мог вспомнить, что же еще так пахнет. Может быть, еще вспомнит позднее. Он бросил шляпу на заднее сиденье, но вспомнил, что меньше, чем через час, встретит Грега и Тома. Он не был уверен, что захочет, чтобы они ее видели. Почему — он бы не смог объяснить, но решил, что этим утром лучше следовать интуиции и не задавать себе лишних вопросов, так что он переложил шляпу в багажник и выехал на дорогу.

32

По дороге к Боуи он снова проехал мимо дома, где жил Том. Машины у дома уже не было. В первый момент это встревожило Морта, но затем он решил, что, напротив, это хороший знак: Том, наверное, уже отправился на работу. Или тоже поехал к Боуи — Том был вдовец и редко готовил себе сам.

У стойки собралось много народу. Отдел Общественных работ Тэшмора был здесь едва ли не в полном составе, но Тома

(убил Шутер, и догадайся, чью машину он при этом использовал)

среди них не было.

— Морт Рэйни! — приветствовала его Герда Боуи хриплым криком толпы футбольных болельщиков. Это была высокая женщина с огромной копной каштановых волос и большой округлой грудью. — Не видала тебя сто лет! Что ты хорошенького с тех пор написал?

— Пишу, — буркнул Морт. — Ты случайно не сделаешь мне твой знаменитый омлет?

— Случайно не сделаю! — сказала Герда и захохотала показывая, что это только шутка. Жеребцы из Общественных Работ в комбинезонах защитного цвета захохотали с ней вместе. В этот момент он пожалел, что у него нет большой пушки, как у Грязного Гарри*. Пах-пах-пах, и может быть, они бы немного притихли. — Сейчас, уже иду, Морт.

Когда она принесла омлет, и еще тост, и кофе, и стакан апельсинового сока, она сказала уже не так громко:

— Я слышала о твоём разводе. Мне очень жаль.

— Спасибо, Герда. — Он поднес к губам чашку с кофе. Рука его почти не дрожала.

— Как ты там, справляешься один?

— Стараюсь...

— Просто ты какой-то нахохленный.

— Иногда с трудом засыпаю. Наверное, еще не привык к тихой жизни.

* Популярный американский киногерой — полицейский в отставке, который на свой страх и риск ведет борьбу с преступниками.

— Черта с два! Спать один — вот к чему ты еще не привык. Но мужчина не обязан спать один всю свою жизнь только потому, что его баба не умела ценить то, что у нее было. Ты не против, что я так говорю?

— Ничего, — сказал Морт. Но вообще-то он был против. Тоже мне, Энн Ландерс, подумал он раздраженно*.

— Но ты ведь в нашем городе единственный известный писатель.

— Пожалуй, самый известный во всем городе.

Она рассмеялась и ущипнула его за ухо. Морт подумал, интересно, что она скажет, что скажут ребята в защитных комбинезонах, если в ответ на этот щипок он укусит ее за руку. Идея показалась ему настолько привлекательной, что его это даже немного смутило.

Наверное, они все тут перебивают кости ему и Эми. Одни говорят, что она не умела ценить то, что у нее было, другие — что бедной женщине наконец надоело жить с ненормальным. И ни одна сволочь не знает при этом, о чем говорит, и что такое были они с Эми, пока у них все было в порядке. Хлебом их не корми, только дай почесать языком о людях, имена которых они встречают в газетах.

Он взглянул на омлет и понял, что уже не хочет есть.

Тем не менее, он поковырял его и даже затолкал почти весь себе в горло. Впереди по-прежнему был длинный день. И никакие взгляды Герды Боуи на его личную жизнь не отменяли этого факта.

Когда он поел, расплатился за завтрак и за газету, и вышел на улицу (люди в комбинезонах толпой покинули заведение чуть-чуть раньше, и только один задержался чтобы получить у него автограф для своей племянницы, у которой был день рождения), часы показывали без пяти девять. Он сел за руль и стал бегло просматривать газету, надеясь найги заметку о пожаре в Дерри. Заметка была на третьей странице. **ПОЖАРНЫЕ ДЕРРИ НЕ МОГУТ СООБЩИТЬ НИЧЕГО НОВОГО О ПОДЖОГЕ ДОМА РЭЙНИ** — гласил заголовок. Сама заметка занимала едва половину колонки и заканчивалась фразой: «Мы не смогли разыскать Мортон Рэйни, автора известных романов «Сын шарманщика» и «Семья Делапорт», чтобы узнать его мнение о поджоге». Это означало, что Эми не дала им его телефона в Тэшморе. Молодчина. Надо будет ее за это поблагодарить, когда он будет звонить ей сегодня.

Но первым делом — Том Гринлиф. Он сможет быть у методистской церкви где-то без двадцати — ничего, это почти половина десятого. Он завел мотор Бьюика и отправился в путь.

* Энн Ландерс — консультант по проблемам семейных отношений; ведет постоянные рубрики в ряде американских газет и журналов.

Когда он подъехал к церкви, на стоянке была только одна машина — старинный «форд бронко» с фургончиком позади и с надписью «СОННИ ТРОТТС. МАЛЯРНЫЕ И ПЛОТНИЧЬИЕ РАБОТЫ. ДОМАШНИЙ РЕМОНТ» на каждой двери. Тут же Морт увидел на лесах и самого Сонни — маленького, почти совсем лысого человечка лет сорока. Широкими, размашистыми движениями он клал краску на стену, а стоявший у его ног магнитофон громко играл что-то очень лас-вегасовское — то ли Эда Эймса, то ли Тома Джонса, короче, кого-то из тех ребят, у которых рубашка на груди всегда расстегнута на три пуговицы.

— Эй, Сонни! — позвал Морт.

Сонни продолжал красить стену, движениями кисти почти попадая в ритм, пока Эд Эймс, или кто бы там ни был, красивым голосом вопрошал, что есть человек, и что у него вообще есть в жизни. Морт и сам пару раз задавал себе такие вопросы, только без сопровождения духовых.

— Сонни!

Сонни вздрогнул. С его кисти брызгами полетела белая краска, и в какой-то момент Морту показалось, что и сам он сейчас свалится с лесов. Но он удержался, ухватившись за какую-то веревку, и поглядел вниз. — Черт подери, мистер Рэйни! — сказал он. — Вы меня напугали!

По какой-то ассоциации Морт вспомнил сцену с дверной ручкой в диснеевской «Алисе в Стране Чудес» и его стал душить приступ смеха.

— Мистер Рэйни? Все в порядке?

— Да. — Морт нагнулся и сглотнул слюну. Этот прием он освоил тысячу лет тому назад в воскресной школе. Другого способа удержаться от смеха он не знал. Но, как всякий эффективный способ, этот был довольно болезненным.

— Я думаю, вы сейчас свалитесь.

— Я? — Сонни сам расмеялся. Он вырубил магнитофон, который в этот момент захлебывался в эмоциональном крещендо. — Это Том мог бы свалиться, а я — нет.

— А где Том? — спросил Морт. — Мне надо с ним поговорить.

— Он звонил рано утром, сказал, что не сможет сегодня работать. Я сказал ему, что это нормально, что здесь все равно нет сегодня работы для двоих.

Сонни доверительно взглянул на Морта.

— То есть, конечно, работы хватает, но Том и так уже немного переборщил. Старику это трудно. Говорит, у него страшно болит спина. Наверное, и впрямь болит. Он был какой-то не такой.

— А во сколько он позвонил? — спросил Морт, изо всех сил стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

— Рано, — сказал Сонни. — Часов в шесть. Я как раз шел в сортир. У меня это как по часам. — Он был, кажется, страшно горд этим обстоятельством. — Том знает, когда я встаю. И когда начинаю работать.

— Так вам показалось, что он не в форме?

— Да, голос у него был так себе... — Сонни нахмурился, как будто пытаясь что-то вспомнить. Затем неопределенно пожал плечами. — Вчера с озера дул сильный ветер. Наверное, его продуло. Но вообще Томми — кремень. Дай ему денек — другой отлежаться, и он снова будет в седле. Честно говоря, я больше боюсь, что он зазеваается и сверзнется отсюда. — Он указал кистью на дощатый настил и опять во все стороны полетели белые брызги. — А я могу вам чем-то помочь, мистер Рэйни?

— Нет, — сказал Морт. Где-то под сердцем у него начал копиться ужас. Он представил его себе, как кусок скомканной грубой рогожи. — А, кстати, вы не видели Грега?

— Грег Кастерза?

— Да.

— Сегодня еще нет. — Сонни засмеялся. — Он занимается перевозками, и поэтому встает позже других.

— Он тоже собирался подъехать сюда поговорить с Томми, — сказал Морт. — Вы не возражаете, если я немного здесь подожду? Может, он еще появится.

— Милости просим, — ответил Сонни. — Музыка вам не мешает?

— Нет, конечно.

— Теперь можно получать записи хитов прямо с телевидения. Просто звонишь им, и называешь номер, который тебе нужен. И даже не надо платить за звонок. — Он склонился над магнитофоном, затем серьезно посмотрел на Морта. — Это Роджер Уиттэйкер, — объявил он торжественно и нажал клавишу.

— О!

Роджер Уиттэйкер поведал им, что бывали времена (и он не сомневается, что они тоже их помнят), когда он откусывал кусок больше, чем мог проглотить. Это Морту тоже случалось делать, и тоже без сопровождения духовых. Он отошел в сторонку и машинально сунул руку в нагрудный карман, с удивлением обнаружив там все ту же старую пачку «L&M», где теперь оставалась одна сигарета. Закуривая ее, он заранее сморщился от предвкушения резкого вкуса. Но вкус оказался нормальным, вернее, у сигареты почти совсем не было вкуса... как будто его украло у нее время.

К сожалению, время украло не только это.

Верно. Банально, но верно. Он курил и смотрел на дорогу. Теперь Роджер Уиттэйкер сообщал им с Сонни, что в гавани уже стоит груженный корабль, и скоро они поплывут в Англию. Сонни подпевал, повторяя в каждой строке последнее слово. По двад-

цать третьему шоссе в обе стороны сновали машины. Но «форда рэнджера», на котором ездил Грег, видно не было. Морт выбросил сигарету, посмотрел на часы, и обнаружил что уже без четверти десять. Он решил, что Грег, отличавшийся исключительной пунктуальностью вряд ли уже придет.

«Их обоих взял за глотку Шутер.

Черт! Откуда ты это знаешь!

Знаю. Шляпа. Машина. Ключи.

А ты не слишком спешишь с выводами?

Шляпа. Машина. Ключи».

Он повернулся и зашагал обратно к лесам. — Наверное, он забыл, — сказал он, обращаясь к Сонни, но Сонни его не слышал. Он мерно раскачивался из стороны в сторону, уйдя с головой в свое малярное дело и в музыку Роджера Уитткера.

Морт сел в машину и выехал на дорргу. Поглощенный своими мыслями, он не услышал, что Сонни что-то кричит ему вслед.

И, наверное, его слова все равно заглушила бы музыка.

34

Когда он подъехал к своему дому, на часах было четверть одиннадцатого. Он вышел из машины и направился к двери, но с полдороги вернулся и открыл багажник. Шляпа была там, жирная и черная, как жаба в райском саду. Он взял ее — уже не так брезгливо, как прежде, — захлопнул багажник и пошел в дом.

Войдя в прихожую, он с минуту постоял в нерешительности... и вдруг, совершенно произвольно, надел на голову шляпу. Его слегка передернуло как это иногда бывает с человеком, глотнувшим неразбавленного алкоголя. Но это быстро прошло.

И шляпа сидела на нем, как влитая.

Он медленно двинулся в хозяйскую ванную, зажег свет, и взглянул в зеркало. Он был готов рассмеяться, — так похож он был на человека с вилами с картины Гранта Вуда «Готическая Америка». Он был похож на него, несмотря даже на то, что тот был изображен на картине с непокрытой головой. Шляпа полностью скрывала волосы Морта, как скрывала она волосы Шутера (если конечно, у Шутера были волосы, — это еще надо было установить, но Морт решил что при следующей встрече у него будет такая возможность, ибо теперь он владел шляпой), и слегка касалась верхушек ушей. Смех, да и только!

Затем всполошился внутренний голос: «Зачем ты это надел? На кого ты хочешь быть похож? На него?». И он перестал веселиться. В самом деле, почему он надел шляпу?

«Он хотел, чтобы ты это сделал», — тихо сказал внутренний голос.

* Грант Вуд (1892—1942) — американский художник.

Да? Но зачем? Почему Шутер хотел, чтобы Морт надел его шляпу?

«Может быть, он хочет тебя...

Да? Он попытался подбодрить внутренний голос. Хочет меня— что?

Решив, что голос ему уже не ответит, Морт потянулся к выключателю но тут он зазвучал снова.

«.. запутать и погубить».

В это время зазвонил телефон, и Морт подскочил, как ошпаренный. Он виновато сорвал с головы шляпу (как человек, который тайком примеряет перед зеркалом белье жены), и пошел к телефону, думая, что наверное это Грег, и что он сейчас скажет, что Том у него. Конечно, так все и было: Том позвонил Грегу, рассказал про Шутера и про его угрозы, и Грег приютил старика у себя. Все это было так естественно, что Морт удивился, как это не пришло ему в голову раньше.

Однако это оказался не Грег. Это был Херб Крикмор.

— Я все устроил, — сообщил он бодро. — Марианна все для меня сделает. Она отличная баба.

— Марианна? — глупо переспросил Морт.

— Марианна Джеффери, из ЖДЭК! — сказал Херб. — Ну? Вспомнил? Журнал Детективов Эллери Куин? 1980 год? Июнь? «Время сеять»? Твоя моя понимайт?

— О, — сказал Морт, — как хорошо! Спасибо, Херб! Это точно?

— Абсолютно. Ты получишь его завтра. Настоящий журнал — не какой-нибудь там ксерокс. Он придет из Пенсильвании Федеральной курьерской почтой. Слышно что-нибудь от мистера Шутера?

— Пока нет, — ответил Морт, глядя на шляпу, которую он держал в руке. От нее все еще исходил этот странный, едкий, удивительно знакомый запах.

— Ну и хорошо, что не слышно. А с полицейскими ты разговаривал?

Разве он обещал Хербу что поговорит с полицейскими? Морт не мог точно вспомнить, но скорее всего обещал. Он решил на всякий случай застраховаться. — Да. Но я бы не сказал, что старик Дэйв Ньюсом был очень встревожен. Он думает, что этот тип просто играет в игры. — Было очень противно так откровенно врать Хербу, особенно после того, как Херб все так здорово для него устроил. Но какой смысл рассказывать ему правду? Все это так сложно, и так смахивает на бред.

— В общем, полиция в курсе. Я думаю, что это важно, Морт. Это действительно важно.

— Да.

— Тебе еще что-нибудь надо?

— Нет, огромное тебе спасибо за то, что ты сделал. Ты спас мне жизнь. — Быть может, подумал он это не просто фигура речи.

— Я рад. Не забудь, что в таких городках, как Тэшмор, Федеральная курьерская почта обычно приходит в местное почтовое отделение. Понял?

— Да.

— Как твоя новая книга? Я все время хотел спросить.

— Прекрасно! — с энтузиазмом воскликнул Морт.

— Что ж, хорошо. Разбирайся поскорее с этим типом и садись за работу. Работа спасала многих людей, Морт, до которых нам с тобой далеко.

— Я знаю. Привет подруге.

— Спасибо. Привет... — Херб осекся, и Морт живо представил себе, как он прикусил губу. К расставаниям трудно привыкнуть. Говорят, что после ампутации многие продолжают чувствовать свою отсутствующую ногу, — ... тебе, — закончил он.

— Есть, — сказал Морт. — Давай, Херберт.

Он медленно вышел на веранду и посмотрел на озеро. Сегодня на нем не было видно лодок. «Как бы то ни было, я все-таки сделал один важный шаг. Я смогу показать ему этот проклятый журнал. Может, это и не охладит его пыл... а может, и охладит. В конце концов, у него не все дома, а люди из Племена Сумасшедших непредсказуемы. В этом состоит их сомнительная прелесть. С ними все равно возможно».

Возможно даже, подумал Морт, что Грег сейчас сидит у себя дома, и просто забыл, что у них была назначена встреча. Или его отвлекло какое-то внезапно возникшее дело. Внезапно у него проснулась надежда. Он подошел к телефону и набрал номер Грега. Когда гудок прозвучал в третий раз, Морт неожиданно вспомнил, что за неделю до этого Грег говорил ему, что отправляет жену с детьми к родственникам. В следующем году Меган пойдет в школу и, как он объяснял, выбраться им будет уже труднее.

Так что Грег остался один.

(шляпа)

Так же как и Том Гринлиф

(машина)

Молодой муж и старый вдовец.

(ключи)

Как же это было? Проще простого. Проще, чем заказать на телевидении кассету Роджера Уиттэйкера. Шутер отправляется домой к Тому Гринлифу, но не на своем пикапе — нет, это было бы слишком демонстративно. Свою машину он оставляет у дома Морта, а к Тому едет на Бьюике. Затем он заставляет Тома позвонить Грегу. Грег скорее всего еще спит, но он помнит насчет Тома, и сразу спешит к нему. Тем временем Шутер заставляет Тома позвонить Сонни Троттсу и сказать, что сегодня он не сможет придти на работу. Шутер приставляет Тому к горлу отвертку, и

объясняет, что если Том с задачей не справится, он выпустит из него всю кровь. Том делает все, как ему велено... но даже протак Сонни замечает, что он какой-то не такой. Шутер убивает его отверткой. А когда появляется Грег Кастерз, он убивает и его, отверткой, или чем-нибудь в этом роде. Затем...

«Стоп. Ты уже действительно сходишь с ума. Это просто тяжелый клинический бред — вот и все. Повтори: тяжелый... ВСЕ».

Это было возможно. Но неубедительно. Это его не удовлетворяло.

Морт стал мерять шагами нижнюю часть дома дергая и крутя себе волосы.

«А что стало с машинами? Со «скаутом» Тома, с «рэнджером» Грега? Добавь сюда «бьюик» и машин уже три, нет, четыре, если считать «форд пикап» Шутера. А Шутер один».

Он не знал... но ему уже было достаточно.

Подойдя к телефону, он вынул из ящика телефонную книгу и стал искать там номер констебля. Но внезапно остановился.

«Одна из этих машин — «бьюик». *Мой «бьюик».*

Медленно закрыв книгу, он постарался сосредоточиться на том, каким образом Шутер мог управиться с четырьмя машинами. И не смог ничего придумать. Он чувствовал себя так, словно сидит перед пустым экраном электронной машинки и не может написать ни слова. Но он точно знал, что *не хочет* звонить Дэйву Ньюсому. По крайней мере, не хочет делать этого сейчас. Он уже пошел прочь от телефона, сам не зная, куда направляется, когда тот вдруг зазвонил.

Это был Шутер.

— Идите туда, где мы с вами встретились позавчера, — сказал Шутер. — И спуститесь немного вниз по тропинке. Вы производите на меня впечатление человека, мистер Рэйни, который ворочает мозгами так, как старики жуют хлеб. Но я дам вам время подумать. Я позвоню вечером. Если вы решите кому-нибудь до этого позвонить — это на вашей совести.

— Что вы сделали? — спросил он снова. Но на этот раз у него в голосе уже не было силы. Это был почти шепот. — Ради Бога, что вы *сделали*?

Но ответа не было.

35

Пешком он дошел до того места, где к шоссе выходила тропинка, и где они беседовали с Шутером в тот раз, когда их видел, к своему несчастью, Том Гринлиф. Ему почему-то не захотелось ехать сюда на «бьюике». По обе стороны тропинки кусты были примяты и ободраны. Он двинулся в этот широкий проход, заранее зная, что он найдет в первых же подходящих зарослях... и он нашел. Это был «скаут» Тома Гринлифа. Оба они были внутри.

Грег Кастерз сидел за рулем. Голова его была запрокинута назад и во лбу, прямо над правым глазом, торчала отвертка — на

сей раз фирмы Филлипс. Прежде эта отвертка лежала в шкафу в кладовке дома Морта. На ее красной пластмассовой ручке виднелись глубокие, хорошо знакомые Мورتу шербины.

Том Гринлиф был на заднем сиденье. В голову ему был глубоко всажен топорик. Глаза его были широко открыты, вокруг ушей застыли сухие ручейки вытекшего мозга. На ясеновой ручке топорика виднелись красные, полустертые, но все еще различимые буквы, которые складывались в одно слово: Рэйни. Топорик был взят из сарая.

Морт стоял и молча взирал на эту картину. Где-то стрекотала цикада. По сухому дереву барабанил дятел. Свежий ветер гнал по поверхности озера барашки. Вода сегодня была темно-синей, и оттого барашки казались особенно белыми.

За спиной у него раздался шорох. Морт обернулся так быстро, что чуть не упал. И упал бы, если бы не оперся на «скаут». Но это был не Шутер. Это была белка. Она замерла на середине ствола клена, пылающего багряным осенним пламенем, и смотрела на него с веселой ненавистью. Морт ждал, когда у него перестанет бешено колотиться сердце, ждал, когда белка вскарабкается обратно на дерево. Сердце немного успокоилось, но белка оставалась на месте.

— Он убил их обоих, — произнес он в конце концов, обращаясь к белке. — Он поехал к Тому на моем «бьюике». Потом — к Грегу, на «скауте» Тома, и Том сидел за рулем. Он убил Грегга. Потом заставил Тома приехать сюда, и здесь убил его. Обоих он убил моими инструментами. После этого он пошел назад к дому Тома... может быть, побежал. Пожалуй он тяжеловат, чтоб бежать. Сонни сказал, что голос Тома звучал как-то не так, и я теперь знаю, почему. Когда Сонни подошел к телефону, солнце уже вставало, и Том в это время был уже мертв. На самом деле, он говорил с Шутером, который изображал Тома. И это было несложно. Судя по тому, как громко Сонни включает музыку, он немножечко глуховат. Как бы то ни было, покончив с Сонни, он опять сел в мой «бьюик» и пригнал его назад к дому. «Рэнджер» Грегга все это время стоял у него дома. Он и сейчас там стоит. Вот...

Белка вскарабкалась вверх по стволу и скрылась в багряной кроне.

— .. как было дело, — тихо закончил Морт.

Внезапно ноги его стали ватными. Он сделал два шага по тропинке в сторону шоссе, подумал о ручейках мозга, застывших у Тома на щеках, и ноги его совсем отказали. Он упал и весь мир на время куда-то уплыл.

Когда Морт пришел в себя, он повернулся на бок, сел, с трудом сохранив равновесие, и посмотрел на часы. Они показывали четверть третьего. По всей видимости, они встали еще ночью.

«Скаут» он обнаружил утром, дело только приближалось к полудню. Сейчас не могло быть *столько* времени. Он потерял сознание, и в сложившихся обстоятельствах это было неудивительно. Но обморок не может продолжаться три с половиной часа.

Однако секундная стрелка на часах уверенно описывала свой маленький круг.

«Наверное, встряхнул их, когда садился».

Впрочем, были вокруг и другие странности. Солнце находилось уже в другом месте и собиралось спрятаться в облака, которые **затянули** почти все небо. Поверхность озера изменила цвет и как-то потускнела.

То есть вначале он упал в обморок, а затем? Что ж, это звучало абсурдно, но, скорее всего, он просто заснул. Последние три дня он провел в таком чудовищном напряжении, а прошлой ночью не мог уснуть до трех. Выражаясь научно, сочетание физического и умственного напряжения привело к тому, что сработали защитные механизмы, и сознание отключилось автоматически. В результате...

«Шутер! Господи, Шутер сказал, что будет звонить!»

Он попытался подняться и упал с тихим стоном боли и удивления, так как не мог ступить на левую ногу. Она онемела и маленькие иголочки плясали внутри нее свой бешеный танец. По-видимому, он ее отлежал. Почему он не поехал сюда на «бьюике»? Если Шутер позвонит и не застанет Морта, он может учинить все, что угодно.

Он снова поднялся, и на этот раз ему удалось устоять на ногах. Но когда он попробовал сделать шаг, левая нога отказалась держать вес тела, он опять повалился на землю, едва не ударившись головой о машину, и оказался нос к носу с собственным отражением в никелированном колпаке колеса «скаута». Его лицо, искаженное этим кривым зеркалом, превратилось в гротескную маску. Хорошо еще, подумал Морт, что проклятая шляпа осталась дома. Если бы в этот момент он увидел себя в шляпе, он бы не смог с собой совладать.

Внезапно он вспомнил, что в «скауте» сидят два мертвеца. Тела их, наверное, уже окоченели, из головы у каждого торчат инструменты. И он лежит сейчас почти у них под ногами.

Он отполз в сторону, так, чтобы на него не падала тень от машины, руками положил левую ногу поверх правой, и стал молотить по ней кулаками, как будто собирался готовить отбивную из куска жесткого мяса.

«Прекрати!» — кричал внутри слабый голос, представлявший последние крупницы рассудка, последний лучик здравого смысла в подступающем угаре безумия. — «Прекрати! Он сказал, что позвонит вечером, а сейчас только четверть третьего! У тебя еще много времени!»

Но что, если он позвонит раньше? Или, если «вечер» по его южным понятиям начинается в два часа?

«Ладно, колоти свою ногу. Может быть, доколотишься до того, что ее сведет судорогой. Посмотрим тогда, как ты будешь ползти на брюхе, чтобы успеть к звонку Шутера».

Эта уловка сработала. Он смог заставить себя остановиться. На сей раз он поднялся более осторожно и некоторое время просто стоял на месте (спиной к «скауту»: он не хотел еще раз заглядывать внутрь). Мало-помалу покалывание в ноге стало утихать и он двинулся вперед, вначале сильно хромая, но затем, шаг за шагом, походка его начала заметно выравниваться.

Он уже подходил к шоссе когда услышал шум приближающейся машины. Ни минуты не думая, он упал на колени и укрылся в кустах, развороченных проезжавшим здесь «скаутом». Мимо, не снижая скорости, проехал старый разбитый «кадиллак». Это была машина Дона Бассинджера, старого алкоголика, у которого был дом в дальнем конце озера. Он проводил время, пропивая остатки наследства, когда-то весьма приличного, и часто проезжал по этому шоссе, сокращая путь к своему дому. Морт подумал, что Дон был едва ли не единственным человеком, который жил в этой местности круглый год.

Когда «кадиллак» скрылся из виду, Морт встал и быстро доковылял до шоссе. Теперь он не жалел, что здесь не было «бьюика». Он знал «кадиллак» Дона Бассинджера, а Бассинджер знал «бьюик» Морта. Сейчас было слишком рано, и Дон вряд ли был еще мертвецки пьян, так что он наверняка приметил бы машину Морта неподалеку от того места, где вскоре кто-то совершит жуткое открытие.

«Он изо всех сил старается втянуть тебя в это дело, — думал Морт, шагая по шоссе к дому. — Если кто-нибудь заметил прошлой ночью машину у дома Тома Гринлифа, то это был «бьюик». Он убил их твоими инструментами...

Я мог бы избавиться от инструментов, — внезапно решил он. — Выбросить их в озеро. Ну, сблкую разок — другой, пока буду их вытаскивать, но, пожалуй, я смогу это сделать.

Сможешь? Не уверен. Но даже если и так.. Шутер ведь наверняка предусмотрел и такую возможность. Он, кажется, вообще все предусмотрел. И он знает, что если ты избавишься таким образом от топорика и отвертки, а полиция отыщет их на дне озера, твоё положение будет совсем поганым. Понимаешь ты теперь, что он сделал?»

Да. Он понял. Джон Шутер сделал ему подарок. Он подарил ему смоляное чучелко. Большое, сверкающее смоляное чучелко. Морт ударил его левой рукой, и левая рука его увязла в смоле. Тогда он уперся в чучелко, пытаясь освободиться, и правая рука его тоже увязла. И он стал врать — себе и другим. И чучелко Джона Шутера держало его все крепче и крепче. Что же теперь? Ну, теперь он уже наплел разным людям столько разных небылиц, что если все это выплывет на поверхность, у него будет ве-

сьма бледный вид. А учитывая, что в полумиле отсюда сидит человек, и в голову ему вбит топорик, на ручке которого написано имя Морта... Да, положение его было просто из рук вон...

Морт представил себе, как в пустом доме звонит телефон, и заставил себя ускорить шаг.

37

Шутер не звонил.

Шли минуты, вязкие, как сироп, а Шутер все не звонил. Не находя себе места, Морт в каком-то угаре бродил по дому, дергал и крутил себе волосы. Он подумал, что вот так, наверное, чувствует себя наркоман, дожидаясь, когда ему принесут обещанную порцию зелья.

Дважды он принимал решение больше не ждать, и шел к телефону с твердым намерением позвонить властям — не старику Дэйву Ньюсому, и даже не шерифу графства, а прямо в полицию штата. Он будет держаться старого принципа, известного со времен Вьетнама: убивай их всех и Господь сам направит твою руку. Почему бы и нет? В конце концов, у него была хорошая репутация, он был уважаемым жителем двух городов в штате Мэн, а Шутер...

Да, кем был Шутер?

В голову ему пришло слово «призрак».

И еще — «блуждающий огонек».

Но останавливало его не это. Его останавливала абсолютная уверенность, что Шутер станет звонить как раз в тот момент, когда линия будет занята, и что, услышав короткие гудки, перезванивать он уже не будет.

В четвертом часу начался дождь, — затяжной холодный осенний дождик, падавший из белого неба. Капли его мерно стучали по крыше и по лежавшей вокруг дома сухой листве.

В пять часов зазвонил телефон. Морт бросился к нему сломя голову.

Это была Эми.

Она хотела поговорить о пожаре. Хотела поговорить о том, как ей трудно, и как, наверное, трудно ему. Хотела сказать ему, что Фред Эванс, представитель страховой компании, все еще торчит в Дерри, ведет раскопки на пепелище и опять расспрашивает об всем, начиная с того, когда в последний раз осматривали электропроводку, и кончая тем, у кого были ключи от винного погреба, и Тед говорит, что ему все это не нравится. Эми хотела, чтобы Морт вместе с ней подумал, как бы все складывалось, если бы у них были дети.

Морт старательно поддерживал эту беседу, но при этом почти физически ощущал, как идет время. Мысль, что Шутер позвонит, обнаружит, что линия занята, и совершит какое-нибудь новое зло-

действие, сводила его с ума. Наконец он сказал единственное, что смог придумать: что если он сию же минуту не дойдет до уборной, то с ним случится несчастье.

— Ты что, выпил лишнего? — спросила она с участием

— Нет, я думаю, это завтрак, — ответил он. — Послушай, Эми..

— У Боуи?

— Да — сказал он, стараясь, чтобы в голосе прозвучало нетерпение. При этом он и в самом деле испытывал нетерпение. Если отвлечься от некоторых обстоятельств, ситуация была довольно комичной. — Эми...

— Господи, Морт, это же самый грязный бар во всем городе, — сказала Эми. — Ладно, ступай, я позвоню позже. — Он положил трубку, постоял немного у телефона и вдруг, с удивлением обнаружил, что нужда, которую он только что на ходу выдумал, неожиданно стала реальной: в животе у него забурлило и кишки, казалось, сплелись в тугой узел.

Он бегом бросился в ванную, растегивая по пути брюки.

И едва успел. Он сидел, спустив штаны до лодыжек, в густом запахе собственных испражнений, стараясь почти не дышать... и тут снова стал звонить телефон

Вскочив так, словно его подбросила вверх пружина, он больно ударился коленкой о раковину, и побежал, поддерживая рукой штаны, вихляющей походкой девочки в узкой юбке, испытывая унижительное смущение от того, что не успел подтереться. Наверное, такое в жизни случалось с каждым, но ему вдруг пришло в голову, что он ни разу не читал об этом. Ни в одной книге.

О, жизнь была настоящей комедией.

Теперь это был уже Шутер.

— Я видел вас, — сказал Шутер. Голос его был, как всегда, спокойным и безмятежным. — Там, на том месте, где я их оставил. У вас как будто случился солнечный удар. Но, вроде, теперь не жарко.

— Что вам нужно? — Морт переложил трубку к другому уху. Брюки его опять сползли на лодыжки, он не дал себе труда их подтягивать, трусы застряли на полпути между бедрами и коленками. Он подумал, что это была бы прекрасная фотография для задней обложки какой-нибудь из его книг.

— Я даже хотел вам оставить записку, — сказал Шутер. — Но решил этого не делать. — Он помедлил, затем добавил с каким-то безразличным презрением:

— Слишком уж вы пугливы.

— Что вам нужно?

— Как же, я уже говорил вам, мистер Рэйни. Мне нужно, чтобы вы написали рассказ взамен того, который вы у меня украли. Разве вы еще не готовы это признать?

«Да — скажи ему да! Скажи ему все, что угодно. Что земля — это блин, что Джон Кеннеди и Элвис Пресли живы, здоровы и находятся на Кубе, где играют дуэтом на банджо, что Мерил Стрип — переодетый мужчина. Скажи ВСЕ, ЧТО ЕМУ УГОДНО...»

Но он не стал этого делать.

Все его бешенство, смятение, унижение вылились вдруг в один яростный вопль.

— НЕТ! Я НЕ КРАЛ ВАШЕГО РАССКАЗА! ВЫ СОШЛИ С УМА, И Я МОГУ ЭТО ДОКАЗАТЬ! У МЕНЯ ЕСТЬ ЖУРНАЛ, СЛЫШИТЕ, ВЫ, ЛУНАТИК? У МЕНЯ ЕСТЬ ЖУРНАЛ!

В ответ на это он услышал только молчание. В трубке воцарилась мертвая тишина. Не донеслось даже отзвуков далеких разговоров, которые слышны обычно на линии. Тишина эта была сродни темноте, подступившей каждую ночь к окнам дома с тех пор, как он жил здесь один.

— Шутер?

Молчание.

— Шутер вы меня слышите?

Снова молчание. Наверное, разговор на этом прервался.

Морт отвел в сторону руку с трубкой, и уже готов был ее положить, когда оттуда донесся дребезжащий, далекий и какой-то потерянный голос Шутера. — ...сейчас?

Морт снова прижал трубку к уху. Ему показалось, что она весит не меньше тонны. — Что? — переспросил он. — Я уже решил, что нас прервали.

— У вас он есть? Этот так называемый журнал? Есть он у вас сейчас? — Кажется, он впервые услышал разочарование в голосе Шутера. Разочарование и неуверенность.

— Нет, — сказал Морт.

— Ага! — воскликнул с облегчением Шутер. — Пора бы вам уже перестать...

— Журнал был послан сегодня с курьерской почтой, — прервал его Морт, — и завтра в десять утра он должен быть в здешнем почтовом отделении.

— Небось какая-нибудь вонючая бумажка, про которую вы скажете, что это копия? — спросил Шутер.

— Нет, — сказал Морт. Его охватило победное чувство. Кажется, ему удалось пробить оборону противника и нанести ему весьма чувствительный удар. Голос Шутера звучал уже почти испуганно, и Морт испытывал злорадное наслаждение. — Журнал. Настоящий журнал.

В трубке снова воцарилось молчание. Но теперь Морт терпеливо ждал. Рассказ снова оказался вдруг в центре их отношений. Рассказ и обвинение в плагиате. Шутер обращался с ним как со школьником, но, кажется, Морту наконец удастся его посрамить.

Однажды, в той самой воскресной школе, где он научился, глотая слюну, сдерживать смех, он видел, как один мальчик проткнул булавкой жука. Пригвожденный к парте, жук пошевелил лапками и умер. В то время Морта очень огорчила эта история. Но теперь он понял. Теперь он сам хотел сделать то же самое с этим человеком. С этим ненормальным подонком.

— Не может быть никакого журнала, — сказал наконец Шутер. — Не мог там быть напечатан этот рассказ. Это *мой* рассказ!

В его голосе Морт услышал страдание. Настоящее страдание. Это его обрадовало. Он пронзил Шутера булавкой. Тот уже шевелил лапками.

— Завтра в десять он будет здесь, — сказал Морт. — Я буду счастлив встретиться с вами на почте. Вы сможете рассмотреть его со всех сторон. Удовлетворите свое маниакальное любопытство.

— Нет, не на почте, — сказал Шутер после небольшой паузы. — У вас дома.

— Забудьте об этом. Когда я буду показывать вам журнал, я хочу быть в таком месте, где можно позвать на помощь, если вам моча ударит в голову.

— Вы сделаете так, как я скажу. — Шутер, кажется немного овладел собой... хотя Морт уже не слышал в его голосе прежней уверенности. — А если не сделаете, я упеку вас в тюрьму за убийство.

— Не смешите меня, — сказал Морт и снова почувствовал, что у него скрутило живот.

— Вы еще не знаете всех ниточек, которыми я привязал вас к этим двум трупам, — сказал Шутер. — Да еще вы тут сами наврали в три короба, рассказывая направо и налево всякие небылицы. Мистер Рэйни, если я сейчас просто исчезну, вы быстро обнаружите, что у вас голова в петле, а ноги на табуретке.

— Не пугайте меня.

— Почему бы мне вас не поугаать? — сказал мягко Шутер. — Правда, теперь вы тоже начинаете меня пугать. Никак не могу понять, что вы задумали.

Морт промолчал.

— Было бы смешно, — сказал задумчиво Шутер, — если бы оказалось, что мы в разное время и в разных местах написали один и тот же рассказ.

— Это мне тоже приходило в голову.

— В самом деле?

— Я решил, что это невозможно, — сказал Морт. — Слишком многое совпадает. Ладно, если бы был только общий сюжет. Но ведь и язык! И стиль!

— Вот, — сказал Шутер, — и я тоже так решил. Слишком многое. Совпадение исключено. Вы украли у меня этот рассказ, но черт меня подери, если я знаю, когда и как.

— Прекратите! — взорвался Морт. — У меня есть журнал! У меня есть *доказательства!* Как вы этого до сих пор не поняли! Все! Пора кончать вашу дьявольскую игру! Или признать, что вы заблуждались! *У меня есть журнал!*

После долгого молчания Шутер сказал:

— Пока еще нет.

— Правда, — сказал Морт. Он вдруг испытал к Шутеру почти родственное чувство, совершенно, на его взгляд, нелепое. — Так что мы будем делать сегодня ночью?

— Ночью? Ничего, — сказал Шутер. — Этих двоих никто не будет разыскивать. У одного жена уехала с детьми погостить к родственникам. Другой вообще живет один. Завтра утром вы сходите за своим журналом. А я загляну к вам где-то к полудню.

— Вы убьете меня, — сказал Морт. Он вдруг понял, что слова эти звучат для него не очень страшно. По крайней мере, сейчас. — Когда я покажу вам журнал, вы поймете, что проиграли, и убьете меня.

— Нет! — На этот раз в голосе Шутера было удивление. — Вас? Нет, сэр! Те двое собирались вступать в наши дела. Этого я не мог допустить... и я решил использовать их, чтобы заставить вас быть покладистей. Чтобы вы наконец признали свою ответственность.

— Вы изобретательны, — сказал Морт. — В этом я вам не могу отказать. У вас, конечно, не все дома, но, хочу отдать вам должное, вы самый изобретательный сукин сын, с которым я когда-либо встречался.

— Что ж, думайте, как хотите, — сказал Шутер. — Но если я приду завтра и окажется, что вы сбежали, мистер Рэйни, я уничтожу всех людей, которые вам в этом дороги. Вся ваша жизнь будет гореть ярким пламенем, как солома при хорошем ветре. Вы сядите в тюрьму за убийство, но это будет самая маленькая из ваших неприятностей. Вы меня поняли?

— Да, — сказал Морт. — Я понял вас, братец.

— Поэтому дождитесь меня завтра.

— Но вот допустим, только допустим, что я показал вам журнал, и вы увидели, что мое имя стоит в оглавлении, а внутри напечатан рассказ. Что тогда?

Последовало короткое молчание. Затем Шутер сказал:

— Тогда я пойду к властям и сознаюсь во всем. Но еще до суда я сам сведу счеты с жизнью, мистер Рэйни. Потому что, если все окажется так, как вы говорите, то, по-видимому, я сумасшедший. А сумасшедшим такого рода... — он вздохнул — незачем жить на свете.

Слова эти поразили Морта своей необычной силой. «Он сомневается — подумал он. — Он впервые действительно не уверен, что прав. Я гораздо меньше сомневался в своей правоте».

Но он тут же отбросил эту мысль. У него никогда не было *причин* сомневаться. Все это было ошибкой Шутера. От начала и до конца.

— Но вы в любом случае можете сказать, что журнал — подделка. Как тогда быть? — спросил Морт.

Он не ожидал услышать внятного ответа, но Шутер снова его удивил.

— Если он настоящий, я это увижу, — сказал он, — а если подделка, мы это увидим оба. Я не думаю, что за три дня вы ухитрились состряпать целый фальшивый журнал, сколько бы там людей ни работало на вас в Нью-Йорке.

Теперь настало время Мрту подумать. И он думал долго. Шутер его не торопил.

— Хорошо, я готов вам поверить, — сказал в конце концов Морт. — Даже не знаю, почему. Может быть, потому, что у меня нет другого выхода. Но я поверю вам не до конца. Сделаем так. Вы приходите сюда, встаете на дорожке, ведущей к дому, чтобы я мог вас видеть, и мог убедиться, что вы не вооружены. Я выйду навстречу. Идет?

— Годится.

— Да поможет нам Бог.

— Точно так, сэр. Черт меня подери, если я понимаю, во что я втравился... это неприятное чувство.

— Шутер?

— Да, я здесь.

— Могу я задать вам один вопрос?

Молчание... пожалуй, это означает, что он согласен, — подумал Морт.

— Это вы подожгли мой дом в Дерри?

— Нет, — сразу ответил Шутер. — Я следил здесь за вами.

— И за Бампом, — с горечью сказал Морт.

— Послушайте, — сказал Шутер, — моя шляпа у вас?

— Да.

— Мне она нужна, — сказал Шутер, — В любом случае.

И он повесил трубку.

Вот так.

Морт тоже положил трубку и, придерживая рукой штаны, направился в ванную, где у него были еще дела.

Эми действительно перезвонила ему около семи, и на этот раз Морт смог разговаривать с ней нормально, — как будто не было погрома в ванной на втором этаже, и у тропинки, спускавшейся к

озеру, не сидели в сгуставшихся уже сумерках два окоченевших трупа.

С тех пор, как она звонила в первый раз, она успела поговорить с Фредом Эвансом и вынесла из этого разговора убеждение, что он либо знает, либо подозревает что-то насчет пожара, о чем не хочет пока им говорить. Морт постарался ее успокоить и, кажется, ему это удалось, хотя он и сам был встревожен. Если Шутер не поджигал дома, — а Морт был склонен в это поверить, — значит, это было чистейшим совпадением... верно?

Он не мог решить, верно это или неверно.

— Морт, я так за тебя беспокоюсь, — сказала неожиданно Эми.

Это вывело его из задумчивости. — За меня? Но со мной все в порядке.

— Ты уверен? Когда я тебя вчера увидела, ты выглядел очень.. утомленным. — Она запнулась. — Я даже подумала, что вот такой же вид у тебя был тогда перед... ну в общем, ты знаешь.

— Эми, у меня не было нервных срывов. Нет сейчас и не было раньше.

— Нет, конечно, — сказала она быстро. — Но ты знаешь, что я имею в виду. Тот случай, когда киношники мотали тебе нервы с «Семьей Делапорт».

Это был один из самых неприятных моментов в жизни Морта. Кинокомпания Парамаунт купила у него право на экранизацию романа за 75 тысяч долларов, обязавшись выплатить еще 750 тысяч, когда выйдет фильм. Это были сумасшедшие деньги. И они уже собирались приступить к делу, когда кто-то откопал в архиве старый сценарий под названием «Домашняя Команда», отдаленно напоминавший «Семью Делапорт». Однако сходство было достаточным, чтобы могли возникнуть юридические осложнения. За все время, что Морт занимался писательским ремеслом, это был единственный случай, — если не считать теперешнего длящегося кошмара, — когда ему всерьез угрожало обвинение в плагиате. После долгих и изнурительных дискуссий руководство компании решило расторгнуть договор. Морт до сих пор не знал, действительно ли они были обеспокоены вероятностью плагиата, или просто усомнились в кинематографических достоинствах книги. Если верным было первое, то Морту вообще становилось неясно, как эти педики могли сделать хоть один фильм. Херб Крикмор раздобыл тогда экземпляр сценария «Домашней команды», и Морт нашел, что подобие было поверхностным и случайным. Эми с ним согласилась.

На эту историю наложились тогда еще и другие переживания. Зашла в тупик работа над романом, который Морту очень хотелось написать. Потом была эта рекламная поездка, приуроченная к выходу в свет «Семья Делапорт» в мягкой обложке. В общем, **нервы** у Морта были на пределе.

Но у него *не было* нервного срыва.

— Со мной все в порядке, — повторил он настойчиво, но мягко. Несколько лет тому назад он обнаружил у Эми удивительное и трогательное свойство: если говорить с ней достаточно мягко, она готова верить буквально чему угодно. Он часто думал с тех пор, что будь это родовым свойством человека, как скажем, привычка скалить зубы в минуты ярости или удивления, на земле уже давно бы не было войн.

— Это правда, Морт?

— Да. Позвони мне, если наш друг из страховой компании будет проявлять еще какую-нибудь активность.

— Хорошо.

Он помешкал. — Ты сейчас у Теда?

— Да.

— И как тебе с ним в эти дни?

Она замолчала. Затем сказала просто:

— Я люблю его.

— О...

— У меня не было других мужчин, — добавила она неожиданно. — Я давно хотела тебе об этом сказать. У меня больше никого не было. Но Тед... он не попал под гипноз твоего имени, и увидел меня. Да, Морт, он разглядел *меня*.

— То есть ты хочешь сказать, что я тебя не разглядел.

— Нет, Морт, ты тоже меня замечал. Когда был рядом. — Голос у нее вдруг стал несчастным и жалким. — Но тебя так часто не было.

Он вытарашил глаза и готов был ринуться в бой. Это было несправедливо. — Что? Да я не вылезал из дому после этой рекламной поездки по поводу «Семьи Делапорт». И поездка была совсем недолгой!

— Морт, я не хочу с тобой спорить. Все это уже позади. Я просто хочу сказать, что даже когда ты был здесь, ты все равно отсутствовал. У тебя тоже была любовница. Это твоя работа. — Она говорила спокойно, но он чувствовал, что к горлу у нее подступают слезы. — Морт, если б ты знал, как я ее ненавидела. Она всегда была лучше меня, краше меня, умнее меня. Она доставляла тебе больше удовольствия. Разве я могла с ней соперничать?

— Выходит, я во всем виноват, да? — спросил он, и с изумлением обнаружил, что сам готов расплакаться. — Ты что, хотела бы, чтобы я был водопроводчиком? Сантехником? Чтобы мы сидели без гроша? Чтобы я был безработным? Да я ничего больше не умел делать, как ты этого не понимаешь? Я ни черта больше не умел делать! Он надеялся, что слезы уйдут, что он хотя бы на время загонит их внутрь. Но они были тут как тут. Кто из них опять потерял эту проклятую волшебную лампу? Он или она?

— Я не виню тебя. Я и сама тоже виновата. Ты бы никогда не застал нас так... как это было... если бы я не была такой трусли-

вой. Тед тут ни при чем. Он хотел, чтобы мы пошли к тебе вместе и все сказали. Он все время просил об этом. А я его удерживала. Я говорила, что не уверена. Я все еще думала, что я тебя люблю, и что все может снова пойти по-прежнему... но так не бывает, я теперь знаю. Я... — у нее перехватило дыхание, и Морт понял, что она тоже плачет. — Я никогда не забуду твоего лица, когда ты тогда ворвался к нам в номер в мотеле. Я унесу это с собой в могилу.

«Прекрасно! — хотел он крикнуть. — Прекрасно! Так тебе и надо!»

— Ты знала, к чему у меня лежит сердце, — сказал он не-твердым голосом. — Я никогда этого не скрывал. Ты с самого на-чала знала.

— Но я не знала, что это будет так крепко тебя держать.

— Хорошо, — сказал Морт. — Успокойся. Это меня уже боль-ше не держит.

Эми тихо всхлипывала. — Морт, Морт — я только хочу, чтобы ты был живой и счастливый. Можешь ты это понять? Можешь ты жить спокойной и счастливо?

Он опять увидел, как наяву: ее обнаженное плечо касается плеча Теда Милнера. В глазах у обоих страх. Волосы Теда спута-лись и торчат во все стороны, как у Альфальфы. Он хотел напо-мнить ей это, хотя бы намекнуть. И передумал. Хватит. Они и так уже причинили друг другу боль. Наверное, они когда-нибудь к этому еще вернуться. Но лучше бы она не вспоминала про нервный срыв. У него *не было* нервного срыва.

— Извини, Эми но мне пора.

— Да, мне тоже. Теда сейчас нет — он на работе. Но он ско-ро появится и мне надо что-нибудь приготовить на ужин.

— Извини, я немного погорячился.

— Ты позвони, если что-нибудь будет нужно. Я все-таки бес-покоюсь.

— Да, — сказал он, попрощался и повесил трубку. С минуту он стоял около телефона, и ему казалось, что он сейчас разрыда-ется.

Но это прошло.

39

Дождь лил, не переставая, и его охватило какое-то тупое уны-ние. Он включил печь, пододвинул кресло к камину и сел читать «Харперз Мэгэзин», но быстро стал клевать носом, вздрагивая и просыпаясь, когда подбородок касался груди, затрудняя дыхание, и из горла вырывался отрывистый храп.

«Надо было купить сигарет, — подумал он. — Тогда бы меня так не клонило ко сну». Но он не купил сигарет, и не был уверен, что, купи он их, его бы сейчас не клонило ко сну. Это была даже не усталость. Это был шок.

В конце концов он добрал до кушетки, взбил подушки и лег. Рядом с его щекой по стеклу ударяли холодные капли дождя.

«Однажды, — подумал он. — Только однажды я это сделал». И погрузился в сон.

Ему снилось, что он находится в классе. Это была, наверное, самая большая в мире классная комната.

Стены ее тянулись на много километров. Парты были как плоскогорья. Пол между ними устилала серая кафельная плитка, ровными рядами уходившая до горизонта. Часы на стене были как большое холодное солнце. Хотя дверь в коридор была закрыта, Мортон Рэйни мог разобрать надпись, сделанную с той стороны на стекле:

КЛАССНАЯ КОМНАТА ДОМАШНЕЙ КОМАНДЫ ПРОФ. ДЕЛЛАКОРТ

«Неправильно написали, — подумал Морт, — слишком много «л».

Но какой-то голос объяснил ему, что это не так.

Морт стоял у гигантской доски, сжимая в руке кусок мела, огромный, как бейсбольная бита. Ему хотелось опустить руку, которая страшно болела, но он не мог этого сделать, пока не напишет на доске пятьсот раз одну и ту же фразу: *Я не буду списывать у Джона Кинтнера*. Он уже написал ее четыреста раз, но этого было мало. Украсть работу у человека, когда у него не было ничего, кроме работы, — это был непростительный грех. Поэтому он должен был писать, писать и писать, не обращая внимания на внутренний голос, говоривший ему, что все это сон, и что правая рука у него болит по другой причине.

Мел в его руке страшно скрипел. Мел крошился, и белая пыль, какая-то очень знакомая — до боли знакомая — сыпалась ему на лицо. В конце концов он не смог продолжать. Рука упала вниз, как будто она была налита свинцом. Он повернулся и увидел, что во всем огромном классе занята только одна парта. В лице сидевшего за ней молодого человека было что-то деревенское. Это было типичное лицо пахаря. Слипшиеся бледно-каштановые волосы торчали во все стороны. Руки, состоявшие, кажется, из одних суставов, лежали перед ним на парте. Он смотрел на Морта внимательным взглядом своих выцветших глаз.

«Я тебя знаю», — сказал во сне Морт

«Правильно, братец, — сказал Джон Кинтнер, растягивая слова на южный манер. — Ты обошелся со мной не так, как полагаются. Теперь пиши. Но не пятьсот, а пять тысяч раз».

Морт стал поворачиваться назад, но нога его поскользнулась, и он почувствовал, что падает, и полетел куда-то, крутясь с воплем в воздухе пропитанном белой пылью и...

... проснулся, лежа на полу, судорожно вцепившись руками в ковер, трясаясь всем телом, и громко, с придыханием всхлипывая.

Он был в своем доме, в Тэшморе а не в каком-то классе для великанов, и на востоке уже занимался **бледный** рассвет.

«Все в порядке. Это был сон, а теперь все в порядке».

Но это было не так. Потому что это был не только сон. Джон Кинтнер был настоящим. Господи, как же он мог позабыть **Джона** Кинтнера?

Морт учился в колледже в Бэйтсе и избрал своей специализацией литературное творчество. Позднее, выступая перед начинающими писателями (повинность, от которой он всегда старался по возможности уклониться), он говорил, что это самая большая ошибка, которую может совершить молодой человек или девушка, решившие писательским трудом зарабатывать себе на кусок хлеба.

«Идите лучше работать на почту, как Фолкнер», — говорил он обычно, и его слушатели долго смеялись. Им нравилось его слушать, а ему казалось, что он неплохо умеет их развлекать. Этого было достаточно, ибо он был убежден, что ни он сам, ни кто-то другой не могут научить их творчеству. Поэтому он всегда чувствовал облегчение, когда какой-нибудь семинар, или творческая встреча, или литературная мастерская подходили к концу. Его нервировали эти юные дарования. Наверное, это было из-за Джона Кинтнера.

Был ли Кинтнер из Миссисипи? Морт не мог вспомнить, кажется нет, но он совершенно точно был из какого-то южного штата — то ли из Алабамы, то ли из Луизианы, а может быть, с севера Флориды. Все это было так давно, и Морт уже много лет не думал о Джоне Кинтнере, который неожиданно ушел из колледжа по причинам, известным только ему самому.

«Неправда. Ты думал о нем вчера вечером».

«Вернее видел его во сне», — быстро поправился Морт, но этот дьявольский внутренний голос не захотел уступить.

«Нет, раньше. Ты думал о нем, пока говорил с Шутером по телефону».

Он не хотел об этом думать. Он *не должен* был об этом думать. Джон Кинтнер — это было далекое прошлое, и он не имел никакого отношения к тому, что происходило теперь. Морт поднялся и в тусклом свете наступающего утра побрел на кухню, чтобы сварить себе кофе. Побольше крепкого кофе. Иначе внутренний голос от него не отвяжется. Взгляд его упал на набор кухонных ножей, висящих на своем магнитном кронштейне, и он подумал, что если бы он мог сейчас вырезать из себя этот голос, он бы не задумываясь это сделал.

«Ты думал о том, что тебе удалось наконец поколебать самоуверенность Шутера, что главным пунктом ваших взаимоотношений опять стал рассказ и обвинение в плагиате. Шутер обращался с тобой, как будто ты какой-нибудь школьник, как будто ты...»

— Заткнись, — хрипло сказал Морт. — Заткнись, я тебе говорю.

Голос умолк, но он уже был не в состоянии перестать думать о Джоне Кинтнере.

Насыпая дрожащей рукой кофе, он вспомнил, с какой настойчивостью он утверждал, что не крал у Шутера рассказ, что он вообще никогда не позволял себе плагиата.

На самом деле, это однажды было.

Однажды.

Только однажды.

— Но это же было так давно, — прошептал он. — И это не имеет никакого отношения к тому, что происходит сейчас.

Быть может, это было и верно, но это не могло остановить его мыслей.

42

Он учился на предпоследнем курсе. Шел весенний семестр. В этом семестре их группа училась писать рассказы. Занятия у них вел некий Ричард Перкинс-младший, автор двух романов, которые получили хорошие отклики в прессе, но плохо расходились. Морт попытался прочесть один из них, и решил, что их не покупают по той же причине, по которой пишут на них хорошие рецензии: роман был совершенно непонятен. Но его автор оказался неплохим преподавателем, — во всяком случае он успешно их развлекал.

В их группе было примерно двенадцать учащихся. Одним из них был Джон Кинтнер. Кинтнер был новичок, но он получил разрешение заниматься в группе, специализирующейся по литературному творчеству. И Морт считал, что он его заслужил. Этот южанин был и впрямь *молодец*.

В течение семестра каждый из них должен был написать шесть коротких рассказов или три не очень коротких. Каждую неделю Перкинс распечатывал те рассказы, которые могли, на его взгляд, вызывать наиболее оживленную дискуссию, и раздавал копии учащимся. Предполагалось, что к следующей неделе все будут готовы их обсуждать и критиковать. Это была обычная методика. И вот однажды Перкинс раздал им рассказ Джона Кинтнера. Он назывался... В самом деле, как же он назывался?

Морт открыл кран, собираясь зарядить кофеварку, но застыл, с отсутствующим видом глядя в окно, где уже занимался туманный день, и слушая, как журчит в раковине вода.

«Ты прекрасно знаешь, как он назывался. Потаенное окно, потаенный сад».

— Нет, черт возьми, не так, — крикнул он раздраженно в сумеречную тишину дома. Он стал напряженно, яростно вспоминать, стараясь заглушить этот дьявольский внутренний голос, заставить его замолчать раз и навсегда.

— Воронья миля! — воскликнул он наконец. — Рассказ назывался «Воронья миля», и это не имеет *никакого* отношения *ни к чему!*

Хотя это было не совсем так, и он отдавал себе в этом отчет, даже не вслушиваясь в назойливое бормотание, раздававшееся по-прежнему где-то в глубине его воспаленного сознания.

Кинтнер произвел на свет три или четыре рассказа, а затем исчез неизвестно куда (если бы Морта попросили высказать догадку, он бы наверное сказал — во Вьетнам; по крайней мере, большинство молодых людей, исчезавших в конце шестидесятых годов, оказывались именно там). «Воронья миля» была не самым блестящим из рассказов Кинтнера... но это был хороший, крепкий рассказ. Кинтнер был без сомнения лучшим учеником в группе Ричарда Перкинса-младшего. Перкинс разговаривал с ним почти что на равных, и (по не очень просвещенному мнению Морта Рэйни), правильно делал, ибо произведения Кинтнера были безусловно лучше, чем произведения Перкинса. Впрочем, и самого себя Морт тоже ставил, как писателя, выше Перкинса.

Но был ли он лучше *Кинтнера?*

— Хм, — пробормотал Морт, снова занявшись кофеваркой. — Я был номер два.

Да. Он был вторым и лютой ненавистью ненавидел эту роль. Он знал, что для большинства его однокашников литературная специализация — просто блажь, детская прихоть, которую они очень скоро оставят, чтобы заняться каким-нибудь **настоящим** делом. Все их творчество сведется в будущем к сочинению заметок для местной газеты или рекламных текстов для стирального порошка «Голубой Бриз». Морт пришел в группу Перкинса, твердо рассчитывая быть в ней первым, ибо до сих пор ему удавалось быть первым везде и всегда. Появление Джона Кинтнера стало для него поэтому настоящим ударом.

Он вспомнил, что однажды попытался поговорить с этим юношей... но Кинтнер, который и в классе-то отвечал только когда его вызывали, стал нести какую-то невнятицу. Он вообще говорил плохо — мычал, спотыкался, как самая настоящая деревенщина, как сын поденщика, закончивший четыре класса. По-видимому, рассказы были для него единственным способом самовыражения.

«И ты его обокрал».

— Заткнись, — пробормотал он. — Заткнись сию же минуту.

«Ты был вторым и тебе это уж как не нравилось Ты был просто счастлив, когда он исчез, потому что ты снова мог стать первым, — как прежде».

Да. Правда. А уже на следующий год, когда он готовился к выпускным экзаменам, он разбирал свои вещи в чулане убогой квартирки, которую снимал вместе с двумя другими студентами, и наткнулся на папку с рассказами, розданными когда-то Перкинсом. В папке оказался лишь один рассказ Кинтнера, как раз «Воронья миля».

Он вспомнил, как перечитал этот рассказ, сидя на потрепанном и пропахшем пивом ковре в своей комнате, и как в нем пробудилась давно забытая зависть.

Он тут же выбросил все содержимое папки, оставив только рассказ Кинтнера, — сам еще толком не понимая зачем.

Еще на втором курсе Морт однажды послал свой рассказ в литературный журнал, который назывался «Аспен Куортерли». Рассказ вернулся к нему с небольшой рецензией, где говорилось, что рассказ написан неплохо, только концовка «бессодержательная». Послание это обрадовало Морта, и месте с тем задело его самолюбие. Он решил снова попытать счастья.

После этого в течение двух лет он послал в журнал еще четыре рассказа. Ни один из них не был напечатан, но он регулярно получал назад рукописи с рецензиями. У него началась лихорадка непризнанного писателя: он то впадал в безудержный оптимизм, то вдруг на него накатывала волна безнадежного пессимизма и меланхолии. Бывали дни, когда ему казалось, что он уже почти взял приступом крепость «Аспен Куортерли». Но затем он убеждал себя, что редакция журнала просто играет с ним в кошки-мышки, что его намеренно дразнят, как дразнят собаку, протягивая ей кость и не давая до нее допрыгнуть. Иногда он живо представлял себе, как какой-нибудь сотрудник журнала достает из хрустящего конверта его свежую рукопись и кричит на всю редакцию «Еще один опус этого кретина из штата Мэн! Кто хочет ему ответить?» И все вокруг покатываются со смеху. Может быть, даже валяются на пол и корчатся там со смеха под своими плакатами Джоан Баэз или Моби Грейв

Впрочем, он далеко не всегда предавался таким фантазиям. Он понимал, что пишет неплохо, что все это только вопрос времени. И тем летом, работая официантом в ресторане Рокленд, он подумал о рассказе Кинтнера, который, по-видимому, валялся где-то на дне его сундука. Внезапно ему пришла в голову мысль. Надо изменить заголовок и послать «Воронью милю» под своим именем в «Аспен Куортерли»! Он вспомнил, что тогда это показалось ему удачной шуткой, хотя теперь он не видел, что именно в ней было смешного.

Он точно помнил, что у него не было тогда намерения *публиковать* рассказ под своим именем. разве что, совершенно бессознательное. Если бы рассказ приняли, что было маловероятно, он забрал бы его назад, сказав, что собирается его доработать. А ес-

ли бы отвергли — он бы утешился, убедившись, что Джон Кинтнер тоже не дотягивает до «Аспен Куортерли».

В общем, он послал рассказ.

И они его приняли.

И он позволил им его напечатать.

И получил по почте чек на двадцать пять долларов — «гоно-рар», как было сказано в сопроводительном письме.

А затем рассказ вышел.

И Мортон Рэйни, терзаемый запоздалым чувством вины, получил по чеку деньги, и бросил их в ящик для пожертвований церкви Св. Катарины в Аугусте.

Но он испытывал *не только* чувство вины. О, нет.

Морт сидел за столом на кухне, подперев рукой голову, и ждал, когда сварится кофе. Голова раскалывалась. Он не хотел думать ни о Джоне Кинтнере, ни о рассказе Джона Кинтнера. То, что он сделал с «Вороньей милей», было одним из самых постыдных в его жизни поступков. Что же удивляться, конечно, он постарался вычеркнуть его из памяти. Он хотел бы и теперь снова об этом забыть. Наступало утро трудного дня, — может быть, самого трудного за всю его жизнь. Может быть, даже — *последнего* в его жизни. Он должен думать о том, как пойдет на почту. И о том, как после этого будет встречаться с Шутером. А не ворошить эти грустные воспоминания.

Увидев тогда журнал, настоящий *журнал*, где его имя стояло над рассказом Джона Кинтнера, он почувствовал себя так, словно пробудился ото сна, в котором, как лунатик, совершил какие-то непоправимые действия. Как он мог позволить всему этому случиться? Ведь это должна была быть только шутка, Господи, только безобидная шутка...

Но он пальцем не пошевелил, чтобы как-то повлиять на события. И вот теперь рассказ напечатан, и на свете есть по крайней мере двенадцать человек, включая самого Кинтнера, которые знают, что его написал не он. И если хоть один из них открывает «Аспен Куортерли»...

Сам он, конечно, никому ничего не сказал. Он просто ждал, цепenea от ужаса. В конце лета и в начале осени он плохо спал и почти ничего не ел, ходил похудевший, под глазами у него легли серые тени. Он вздрагивал от каждого телефонного звонка, и когда брал трубку, ноги у него становились ватными, а лоб покрывался холодной испариной. Он был уверен, что это Кинтнер, и что сейчас он скажет ему: «Ты украл мой рассказ, и этого нельзя так оставить. Для начала я расскажу всем и каждому, что ты вор».

Самым удивительным во всей этой истории было то, что он с самого начала полностью отдавал себе отчет, какие ужасные она может иметь для него последствия. Он понимал, чем это может кончиться для молодого человека, мечтающего о карьере писате-

ля. Это было все равно, что играть базуккой в русскую рулетку. И тем не менее...

Но осень шла, и ничего не случилось. Он начал немного приходить в себя. Вышел в свет следующий номер «Аспен Куортерли». Тот номер уже не лежал на видном месте в залах периодики в библиотеках по всей стране. Его унесли в хранилища или перевели в микрофиши. Угроза все равно оставалась, — он мрачно думал, что этот дамоклов меч будет теперь всю жизнь висеть над его головой, — но все же шансы, что история эта пройдет незамеченной, со временем только росли.

Затем в ноябре пришло письмо из «Аспен Куортерли».

Морт держал в руках конверт, на котором было написано его имя, и его трясло. Глаза его наполнились жидкостью, слишком горячей и едкой, чтобы ее можно было считать слезами, и письмо стало сначала двоиться, а потом дрожать.

«Поймали. Они меня поймали. Они хотят, чтобы я ответил на письмо, которое они получили от Кинтнера... или от Перкинса... или от кого-нибудь из нашей группы...»

Тогда он подумал о самоубийстве. И стал рассматривать эту идею очень спокойно и трезво. У его матери были таблетки сильного снотворного. Ими он и воспользуется. Это все-таки был выход, и он слегка успокоился. Открыв конверт, он обнаружил послание на одном листочке. Не решаясь его развернуть, он долгое время стоял и думал, что лучше всего сжечь его не читая. Ему казалось, что увидев обвинение, написанное черным по белому, он просто сойдет с ума.

«Ну, читай же. Тебе только и остается, что наблюдать, к чему привели твои действия. Может быть, ты этого и не выдержишь, но по крайней мере узнаешь, чем дело кончилось».

Он развернул письмо.

Дорогой Морт Рэйни!

Нам очень понравился ваш рассказ «Вороний глаз». Извините, что пишу вам с некоторым запозданием, но, честно говоря, я думал, что вы сами пришлете письмо после выхода в свет вашего произведения. Вы в течение нескольких лет так упорно шли к цели, что теперь, когда эта цель достигнута, молчание ваше несколько озадачивает. Я надеюсь, что вы дадите нам знать, если вам что-то не понравилось в публикации — шрифт, расположение текста и т. д. Кстати, как насчет следующего рассказа?

С уважением

ЧАРЛЗ ПАЛМЕР

Помощник главного редактора

Морт дважды перечитал это письмо, и дико расхохотался. Он хохотал на весь дом, в котором в этот момент по счастью никого не было. Он слышал, что можно лопнуть от смеха, и почувствовал, что если сейчас не остановится, то действительно лопнет, и

внутренности его выпадут на пол. Он уже приготовился убить себя таблетками матери, а они всего-навсего хотят знать, как ему понравилось расположение текста на странице! Он считал, что навсегда загубил свою карьеру писателя, а они просят еще. Еще!

Он хохотал, пока у него не брызнули слезы, пока смех не перешёл в истерику. Затем он сел на диван, еще раз перечитал письмо Чарлза Палмера, и плакал до тех пор, пока снова не стал смеяться. В конце концов он пошел к себе в комнату, лег на кровать, подложив, как он любил, одну из подушек под шею, поставил рядом те самые таблетки и моментально заснул.

Это была счастливая развязка. На этом дело тогда закончилось, и он уже больше никогда не совершал ничего даже отдаленно напоминавшего тот поступок. Это было тысячу лет назад. Почему же теперь его это так встревожило?

Он не понимал этого, и не хотел думать об этом.

— Ладно — сказал он вслух, и быстро двинулся к кофеварке, стараясь не обращать внимания на головную боль.

«Ты прекрасно знаешь, почему ты сейчас вспомнил об этом».

— Заткнись, — сказал он бодрым голосом, но руки его, державшие кофейную кружку, дрожали.

«Есть вещи, которые невозможно прятать всю жизнь. Ты, наверное, болен, Морт».

— Сейчас же заткнись, — сказал он по-прежнему бодро.

«Ты, наверное, очень болен. У тебя наверное нервный ср...»

— Заткнись! — заорал он что было мочи и со всех сил швырнул кофейную кружку. Крутясь в воздухе, она полетела в гостиную, врезалась в оконное стекло, и разлетелась на кусочки. По стеклу сверху вниз прошла длинная серебристая трещина, которая начиналась в той точке, куда угодила кружка. Ему казалось, что такая же трещина образовалась у него в голове.

Но голос замолчал.

Морт вяло проследовал в спальню, взял будильник и вернулся в гостиную. По пути он поставил будильник на десять тридцать. В это время ему надо будет идти на почту, чтобы забрать там пакет, и поставить точку в этой истории.

А пока он поспит.

Он ляжет на кушетку: здесь ему лучше спится.

«У меня нет никакого нервного срыва», — прошептал он на всякий случай, но внутренний голос не собирался ему возражать. Морт подумал, что внутренний голос норовил его напугать, но теперь, кажется, сам испугался.

Он нашел глазами серебристую трещину, пересекавшую окно сверху вниз, и стал на нее смотреть. Он вспомнил, как рука повернула в двери запасной ключ. Как глаза не могли какое-то время привыкнуть к царившему в комнате полумраку. Вспомнил их голые плечи. Испуганные глаза. Он что-то кричал, и не мог теперь вспомнить, что, — и никогда не решался спросить об этом у Эми,

— но, судя по их глазам, это была какая-то чудовищная галиматья.

«Если у меня когда-нибудь и был нервный срыв, — подумл он, разглядывая холодные изгибы трещины, — то это было тогда. Дурацкое письмо из «Аспен Куортерли» — сушая ерунда по сравнению с гостиничным номером, в котором ты застанешь свою жену в постели с другим мужчиной, с каким-то бойким агентом по торговле недвижимостью из вонючего городка в штате Тенесси...»

Морт закрыл глаза, и вскоре снова открыл их, повинувшись требовательному зову будильника. Туман рассеялся, показалось солнце, и пора было уже отправляться на почту.

43

По дороге он вдруг ясно себе представил, что курьерскую почту уже привезли... и Джульет выглядывает из окошечка, качает головой и говорит извиняющимся тоном, что для него ничего не было. А как же в таком случае его доказательства? Они растворяются тогда, как дым. Неожиданно он проникся уверенностью, что именно так все сейчас и будет. Уверенность эта была иррациональной — Херб был человек осторожный и не бросал слов на ветер, — но разубедить себя Морт был уже не в состоянии.

Он заставил себя выйти из машины. Пусть от дверей почтового отделения до окошечка, за которым было видно, как Джульет Стокер сортирует почту, показался ему длиной в тысячу миль.

Подойдя, он попытался заговорить, но не смог вымолвить ни слова. Губы его шевелились, но в горле так пересохло, что звуков не получилось. Джульет подняла голову и сделала шаг назад. На лице у нее отразилось смтение. Не такое, конечно, как было на лице у Эми и Теда, когда он распахнул дверь номера и наставил на них пистолет.

— Мистер Рэйни? У вас все в порядке?

С усилием он прочистил горло. — Извините, Джульет. У меня неожиданно пропал голос

— Вы очень побледнели, — сказала она таким тоном, каким с ним говорили многие жители Тэшмора. В нем была гордость, но было и какое-то снисходительное раздражение, как будто он был вундеркинд и нуждался в особом уходе и специальном питании.

— Я, кажется, съел вчера что-то не то, — сказал он. — Для меня что-нибудь было сегодня в курьерской почте?

— Ничего не было.

Он судорожно ухватился за стойку, решив, что сейчас упадет в обморок, хотя почти сразу понял, что ослышался.

— Простите?

Она уже отвернулась и стала перекладывать на полу какие-то пачки, демонстрируя ему свой крепкий деревенский зад.

— Я говорю, было что-то, — ответила она и, повернувшись, положила перед ним на стойку пакет. Он взглянул: обратный адрес

— Пеннсильвания, и сразу испытал облегчение. Это было как глоток холодной воды для пересохшего горла.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Знаете, мы ведь не должны брать федеральную курьерскую почту*. Но вы уж об этом не распространяйтесь, а то нас не погладят по головке.

— Да, да, я понимаю, — сказал Морт. Теперь, когда журнал был у него в руках, он почувствовал, что ему надо как можно скорее убраться отсюда и оказаться дома. Его тянуло домой, как магнитом, хотя до полудня оставалось еще больше часа. Он даже хотел сунуть Джульет чаевые, чтобы она отвязалась, но вовремя спохватился, сообразив, что, будучи янки до мозга костей, она только подымет крик.

— Так вы меня поняли? — спросила она лукаво.

— Да, все в порядке — сказал он выдавливая из себя улыбку.

— Хорошо, — сказала Джульет Стокер, улыбаясь в ответ. — Потому что я видела, что вы сделали.

Он остановился уже в дверях. — Простите?

— Я говорю, мы не должны этого делать. — Она внимательно на него посмотрела. — Вам лучше пойти домой и прилечь, мистер Рэйни. На вас просто лица нет.

«Я кажется, уже три дня только и делаю, что лежу. Правда, иногда встаю и ломаю мебель в доме».

— Пожалуй, — сказал он, — это неплохая мысль. Я все еще чувствую слабость.

— Сейчас эпидемия. Наверное, вы подхватили вирус.

В этот момент на почту зашли две дамочки из Кэмп Уигмора, — весь город считал, что они лесбиянки, — и Морт быстро ретировался. Он сидел в «бьюике», положив на колени голубой конверт. Ему не нравилось, что все вокруг только и говорят, как он плохо выглядит. Еще меньше ему нравилось, что в голове у него творится что-то неладное.

«Ничего. Все уже почти позади».

Он начал вскрывать конверт, но тут вышли эти подружки из Кэмп Уигмора и стали на него пялиться. Они стояли щека к щеке. Одна из них улыбалась. Другая громко хохотала. И Морт внезапно решил, что сделает это дома.

44

Он поставил «бьюик» в обычном месте, за углом дома, выключил зажигание... и глаза ему застлал какой-то серый туман. Когда это прошло, он почувствовал дурноту и сверлящий страх. Может быть, с ним правда что-то не так? Что-нибудь со здоровьем?

Нет, решил он, это просто напряжение последних дней.

* Федерал Экспресс Мэйл — частная почтовая компания со своей системой доставки.

Вдруг он услышал какой-то звук, — или ему просто послышалось, — и быстро осмотрелся вокруг. Ничего не было. «Спокойно, — сказал он себе, — у тебя просто шалят нервы. Тебе осталось продержаться совсем немного».

Затем он подумал: «У меня все-таки был пистолет. В тот вечер. Но он был не заряжен. Потом я им об этом сказал. Эми мне поверила. Не знаю, как Милнер, а Эми поверила, и...

Правда, Морт? Он правда был не заряжен?»

Он вспомнил трещину в оконном стекле: бессмысленная серебряная молния, расколовшая мир надвое. «Вот, — подумал он. — Вот так это все и происходит».

Затем взгляд его упал на конверт. Он должен сейчас думать об этом, а не об Эми, и не о мистере Тедди-поцелуй-меня-в-зад из местечка Шутерз Ноб в Тенесси.

Клапан на конверте был наполовину отклеен — в наши дни все делается тяп-ляп. Он раскрыл его до конца и вытряс на колени журнал. На обложке крупными красными буквами было написано название: Журнал Детективов Эллери Куин. Чуть ниже, мелким шрифтом: июнь 1980. А еще ниже — имена некоторых авторов, представленных в этом номере. Эдвард Д. Хох. Руфь Рэнделл. Эд Мак-Брэйн. Патрисия Хайсмит. Лоуренс Блок.

Его имени на обложке не было.

Ну да, конечно, он был тогда еще никому не известен. Во всяком случае, его имя ничего не значило для любителей детективной литературы, и редакция не стала выносить его на обложку. Он открыл журнал.

Оглавления не было.

Страница, на которой полагалось быть оглавлению, была аккуратно вырезана.

Он стал лихорадочно перелистывать журнал, уронил его, поднял с тихим стоном. И только просматривая его во второй раз, обнаружил, что страницы с 83 по 97 тоже отсутствуют.

— Ты вырезал их! — закричал он. Он закричал так громко, что глаза у него начали вылезать из орбит. Сжав кулаки, он стал со всех сил ударять по рулевому колесу «бьюика». В такт его ударам раздавались гудки клаксона. — Ты, сукин сын! Ты их вырезал! Как тебе удалось их вырезать! Ты вырезал их! Ты вырезал их!

Он был уже на полпути к дому, когда внутренний голос снова осведомился, как же Шутеру удалось это сделать. Федеральная курьерская почта доставила конверт из Пеннсилвании, затем он был в руках Джульет. Так как же, как же...

Он остановился.

«Хорошо, — сказала Джульет. — Хорошо, потому что я видела, что вы сделали».

Вот! Этим все объясняется! Джульет в этом замешена! Только...

Только Джульет всю жизнь работала на почте в Тэшморе.

И она этого не говорила. Ему это послышалось. Это была его небольшая параноидальная фантазия.

— И все-таки он это сделал, — воскликнул в сердцах Морт. Он вошел в дом и со всей силы швырнул журнал. Журнал затрепетал в воздухе, как испуганная птица, и шлепнулся на пол. — О, проклятье, он сделал это! Но теперь уже я не буду его дожидаться. Я...

Вдруг он увидел шляпу Шутера. Шляпа лежала на полу перед самым входом в кабинет.

С минуту Морт оставался на месте. В ушах у него раздавались громовые удары сердца. Затем карикатурным гусиным шагом, на цыпочках он подошел к камину и снял со стойки кочергу. Кочерга слегка звякнула о висевший рядом совок, и он сморщился, как от боли. Привычно сжимая ее в правой руке, он направился к закрытой двери кабинета. По дороге ему пришлось обогнуть распластанный на полу журнал.

Перед дверью он остановился.

— Шутер?

Ответа не было.

— Шутер, выходи лучше сам! Если я войду и ты будешь там, ты уже больше никогда не сможешь ниоткуда выйти своими ногами!

Ответа по-прежнему не было.

Помедлив еще секунду, собравшись в комок, Морт крутанул ручку, с диким воплем распахнул плечом дверь и ворвался в кабинет, держа кочергу наготове.

В комнате никого не было.

Но все-таки Шутер здесь побывал. Да. На полу валялся дисплей электронной машинки Морта, глядевший потухшим выбитым глазом. На письменном столе, где раньше стоял дисплей, теперь была нишующая машинка «Рояль». На тусклых металлических деталях этого динозавра лежала пыль. Рядом была брошена рукопись. Это была рукопись Шутера, которую он оставил на полу веранды, прижав ее камнем, миллион лет тому назад.

«Потаенное окно, потаенный сад».

Морт уронил кочергу на пол. Завороженный, он подошел к машинке и взял в руки рукопись. Медленно стал он перелистывать страницы, и неожиданно понял, почему миссис Гэвин была так уверена, что это его рукопись... настолько уверена, что вытащила ее из мусорного ведра. Быть может, сама она этого и не понимала, но ее глаз безошибочно уловил характерные особенности машинописи. Действительно, почему ей было ее не узнать? Она

годами сталкивалась здесь с рукописями которые выглядели совершенно также, как «Потаенное окно, потаенный сад». Электронная машинка фирмы Ванг и лазерный принтер пятой модели появились здесь совсем недавно. Всю свою жизнь он пользовался этим старым «Роялем». Он был буквально изъеден временем, и буквы в рукописи клонились набок, как зубы у старика.

Но машинка эта все время стояла здесь, рядом с кабинетом, в чулане, заваленная папками со старыми верстками, рукописями и прочим хламом, который копился годами, как отработанная руда. Шутер наверняка украл ее, отпечатал на ней свою рукопись, и подбросил назад, пока Морт был на почте. Конечно. Это имело смысл!

«Нет, Морт. Это не имеет смысла. Ты хочешь сделать что-то в самом деле осмысленное? Тогда иди и звони в полицию. Вот в этом есть смысл. Скажи им, чтобы они сейчас же приехали и забрали тебя. Скажи, пусть поторопятся, пока ты ничего больше не натворил. Пока ты не убил еще кого-нибудь».

С диким воплем Морт отшвырнул рукопись. Страницы разлетелись и, медленно покачиваясь в воздухе, стали плавно опускаться вниз по всей комнате. Внезапно он понял. И правда вся пронзила, как серебристая молния, его существо.

46

Никакого Шутера нет.

И никогда не было.

— Нет, — сказал Морт. Теперь он ходил взад и вперед по гостиной. Волнами накатывала невыносимая головная боль. — Нет, я не могу этого допустить.

Но это уже не имело большого значения. Все части головоломки были налицо, и когда он увидел свой старый «Рояль», все они стали складываться в одну картину. Сейчас, по прошествии пятнадцати минут, картина эта была по-прежнему ясной, и он уже никаким усилием воли не мог снова разъять ее на кусочки.

Перед его глазами вновь возникла запрапочная станция в Мик-эник Фоллз. Рабочий бензоколонки протирает ветровое стекло его «бьюнка»... Почему это зрелище его тогда так поразило? Тогда он объяснил себе заботливое внимание парня тем, что тот узнал Морта, читал его книги. Может быть, это было и так, но ветровое стекло действительно было *очень грязным*. Лето было уже позади, но если ехать далеко, на большой скорости и не по главным дорогам, на него налипало еще много всякой дряни. А он наверняка ехал окольным путем. Он доехал до Дерри и обратно в рекордное время, остановившись только раз, чтобы поджечь свой дом. По дороге назад он даже не стал останавливаться у бензоколонки, и бак оказался почти пустым. Конечно, его ждало еще много дел... был еще кот. Он очень спешил, спешил, спешил...

Он застыл посреди комнаты и резко повернулся к окну. — Если я действительно сам все это сделал, то почему я не помню? —

спросил он, глядя в упор на серебристую трещину в оконном стекле. — Почему я *даже теперь* не могу этого вспомнить?

Он не знал этого... но он *знал* теперь, откуда взялось это имя. Одна часть его принадлежала тому южанину, у которого он украл в молодости рассказ. Другая — человеку, который увел у него жену. Это был просто каламбур.

«Морт, она сказала, что любит его. Она сказала, что любит его теперь».

«Наплевать. Человек, который спит с чужой женой, просто вор. А она — его сообщница».

Он вызывающе посмотрел на трещину.

Трещина ничего ему не ответила.

Три года назад Морт опубликовал роман, который назывался «Семья Деллакорт». Обратный адрес на рукописи Шутера был Деллакорт, штат Миссисипи.

Внезапно он бросился со всех ног в кабинет, где стояла на полке энциклопедия, достал том с буквой «М» и открыл статью «Миссисипи». Водя по строчкам дрожащим пальцем, он просмотрел список всех городов штата. Список занимал целую страницу, но ни Деллакорта, ни Делакурта в нем не было.

Он хотел еще посмотреть Перкинсбург, — город, где Шутер якобы купил сборник его рассказов, «Каждый теряет грош», — но затем захлопнул энциклопедию. Пусть даже и есть Перкинсбург в Миссисипи, это не имеет никакого значения.

В колледже, где Морт повстречал Джона Кинтнера, преподавателя звали Ричард Перкинс-младший. Вот откуда появилось это название.

«Да, да, но ничего этого я не помню...»

«Ох, Морт, — простонал внутренний голос. — Ты все-таки очень болен. Ты тяжело больной человек».

— Я не могу этого допустить, я не верю, — сказал он, пугаясь растерянности, откровенно прозвучавшей в его голосе. Но что еще можно было предположить? Ему ведь однажды уже приходило в голову, что все происходит так, словно он сам совершает все эти действия, как лунатик, а потом ничего не помнит об этом.

«Ты убил двух человек, — шептал внутренний голос. — Ты убил Тома, потому что он знал, что в тот день ты стоял там один. И ты убил Грега, чтобы он ни о чем не догадался. Если бы ты убил только Тома, Грег мог бы обратиться в полицию. А этого ты не хотел. Этого ты не мог допустить, пока не закончится вся эта жуткая придуманная тобой история. У тебя болело все тело, когда ты вчера проснулся. И это было не из-за того, что ты махал ко чергой в ванной, правда? У тебя были дела посерьезнее. Тебе надо было разобраться с Томом и Грегом. И ты все точно сказал насчет передвижения машины. Только это Ты сам звонил Сонни Троттсу, прикидываясь Томом. Человек, только что прибывший из

Миссисипи, не мог знать, что Сонни глуховат, а ты мог. Ты убил их, Морт. Ты убил этих двоих!»

— Я не верю, — кричал он. — Все это часть его дьявольского замысла! Это его игра!

«Замолчи», — прошептал голос у него в голове, и Морт замолчал.

На минуту и внутри, и снаружи воцарилась полная тишина.

И после паузы внутренний голос тихо спросил: «Зачем ты все это сделал, Морт? Зачем тебе понадобилась вся эта кровавая история? Шутер говорил, что ему нужен рассказ, но ты же знаешь, что никакого Шутера нет. Что ты сам хочешь, Морт? Зачем ты придумал этого Джона Шутера?»

Затем он услышал, что по дорожке к дому подъезжает машина. Он взглянул на часы, и увидел, что обе стрелки застыли в вертикальном положении. Полдень. Его вдруг охватило пьянящее победное ликование. Пусть у него есть журнал, но нет доказательств! Пусть Шутер сейчас его убьет! Он умрет со счастливой улыбкой, ибо он убедился, что Шутер существует, и что на нем нет вины за все эти ужасы.

— Он здесь! — кричал он радостно, выбегая из кабинета и дико размахивая руками над головой. Одним прыжком он оказался в гостиной.

И неожиданно замер посреди комнаты, глядя в окно, поверх мусорного ящика, на крышке которого был еще недавно распластан Бамп, на дорожку. Руки еге безвольно повисли вдоль тела. Черный ужас подкрадывался к нему со всех сторон. Нет, даже не подкрадывался, а внезапно обрушился, как будто чья-то рука одним движением задернула штору. Последнее звено головоломки стало на свое место. Минутой раньше, в кабинете, у него мелькнула мысль, что он выдумал все эти убийства, потому что у него не хватало мужества на самоубийство. Теперь он понял, что когда Шутер сказал, что никогда не убьет Морта, это была сущая правда.

К дому подъезжал не выдуманный пикап Джона Шутера, а совершенно реальная и до боли знакомая малолитражка «субару», за рулем которой сидела Эми. Эми, которая украла его любовь. А женщина, которая украла твою любовь, когда любовь, это все, что у тебя было, — уже почти что не женщина.

И все-таки он ее любил.

Ее ненавидел Шутер. Это Шутер хотел убить ее и похоронить у озера рядом с Бампом, чтобы она стала тайной, которая будет связывать их обоих.

— Уезжай, Эми, — прошептал он голосом старого паралитика.

— Уезжай, пока еще не поздно.

Но Эми уже выходила из машины, и когда она захлопнула за собой дверцу, чья-то рука задернула до конца штору, и в голове у Морта стало совершенно темно.

Найдя дверь открытой, Эми вошла в дом, и хотела уже было позвать Морта, но вдруг передумала. С округлившимися глазами она испуганно озиралась вокруг.

В доме царил ужасающий беспорядок. Мусорное ведро стояло, наполненное до краев, и его содержимое уже стало вываливаться на пол. Над задвинутой в угол алюминиевой миской кружили вялые осенние мухи. Воздух был застоявшийся, затхлый. Ей даже показалось, что она чувствует запах тухлятины.

— Морт?

Никто не ответил. Осторожно ступая, она прошла дальше, уже не рассчитывая, что картина там будет более радостной. Всего три дня назад миссис Гэвин прибирала весь дом. Как же можно было его с тех пор так запустить? Что здесь случилось?

В течение всего последнего года, что они жили вместе, она испытывала беспокойство за Морта. И, конечно, чувствовала вину. Она не снимала с себя ответственности. Но Морт всегда был человек слабый... и самой большой его слабостью было упрямое (иногда почти истеричное) нежелание признавать очевидные факты. Этим утром он говорил с ней так, словно находится на грани самоубийства. И она уступила его просьбе, и не взяла с собой Теда только из опасения, что вид Теда может заставить его решиться перейти эту грань.

Мысль об убийстве не приходила ей в голову. Не думала она об этом и сейчас. Даже в тот жуткий момент, когда в мотеле он целился в них из пистолета, она совершенно не испугалась. *Этого* можно было не опасаться. Убийцей Морт не был.

— Морт? М...

Она вошла в гостиную и остолбенела. Повсюду была разбросана бумага. Казалось, Морт достал все свои рукописи — те, что лежали в письменном столе, и те, что хранились в папках, — и разбросал их, как конфетти, готовясь к встрече какого-то дьявольского Нового Года. Весь стол был уставлен грязной посудой. Под окном валялись осколки разбитой кружки, а через все стекло шла сверху вниз огромная трещина.

И повсюду, повсюду виднелось одно и то же слово. Это было слово ШУТЕР.

ШУТЕР было написано на стенах цветными мелками, взятыми, наерное, из ящика с ее художественными принадлежностями. ШУТЕР — было дважды выведено на оконном стекле чем-то, что было похоже на засохшие взбитые сливки из баллончика, — и действительно, баллончик из-под взбитых сливок валялся на полу у камина. ШУТЕР — было намазано чернилами по всем поверхностям кухонных тумб. А в глубине дома, на деревянных опорах веранды шли ровные колонки карандашных надписей, как будто кто-то пытался складывать в столбик пятизначные слова: ШУТЕР, ШУТЕР, ШУТЕР, ШУТЕР.

Но больше всего ее огорчило, что на полированной поверхности стола красного дерева тоже было неуклюже нацарапано огромными буквами, как признание в любви: ШУТЕР.

Рядом на стуле лежала отвертка, с помощью которой и была, по всей вероятности, сделана эта надпись. На ее стальном лезвии виднелись какие-то бурые пятна. Она подумала, что это, наверное, от красного дерева.

— Морт? — прошептала она, озираясь.

Теперь она действительно испугалась. Она была уже почти уверена, что он покончил с собой, и где-то здесь рядом находится его тело. Где же? Ну, конечно, в кабинете. Где же еще? Там проводил он часы, самые важные в его жизни. И там, без сомнения, он решил умереть.

Она не хотела идти туда, не хотела быть первой, кто его обнаружит, но ноги понесли ее сами. Проходя, она не глядя отшвырнула ногой Журнал Детективов Эллери Куин, попавшийся ей на дороге. Подойдя к двери кабинета, она медленно ее отворила.

48

Морт стоял подле своей старой пишущей машинки «Рояль». На полу среди осколков стекла валялись дисплей и клавиатура его электронной машинки. Сейчас он чем-то странно напоминал сельского проповедника. Она решила, что, наверное, дело в позе: он стоял выпрямившись, заложив руки за спину. Но образ создавала еще и шляпа. Черная шляпа, надвинутая почти до ушей. Ей пришло в голову, что он похож на старика с картины «Американская Готика», хотя тот изображен там без шляпы.

— Морт? — позвала она слабым и неуверенным голосом.

Ничего не отвечая, он смотрел на нее. Глаза его гневно сверкали. Никогда, даже в тот вечер в мотеле, не видела она у него таких глаз. На мгновение ей показалось, что это вовсе не Морт, а другой человек, похожий на Морта.

Но шляпу она узнала.

— Ты где нашел это старе? На чердаке? — сердце у нее колотилось так сильно, что в такт с ним вздрагивал голос.

Конечно, он нашел ее на чердаке. Даже с того места, где она стояла, она чувствовала сильный запах нафталина. Он купил ее много лет назад в Пеннсилвании, когда они путешествовали по земле меннонитов. В их доме в Дерри она развела небольшой садик — в углу между домом и пристройкой, где был кабинет. Это был ее сад, но Морт иногда под настроение тоже там копался. Тогда он надевал эту черную шляпу. Он называл ее шляпой для философских размышлений. Она вспомнила, как однажды, надев эту шляпу и стоя перед зеркалом, он пошутил, что надо сфотографироваться так для суперобложки. «В ней я выгляжу, — говорил он, — как настоящий южанин, всю жизнь ходивший по свежей борозде за плугом в трех с половиной футах от задницы мула».

Потом шляпа куда-то делась. Наверное, они привезли ее сюда, и она много лет пролежала на чердаке. Но...

— Это моя шляпа, — сказал он наконец каким-то невероятным, скрипучим голосом. — И больше ничьей никогда не была.

— Морт? Что с тобой? Что...

— Женщина, вы ошиблись номером. Нет здесь никакого Морта. Морт умер. — Он сверлил ее взглядом, не моргая. — Он тут метался, как ошалелый, но в конце концов уже не мог больше врать сам себе, а тем паче мне. Я его пальцем не трогал, миссис Рэйни. Клянусь вам. Он сам решил поступить, как трус.

— Почему ты так говоришь? — спросила Эми.

— Обычно говорю, — ответил он, слегка удивившись. — Все в Миссисипи так говорят.

— Морт, прекрати!

— Вы не поняли, что я вам сказал? — спросил он. — Вы, может быть, глухая? Он умер. Наложил на себя руки.

— Перестань, Морт, — сказала она и заплакала. — Ты меня пугаешь, и мне это не нравится.

— Ничего, — сказал он, вынимая руки из-за спины. В одной из них он держал ножницы — большие ножницы, всегда лежавшие в ящике письменного стола. Он поднял вверх руку, ножницы щелкнули и на поверхности сверкнул лучик солнца, показавшегося в этот момент из-за облаков. — Вам не долго осталось пугаться. — И он медленно двинулся ей навстречу.

49

Какое-то мгновение она продолжала стоять на месте. Морт не убьет ее. Если бы он мог ее убить, он бы сделал это тогда, в motel.

Затем она увидела его взгляд, и поняла, что Морт это тоже знает.

Только это был не он.

Она вскрикнула, повернулась и бросилась вон из комнаты.

Какое-то мгновение она продолжала стоять на месте. Морт не убьет ее. Если бы он мог ее убить, он бы сделал это тогда, в motel.

Шутер устремился за ней. Рука его, сжимавшая ножницы, описала дугу. И он бы всадил их ей между лопаток, если бы не поскользнулся на листах бумаги, разбросанных по всему дощатому полу. Он растянулся во весь рост, издав крик, в котором смешались досада и ярость. Ножницы вонзились в девятую страницу рукописи «Потаенного окна», и кончики их обломились. Падая, он сильно ударился лицом о пол, изо рта у него пошла кровь. Из нагрудного кармана рубашки выскочила и заскользила по полу пачка сигарет Пэл Мэл — такие сигареты всегда курил на переменах Джон Кинтнер, когда они с Мортом учились в колледже. Он поднялся на колени, улыбаясь окровавленными губами.

— Вам это не поможет, миссис Рэйни! — закричал он, вставая на ноги. Он взглянул на ножницы, приоткрыл их, чтобы лучше рассмотреть обломившиеся концы, и нетерпеливо отбросил в корзину. — У меня для вас уже есть место в саду! Я уже присмотрел для вас местечко!

С этими словами он выбежал вслед за ней из комнаты.

50

Добежав до середины гостиной, Эми сама поскользнулась, наступив на распластанный на полу Журнал Детективов, и упала на правый бок, больно ударившись бедром и грудью. Она закричала.

Позади нее из кабинета выскочил Шутер и, бросившись к столу, схватил отвертку, которой он прежде убил кота.

— Лежите там и не двигайтесь, — приказал он, увидев, что она повернулась на спину, и смотрит на него вытаращенными, обезумевшими глазами. — Если вы будете дергаться, то вам будет больно. А так вы почти ничего не почувствуете. Я не хочу делать вам больно, миссис, но мне придется, если вы станете шевелиться. Я все равно это сделаю. Я проехал для этого так много миль, и не могу уйти несолоно хлебавши.

Он приблизился, и Эми, поднявшись на локтях, стала отползать, отталкиваясь ногами. Волосы разметались у нее по лицу. Тело покрылось потом — жарким и остро пахнущим. Над ней возвышалось величавое и торжественное лицо безумца.

— Нет, Морт! Пожалуйста! Пожалуйста, Морт...

Он бросился на нее, взмахнув высоко отверткой Эми вскрикнула и отшатнулась влево. Удар пришелся в бедро. Лезвие отвертки порвало платье и скользнуло вдоль ноги. Боль обожгла ее, как удар хлыста. Она поднялась на колени, с треском выдрав из платья длинный лоскут.

— Нет, мадам, — просипел Шутер. Его рука сомкнулась у нее на лодыжке. — Нет, мадам. — Она бросила взгляд через плечо, сквозь собственные спутанные волосы, и увидела, что другой рукой он пытался вытащить застрявшую в полу отвертку. Его черная круглая шляпа съехала набок.

Он выдернул отвертку и всадил ее ей в правую икру.

Боль была ужасной. От боли у нее потемнело в глазах. Она закричала и ударила его в лицо, услышав, как хрустнул нос. Шутер застонал и, прижав руки к лицу, повалился набок. Эми вскочила на ноги. Она услышала, как воеет женщина. Как будто собака, воющая на луну. Но она сообразила, что это не собака. Это она сама.

Шутер уже поднимался. Вся нижняя часть его лица была сплошной кровавой маской. Губы его раздвинулись, обнажив кривые передние зубы Морта Рэйни. Она вспомнила, как проводила по ним языком.

— Какая упрямая, — сказал он, ухмыляясь. — Хорошо, мадам. Поехали дальше.

Он двинулся к ней.

Эми отпрянула. У нее из икры выпала и покатилась по полу отвертка. Шутер проводил отвертку глазами, и снова, как будто играя, стал на нее надвигаться. Схватив стул, Эми швырнула его под ноги Шутеру. С минуту они стояли, глядя друг другу в глаза... и вдруг он резко рванулся вперед, пытаясь ухватить ее за платье. Эми отшатнулась.

— Эта возня начинает мне надоедать, — хрипло сказал он.

Эми повернулась и бросилась бежать к двери. Одним прыжком он почти настиг ее и, вытянув руки, попытался ухватить за воротничок платья, но материя выскользнула у него из пальцев.

Выскочив из комнаты, Эми повернула к задней двери. Правая туфля у нее хлюпала на ходу. Она была полна крови. Шутер бежал вслед, пытая и пуская носом кровавые пузыри.

Обеими руками она вышибла дверь, вылетела на веранду и с размаху упала на пол, шумно дыша. Она упала как раз в том месте, где Шутер оставлял свою рукопись. Перекатившись на спину, она увидела, что он приближается. Он шел на нее с голыми руками, но она понимала, что он справится с ней и так. Из-под полей черной шляпы он смотрел на нее твердым, немигающим и неожиданнo добрым взглядом.

— Мне очень жаль, миссис, — произнес он.

— *Рэйни!* — раздался голос. — *Остановитесь!*

Она попыталась оглянуться и не смогла. У нее почему-то не поворачивалась шея. Не обращая внимания на голос, Шутер продолжал на нее надвигаться.

— *Рэйни! Остановитесь!*

— Здесь нет никакого Рэй... — начал Шутер, но в это время в холодном осеннем воздухе прогрехотал выстрел. Шутер остановился и с каким-то удивлением поглядел на свою грудь. Там возникло маленькое отверстие. Из него даже не текла кровь, — по крайней мере вначале. Он прикрыл ее ладонью, затем поднес руку к глазам. На указательном пальце была видна капля крови: маленькая и круглая, как точка в конце предложения. Он посмотрел на нее задумчиво. Затем уронил руки и взглянул на Эми.

— Детка? — спросил он и рухнул возле нее на дощатый пол веранды.

Она перевернулась, поднялась на локтях и поползла к нему, начиная всхлипывать.

— Морт? — звала она. — Морт? Пожалуйста, Морт, скажи, что-нибудь!

Но он уже не собирался ничего говорить. Она вдруг поняла это всем своим существом. Позднее, в течение нескольких недель или даже месяцев, она будет вновь и вновь отрицать простой факт его смерти. Она будет отказываться этому верить, а затем вдруг

снова поймет. И постепенно свыкнется с мыслью, что он умер. Что он сошел здесь с ума и умер.

Он и тот, другой, который вселился в него под конец.

Она положила голову ему на грудь и горько заплакала, и когда кто-то подошел сзади и успокаивающе погладил ее по плечу, Эми даже не обернулась.

ЭПИЛОГ

Примерно три месяца спустя после событий, разыгравшихся у озера Тэшмор, Тед и Эми Милнер собрались повидать человека, который застрелил первого мужа Эми, известного писателя Мортон Рэйни.

Они уже сталкивались с ним во время следствия, но это была формальная ситуация, и беседовать с ним на личные темы Эми в такой обстановке не захотела. Он спас ей жизнь, она была ему благодарна... но Морт был ее мужем, она любила его долгие годы, и в глубине души знала, что в тот роковой день не только папек Фреда Эванса спустил курок.

Она подозревала, что рано или поздно она бы все равно решилась на эту встречу, чтобы расставить для себя все по местам. Это могло бы произойти через год, через два или даже через три года. Но некоторые случившиеся в последнее время события заставили ее действовать более решительно. Она надеялась, что Тед позволит ей поехать в Нью-Йорк одной, но он был непреклонен. Нет, сказал он, однажды он ее уже отпустил, и ее чуть не убили. Хватит и одного раза.

Эми в ответ сурово заметила, что он не мог ее в тот раз «отпустить», потому что она его и не спрашивала, но Тед только пожал плечами. Они поехали вместе в Нью-Йорк, вместе поднялись на пятьдесят третий этаж огромного небоскреба, и вместе вошли в небольшой кабинет, служивший пристанищем Фреду Эвансу, когда он работал... если, конечно, он не выезжал на место происшествия.

Она села, поглубже забившись в угол, и хотя в помещении было тепло, не стала снимать шаль.

Эванс держался доброжелательно, разговаривал спокойно и неторопливо. Он напоминал ей деревенского доктора, который навещал ее в детстве. Эванс ей нравился. «Но он этого никогда не узнает, — подумала она. — Даже если я наберусь мужества и скажу ему об этом, он наверное кивнет, но вряд ли поверит. Скорее всего, он считает, что навсегда останется в моих глазах человеком, который застрелил Морта, и затем наблюдал, как я рыдала у него на груди, пока не приехала скорая помощь, и один из санитаров не сделал мне укол, чтобы меня можно было от него оторвать. И он не знает, что несмотря на все это, он мне очень нравится».

Он вызвал по селектору какую-то женщину, и она принесла им три больших дымящихся кружки чаю. На дворе был уже январь, ветреный, морозный. Она с тоской подумала, что в Тэшморе озеро уже наверное замерзло и ледяной ветер гонит по льду поземку. Затем, по какой-то ассоциации, она вспомнила, как упал на пол Морт, и из кармана у него выскочила и заскользила по полу начка Пэл Мэл. Она поежилась, кутаясь в шаль.

— Вы хорошо себя чувствуете, миссис Милнер? — спросил Эванс.

Она кивнула.

Серьезно нахмурившись, крутя в руках трубку, Тед начал разговор. — Моя жена хотела бы услышать от вас, мистер Эванс, все, что вы знаете об этой истории. Вначале я собирался отговорить ее от этой встречи, но потом подумал, что, может быть, это пойдет ей на пользу. С тех пор ей регулярно снятся кошмары...

— Конечно, — сказал Эванс, не глядя на Теда, обращаясь исключительно к Эми, — и еще будут сниться. Я тоже через это прошел. Я впервые в жизни застрелил человека. — Он помолчал затем добавил:

— Будь я на год или два старше, я бы, вероятно, попал во Вьетнам.

Эми в ответ улыбнулась. Улыбка ее была слабой, но это была улыбка.

— Она слышала все это во время следствия, — продолжал Тед, — но хотела бы услышать еще раз. От вас. И без юридического жаргона.

— Я понимаю, — сказал Эванс. Он показал на трубку. — Вы можете здесь курить, пожалуйста.

Тед поспешно сунул трубку в карман, как будто устыдившись. — Я вообще-то пытаюсь бросить.

Эанс снова посмотрел на Эми. — А как вы считаете, для чего вам это нужно? — спросил он все тем же благожелательным тоном.

— Не знаю. — Голос ее прозвучал спокойно. — Но три недели тому назад мы с Тэдом ездили в Тэшмор, чтобы привести в порядок дом — мы решили его продать — и там кое-что случилось. То есть там произошли две вещи. — Она взглянула на мужа и вновь слабо улыбнулась. — Тэд знает, что там что-то было, потому что в этот момент я решила связаться с вами, но не знает, что именно. Боюсь, что это его нервирует. И, возможно, он прав.

Тед не стал отрицать, что это его нервирует. Рука его потянулась в карман за трубкой. Но он только дотронулся до нее и не стал вынимать.

— А эти две вещи... они как-то связаны с тем, что произошло в вашем доме на озере в октябре?

— Не знаю, мистер Эванс.. Я не знаю, что там в точности произошло. А вы?

— Что ж, — сказал он, откидываясь в кресле и прихлебывая чай из кружки, — если вы приехали, ожидая услышать ответы на все вопросы, то боюсь, что вы будете разочарованы. Я могу рассказать о пожаре, но почему ваш муж сделал то, что он сделал... здесь вы, наверное, сможете объяснить все гораздо лучше чем я. Что касается пожара, то нас прежде всего удивило, что он начался не с главного дома, а с пристройки, где был кабинет мистера Рэйни. Это наталкивало на мысль, что вся акция была направлена против него, хотя его самого там и не было.

Затем в том месте, где был кабинет, мы обнаружили большой фрагмент бутылки. В свое время в ней было вино, — шампанское, если быть точным, — но у нас не возникло сомнений, что в последний раз в нее наливали бензин. На ней частично сохранилась наклейка, которую мы отправили факсом в Нью-Йорк. Эксперты определили, что это Моэ и Шандон тысяча девятьсот восемьдесят какого-то года. Это не могло служить доказательством, миссис Милнер, что бутылка с зажигательной смесью происходит из вашего винного погреба. Но это наводило на размышления, поскольку в вашем страховом полисе было указано не меньше двенадцати бутылок Моэ и Шандон, часть из них — 1983, а часть — 1984 года.

Это заставило нас предположить, — как бы это ни казалось тогда абсурдно, — что дом подожгли либо вы, либо ваш бывший муж. Вы утверждали, что уходя из дому в тот вечер, вы не заперли входную дверь...

— Я говорила «может быть», и до сих пор не могу вспомнить, так ли это было, — сказала Эми. — Я выросла в маленьком городке, а деревенские привычки очень живучи. Морт... — Она запнулась, губы ее скривились, и ей пришлось плотно их сжать, так, что они побелели. Справившись с собой, она тихо договорила; — Он меня за это ругал.

Тед взял ее за руку.

— Это было в общем неважно, — сказал Эванс. — Если вы и заперли дверь, мистер Рэйни все равно мог попасть в дом, потому что у него по-прежнему оставался ключ. Верно?

— Да, — сказал Тэд.

— Если бы вы точно сказали, что дверь была заперта, возможно, это бы ускорило ход следствия. Но нет смысла сейчас рассуждать задним числом... Говорят, что это приводит к язве желудка, и я с этим согласен. Короче говоря, поскольку миссис Рэйн — простите, миссис Милнер — утверждала, что дверь не была заперта, мы вначале решили, что поджигателем мог быть кто угодно. Но когда на горизонте появилось предположение, что бутылка была из вашего погреба, это позволило несколько сузить круг подозреваемых лиц.

— Потому что *это* помещение было заперто, — сказал Тед.

Эванс кивнул. — Помните, миссис Милнер, как я спрашивал вас, у кого есть ключи от погреба?

— Называйте меня Эми, хорошо?

— Хорошо. Вы помните это, Эми?

— Да. Мы стали запирать винный погреб три или четыре года назад, когда обнаружили пропажу нескольких бутылок красного столового вина. Морт думал, что это домработница. Мне не хотелось на нее грешить, потому что она мне нравилась. Но, вероятно, так оно и было. В общем, мы стали запирать погреб, чтобы не вводить никого в искушение.

Эванс поглядел на Теда Милнера.

— У Эми был ключ от винного погреба, и еще один ключ должен был, по ее словам, находиться у мистера Рэйни. Так что вариантов было не много. Конечно, если бы это была Эми, вы, мистер Милнер оказались бы с ней в сговоре, так как ваши алиби взаимно подтверждали друг друга. У мистера Рэйни не было алиби, но он был далеко. Но главное, мы не могли увидеть мотивы для преступления. Он был успешным писателем и это обеспечивало и ему, и Эми вполне безбедную жизнь. Тем не менее, мы исследовали бутылку на отпечатки пальцев, и обнаружили два отчетливых отпечатка. Это было на следующий день после нашей встречи в Дерри. Оба отпечатка принадлежали мистеру Рэйни. Но и это еще ничего не доказывало.

— Неужели? — спросил удивленно Тед.

Эванс покачал головой. — Лабораторные исследования подтвердили, что отпечатки появились на бутылке до пожара, но как давно они появились, сказать было невозможно: жировые вещества, из которых они состоят, сплавившись от высокой температуры. А если исходить из предположения, что бутылка эта когда-то стояла в погребе, то ведь кто-то должен был ее туда поставить, вынув из ящика, в котором она хранилась, или из коробки. И это могли быть либо мистер, либо миссис Рэйни. И они могли бы утверждать, что отпечатки появились именно в тот момент.

— В те дни он бы уже вряд ли смог вести с вами эту дискуссию, — мягко сказала Эми.

— Скорее всего, вы правы, но мы тогда этого не знали. Мы знали только, что обычно люди берут бутылку за горлышко или за верхнюю часть. А эти два отпечатка были совсем рядом с доннышком, и под очень странным углом.

— Как будто он держал бутылку горизонтально или вверх ногами, — подсказал Тед. — Вы ведь так и говорили на следствии?

— Да. И люди, которые хоть что-нибудь понимают в вине, так обычно не делают. В большинстве вин это взбаламучивает осадок. А в шампанском...

— Выделяется газ, — сказал Тед.

Эванс кивнул. — Если вы как следует потрясете бутылку шампанского, она может взорваться.

— Но в данном случае в ней не было шампанского, — спокойно заметила Эми.

— Совершенно верно. И все-таки, это не было доказательством. Я объехал все окрестные бензоколонки, пытаясь выяснить, не покупал ли в тот вечер кто-нибудь, похожий на мистера Рэйни, небольшого количества бензина. Но безрезультатно. Это меня не слишком удивило: он мог купить бензин в Тэшморе или на любой заправочной станции по пути.

Затем я решил еще раз поговорить с Патрисией Чэмпион, которая была одним из свидетелей. Я показал ей картинку с изображением «бьюика» модели 1986 года, на котором, по нашим предположениям, мог приехать мистер Рэйни. Она сказала, что, возможно, это была именно такая машина, но что точно утверждать она не может. Таким образом, я оказался в тупике. Я еще раз пошел на то место, где стоял дом, надеясь отыскать какую-нибудь нить, и встретил там вас, Эми. Это было рано утром. Я хотел задать вам кое-какие вопросы, но вы были чем-то явно расстроены. Я спросил только, зачем вы пришли туда, и вы в ответ сказали странную вещь. Вы сказали, что собираетесь ехать в Тэшмор повидать вашего мужа, но сперва решили взглянуть на сад.

— По телефону он все время говорил о том, что он называл моим потаенным окном... которое выходило в сад. Он говорил, что оставил там что-то. Но там ничего не было. Во всяком случае, я не видела там ничего.

— Когда мы встречались, он произвел на меня немного странное впечатление, — медленно сказал Эванс. — Как будто он слегка... сошел с рельсов. Дело было не в том, что он лгал, хотя в некоторые моменты я был в этом абсолютно уверен. Но в нем было еще что-то. Какая-то дистанция.

— Да. Я ощущала в нем эту дистанцию все больше и больше.

— У вас был озабоченный и совершенно потерянный вид, и я вдруг подумал, не стоит ли мне поехать за вами вслед. И укрёпился в этом решении, когда вы попросили не говорить мистеру Милнеру, куда вы поехали, если он станет вас разыскивать. Мне показалось, что эта просьба исходит не от вас. И я подумал, вдруг я найду какой-нибудь ключ. А еще мне пришло в голову... — он запнулся, и беспомощно поглядел на Эми.

— Вы подумали, что со мной может что-то случиться, — сказала она. — Я благодарна вам, мистер Эванс. Вы знаете, что он мог меня убить. Если бы вы за мной не поехали, он бы меня убил.

— Я оставил машину у шоссе и пошел по дорожке к дому. В это время из дома стали доноситься чудовищные крики и я побежал. И как раз подбегал к дому, когда вы вылетели из двери, а вслед за вами явился он.

Эванс серьезно взглянул на них обоих.

— Я просил его остановиться, — сказал он. — Я просил дважды.

Эми протянула руку и слегка дотронулась до его руки.

— Вот и все, — сказал Эванс. — Если я и знаю что-то еще, то главным образом из газет и из короткой беседы с мистером Милнером.

— Называйте меня Тед.

— Что ж, Тед. — Было видно, что Эвансу труднее освоиться с «Тедом», чем некоторое время назад — с «Эми». — Я знаю, что у мистера Рэйни было раздвоение личности, типичное для шизофрении, и что в нем жили как бы два человека, которые не подзревали, что существуют в одном теле. Я знаю, что одного из них звали Джон Шутер. Я знаю из показаний Херберта Крикмора, что мистер Рэйни вообразил, что этот Шутер преследует его в связи с рассказом «Время сеять», и мистер Крикмор специально послал журнал, где был напечатан этот рассказ, чтобы мистер Рэйни мог доказать, что он опубликовал его первым. Журнал прибыл по почте незадолго до того, как вы, Эми, там появились. Он был обнаружен в доме. Конверт, в котором он был получен, нашли на сиденьи «бьюика» вашего бывшего мужа.

— Но он ведь, кажется, вырезал из него рассказ? — спросил Тед.

— Не только рассказ, еще и страничку с оглавлением. Он позаботился о том, чтобы в журнале вообще не было его имени. У него был швейцарский армейский нож — им он, по всей видимости, и воспользовался. Вырезанные странички лежали в «бьюике», в отделении для перчаток.

— И в конце концов само существование этого рассказа стало загадкой даже для него, — тихо сказала Эми.

Эванс взглянул на нее, удивленно подняв брови. — Простите?

Она покачала головой. — Ничего.

— Ну вот, я рассказал вам все, что я знаю, — сказал Эванс. — Все остальное относилось бы уже к области домыслов. Я все-таки следователь страховой компании, а не психиатр.

— В нем действительно жили два человека, — сказала Эми. — Один был он сам... а другой — созданный им персонаж. Тед, считает, что само имя, Шутер, Морт произвел от названия маленького городка Шутерз Ноб в Тенесси, где родился Тед. Скорее всего, это так и было. Морт когда-то спрашивал об этом, и название, наверное, застряло у него в голове. Он всегда таким образом подбирал имена для своих персонажей... как анаграммы.

Всего остального я не знаю, но могу догадываться. Я могу сказать совершенно точно, что когда киностудия расторгла контракт на съемку фильма по его роману «Семья Делапорт», Морт был близок к нервному срыву. Они ясно дали понять — это может подтвердить и Херб Крикмор — что их озаботило случайное сходство со сценарием, который назывался «Домашняя команда», и который Морт раньше видеть не мог. Никто и не думал обви-

нять его в плагиате... но у него в голове это все повернулось именно таким образом. Реакция его была бурной и неадекватной. Представьте, что вы разворошили золу в том месте где уже давно никто не разводил костра, и обнаружили тлеющие угли.

— А вам не кажется, что он создал Джона Шутера, чтобы наказать вас? — спросил Эванс.

— Нет. Шутер должен был наказать *самого Морта*. Я думаю... — Она остановилась и поправила шаль, натянув ее глубже на плечи. Затем взяла не очень твердой рукой кружку с чаем. — Я думаю, что Морт когда-то в прошлом присвоил себе чужое произведение, — сказала она. — Скорее всего это было очень давно, потому что все, что он писал, начиная с «Сына шарманщика», публиковалось очень широко. Это бы не прошло незамеченным. Я даже не уверена, что он вообще опубликовал то, что украл. Но мне кажется, что когда-то это случилось, и что на самом деле Шутер пришел, чтобы напомнить ему об этом. Не о расторжении контракта с кинокомпанией, и не о... не о нашем романе с Тедом, и не о разводе. Наверное, все это тоже сыграло свою роль, но я думаю, что своими корнями эта история уходит в то время, когда мы еще не были с ним знакомы. И вот, когда он остался один в доме у озера...

— Явился Шутер, — сказал тихо Эванс. — Пришел и обвинил его в плагиате. Тот, у кого мистер Рэйни действительно когда-то украл произведение, этого не сделал, и поэтому он в конце концов должен был наказать себя сам. Но я не уверен, Эми, что там было только это. Все-таки он пытался вас убить.

— Нет, — сказала она. — Это был Шутер.

Он поднял брови в недоумении. Тед бросил на нее внимательный взгляд и снова достал из кармана трубку.

— *Настоящий* Шутер.

— Я не очень вас понимаю.

На лице у нее опять появилась слабая улыбка. — Я и сама себя не очень понимаю. Потому я и здесь. Я не думаю, что то, что я собираюсь вас рассказать, имеет какое-то практическое значение. Морт мертв, и все это в прошлом. Но, может быть, это будет полезно мне. Может быть, меня перестанут мучить кошмары.

— Тогда расскажите нам, — сказал Эванс.

— Видите ли, когда мы поехали приводить в порядок дом, мы остановились в Тэшморе у небольшого заведения, популярного среди местной публики, у Боуи. Теду надо было заправить машину, а я зашла внутрь, чтобы чего-то купить. Там я встретила человека, Сонни Троттса, который работал вместе с Томом Гринлифом. Том был старшим из тех двух сторожей, которых нашли убитыми. Сонни хотел мне сказать, как его огорчила вся эта история с Мортом. Но он сообщил мне и еще кое-что. Он видел Морта за день до его смерти, и хотел рассказать это ему самому. Это было связано с Томом Гринлифом — что-то такое, что Том поведал ему,

пока они вместе красили методистскую церковь. Сонни видел после этого Морта, но не стал ему об этом рассказывать. А потом он вспомнил, что это как-то связано с Грегом Кастерзом...

— Со вторым из убитых?

— Да. И он даже стал кричать Морту вслед, но Морт не услышал. А на следующий день он был уже мертв.

— Что же мистер Гринлиф сказал этому парню?

— Что ему показалось, что он встретил приведение, — спокойно сказала Эми.

Они смотрели на нее, не произнося ни слова

— Сонни сказал, что Том в последнее время стал забывчив, и что это его беспокоило. Сам Сонни считал, что это обычная старческая забывчивость, но Том шесть или семь лет тому назад ухаживал за женой, у которой была болезнь Альцгеймера, и он очень боялся, что у него начнется то же самое. Как сказал Сонни, если Том забывал кисточку, то потом полдня расстраивался по этому поводу. Поэтому, когда Грег Кастерз спросил его, запомнил ли он человека, которого он видел накануне на шоссе с Мормом Рэйни, и сможет ли он его узнать, Том сказал, что он не видел *никого* рядом с Мормом, что Морт был один.

Чиркнула спичка. Тед Милнер решил, наконец, закурить свою трубку. Эванс не обращал на него внимания. Он подался вперед в кресле, сосредоточенно глядя на Эми Милнер.

— Давайте внесем ясность. Как утверждает этот Сонни Трутс...

— Троттс.

— Хорошо, Троттс. Как он утверждает, Том Гринлиф на самом деле видел кого-то рядом с Мормом?

— Не совсем так, — сказала Эми. — Сонни сказал, что если бы Том был абсолютно уверен, он не стал бы врать Грегу. Но, как объяснил ему Том, в действительности он сам не знал, *что* он видел. Он был совершенно сбит с толку. И ему показалось, что лучше об этом вовсе не рассказывать. Он не хотел, чтобы кто-нибудь — в особенности Грег Кастерз, который тоже был сторожем, — увидел, как он сбит с толку. И чтобы кто-нибудь подумал, что у него начинается та же болезнь, что была у его жены.

— Простите, но я пока не очень понимаю.

— Как говорит Сонни, — сказала она, — Том ехал на своем «скауте» по шоссе и увидел Морта, который стоял совершенно один в том месте, где к шоссе выходит тропа от озера.

— Неподалеку от места, где нашли тела?

— Да. Совсем рядом. Морт помахал ему. Том помахал Морту. И проехал мимо. Затем, как рассказывает Сонни, Том взглянул в зеркало заднего обзора и увидел, что с Мормом стоит еще один человек. И старый пикап. Но за десять секунд до этого ни человека, ни машины там не было. Человек был, по его словам, в черной шляпе... но и человек, и машина были *прозрачными* — сквозь них было все видно.

— О, Эми, — мягко сказал Тед. — Он просто морочил тебе голову. А ты слушала.

Она покачала головой. — Не думаю. Сонни не так умен, чтобы сочинить такую историю. Он сказал, что Том уже собрался поговорить с Грегом и сообщить ему, что он все-таки видел этого человека. Опустив подробности насчет того, что он был прозрачный. Но, по словам Сонни, старик был страшно напуган. Он был убежден, что либо у него начинается болезнь Альцгеймера, либо он повстречал привидение.

— Да, это действительно жутковато, — сказал Эванс и почувствовал, как по рукам и по спине у него побежали мурашки. — Но это не прямое свидетельство... И человека, который это якобы видел, уже нет в живых.

— Да... но было еще кое-что. — Она поставила на стол кружку и начала рыться в сумочке. — Когда я приводила в порядок кабинет Морта, я нашла ту шляпу, ту ужасную черную шляпу. Она завалилась за письменный стол. Для меня это был шок, потому что я не ожидала ее там увидеть. Я думала, что ее забрала полиция, как улику, вещественное доказательство, — не знаю как что. Я выудила ее из-за стола при помощи палки. И так, держа ее на палке, вынесла на улицу и выбросила в мусорный ящик. Понимаете?

Том явно не понял. Эванс — понял. — Вы не хотели до нее догнаться.

— Совершенно верно. Я не хотела к ней прикасаться. Она упала, накрыв собой этот зеленый пластиковый мешок для мусора и лежала совершенно нормально, тульей вверх. Я могу в этом поклясться. Так я ее и оставила. Затем, примерно через час, я вышла, чтобы выкинуть мешок со старыми лекарствами, шампунями и прочей рухлядью из ванной. Когда я открыла крышку мусорного ящика, шляпа была перевернута. И вот это торчало внутри нее из-под ленты. — Она вынула из сумочки сложенный лист бумаги и передала его Эвансу. Рука ее все еще немного дрожала. — Я могу точно сказать, что когда я вынула шляпу из-за стола, этого в ней не было.

Эванс взял у нее бумажку и какое-то время подержал ее в руке. Она ему не понравилась. Была она слишком тяжелой и какой-то неприятной на ощупь.

— Я думаю, что Джон Шутер на самом деле существовал, — сказала она. — Я думаю, что он был лучшим произведением Морта, персонажем настолько ярким, что он сумел воплотиться в реальности.

— А мне кажется, что это — послание призрака.

Он развернул бумагу. Крупным ровным почерком посередине страницы на ней было написано следующее:

Миссис, приношу извинения за все причиненные неприятности. События вышли из-под контроля. Теперь я возвращаюсь домой. Я забираю свой рассказ, за которым в первую очередь я и приезжал. Он называется «Воронья миля», и это настоящий шедевр.

*Искренне ваш
Джон Шутер*

Подпись была не очень разборчивой.

— Эми, вы не узнаете руку вашего бывшего мужа? — спросил Эванс.

— Нет, — сказала она. — Ничего похожего.

Все трое переглянулись. Фред Эванс не нашел, что можно еще сказать. Молчание (и дым от трубки Теда Милнера) становилось невыносимым. Поэтому мистер и миссис Милнер выразили благодарность за эту беседу, откланялись и покинули кабинет с намерением жить дальше дружно и счастливо, а Фред Эванс остался с намерением еще поработать, но оба они — и он, и эта женщина, которая была когда-то замужем за Мортонем Рэйни, — просыпаются иногда посреди ночи оттого, что видят во сне человека в черной шляпе с круглыми полями. Он глядит на них выцветшими от солнца голубыми глазами, обрамленными сетью морщинок, глядит без любви... но, как чувствуют они оба, с какой-то суровой жалостью.

Это недобрый взгляд, и он не приносит успокоения, но оба они находясь в разных местах, знают, что могут его выдержать, и могут жить с ним, возделывая каждый свой сад.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ БИБЛИОТЕКИ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ БИБЛИОТЕКИ

Глава первая

ДУБЛЕР

1

Все, как решил Сэм Пиблз позже, произошло по вине проклятого акробата. Если бы акробат не написал в самое неподходящее время, Сэм никогда не напоролся бы на такие неприятности.

«Это не совсем плохо, — думал он, возможно, с горьким оправданием, — что жизнь, как узкая перекидина над бесконечной глубокой расщелиной, перекидина, по которой мы идем вслепую. Это плохо, но не совсем. Иногда нас спихивают с перекидыны».

Но это было позже. Ведь пьяный акробат был и до полицейского из библиотеки.

2

В Джанкшин Сити (в городе Узловом) в последнюю пятницу каждого месяца вечером проходило собрание спикеров местного Ротари Клуб. В последнюю пятницу марта 1990 года члены клуба планировали услышать, к своему удовольствию, Блистательного Джо, акробата из труппы Кэрри и Трембо «Все звезды цирка и странствующий карнавал».

Во вторник в пять минут шестого на столе Сэма Пиблза в его конторе «Недвижимость и страхование» в Джанкшин Сити зазвонел телефон. Сэм поднял трубку. Кроме Сэма никто трубку не снимал: или Сэм отвечал сам, или голос Сэма на автоответчике, потому что он был владельцем и единственным служащим этой компании. Он не был богат, но довольно счастлив. Он любил говорить людям, что ему еще далеко до первого «мерседеса», но у него был новенький «форд» и собственный дом на Келтон авеню. «К тому же, бизнес позволяет мне пить пиво и еще кое-что», — любил он добавять... хотя по правде, пиво он не пробовал со студенческих дней и не был вполне уверен, что такое «кое-что». Он думал, что это, возможно, кукиш с маслом.

«Компания Джанкшин Сити недвижимость и страхование. ?

— Сэм, это Крейг. Акробат сломал себе шею.

— Что?

— Ты все слышал, — мрачно воскликнул Крейг Джоунз — Акробат сломал свою чертову шею!

— О, — сказал Сэм. — Ну и дела. — Он подумал минуту и затем осторожно спросил: «Крейг, он еще жив?»

— Да, но если бы это были мы, могло бы быть иначе. Он в больнице у Кедровой Стремнины, на шею наложили толстый слой гипса. Мне только что звонил Билли Брайт. Он сказал мне, что этот акробат пришел сегодня на утреннее представление вдребезги пьяный, попытался сделать сальто-мортале на канате, но не попал на канат, а приземлился себе на шею. Билли сказал, что хруст был слышен на трибуне, где он сидел. Он сказал, что что-то хрустнуло, как будто наступили на лужу, покрытую тонкой корочкой льда.

— Ой, — воскликнул Сэм и передернулся.

— Ничего удивительного. В общем-то, Ослепительный Джо. Что это за имя для циркового акробата? Я бы сказал, Ослепительный Рэндикс, да. Ослепительный Тортеллини, неплохо. Но Ослепительный Джо? Для меня это прекрасный образчик сдвига по фазе.

— Боже, не так плохо.

— Дерьмо на палочке, вот что это. Завтра на собрании некому будет говорить, дружище.

Сэм пожалел, что он не ушел из конторы ровно в 4. Крейг переговорил бы с Сэмом-автоответчиком, и это дало бы Сэму — человеку время подумать. Он чувствовал, что ему понадобится время для обдумывания. И он также чувствовал, что Крейг Джоунз не дает ему ни минуты.

— Да, — скаазл он. — Я полагаю, что это верно. Он надеялся, что дает философский ответ, которым не воспользуешься. «Как досадно»!

— Конечно, — сказал Грейг и затем закинул удочку. — Но я знаю, что ты будешь счастлив заполнить брешь.

— Я? Крейг, ты шутишь. Не то что сальто-мортале, я не сделаю и простой кувырок.

— Я подумал, что ты мог бы говорить о важности самостоятельного бизнеса в жизни маленького города, — безжалостно нажимал Крейг Джоунз. — Если это не подойдет, то говори о бейсболе. Если не о том, то сними штаны и потряси своими причиндалами перед слушателями. Сэм, я не просто возглавляю комитет спикеров. Но с тех пор, как Кенни уехал, а Карл перестал приходить, я и есть комитет. Теперь тебе надо мне помочь. Завтра вечером мне нужен выступающий, По крайней мере, во всем клубе лишь 5 человек, кому я могу доверять, и ты один из них.

— Но...

— К тому же, ты единственный, кто не ходил на замены в таких ситуациях, поэтому жребий пал на тебя, дружище.

— Фрэнк Стивенс...

— ... заменял парня из союза водителей грузовиков в прошлом году, когда тот был дисквалифицирован за обман и лишен права

выступать на людях. Сэм, это твоя очередь в нашей упряжке. Ты можешь подвести меня. Ты у меня в долгу.

— Но я возглавляю страховое дело, — воскликнул Сэм. — Если я не выписываю страховые обязательства, я продаю фермы. В основном банкам. Для многих людей это скука... Для кого не скука, то — отвращение.

— Это ничего не значит, — Крейг начал решительное наступление, растапывая хилые возражения Сэма, как солдат коваными сапогами. — К концу обеда они будут навеселе. Они не запомнят ни слова из того, что ты сказал уже на следующее утро, но пока мне нужен кто-нибудь для получасового выступления, и ты этот человек.

Сэм продолжал возражать и далее, но Крейг не переставал безжалостно настаивать. Надо. Должен. В долгу.

— Хорошо, — сказал Сэм, наконец. — Хорошо, хорошо. Довольно.

— Друг! — воскликнул Крейг. В голосе его мгновенно послышалась вся гамма звуковых оттенков. — Запомни, выступление не должно быть не более 30 минут, плюс, может быть, десять минут на вопросы. Ты и впрямь можешь потрясти своими причиндалами, если хочешь. Сомневаюсь, что кто-то увидит, но...

— Крейг, — сказал Сэм, — довольно.

— Ну прости! Sheh mah mouf, — Крейг захихикал, вероятно, от облегчения.

— Послушай, почему бы нам не закончить наш спор? — Сэм потянулся за успокоительными таблетками, которые он держал в ящике своего стола. Он вдруг почувствовал, что ему понадобятся несколько таблеток в ближайшие сутки. — Похоже на то, что мне придется составлять речь.

— Договорились, — сказал Крейг. — Только помни, обед в 6, речь в 7.30. Как говорят на Гавайской волне, Aloha!

— Aloha, Крейг, — сказал Сэм и повесил трубку. Он уставился на телефон. Он почувствовал, что что-то горячее поднимается у него в груди и подступает к горлу. Рот у него приоткрылся, и он почувствовал отрывку — продукт работы желудка, который пять минут тому назад был довольно спокоен.

Он проглотил первую таблетку, которой суждено было стать одной из многих.

3

Вместо того, чтобы идти играть в кегельбан в тот вечер, Сэм Пиблз заперся в своем кабинете, положив перед собой желтый блокнот с линованными листами, пачку сигарет «Кент» и упаковку прохладительного из 6 банок. Он отключил телефон, закурил и уставился на желтый блокнот. Спустя пять минут он написал в начале верхнего листа:

ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ АМЕРИКИ

Он произнес это вслух, и ему понравилось, как это звучит. Ну... может, не то что понравилось, но с этим можно жить. Он произнес это громче, и ему это понравилось больше. Чутьочку больше. На самом деле малый бизнес не так уж хорош; приходилось даже сосать лапу, но не кричать же: «Коммунизм: угроза или опасность». И Крейг прав, большинство из слушающих наутро с похмелья не смогут вспомнить, что они слышали накануне.

Заметно воодушевившись, Сэм начал писать.

«Когда я в 1984 году переезжал в Джанкшн Сити из более или менее процветающей метрополии Эймиз...»

«... и вот почему я знаю теперь, как я знал это в то ясное сентябрьское утро 1984 года, что малый бизнес — это не просто источник жизненной силы Америки, но и яркий и искрящийся источник жизненной силы всего западного мира».

Сэм остановился, загасил сигарету в пепельнице на своем столе в конторе и с надеждой посмотрел на Нейоми Хиггинз.

— Ну, что вы думаете об этом?

Нейоми была симпатичной молодой женщиной из Провербии, города в четырех милях от Джанкшн Сити. Она жила в стареньком доме у реки Провербия со своей старенькой мамой. Многие члены клуба Ротари знали Нейоми, и время от времени завязывались споры о том, кто сдастся первым, мама или дом. Сэм никогда не знал, кто выиграет пари, но окончательное решение от них не зависело.

Нейоми закончила городской коммерческий колледж в штате Айова и владела стенографией. Поскольку она была единственной местной женщиной, владеющей этим искусством, на нее был большой спрос среди немногочисленных бизнесменов Джанкшн Сити. У нее еще были исключительно красивые ноги, но это ей не мешало. Она работала по утрам пять раз в неделю для четырех мужчин и одной женщины: двух адвокатов, одного банкира и двух продавцов недвижимости. Во второй половине дня она возвращалась в свой старенький дом, и когда она ухаживала за своей старенькой мамой, она печатала расшифровку стенограмм.

Нейоми работала на Сэма Пиблза по пятницам с 10 до 12 утра, но в это утро он отложил в сторону корреспонденцию, хотя на некоторые письма надо было срочно ответить, и попросил Нейоми послушать что-то.

— Конечно, — ответила Нейоми. Она немного заволновалась, как будто подумала, что Сэм, которому она изредка назначала свидания, намеревается сделать ей предложение. Когда он объяснил, что Крейг Джоунз предлагает ему заменить пострадавшего акробата и что он хотел бы, чтобы она послушала его выступле-

ние, она успокоилась и прослушала всю его речь, целых 26 минут, с неослабевающим вниманием.

— Не стесняйтесь, говорите честно, — закончил Сэм свою речь, прежде чем Нейоми смогла раскрыть рот.

— Речь хорошая, — сказала она. — Довольно интересная.

— Нет, так не пойдет, не щадите моих чувств. Говорите начистоту.

— Я говорю вам честно, действительно хорошо. К тому же, когда вы начнете говорить, все они уже...

— Да, они все окосеют, я знаю. — Такое предположение поначалу успокаивало Сэма, но теперь это его чуточку обескураживало. Слушая самого себя, он вдруг подумал, что речь действительно хороша.

— Есть одна вещь, — задумчиво сказал Нейоми.

— Да?

— Что-то... знаете ли... суховато.

— Неужели, — сказал Сэм. Он вздохнул и потер глаза. Он работал до часа ночи; сначала писал, затем редактировал.

— Но это легко исправить, — заверила она. — Просто пойдите в библиотеку и возьмите пару нужных книг.

Сэм вдруг почувствовал резкую боль в животе и схватил успокоительное. Заниматься исследованием для какой-то речи, в Ротари Клуб? Рыться в библиотеке? Это уж слишком. Он никогда не бывал в городской библиотеке в Джанкшн Сити, и сейчас не видел причины идти туда. Однако, Нейоми внимательно его прослушала, Нейоми старалась помочь, и невежливо было не прислушаться к тому, какое у нее сложилось мнение.

— Какие книги?

— Знаете ли, книги, которые помогут сделать выступление веселее. Это такие, как... — Нейоми замаялась. — Ну, вы знаете жгучий соус, который можно заказать в ресторане «Уют по-китайски»?

— Да...

— Что-то вроде этого. В этих книгах шутки. И еще, есть книга «Самые любимые стихотворения американцев». Вы могли бы взять что-нибудь оттуда для завершения вашей речи. Что-нибудь бодрящее?

— Там что, стихотворения о важности малого бизнеса для жизни в Америке? — недоверчиво спросил Сэм.

— Когда звучат стихи, у людей повышается настроение, — сказала Нейоми. — Никому неважно, о чем они, Сэм, тем более, для чего.

— И что, есть книги, в которых собраны шутки специально для выступлений? — Сэм отказывался верить в это, хотя если бы он услышал, что в библиотеке есть книги о такой чепухе, как ремонт маленького мотора или уход за париком, он бы по меньшей мере удивился.

— Да.

— Откуда вы знаете?

— Когда Фил Брейкман баллотировался в Сенат, я все время печатала для него выступления, — сказала Нейоми. — У него была одна из таких книг. Правда, я не помню ее названия. Насколько я помню, это «Шутки для Джона», но едва ли это правильно.

— Едва ли, — согласился Сэм, думая, что несколько пикантных выдержек из книги «Шутки для Джона» принесли бы ему сногшибательный успех. Но он начинал понимать, что имеет ввиду Нейоми, и эта идея ему понравилась, несмотря на свое нежелание идти в библиотеку после такого многолетнего пренебрежения ею. Капельку приправы для банальной речи. Приукрасы свои недостатки, преврати надоевшую пищу в коронное блюдо. А библиотека, в конце концов, и есть библиотека. Если не знаете, как найти то, что вам нужно, подойдите и спросите библиотекаря. Отвечать на вопросы — его работа, разве нет?

— Но, между прочим, вы могли бы оставить это, как есть, — сказала Нейоми. Я хочу сказать, что они будут навеселе. — Она посмотрела на Сэма лаского и строго и затем взглянула на часы. — У нас есть еще около часа. Вы хотели ответить на несколько писем?

— Пожалуй, нет. Почему бы вам не напечатать мое выступление? — Но уже принял решение провести обеденный перерыв в библиотеке.

Глава вторая

БИБЛИОТЕКА (I)

1

Живя в Джанкшн Сити, Сэм проходил мимо библиотеки сотни раз, но только сейчас он действительно взглянул на нее; и он сделал поразительное открытие: внешний вид библиотеки вызывал у него отвращение.

Городская библиотека стояла на углу Стейт Стрит и Миллер Авеню, это была облицованная гранитом коробка, окна которой были похожи на бойницы. Покатая крыша нависала со всех четырех сторон здания, и из-за узких окон и теней, отбрасываемых крышей, здание было похоже на сердитое лицо каменного робота. Дом был выдержан в стиле архитектуры штата Айова, хорошо знакомом Сэму Пиблзу, который занимался продажей земельных участков и строений почти двадцать лет и который придумал ему название: Уродец Среднего Запада. Неприглядный вид этого здания скрашивали клены, которые образовывали что-то вроде роши вокруг него весной, летом и осенью. Но теперь, в конце су-

ровой айовской зимы, на кленах не было листьев, и библиотека была похожа на склеп невероятных размеров.

Ему не нравилось это здание; оно вызывало чувство неудобства; он не знал почему. В конце концов это была просто библиотека, а не темницы Инквизиции. Все же противная отрыжка поднялась в груди, когда он шел по вымощенному плитами тротуару. Во рту появился странный сладковатый привкус, который напомнил ему о чем то, о чем-то очень далеком. Он положил успокоительную таблетку в рот, начал разгрызать ее и вдруг четко решил, что его выступление достаточно хорошо в таком виде, в каком оно есть. Не здорово, но достаточно хорошо. В конце концов, это всего лишь Ротари Клуб, а не ООН. Хватит обыгрывать его. Он собрался было вернуться в контору и заняться письмами, которые он проигнорировал сегодня утром.

Он уже начал поворачивать назад, но подумал: «Как-то по-дурацки. В самом деле, по-дурацки. Ты что, хочешь быть дураком? Ладно. Но ведь ты согласился сделать эту чертову речь; почему же не сделать хорошую?»

Он задумался, входить ему в библиотеку или нет. Он любил пошутить насчет Ротари Клуба. И Крейг тоже. И Франк Стивенс. Не упускали возможности посмеяться над этими собраниями почти все молодые бизнесмены в Джанкшн Сити. Но они редко пропускали их, и Сэму казалось, что он знал причину: в этом месте можно наладить связи. Здесь таким, как он, можно было встретить какого-нибудь местного бизнесмена и постарше. Таких, как Элмер Баскин, благодаря банку которого удалось достроить открытый торговый центр в Бивертоне два года тому назад. Таких, как Джордж Кенди, который, как говорили, при желании мог бы достать три миллиона долларов для целей развития, стоило ему набрать нужный номер...

Это были солидные люди города, большие любители баскетбола в своей школе, они ходили стричься к Джимми; ложась в постель, надевали не пижаму, а боксерские трусы и просторную майку, даже теперь пили пиво из горла, но оставшись хотя бы на один вечер в кафе у Кедровой Стремнины, не позволяли обслуживать себя не по первому классу. Это были мускулы и нервы. Джанкшн Сити, а поняв это, понимаешь, почему Сэм не переставал наведываться в клуб по пятницам вечером. Разве не становится понятным, почему Крейг позонил в такой запарке, узнав, что глупый акробат сломал свою глупую шею? Следует привлечь к себе внимание мускулов и нервов, но не тем, что ты обмешурился. «Они все будут навеселе,» — говорил Крейг, и Нейоми сказала то же; Сэму же пришло в голову, что он никогда не видел, чтобы Элмер Баскин брал что-нибудь крепче кофе. Ни разу. И он, вероятно, не один такой. Некоторые из них могут напиться... но не все. И напьются, по всей вероятности, те, от которых мало толку.

Воспользуйся данным тебе правом, Сэм, и может быть, поможешь себе. В этом нет ничего невозможного.

Да, нет. Невероятно, конечно, но не невозможно. И в этом было еще что-то, нет, не теневая политика, которую можно сдать или не сделать на собрание спикеров в Ротари Клуб в пятницу вечером, а возможность гордиться отлично выполненной работой. Итак, это было просто дурацкое выступленье. Ну и что?

И это была дурацкая библиотечка в маленьком городе. Что важное можно связывать с ней? Вокруг нее даже кусты не растут.

Сэм вновь направился к входу, но он остановился и нахмурил лоб. Как странно, что он подумал об этом; на пустом месте, казалось, появилась интересная мысль. Вокруг библиотеки не растут кусты. Какое это имеет значение? Он не знал..., но он точно знал, что это действовало на него магически. Несвойственная ему нерешительность улетучилась, и он еще раз направился к входу. Он поднялся по четырем каменным ступеням и помедлил. Вокруг не было никого. Он ухватился за ручку двери и подумал: «Бьюсь об заклад, она заперта. Бьюсь об заклад, что библиотека не работает по пятницам после обеда». В этой мысли было что-то странно успокоительное.

Но старомодная щеколда повернулась, и тяжелая дверь бесшумно качнулась вовнутрь. Сэм вошел в небольшое фойе, наступая на пол, выложенный белыми и черными мраморными прямоугольниками. В центре вестибюля стоял треножник, на котором была прикреплена табличка, состоящая из одного слова, написанного очень большими буквами:

ТИШИНА!

Не: МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО или: СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ, ПОЖАЛУЙСТА, а лишь одно броское, четкое слово: ТИШИНА!

— Бейся об заклад, — сказал Сэм. Он только пробормотал слова, но здесь была очень хорошая акустика, и его тихое бормотание отозвалось ворчливым эхом, и он съежился. Показалось, что эхо накатило на него с высокого потолка. В этот момент он почувствовал, будто он снова в четвертом классе и что миссис Глейстез сейчас всыплет ему за то, что он отключился в неподходящий момент. Он огляделся неловко вокруг, полагая, что какая-нибудь недоброжелательная библиотекарша стремительно прибежит из главного зала, чтобы посмотреть, кто это осмелился нарушить тишину.

— Перестань, бога ради. Тебе сорок лет. Четвертый класс, это так давно, дружище.

Но здесь это не казалось далеким. Здесь четвертый класс был почти рядом, только протяни руку и потрогай.

Он прошел по мраморному полу слева от треножника, подсознательно подаваясь вперед, чтобы не стучать каблуками, и вошел в главный зал городской библиотеки Джакши Сити.

С потолка, который был метров на шесть выше, чем в фойе, свисало несколько стеклянных плафонов, ни в одном из которых не горели лампочки. Свет проникал через два больших верхних угловых люка. Этих люков было бы достаточно в солнечный день, возможно, даже было бы уютно и приятно. Но в ту пятницу было пасмурно и мрачно, и света явно не хватало. В углах притаились хмурые тени.

Сэм Пиблз почувствовал, что сделал что-то не так. У него было такое чувство, будто он не просто вышел в дверь и пересек фойе; он почувствовал, будто он вошел в другой мир, абсолютно не похожий на мир маленького Айова, который он иногда любил, иногда ненавидел, но чаще принимал таким, как есть. Здесь воздух казался тяжелее нормального и, казалось, не проводил света, как нормальный воздух. Тишина давила, как тяжелое одеяло. Холдила, как снег.

В библиотеке никого не было.

По стенам на высоте человеческого роста висели полки с книгами. Подняв голову к верхним люкам, на которых были установлены металлические решетки, Сэм почувствовал, что у него закружилась голова. Мгновенно ему показалось, что его перевернули вниз головой и повесили за ноги над глубокой квадратной пропастью, обрамленной книгами.

Вдоль стен там и тут стояли стремянки на резиновых колесах. На всем замкнутом пространстве от того места, где он стоял, до столика библиотечаря в дальнем конце большой высоченной комнаты было два деревянных островка. Один островок — длинная дубовая стойка для журналов. Каждый журнал в аккуратной пластиковой корочке имел свое место на стойке. Под ними, казалось, прятались странные животные, следящие за этой молчаливой комнатой. Табличка наверху стойки изрекала команду:

КЛАДИТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ НА МЕСТО!

Налево от стойки для журналов висела полка с абсолютно новенькими книгами художественной литературы. Табличка наверху полки устанавливала семидневный срок пользования ими.

Сэм прошел мимо стойки с журналами и полкой с книгами, выдаваемыми на семь дней, и несмотря на желание двигаться бесшумно, он слышал стук своих каблуков. Он осознавал, что зря не поддался первому импульсу повернуться и уйти назад в контору. Здесь хозяйничали привидения. Хотя на столе библиотечаря стоял включенный маленький аппарат для микрофильмов, накрытый чехлом, никого рядом не было, ни мужчины, ни жен-

щины. На столе была табличка с надписью А. Лортц, но А. Лортц (или еще кого-нибудь) не было и в помине.

«Видно, сопровождает какого-то дурака и помогает ему отыскать свежий номер библиотечного издания».

У Сэма появилось дикое желание открыть рот и закричать: «Все в порядке, А. Лортц?» Но это желание быстро прошло. Публичная библиотека Джанкшн Сити не годилась для развлечений и острот.

На ум вдруг пришли детские стишки.

Смеха нет больше, веселья нет;
Заседает квакеров квартет,
Зубы покажешь, язык промелькнет,
Штрафом замучат, и фант пропадет.

«Если ты покажешь зубы здесь или промелькнет язык, заставит А. Лортц заплатить штраф?» подумал Сэм. Он вновь огляделся вокруг и всеми фибрами своей души почувствовал строгое отношение к нарушителям спокойствия и подумал, что мог бы предсказать, как на нарушителя прореагируют.

Позабыв, что ему нужна книга анекдотов или «Самые любимые стихотворения американцев», и подчинившись настороженной сонной атмосфере библиотеки, он машинально подошел к двери справа от полки с новенькими книгами. По табличке на двери было ясно, что здесь детская библиотека. А он ходил в детскую библиотеку, когда мальчиком жил в Сан-Луи? Ему казалось да, но воспоминания об этом были неясными, далекими и почти нереальными. И все же, приближаясь к двери детской библиотеки, он ощутил почти утраченное, но знакомое чувство. Будто он пришел домой.

Дверь библиотеки была закрыта. На ней была нарисована маленькая Красная Шапочка, она смотрела на волка, который лежал в бабушкиной постели. На волке была надета бабушкина ночная рубашка и бабушкин чепец. На морде — оскал. На обнаженных клыках — пена. Прелестное личико Красной Шапочки исказилось от выражения явного ужаса, и, судя по рисунку, нечего было надеяться на счастливый конец, оставалось лишь быть уверенным, что счастливый конец, какой бывает в волшебных сказках, был заведомой ложью. Красная Шапочка своим изменившимся лицом как будто говорила, что родители могут верить такой болтовне, но малыши-то знают лучше.

«Неплохо, — подумал Сэм. — Клянусь, дети валом повалят в детскую библиотеку, если увидят, что нарисовано на двери. Особо маленькие».

Он открыл дверь и просунул голову.

Чувство неудобства сразу улетучилось; он был мгновенно очарован. Конечно, рисунок на двери никуда не годился, он в самой библиотеке все было абсолютно правильно. Конечно, он ходил в библиотеку, когда был ребенком; одного взгляда на этот бе-

зупречный мир было достаточно, чтобы возродить воспоминания. Его отец умер молодым; единственный ребенок в семье, Сэм воспитывался матерью, которая работала и которую он видел лишь по воскресеньям и праздникам. Когда он не мог сдать деньги, чтобы пойти в кино после школы, — а это была часто — он шел в библиотеку, и комната, которую он сейчас видел, напомнила те далекие дни неожиданно нахлынувшей ностальгией, приятной, мучительной и почему-то пугающей.

Ранее это был малый мир, и теперь тоже; ранее это был хорошо освещенный мир, даже в самые мрачные, самые пасмурные дни, и такой же он сейчас. Стекланные висячие плафоны не существовали для этой комнаты; на навесном потолке за матовыми панелями были установлены лампы дневного света, не дающие тени, и сейчас они там же. Высота столов была немногим более полуметра, а стулья еще ниже. В этом мире взрослые были бы оккупантами, вторгнувшимися чужаками. Если бы они попытались сесть за эти столики, они уперлись бы в них коленками, и ни одна голова пострадала бы, если бы они пожелали напиться из фонтанчика, установленного на самой дальней стене.

Здесь не было ровных, мучительных длинных рядов полок, глядя на которые начинаешь чувствовать головокружение. Потолок был довольно низким, создавалось ощущение уюта, но не тесноты. Книги на полках — в переплетах не мрачных и тусклых, а броских естественных тонов: ярко-голубые, красные, желтые. В этом мире доктор Зюсс был королем, Джуди Блюм — королева, а все принцы и принцессы навевались в горную Долину Сладостей. Здесь Сэм вспомнил прежнее чувство благожелательности, книги так и просили, чтобы их потрогали, поддержали, на них посмотрели, их изучили. Однако вспомнилось что-то не совсем приятное.

Самое четкое ощущение — это ощущение утраченного удовольствия. На одной стене висела фотография щенка с большими задумчивыми глазами. Под многообещающей беспокойной мордашкой щенка начертана вечная истина: **БЫТЬ ХОРОШИМ ТРУДНО.** На другой стене нарисована группа диких уток, направляющихся к заросшему тростником берегу реки. **УСТУПАЙ ДОРОГУ МАЛЕНЬКИМ!** — гласила надпись.

Сэм посмотрел налево, и с его губ начала сходить улыбка, а затем исчезла совсем. Здесь, на плакате, большая темная машина стремительно удалялась от здания, которое он счел школой. Из машины выглядывал маленький мальчик. Ладонками он уперся в стекло, на губах застыл вопль отчаяния. На заднем плане человек, даже не человек, а смутное зловещее очертание, склонился над рулем и жал на педали. Под рисунком надпись:

**НИКОГДА НЕ СОГЛАШАЙСЯ КАТАТЬСЯ В МАШИНЕ
С НЕЗНАКОМЫМИ ЛЮДЬМИ!**

Сэму стало ясно, что этот плакат и рисунок с Красной Шапочкой на двери детской библиотеки вызывали одно и то же животное чувство страха, но плакат вызывал больше беспокойства. Конечно, дети не должны соглашаться на поездки с незнакомцами, конечно, их надо учить поступать правильно, но разве надо так?

«Сколько детей, — подумал он, — неделями испытывают кошмары из-за этой крошечной общественно важной надписи?»

А перед столиком библиотекаря был прикреплен еще один плакат, от которого по спине Сэма пробежали холодные мурашки. На нем испуганные мальчик и девочка, не старше восьми лет, съехившись, отпрянули от мужчины в шинели и серой шляпе. Казалось мужчина был ростом не ниже шести метров, тень от него падала на повернутые лица детей. Поля фетровой шляпы фасона сороковых годов отбрасывали тень на его лицо, а глаза человека в шинели безжалостно светились темным отсветом. Они устремились на детей, как два кусочка льда, и держали их мрачной силой своей Власти. Он протягивал абонементную папку читателя, на которой была прикреплена звезда, какая-то странная, по меньшей мере, девятиконечная. А может, даже двенадцатиконечная. Внизу было написано:

ЛУЧШЕ НЕ ИМЕТЬ ДЕЛО С БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИЕЙ!

ХОРОШИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ

ВОЗВРАЩАЮТ КНИГИ ВОВРЕМЯ!

Вновь во рту появился привкус. Сладковатый, неприятный. И в голове пронеслась странная, пугающая мысль: «Я видел этого человека раньше». Ну не смешно ли?

Сэм подумал, насколько такой плакат напугал бы его — ребенка, сколько незамысловатой, неомраченной радости он унес бы из спокойного приюта библиотеки, и почувствовал, что в груди нарастает негодование. Он сделал шаг вперед, чтобы посмотреть эту странную звезду, и одновременно стал доставать успокоительные таблетки из кармана.

Он уже клал одну таблетку в рот, когда услышал за спиной голос: «Эй, кто там?»

Он вздрогнул и повернулся, готовый дать отпор библиотечному дракону, который, наконец-то предстал перед ним.

2

Но предстал не дракон. Это была пухлая седоволосая женщина лет пятидесяти пяти, она бесшумно катила тролли с книгами. Ее седые волосы, аккуратно завитые в парикмахерской, обрамляли ее приятное гладкое лицо.

— Вероятно, вы ищете меня, — сказала она. — Вас направил мистер Пекм?

— Я вообще никого не видел.

Правда? Значит, он ушел домой, — сказала она. — Понятно, ведь сегодня пятница. Мистер Пекам приходит сюда вытереть пыль и почитать газету каждое утро в 11. Он привратник, на неполный рабочий день, конечно. Иногда он остается до 1 или 1.30, чаще всего по понедельникам, потому что в этот день больше всего были и газеты самые толстые, да ведь вы сами знаете, что самые тонкие газеты бывают в пятницу.

Сэм улыбнулся. — Я полагаю, вы библиотекарь?

— Она самая, — сказала миссис Лортц и улыбнулась ему. Но Сэм подумал, что ее глаза не улыбаются; казалось, что ее глаза внимательно с холодком следили за ним. — А вы кто?

— Сэм Пиблз.

— О, да! Недвижимость и страхование! Вот где ваша стихия!

— Виноват, исправлюсь.

— Обидно, что никого не оказалось в основной части библиотеки. Вы, должно быть, подумали, что библиотека закрыта и кто-то оставил дверь открытой по ошибке.

— Действительно, — сказал он, — я подумал об этом.

— С двух до семи дежурят трое из нас, — сказала миссис Лортц. — Два часа, потому что заканчиваются занятия в школе, как вы знаете в два — в специальных, в два тридцать — в общеобразовательных, в без четверти три — в старших классах. Дети — наши верные посетители и самые желанные для меня. Я люблю малышей. У меня была постоянная помощница, но в прошлом году городской Совет уменьшил ассигнования на нас на восемьсот долларов и... — Миссис Лортц сложила руки и глазами изобразила птичку, улетающую вдаль. Получилось смешно, но мило.

— А почему, — подумал Сэм, — мне не мило и не смешно?

— Из-за плакатов, — решил он. Он все еще пытался сопоставить Красную Шапочку, испуганного ребенка в автомобиле и ухмылку мрачного полицейского из библиотеки с этой улыбающейся библиотекаршей.

Она с исключительной доверчивостью протянула левую руку вперед, рука была маленькая, пухлая, округлая, как она сама. Он смотрел на безымянный палец и увидел, что на нем не было кольца значит она вовсе не миссис Лортц. То, что она была не замужем, показалось ему таким типичным для маленького города. Карикатура какая-то. Сэм постарался не думать об этом.

Вы у нас никогда ранее не бывали, мистер Пиблз?

— Нет, боюсь, что нет. И пожалуйста, называйте меня просто Сэм. — Он не знал, правда ли ему хотелось, чтобы эта женщина называла его Сэмом, но он был бизнесменом в маленьком городе и предложил называть себя по имени по инерции.

— Ну, спасибо, Сэм.

Он ждал, что в ответ она предложит, чтобы он называл ее по имени, но она лишь смотрела на него выжидающе.

— Я дал обещание, — сказал он. — С тем, кто должен был выступать сегодня в Ротари Клуб, случилась беда и...

— О, вот неприятность!

— Как для меня, так и для него. Запланировали мне выступить вместо него.

— О-и! — сказала миссис Лортц. В ее тоне чувствовалась тревога, а в глазах бегали смешинки. И все же Сэм не почувствовал расположения к ней, хотя он быстро чувствовал расположение к людям, чисто внешне всегда; ведь он был из тех людей, у кого было мало близких друзей и кто был вынужден заговаривать с незнакомыми людьми в лифте.

— Я написал выступление вчера вечером, а сегодня утром я прочел его молодой женщине, которая стенографирует и печатает для меня...

— Держу пари, это Нейоми Хиггинз.

— Да, но как вы узнали?

— Нейоми — наша постоянная читательница. Она берет в библиотеке много романов про любовь: Дженифер Блейк, Розмари Роуджерз, Пол Шелдон и других в таком же духе. — Она заговорила тише: — Она говорит, что книги для ее матери, но я думаю, что она читает их сама.

Сэм засмеялся. Да, по глазам Нейоми можно сказать, что она тайком читает романы про любовь.

— Как бы то ни было, я знаю, что она может работать в конторах большого города по приглашениям. Здесь же, в Джанкшн Сити, она заменяет целый штат секретарей. По логике вещей, она и должна быть той женщиной, о которой вы говорили.

— Да, ей понравилась моя речь или она просто сказала, что ей понравилась, но ей показалось, написано суховато. Она предложила использовать...

— Клянусь, что она посоветовала «Спутник оратора».

— В общем, она не могла вспомнить точное название, но похоже, что это она. — Он помедлил, затем спросил с некоторой тревогой: «А в ней есть шутки?»

— Все триста страниц шуток, — сказала она. Она протянула правую руку, на которой не было обручального кольца, как и на левой, и потянула его за рукав. — Вот сюда. — Держа его за рукав, она повела его к двери. — Я разрешу все ваши проблемы, Сэм. Мне бы хотелось, чтобы вам не пришлось перешагивать через себя чтобы заставить себя вновь прийти в библиотеку. У нас небольшая библиотека, но очень хорошая. Так мне кажется, по крайней мере, хотя я, конечно, не объективна.

Они вошли в главный зал библиотеки, где царили хмурые тени. Мадам Лортц щелкнула тремя выключателями у двери комнаты, и свисающие с потолка плафоны засветились и наполнили комнату теплым желтым светом, от которого в комнате заиграло.

— Когда пасмурно, в комнате становится мрачно, — сказала она доверительным тоном («Вы ведь не сомневаетесь, что находитесь в настоящей библиотеке».) Она все еще сильно тянула его за рукав. — Вы, конечно, знаете, что городской Совет недоволен тем, что мы тратим много электричества здесь... или возможно вы этого не знаете, но наверняка, можете себе представить.

— Конечно, — согласился Сэм тоже почти шепотом.

— Но это ничего в сравнении с их недовольством нашими расходами на отопление зимой. — Она закатила глаза. — Нефть обходится так дорого из-за этих арабов, а теперь до чего дошли: нанимают религиозных фанатиков, чтобы пытаться и убивать писателей.

— Довольно жестоко, — сказал Сэм и почему-то поймал себя на мысли, что думает о том высоком человеке на плакате, у которого в руке абонементная папка читателя со странной звездой на ней и зловещая тень которого падает на повернутые кверху лица детей. Как темное пятно.

— И конечно, я пробыла в детской библиотеке слишком долго. Я теряю счет времени, когда я там.

— Там интересно, — сказал Сэм. Он хотел было продолжить, спросить мадам Лортц о плакатах, но она опередила его. Теперь ему стало абсолютно ясно, по чьей вине он проделал этот экскурс по библиотеке в такой ни чем не примечательный день.

— Еще бы! Потерпите минутку. — Она положила руки ему на плечи — сделать это было не просто: ей пришлось потянуться и встать на цыпочки — на одно мгновение у Сэма промелькнула нелепая мысль, что она хочет поцеловать его. На самом деле она буквально пригвоздила его к скамейке, стоявшей вдоль полки с новенькими книгами.

— Я точно знаю, где найти ваши книги, Сэм. Мне даже не надо проверять по каталогу.

— Я мог бы достать их сам...

— Конечно, — сказала она, — но они в специальном хранилище, и я не люблю пускать туда посторонних, если я могу сделать что-то сама. Я чувствую здесь себя хозяйкой и всегда знаю, где взять то, что мне нужно.. по крайней мере, там. Наверное, вы знаете, что люди такие неаккуратные, они так не любят соблюдать порядок. Особенно дети, но даже и взрослые допускают шалости, если им дать волю. Не беспокойтесь, я мигом вернусь.

Сэм и не собирался возражать, но если бы он и пожелал это сделать, у него не было бы на это времени. Она ушла. Он сидел на скамейке, снова чувствуя себя четвероклашкой... который на этот раз натворил что-то, которого наказали за шалости и он не может пойти играть с другими детьми в перемену.

Он слышал, как мадам Лортц ходила по комнате, расположенной за столиком библиотекаря, и задумчиво смотрел по сторонам. Смотреть было не на что, только книги; хоть какой-нибудь

старенький пенсионер читал бы газету или листал журнал. Он и не предполагал, что в библиотеке в маленьком городке жизнь будет бить ключом в будничные день, но чтобы ни одного человека вообще?

«Ну, ведь есть же мистер Пекам, — думал он, — но он прочитал газету и ушел домой. По пятницам газеты ужасно тонкие, как вы знаете. И пыль еще не выросла, нечего вытирать». И тут он подумал, что поверил мадам Лортц на слово, что какой-то мистер Пекам был здесь.

«Наверное так. Зачем ей говорить неправду?»

Действительно, зачем, и он сильно засомневался, что она солгала, но тот факт, что он поставил под сомнение честность миловидной женщины, с которой он только что познакомился, высветил явную преграду в их общении: ему не нравилась эта женщина. Что с того, что миловидная, не нравилась и все.

«Это все плакаты. Никому не понравятся люди, которые выставляют такие плакаты в детских комнатах. Ну и пусть, прошелся по библиотеке, и все. Получай свои книги и вычесывай».

Он заерзал на скамейке, взглянул вверх и увидел цитату на стене:

«Если вы пожелаете узнать, как кто-то обращается со своей женой и детьми, посмотрите, как он обращается с книгами».

Ральф Вальдо Эмерсон.

Эта домашняя цитата тоже не сильно заинтересовала Сэма. Он точно не знал почему... только он, подумал, может быть, мужчина, даже книголюб, должен обращаться со своей семьей немного лучше, чем с чтивом. Изречение, выведенное золотыми буквами на полированной дубовой доске, с высоты своего местоположения предлагало ему еще раз задуматься.

Не успел он задуматься, как мадам Лортц вернулась, аккуратно опустив доску перегородки между книгохранилищем и читательскими апартаментами.

Кажется, я достала то, что вам нужно, — весело сказала она. — Вы будете довольны.

Она протянула ему две книги. Одна — «Спутник оратора» под редакцией Кента Адельмена и другая. — «Самые любимые стихотворения американцев». Вторая книга, судя по обложке (поверх которой была надета плотная пластиковая корочка), конкретно никем не редактировалась, но была составлена некой Хейзел Феллеман. «Поэмы жизни!» — гласил многообещающий подзаголовок на обложке. «Стихотворения о доме и матери! Смешные и эксцентричные стихотворения! Стихотворения, к которым часто обращаются читатели Нью-Йорк Таймс Бук Ревью! Далее сообщалось что Хейзел Феллеман смогла прочувствовать поэтический пульс американского народа».

Сэм недоверчиво посмотрел на мадам Лортц, и она без труда прочитала его мысли.

— Да, я знаю, это не для сегодняшнего дня, — сказала она, — когда в моде самоучители. Я могу себе представить, что в любой книжной лавке у Кедровой Стремнины вы могли бы найти дюжину книг в помощь начинающему оратору. Но ни одна из них не сравнилась бы с этими, Сэм. Я правда считаю, что они лучше всего помогут новичкам, мужчинам и женщинам, не владеющим искусством публичных выступлений.

— Другими словами, дилетантам, — хмуро сказал Сэм.

— Ну да. Вот например, «Самые любимые стихотворения». Раздел второй книги, он начинается на странице 65, и если мне не изменяет память, он называется «Вдохновение». Почти наверняка, вы найдете там что-нибудь, что придаст особое звучание вашему небольшому выступлению. И вам попадется такое стихотворение, которое ваши слушатели запомнят, даже если не запомнят больше ничего. К тому же, если они будут немного...

— Пьяны, — сказал он.

— Я бы употребила бы слово «навеселе, — с легким укором сказала она, — хотя вы, я думаю, знаете лучше. — Но по пристальному взгляду, которым она одарила его, можно было предположить, что она говорила это только из вежливости.

Она подняла «Спутник оратора». На обложке рукой карикатуриста был изображен зал, задрапированный флагами. Мужчины в старомодных фраках сидели маленькими группками за столиками, на которых стояло спиртное. Все они пили. Мужчина на трибуне, тоже во фраке и явно приглашенный оратор, победоносно улыбался, глядя на них с возвышения. Было ясно, что у него шумный успех.

— В начале книги есть раздел о теории подобных речей, — сказала мадам Лорте, — но поскольку вы не производите на меня впечатление человека, который хочет сделать на этом карьеру...

— Вы правильно поняли, — живо согласился Сэм.

— Я предлагаю вам начать читать со второго раздела, который называется «Как вызвать интерес аудитории». В этом разделе шутки и житейские истории трех категорий: «Как создать непринужденную обстановку в аудитории», «Как подчинить себе аудиторию», «Как полностью завладеть вниманием аудитории».

«Настоящее руководство для альфонсов», — подумал Сэм, но ничего не сказал.

Она снова прочитала его мысли. — Звучит чуточку непристойно, как мне кажется, но эти книги были опубликованы в другое время, когда нравы были проще и чище. Точнее, в конце тридцатых годов.

— Действительно намного чище, — сказал Сэм и вспомнил заброшенные, пораженные засухой фермы, худеньких девушек в платях из мешковины, нагромождение хижин и всеильную полицию с дубинками.

— Но обе книги все еще в ходу, — сказала она, для убедительности похлопав по ним, — а в бизнесе это основное, правда, Сэм? Главное — результат!

— Да... думаю так.

Он задумчиво посмотрел на нее, а мадам Лортц подняла брови, будто защищаясь. — О чем задумались?

— Я думал, что в моей жизни произошло что-то особенное, — сказал он. — Ничего сверхъестественного и нет, но все особенное. Я пришел сюда за парой книг, чтобы сделать свое выступление повеселее, и, кажется, вы дали мне точно то, за чем я пришел. Разве часто такое происходит в мире, где обычно трудно получить пару отбивных в гастрономическом отделе, где тебя знают в лицо?

Она улыбнулась. На лице отразилось истинное удовольствие..., но Сэм вновь отметил, что ее глаза оставались серьезными. Он подумал, что их выражение не изменилось с тех пор, как он впервые увидел ее (или она его) в детской библиотеке. Их взгляд был напряженным. «Кажется, я получила комплимент!»

— Да. мадам. Да.

— Спасибо, Сэм. Любезно благодарю вас. Говорят, лесть выведет вас куда угодно; как бы не хотелось, но мне придется попросить у вас два доллара.

— Да?

— Это плата за читательский билет для взрослого, сказала она, — но он действителен на три года, продлить же стоит лишь пятьдесят центов. Ну, идет или как?

— Годится.

— Тогда пройдите сюда, — сказала она, и Сэм последовал за ней к столику библиотекаря.

3

Она дала ему карточку, на которой он написал свое имя, адрес, номера телефонов и место работы.

— Я вижу, вы живете на Келтон авеню. Хорошее местечко!

— Да, мне оно нравится.

— Дома там красивые и большие; вам следует жениться.

Он на мгновение вздрогнул. — А как вы узнали, что я не женат?

— Точно так же, как и вы, что я не замужем, — сказала она. В ее улыбке почувствовалась некоторая хитрость и кокетство. — У вас нет кольца на безымянном пальце.

— О, — неуверенно отозвался он и улыбнулся. Но улыбки не получилось, и на щеках выступил румянец.

— Два доллара, пожалуйста.

Он дал ей две долларовые бумажки. Она подошла к тумбочке, на которой стояла обшарпанная, похожая на скелет пишущая машинка, и быстро напечатала что-то на оранжевой карточке. Она

принесла карточку к столу библиотекаря, размахисто подписалась внизу и пододвинула ее к нему.

— Проверьте пожалуйста, все ли правильно на карточке.

Сэм проверил. «Все в порядке». Ее звали, как он заметил, Аделия. Красивое имя и довольно необычное.

Она взяла его новый читательский билет, первый билет со студенческих лет, как он теперь понял (а пользовался он тем билетом довольно редко), и положила его под аппарат для микрофильмов рядом с карточкой, которую она достала из кармашка каждой книги. — Я даю их вам на неделю, потому что они из специального хранения. Такое хранение я придумала сама для тех книг, на которые большой спрос.

— На руководство для начинающего оратора большой спрос?

— На эти, а также книги по ремонту водопроводных систем, как овладеть приемами магии, о социальном этикете... Вы не поверите, в каких книгах люди испытывают нужду. Но я-то знаю.

— Уж вы-то знаете.

— Я связана с книгами долгое время, Сэм. Эти книги не переиздаются, поэтому постарайтесь вернуть их к шестому апреля.

— Она подняла голову, и свет упал ей на лицо. Сэм почти не поверил, что в ее глазах засветился огонек. Даже не огонек, глаза излучали свет. Ровный, сильный. На мгновение показалось, что в каждом глазу Аделии Лортц по пятицентовой монете.

— Или? — спросил он, и его улыбка не была похожа на улыбку, скорее это была гримаса.

— Или я отправлю нашего полицейского разыскивать вас, — сказала она.

4

В какое-то мгновение их взгляды встретились, и Сэм подумал, что он увидел настоящую Аделию Лортц. В той женщине не было ничего очаровательного или мягкого, ничего от старой девы или библиотекаря.

«Эта женщина в действительности, вероятно, опасна», — подумал он, и ему стало стыдно от этого. На него подействовали и пасмурный день и предстоящее выступление. «Что в ней опасного? И при чем здесь пасмурный день или Ротари Клуб? Это все дурацкие плакаты».

Теперь он держал подмышкой «Спутник оратора» и «Самые любимые стихотворения американцев», и они были почти у двери, как вдруг он понял, что она выпроваживает его. Он сделал еще шаг и остановился. Она удивленно посмотрела на него.

— Можно мне вас что-то спросить, мадам Лортц?

— Конечно, Сэм. Для этого я здесь, отвечать на вопросы.

— Это касается детской библиотеки, — сказал он, — и плакатов там. Некоторые из них удивили меня. Почти поразили. — Он думал, что его слова прозвучат между прочим, как слова свя-

щенника, увидевшего среди журналов на столике для прихожан номер «Плейбоя». «Потому что, — он подумал, — это не просто чувство. Я действительно был поражен. Не почти, а действительно».

— Плакаты? — спросила она, нахмурившись, однако быстро изменила выражение лица. — А! Вы хотите сказать «Полицейский из библиотеки» и «Простак Саймон», конечно.

— Простак Саймон?

— Ну, помните тот плакат, на котором написано:

**НИКОГДА НЕ СОГЛАШАЙСЯ КАТАТЬСЯ НА МАШИНЕ
С НЕЗНАКОМЫМИ ЛЮДЬМИ!**

Так называют дети маленького мальчика на плакате. Того, который вопит. Они называют его Простак Саймон. Мне кажется, что они презируют его за то, что он совершил такой глупый поступок. В этом и польза, а вы не так думаете?

— Он не вопит, — медленно сказал Сэм. — Он кричит

Она пожала плечами. — Вопит, кричит, какая разница? Мы этого здесь не слышим. Сюда приходят хорошие дети, уважительные

— Конечно, — сказал Сэм. Они снова оказались в фойе, и он взглянул на табличку на треножнике, на которой было написано не

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО

или

ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ШУМЕТЬ

но предлагалось авторитарное:

ТИШИНА!

— К тому же, как на это посмотреть.

— Пожалуй, — сказал Сэм. Он почувствовал, что его увели и очень ловко туда, где он не имеет морального права ступать, и что право выбирать жаргон за Аделией Лортиц. Она казалась человеком, которому не раз удавалось делать это, и в нем заговорило упрямство. — Но в них какая-то крайность, в этих плакатах.

— Неужели? — вежливо спросила она. Теперь они стояли у входной двери.

— Да, они вызывают страх — Он собрался с духом и сказал то, что действительно думал. — Они не годятся там, где бывают маленькие дети.

Ему казалось, что он не придирается по мелочам и не допускает высокомерного тона, и он почувствовал облегчение.

Она улыбалась, и эта улыбка раздражала его. — Были и другие, которые выражали такое мнение, Сэм. Бездетные люди не часто заходят в детскую библиотеку, но все же иногда приходят: дяди, тети, приятели мам-одиночек, которым дали разовое поручение... и люди вроде вас, Сэм, которым нужна я.

— Разные чюди, — говорил взгляд ее холодных серых глаз. — Люди, которые приходят за помощью, и как только они получают то, что надо, начинают критиковать то, что мы здесь делаем в публичной библиотеке Джанкшн Сити. Что я здесь делаю в публичной библиотеке в Джанкшн Сити.

— Мне кажется, вы думаете, что я напрасно вмешался, — добродушно сказал Сэм. Но он не испытывал добродушия, вдруг добродушие покинуло его, дело принимало другой оборот, и Сэм занял оборонительную позицию.

— Что вы. Просто вы не понимаете. В прошлое лето мы организовали опрос, Сэм, как часть ежегодной летней программы для читателей. Мы называем ее Летние Огоньки Джанкшн Сити, и каждый ребенок получает один голос за книгу, которую он или она читает. Желая заставить детей читать книги, мы разработали такую методику за многие годы работы здесь. Видите ли, мы несем за это ответственность.

— Мы знаем, что мы делаем, — говорил ее сверлящий взгляд. — И я не грублю, если учесть, что вы, придя сюда в первый раз в своей жизни, позволили себе совать нос и высказывать критические замечания.

Сэм почувствовал, что повел себя неправильно. Хотя это поле битвы не принадлежало полностью женщинам, подобным Лорте, он признал, что отступает.

— Согласно опросу, большой популярностью среди детей пользовалась кинокартина «Кошмар на улице Вязов, пятая часть» прошлым летом. Любимая рок-группа называется «Пушки, а не розы», второе место занял парень по имени Оззи Осборн, который, насколько я понимаю, во время своих концертов отгрызает головы живым животным. Их любимый роман называется «Лебединая песня», дешевое издание. Это роман ужасов некого по имени Роберт МакКэммон. У нас ее нет в наличии, Сэм. За несколько недель они зачитывают новый экземпляр до дыр. У нас был один экземпляр в плотном переплете, но его, конечно, украли. Кто-то из плохих детей.

Она замолчала, ее губы вытягивались в тонкую ниточку.

— На втором месте роман ужасов о кровосмешении и детоубийстве, называется «Цветы на чердаке». Он считался самым читаемым пять лет подряд. А некоторые называли даже «Пейтон Плейс».

Она строго посмотрела на него.

Я лично никогда не видела картин типа «Кошмар на улице Вязов». Я никогда не слышала пластинок Оззи Осборна, да у меня и нет желания это делать, так же как читать романы Роберта МакКэммона, Стивена Кинга или В. С. Эндрюза. Вы понимаете, к чему я клоню, Сэм?

— Пожалуй, Вы говорите, что было бы несправедливо.., — он

не мог подобрать слова, но, наконец, нашел его, — узурпировать вкусы детей.

Она вся засветилась в улыбке, вся, кроме глаз, в которых вновь, казалось, вспыхнули блестящие пятицентовые монетки.

— Частично так, но не совсем. Плакаты, которые висят в детской библиотеке, хорошие, однозначные, и те, которые вывели вас из себя, поступили к нам из Ассоциации библиотек Айовы. АБА является членом Ассоциации библиотек Среднего Запада, та, в свою очередь, Государственной Ассоциации библиотек, в которую поступает основная часть бюджетных денег, создаваемых за счет налогоплательщиков. Джоном К. Народным, — то есть мною и вами.

Сэм переступил с ноги на ногу. Ему не хотелось провести оставшуюся часть дня, выслушивая лекцию на тему: «За счет чего существует ваша библиотека», но разве не он спровоцировал ее? Похоже, он. Лишь в одном он почти не сомневался, что ему нравилась Аделия Лортц все меньше и меньше.

— Ассоциация библиотек Айовы каждые два месяца присылает нам плакат с изображением репродукций, приблизительно сорока плакатов, — безжалостно продолжала мадам Лортц. — Мы можем выбрать любые пять бесплатно; а другие по пять долларов за штуку. Я вижу, Сэм, вы становитесь нетерпеливым, но вам надо объяснить, мы уже подходим к сути.

— Я? Я очень терпелив, — сказал Сэм с некоторым нетерпением.

Она улыбнулась ему, стали видны не очень ровные зубы, не иначе как вставные. — У нас создан комитет детской библиотеки, — сказала она. — Кто в нем? Конечно, дети! Девять детей. Четверо старшеклассников, трое из общеобразовательной неполной средней и двое из специальной школы. У каждого ребенка должны быть все четверки по предметам. Они выбирают некоторые из новых книг, которые мы заказываем, они выбирают шторы и столы, когда мы делали ремонт прошлой осенью, они выбирают плакаты, и как один из самых молодых членов комитета однажды сказал, это «самая веселая часть работы». Теперь вы понимаете?

— Да, сказал Сэм. — Дети выбрали маленькую Красную Шапочку, и Глупца Саймона, и Полицейского из библиотеки. Им они нравятся, потому что их боятся.

— Правильно! — засияла она.

С него хватит. Вот так библиотека! Не плакаты, не библиотечарша, а сама библиотека. Библиотека вдруг превратилась в вызывающую бешеную боль занозу, вонзившуюся глубоко в мягкое место. Ну ладно, с него довольно.

— Мисс Лортц, у вас есть в библиотеке видеокассета «Кошмар на улице Вязов, часть пятая»? Или пластинки группы «Пушки, а не розы» и Оззи Осборна?

— Сэм, вы упускаете главное, — терпеливо начала она.

— А «Пейтон Плейс»? Вы держите экземпляр этой книги в детской библиотеке только потому, что некоторые подростки прочитали ее?

Даже когда он говорил это, он думал: «Неужели хоть КТО-НИБУДЬ все еще читает эту старую дрянь?»

— Нет, — сказала она, и он увидел, что на ее щеках выступили красные пятна от раздражения. Эта женщина не привыкла, чтобы ее суждения подвергались сомнению. — Но у нас есть рассказы о квартирных кражах, злоупотреблениях родителями своей властью и кражах со взломом. Я говорю также о «Лютиках и трех медведях», «Гансе и Грете», и «Джеке и бобовом ростке» Я думала, что такой человек, как вы, будет понятливее, Сэм.

— Вы хотите сказать, человек, которому вы помогли, когда он обратился за помощью, — подумал Сэм, — но какого черта, леди, разве город платит вам не за это?

Затем он постарался овладеть собой. Он не мог точно сказать, что она имела в виду под словами «такой человек, как вы, да он и не хотел знать, но он понял, что эта дискуссия выходит из-под контроля и становится спором. Он пришел сюда для того, чтобы найти чуточку шарма для своего выступления, а не для того, чтобы ввязаться в скандал с библиотечаршей по проблемам детской библиотеки.

— Извините, если я сказал что-нибудь обидное, — сказал он, — но в самом деле, мне надо идти.

— Да, — сказала она. — Наверное, вам надо идти. — Но своими глазами она говорила: «Я не принимаю ваши извинения. Я их вовсе не принимаю».

— Мне кажется, что я немного волнуюсь в связи с моим дебютом. Я вчера ночью работал допоздна. — Он добродушно улыбнулся, как это всегда делал Сэм Пиблз. и поднял с пола дипломат.

Она стихла, чуточку, но глазами все еще рвалась в бой. — Это понятно. Мы готовы вас здесь обслужить, и, конечно, нам всегда интересна конструктивная критика налогоплательщиков. — Она сделала особое ударение на слове «конструктивная», чтобы дать ему понять, как он подумал, что в его критике не было ничего конструктивного.

Теперь, когда все закончилось, у него появилось желание, вернее потребность, переделат все его выступление, сделать его мягче, как бы подтянув покрывало на хорошо убранной постели. Это стало частью его натуры как бизнесмена или его защитной реакцией. Странная мысль пришла ему на ум; уж о чем он будет говорить сегодня вечером, так о встрече с Аделией Лортц. Эта встреча расскажет больше о самой сути маленького города, чем все, что он написал, и она внесет нотку, которую редко услышишь

в выступлениях в Ротари Клуб по пятницам: несомненно нотку истины.

— Ну мы пару минут пособачились с вами, — он с трудом узнавал свой голос, и его рука помимо его желания оказалась протянутой к собеседнице. — Может быть, я и перешел границы дозволенного. Но у вас не осталось неприятного осадка.

Она коснулась его руки. Это было едва заметное подобие прикосновения. Холодная гладкая плоть. Какая-то неприятная. Что-то вроде рукопожатия с подставкой для зонтика. «Ничего», — сказала она, но глазами она говорила иное.

— Ну тогда... я пошел.

— Да. Помните, на неделю, Сэм — Она подняла палец с хорошо отполированным ногтем, указав на книги которые он держал. И улыбнулась. Сэм считал, что эта улыбка вызывает какое-то беспокойство, но он ни за что на свете не мог бы сказать какое — Мне бы не хотелось посылать за вами полицейского из библиотеки.

— Что вы, — согласился Сэм. — И мне тоже

— Хорошо, — сказала Аделия Лортц, продолжая улыбаться. — Пусть вам этого и не захочется.

5

Сделав несколько шагов, Сэм вновь вспомнил искаженное криком лицо ребенка («Простак Саймон, ребята называют его Простак Саймон, по моему, это на пользу, а?»), и ему на ум пришла мысль, простая и житейская, и он тотчас же остановился. Если группе подростков дать право выбирать такие плакаты, они с тем же успехом будут поступать соответственно... что стала бы какая-нибудь Ассоциация библиотек, из Айовы, Среднего Запада или всей стране, высылать их?

Сэм Пиблз вспомнил беспомощные руки, прилипшие к стеклянной перегородке, искаженный от крика и страха рот и вдруг понял, что в это трудно поверить. Он понял, что в это невозможно поверить.

А «Пейтон Плейс» А это что? Он полагал, что большинство взрослых, которые когда либо пользовались библиотекой, забыли эту книгу. Неужели правда, что кто-то из их детей, которым еще ходить в детскую библиотеку, вновь откопали эту старую вещь?

— В это я тоже не верю.

У него не было желания вынести вторую дозу гнева Аделии Лортц, первой было достаточно, и у него было чувство, что она не показала всего, на что она была способна; но эти мысли так завладели им, что он заставил себя повернуть назад.

Она ушла.

Двери библиотеки были закрыты, вертикальная замочная скважина — еще один рот, на этот раз на задумчивом гранитном лице робота.

Сэм постоял минутку, а затем поспешил к обочине тротуара, где стоял его автомобиль.

Глава третья

РЕЧЬ СЭМА

Это была бурная речь. Он начал с того, что изложил в собственной интерпретации два анекдота из раздела «Как создать непринужденную обстановку в аудитории» «Спутника оратора». Один — о фермере, который пытался сбыть свою продукцию оптом и другой — о том, как продавали замороженные обеды эскимосам, и использовал третий в середине выступления (который был в сущности неинтересный). Он нашел еще один хороший анекдот в разделе «Как полностью завладеть вниманием аудитории», начал записывать его, но вспомнил Аделию Лортц и «Самые любимые стихотворения американцев». «Вам попадется такое стихотворение, которое ваши слушатели запомнят, даже если не запомнят ничего», — так она сказала, и Сэм нашел хорошее коротенькое стихотворение в разделе «Вдохновение», как она предсказывала.

С высокой трибуны он посмотрел на повернутые к нему лица членов Ротари Клуб и сказал: «Я постарался обосновать вам, почему я живу и работаю в таком маленьком городе, как Джанкшн Сити, и по-моему, в моих обоснованиях есть резон. Если нет, беру всю вину на себя».

Послышался громкий добродушный смех (в воздухе запахло смесью шотландских и пшеничных виски).

Сэм сильно потел, но чувствовал себя довольно хорошо, и он начинал верить, что ему удастся выбраться из этого невредимым. Микрофон завыл только один раз, никто не выходил, никто не бросался едой, и мяукнули всего несколько раз, и то добродушно.

— Мне кажется, что поэт по имени Спенсер Майкл Фри в своем стихотворении суммировал все, что я пытался здесь сказать, лучше меня. Видите ли, почти все, что приходится продавать бизнесменам нашего маленького города, можно продать дешевле в торговых центрах больших городов и на открытых площадках в пригородах. Обычно хвастают, что там вы можете получить все товары и услуги, которые вам нужны, да к тому же припарковаться бесплатно. Но бизнес маленького города может предложить вам то, чего не найдешь ни на площадках, ни в торговых центрах, и вот об этом мистер Фри говорит в своем стихотворении. Оно не очень длинное, но в нем многое сказано. Вот оно.

И хлеб, и кров, и вино — ничто,
А твое прикосновение — все,
И если сердце слабеет,
Прикосновенье слабость одолеет.
Кров кончится вместе с ночью,
Хлеб кончится вместе с днем.
Звук голоса, руки прикосновенье —
В душе и ночью, и днем!

Сэм оторвался от текста, и во второй раз сегодня к своему удивлению понял, что все, что он сказал, идет прямо от сердца. Он ощутил всю полноту счастья и элементарную благодарность. Как приятно было почувствовать, что у тебя все еще есть сердце, что рутина будничности не истрепала его, и как приятно было почувствовать, что оно все еще может выражать себя словами.

— Мы, бизнесмены маленького города, мужчины и женщины, дарим вам это человеческое прикосновение. С одной стороны, это не так уж много..., но с другой — это почти все. Я мог бы еще долго говорить об этом. Я хочу пожелать нашему несостоявшемуся оратору, Ослепительному Джо, скорого выздоровления; я хочу поблагодарить Крейга Джоунза за сделанное мне предложение заменить его; и я хочу поблагодарить всех вас за терпение, с которым вы слушали мою скучную беседу. Словом, большое спасибо.

Аплодисменты послышались еще до того, как он произнес последнюю фразу; они нарастали, пока он собирал те несколько страниц текста, которые Нейоми напечатала ему и которые он выправлял все время после обеда; они стали бурными, когда он сядился, ошеломленный такой реакцией.

— Так, под воздействием выпитого, — оказал он сам себе, — они аплодировали бы, даже если ты рассказал бы им, как тебе удалось бросить курить после встречи с Иисусом на какой-то вечеринке.

Затем они начали подниматься со своих мест, и он подумал, что должно быть, говорил слишком долго, если они так заторопились уходить. Но они продолжали аплодировать, и потом он увидел, что Крейг Джоунз делает ему какие-то знаки руками. И Сэм понял. Крейг хотел, чтобы он встал и поклонился.

Он покрутил пальцем у виска: «Бестолковый!»

Крейг энергично тряс головой и начал поднимать руки так сильно, что стал похож на священника, призывающего верующих петь громче.

Тогда Сэм встал и был ошарашен, когда они устроили ему овацию.

Несколько минут спустя Крейг подошел к аналою. Одобрительные возгласы, наконец, стихли, когда он постучал по микрофону несколько раз и все услышали глухой звук кувалды, обернутой в тряпицу, ударяющий по гробу.

— По-моему, мы все согласимся, — сказал он, — что речь Сэма стояла больше, чем поданный вам цыпленок, которого не ужуешь.

Опять послышался взрыв аплодисментов.

Крейг повернулся к Сэму и сказал: «Если бы я знал, что в тебе есть такое, Сэм-душка, я бы запланировал твоё выступление давным-давно!»

Это добавило аплодисментов и свиста. А Крейг Джоунз схватил руку Сэма и начал проворно поднимать и опускать её, как насос.

— Это было великолепно! — сказал Крейг. — Откуда ты это списал, Сэм?

— Ниоткуда, — сказал Сэм. Его щеки зарделись, и хотя он выпил только немного джина, сильно разбавленного тоником, ещё до начала выступления, он почувствовал себя немного пьяным. — Это всё моё. Я взял пару книг в библиотеке, и они помогли.

Теперь стали подходить другие ротарианцы; Сэму вновь и вновь трясли руку. Он стал чувствовать себя, как городской насос во время летней засухи.

— Здорово! — закричал ему кто-то на ухо. Сэм обернулся и увидел, что это — Фрэнк Стивенс, который выступал вместо представителя союза водителей грузовиков, которого обвинили в злоупотреблениях. — Надо бы записать это на плёнку, можно было бы продать чертову Инеесуусу! Черт возьми, это было хорошо, Сэм!

— Тебе следует отправиться на гастроли! — сказал Руди Перлман. Его круглое лицо было красным и мокрым от пота. — Клянусь, я почти заплакал! Ей-богу! Где ты нашёл этот шедевр?

— В библиотеке, — сказал Сэм. Он всё ещё был ошеломлён..., но облегчение, которое он почувствовал в связи с окончанием одного дела, уступило место какому-то осторожному восторгу. Он подумал, что надо бы выдать Нейоми премию. «Оно было в книге под названием...»

Но прежде он успел сказать Руди, как называлась книга, Брус Энгалз подхватил его под локоть и повёл к стойке бара.

— Лучше этой чертовой речи я ничего не слышал в этом глупом клубе за два года! — восклицал Брус. — Может быть, за пять лет! Кому нужен какой-то чертов акробат? Сэм, позволь мне угостить тебя рюмочкой! К черту всё, позволь мне угостить тебя двумя!

2

Прежде чем Сэм смог выбраться оттуда, он пропустил целых шесть рюмок и закончил свой триумфальный вечер блевотиной на коврик для ног своего собственного дома на Келтон авеню вскоре после того, как Крейг Джоунз помог ему выйти из машины. Когда тошнить было нечем, Сэм попытался вставить ключ в

замок входной двери. Сделать это было очень трудно, потому что оказалось три замка и четыре ключа, да к тому же все время приходилось бегать в кусты сбоку от ступенек. Поэтому, когда ему, наконец, удалось открыть дверь, он просто взял подстилку для ног (осторожно, поддерживая края, чтобы содержимое не разливалось) и слил с нее это.

Он сварил себе чашку кофе, чтобы успокоить желудок, но дважды звонил телефон, пока он пил кофе. Снова поздравления. Вторым звонок был от Элмера Баскина, который вовсе и не был там. Он чувствовал себя как Джуди Гарленд в фильме «Родилась звезда», и было трудно испытывать удовольствие, пока желудок еще не успокоился, а голова начинала болеть в наказание за его чрезмерное увлечение.

Сэм подключил автоответчик в гостиной, чтобы не отвечать более, затем поднялся в спальню, выдернул телефонный шнур из розетки, проглотил две таблетки аспирина, разделся и лег.

Он стал быстро забываться; он был переполнен чувствами и очень устал, но прежде чем он совсем заснул, он успел подумать: «Я обязан всем этим Нейоми... и той неприятной женщине из библиотеки. Как ее: Хорст, Борщ. Может быть, мне заплатить ей тоже».

Он слышал, как внизу зазвонил телефон и как ключился автоответчик.

«Молодец, — засыпая, думал Сэм. — Делай свое дело, я хочу сказать, разве не за это я плачу тебе, в конце концов?»

Затем он погрузился в небытие и ни о чем не думал до десяти часов утра в следующую субботу.

3

Он вернулся на землю с ощущением тошноты и слабой головной боли, но могло бы быть и хуже. Ему стало жаль подстилки для ног, но хорошо, что он убрал с нее, а то бы голова еще больше закружилась. Он постоял под душем десять минут, делая вид, что моется, затем вытерся, оделся и с полотенцем на голове спустился вниз. Мигала красная лампочка на автоответчике. Когда он отключил соответствующую кнопку, пленка перемоталась очень быстро; видно, он застал последний звонок, когда подходил к телефону.

Дзын! «Хэллоу, Сэм». — Сэм нажал на кнопку «Пауза», снял полотенце и нахмурился. Это был женский голос, и он знал его. Чей? — «Я слышала, ваша речь имела большой успех. Я так рада за вас».

Он понял, это была женщина — Лортц.

«Но как она узнала мой номер?» Ну конечно, для этого есть телефонная книга... И разве он не написал его на карточке библиотечного абонемента? Написал. Нечего спрашивать, сам знаешь как, и у него по спине прошли мурашки.

— Не забудьте вернуть книги к шестому апреля, — продолжала она и затем лукаво добавила. — Не забудьте про полицейского из библиотеки.

В трубке послышался щелчок, повесили трубку. На автоответчике загорелась лампочка «Все записи прослушаны».

«Ну и сука же вы, леди» — сказал Сэм сам себе и отправился на кухню делать завтрак.

4.

Когда в следующую пятницу неделю спустя после триумфального дебюта Сэма в качестве оратора Нейоми пришла в контору в 10 часов утра, Сэм протянул ей длинный белый конверт, на котором было написано ее имя.

— Что это? — спросила Нейоми недоверчиво, снимая плащ. На улице шел сильный дождь, гнетущий весенний дождь.

— Откройте и поглядите.

Она открыла. В конверте была благодарственная открытка, к которой ленточкой был прикреплен портрет Эндрю Джексона.

— Двадцать долларов! — Она посмотрела на него с еще большим подозрением. — За что?

— Потому что вы спасли мне шкуру, когда послали меня в библиотеку, — сказал Сэм. — Выступление прошло очень хорошо, Нейоми. Можно сказать, что у меня был большой успех. Я бы положил в конверт и пятьдесят долларов, если бы был уверен, что вы их возьмете.

Теперь она все поняла и была явно довольна, но все равно пыталась вернуть деньги. «Я очень рада, Сэм, что это помогло, но я не могу взять...»

— Можете — сказал он, — и возьмете. Да еще взяли бы коммиссионные, если бы работали у меня торговым агентом.

— Едва ли. Я никогда не смогла бы продать ничего. Когда я состояла в скаутской организации, только моя мама покупала мои кулинарные изделия.

— Нейоми, моя дорогая девочка. Нет, не смотрите на меня так беспокойно. Я ничего не замышляю против вас. Мы через все прошли два года тому назад.

— Это правда, — согласилась Нейоми, но она все еще нервничала и поглядывала на дверь, легко ли будет пройти к ней в случае необходимости.

— Понимаете ли вы, что я продал два дома и выписал страховые обязательства на сумму двести тысяч долларов после этой дурацкой речи? В основном это групповые обязательства под очень высокие проценты и с малым коммиссионным сбором, сумма немалая, потянет на новый автомобиль. Если вы не возьмете эти двадцать долларов, я буду считать себя такой дрянью!

— Сэм, умоляю вас! — сказала она в некотором потрясении. Нейоми была убежденная баптистка. Она и ее мать ходили в

церковь в Провербии, которая была такой же старенькой, как их дом. Он знал, он побывал там один раз. Но ему было приятно увидеть, что она тоже довольна и... чуточку успокоилась.

Летом 1988 года Сэм дважды назначал Нейоми свидания. Во второе свидание он начал приставать к ней. Это было прекрасно обставлено, но все же это было приставание. И научило оно его многому. Нейоми, как оказалось, прекрасно могла отличить ухаживание от приставания и не собиралась обороняться. Не то что он ей не нравился, объяснила она, просто она решила, что они вдвоем никогда не смогут быть вместе «так». Сэм, сильно удивившись спросил, почему нет. Нейоми только покачала головой. «Некоторые вещи так трудно объяснить, Сэм, но от этого они не кажутся мне менее справедливыми. Это никогда не сработало бы. Поверь мне, никогда». Вот и все, что он сумел услышать от нее.

— Извините, Нейоми, но я сделал свою речь, — сказал он ей. Он говорил застенчиво, хотя он и наполовину не верил в принципиальность Нейоми. — Я хочу сказать, что если вы не возьмете эти двадцать долларов, я буду чувствовать себя дерьмом.

Она сунула банкноту себе в кошелек и затем осмелилась посмотреть на него с достоинством и жеманством. Ничто бы не выдало ее..., лишь кончики губ дрогнули.

— Ну что? Доволен?

— Недоволен жаль, не дал тебе пятьдесят, — сказал он. — А ты взяла бы пятьдесят, Омиз?

— Нет, сказала она. — И пожалуйста, не называй меня Омиз. Ты знаешь, что мне это не нравится.

— Приношу извинения.

— Извинения приняты. А теперь почему бы нам не перестать говорить на эту тему?

— О'кей, — с удовольствием согласился Сэм.

— Я слышала от нескольких людей, что у тебя было хорошее выступление. Крейг просто восторгался им. Ты правда думаешь, что к тебе пришло больше людей в контору из-за этого?

Сэм начал было распространяться про биржу, но вовремя остановился. «Да. Иногда срабатывают подобные вещи. Смешно, но правда. График продаж резко поднялся на этой неделе. Конечно он опустится, но едва ли значительно. Если тем, кто вошел со мной в контакт, нравится, как я делаю бизнес, а мне кажется, что им нравится, наступит репорт».

Сэм откинулся на спинку стула, обхватил шею руками и задумчиво уставился в потолок.

Когда Джоунз Крейг позвонил и выложил мне все сразу, я был готов застрелить его. Без шуток, Нейоми.

— Да, — сказала она. — Ты был похож на человека, собирающегося развесить ядовитый плющ.

— Правда? — засмеялся он. — Да, пожалуй, Странно, как иногда все срабатывает, чистейшее везение. Если на свете есть

бог, то иногда возникает вопрос, не он ли подкручивает все гайки в больших механизмах, прежде чем он запускает их.

Он полагал, что Нейоми будет бранить его за богохульство (что случилось и раньше), но сегодня она не стала заводитьсь. Зато она сказала: «Ты куда более везучий, чем тебе кажется, если тебя спасли книги из библиотеки. Обычно по пятницам библиотека открывается только в пять часов вечера. Я собиралась сказать тебе, но забыла».

— Да?

— Должно быть, мистер Прайс занимался своими бумажками, когда ты пришел?

— Прайс? — сказал Сэм. — Ты хочешь сказать мистер Пекам? Привратник, который читает газеты?

Нейоми покачала головой. — Был только один Пекам в этой округе, старый Эдди Пекам, но он давно умер. Я говорю о мистере Прайсе. Библиотекаре. — Она смотрела на Сэма, будто он стал невыразимых размеров, по крайней мере, по меркам Джанкшн Сити штата Айова. — Высокий? Худой? Лет пятидесяти?

— Нет, — сказал Сэм. — Мне попалась леди по имени Лортц. Невысокая, пухлая, в том возрасте, когда женщина делает свой последний выбор: ткань полиэстер ярко-зеленого цвета.

То, что почувствовала Нейоми, странным образом отразилась на ее лице: за удивлением последовало недоверие, недоверие сменилось издевательским смешком. Такая последовательность чувств обычно обозначает одно и то же: начинаешь понимать, что кого-то сильно надули.

При других обстоятельствах Сэм мог бы задуматься над такой реакцией, но он всю неделю занимался продажей недвижимости, и в результате у него накопилось много канцелярской работы. И в мыслях он ее уже выполнял.

— О, — сказала Нейоми и засмеялась. — Мисс Лортц, да? Смешно получилось.

— Она необычная, это точно, — сказал Сэм.

— Не говори, — согласилась Нейоми. — На самом деле, она абсолютно...

Если бы она закончила то, что она начала говорить, она, вероятно, сильно растревожила бы Сэма Пиблза, но везение, как уже отметил он, играет необъяснимо важную роль в мирских делах, и кому-то снова повезло.

Зазвонил телефон.

Это был Берт Айвершн, духовный наставник немногочисленных блюстителей законности в Джанкшн Сити. Он хотел поговорить о действительно большой страховке нового медицинского центра, находящегося, правда, в стадии разработки, «но ты знаешь, Сэм какой он будет большой», его освещение в средствах

массовой информации, и к тому времени, как Сэм возвратился к разговору с Нейоми, он совсем забыл о мисс Лортц.

Он знал, сколько он сможет заработать на нем; совсем скоро можно было бы оказаться за рулем новенького «мерседес-бенца». И ему совсем неинтересно было знать, какую часть этого богатства можно было бы отнести за счет того глупого выступленьца.

Нейоми, действительно, подумала, что ее разыгрывают; она очень хорошо знала, кто такая Аделия Лортц, и думала, что Сэм тоже знает.

В конце концов, эта женщина была замешана в самом мерзком бизнесе, который был известен в Джанкшн Сити в последние двадцать лет, может быть, даже со времен второй мировой войны, когда сын Моггинзов вернулся домой не в своем уме, отслужив на Тихоокеанском флоте, и перестрелял всех членов своей семьи, а затем направил дуло своего армейского пистолета себе в ухо и прикончил с собой.

Айэра Моггинз прославился до того, как сюда приехала Нейоми; и ей не пришло в голову, что афера Аделии Лортц имела место задолго до того, как в Джанкшн Сити появился Сэм.

Как бы то ни было, она забыла обо всем и, к тому времени как Сэм положил телефонную трубку, старалась решить, что ей купить на ужин: что-нибудь пожирнее или попостнее.

Он, не переставая, диктовал письмо до двенадцати часов, потом спросил Нейоми, не пойдет ли она с ним к МакКенну пообедать. Нейоми отказалась, сказав, что ей надо возвращаться домой к матери, которая сильно сдала за зиму.

Больше ни слова не было сказано об Аделии Лортц

Глава четвертая

ИСЧЕЗНУВШИЕ КНИГИ

1

В будни Сэм мало ел на завтрак: стакан апельсинового сока и булочки с отрубями хватало, но по субботам (по крайней мере, когда накануне не бывало попойки в Ротари Клуб) он любил вставать немного позже, пройтись до ресторана МакКенны на площади и не торопясь, прожевать стейк и яичницу и одновременно прочитать газету, а не просмотреть ее в промежутках между деловыми встречами.

Вот так он и проделал все на следующее утро, седьмого апреля. Вчерашний дождь прошел, и небо было ясное, чисто-голубое, как сама ранняя весна. После завтрака Сэм пошел домой окольным путем, по дороге останавливаясь и отмечая, чьи тюльпаны и

крокусы хорошо взошли, а чьи немного запаздывают. Он вернулся домой в десять минут одиннадцатого.

На автоответчике светилась лампочка «Прослушайте записанный разговор». Он нажал на кнопку, достал сигарету и чиркнул спичкой.

— Хэллоу, Сэм, — послышался вкрадчивый голос Аделии Лортц, который ни с чьим нельзя спутать, и от стыда Сэм забыл, что делает и почти не сжег всю сигарету. — Вы меня разочаровываете. Вы просрочили книги.

— Ах ты дрянь! — воскликнул Сэм.

Что-то терзало его всю неделю, как будто хотелось сказать какое-то слово, оно готово было сорваться с губ, как с трамплина, помимо вашей воли. Книги. Чертовы книги. Эта женщина будет относиться к нему, как к человеку, за которого она его приняла, при том, что он безвозмездно высказал свои суждения о месте некоторых плакатов в детской библиотеке. Его волновал один вопрос: записала ли она свою брань на автоответчике или приберегла до встречи.

Он задул спичку и бросил ее в пепельницу около телефона.

— Насколько я помню, я объясняла вам, — продолжала она своим вкрадчивым и слишком уж убедительным голосом, — что «Спутник оратора» и «Самые любимые стихотворения американцев» из специального хранения библиотеки и что их нельзя держать более недели. Я надеялась на вас, Сэм. В самом деле надеялась.

К своему величайшему раздражению, Сэм почувствовал, что стоит здесь, в своем собственном доме, держа незажженную сигарету в пальцах, и по шее и щекам растекается краска стыда. Снова он почувствовал себя четвероклашкой, на этот раз сидящим на табуретке лицом к стене с бумажным колпаком для слабоумных на голове.

Как бы делая одолжение, Аделия Лортц продолжала: — Но я решила продлить вам книги: вам предстоит вернуть взятые книги не позже первой половины дня в понедельник. Пожалуйста, избавьте меня от этих неприятных забот. — И помедлив: — Не забудьте о полицейском из библиотеки.

— Ты стареешь, Аделия-детка, — пробормотал Сэм, но он знал, что его никто не слышит, она повесила трубку после того, как упомянула о полицейском из библиотеки, и аппарат спокойно отключился.

2

Сэм достал еще одну спичку, чтобы зажечь сигарету. Он делал первую затяжку, и в голове оживали события, связанные с книгами. Может быть, это смахивало на трусость, но навсегда сзело бы все счеты с мисс Лортц. К тому же, в этом была какая-то неделикатная справедливость.

Он вручил Нейоми ее вознаграждение, и он сделает то же с Аделией. Он сел за письменный стол в своем кабинете в конторе, в котором он сочинял свою знаменитую речь, и пододвинул отрывной блокнот с бланками. Отступив немного от фирменной надписи «Из конторы Сэмьюэля Пиблза», он настрочил следующее:

Дорогая мисс Лортц.

Извините за то, что возвращаю Ваши книги с опозданием. Примите мои искренние извинения, потому что книги здорово помогли мне составить выступление. Пожалуйста, примите эти деньги в счет штрафа за просроченные книги. Остальное оставьте себе в знак благодарности.

*Искренне Ваш
СЭМ ПИБЛЗ.*

Доставая скрепку из выдвижного ящичка в столе, Сэм прочитал письмо. Он решил изменить «возвращаю Ваши книги» на «возвращаю библиотечные книги» и остальное оставить как есть. Аделия Лортц запомнилась ему как женщина, чьей философией было «государство — это я», даже если «государство», как в этом случае, было просто местной библиотекой.

Он вынул двадцатидолларовую банкноту из бумажника и скрепкой прикрепил ее к письму. Он в нерешительности помедлил немного, постукивая беспокойно пальцами по краю стола.

«Она сочтет это взяткой и, возможно, обидется и чертовски рассвирепеет».

Может быть и так, но Сэму было наплевать. Он знал, что кроется за лукавым телефонным звонком женщины — Лортц сегодня утром, да пожалуй, за обоими телефонными звонками. Он слишком много взял на себя, критикуя плакаты в детской библиотеке, и теперь она брала реванш или пыталась его брать. Но это вам не начальная школа, и он не непоседливый запуганный подросток (по крайней мере, теперь), и его не запугаешь. Ни злопыхательскими надписями в фойе библиотеки, ни нытьем библиотекариш. «На целый день задержал книги, негодный мальчишка!»

— Иди ты! — сказал он вслух. — Если тебе не нужны эти чертовы деньги, отдай их в фонд охраны библиотеки или еще куда-нибудь.

Он положил на стол письмо вместе с прикрепленными к нему двадцатью долларами. Он не намеревался вручать его лично, потому что она могла рассерчать на него. Он положит письмо с деньгами в одну из библиотечных книг, да так, чтобы они торчали, и затем скрепит обе книги парой резиночек. И потом он просто опустит это дело в шель для книг. Он шесть лет прожил в Джанкшн Сити, не зная Аделии Лортц, и если повезет, то он не увидит ее еще шесть лет.

Теперь ему оставалось лишь найти книги.

Их не было на столе в кабинете, это уж точно. Сэм вышел в столовую и посмотрел на стол. Там он обычно складывал вещи, которые надо было вернуть. Там лежали две видеокассеты, которые надо было вернуть в видеопрокат к Брусу, конверт, на котором было написано «Пейпэбой», две папки со страховыми свидетельствами,... но не было ни «Спутника оратора», ни «Самых любимых стихотворений американцев».

— Чепуха какая-то, — сказал Сэм и почесал себе голову. — Куда к чертям...?

Он прошел в кухню. На кухонном столе — ничего, кроме утренней газеты, которую он положил, когда пришел. Он безразлично пошарил в картонной коробке у печи, проверил стойку. На стойке ничего, кроме упаковки, из которой он достал накануне вечером замороженный ужин.

Он медленно пошел наверх, чтобы осмотреть комнаты на втором этаже, но его уже начинало охватывать неприятное ощущение.

3

К трем часам дня неприятное ощущение стало нарастать. Сэм Пиблз прямо кипел от злости. Осмотрев дом сверху донизу дважды (во второй раз он даже проверил чердак), он ушел в контору, хотя он был абсолютно уверен, что он принес обе книги домой, когда ушел с работы поздно в прошлый понедельник. Ну конечно, он там ничего не нашел. И вот в этих безрезультатных поисках двух библиотечных книг было утрачено прекрасное короткое мгновение весны.

Он продолжал думать об ее лукавом тоне «не забывайте о полицейском из библиотеки, Сэм», и как счастлива она была бы, если бы знала, как глубоко она его задела. Если библиотечная полиция в самом деле существовала, эта женщина, не сомневался Сэм, с удовольствием натравила бы ее на него. Чем больше он думал об этом, тем больше он свирепел.

Он вернулся в кабинет. Там со стола на него ласково смотрело письмо Аделин Лортц с прикрепленной к нему двадцатидолларовой банкнотой.

— Чепуха! — воскликнул он и готов был вновь броситься шарить по дому, но взял себя в руки и остановился. Это ничего не даст.

Вдруг он услышал голос своей давно умершей матери. Голос был мягкий и приятно рассудительный. — Когда ты не можешь найти вещь, Сэмьюэл, обычно бесполезно носиться и искать ее. Вместо этого сядь и постарайся вспомнить. Работай головой, а не ногами.

Это был хороший совет для десятилетнего, и Сэм подумал, что во взрослости тридцати лет совет не стал хуже. Он сел за стол,

закрыв глаза и стал прокручивать в голове все, что связано с этими чертовыми книгами с момента, когда мисс Лортц вручила их ему до... когда?

Из библиотеки он взял их в контору, а по пути остановился в своей Пицца Хаус, чтобы взять пиццу с перцем, луком двойной порцией грибов, которую он съел за своим столом, листая «Спутник оратора» с двумя целями: чтобы найти хорошие шутки и чтобы найти информацию, как использовать их. Он помнил, как осторожно он пытался есть пиццу, чтобы ни одна капля соуса не попала на книгу; теперь это было смешно, потому как и самих книг-то не было.

Он всю вторую половину дня проработал над выступлением, вставлял шутки, затем переписал всю последнюю часть, чтобы подвести ее-к стихотворению.

Когда он вернулся домой перед выступлением в пятницу, он взял законченную речь, а не книги. Он был уверен в этом. Крейг Джоунз заехал за ним, когда пора было ехать на ужин в Ротари Клуб, и Крейг же довез его до дома потом, как раз когда Сэм был готов осветить половичок для вытирания ног.

Следующее утро он провел, стараясь справиться с несильной, но докучливой головной болью после похмелья; остальную часть выходного дня он просто слонялся по дому, читал, смотрел телевизор и — скажем открыто, что уж там — наслаждался успехом. Все выходные дни он и не подходил к своей конторе.

Он был в этом уверен.

— О'кей, — подумал он. Теперь подходим к трудному месту. Сосредоточься. Но он понял, что ему не надо сильно сосредотачиваться.

Он начал было выходить из конторы в без четверти пять в понедельник, когда зазвонил телефон, который заставил его вернуться. Это был Стью Янгмэн, который попросил написать большой полис на домовладение. С этого момента в ту неделю посыпались зелененькие. Пока он разговаривал с Стью, его взгляд случайно задержался на тех двух библиотечных книгах, спокойно лежавших на углу стола. Когда он снова стал выходить, то в одной руке держал дипломат, а в другой — книги. Вот в этом он был уверен.

Он намеревался вернуть их в библиотеку в тот вечер, но потом позвонил Фрэнк Стивенз и пригласил его пойти поужинать, он, жена и их племянница из Оклахомы, которая гостила у них. («Если ты холостяк и живешь в маленьком городе, то даже случайные знакомые стараются тебя сосватать», — такое открытие сделал Сэм). Они ужинали в ресторане «Ребра Брэди», вернулись около одиннадцати, поздно, если учесть, что завтра на работу, и к тому времени, когда он вернулся домой, он совсем забыл о книгах.

После этого они не попадались ему на глаза совсем. Мысли о возврате книг больше не докучали ему — неожиданный рост числа клиентов не позволял расслабиться ни на минуту — пока не позвонила эта женщина — Лорти.

— О'кей, вероятно, я не касался их с тех пор. Должно быть, они как раз там, где я их оставил, когда пришел домой в понедельник вечером.

Промелькнул лучик надежды: может быть, они все еще в машине! Когда он поднимался со стула, он вспомнил, как он взял дипломат в руку, которой он держал книги, когда пришел домой в понедельник. Он это сделал для того, чтобы достать ключ из правого переднего кармана. Он и не оставлял их в машине.

— Итак, что ты делал, когда вошел в дом?

Он четко представил себе, как он открывает дверь кухни, как входит, ставит дипломат на стул, поворачивается, держа книги в руке...

— О, нет, — застонал Сэм. Прежнее неприятное ощущение разом охватило его.

В кухне на полке, рядом с небольшой печью, стояла картонная коробка солидных размеров, такого рода коробки всегда можно взять там, где продают спиртное. Этой коробке было не менее двух лет. Люди иногда упаковывают в них мелкие вещи, когда переезжают в новый дом; в таких коробках всегда много всякой всячины. Сэм использовал ту коробку у печи для прочитанных газет. Каждый день он клал газету в коробку после того, как прочитывал ее; совсем недавно он швырнул туда и сегодняшнюю газету. И один раз в месяц или около того...

«Дейв Грязная Работа», — пробормотал Сэм.

Он поднялся из-за стола и поспешил на кухню.

4

В коробке, на боку которой наклейка с изображением Джонни Уолкера с моноклем в глазу, почти ничего не было. Сэм пощупал пальцами тонкую пачку газет, зная, что он не найдет ничего, но все же щупал. Люди часто делают так, когда изуверившись, начинают считать, что сильно думая о вещи, они заставят ее появиться. Он нашел субботний номер «Газетт», которую совсем недавно выбросил, и газету за пятницу. Конечно, книг не было ни между, ни под ними. Сэм постоял там минуту, темные мысли так и лезли в голову, затем пошел к телефону — позвонить Мэри Вессер, которая убирала для него дом по четвергам утром.

— Хэллоу, — ответил слегка взволнованный голос.

— Здравствуйте, Мэри. Это Сэм Пиблз.

— Сэм? — Волнение усилилось. — Что-нибудь стряслось?

«Да! В понедельник во второй половине дня стерва, которая возглавляет местную библиотеку, будет гнаться за мной! Может быть, с крестом и очень длинными гвоздями!»

Но, конечно, он не мог сказать ничего подобного, во всяком случае, Мэри. Она была одной из тех несчастных созданий, которые родились под несчастливой звездой и живут в предчувствии дурного. Мэри Вессеры во всем мире считают, что над тротуарами на высоте четырехэтажного дома висит множество больших черных сейфов на протертых тросах, готовых по воле провидения сорваться вниз. Если не сейф, то пьяный водитель; если не пьяный водитель, то морской прилив (в штате Айова? — Да, в Айове); если не морской прилив, то метеорит. Мэри Вессер была одним из тех несчастных созданий, которые хотят знать, что случилось, если вы звоните им.

— Ничего, — сказал Сэм. — Ничего плохого. Я просто хотел знать, не видели ли вы Дейва в четверг. — Этот вопрос звучал как простая формальность; газеты, в конце концов, были унесены, а Дейв Грязная Работа был единственным газетным эльфом в Джанкшн Сити.

— Да, — согласилась Мэри. Добродушная уверенность Сэма, что ничего плохого не произошло, казалось, завела ее еще больше. Теперь в ее голосе явно звучал плохо скрываемый ужас. — Он приходил забрать газеты. Я не должна была их ему давать? Ведь он приходит уже не один год и я подумала...

— Ничего подобного, — сказал Сэм с безумной веселостью. — Я только что увидел, что их нет, и подумал, что проверю...

— Раньше вы никогда не проверяли. — У нее перехватило дыхание. — С ним все в порядке? Что-нибудь случилось с Дейвом?

— Нет, — сказал Сэм. — Я хотел сказать, не знаю. Я просто... — Идея пришла на ум. — Купоны! — яростно закричал он. — Я забыл срезать купоны с газеты в четверг, поэтому...

— О! — сказала она. — Можете взять мои, если хотите.

— Нет, я не мог бы...

— Я принесу вам их в следующий четверг, — продолжала она, не слушая его. — У меня их тысячи. «У меня никогда не будет возможности использовать их все, — звучало в ее голосе. В конце концов, где-то на меня может упасть сейф, а может быть, дерево упадет во время бури и прикончит меня или в мотеле в штате Северная Дакота фен упадет с полки в ванну. Это мой последний срок, и на кой хрен мне эти купоны?»

— Хорошо, — сказал Сэм. — Было бы здорово. Спасибо, Мэри, вы — душа.

— А вы уверены, что больше ничего не произошло?

— Ничего, — ответил Сэм более добродушно, чем всегда. Себя он воспринимал как чокнутого старшего сержанта, дающего приказ горстке оставшихся в живых солдат предпринять последний, явно бесполезный штурм укрепленного пулеметного расчета. «Вперед, ребята, может, они спят!»

— Хорошо, — сказала недоверчиво Мэри и отпустила Сэма.

Он тяжело опустился на стул и с некоторым раздражением уставился на почти пустую коробку с Джонни Уолкером. Дейв Грязная Работа приходил забрать газеты, как всегда в первую неделю месяца, но в этот раз он прихватил небольшое вознаграждение, «Спутник оратора» и «Самые любимые стихотворения американцев». И Сэму теперь было ясно, где они были.

Макулатура. Переработанная макулатура.

Дейв Грязная Работа работал, как заведенный, в Джанкшн Сити. Не будучи способным иметь постоянную работу, он наскребал себе на жизнь из того, что выбрасывали другие, и таким образом он становился весьма полезным гражданином. Он собирал использованные бутылки, и, подобно двенадцатилетнему Кейту Джордану, у него был газетный маршрут. Разница заключалась в том, что Кейт каждый день разносил Джанкшн Сити Газетт, а Дейв Данкен Грязная Работа забирал ее. у Сэма, и Бог раз в месяц узнавал, сколько еще домовладельцев в городе, в районе Келтон авеню

Сэм видел его много раз, он катил свою тачку, полную зеленых пластиковых пакетов с мусором через весь город к комбинату переработки вторичного сырья, который находился между старой железнодорожной станцией и маленькой ночлежкой для бездомных, в которой Дейв Грязная Работа и дюжина его сотоварищей проводили почти каждую ночь.

Еще минуту он просидел на том же месте, постукивая пальцами по кухонному столу, затем поднялся, надел пиджак и вышел, направляясь к своей машине.

Глава пятая

УЛИЦА УГЛОВ (I)

Нет сомнения, что мастера уличных табличек были отличные намерения, но он был не в ладах с орфографией. Табличка, прикрепленная на балке у крыльца старого дома у железнодорожного полотна, гласила:

УЛИЦА УГЛОВ

Так как на Железнодорожной Авеню не было видно углов, — как и большинство улиц и проезжих дорог Айовы, она была прямая, как струна, — он смекнул, что мастер уличных табличек имел в виду Улицу Ангелов. Ну и что? Сэм думал, что пока дорога, вымощенная благими намерениями, могла бы привести в ад, люди, которые пытались заделать пробоины на ней, заслуживают, по крайней мере, похвалы.

Улица Углов была сильно застроена, на ней, как предположил Сэм, расположились конторы железнодорожных компаний еще с

тех пор, как Джанкшн Сити был узловой железнодорожной станцией. Сейчас там было два железнодорожных пути в направлении восток—запад. Все остальные заржавели и заросли сорняками. Шпал не было, их использовали на дрова те же бездомные, на службе у которых состояла Улица Углов.

Сэм прибыл туда без четверти пять. Солнце почальным мрачным светом освещало пустые поля которые простирались здесь на окраине города. Из-за нескольких зданий, стоявших там, доносился грохот перемещающихся грузовых вагонов, который, казалось, никогда не прекращался. Подул легкий ветерок, и когда Сэм остановил свою машину и вышел из нее, он услышал, как поскрипывает заржавелая старая табличка с надписью ДЖАНКШН СИТИ, покачиваясь туда-сюда над пустынной платформой, с которой люди когда-то садились на поезда до Сант-Луи и Чикаго, и даже на экспресс до Солнечной Страны, который делал только одну остановку в штате Айова, в Джанкшн Сити, по пути в сказочное королевство Лас-Вегаса и Лос-Анджелеса.

Ночлежка для бездомных была когда-то белого цвета; теперь краска облетела, и проступил серый цвет. Занавески на окнах были чистые, но бесформенные и ветхие. На куче золы во дворе пробивались сорняки. Сэм подумал, что к июню они разрастутся, но сейчас они едва набирали силу. Рядом с грубыми деревянными ступеньками, ведущими к входу, была поставлена ржавая бочка. На другой балке у крыльца, той, что напротив балки, к которой прикреплена табличка УЛИЦА УГЛОВ, было начертано следующее послание:

ЗДЕСЬ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ РАСПИВАТЬ СПИРТНОЕ!

ЕСЛИ ВЫ НЕСЕТЕ СПИРТНОЕ,

ВЫ ДОЛЖНЫ БРОСИТЬ ЕГО СЮДА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙДЕТЕ!

Ему повезло. Хотя субботний вечер почти наступил, и Джанкшн Сити предлагал хмельное веселье, Дейв Грязная Работа был на месте, и он был трезв. Он сидел на крыльце с двумя такими же собутыльниками. Они с увлечением рисовали плакаты на больших прямоугольных листах картона, проявляя каждый свою степень мастерства. Поодаль на полу парень с помощью левой руки помогал правой, трясущейся от чрезмерных возлияний, нарисовать что-то. В середине еще один работал, высунув язык из уголка рта, и был похож на состарившегося малышку, который на своем уровне старается как можно лучше нарисовать дерево, чтобы получить приз, который он покажет своей мамуле. Дейв Грязная Работа сидел в грубом деревянном кресле-качалке и был явно в своей лучшей форме, а остальные трое выглядели загнанными, скрюченными и изувеченными.

— Привет Дейв, — сказал Сэм, поднимаясь по ступенькам.

Дейв поднял глаза, прищурился и затем изобразил что-то вроде улыбки. Все, что осталось от зубов, было впереди. В улыбке обнаружились все его пять зубов.

— Мистер Пиблз?

— Да, — сказал он. — Как дела, Дейв?

— О, вроде как идут. — Он окинул всех взглядом. А ну-ка, ребята! Поздоровайтесь с мистером Пиблзом! Он — адвокат!

Гарень с высунутым языком поднял лицо, быстро кивнул и продолжал работать. Длинная мокрая дорожка тянулась от его левой ноздри.

— На самом-то деле, сказал Сэм, — я имею дело с недвижимостью, Дейв. Недвижимость и страхи...

— Ты принес мне мою ненаглядную? — резко спросил трясущийся алкоголик. Он даже не поднял лица и как будто глубже ушел в работу. Сэму был виден его плакат с того места, где он стоял; это были длинные оранжевые каракули, смутно напоминавшие слова.

— Не понял? — спросил Сэм.

— Это Люки, — негромко сказал Дейв. — Ему тяжело приходится сейчас, мистер Пиблз.

— Принес мне мою ненаглядную, принес мне мою ненаглядную, принес мне едреную ненаглядную? — распевал Люки, не поднимая головы.

— Э, сожалею, — начал было Сэм.

— Нету у него никакой ненаглядной! — завопил Дейв Грязная Работа. — Заткнись и рисуй свой плакат, Люки! Меньше полдюжины Сара не берет. Она приходит специально!

— Ты достанешь мне бутылку этой ненаглядной, — тихо, но выразительно сказал Люки. — Если не достанешь, буду есть крысиное г...

— Не обращайтесь на него внимания, мистер Пиблз, — сказал Дейв. — А что случилось?

— Видишь ли, я хочу знать, не видел ли ты пару книг когда забирал газеты в четверг. Я засунул их куда-то и решил проверить. Их пора возвращать в библиотеку.

— У тебя есть 25 центов? — неожиданно спросил парень с высунутым языком. — Тогда угадай слово. Буревестник!

Сэм машинально полез в карман. Дейв остановил его, готовый принести извинения.

— Не давайте ему денег, мистер Пиблз, — сказал он. — Это Рудольф. Никакой буревестник ему не нужен. Он и птица больше не ладют. Поспать бы ему ночью и все.

— Прости, — сказал Сэм, — я поиздержался, Рудольф.

— Ага, ты и все остальные — сказал Рудольф. Возвращаясь к своему плакату, он бормотал: «Как дела? Пятьдесят на два».

— Я не видел никаких книг, — сказал Дейв Грязная Работа.

— Сожалею. Я просто достал газеты, как обычно. Миссис В. там тоже была, и она может сказать. Никаких неправильностей я не сделал. — Но по его воспаленным несчастным глазам было видно, что он и не надеется, что Сэм поверит в это. В отличие от

Мэри, Дейв жил в том мире, где рок не просто подстерегал его на дороге или за углом, а окружал его. Он жил в этом мире с минимом чувства собственного достоинства.

— Я верю тебе. — Сэм положил руку на плечо Дейва.

— Я просто опрокинул вашу коробку с бумагами в один из моих пакетов, как всегда, — сказал Дейв.

— Если бы у меня была тысяча ненаглядных, я бы их все проглотил, — сказал вдруг Люки. — Я бы разом высосал их все. Вот так чао! Вот так чао! Вот так чао-де-дао!

— Я верю тебе, — повторил Сэм и похлопал Дейви по костлявому плечу. А в мыслях закралось, Боже упаси! — нет ли у Дейва блох. Следом за этой неблагоприятной мыслью появилась другая: вообще был ли кто-нибудь из членов Ротари Клуб, этих здоровенных и добродушных парней, в этой части города? У него возник вопрос, а знают ли они вообще об улице Углов. И у него возник вопрос, а думал ли Спенсер Майкл Фри о таких людях, как Люки, и Рудольф, и Дейв Грязная Работа, когда он писал, что в этом мире человеческое прикосновение — все, прикосновение рук, твоей и моей. Сэм внезапно ощутил стыд при воспоминании о своей речи, напыщенной, восхваляющей простые прелести жизни маленького города.

— Ну и хорошо, — сказал Дейв. — Значит, я могу приходить в следующий месяц?

— Конечно. Ты отвез газеты в комбинат переработки вторичного сырья, правда?

— Угу. — Дейв Грязная Работа показал пальцем с желтым грубым ногтем. — Прямо туда. Но они закончили работу.

Сэм кивнул. — А что ты сейчас делаешь? — спросил он.

— А так, провожу время, — сказал Дейв, разернул плакат и показал Сэму.

На плакате была изображена улыбающаяся женщина, в руках которой деревянное блюдо с жареным цыпленком; и первое, что поразило Сэма, что нарисовано хорошо, правда хорошо. Пьянчуга или нет, Дейв Грязная Работа от природы умел рисовать. Над картиной было аккуратно написано:

**ЦЫПЛЕНОК НА ОБЕД В ПЕРВОЙ ЦЕРКВИ МЕТОДИСТОВ
ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ПОДДЕРЖАНИЕ НОЧЛЕЖКИ
ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ
НА УЛИЦЕ АНГЕЛОВ
15-ГО АПРЕЛЯ,
ВОСКРЕСЕНЬЕ
С 6 ДО 8 ВЕЧЕРА
ЖДЕМ ТЕБЯ, ЖДЕМ ВСЕХ**

— Это будет до антиалкогольной встречи, — сказал Дейв. — Но нипочем нельзя писать на плакате об АА. Это что-то вроде секрета.

— Знаю, — сказал Сэм. Он помедлил, а потом спросил: — А ты ходишь на АА? Можешь не отвечать, если не хочешь. Я знаю, что это не мое дело.

— Я хожу, — сказал Дейв, но это трудно, мистер Пиблз. Я проглотил больше лекарств, чем Картер от своей печени. Мне этого хватает на месяц, иногда на два, однажды я не пил целый год. Но это трудно. — Он покачал головой. — Некоторые говорят, что ни в какую не выдерживают такую программу. Видать, я один из них. Но я стараюсь.

Сэм перевел взгляд на женщину, державшую цыпленка на блюде. В картине не было слишком много деталей, поэтому ее нельзя было назвать ни карикатурой, ни наброском, но это была и не живопись. Было ясно, что Дейв Грязная Работа рисовал ее в попыхах, но он схватил доброту в глазах, и в линии рта был слабый намек на улыбку, вроде последнего луча солнца на закате дня. И, как ни странно, женщина показалась Сэму знакомой.

— Это чей-то портрет? — он спросил Дейва.

Дейв расплылся в улыбке. Он кивнул. — Это Сара. Она что надо, мистер Пиблз. Нашу ночлежку закрыли бы пять лет тому назад, если бы не она. Она находит нужных людей, когда мы не можем уплатить налоги или привести все в порядок к приходу жилищных инспекторов. Она называет людей, которые дают деньги, ангелами, но она и есть ангел. Мы называли это место в честь Сары. Конечно Томми Сент Джон переврал название, когда изготавливал табличку, но не нарочно. Дейв Грязная Работа замолк на минуту и уставился на свой плакат. Не поднимая головы, он добавил: — Томми уж нет: чего уж. Умер нынешней зимой. Разорвалась печень.

— О, — сказал Сэм и затем печально заметил: — Очень сожалею.

— К чему. Ему это не надо.

— Чао-де-дао! — воскликнул Люки, вставая. — Чао-де-дао! Вот так разухабистый чао-де-дао! — Он принес свой плакат Дейви. Внизу, под оранжевыми каракулями, он нарисовал женщину-монстра, ноги которой заканчивались акульими плавниками, которые, как подумал Сэм, задумывались как туфли. В одной руке она ловко держала бесформенное блюдо с голубыми змеями, другой крепко сжимала цилиндрический коричневый предмет.

Дейв взял плакат у Люка и внимательно посмотрел на него — Хорошо, Люки.

Губы Люки поплыли в стороны в радостной улыбке. Он показал на коричневый предмет. — Посмотри, Дейви, у нее едрена ненаглядная!

— Конечно. Неплохо. Поди-ка включи телевизор, если хочешь. Уже идет Стар Трек. А у тебя как дела, Дольф?

— Я рисую лучше, когда меня подогреешь — сказал Рудольф и подал свой плакат Дейву. На нем была изображена ку-

риная нога гигантских размеров, а вокруг стояли тонюсенькие мужчины и женщины и разглядывали ее. — Это игра воображения, — сказал Рудольф Сэм. Он говорил иеистово.

— Мне это нравится, — сказал Сэм. Ему, в самом деле, понравилось. Плакат Рудольфа напомнил ему карикатуру из Нью-Йоркера, одну из многих, которые он не мог понять, потому что они были выполнены в сюрреалистической манере.

— Хорошо. — Рудольф внимательно изучал его. — Ты уверен, что у тебя нет 25 центов?

— Уверен, — сказал Сэм.

Рудольф кивнул. — В некотором роде, это хорошо, — сказал он. — Но с другой стороны, нагадил в постель. — Он последовал за Люки к телевизору, и очень скоро что происходило в передаче Стар Трэк обсуждалось у открытых дверей. Уильям Шатнер сказал пьянчугам и ханурикам Улицы Углов, что их миссия — смело отправляться туда, куда не ступала нога человека. Сэм подумал, что некоторые члены этой аудитории были уже там.

— Никто часто не ходит на эти обеды, только мужики, да кто-то из городских АА, — сказал Дейв, — но это дает нам хоть какую работу. Люки вообще перестает разговаривать если он не рисует.

— Ты ужасно хороший, — сказал ему Сэм. — Правда. Дейв. Почему бы тебе не... — Он остановился.

— Почему бы мне не что, мистер Пиблз? — ласково спросил Дейв. — Почему я не зарабатываю доллары своей правой рукой? По той же причине, по которой я не имею постоянной работы. Поздно мне делать что-нибудь еще.

Сэм не нашелся, что сказать.

— Хотя когда-то мне этого хотелось. Вы знаете, что я посещал Лори-Скул в Де-Мойн бесплатно? Лучшую художественную школу на Среднем Западе. Я прогулял первый семестр Запил. Ну и пусть. Мистер Пиблз, может пойдем выпьем по чашечке кофе? Побудьте. Может Сара придет.

— Нет. Мне надо возвращаться. У меня дело.

У него и правда было дело.

— Вы уверены, что не злитесь на меня?

— Нисколько.

Дейв встал.

— Тогда я, пожалуй, пойду, — сказал он. — День прошел хорошо но сейчас становится прохладно. Желаю вам хорошо провести вечер, мистер Пиблз.

— О'кей, — сказал Сэм, хотя он и сомневался, что получит удовольствие именно от этого вечера. Но его мама на этот счет говорила: если тебе надо проглотить горькую пилюлю, сделай это как можно быстрее. Вот так он и собирался поступить.

Он по ступенькам спустился и пошел по Улице Углов, а Дейв Грязная Работа вошел в дом.

2

Сэм отшагал всю дорогу до своей машины, затем проехал в направлении комбината переработки вторичного сырья. Он медленно шел по заросшей сорняками, засыпанной золой земле и наблюдал, как длинный товарняк удалялся в направлении Кэмден и Омахи. Красные огоньки на прицепном вагоне мигали, как гаснущие звезды. Товарные вагоны по непонятной причине всегда вызывали у него чувство одиночества, и теперь, вспоминая свой разговор с Дейви Грязная Работа, он ощущал еще большее одиночество, чем всегда. В те несколько встреч с Дейви, когда Дейв забирал его газеты, Сэму он казался веселым, даже чудаковатым. Сегодня Сэму показалось, что он заглянул под маску Дейви, и то, что он там увидел, омрачило его и вызвало чувство беспомощности. Дейв был потерянным человеком, спокойным, но полностью потерянным, использующим свой талант, каким бы он ни был, на то, чтобы писать афиши для церковных ужинов.

Приблизиться к комбинату переработки вторичного сырья можно было по захламленному участку: сначала пожелтевшие листы рекламных приложений к старым номерам «Газетт» потом рваные пластиковые пакеты для мусора, наконец, целая россыпь вздутых бутылок и смятых банок. Сдвинуты шторы этого маленького, продуваемого со всех сторон здания. На табличке на двери написано просто ЗАКРЫТО.

Сэм закурил и пошел назад к своей машине. Он проделал всего несколько шагов, когда увидел что-то знакомое на земле. Он поднял это. Это была обложка книги «Любимые стихотворения американцев». На ней печать СОБСТВЕННОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЖАНКШН СИТИ.

Вот теперь он знал наверняка. Он положил книги поверх газет в коробку с этикеткой Джонни Уолкера, приклеенной сбоку, и забыл о них. И еще он положил газеты за вторник, среду и четверг поверх книг. Потом около двенадцати пришел Дейв Грязная Работа и вытряс все это дело в пластиковый пакет для мусора. Пакет перекачивал на тележку, тележка прикатила сюда, и вот что осталось: обложка с грязной позорной татуировкой.

Сэм выпустил обложку из рук и медленно пошел к своей машине. У него было некоторое дельце, и он успевал выполнить его в обеденный перерыв.

Какую гадость ему предстоит проглотить!

Глава шестая

Библиотека (II)

I

На полпути его вдруг осенило: все было так просто, что он не мог поверить, почему это не пришло в голову раньше. Он просто потерял пару книг из библиотеки; к тому времени как он их нашел, их разорвали; ему придется уплатить за них.

Вот и все.

Ему пришло в голову, что Аделии Лортц больше, чем ему самому, удастся заставить его думать, как четвероклашку. Когда ребенок терял книгу, начинался конец света; бессильный, он сжимался под натиском бюрократии и ждал, когда появится полицейский из библиотеки. Но библиотечной полиции не было, и Сэм, теперь взрослый человек, прекрасно знал это. Были лишь городские служащие, вроде мисс Лортц, которые иногда слишком упивались своей ролью в обычных делах, да налогоплательщики, вроде него, которые иногда забывали, что они виляют хвостом, а не наоборот.

«Я пойду, я извинюсь и потом попрошу ее прислать мне счет на покупку новых экземпляров, — думал Сэм. — Вот и все. Вот и конец».

Все было так просто, удивительно.

Все еще испытывая некоторое волнение и смущение (но обуздав эту бурю в стакане), Сэм припарковался на другой от библиотеки стороне улицы. Навесные лампы сбоку от входа горели, спокойно и ярко освещая ступеньки и гранитный фасад здания. Сумерки несли с собой теплоту и радушие, которых явно не хватало, когда он пришел сюда в первый раз; а может быть, просто весна вступала в свои права, чего не было в тот мрачный мартовский день, когда он увидел местного дракона. Угрожающее лицо каменного робота исчезло. И снова это была публичная библиотека.

Сэм начал выходить из машины, но остановился. На него снизошла одна благодать, теперь ему даровали еще одну.

Ему вспомнилось лицо женщины на плакате Дейва Грязная Работа, женщины, держащей блюдо с жареным цыпленком. Той, которую Дейв называл Сарой. Сэм знал эту женщину, и вдруг какая-то невидимая связь заработала у него в мозгу, и он понял почему.

Это была Нейоми Хиггинз.

2

Он прошел мимо двух подростков на ступеньках, на пиджаках которых красовались буквы ДССШ (средняя школа

Джанкшн Сити), и не успел поддержать дверь, как она захлопнулась. Он оказался в фойе. Первое, что удивило его, было звуки. Нельзя было сказать, что в читальном зале там, за мраморными ступеньками, было шумно, но и не тихо, как в яме, как в прошлую пятницу.

«Но сегодня суббота, вечер, — подумал он. — Может быть, подростки готовятся к своим экзаменам».

Но разве Аделия Лортц не прекратила бы такие разговоры, какими бы тихими они ни были? Ответ напрашивался сам собой — «да», если судить по громкости, но не по характеру звука.

Вторая неожиданность — состоящая из одного слова торжественная надпись на табличке, укрепленной на стойке **ТИШИНА!**, исчезла. На ее месте красовался портрет Томаса Джефферсона. А под ним цитата:

**«Я НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ КНИГ»
ТОМАС ДЖЕФЕРСОН (ИЗ ПИСЬМА ДЖОНУ АДАМСУ)
10-Е ИЮЛЯ 1815 ГОДА.**

Сэм произучал цитату и подумал, что она меняет полностью настрой того, кто входит в библиотеку.

ТИШИНА!

вызывало чувство трепета и беспокойства (а что, если у человека урчит в животе, например, или подступают отнюдь не беззвучные газы?)

«Я НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ КНИГ»,

со своей стороны, вызывало чувство удовольствия и предвосхищения, такое же, какое испытывают голодные мужчины и женщины, когда подают еду.

Не понимая, как такая мелочь может так сильно все изменить, Сэм вошел в библиотеку и... остановился, как вкопанный.

3

В главном зале было намного светлее, чем когда он пришел в первый раз, но были и другие перемены. Не стало высоких стремянок, достававших до верхних полок, на которых ничего не видно. Они стали не нужны, потому что потолки стали трехметровыми или даже меньше, а не девяти-двенадцатиметровые, как раньше. Если вам надо было взять книгу с верхней полки, вы могли воспользоваться табуретками, в достаточном количестве стоящими здесь же. Журналы были разложены симпатичным веером на широком столике у регистрационного стола. Не стало дубовой стойки, с которой они свешивались, как шкуры убитых животных. Не стало и таблички с надписью:

КЛАДИТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ НА МЕСТО!

Полка с новыми книгами была на том же месте, но вместо таблички **ТОЛЬКО НА СЕМЬ ДНЕЙ** была установлена другая **ЧИТАЙТЕ БЕСТСЕЛЛЕР — И ВАМ БУДЕТ ВЕСЕЛО!**

Люди, в основном молодые, входили и выходили, тихо переговариваясь. Кто-то хихикнул, легко, раскованно.

Сэм посмотрел на потолок, безуспешно стараясь понять, какой дьявол тут поработал. С потолка исчезли косые люки. В верхней части комнаты — современный подвесной потолок. Старомодные висячие плафоны были заменены лампами дневного света, вмонтированными в новый потолок.

Направляясь с несколькими книгами к регистрационному столу, женщина тоже посмотрела на потолок, не увидела ничего необычного на нем и перевела свой взгляд на Сэма, глядя на него с любопытством. Один из мальчишек, сидевших за длинным столом у столика с журналами, стал подталкивать своих приятелей, показывая на Сэма. Еще один повертел пальцем у виска, и все фыркнули.

Сэм не заметил ни взглядов, ни ухмылок. Он не осознавал, что просто стоит в дверях главного читательного зала и глазееет на потолок, открыв рот. Он старался понять умом, в чем суть такой перемены.

«Ну, установили навесной потолок за это время. Что с того? Может, он лучше регулирует тепло в зале».

Да, но женщина — Лортиц ничего не говорила о предстоящих переменах.

Не говорила, а почему бы ей говорить что-нибудь ему? Ведь Сэм не был постоянным читателем библиотеки.

Хотя она не иначе как расстроилась. Она произвела впечатление несигибаемой поборницы традиционных порядков. Ей это не понравилось. Совсем не понравилось.

Все это было так, но было еще что-то, что-то еще более тревожное. Установка подвесного потолка было главным нововведением. Сэм не понимал, как можно смонтировать такое за неделю. А высокие полки и все книги, которые были на них? Куда делись полки? Куда делись книги?

Теперь на Сэма смотрели другие люди; с другой стороны регистрационного стола на него смотрел даже один из помощников библиотекаря. Почти затих оживленный приглушенный разговор в большом зале.

Сэм потер глаза, он в самом деле потер глаза и снова посмотрел на навесной потолок с встроенными прямоугольными лампами дневного света. Потолок оставался на месте.

«Я попал не в ту библиотеку! — раздраженно подумал он. — Вот что это!»

В своих запутанных рассуждениях он сначала ухватился за эту мысль, но затем отступил, как котенок, которого заманили и заставили прыгнуть на тень. Джанкшн Сити был довольно большим городом по меркам центральной части штата Айова с населением, приблизительно, тридцать пять тысяч человек, и смешно было думать, что он может позволить себе иметь две библиотеки.

К тому же, расположение здания и конфигурация комнаты — все было правильно... просто что-то было не так. Сэм подумал, а не сходит ли он с ума, но он отбросил эту мысль. Он огляделся и только сейчас заметил, что все перестали делать то, что они делали. Они все смотрели на него. На мгновение у него возникла дикая потребность сказать: — Продолжайте делать то, что вы делали, я сразу увидел, что библиотека изменилась. — Но он лишь прошелся к журнальному столику и взял экземпляр «Ю. С., Ньюз и Уолрд Репорт». Он начал листать его, делая вид, что очень заинтересован, а сам краешками глаз наблюдал, как люди в читальном зале вновь начинали делать то, что делали до этого.

Когда он почувствовал, что его личность не вызывает более особого внимания, Сэм положил журнал на место и прошелся по направлению к детской библиотеке. Он почувствовал себя как шпион на вражеской территории. Деревянная табличка на двери была та же, по темному фону с желтоватым отливом золотые буквы, а плакат изменился. На месте Маленькой Красной Шапочки в момент откровения — племянники Дональда Дака Хьюи, Дьюи и Люи. На них всех купальные костюмы, и они ныряют в бассейн, в котором книги. Подпись внизу гласит:

ВСЕ СЮДА! КАКОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ ЧИТАТЬ!

«Что здесь происходит?» — пробормотал Сэм. Его сердце забилось слишком часто; горячий пот выступил на руках и на спине. Если бы только плакаты, он предположил бы, что мадам ля Лортц уволили.. но дело касалось не только плакатов. Изменилось все.

Он открыл дверь в детскую библиотеку и заглянул в нее. Он увидел тот же приятный маленький мир с низенькими столами и стульями, те же ярко-голубые шторы, тот же фонтанчик на стене. Только теперь подвесной потолок соответствовал подвесному потолку в главном зале да заменены все плакаты. Не стало кричащего от страха ребенка в черном «седане» (Простак Саймон, они называют его Простак Саймон, они презирают его, по-моему, это на пользу, ведь правда) не стало и библиотечного полицейского в шинели и со странной многоконечной звездой. Сэм отступил, повернулся и медленно побрел к главному регистрационному столику. Ему показалось, что все его тело остекленело.

Два младших библиотекаря, юноша и девушка студенческого возраста, смотрели и ждали, когда он подойдет. Сэма не очень тревожило то, что они чуточку нервничали.

«Будь внимателен. Нет..., будь НОРМАЛЬНЫМ. Они уже думают, что ты почти свихнулся».

Ов вдруг вспомнил Люки, и им овладело страшное опасное желание. Он представил себе, что открывает рот и вопит на этих двух нервных молодых людей и срывающимся голосом требует,

чтобы они дали ему несколько Едреных Ненаглядных, потому что это чао, это чао, это чао-де-чао.

А заговорил он спокойным тихим голосом.

— Возможно, вы мне поможете. Мне надо поговорить с библиотекарем. — Да? Простите, — сказала девушка, — мсitera Прайса не бывает по субботам вечером.

Он посмотрел на столик библиотекаря. Так же, как и в предыдущий визит в библиотеку, рядом с аппаратом для микрофильмов стояла маленькая металлическая табличка, но на ней не было написано

А. ЛОРТЦ.

Теперь на ней было написано

МИСТЕР ПРАЙС

В голове слышались слова Нейоми: — Высокий мужчина? Лет пятидесяти?

— Нет, оказал он. — Не мистер Прайс и не мистер Пекам. Есть еще Аделия Лортц.

Юноша и девушка обменялись недоуменными взглядами. — У нас не работает Аделия Лортц, — сказал юноша. — Должно быть, вы имеете в виду какую-то другую библиотеку.

— Да нет, господа, — сказал им Сэм. Его голос звучал откуда-то издалека. — Лортц.

— Нет, — сказала девушка. — Вы в самом деле, должно быть ошиблись, сэр.

Они начала смотреть на него с опаской снова, и хотя Сэму хотелось настоять, сказать им, что конечно, Аделия Лортц работает здесь, что он видел ее только восемь дней тому назад, он сдержался. И в некотором роде, это было весьма разумно, ведь так? Это было весьма разумно в условиях явного сумасшествия, но это не отрицало, что внутренняя логика здесь присутствовала. Так же как плакаты, люки и журнальная стойка, Аделия Лортц просто перестала существовать. В голове вновь ожили слова Нейоми. «О? Это была мисс Лортц? Ну не смешно ли?»

— Нейоми признала это имя, — пробормотал он.

Теперь оба младших библиотекаря смотрели на него с одинаковым изумлением.

— Прошу прощения, — сказал Сэм и попытался улыбнуться. Вместо улыбки проступила гримаса. У меня сегодня трудный день.

— Да, — сказал юноша.

— Уж видно, — сказала девушка.

— Они думают, что я сумасшедший, — подумал Сэм, — а знаете что? Я их вовсе не виню.

— Что вы еще хотите? — спросил юноша.

Сэм открыл было рот, чтобы сказать «ничего», а затем попытался быстро ретироваться, но передумал. Но он взял за гуж, и должен довести дело до конца.

— Мистер Прайс давно старший библиотекарь?

Девушка и юноша вновь переглянулись. Девушка пожала плечами. — С тех пор как мы здесь работаем, — сказала она, — но мы здесь не так давно, мистер...?

— Пиблз, — сказал Сэм, протягивая руку. — Сэм Пиблз. Простите. Похоже, мои манеры улетучились вместе с остатками ума.

Это частично сняло с них напряжение; это трудно объяснить, но это было, и это помогало самому Сэму. Был ли он расстроен или нет, он умел проявлять, хотя бы частично, неоспоримую способность расслаблять людей. Если агент по продаже и страхованию недвижимости не обладал такой способностью, ему следовало искать новое поле деятельности.

— Я Цинтия Берриган, — сказала она, слабо пожимая его руку. — А это — Том Стэнфорд.

— Рад познакомиться с вами, — сказал Том Стэнфорд. По нему не скажешь, был ли он рад в действительности, но он тоже протянул руку и быстро пожал ее.

— Простите, — обратилась женщина с романами ужасов. — Не мог бы кто-нибудь помочь мне? Я боюсь опоздать на бридж.

— Я пойду, — сказал Том Цинтии и вышел из-за столика библиотекаря зарегистрировать книги для женщины.

Цинтия сказала: «Том и я учимся в Чэплтон Джуниор колледж, мистер Пиблз. Это работа по специальности. Я работаю здесь три семестра, мистер Прайс взял нас на работу в прошлом году весной. Том пришел сюда позднее, летом».

— Мистер Прайс — единственный здесь работник на полной ставке?

— Угу. — У нее были красивые карие глаза, и теперь в них промелькнула некоторая озабоченность. — А что-нибудь не так?

— Не знаю. — Сэм опять посмотрел на потолок. Он не мог ничего с собой поделаться. — А этот навесной потолок здесь с тех пор, как вы пришли сюда работать?

Она тоже посмотрела наверх. — Ну, — сказала она. — Я не знала, что он так называется, но «да», так было с тех пор, как я здесь.

— Видите ли мне казалось, что в потолке были люки.

Цинтия улыбнулась. — Ну конечно. Я хочу сказать, что их видно с улицы, если вы взглянете сбоку здания. И, конечно, их видно с труб, но они закрыты. Я имею в виду люки, а не трубы. По-моему, так уже многие годы.

— Многие годы.

— И вы никогда не слышали об Аделии Лортц?

Она покачала головой. — Угу. Простите.

— А о библиотечной полиции? — импульсивно спросил Сэм.

Она засмеялась. — Только от моей старой тети. Она обычно говорила мне, что библиотечная полиция доберется до меня, если я не верну свои книги вовремя. Но это было давно, в Провиденсе, в штате Роуд Айленд, когда я была маленькой девочкой. Очень давно.

— Конечно, — подумал Сэм. Может быть, десять, двенадцать лет тому назад. Может, когда динозавры жили на земле.

— Ну, — сказал он, — спасибо за информацию. Я не хотел мучить вас своими галлюцинациями.

— Верю.

— Но кажется, помучил. Я на мгновение что-то перепутал.

— Кто это Аделия Лорид? — спросил Том Стэнфорд, возвращаясь на место. — Имя очень знакомое, но ей-богу, не знаю, кто это.

— Именно так. Но я правда не знаю, — сказал Сэм.

— Мы завтра не работаем, но мистер Прайс будет здесь в понедельник после обеда и вечером, — сказал он, — может быть, он скажет вам то, что вы хотите знать.

Сэм кивнул. — Пожалуй я приду поговорить с ним. А пока еще раз спасибо.

— Мы здесь для того, чтобы помогать вам, — сказал Том — Жаль только, что мы не смогли вам больше помочь, мистер Пиблз.

— Я тоже всегда рад вам помочь, — сказал Сэм.

С ним все было хорошо, пока он шел к машине, но потом, когда он отпирал дверцу машины, внутри, казалось, все оборвалось, и подкосились ноги.

Ему пришлось взяться рукой за крышку автомобиля, чтобы не упасть, когда он открывал дверцу. Он не сел в машину, он просто повалился и сидел у руля, тяжело дыша и беспокойно поджидая, не потеряет ли он сознание.

«Что здесь происходит? Я похож на персонажа из старого представления Рода Стерлинга».

«Представлен на Ваше рассмотрение некто Сэмюэл Пиблз, бывший житель Джанкшн Сити, нынешний продавец недвижимости и всей своей жизни в... Зоне Сумерек».

Да, именно так все и было. Можно смеяться, лишь когда смотришь по телевизору, как люди преодолевают необъяснимые преграды. Сэм сделал для себя открытие, что необъяснимое утрачивает свое очарование, когда тебе приходится его преодолевать.

Он взглянул через дорогу на библиотеку, мягкий свет висящих фонарей у входа падал на людей, входивших и выходивших из библиотеки. Пожилая леди с романами ужасов спешила по улице, вероятно, боясь опоздать на партию бриджа. Пара девушек спускалась по ступенькам, болтая и посмеиваясь, прижимая книги к своим пышным грудям.

Все казалось абсолютно нормальным и конечно, и было нормально. Ненормальной была библиотека, в которую он приходил неделю назад.

Как ему казалось, эти несуразности поразили его так сильно по одной причине, потому что он беспрестанно думал об этой чертовой речи.

«Не думай об этом», — давал он себе наставления, хотя он боялся, что наступит время, когда его ум просто не будет принимать любого рода инструкции.

«Поступи, как Скарлет О'Хара, и подумай об этом завтра. Наступит новый день, и все это обретет иной смысл».

Он включил рычаг передач и, не переставая, думал об этом всю дорогу домой.

Глава седьмая

НОЧЬ УЖАСОВ

1

Войдя в дом, он прежде всего проверил автоответчик. Его сердце усиленно забилося, когда он увидел красную лампочку «Записан телефонный разговор»

«Это она. Не знаю, кто она на самом деле, но мне начинает казаться, что она не успокоится, пока не сведет меня с ума».

«Не слушай ее», — заговорила другая часть его сознания, Сэм был в таком замешательстве, что не мог сказать, разумно ли поступать так или нет. Вроде бы, разумно, но с другой стороны, трусливо. В действительности...

Он понял, что стоит здесь весь в поту, кусая ногти, и он вдруг хрюкнул тихо, гневно.

«Из четвертого класса в палату для умалишенных, — подумал он. — К черту все, если так пойдет, мил человек».

Он включил автоответчик.

— Привет! — по голосу можно было сказать, что его обладатель — любитель виски. — Это Джозеф Рандовский, мистер Пиблз. Мое сценическое имя — Ослепительный Джо. Я позвонил просто для того, чтобы поблагодарить вас за то, что вы заменили меня на этом собрании Киваносов или как их там. Я хотел сказать, что я чувствую себя намного лучше. Я вовсе не сломал шею, как они подумали с самого начала, а просто растянул связки. Я шлю вам целый комплект бесплатных билетов на представление. Раздайте их своим друзьям. Берегите себя. Еще раз спасибо. Пока.

Пленка остановилась. Загорелась лампочка «Все разговоры прослушаны». Сэм фыркнул, «ну и нервы»; если Аделия Лортиц

хотела, чтобы он, как котенок, прыгал на тени, она точно доби-
лась своего. У него была привычка перематывать плёнку, на ко-
торую записывались телефонные разговоры, а это означало, что
новые записи стирали старые. Телефонный разговор Ослепитель-
ного Джо, вероятно, стер более ранний разговор Аделии. А зна-
чит исчезло его единственное доказательство, что эта женщина
была.

Но ведь это не так. Ведь есть его читательский билет. Он
стоял перед этим чертовым регистрационным столом и наблюдал,
как она подписывалась: крупно, размашисто.

Сэм вынул бумажник и проверил его три раза, прежде чем он
признался себе, что читательский билет тоже исчез. И кажется,
он помнил где. Он смутно припоминал, как он засунул его в кар-
машек книги «Любимые стихотворения американцев».

Для сохранности.

Чтобы не потерять.

Здорово. Просто здорово.

Сэм сел на кушетку и положил голову на руки. Голова нача-
ла болеть.

2

Спустя пятнадцать минут он подогревал суп в маленькой ка-
стрюльке в надежде, что немного горячей пищи успокоит его го-
ловную боль, и тогда он снова вспомнил Нейоми, Нейоми, кото-
рая была так похожа на женщину на плакате Дейва Грязная
Работа. Вопрос, вела ли Нейоми какую-то тайную жизнь под
именем Сара или нет, отошел на задний план и уступил место
более важному, по крайней мере, сейчас: Нейоми знала, кто такая
Аделия Лортц. А ее реакция на это имя... ну ведь чудная. Минуту
— другую ею овладело беспокойство, но она начала шутить, по-
том зазвонил телефон, оказалось, звонил Берт Айвершн, и...

Сэм попытается проиграть разговор у себя в голове, но огор-
чился, как мало он помнил. Нейоми сказала, что Аделия особен-
ная, это точно; в этом он был уверен, но не более этого. Тогда
это казалось неважно. Важным казалось то, что его карьера сде-
лала большой шаг вперед. И теперь это тоже важно, но вся эта
история, казалось, оттеснила карьеру на второй план. По правде
сказать, она вытеснила все на второй план. Его мысли все время
возвращались к тому современному, абсолютно нормальному
навесному потолку и невысоким книжным полкам. Он не верил,
что он сошел с ума, но он начинал чувствовать, что если он не
разберется во всем, он может сойти с ума. Как будто в его го-
лове образовалось отверстие, такое глубокое, что в него можно
было бросать предметы, но как они туда падали, не услышишь,
сколько ни слушай. Он предположил, что это ощущение прой-
дет, — как знать — но пока оно было ужасным.

Он увернул конфорку под кастрюлькой с супом, пошел в свой кабинет и отыскал номер телефона Нейоми. Три коротких гудка, и тресучий пожилой голос спросил: «Пожалуйста, кто говорит?» Сэм сразу узнал этот голос, хотя и не видел его обладателя почти два года. Это была старенькая мама Нейоми.

— Хэллоу, миссис Хиггинз, — сказал Сэм. — Это Сэм Пиблз.

Он остановился, дал ей время ответить: «Оу, хэллоу, Сэм!» или может быть: «Как поживаете?» — но ответа не последовало, и было слышно тяжелое астматическое дыхание миссис Хиггинз. Сэм никогда не входил в число людей, которых она любила, и его долгое отсутствие в их доме не смягчило ее сердца.

— Поскольку она не собиралась ничего говорить в ответ, Сэм решил, что он мог бы сделать это сам. — Как поживаете, миссис Хиггинз?

— Все бывает, и хорошее, и плохое.

На мгновение Сэм был в растерянности. Казалось, на такую ремарку не существует адекватного ответа. «Мне очень жаль» не подойдет, а «Это здорово, миссис Хиггинз!» прозвучало бы еще хуже.

Он настроился попросить к телефону Нейоми.

— Сегодня вечером ее не будет.. Я не знаю, когда она вернется.

— Нельзя ли мне попросить ее позвонить мне?

— Я ложусь спать. И не надо просить меня оставлять записку. У меня разыгрался артрит.

Сэм вздохнул. — Я позвоню завтра.

— Завтра утром мы идем в церковь, — заявила миссис Хиггинз тем же невыразительным безразличным тоном, — а завтра днем первый в этом сезоне молодежный пикник баптистов. Нейоми обещала помочь.

Сэм решил прекратить разговор. Было ясно, что для миссис Хиггинз самое важное — имя, положение в обществе и серия машины. Он начал было прощаться, но передумал. — Миссис Хиггинз, для вас значит что-нибудь имя Лорти? Аделия Лорти?

Тяжелое хрипучее сопение мгновенно стихло. На мгновение в трубке ничего не было слышно, а затем миссис Хиггинз заговорила низким злобным голосом. — Как долго вы, безбожный язычник собираетесь швырять имя этой женщины нам в лицо? Думаете, смешно? Думаете, умно?

— Миссис Хиггинз, я не понимаю. Я просто хотел узнать...

Он услышал легкий резкий щелчок. Будто миссис Хиггинз сломала маленькую сухую тросточку о свое колено. И линия разъединилась.

Сэм съел суп, потом провел полчаса у телевизора. Что толку? Мысли беспрестанно уводили его в сторону. То к женщине на плакате Дейва Грязная Работа, то к грязному штампу на обложке «Самых любимых стихотворений американцев», то к исчез-

новшему плакату с маленькой Красной Шапочкой. Но с чего бы это ни началось, заканчивалось всегда в одном и том же месте: почему теперь другой потолок в главном зале публичной библиотеки в Джанкшн Сити?

В конце концов, он перестал об этом думать и забрался в постель. Это был один из самых неприятных субботних дней, которые он помнил, а пожалуй, самый неприятный субботний вечер в его жизни. Сейчас он желал поскорее попасть в страну бездумного беспамятства.

Но сон не шел.

Вместо него явились ужасы.

Главным ужасом было то, что сходит с ума. Сэму никогда не приходило в голову, насколько это ужасно. Он бывало видел в кинофильмах, как какой-нибудь парень идет к психиатру и говорит: «Доктор, я чувствую, что схожу с ума» — и картинно сжимает голову руками, и Сэм подумал, что такая головная боль свидетельствует о начале умственного помешательства. А пожалуй, вовсе и не так, догадался он, бесконечные бессонные ночные часы седьмого апреля плавно перешли в бессонные часы восьмого. Происходит это вот как: ты опускаешь руку почесать свои бубенчики и находишь на них большую шишку, а шишка это не что иное, как раковая опухоль.

Не может быть, чтобы библиотека так разительно изменилась всего за неделю. Не может быть, что он видел люки на потолке. Эта девушка, Цинтия Берриган, сказала, что они прикрыты ставнями и всегда были прикрыты с тех пор, как она появилась здесь, по меньшей мере, год назад. Конечно, это было какое-то умственное расстройство. Или опухоль в головном мозгу. А может быть, болезнь Альцгеймера? Неприятная мысль. Он как-то читал, кажется, в Ньюзуике, что жертвы болезни Альцгеймера все больше впадают в детство. Может быть, этот роковой эпизод был сигналом надвигающейся преждевременной старости.

В мыслях образовалась неприятная табличка, на ней — три слова, написанные жирными красно-желтыми буквами. Эти слова:

СХОЖУ С УМА.

Он прожил обыкновенную жизнь, полную обыкновенных удовольствий и обыкновенных огорчений, без особых испытаний. Никогда его имя не светилось яркими огнями, это правда, но у него не было оснований ставить под сомнение свою психику. Теперь он лежит на мятых простынях и задает себе вопрос: Что, вот так ты отрываешься от реального разумного мира? Это начало того, что

ТЫ СОШЕЛ С УМА.

Мысль о том, что Нейоми была ангелом-хранителем ночлежки для бездомных в Джанкшн Сити — так называемая Нэйоми, — тоже была сумасбродной. Это просто не может быть... разве мо-

жет? — Он даже поставил под сомнение большой наплыв клиентов в контору. Может быть, он придумал все это.

К полуночи его мыслями завладела Аделия Лортц, и вот тогда стало совсем плохо. Он начал думать, как страшно было бы, окажись Аделия Лортц в его туалете или под его кроватью. Он увидел, как она ухмыляется, радостно, тайно, под покровом ночи, ее пальцы с длинными, острыми ногтями извиваются, а волосы спадают на лицо, образуя таинственный лохматый парик. Он представил себе, как размягчились бы его кости, если бы она начала шептать ему.

«Вы потеряли книги, Сэм, поэтому вам придется стать библиотечным полицейским... вы потеряли книги,,, вы потеряли ...»

Наконец, около половины третьего Сэм не смог более выносить это. Он сел в постели и пошарил в темноте рукой, чтобы зажечь ночник. И пока он это делал, ему явилось новое видение, такое ясное, почти реальность: он был в спальне не один, и его гостем была не Аделия Лортц. Нет. Его гостем был библиотечный полицейский с плаката, которого больше не было в детской библиотеке. Он стоял здесь в темноте, высокий бледный человек, облаченный в шинель, человек с дурным цветом лица и белым неровным шрамом на левой щеке, под левым глазом, на уровне переносицы. Сэм не заметил шрама на лице на плакате, но только потому, что художник не пожелал нарисовать его. Шрам был. Сэм знал, что шрам был.

«Не врите, кушты есть, — надоедливо настаивал библиотечный полицейский чуточку шепелявым голосом. — По боковым дорожкам растут кушты. Множество куштов. И мы отыщем их. Мы отыщем их вместе».

«Нет! Прекратите это. Просто... Прекратите это!»

И когда он дрожащей рукой нашел наконец-то лампу, в комнате скрипнула доска, и он, бездыханный, издал короткий крик. Рука сжала выключатель. Зажегся свет. На мгновение он подумал, что действительно видел высокого человека, но потом понял, что это была тень от шифоньера на стене.

Сэм опустил ноги на пол и на минуту закрыл лицо руками. Затем он потянулся за пачкой сигарет «Кент» на тумбочке.

«Тебе надо владеть собой, — пробормотал он. — О каком хрене ты думаешь?»

«Я не знаю, — быстро ответил голос внутри него. — Более того, я не хочу знать. Никогда. Кушты — это было так давно. Мне вовсе не надо вспоминать их снова. Или этот привкус. Этот сладковатый, сладковатый привкус».

Он зажег сигарету и сделал глубокую затяжку.

Хуже всего вот что: в другой раз он, возможно, в самом деле увидит человека в шинели. Или Аделию. Или Горго, Хмельного императора из страны Прозрачного Сидра. Потому что если он смог так отчетливо вообразить свое посещение библиотеки и зна-

комство с Аделией Лортц, он был способен вообразить что угодно. Нет ничего невозможного, если вы начали придумывать люки на потолке, которых там нет, людей, которых не было, и даже кусты, которых тоже нет. Не надейся, что тебе удастся подавить состояние в своих собственных мыслях

Он пошел на кухню, зажигая все лампочки по пути, борясь с настойчивым желанием посмотреть через плечо, чтобы проверить, не идет ли кто сзади. Скажем, служитель порядка. Он подумал, что ему нужна таблетка снотворного, но поскольку у него не было ничего под рукой, даже такого распространенного, как соминекс, он решил, что придумает что-нибудь сам. Он налил молока в кастрюльку, подогрел его, вылил в кружку, из которой пил кофе, затем добавил умеренную порцию брэнди. Так, он видел, делают в фильмах. Он попробовал, лицо его искривилось в гримасе, он вылил почти всю эту противную жидкость в раковину и посмотрел на часы на микроволновке. Без четверти час. До рассвета еще далеко, сколько еще времени можно придумывать Аделию Лортц и библиотечного полицейского, которые крадутся вверх по лестнице, держа острые ножи в зубах.

«Или стрелы, — подумал он. — Длинные черные стрелы. Аделия и полицейский из библиотеки крадутся вверх по лестнице, зажав длинные черные стрелы в зубах. Как насчет такого образа, друзья и соседи?»

Стрелы?

Почему стрелы?

Он не хотел думать об этом. Он устал от мыслей, которые вылетали из его некогда спокойного сознания с жужжанием ужасных вонючих пчел.

«Я не хочу думать об этом. Я не буду думать об этом».

Он выпил остатки молока с брэнди и опять лег в постель.

4

Он не стал выключать свет у постели и поэтому почувствовал себя спокойнее. Он подумал, что и впрямь может заснуть до того, как вселенная запылает в огне. Он подтянул одеяло к подбородку, положил руки под голову и посмотрел на потолок.

«Кое-что из всего этого в самом деле произошло, — подумал он. Не может быть, что ВСЕ галлюцинации... если только я на самом деле не в психиатрической клинике у Кедровой Стремнины, может быть, я уже там, лежу в смиренной рубашке, а воображаю, что лежу здесь, в своей собственной кровати».

Да, он произносил речь. Он использовал в ней шутки из «Спутника оратора» и стихотворение Спенсера Майкла Фриза из «Самых любимых стихотворений американцев» И поскольку ни той, ни другой книги не было в его скромной коллекции, ему надо было взять их в библиотеке. И Нейоми встречала Аделию Лортц, во всяком случае, слышала ее имя, да и мать Нейоми тоже. Да-

да! Реакция была такой, как будто он разорвал хлопушку под креслом, на котором она сидела.

«Я могу проверить, — подумал он. — Если миссис Хиггинз знает это имя, другим людям оно тоже будет знакомо. Может быть, не этим ребятам из Чеплтона, совмещающим учебу с работой, а тем, кто давно живет в Джанкшн Сити. Фрэнку Стивенсу, например. Или Дейву Грязная Работа...»

В это мгновение Сэм наконец-то отключился. Он и не заметил, как пересек эту плавную границу между бодрствованием и сном; он не переставал думать, но мысли обрели более странные и невероятные очертания. Очертания стали сном. А сон стал кошмаром. Он снова был на Улице Углов, и три хмыря сидели на крыльце и корпели над своими плакатами. Он спросил Дейва Грязная Работа, что он делает.

«Эу, просто провожу время», — сказал Дейв и затем стыдливо повернул свой плакат, чтобы Сэм мог увидеть его.

На плакате был нарисован Простак Саймон. Его посадили на плевки, вокруг занимался огонь. Он сжимал пучок тлеющих красных лакриц в одной руке. Одежда на нем горела, но он был еще жив. Он пронзительно кричал. Под этой ужасной картиной было написано:

**ОБЕД ДЛЯ ДЕТЕЙ В КУСТАХ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИИ
НАЧАЛО В 2 ЧАСА НОЧИ
ПРИХОДИ ТЫ, ПРИХОДИТЕ ВСЕ
«ЭТО ЧАО-ДЕ-ДАО!»**

— Дейв, это ужасно, — сказал во сне Сэм.

— Вовсе нет, — ответил Дейв Грязная Работа. — Дети называют его Простак Саймон. Им нравится его есть. По-моему, это полезно для здоровья, правда?

— Посмотри! — закричал Рудольф. — Посмотри, это Сара!

Сэм поднял глаза и увидел, что по замусоренной, заросшей сорняками площадке между Улицей Углов и комбинатом переработки вторичного сырья идет Нейоми. Она шла очень медленно, потому что толкала перед собой тележку, груженную экземплярами «Спутника оратора» и «Самых любимых стихотворений американцев». Она была в лучах заходящего солнца, мрачного яркого красного света горящей топки, и вдали длинный пассажирский состав медленно громыхал по рельсам, устремляясь в пустоту, на запад штата Айова. В нем было, по крайней мере, тридцать вагонов, и каждый вагон был черного цвета. Сэм догадался, что это был траурный поезд.

Сэм повернулся к Дейву Грязная Работа и сказал: — Ее зовут не Сара. Это — Нейоми. Нейоми Хиггинз из Провербии.

— Что ты, — сказал Дейв Грязная Работа. — Смерть идет, мистер Пиблз. Смерть — это женщина.

Пронзительно закричал Люки. Охваченный диким ужасом, он визжал, как свинья. «У нее мои ненаглядные! У нее мои ненаглядные! О боже мой, у нее мои едрены ненаглядные!»

Сэм повернулся, стараясь разобрать, о чем кричит Люки. Женщина подошла ближе, но это была уже не Нейоми. Это была Аделия. На ней была шинель мрачного серого цвета. На тележке, которую она катила перед собой, не было ненаглядных, как кричал Люки, а множество переплетенных красно-желтых хлыстов лакрицы. Сэм смотрел, а Аделия схватила хлысты и стала записывать себе в рот. Вместо ровных протезов — длинные зубы неопределенного цвета. Они напомнили Сэму зубы вампира, острые и ужасно сильные. На лице отражалось, с каким усилием она разгрызала свое лакомство. Алая кровь текла изо рта на подбородок, а мелкие брызги застыли в воздухе розовым паром. Несколько пучков лакрицы воткнулись в заросшую сорняками землю, и из них струилась кровь.

Она подняла руки, которые стали крючковатыми когтями.

«В-ы-ы потеря-я-я-ли кни-и-и-и-ги!» — завопила она и накинута на Сэма.

5

Сэм резко очнулся, чуть живой. Простыня и одеяло сбились, а он свернулся потным калачиком в противоположном конце от изголовья. С улицы через сдвинутые шторы заглядывал первый слабый лучик нового дня. Часы у постели показывали 5.53 утра.

Весь в поту он встал — как приятен прохладный воздух в спальне — прошел в ванную комнату и пописал. Его голова ныла, то ли потому что он принял бренди, то ли из-за дурного сна. Он открыл аптечку, достал две таблетки аспирина и снова потащился в постель. Он натянул одеяло до подбородка, каждая складка мокрой от пота простыни напоминала о ночном кошмаре. Он не станет больше спать, он знал это наверняка, но он хотел бы полежать, пока кошмар не начнет забываться.

Как только его голова коснулась подушки, он мгновенно осознал, что ему известно что-то, что-то удивительно необычное, не хуже того, что его секретарша, работающая неполный рабочий день, и щенщина на плакате Дейва Грязная Работа — одно и то же лицо. Это новое открытие также имело отношение к Дейву Грязная Работа... и к Аделии Лортц.

«Вот где меня осенило, во сне», — подумал он.

Он погрузился в глубокий здоровый сон. Он спал без сновидений, и когда он проснулся, было почти одиннадцать часов. Церковные колокола приглашали верующих на службу, а за окном занялся прекрасный день. Только что пробившаяся трава была ярко освещена солнцем, и Сэм не просто хорошо себя почувствовал, он почувствовал, будто родился заново.

Глава восьмая

УЛИЦА УГЛОВ (II)

I

Он решил совместить завтрак и ланч, — апельсиновый сок, омлет из трех яиц с зеленым луком, много крепкого кофе, —

и думал еще раз сходить на Улицу Углов. Он все еще помнил то мгновение озарения, которое он испытал в минуту пробуждения, и он был уверен, что интуиция его не подводила, но он сомневался, действительно ли ему хотелось продолжать это безумное дело.

В то солнечное весеннее утро его страхи вчерашней ночи казались далекими и нелепыми, и у него появился сильный соблазн, почти потребность; просто пустить все на самотек. Он подумал, что с ним что-то произошло, что-то, не имеющее разумного рационального объяснения. Вопрос состоял в том, что же это было.

Он читал о таких вещах, как привидения, предчувствия, одержимость, но они недолго занимали его. Он иногда ходил на фильмы о привидениях, но когда это было. Он был практичным человеком и не видел практической пользы в этой мистике... если она и имела место в самом деле. Он испытал... ну, назовем это «случай» за неимением лучшего слова. Теперь этот случай закончился. Почему бы не оставить все, как есть.

«Потому что она сказала, что хочет увидеть книги не позже завтра, что тогда?»

Но это кажется, больше не висело над ним. Сэм не верил больше в Аделию Лортц, хотя на автоответчике были записаны ее телефонные разговоры.

Его интересовала лишь его собственная реакция на то, что произошло. Он вдруг вспомнил, как слушал лекцию по биологии в колледже. Лектор начал с того, что тело человека чрезвычайно эффективно отражает вторжение чужеродных организмов. Сэм вспомнил, что преподаватель говорил так потому, что заголовки пестрели неприятными сообщениями о раке, гриппе, болезнях, передаваемых сексуальным путем, таких как сифилис; люди были склонны верить, что они более подвержены заболеваниям, чем на самом деле. «Тело человека, — говорил лектор, — имеет в своем распоряжении отряд Голубых Беретов. Когда на тело человека произведена атака со стороны, леди и джентльмены, реакция отряда незамедлительная и безжалостная. Пощады не бывает. Не будь этой армии обученных убийц, каждый из вас умер бы двадцать раз, не дожив до последующего года».

Главный метод, которым пользуется тело, чтобы изгнать оккупантов, — изоляция. Их сначала окружают, изолируют от необ-

ходимых питательных веществ, а затем или пожирают, или истребают, или обрекают на голодную смерть.

И Сэм стал понимать или ему так показалось, что ум использует точно такой метод, когда его атакуют. На его памяти было много случаев, когда он ложился спать простуженным и просыпался на следующее утро в полном здравии. Тело выполняло свою работу. Пока он спал, шла ужасная война, и оккупанты изгонялись до последнего, хотите человека или существа. Их пожирали, уничтожали или обрекали на голодную смерть.

В прошлую ночь он почувствовал, что на его ум надвигается простуда. Сегодня утром оккупант, угрожающий его ясному разумному восприятию, был окружен. Отрезан от питательных веществ. Теперь это вопрос времени. И одна часть его предупреждала его самого, что проводя свое расследование дальше, он, вероятно, будет подкармливать неприятеля.

«Вот как все происходит, — думал он. — Вот почему мир не наводнен сообщениями о странных происшествиях и необъяснимых явлениях. Ум изучает их... окружает... потом наносит контрудар».

Но его одолевало любопытство. Вот в чем дело. А разве не известно, что хотя любопытство убивает кошку, удовлетворение возвращает ее к жизни?

«Кто? Кто сказал?»

Он не знал... но думал, что смог бы узнать. В местной библиотеке. Сэм тихо улыбнулся и понес грязную посуду в раковину. И он понял, что уже принял решение: он еще немного будет продолжать это безумное дело.

Совсем чуточку.

2

Сэм приехал на Улицу Углов около половины первого. Нельзя сказать, что он сильно удивился, увидев старенький голубой автомобильчик Нейоми, припаркованный у дороги. Сэм поставил свою машину позади машины Нейоми, вышел из нее и поднялся по шатким ступеням мимо таблички, предупреждающей, что следует выбросить все бутылки, имеющиеся при вас, в бочонок для мусора. Он постучал, но ответа не последовало. Он толчком открыл дверь настеж, перед ним — широкий зал, в нем — никакой мебели... если не считать телефона-автомата. Обои поблекшие, но чистые. В одном месте, как увидел Сэм, они были подклеены липкой лентой.

— Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало. Он вошел, ощущая себя незванным гостем, и прошелся по залу. Первая дверь налево вела в общую комнату. На двери этой комнаты кнопками было прикреплено две таблички.

ДРУЗЬЯ АФИШ, ВАШЕ МЕСТО ЗДЕСЬ!

было написано на верхней табличке. Под ней висела другая, содержание которой показалось Сэму чрезвычайно значимым и изысканно немногословным. На ней было написано:

ДЛЯ ВРЕМЕНИ НАДО ВРЕМЯ.

В общей комнате были разрозненные обшарпанные стулья и длинный диван, также отремонтированный лентой, на этот раз изоляционной. На стенах еще лозунги. На маленьком столике у телевизора кофеварка. Телевизор и кофеварка отключены.

Сэм прошел по залу, все более ощущая себя незваным гостем. Он заглянул еще в три комнаты, выходящие в коридор. В каждой стояло по две простых кровати, но людей не было. Комнаты были добросовестно вычищены, но каждая имела свою индивидуальность. В одной пахло мастеровым. В другой пахло какой-то серьезной болезнью. «Или кто-то недавно умер в этой комнате, — подумал Сэм, — или кто-то собирается умирать».

Кухня, в которой тоже никого не было, находилась у противоположного конца зала. Это была большая светлая комната, на полу которой выцветший линолеум лежал неровно, образуя впадины и выпуклости. Всю нишу занимала плита, сочетание газовой и древесной. Эмалированная раковина, старая и глубокая, с пятнами ржавчины, неопределенного цвета. Вентили на водопроводном кране старомодные, в виде пропеллера. Около кладовки — древняя стиральная машина фирмы Мейтаг и газовая сушилка фирмы Кенмор. Чувствовался запах вареной фасоли. Сэму комната понравилась. Ему стало понятно, что здесь великомерно экономят каждую копейку и что здесь царят любовь, забота и нелегкое счастье. Вспомнилась кухня его бабушки, хорошо там было.

К старому ресторанному холодильнику фирмы Амана прикреплена магнитная табличка, на которой начертано:

БЛАГОСЛОВИ, ГОСПОДЬ, НАШУ ТРЕЗВУЮ ОБИТЕЛЬ.

С улицы слышались слабые голоса. Он подошел к окну в кухне, которое было приоткрыто ровно настолько, чтобы мог проникать легкий ветерок в теплый весенний день, и выглянул.

С другой стороны Улицы Углов пробивались зеленые ростки; во дворе дома у узкой полоски деревьев, готовых выпустить свои первые листочки, празднично поджидал своей очереди огород. Слева — провисшая волейбольная сетка. Справа — две ямы для установки подков лошадям, в которых поднимались первые сорняки. Этот дворик не производил благоприятного впечатления, как и другие в это время года, но Сэм видел, что по нему прошлишь, по крайней мере, один раз после того, как сошел снег, и не было видно шлага, хотя сверкающие стальные железнодорожные рельсы были совсем рядом, метрах в пятидесяти. «У жителей

Улицы Углов, может быть, не о чем особенно заботиться, — подумал Сэм, — но если есть о чем, они заботятся».

Чуть более десяти человек сидели на складных стульях в кружок между волейбольной сеткой и лошадиными ямами. Сэм узнал Нейоми, Дейва, Люки и Рудольфа. Еще мгновение, и он узнал Берта Айвершина, самого процветающего адвоката Джанкшин Сити, и Элмера Баскина, банкира, который не попал на его выступление в Ротари Клуб, но который все же позвонил домой и поздравил его. Качнулись от порыва ветра скромные клетчатые занавески на окне, из которого смотрел Сэм. Колыхнулись седые волосы Элмера. Элмер поднял лицо к солнцу и улыбнулся. Искреннее удовольствие было написано на его лице, он светился им, и это поразило Сэма. В это мгновение он был и больше, и меньше самого богатого банкира маленького города; он олицетворял каждого, кто после долгой холодной зимы приветствовал весну, счастливый от того, жив, здоров и невредим.

Нереальность всего этого поразила Сэма. Как-то непонятно, что Нейоми Хиггинз здесь общается с бездомными алкашами Джанкшин Сити и, к тому же, под другим именем. А увидеть здесь самого уважаемого банкира города и одного из самых ярких почитателей закона тоже умопомрачительно.

Человек в потертых зеленых штанах и в майке с претензией на фирменную поднял руку. Рудольф указал на него, давая ему слово. «Меня зовут Джон, я алкоголик», — сказал человек в майке.

Сэм быстро отпрянул от окна. Его лицо запылало. Теперь он ощущал себя не только незванным гостем, но и шпионом. Он предположил, что обычно они проводили свои воскресные АА собрания в общей комнате, во всяком случае так можно было судить по кофеварке, но сегодня погода выдалась такой прекрасной, что они вынесли стулья на свежий воздух. Он мог поклясться, что идея принадлежала Нейоми.

«Мы будем в церкви завтра утром, — сказала миссис Хиггинз, — а завтра днем состоится первый в этом сезоне баптистский пикник для детей. Нейоми обещала помочь». Он подумал, а знает ли миссис Хиггинз, что ее дочь проводит день с алкашами, а не с баптистами, и решил, что знает. Он подумал, что теперь ему понятно, почему Нейоми внезапно решила, что двух свиданий с Сэмом ей будет достаточно. Тогда он подумал, по религиозным соображениям, да и Нейоми не давала повод предположить что-нибудь еще. Но после первого свидания, они ходили в кино, она согласилась встретиться с ним еще раз. После второго свидания ее любовный интерес к нему иссяк. Или так показалось. Во время второго свидания они ужинали. И он заказал вино.

«Ну бога ради, как я мог предположить, что она алкоголичка? Что я, в голову ей заглядывал?»

Ответом могло быть, только одно: он никак не мог этого знать... но его лицо запылало еще сильнее все равно.

«Или может быть, это не запой... или не просто запой. Может быть, у нее еще какие-нибудь проблемы».

Ему также захотелось узнать, что было бы, если Берт Айвершн и Элмер Баскин, оба влиятельные люди, поняли бы, что он знает, что они являются членами самого большого в мире тайного общества. Может быть, ничего; по правде говоря, он не так много знал об АА. Но он знал две вещи: что еще одно А означало анонимные и что здесь были люди, которые могли задушить его надежды, связанные с расцветом бизнеса, если бы они захотели.

Сэм решил уйти поскорее и потише. Надо отдать ему должное, он принял это решение не по личным мотивам. У людей, сидевших во дворе дома на Улице Углов, была серьезная проблема. Он понял это случайно; у него не было намерения оставаться и подслушивать нарочно.

Когда он проходил по залу к выходу, он увидел пачку листочков бумаги, лежащих на телефон-автомате. Тут же на веревочке, прикрепленной кнопками к стене, висел огрызок карандаша. Не раздумывая, он взял листок бумаги и печатными буквами настроил на ней.

Дейв,

Я заезжал сегодня утром, чтобы повидать тебя, но никого не застал. Я хочу поговорить с тобой о женщине по имени Аделия Лорти. Мне кажется, что ты знаешь, кто она, а мне очень надо знать. Не мог бы ты позвонить мне сегодня днем или вечером, если тебе предоставится такая возможность? Мой телефон: 555-86-99. Благодарю заранее.

Он подписался внизу, сложил листок пополам и сверху написал имя Дейва. Поначалу он подумал, не отнести ли ее на кухню и не положить на стойку, но передумал, боясь, как бы кто-нибудь из них, и прежде всего Нейоми, не увидела, что он застал их за странным, но, возможно, благотворным увлечением. Поэтому он поставил записку на телевизоре в общей комнате, повернув ее так, чтобы имя Дейва бросалось в глаза.

Он хотел было положить рядом с запиской 25-центовую монету для телефонного разговора, но не сделал этого. Дейв мог бы не понять его.

Потом он вышел, довольный тем, что он на воле и что его никто не заметил. Когда он садился в свою машину, он увидел наклейку на бампере «датсуна» Нейоми.

УСТУПАЙ ДОРОГУ И УСТУПАЙ БОГУ

было написано на ней.

«Лучше Богу, чем Аделин», — пробормотал Сэм и подал машину назад, на мостовую.

3

К концу дня начала сказываться беспокойная предыдущая ночь, и на Сэма напала сильная сонливость. Он включил теле-

визор, нашел бейсбол, играли Цинциннати-Бостон, пока разыгрывали восьмую подачу, лег на диван, чтобы посмотреть игру, и почти мгновенно отключился. Прежде чем он успел погрузиться в настоящий он, зазвонил телефон, и Сэм встал, чтобы ответить, не вполне понимая, что с ним и где он находится.

— Алло?

— Незачем вам говорить об этой женщине, — безо всякого вступления начал Дейв Грязная Работа. Его дрожащий голос был на пределе. — Незачем вам даже думать о ней.

«Как долго вы, безбожный язычник, собираетесь швырять имя этой женщины нам в лицо? Думаете, смешно? Думаете, умно?»

В одно мгновение сон улетучился. — Дейв, что связано с этой женщиной? Реакция у людей такая, будто она дьявол, или они ничего не знают о ней. Кто она? Какого черта она сделала, что вы все стали как ненормальные?

В трубке надолго замолчали. Сэм ждал, сердце его неистово колотилось в груди. Он подумал бы, что их разъединили, если бы он не слышал прерывистого дыхания Дейва в трубке.

— Мистер Пиблз, — сказал он наконец, — уже много лет вы мне по-настоящему помогаете. Вы, да еще несколько человек, помогли мне выжить, когда я сам не знал, нужно ли мне это. Но я не могу говорить об этой суке. Не могу. И если вы желаете себе добра, вы ни с кем больше не будете говорить о ней.

— Это похоже на угрозу.

— Нет! — сказал Дейв. По голосу чувствовалось, что он был не просто удивлен; он был шокирован. — Нет, я просто вас предупреждаю, мистер Пиблз, как я предупредил бы вас, если бы увидел, что вы ходите вокруг старого колодца, заросшего сорняками, и не видите опасности. Не говорите о ней и не думайте о ней. Мертвые с мертвыми.

«Мертвые с мертвыми».

В общем-то это не удивило его; все, что было (за исключением, пожалуй разговоров на автоответчике) наводило на ту же мысль: что Аделии Лорти нет среди живущих. Он, Сэм Пиблз, агент по продаже недвижимости и страхованию, разговаривал с привидением, даже не зная этого? Разговаривал с ним? Вот черт! Имел с ним дело! Отдал ему два доллара, и оно дало ему читательский билет.

Не то чтобы он удивился... нет, но сильный холодок пробежался по спине. По бледным рукам прошли крупные мурашки.

«Не надо было связываться, — прочитала одна часть его сознания. — Ведь говорила тебе».

— Когда она умерла? — спросил Сэм. Его голос звучал вяло и равнодушно.

— Мистер Пиблз, я не хочу говорить об этом! — на этот раз голос Дейва был как у безумного. Его голос задрожал, перешел

в более высокий регистр, зазвучал фальцетом и надломился. — Пожалуйста!

«Оставь его в покое, — сердито одернул себя Сэм. — Что у него, своих проблем мало?»

Конечно. Он мог бы оставить Дейва в покое; в городе наверняка есть люди, которые поговорили бы с ним об Аделин Лортц... если бы ему удалось найти к ним подход, они бы сами поведали ему тайну, это уж точно. Но все же, одну вещь, ее-то Дейв Грязная Работа наверняка мог рассказать ему.

— Ты ведь как-то рисовал плакаты для библиотеки? Я понял это по тому плакату, который ты рисовал вчера на крыльце. В общем, я уверен. Был такой плакат, маленький мальчик в черном автомобиле. И еще один, с женщиной в шинели, полицейским из библиотеки. Это ты...?

Не успел он закончить, как Дейв издал такой вопль, в нем все: стыд, боль, страх, что Сэм замолк.

— Дейв! Я...

— Не надо об этом! — заплакал Дейв. — Я ничего не мог с собой поделать, поэтому, ну пожалуйста, оставьте...

Его всхлипывания сразу отдалились, и в трубке послышался характерный треск, когда ее берет кто-то другой.

— Прекратите это, — сказала Нейоми. Она сама почти плакала, да к тому же, была очень сердита. — Уймись, вы, страшный человек!

— Нейоми...

— Когда я здесь, меня зовут Сара, — медленно сказала она, — но я ненавижу вас, Сэм Пиблз, как бы вы меня ни звали. Моей ноги в вашей конторе больше никогда не будет. — Ее голос начал повышаться. — Почему бы вам не оставить его в покое? Зачем вам понадобилось ворошить это старое дерьмо? Зачем?

Силы оставили Сэма, и, теряя над собой контроль, Сэм сказал: — Почему вы послали меня в библиотеку? Если вы не хотели, чтобы я видел ее, Нейоми, зачем вы послали меня в эту чертову библиотеку-то?

На другом конце — недоумение.

— Нейоми? Не можем мы...

Послышался щелчок: она повесила трубку.

Связь была прервана.

Сэм просидел в своем кабинете почти до половины десятого, глотая успокоительные таблетки и беспрестанно выписывая то одно, то другое имя на том же отрывном блокноте с бланками, который он использовал, когда составлял первый вариант своей речи. Он в течение некоторого времени смотрел на написанное имя, а потом зачеркивал его. Прожить в одном месте шесть лет —

немалый срок, так всегда казалось раньше. Но сегодня этот период показался совсем небольшим, ну, как уик-энд.

«Крейг Джоунз», — писал он.

Он уставился на имя и подумал: «Крейг, возможно, знает об Аделии... но он пожелает знать, для чего это мне».

Достаточно хорошо ли он знал Крейга, чтобы ответить ему со всей откровенностью? Ответить на этот вопрос можно было со всей определенностью «нет».

Крейг принадлежал к числу более молодых адвокатов, активно делающих себе карьеру. Они были на нескольких деловых ланчах..., и конечно, посещали Ротари Клуб, и Крейг приглашал его к себе домой на обед, правда один раз. Когда они случайно встречались на улице, они разговаривали приветливо, иногда о бизнесе, но чаще о погоде. Ясно, что они не становились от этого большими друзьями, и если Сэм хотел поделиться своей пикантной историей с кем-нибудь, но не с каким-то корешом, который после второго бокала шипучки с джином будет называть тебя старина.

Он вычеркнул имя Крейга из списка.

Живя в Джанкшн Сити, он довольно близко подружился с двумя людьми: с ассистентом доктора Мельдена и с городским полицейским. Русс Фрейм, ассистент-медик, перешел на более высокооплачиваемую работу к другому семейному доктору у Великолепной Стремнины в начале 1989 года. А Том Уайклиф с первого января служил во вновь образованном дорожно-транспортном управлении штата Айова. И он утратил связь с ними обоими; он медленно сходил с людьми и не умел удерживать друзей.

И где он теперь оказался?

Сэм не знал. Но он точно знал, что имя Аделии Лортц действовало на некоторых людей из Джанкшн Сити, как школьное обвинение в воровстве. Он знал или думал, что знал, что он видел ее, даже если ее нет на этом свете. Он не мог даже признаться себе, что у него была родственница или он был знаком с какой-нибудь чокнутой по имени Лортц. Потому что...

«По-моему, я встретился с привидением. В действительности, по-моему, я встретился с привидением в привидении По-моему, я вошел в библиотеку в Джанкшн Сити, какой она была, когда Аделия Лортц была жива и заведовала ею По-моему, вот почему она казалась такой таинственной и неприспособленной. Едва ли это было путешествие во времени, я по-другому представляю себе путешествие во времени. Больше было похоже на то, что ты на некоторое время ступил в преддверие ада. Но это было Я уверен, что это было»

Он помедлил, постукивая пальцами по столу

«А откуда она мне звонила? В преддверии ада есть телефоны?»

Он пристально посмотрел на список зачеркнутых имен, затем медленно вырвал желтый листок из блокнота. Он скомкал его и бросил в корзину.

«Не надо было связываться», — продолжала причитать все та же часть его сознания.

Но ведь он связался. Ну, и что теперь?

«Позвони кому ты доверяешь. Позвони Руссу Фрейму или Тому Уайклифу. Просто найди их номера телефонов и позвони».

Но он не хотел этого делать. По крайней мере, сегодня. Он понимал, что это не разумно и полусуеверно: совсем недавно он передал и получил массу неприятной информации по телефону, такое у него было чувство, и ему было трудно побороть себя сегодня вечером. Если бы он мог хорошенько поспать сегодня (а он думал, что ему удастся, если он снова оставит включенной лампу у кровати), может быть, что-нибудь получше, поконкретнее случиться с ним завтра утром, когда у него будет ясная голова. Далее, он думал, что попытается наладить отношения с Нейоми Хиггинз и Дейвом Данканом. Но поначалу он хотел бы знать, а какие между ними отношения.

Если бы он мог.

Глава девятая

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ БИБЛИОТЕКИ (I)

Он спал хорошо, без снов. На следующее утро, когда он принимал душ, ему на ум пришла мысль легко и непринужденно, как приходят на ум мысли, когда твое тело отдохнуло, а ум отдыхал и не забит всяким дерьмом. Публичная библиотека — это не единственное место, где можно получить информацию, и если вас интересовало краеведение, события последних лет, лучше не ходить в библиотеку.

«Редакция «Газетт» — вскричал он и подsunул голову прямо под струю воды, чтобы смыть мыло

Спустя двадцать минут он был внизу, полностью одет, оставалось лишь надеть галстук и пиджак, и пил кофе. Блокнот с бланками опять лежал перед ним, а в нем перечислены вопросы.

1. Аделия Лортц — кто она? Или кто она была?

2. Аделия Лортц — что она делала?

3. Публичная библиотека в Джанкши Сити — реставрирована? Когда? Плакаты?

В это время позвонили в дверь. Он взглянул на часы, когда вставал, чтобы пойти и открыть дверь. Было почти половина девятого, время идти на работу. Он мог бы забежать в редакцию «Газетт» в десять, когда он обычно пьет кофе, и проверить кое-какую старую информацию. Но какую? Он все еще обдумывал, какую — одна информация принесет лучший результат, чем другая — пока он искал в кармане чаевые для разносчика газет. В дверь позвонили опять.

— Иду-иду, Кейт! — крикнул он, выходя из кухни и хватаясь за набалдашник на двери. — Не забивай почтовую щель в этой чертовой две...

В этот самый момент он поднял глаза и увидел, что кто-то, намного более крупный, чем Кейт Джордан, маячит за занавеской окошка в двери. Все его мысли были заняты делами предстоящего дня, и ритуал вручения вознаграждения разносчику газет, имевший место каждое утро в понедельник, мало занимал его, но в это самое мгновение страшный ужас сковал его рассеянные мысли. Ему не надо было смотреть на лицо; даже через дверь он узнал очертания, фигуру и... конечно, шинель.

Во рту почувствовался приторно-сладкий, тошнотворный привкус красной лакицы.

Он выпустил ручку двери, но было уже поздно, потому как Сэм успел повернуть дверной замок. И как только он это сделал, великан, стоявший на заднем крыльце, протаранил дверь. Сэма буквально отбросило назад, на кухню. Он размахивал руками, чтобы удержать равновесие, и даже задел и свалил три пиджака, висевшие на плечиках у входа.

Полицейский из библиотеки, окутанный дымкой холодного воздуха, вошел в дом. Он ступал медленно, как будто время для него не существовало, и закрыл за собой дверь. В одной руке он держал Сэмову «Газет», аккуратно свернутую в трубочку. Он поднял ее, как полицейскую дубинку.

«Я принес вам вашу газету», — сказал полицейский из библиотеки. Его голос звучал так, будто говорили через оконное стекло. «Я тоже собирался дать деньги разносчику, но он заспешил. Не знаю почему».

Он начал наступление на кухню, на Сэма, который в свою очередь трусливо прижался к стойке, уставившись на прищельца широко раскрытыми глазами обезумевшего ребенка, какого-то бедного четвероклашки Простака Саймона.

«Мне это кажется, — подумал Сэм, — или у меня галлюцинация, да такая страшная, по сравнению с которой та, что я видел ночью два дня тому назад, кажется приятным сном».

Но это была не галлюцинация. Ужасно страшно, но не галлюцинация. У Сэма хватило ума догадаться, что он сошел с ума, в конце концов. Умопомешательство — это вам не приятное времяпрепровождение на пляже, но и не такой же ужас, как эта громадина в обличье человека, которая ввалилась в его дом и принесли смрад холодной зимы.

У Сэма был старый дом, с высокими потолками, но библиотечному полицейскому пришлось пригнуть голову при входе, и даже на кухне он полями своей серой фетровой шляпы обметал потолок. Значит ростом он был более двух метров.

Его тело было облачено в серую шинель, цвета тумана в сумерках. Он был белый как полотно. Его лицо казалось безжизненным, будто ему были неподвластны ни доброта, ни любовь,

ни сострадание. В линии рта отражалось чрезмерное невозмутимое властолюбие, и Сэм на мгновение вспомнил, на что похожа замочная скважина на закрытой двери библиотеки, на рот на лице гранитного робота. Глаза полицейского были похожи на серебряные кружки, пробитые крошечными пулеметными дробинками. Вокруг глаз розовато-красные круги, из которых вот-вот брызнет кровь. Ресниц не было. Самое неприятное было то, что Сэм знал это лицо. Сэму казалось, что он уже не впервой сжимается от ужаса под этим мрачным взглядом, и где-то далеко в своем сознании он услышал чуточку шепелявый голос: «Пошли шо мной, шынок,... Я поличейшкий».

По лицу проходил шрам точно такой, как в воображении Сэма: по левой щеке, под левым глазом, по переносице. Если не считать шрама, это был человек с плаката, а разве нет? Сомневаться не приходилось.

— Пойдем шо мной, шынок..., Я поличейшкий.

Сэм Пиблз, любимец Ротари Клуб в Джанкшн Сити, написал в штаны. Он чувствовал, как мочевого пузыря расслабляется и течет тепловатая жидкость, но это было не с ним и не так важно. А важно было, что у него на кухне монстр, и самое ужасное в этом монстре, что Сэм почти знал это лицо. Он подумал о крепко-накрепко запертой двери, которую так хотелось открыть. Но он не думал о том, как бы убежать. Он не допускал и мысли о побеге. Он вновь стал ребенком, которого застали на месте преступления

(эта книга — не «Спутник оратора»)

за каким-то нехорошим делом. Вместо того, чтобы улизнуть,

(эта книга — не «Самые любимые стихотворения американцев»)

он, в своих мокрых штанишках, обмяк и грохнулся между двумя табуретками у стойки, беспомощно подняв руки.

(эта книга —)

— Нет — сказал он хриплым слабым голосом. — Нет, пожалуйста, нет, пожалуйста, пожалуйста, не трогайте меня, пожалуйста, я исправлюсь, пожалуйста не делайте этого.

Он был доведен до этого. Но это ничего не значило; гигант в мрачной шинели.

(эта книга — «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона)
теперь стоял прямо над ним.

Сэм поник головой. Голова стала тяжелой, не менее пятисот килограмм. Он смотрел на пол и просил Бога, чтобы когда он посмотрит вверх, когда у него будет сила смотреть вверх, этой зловещей фигуры не будет.

— Смотри на меня, — приказывал далекий глухой голос. Это был голос злого божества.

— Нет, — закричал Сэм визгливым прерывающимся голосом и от беспомощности расплакался. Он испытывал не просто ужас,

хотя и ужас тоже, реальный, сильный. Вдобавок к этому он испытывал что-то вроде сильного детского страха и стыда. Такие чувства отравляли его всегда, когда вспоминалось то, что он не хотел помнить, что-нибудь, напоминавшее ему о том, что он не прочел книгу, например, «Черную стрелу» Роберта Льюиса Стивенсона.

Хэк!

Сэма ударили чем-то по голове, и он вскрикнул.

«Смотри на меня!»

«Нет, пожалуйста, не делайте мне...» — взмолился Сэм.

Хэк!

Он посмотрел вверх, прикрывая лицо той же рукой, которой он вытирал слезы, и увидел, что рука полицейского вновь опускается на него.

Хэк!

Он наносил удары Сэму сэмовым же номером «Газетт», свернутым в трубочку, и хлестал его, как неразумного щенка, который наделал на пол.

«Узе лучше», — сказал полицейский из библиотеки. Он ухмыльнулся, рот приоткрылся и обнажились кончики его острых зубов, почти клыков. Он полез в карман своей шинели и достал кожаную папку. Он раскрыл ее, и обнаружилась странная многоконечная звезда. Утренний ясный свет как бы зажег ее.

Сэм теперь не мог не смотреть на это безжалостное лицо, на эти светящиеся глаза с крошечными птичьими зрачками. Он распустил слюни и знал, что бесполезно пытаться остановить это.

«У ваш ешть две наши книги», — сказал полицейский из библиотеки. Казалось, что его голос доносится откуда-то издали или что говорят через толстое оконное стекло. «Миш Лорте очень недовольна вами, миштер Пиблз».

«Я потерял их», — сказал Сэм и заплакал еще сильнее. Лгать этому человеку о

(«Черной стреле»)

книгах, о чем угодно было бесполезно. Он был вся власть, вся мощь, вся сила. Он был судьей присяжными и исполнителем.

«Где привратник? — стал смекать Сэм. — Где привратник, который сверяет поступки с луной и затем возвращается в мир разума. В мир, в котором подобные вещи не случаются?»

«Я... Я... Я...»

«Я не шобираюшь шлущать ваши глупые отговорки», — сказал полицейский из библиотеки. Он с шумом захлопнул свою кожаную папку и засунул ее в правый карман. В то же время он полез в левый карман и достал нож с длинным острым лезвием. Сэм, который проработал три лета в качестве подручного на товарной бирже, подрабатывая деньги на учебу в колледже, узнал нож. Такой использовался для открывания коробок. Нет сомнения, что такой нож есть в каждой библиотеке в Америке. «У ваш ешть время до полуночи. Потом...»

Он наклонился и протянул нож, держа его в мертвенно-бледной руке. Сэму в лицо ударило обжигающим холодом, и он ооченел. Он захотел закричать, но смог лишь выдавить из себя беззвучный шпот.

Кончиком лезвия его укололо в горло. Будто тебя кольнули сосулькой. Вытекла капелька алой крови и застыла, крошечное жемчужное семя крови.

«... и потом я снова приду, — сказал полицейский из библиотеки своим странным шепелявым голосом. — Поштарайтеш найти что потеряли, миштер Пиблз».

И нож исчез в кармане. Полицейский выпрямился в полный рост.

«Вот еще что, — сказал он. — Вы задаете слишком много вопросов. Не делайте этого. Вы понимаете меня?»

Сэм попытался ответить, но лишь застонал откуда-то изнутри.

Полицейский из библиотеки опять начал наклоняться, распространяя вокруг себя холод; так баржа, зацепив кромкой льдину, несет холодный воздух. «Не шуйте нош туда, где ваш не кашается. Вы понимаете меня?»

«Да! — завизжал Сэм. — Да! Да! Да!»

«Хорошо. Потому что я буду шледить. И я не один».

Он повернулся, послышался шорох шинели, и он прошел по кухне по направлению к входу. Он больше ни разу не оглянулся на Сэма. По пути он прошел по ярко освещенному месту, и Сэм заметил удивительную и ужасную вещь: от полицейского из библиотеки не было тени.

Он дошел до задней двери. Он взялся за набалдашник на двери. Не поворачиваясь, он сказал низким ужасным голосом: «Ешли вы не хотите увидеть меня еще раз. Миштер Пиблз, найдите эти книги».

Он открыл дверь и вышел.

У Сэма в голове пронеслась лишь одна мысль, когда дверь закрылась и он услышал шаги полицейского из библиотеки: надо закрыть дверь.

Он приподнялся на ноги, все в серой дымке поплыло вокруг, и он без сознания повалился вперед.

Глава десятая

ЕСЛИ РАССУЖДАТЬ ХРО-НО-ЛО-ГИ-ЧЕСКИ

1

Не могла бы я... помочь вам? — спросила регистратор в приемной редакции газеты «Газетт». Некоторая пауза в ее вопросе была вызвана тем, что она еще раз посмотрела на мужчину, который приблизился к ее столику.

— Пожалуйста, — сказал Сэм. — Если можно, я хотел бы посмотреть некоторые старые номера «Газетт».

— Конечно, можно, — сказала она. — Но простите меня, если я задаю не тот вопрос, вы хорошо себя чувствуете, сэр? У вас плохой цвет лица.

— Наверное, у меня что-то не в порядке, — сказал Сэм.

— Весной так легко простудиться, да? — поднимаясь, сказала она. — Вход там, в конце барьера, мистер...?

— Пиблз. Сэм Пиблз.

Она стояла перед ним, запрокинув голову, пухлая женщина, лет шестидесяти. Она держала палеп с ярко накрашенным ногтем у уголка рта. — Вы занимаетесь страхованием, я права?

— Да, мадам, — сказал он.

— Точно, я узнала вас. Ваш портрет был напечатан в газете на прошлой неделе. Как вознаграждение за что?

— Нет мадам, — сказал Сэм. — Я выступал. В Ротари Клуб. «И отдал бы что угодно, чтобы вернуть все назад, — подумал он. — Я бы сказал Крейгу, пусть сам колупается».

— Так это хорошо, — сказала она. Но она говорила с некоторым сомнением. — В газете вы иной.

Сэм прошел за барьер.

— Меня зовут Дорин МакДжил, — сказала женщина, протягивая пухлую руку.

Сэм взял ее руку и сказал, что рад познакомиться с ней. Но сделать это ему было непросто. Он подумал, что ему пока будет непросто разговаривать с людьми и касаться людей, особенно незнакомых. Вся его прежняя непринужденность исчезла.

Она подвела его к нескольким ступенькам, ведущим вниз, и щелкнула выключателем. Ступеньки были узкие, лампочка над головой тусклая, и Сэму почудилось, что привидения мгновенно начали наступать на него. Они наступали настойчиво, как толпа фанатов, предлагающая бесплатный билет на какое-то сногшибательное шоу, на которое все билеты проданы. Возможно там, внизу, в темноте, его поджидает полицейский из библиотеки. Тот самый, с мертвенно-бледной кожей, с воспаленными серебряными кругами глаз и с незначительной, но до боли знакомой шепелявостью.

«Прекрати это, — сказал он себе. — Если не можешь прекратить это, то бога ради, держи себя в руках. Надо. Потому что только так можно. Что ты будешь делать, если ты не в состоянии сойти по нескольким ступенькам вниз, в подвал обыкновенного офиса? Будешь сидеть и дрожать у себя в доме и ждать наступления ночи?»

Дорин МакДжил показала рукой: — Это морг. — Она себя вела, как настоящая светская леди, жестикулируя при каждой возможности. — Вам надо только...

— Морг? — спросил Сэм, поворачиваясь к ней. Сердце неистово забилось в груди. — Морг?

Дорин МакДжил засмеялась. — Все его так называют. Правда ужасно? Но ничего не поделаешь. Я считаю, это глупая традиция газетчиков. Не волнуйтесь, мистер Пиблз, там нет трупов; только катушки, да, катушки микрофильмов.

— Как сказать, — подумал Сэм, следуя за ней по покрытым ковровой дорожкой ступенькам.

Она щелкнула несколькими выключателями, когда они спустились вниз. Загорелось несколько ламп дневного света, в слишком больших плафонах, похожих на перевернутые блюда с кубиками льда. Они осветили большую низкую комнату, с таким же голубым ковровым покрытием, как и на ступеньках. В комнате рядами были установлены полки, на которых стояли небольшие коробочки. Вдоль левой стены стояло четыре микрофильмовых аппарата, похожих на фантастические фены. Они тоже были голубого цвета.

— Я уже начинала говорить вам, что вам надо записаться в книгу, — сказала Дорин. Она опять сделала жест рукой на этот раз указав на большую книгу, прикрепленную цепочкой к стойке. — Вам также надо написать число, время вашего прихода, то есть, — она посмотрела на свои ручные часы, — 10.20, и время вашего ухода.

Сэм наклонился и сделал запись в книге. До него был записан Артур Мичэм. Мистер Мичэм был здесь двадцать седьмого декабря 1989 года. Три месяца тому назад. Это была хорошо освещенная комната, сильно заставленная, настраивающая на деловой тон, которая, вероятно, мало использовалась.

— Ведь правда здесь мило? — самодовольно спросила Дорин. — Это потому, что федеральное правительство помогает субсидировать газетные морги, или библиотеки, если вам больше нравится это слово. Мне больше.

В одном из рядов появилась тень и сердце Сэма вновь сильно забилось. Но это была тень Дорин МакДжил; она склонилась над книгой, чтобы убедиться, что он написал правильное число и время, и...

«...а от него не было тени. Как от полицейского из библиотеки. И...»

Он попытался переключиться, но не смог.

«Я так не могу жить. Не могу жить с этим страхом. Я открою газ, если так будет продолжаться. И открою. И это не просто из-за боязни этого человека, кто бы он ни был. Такова реакция человека, он восстает, когда чувствует, что все, во что он верил, само собой исчезает».

Дорин указала рукой направо, где на полке стояло три больших фолианта. «Вот газеты за январь и март 1990 года», — сказала она. «В июле месяце посылаются на микрофильмирование в Грэнд Айленд, штат Небраска, номера первых шести месяцев

года. То же делается с номерами второй половины года в конце декабря». Она протянула пухлую руку и пальчиком с наманикюренным ногтем указала на полки, отсчитывая полки справа по направлению к микрофильмовым аппаратам налево. Делая это, она залюбовалась своим накрашенным ногтем. «Микрофильмы расположены вот так, хронологически», — сказала она. Она произнесла это слово четко, производя эффект чего-то приятно экзотического: хро-но-ло-ги-чес-ки. «Справа — современность, слева — древние века».

Она улыбнулась, чтобы показать, что она шутит или чтобы выразить свое удовлетворение всем этим. Ее улыбка значила, что если рассуждать хронологически, вот тебе и газ.

— Спасибо, — сказал Сэм.

— Не стоит. Это наша работа. Частично, по крайней мере. — Она приложила ноготок к уголку своего рта и снова одарила его игривой улыбкой. — Вы знаете, как включать аппарат для просматривания микрофильмов, мистер Пиблз?

— Да, спасибо.

— Хорошо. Если еще понадобится моя помощь, я буду наверху. Обращайтесь сразу.

— А вы..., — начал он, но спохватился и не стал говорить ostальное, — собираетесь оставить меня здесь одного?

Она подняла брови.

— Ничего, — сказал он и проводил ее взглядом до лестницы. Он с трудом удержался, чтобы не побежать следом за ней. Потому что хотя там и был ворсистый голубой ковер, все же это была еще одна библиотека в Джанкшн Сити.

И она называлась моргом.

2

Сэм медленно прошел вдоль полок, груженных квадратными коробками с микрофильмами, не зная с чего начать. Одно радовало его: лампы дневного света над его головой давали яркий свет и выгоняли из углов неприятные тени.

Он не осмелился спросить Дорин МакДжил, значит ли что-нибудь для нее имя Аделии Лортц или знает ли она, хотя бы примерно, когда в последний раз ремонтировалась городская библиотека. «Вы задаете вопрошы, сказал полицейский из библиотеки. — Не шуйте нош туда, где ваш не кашается. Понятно?»

Да ему было понятно. И ему было ясно, что он рискует вызвать гнев полицейского из библиотеки, как бы он ни совался... но если он и задавал вопросы, то косвенно и относительно того, что его касалось. Касалось непосредственно.

«Я буду шледить. И я буду не один».

Сэм нервно посмотрел через плечо. Сэм ничего не увидел. И все же не позволил себе держаться решительно. Он был здесь и боялся сдвинуться с этого места. Его не просто застращали, запугали. Его начисто разложили.

«Иди, — резко приговаривал он и трясушейся рукой вытирал губы. — Просто иди».

Левой ногой он шагнул вперед. Постоял немного, расставив ноги в неприличной позе. Затем правую ногу подтянул к левой. Неуверенно, нерешительно он проковылял к полке с переплетенными фолиантами. Сбоку полки прикреплена табличка:

1987—1989.

Надо смотреть более ранние годы, вероятно, реконструкция в библиотеке проводилась до весны 1984 года, когда он переехал в Джанкшн Сити. Если бы она была позже, он бы видел строителей, слышал бы, как обсуждались работы, и читал бы об этом в «Газетт». Но предполагая, что это было в диапазоне пятнадцати — двадцати лет (висячие потолки едва ли были установлены ранее), он никак не мог предположить более точное время. Ну как бы узнать поточнее! А никак. То, что случилось в то утро, исключало всякую возможность разумно рассуждать подобно тому, как большая солнечная активность блокирует радио- и телевизионную связь. Как будто столкнулись две громадные глыбы, и Сэму Пиблзу, крошечному, отчаянно кричащему, отстаивающему себя человечку, угроздило оказаться между ними.

Он прошел налево, мимо двух рядов полок, прежде всего потому, что он боялся, что если перестанет двигаться, то совсем замерзнет, и подошел к полке, на которой было написано:

1981—1983.

Он взял одну коробку наугад и понес к одному из аппаратов для прочитывания микрофильмов. Он включил его, постарался сосредоточиться на катушке микрофильма (катушка тоже была голубого цвета, и Сэм удивился, почему все в этом прибранном, хорошо освещенном месте так подобрано по цвету) и все. Сначала ленту микрофильма надо было укрепить на нужной оси; правильно; затем продеть ленту, убедиться, что правильно; затем направить начало пленки в середину подающей бобины, о'кей. Аппарат был так прост в обращении, что любой восьмилетка легко с ним управился бы, но Сэм прокопался не меньше пяти минут; руки дрожали, а мысли разбегались. Когда он, наконец, зарядил микрофильм и добрался до первого кадра, он увидел, что вставил пленку не тем концом. Текст был вверх ногами.

Он спокойно перемотал микрофильм, перевернул его и еще раз продел ленту. Он почувствовал, что его несколько не раздражает эта короткая задержка; последовательно проделывая каждую маленькую операцию, он, казалось, успокаивался. На этот раз все правильно, и первая страница Джанкшн Сити Газетт от первого апреля 1981 года была перед ним. Заголовки нестрели сообщениями о неожиданной отставке какого-то должностного лица города, о котором Сэм никогда не слышал; но его внимание

мгновенно приковала рамочка внизу страницы. В рамке было написано:

**РИЧАРД ПРАЙС И ВСЕ РАБОТНИКИ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЖАНКШН СИТИ
НАПОМИНАЮТ ВАМ, ЧТО
С 6-ГО ПО 13-Е АПРЕЛЯ
НЕДЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ,
ПРИХОДИ К НАМ!**

«Я что знал, что ли? — удивился Сэм. — Выходит, поэтому я заграбастал именно эту коробку? Неужели я помнил, что вторая неделя апреля — Неделя Национальной библиотеки?»

«Пойдем шо мной, — ответил кто-то мрачным шопотом. — Пойдем шо мной, шынок,... Я поличейский».

Тело покрылось мурашками, он задрожал. Сэм постарался не реагировать на этот призрак с его вопросом и мрачным голосом. В конце концов, совсем неважно, почему ему попались апрельские 1981 года газеты; важно, что попались, и это было началом удачи.

Может стать началом удачи.

Он быстро повернул катушку на номер от шестого апреля и увидел как раз то, что хотел увидеть. Поверх названия Газетт красным шрифтом было написано:

СЕГОДНЯ СПЕЦИАЛЬНОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ!

Сэм стал прокручивать пленку, ища приложение. На первой странице приложения было две фотографии. Одна фотография — внешний вид библиотеки. На другой изображен Ричард Прайс, старший библиотекарь стоит у регистрационного стола и нервно улыбается в фотоаппарат. Нейоми точно описала его: лет сорока, высокий мужчина в очках, с небольшими усами клинышком. Но Сэма больше интересовал фон. Он отчетливо увидел навесной потолок, который так поразил его, когда он посетил библиотеку во второй раз. Значит ремонт проводился до апреля 1981 года.

Статьи были выдержаны в напыщенном самодовольном стиле, хорошо известном Сэму; он был читателем этой газеты уже шесть лет и ему был знаком редакторский стиль «Ну, не молодцы ли мы?» В газете была информация (и довольно сенсационная) о Неделе Национальной библиотеки, о летних чтениях, о передвижной книголавке в графстве Джанкшн, о компании по созданию нового фонда. Сэм быстро ознакомился со всем этим. На последней странице приложения он обнаружил значительно более интересную статью, написанную самим Прайсом. Она называлась:

**ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЖАНКШН СИТИ
СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ**

Нетерпение Сэма было быстро удовлетворено. Имени Аделлин там не было. Он хотел было перемотать пленку, но остановился.

Он увидел, что упоминался проект реконструкции библиотеки, имевшей место в 1970 году, и еще что-то. Маленькая ступенька к истине. Сэм стал перечитывать заключительную часть пространной заметки мистера Прайса об истории библиотеки более внимательно.

К концу периода Великой депрессии наша библиотека вышла из трудного положения. В 1942 году Городской Совет Джанкшн Сити выделил пять тысяч долларов на ремонт библиотеки в связи с наводнением 1932 года, и старшим библиотекарем стала миссис Фелиция Калпеппер, которая безвозмездно отдавала библиотеке все свое время. Она последовательно осуществляла свою цель: полностью обновить библиотеку городка, сделать ее достойной большого города, в коем ей и надлежало быть.

Миссис Калпеппер оставила этот мир в 1951 году, уступив свое место Кристоферу Лэвину, первому библиотекарю в Джанкшн Сити, имевшему ученую степень. Мистер Лэвин создал Мемориальный Фонд имени Калпеппер, в который в первый год поступило более пятнадцати тысяч долларов на покупку новых книг, и публичная библиотека Джанкшн Сити начала становиться современной!

Моей целью номер один, вскоре после того, как я стал старшим библиотекарем в 1964 году, была основательная реконструкция. К концу 1969 года, наконец-то, были собраны необходимые фонды, и хотя средства Городского Совета и Федерального правительства способствовали реконструкции библиотеки и превращению ее в то прекрасное здание, которое несет радость сегодняшним книголюбам, тот проект ни за что нельзя было бы осуществить без помощи всех тех, кто впоследствии добровольно словом и делом участвовал в компании по организации месячника библиотеки в августе 1970 года.

Известные проекты семидесятых и восьмидесятых годов предполагали...

Сэм отвел глаза от аппарата и задумался. Он был уверен, что чего-то не хватает в подробном монотонном описании истории городской библиотеки в изложении Ричарда Прайса. Нет, поразмыслив немного, Сэм решил, что «не хватает» — это не то слово. Статья навела Сэма на мысль, что Прайс, толкач чистой воды, — по всей вероятности, неплохой человек, но все равно толкач, а такие люди не упускают ничего, если берутся говорить о вещах, в которые вкладывают душу.

Нет, они не упускают. Они не договаривают.

Все, вроде, на месте, если рассуждать хро-но-ло-ги-чески. В 1951 году человек по имени Кристофер Лэвин сменил эту святую Фелицию Калпеппер в качестве старшего библиотекаря. В 1964 году возглавил библиотеку Ричард Прайс. А кого он сменил, Лэвина? Сэм сомневался. Он подумал, что в диапазоне этих тринадцати лет Лэвина сменила женщина по имени Аделия Лортц.

А Прайс, считал Сэм, пришел после нее. Прайс не упомянул ее в своем финансовом отчете о деятельности библиотеки, потому что она... натворила что-то. Сэм был слишком далек от того, чтобы догадаться, что же это было, но он начинал понимать, как это было важно. Как бы то ни было, Прайсу не было выгодно называть отрицательную личность, несмотря на явную любовь к пространным и подробным объяснениям.

«Убийство, — подумал Сэм. — Не иначе, как убийство. Чего еще-то нельзя, кроме у...»

В это мгновение чья-то рука опустилась на плечо Сэма.

3

Если бы он закричал, он, несомненно, так же напугал бы хозяйку неожиданно опустившейся на него руки, как и она перепугала его, но Сэм не смог даже закричать. Он будто испустил дух, и мир вновь поблек для него. В груди сдавило, будто ее сплющили, как аккордеон, на который наступил слон. Все мускулы расслабились и обмякли, как макароны. На этот раз он не написал в штаны. Хоть это было милосердно.

— Сэм? — он услышал, как кто-то обращается к нему. Голос звучал издали, откуда-то скажем, из штата Канзас. — Это ты?

Он резко повернулся, чуть не упал со стула и увидел Нейоми. Он попытался вдохнуть, чтобы ответить что-нибудь. Но получился натруженный хрип. Комната поплыла перед его глазами. Вокруг все исчезло и проступало вновь.

Потом он увидел, как Нейоми, едва владея собой, широко раскрыв глаза от волнения, неловко отступила. Она сильно толкнула одну из полок и чуть не перевернула ее. Полка покачнувшись, две или три коробки упали, мягко ударившись о ковер, все стихло.

— Оми, — удалось ему выговорить. Каким-то мышиным писком. Он вспомнил, как мальчишкой в школе в Сант-Луи он бейсбольной кепкой накрыл мышонка. Тот бегал и искал дырочку, чтобы убежать, и при этом точно так же пищал.

«Сэм, что с тобой произошло?» — Похоже было, что она тоже кричала бы, если бы ужас не лишил ее голоса. Сэм подумал: «Совсем как Аббот и Костелло, увидевшие монстров».

— Что вы здесь делаете? — сказал он. — Я чуть не наложил в штаны.

— Ну вот, — подумал он. — Опять сказал гадкое слово. И опять назвал вас Оми. Простите. — Ему стало лучше, и он хотел встать, но передумал. Зачем торопиться. Он еще не совсем был уверен в том, что его сердце не откажет.

— Я пошла в контору, хотела повидать вас, — сказала она — Кэмми Хэррингтон сказала, что, кажется, видела, как вы шли сюда. Я хотела попросить у вас прощения. Возможно. Сначала я подумала, что вы жестоко потешаетесь над Дейви. Он же сказал, что вы никогда не позволите себе ничего подобного, и я ста-

ла думать, что это не похоже на вас. Вы всегда поступали так мило...

— Спасибо, — сказал Сэм. — И я так думал.

— ...у вас был такой непонятный тон по телефону. Я спросила Дейва, но он никак не хотел мне ничего больше сказать. Я знаю **только то, что я слышала...** и какой у него был вид, когда он разговаривал с вами. Казалось, будто он видит привидение.

— Нет, — хотел было сказать ей Сэм. — Что я видел привидение. А сегодня утром я видел что-то похуже.

— Сэм, вы должны понять, что происходит с Дейвом... и со мной. Кажется, вы уже назете о Дейве, а я...

— Кажется, да, — сказал он ей. — В своей записке Дейву я написал, что никого не видел на Улице Углов, но это неправда. Сначала я правда никого не видел, но я прошел по черной лестнице, искал Дейва. Я видел вас и других в заднем дворе. Поэтому... я знаю. Но я говорю, что ничего не знаю, если вам понятно, что я имею в виду.

— Да, — сказала она. — Хорошо. Но... Сэм.. боже милостивый, что случилось? У вас волосы...

— Что у меня с волосами? — резко спросил он ее.

Она трясущимися руками порылась в сумочке и достала пудреницу. — Посмотрите, — сказала она.

Он посмотрел, но он уже знал, что он увидит. В восемь тридцать утра, посмотрев на себя в зеркало, он увидел, что его волосы стали почти совсем седые.

4

— Я вижу, что вы нашли своего друга, — сказала Дорин МакДжил Нейоми, когда они по лестнице поднимались в зал. Она приложила ноготок к уголку рта и улыбнулась с видом «ну, не хороша ли я».

— Да.

— Вы не забыли пометить, что ушли?

— Нет, — снова сказала Нейоми. Сэм забыл, но Нейоми сделала это за них обоих.

— А вы вернули микрофильмы, которыми пользовались?

На этот раз Сэм ответил «да». Он не помнил, вернули ли они Нейоми ту единственную катушку, которую он вставлял в аппарат, но ему было все равно.

Дорин продолжала изображать скромность. Поигрывая кончиками пальцев по нижней губе, она вскинула голову и сказала Сэму: «Вы правда совсем не похожи на портрет в газете. Не могу ума приложить чем»

Когда они выходили из двери, Нейоми сказала: «Он прибрахлился и перестал красить волосы».

Захлопнув за собой дверь, Сэм грохнул от смеха. Он так сильно смеялся, что согнулся пополам. Это был истерический смех.

почти что вопль, но ему было все равно. Это действовало на него благодетельно. Здорово очищало.

Нейоми стояла рядом и, казалось, не реагировала ни на смех Сэма, ни на любопытные взгляды уличных прохожих. Она даже подняла руку и помахала какому-то знакомому. Он положил руки на поясницу, сотрясаясь неудержимым смехом, а сохранившееся в нем здравомыслие наталкивало его на мысль: «Она это видела и ранее. Но где?» Но ответ был ему ясен еще до того, как сформировался вопрос. Нейоми была алкоголичкой, и работа с другими алкоголиками, помощь им являлась частью ее собственного лечения. Находясь на Улице Углов, она видела еще и не такое.

«Она ударит меня по лицу», — подумал он и опять закатился хохотом, потому что шутка Нейоми создавало в его сознании образ его самого у зеркала в ванной комнате, тщательно укладывающего набриолиненные волосы в аккуратные завитки. «Она ударит меня по лицу, потому что так можно остановить истерику».

Нейоми, однако, знала лучше, что делать. Она терпеливо стояла рядом с ним на солнцепеке и ждала, когда он придет в себя. Наконец, смех стал стихать, уже не хохот, а пофыркивание и похихикивание. У Сэма болел живот, взгляд был мутный, а по щекам бежали слезы.

— Вам лучше? — спросила она.

— О, Нейоми, — начал было он, и мгновенно перестал ржать, как лошадь, и почувствовал всю прелесть солнечного утра. — Вы себе не представляете, насколько лучше.

— Можете не сомневаться, я знаю, — сказала она. — Давайте поедем в моей машине.

— Куда..., — он икнул. — Куда мы поедем?

— На Улицу Ангелов, — сказала она, исправляя ошибку мастера уличных табличек. — Меня очень беспокоит Дейв. Я уже была здесь сегодня утром, но его там не было. Уж не пьет ли он где-нибудь.

— Но ведь это не впервой? — спросил он, спускаясь рядом с ней по ступенькам. Ее «датсун» был припаркован у тротуара, за машиной Сэма.

Она взглянула на него. Мельком, но в ее взгляде было и раздражение, и прощение, и сострадание. Сэм подумал, что попытайся он расшифровать его, смысл был бы такой: «Вам не понять, о чем вы говорите, но это не ваша вина».

— Дейв не пьет уже год, но со здоровьем вообще у него плоховато. Вы правы, что запой для него — дело известное, но еще один может оказаться последним.

— И я буду виноват, — безо всякого смеха сказал Сэм.

Она посмотрела на него с некоторым удивлением. — Нет, — сказала она. — Едва ли в этом можно было бы винить кого-нибудь..., но это не означает, что мне бы этого хотелось. Или что

я допускаю мысль об этом. Пойдемте. Мы поедем в моей машине. Поговорим по дороге.

5

— Расскажите, что с вами произошло, — сказала она, пока они ехали по окраине города — Расскажите мне все. Дело не только в том, что у вас поседели волосы, Сэм, вы постарели на десять лет.

— Собачье дерьмо, — сказал Сэм. В зеркале пудреницы Нейоми он увидел не просто седые волосы; он увидел куда больше. — На все двадцать. Я чувствую, что на сто.

— Что случилось? Что было?

Сэм открыл было рот, чтобы рассказать ей, но поняв, как это будет звучать, отрицательно покачал головой. — Нет, — сказал он, — не сейчас. Сначала вы мне расскажите что-то. Вы мне расскажите об Аделии Лортц. Вы думаете, что я шутил с вами тогда. Я позже догадался, о чем вы подумали. Так расскажите мне о ней. Расскажите мне, кто она была такая и что она сделала.

Она прижала машину к обочине у старой гранитной каланчи Джанкшн Сити и посмотрела на Сэма. Сквозь легкий грим проступала бледность ее кожи, и глаза были широко раскрыты. — Так вы не шутили? Сэм, вы стараетесь меня убедить, что вы не шутили?

— Именно так.

— Но Сэм... — Она затихла и какое-то время, казалось, не знала, как продолжать. Наконец, она заговорила очень тихо, будто обращаясь к ребенку, не понимающему, что он натворил что-то. — Но Сэм, Аделия Лортц умерла. Она умерла тридцать лет тому назад.

— Я знаю, что она умерла. Я хочу сказать, что я знаю теперь. Но я хочу знать остальное.

— Сэм, если вам кажется, что вы видели...

— Я знаю, кого я видел.

— Скажите, почему вы думаете, что...

— Сначала вы расскажите мне.

Она сбавила ход, проконтролировала движение машины через зеркальце заднего обзора и начала выруливать снова к Улице Углов. — Не так уж много я знаю, — сказала она. — Мне было всего пять лет, когда она умерла, понимаете ли. Больше всего я знаю по сплетням. Она посещала Первую баптистскую церковь Провербии, по крайней мере, ее там видели, но моя мама не упоминает ее. И никто из прихожан более старшего возраста для них ее как будто никогда и не было.

Сэм кивнул. — Вот так мистер Прайс обошелся с ней в своей статье о библиотеке. Именно ее я читал в тот момент, когда вы положили руку мне на плечо и унесли двенадцать лет моей жизни. Вот почему ваша мать так рассвирепела, когда в субботу вечером я назвал это имя.

Нейоми тревожно взглянула на него. — Так вот зачем вы звонили?

Сэм кивнул.

— О, Сэм, если вас не было в мамином черном списке, то теперь вы там.

— Нет, я был в нем, но теперь, наверное, она поставила меня первым. — Сэм засмеялся, а потом подмигнул. У него еще болел живот от того приступа смеха у входа в редакцию, но он был доволен, что на него напал этот смех; всего час назад он ни за что не поверил бы, что может обрести полное душевное спокойствие. В самом деле, всего час тому назад он был уверен, что Сэм Пиблз и душевное спокойствие на всю его жизнь будут абсолютно несовместимы. — Продолжайте, Нейоми.

— Основную часть того, что я знаю, я слышала на «настоящих вечеринках», как их называют члены АА. — сказала она. — Это когда мы собираемся вместе, пьем кофе а ля фуршет и потом болтаем обо всем на свете.

Он с любопытством посмотрел на нее. «Нейоми, сколько лет вы в обществе АА?»

— Девять лет, — спокойной сказала она. — И шесть лет, с тех пор как я не пила. Но я не перестаю быть алкоголиком. Алкоголиками не становятся, Сэм. Ими рождаются.

— О, — промямлил он. И добавил: — А она была в вашем обществе? Аделия Лортц?

— Боже упаси, нет, но это не значит, что никто из АА не помнит ее. Она появилась в Джанкшн Сити, по-моему, в 1956 или 57 году. Она стала работать в публичной библиотеке у мистера Лэвина. Год или два спустя он совсем неожиданно умер, то ли сердечный приступ, то ли паралич, и городские власти поставили на его должность женщину — Лортц. Я слышала, что ей очень удавалась работа, но если судить по тому, что случилось, я бы сказала, что лучше всего ей удавалось дурачить людей.

— Что она делала, Нейоми?

— Она убила двух детей и потом покончила с собой, — просто сказала Нейоми. — Это случилось летом 1960 года. Детей искали. Никто не собирался искать их в библиотеке, потому что считалось, что в тот день библиотека была закрыта. Их нашли на следующий день, когда считалось, что библиотека открыта, но на самом деле она была закрыта. На крыше библиотеки есть люки...

— Я знаю.

— .. но в настоящее время их можно увидеть только с улицы, потому что изменили интерьер библиотеки. Опустили потолки для того, чтобы не растрачивать впустую тепло, или еще для чего-то. Неважно, на этих люках были большие латунные ручки. Ухватившись за ручки длинным шестом, можно было открывать люки и проветривать зал, так я полагаю. Ей удалось привязать веревку к одной из ручек, для этого она, вероятно, использовала одну из приставных лестниц, которые стоят вдоль полок с книгами, и она

на ней повесилась. Она сделала это после того, как убила детей.

— Понятно. — Голос Сэма звучал спокойно, а сердце билось медленно и сильно. — А как она... как она убила детей?

— Не знаю. Никто никогда не говорил, а я никогда не спрашивала. По-моему, это было ужасно.

— А теперь расскажите, что случилось с вами.

— Сначала я хочу посмотреть, в ночлежке ли Дейв.

Нейоми сразу сжалась. — Я посмотрю, в ночлежке ли Дейв, — сказала она, — А вы будете смирно сидеть в машине. Простите меня, Сэм, простите, я ошиблась вчера вечером. Но вы никогда больше не будете расстраивать Дейва. Я прослежу за этим.

— Нейоми, он тоже часть этой истории!

— Это невозможно, — сказала она резко, тоном «все дискус-

— К черту, тогда все невозможно!
сии прекращены».

— К черту, тогда все невозможно!

Теперь они приближались к Улице Углов. Перед ними грохотал пикап, груженный картонными коробками с бутылками и жестяными банками, он направлялся к комбинату переработки вторичного сырья.

— По-моему, вы не поняли, что я вам сказала, — сказала она. — Это не удивительно. Заземленные люди редко понимают что-либо. Поэтому раскройте свои уши и слушайте, Сэм. Я втолкую вам элементарными словами. Если Дейв пьет, Дейв гибнет. Вы понимаете это? До вас доходит?

Она метнула еще один взгляд в сторону Сэма. Взгляд был такой свирепый, что трудно было вынести, и хотя его положение было не из легких, Сэм понял что-то. Раньше, когда он два раза встречался с Нейоми, он думал, что она хорошенькая. Теперь он увидел, что она красивая.

— Что это значит, заземленные люди? — спросил он ее.

— Это люди, у которых нет проблем, вызванных запоем или таблетками, или марихуаной, или кокаином, или еще чем-нибудь, что вносит сумятицу в голову человека, — сказала она почти с омерзением. — Это люди, которые могут позволить себе читать нравоучения и осуждать.

Едущий перед ними пикап свернул на длинную колею, ведущую к комбинату вторичного сырья. За ним находилась Улица Углов. Вглядываясь вдаль, Сэм увидел, что у крыльца стоит что-то, не похожее на машину. Он разглядел тачку Дейва Грязная Работа.

— Остановитесь на минуту, — сказал он.

Нейоми остановила, но не взглянула на него. Она уставилась через смотровое стекло. Нижняя челюсть беззвучно шевелилась. На щеках был яркий румянец.

— Вы заботитесь о нем, — сказал он, — и я рад. А обо мне, Сара? Даже если я заземленный человек?

— У вас нет права называть меня Сарой. Я такое право имею, потому что это мое имя, меня окрестили Нейоми Сара Хиггинз.

И у них есть такое право, потому что они, в некотором роде, ближе ко мне, чем кровные родственники. Мы и есть родственники по крови, потому что в нас есть что-то, что делает нас такими. Что-то у нас в крови. У вас, Сэм, нет такого права.

— Может быть есть, — сказал Сэм. — Может быть, я такой, как вы. У вас запой. А у того заземленного человека — полицейский из библиотеки.

Теперь она посмотрела на него осторожным взглядом широко раскрытых глаз. — Сэм, я не понимаю...

— И я тоже. Я знаю одно — мне нужна помощь. Мне она ужасно нужна. Я взял две книги в библиотеке, которой больше нет, а теперь и книг нет. Я потерял их. Вы знаете, что с ними случилось?

Она покачала головой отрицательно.

Сэм показал влево, где двое мужчин вышли из ехавшего перед ними пикапа и вынимали картонные коробки с вторматериалами. — Вот где. Вот где они закончили свое существование. Их переработали. Мне отпущено время до полуночи, и потом библиотечная полиция поступит так же со мной. Переработает вместе с пиджаком.

6

Сэм сидел в «датсуне» Нейоми Сары Хиггинз, как ему казалось, довольно долгое время. Дважды брался он за ручку дверцы и дважды передумывал. Она сжалилась над ним немного. Если Дейв пожелает поговорить с ним и если Дейв в состоянии разговаривать, то она позволит. В ином случае, нет.

Наконец, дверь в ночлежке на Улице Углов отворилась. Вышли Неойми и Дейв Данкэн. Он едва переставлял ноги, она помогала ему, держа его за талию; у Сэма сердце ушло в пятки. Немного погодя, когда они вышли на солнце, Сэм увидел, что Дейв не был пьян... или не обязательно пьян. Это был какой-то рок, потому что смотреть на него означало опять смотреть в зеркало пудреницы Нейоми. Дейв Данкэн, похоже, старался совладать с сильнейшим ударом... и не очень успешно.

Сэм вышел из машины и стоял у дверцы в нерешительности.

— Поднимитесь на крыльцо, — сказала Нейоми. В ее голосе звучали смирение и страх. — Не верю, что он сможет сойти с лестницы.

Сэм поднялся по ступенькам к ним. Дейву Данкэну было, вероятно, шестьдесят лет. Накануне в субботу он выглядел на все семьдесят или семьдесят пять лет. «Это запой», — предположил Сэм. А теперь, по мере того, как солнце штата Айова медленно продвигалось по своей оси к полночи, он превращался в дряхлого старца. И Сэм знал, что по его вине. Напоминание о том, что, как он предполагал, было давно погребено, подействовало на Дейва, как шок.

«Я не знал», — подумал Сэм, но как бы ни были справедливы эти слова, они не принесли утешения. Если не считать синих лопнувших сосудов на носу и на щеках, лицо Дейва было цвета выцветшей бумаги. В ошеломленных глазах застыли слезы. На губах появился синеватый оттенок, в уголках рта в глубоких складках застыли крошечные капельки слюны.

— Я не хотела, чтобы он разговаривал с вами, — сказала Нейоми. — Я хотела отвезти его к доктору Мельдену, но он отказывается идти, пока не переговорит с вами.

— Мистер Пиблз, — слабо сказал Дейв, — Простите, мистер Пиблз, все из-за меня, да? Я...

— Тебе не за что просить прощения, — сказал Сэм. — Пойдем вот сюда и сядем.

Он и Нейоми подвели Дейва к креслу-качалке в уголке у крыльца, и он облегченно опустился в него. Сэм и Нейоми придвинули по плетеному стулу с продавленными сидениями и сели по обе стороны от него. Некоторое время они сидели молча, глядя через железнодорожное полотно на ровные поля.

— Она гонится за вами, да? — спросил Дейв. — Эта сука с того края ада.

— Она натравила кого-то на меня, — сказал Сэм. — Кого-то, кого вы нарисовали на одном из тех плакатов. Это... Я знаю, подумаете, что я сошел с ума, но это — полицейский из библиотеки. Он навешал меня сегодня утром. Он сделал... — Сэм дотронулся до своих волос. — Он сделал это. — И это — Он показал на маленькую красную точку посередине горла. — И говорит, что он не один.

Дейв некоторое время ничего не отвечал, лишь глядел в пустоту, на тянущиеся за горизонт ровные поля, на которых поднимались силосные башни, да к северу возвышался злоеющий элеватор зерна Провербиа Фид Компани.

— Того, кого вы видели, не существует, — сказал он, наконец. — Никто из них не существует. Кроме нее. Только она, чертова ведьма.

— Вы нам можете рассказать, Дейв? — нежно спросила Нейоми. — Если не можете, скажите. Но если это поможет вам... облегчит... расскажите нам.

— Дорогая Сара, — сказал Дейв. Он взял ее руку и убынул. — Я люблю вас, я говорил вам об этом?

Она отрицательно покачала головой и улыбнулась в ответ. В глазах сверкнули слезы, как два кусочка слюды. — Нет, Дейв, но мне приятно слышать это.

— Я должен рассказать, — сказал он. — И не потому что поможет или облегчит. Такое не должно продолжаться. Знаете, что я запомнил во время нашей первой встречи АА, Сара?

Она отрицательно покачала головой.

— Как они сказали, что эта программа рассчитана на честность. Как они сказали каждый должен рассказать все, не просто богу, а богу и еще одному человеку. И я подумал: «Если столько потребуется, чтобы тебе даровали трезвую жизнь, то у меня ничего не получится. Они вышвырнут меня на склоне Уейверн Хил в стране дураков, предназначенной для пьяниц и бездельников, и ни тебе ни горшка, чтобы пописать, ни окошка, в которое дерьмо выбросить. Потому что никогда не мог бы я рассказать все, что я видел, и обо всем, что делал».

— Мы все так думали с самого начала, — спокойно сказала она.

— Я знаю. Но едва ли найдутся многие, кто видел то, что видел я, или делал то, что делал я. И все же я выполняю программу самым тщательным образом. Шаг за шагом я делал все, что мог. Я привел в порядок дом. Но то, что я видел и делал раньше... об этих вещах я никогда не рассказывал. Ни человеку, ни всевышнему. Я отыскал укромный уголок в своем сердце и сложил туда все и запер на ключ.

Дейв посмотрел на Сэма, и Сэм увидел, что по глубоким морщинам одутловатого лица Дейва медленно катятся усталые слезы.

— Да, так я сделал. А заперев на ключ дверь, я забил ее досками. А забив ее досками, я плотно прикрепил к доскам стальной лист. И сделав это, я придвинул шкаф к этому сооружению и лишь тогда остался доволен, когда сверху шкафа наложил груды кирпичей. И с тех пор я повторял, что забыл об Аделии Лортц и ее странных делах и о том, что она заставляла меня делать, и о том, что она мне говорила, и о том, что она обещала, и о том, что она из себя представляла. Я принимал массу лекарств, чтобы забыть обо всем, но они никак не помогали. И когда я вступил в АА, только одно возвращало меня в прошлое. Оно в той комнате, как вы знаете. У него есть имя, мистер Пиблз, его зовут Аделия Лортц. После того, как я перешел на трезвый образ жизни, я начал видеть плохие сны. Чаще всего я видел во сне плакаты, которые я для нее рисовал, те, которые так пугали детей, но это были не самые страшные сны.

Его голос задрожал, и он прошептал: — Это не самые страшные сны.

— Может быть, немного передохнешь, — сказал Сэм. Он понял, что хотя многое зависело от того, что скажет Дейв, часть его самого не желало слышать это. Часть его боялась услышать это.

— Ничего, я обойдусь без отдыха, — сказал он. — Доктора говорят, что у меня диабет, никуда не годится поджелудочная железа, и отказывает печень. Довольно скоро я отправлюсь на покой. Не знаю, куда я попаду, в рай или в ад, но я уверен, что то,

что я спрятал, укрыто надежно, и спасибо богу за это. Время отправляться на покой еще не подошло. Если я и скажу что-то, то только не сейчас. — Он внимательно посмотрел на Сэма. — Вам грозит беда, да?

Сэм кивнул.

— Да. Но вы не знаете какая. Вот почему я должен сказать. По-моему, ей и теперь приходится лгать иногда. Настало время ей проявить себя, и она выбрала вас, мистер Пиблз. Вот почему я должен сказать. Это не просто мое желание. Вчера вечером, когда Сара ушла, я пошел и купил себе бутылку. Я отправился туда, где перегоняют вагоны и сидел там, где я сидел не раз и раньше, а там сорняки, и зола, и битое стекло. Я открутил пробку, поднес бутылку к носу и понюхал. Вы знаете, как пахнет бутылка с вином? Для меня это всегда был запах обоев в дешевых номерах гостиницы или запах воды со свалки. Но мне всегда этот запах нравился, потому что от него клонит ко сну.

И все это время, пока я вдыхал запах этой бутылки, я слышал голос королевы нечистой силы, доносившийся из того укромного уголка, в котором я ее запер. Пробился через груды кирпичей, шкаф, стальной заслон, доски и запоры. Будто говорил заживо погребенный. Голос звучал глухо но я его прекрасно слышал. Я, слышал, как она говорила: «Правильно, Дейв, ты нашел правильный ответ, это единственный правильный ответ для таких людей, как ты, действует только это, и тебе понадобится только такой ответ, если ответы не утратили своего значения».

Я сделал большой глоток, а когда сделал второй, то ощутил ее рядом... и даже вспомнил ее лицо, все покрытое каплями пота... и движение рта... и я отшвырнул бутылку прочь. Разбил ее о шпалу. Потому что эта дрянь добралась до конца. Я не допущу, чтобы она опять ожила в этом городе!

Его голос снова задрожал, но он выкрикнул, как могущественный старец: — Кончилось время этой дряни!

Нейоми дотронулась до руки Дейва. На лице застыли тревога и испуг. — Что, Дейв? Что это?

— Я хочу убедиться, — сказал Дейв. — Расскажите сначала вы, мистер Пиблз. Расскажите мне обо всем, что происходит с вами не скрывайте ничего.

— Хорошо, — сказал Сэм, — но на одном условии.

Дейв слабо улыбнулся. — На каком условии?

— Ты пообещаешь, что будешь называть меня Сэм... а я со своей стороны никогда не буду называть тебя Дейв Грязная Работа.

Он широко улыбнулся. — Сделка принимается, Сэм.

— Хорошо. — Он глубоко вздохнул. — Все произошло по вине ~~того~~ чертова акробата.

На это ушло больше времени, чем он предполагал, но он почувствовал невыразимое облегчение, почти радость, рассказав все, не утаив ничего. Он рассказал Дейву об Ослепительном Джо, о просьбе Крейга помочь и о предложении Нейоми оживить готовый материал. Он рассказал им, как выглядела библиотека и как он встретился с Аделией Лортц. Нейоми не переставала удивляться, пока он говорил. Когда он начал рассказывать о плакате с Красной Шапочкой, прикрепленной на двери детской библиотеки, Дейв кивнул.

— Вот этот-то я не рисовал, — сказал он. — Его принесла она. Клянусь, они ни за что не найдут его. Клянусь, что он теперь у нее. Ей нравились мои, но этот был ее любимый.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сэм.

Глава одиннадцатая

РАССКАЗ ДЕЙВА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

1

—Я не всегда был Дейвом Дунканом Грязная Работа, — начал он. — В начале пятидесятых я был просто старина Дейв Дункан, и все относились ко мне что надо (вполне прилично). Я был членом того самого Ротари Клуб, куда ты вчера вечером звонил по телефону, Сэм. А почему бы нет? У меня было собственное дело и оно давало деньги. Я писал вывески и делал это чертовски неплохо. Недостатка в заказах не было, и я брался за все, что мне было по силам в Джанкшн Сити и Провербиа, но иногда я выполнял кое-какую работу и в Кедровой Стремнине. Однажды в Омахе я оформил рекламу сигарет «Лаки Страйк» по всей длине правой стороны футбольного поля стадиона младшей лиги. У меня было полно заказов и я заслуживал того. Я хорошо делал свое дело. Я просто был самым хорошим оформителем реклам.

Я здесь остался потому что меня интересовала серьезная живопись, которой, как я считал, можно заниматься где угодно. У меня не было никакого специального художественного образования — однажды я попытался, но меня отчислили — и я понимал, что это уменьшало мои шансы, если так можно выразиться, хотя я знал, что есть художники, которые сделали карьеру, не забывая себе голову всяким там дерьмом — Грэмм Моузиз, к примеру. Ей ни к чему были какие-то водительские права; она просто садилась в машину и ехала в город.

Может быть, я даже и добился успеха. Я продал несколько полотен, но немного — много мне и не нужно было, так как я не был женат, и реклама давала мне приличный доход. А еще я ос-

тавил себе большинство своих картин, чтобы устраивать выставки, как полагается делать художнику. У меня их состоялось несколько. Сначала прямо здесь, в городе, в Кедровой Стремнине, а затем в Де-Мойн. Об этом писали в «Демократе», где они называли меня вторым после Джеймса Уистлера.

На мгновение Дейв замолчал, задумавшись о чем-то. Потом он вскинул голову и снова взглянул на голые, невспаханные поля.

— В АА говорят о людях, которые одной ногой перешагнули в будущее, а другую оставили в прошлом, и поэтому спокойно поплеывают на все, что происходит сегодня. Но иногда не дает покоя вопрос, что могло бы произойти, если бы ты поступил чуть-чуть по-другому.

Он посмотрел на Нейоми почти виновато. Улыбнувшись, она жала его руку.

— Потому что у меня действительно все шло хорошо и я действительно был близок к успеху. Но много пил даже еще тогда. И я не очень-то задумывался об этом — черт побери, я был молодым, я был сильным, и, между прочим, разве не пили все великие художники? Мне казалось, что да. И все-таки, я может быть и добился успеха, сделал что-то, по крайней мере на каком-то этапе — но потом в Джанкшн Сити приехала Аделия Лортц.

Она приехала, и мне наступил конец.

Он посмотрел на Сэма.

— Я узнаю ее по твоему рассказу, Сэм, но тогда она выглядела не так. Ты рассчитывал увидеть библиотекаря — даму преклонных лет, и это отвечало ее цели — поэтому именно такой ты ее и представлял. Но когда она приехала в Джанкшн Сити летом 1957 года, ее волосы были пепельного оттенка, и у нее были округлости только в тех местах, где женщине положено быть округлой.

Тогда я жил в Провербии, и я посещал баптистскую церковь. Туда меня влекла не так религия, как красивые женщины. Среди них была твоя мама, Сара.

Нейоми засмеялась так, как смеются женщины, не верящие тому, что им только что рассказали.

— Аделия сразу пришла по душе местным жителям. И вот теперь, когда прихожане той церкви заводят разговоры о ней — если это так — бьюсь об заклад они говорят примерно так: «Я с самого начала понял (или поняла), что в этой Лортц что-то не так», или «Я по ее глазам сразу определил, что ей нельзя верить», но позвольте мне сказать вам, что все было совсем не так. Они все вились вокруг нее — не только мужчины, но и женщины — как пчелы над первым весенним цветком. Не прошло и месяца с тех пор, как она приехала в город, а она уже была на должности ассистента мистера Лэвина, хотя всего за две недели до этого она вела уроки с малышами в Воскресной школе там, в Провербии.

— А вот чему она учила их, об этом я даже не хочу думать, но можно дать голову на отсечение — это было не Евангелие от Матфея. Но она преподавала, это факт. И все кругом божились, что малыши ее просто обожают. И *они* тоже божились. Но когда *они* говорили это, в их глазах появлялось какое-то выражение... выражение отдаленности, будто они не совсем уверены, где они, или даже кто они такие. В общем, я посмотрел на нее, а она на меня, и наши глаза встретились.

— Сейчас, глядя на меня, ты бы, может и не сказала, но в то время я был славным, красивым парнем. Я всегда был загорелым, потому что работал на открытом воздухе, мускулистым. Волосы от солнца становились почти белыми, а мой живот был таким же плоским, как твоя гладильная доска, Сара.

— Аделия сняла себе сельский дом в полутора милях от церкви, довольно аккуратный домик. Но ему так не доставало слоя краски, как путнику в пустыне глотка воды. Поэтому на вторую неделю, однажды, после службы в церкви, я заметил ее там — я не так часто бывал там, а стояла уже середина сентября, и предложил ей покрасить его.

Таких огромных глаз как у нее, нет ни у кого. Наверное, большинство сказали бы, что они серые, но когда она смотрела прямо на тебя, не отводя взгляда, можно было поклясться, что они были цвета серебра. И в тот день после службы в церкви она смотрела на меня прямым, тяжелым взглядом. От нее исходил запах каких-то духов, которых я никогда не встречал раньше, и с тех пор тоже ни разу не встречал. Лаванда, наверное. Я не смогу объяснить что это за запах, но знаю, что он всегда вызывал у меня представление о маленьких белых цветках, которые распускаются только перед заходом солнца. И я был сражен. В то же мгновение и на том же месте.

Она была совсем рядом со мной — настолько близко, что я почти ощущал прикосновение ее тела. На ней было такое старомодное черное платье, как на пожилой даме, и шляпка с маленькой сетчатой вуалью. В руке, перед собой, она держала сумочку. Вся такая чопорная, а вот в глазах ее не было строгости. Нет-нет, сэр. Не прилично. Ни за что.

— Надеюсь вы не собираетесь сделать из моего дома рекламу побелки и жевательного табака?

— Нет, мадам, — отвечаю я. — Я думал, что хорошо бы положить два слоя белой краски. Домами я не занимаюсь. Это не мой кусок хлеба, но раз вы в этом городе новый человек, я подумал, что было бы по-соседски.

— Да, конечно, — говорит она и прикасается к моему плечу.

Дейв виновато посмотрел на Нейоми. — Мне кажется, я должен дать тебе шанс уйти, если ты хочешь. А то я скоро начну рассказывать всякую непристойную чушь, Сара. Мне стыдно, но я хочу полностью рассчитаться с ней.

Она понимающе похлопала его по старой обветренной руке. — Продолжай, — сказала она ему спокойно. — Говори все.

Он сделал глубокий вдох и снова заговорил.

— Когда она прикоснулась ко мне, я понял, что либо она будет моей, либо я умру. За всю свою жизнь я не помню такого прикосновения женщины, от которого бы меня так закружило, как от ее одного легкого прикосновения. Она это тоже поняла. Это было видно по ее глазам. В них было лукавство. Но в них было еще что-то недоброе. И что-то в этом выражении взволновало меня больше всего.

— Это было бы очень по-соседски, Дейв, — сказала она, — а я хочу быть *очень* хорошей соседкой.

Вот я и проводил ее домой. А все остальные молодые парни остались стоять у входа в церковь, можно сказать, кипя от злости и, конечно ругая меня на чем свет стоит. Они и не знали как им повезло. Ни один из них.

Мой «форд» был в мастерской, а у нее машины вообще не было, поэтому мы отправились на своих двоих. Мне-то было все равно. Ей, кажется, тоже. Мы вышли на Трумэн Роуд, которая в те времена была очень грязной, хотя раз в две — три недели туда направляли городской грузовик, который покрывал мостовую слоем битума и прибивал пыль.

Мы прошли половину пути к ее дому, и она остановилась. Мы были с ней один на один, стоя на Трумэн Роуд в тот летний полдень. С одной стороны от нас простирались сотни акров земли, на которой выращивал кукурузу Сэм Ордэй, а с другой стороны два миллиона акров Билла Хемпа, — и тут и там выше нашего роста — и колоски таинственно шуршали, как это обычно бывает, даже если совершенно нет ветра. Мой дедушка обычно говорил, что так растет кукуруза. Не знаю, правда это или нет, но это какой-то призрачный звук, это точно.

— Посмотри! — она говорит и показывает куда-то вправо. — Видишь? — Я посмотрел, но ничего не заметил — кукуруза — и больше ничего. Я так и сказал ей. Она говорит: — Я тебе покажу! — и бежит прямо в поле. В выходном платье и туфлях на высоких каблуках. Она даже не сняла той шляпки с вуалью.

Несколько секунд я стоял прибалдевший. А потом я услышал, как она смеется. Стоит там, в кукурузном поле, и смеется. Вот я и побежал к ней. В некоторой степени, чтобы посмотреть, что она там увидела, но в основном из-за того, что она смеялась. Меня так сильно влекло к ней. Непонятно почему.

Вот она стоит на борозде совсем недалеко от меня. Я вижу ее. И тут же она со смехом перепрыгивает на другую, и я почти теряю ее из вида. Я тоже засмеялся и пошел напролом, не обращая внимания на то, что топчу посевы Сэма Ордея. Он никогда не терял ни одного початка, на всем этом поле. Но когда я пробрался к тому месту, за мной, свисая с рук, тащились шелковистые ко-

лоски, а к галстуку прицепился зеленый лист, как будто бы какой-то необыкновенный зажим, и я как-то сразу перестал смеяться, потому что ее там не было. И тогда я услышал ее за спиной. И как только она там оказалась, не попавшись мне на глаза, не представляю. Я стал пробираться назад, к ней, но перед самым моим носом она перебежала на следующую борозду.

И вот так мы играли в прятки с полчаса, но я так и не мог догнать ее. Вместо этого я все больше распалялся, и во мне все больше и больше закипало желание. Только я подумаю, что вот она, передо мной, через борозду от моей, я подбегал туда и слышал ее голос не где-нибудь, а через *пару* бороздок и *позади* меня. Иногда передо мной промелькнет ступня или нога, и, конечно, в мягкой земле от ее ног оставались следы, но что в них было толку, если было похоже, что они все разбегаются в разные стороны одновременно.

И потом, как раз, когда я чуть не обезумел, моя красивая рубашка насквозь пропотела, галстук развязался, а в ботинки набилось полно земли — и вот я пробираюсь к борозде и вижу ее шляпку, которая висит на стебле кукурузы, а вуаль развеивается на легком ветерке, который туда проникал. «Иди-ка ко мне, Дейв!» — зовет она. Я схватил ее шляпку и бросился к следующей борозде наперерез. Но там ее уже не было, и я увидел только шевелящиеся стебли там, где она только что прошла, но где остались лежать ее туфли. На соседней борозде я обнаружил ее один шелковый чулок, который украшал кукурузный початок. И я все еще слышал ее смех.

В это же мгновение она подкралась ко мне сзади. И вот она уже за моей спиной, но бог ее знает, как эта маленькая сучка оказалась там. Да мне уже было все равно. Я сорвал с себя галстук и рванул за ней, и так я метался, не видя ее, как глупый пес, который никак не сообразит, что в жаркий день лучше покойно спать.

И вот что я еще скажу — я помая кукурузу везде, где прошел. Оставил за собой длинную полоску растоптанных или поломанных початков. А она не испортила ни одного. Они лишь чуть-чуть шелохнутся, когда она пройдет, как будто она — это не она, а легкий летний ветерок. Я нашел ее платье, комбинацию и ее пояс для чулок. Потом я нашел ее лифчик и трусики. Но смеха больше не было слышно. Было слышно только кукурузу. И я стою посреди борозды, пытая как котел, давший утечку, и прижимаю к себе комочек ее белья. Оно пахло ее духами, а этот запах сводил меня с ума.

«Где ты?» — кричал я в полный голос, но ответа не было. Ну и в конце-концов я совсем потерял рассудок, и, конечно, ей только это и было нужно. «Куда ты, твою мать, подевалась?» — закричал я, и прямо рядом со мной появилась ее длинная белая

рука и одним пальчиком она погладила мою шею. Мне сразу стало легче.

«Я все это время жду тебя. Почему ты так долго? Разве ты не хочешь взглянуть сюда?» — Она схватила меня и потянула к себе туда, где она стояла, ноги по щиколотку в земле, абсолютно голая, а глаза такие серебристые, как дождь в туманный день.

2

Дейв отпил большой глоток воды, закрыл глаза и продолжил рассказ.

И там, в поле, мы не занимались любовью. Мы делали что-то непонятное. Я обладал Аделией почти всеми теми способами, какими мужчина может обладать женщиной, и еще некоторыми, наверное, вы бы даже не поверили, что такое возможно. Я не помню их все, но я помню ее тело, какое оно было белое, какие у нее были ноги, как сгибались пальцы ног, лаская маленькие ростки, поднимавшиеся из земли. Я помню как ноготки ее пальцев скользили от моего затылка к шее.

И этому не было конца. Не знаю, сколько раз это повторялось, но помню, что во мне не было ни капли усталости. Когда мы начинали, я чувствовал такой бешеный прилив сил, что был готов трахнуть статую Свободы, но когда наступал конец, я чувствовал то же самое. Я не мог насытиться ею. Я был, наверное, как пьяница. Я никак и никогда не мог бы насытиться ею. И она это тоже поняла.

Но в конце концов мы все-таки остановились. Она положила руки за голову и подернула белыми плечами, как бы стряхивая с себя черную землю, на которой мы лежали, и взглянула на меня своими серебристыми глазами, сказав: «Ну что, Дэйв? Мы с тобой все еще соседи?»

Я сказал ей, что снова хочу ее. Но она сказала, что не надо гнать лошадей. Я все равно попробовал лечь на нее, но она оттолкнула меня так же просто, как мать отталкивает ребенка от груди, когда не хочет больше кормить его. Я попытался еще раз, но она вцепилась мне в лицо ногтями и в двух местах разодрала кожу. И вот это затушило мой огонь. Она была стремительная, как кошка, и в два раза сильнее. Когда она увидела, что мне стало ясно — игра закончилась, она оделась и вывела меня с поля. Я шел за ней, кроткий как агнец.

Мы шли пешком до самого ее дома. По дороге мы никого не встретили и это, вероятно, к лучшему. Моя одежда вся была в земле и шелковистых волосках от кукурузы, моя сорочка выбилась, галстук комком торчал в заднем кармане, его конец болтался сзади, как хвост, и я болезненно ощущал любое прикосновение одежды. А вот она — она выглядела спокойной и свежей, как фруктовая вода с мороженым в стакане где-нибудь в аптеке-за-

кусочной. Волосок к волоску. На туфлях — ни пылинки на юбке — ни одного волоска от кукурузы.

Мы подошли к дому, и пока я осматривал его, стараясь решить, сколько краски пойдет на него, она принесла мне чего-то выпить в высоком стакане. В нем была соломинка и веточка мяты. Я думал, что это чай со льдом, пока не отхлебнул. Это было неразбавленное шотландское виски.

— О, боже мой! — сказал я, с трудом переводя дух. — Тебе что, не нравится это? — спрашивает она меня, а сама улыбается с этой ее издевочкой. — Может быть, ты бы предпочел кофе со льдом?

Тогда я говорю: «Да, я хочу кофе». Но я не просто хотел его. Он мне был необходим. Я пытался не пить в середине дня в те времена, потому что так делают алкоголики. Но на этом пришлось поставить точку. С того времени, как я узнал ее, я пил почти в любое время дня и каждый день. Для меня последние два с половиной года, пока Айк был Президентом, были долгой пьянкой.

Пока я красил ее дом — я делал все, что она мне давала когда у меня была возможность, — она привыкала к работе в библиотеке. Мистер Лэвин принял ее на работу как только у нее начались нелады и поставил ее руководить Детской библиотекой. Я обычно ходил туда при первой возможности, а их было много, так как я нигде не состоял на работе, и ни от кого не зависел. Когда мистер Лэвин стал говорить, что я провожу там много времени, я пообещал бесплатно сделать внутреннюю покраску библиотеки. Тогда он разрешил мне приходить и уходить сколько угодно. Аделия говорила мне, что так оно и будет, и она была права — как всегда.

— У меня нет четких воспоминаний о том времени, которое я провел, совершенно плененный ею, именно так, ослепленный мужчиной, живущий в плену у женщины, которая по настоящему-то и не была женщиной. И это не какие-нибудь провалы, которые иногда бывают у пьющих. Это было желание забыть то, что уже случилось. Поэтому то, что у меня осталось, так это разрозненные воспоминания, но которые выстроились в какую-то цепочку, как те острова в Тихом океане. Архипелаги, или как они там называются.

— Я помню, как примерно за месяц до смерти мистера Лэвина она повесила на двери детской комнаты большой плакат с «Красной Шапочкой», и помню как она взяла одного мальчугана за руку и повела его к ней. «Видишь эту маленькую девочку?» — спросила она. «Да», — говорит он. «Ты знаешь, почему этот Злодей сейчас съест ее?» — спрашивает Аделия. «Нет», — отвечает малыш, и при этом его квадратные глаза посерьезнели и наполнились слезами. «Потому что он позабыл вовремя вернуть в библиотеку книгу», — говорит она. «Ведь ты никогда так не посту-

пишь, Вилли?» — «Нет, никогда», — отвечает малыш, а Аделия говорит: «Лучше не надо». И потом она повела его в Детскую на «Час сказки», все еще держа его за руку.

Тот ребенок — это был Вилли Клеммарт, которого убили во Вьетнаме, оглянулся назад, туда, где я стоял на лесах с кистью в руке, и я прочитал его взгляд, как газетный заголовок: «Спасите меня от нее», — говорили его глаза. «Ну, пожалуйста, мистер Дункан». Но разве я мог? Я сам не мог спастись.

Дейв вынул откуда-то из глубины заднего кармана чистый, но очень мятый пестрый носовой платок и сильно высморкался.

— Мистер Лэвин сначала думал, что Аделия — человек добродушный, но скоро он был о ней другого мнения. Примерно за неделю до его смерти у них началась кошмарная ссора из-за этого плаката с «Красной Шапочкой». Она ему с самого начала не понравилась. Может быть, он не очень хорошо представлял, что происходит во время «Часа сказки» — об этом впереди — но он не был полным слепцом. Он видел, как дети смотрели на эту картинку. В конце концов он попросил ее снять это. Вот тогда и началась ссора.

Я слышал не все, потому что был на лесах, намного выше их, и акустика там плохая, но кое-что я расслышал. Он сказал что-то о запугивании детей или, может быть, травмировании — слова очень похожи, а она ответила что-то вроде того, что это ей очень помогло «подавлять в себе зверя», как она выразилась. Она называла это инструментом воспитания, наподобие палки из пекана.

Но он настоял на своем, и в конце концов ей пришлось ее снять. И в ту ночь, у себя дома она напоминала тигра в зоопарке после того, как ребенок весь день тыкал ему в бока палкой. Она ходила длинными шагами взад и вперед по комнате, совершенно раздетая, разметав волосы по спине.

Я был в кровати, пьяный в стельку. Но я помню, она повернулась и я увидел, что глаза ее превратились из серебристых в ярко-красные, как будто мозги у нее воспламенились, и рот казался каким-то чудным как будто он пытается соскользнуть с ее лица, или что-то вроде этого. Это так перепугало меня, что весь хмель почти прошел. Я ничего такого раньше не видел и видеть не хотел.

— Он у меня притихнет. Я присмирю этого старого жирного кобеля. Вот увидишь.

Я велел ей не делать никаких глупостей, не поддаваться настроению и много всего другого, чего не стоило делать. Она немного послушала меня, и потом вдруг помчалась через всю комнату так быстро, что в общем, не знаю что и сказать. Только что она стояла в противоположном конце комнаты, у двери: не прошло и секунды, как она вскочила на меня, глаза светятся каким-то красным светом, рот как-то жутко вытянулся вперед, отделяясь от лица, как будто она хотела так сильно поцеловать меня,

что для этого ей приходилось как-то растягивать кожу, и у меня возникла мысль, что если обычно она просто щекотала меня своими ноготочками, сегодня она вонзит ногти мне в горло и доберется до самого позвоночника.

Но этого она не стала делать. Она низко нагнулась надо мной и посмотрела на меня. Я не знаю что она увидела — наверное, как я перепугался — но от этого ей стало очень хорошо, потому что она так откинула назад голову, что ее волосы рассыпались, накрыв меня до самых бедер, и она рассмеялась. «Кончай разговаривать, ты, несчастный алкаш», — сказала она. — Давай-ка мне его сюда. На что ты еще годишься?»

Так я и сделал. Потому что спать с ней и пить — вот и все, на что я тогда был способен. И, конечно, я уже больше не писал реклам. Я лишился лицензии после того, как меня сократили в 1958 году в начале 1959.

Я получал плохие отзывы на некоторые свои работы. Мне уже было все равно как я их делал, знаете, мне нужна была только она. Стали распространяться слухи о том, что Дейву Дункану больше нельзя доверять работу. А причина этого, как они говорили, всегда была в пьянке. Но никаких особых разговоров о наших отношениях не было. Она за этим чертовски внимательно следила. На моей репутации не осталось ни одного светлого пятнышка, а вот она отделялась лишь отдельными пятнышками грязи на подоле юбки.

Мне кажется мистер Лэвин что-то подозревал. Сначала он думал, что я просто увлекся ей, а она совсем и не догадывалась, что я робко бросаю в ее сторону взгляды оттуда со своих лесов. Но мне кажется, что в конце он что-то заподозрил. Но потом мистер Лэвин умер. Говорили, что у него был сердечный приступ, но мне-то лучше известно. Мы были в гамаке на веранде, выходящей во двор, в тот вечер после того, как это произошло, и в ту ночь ей все было мало. Она не отпускала меня до тех пор, пока я не завыл о пощаде. Тогда она легла рядом со мной и посмотрела такая удовлетворенная и довольная, как кошка, которая досыта напилась сливок, а в глазах ее снова был тот самый ярко-красный отблеск. И это не просто мое воображение. Я видел отражение этого красного отблеска на коже моей руки. Я чувствовал его. Как будто я сидел рядом с печкой, которую сначала растопили, а потом затушили. «Я говорила тебе, я его присмирю, Дейви», — говорит она вдруг неожиданно своим противным, поддразнивающим голосом.

Ну, а я был пьяный и чуть живой, протрахавшись с ней, и что она сказала сначала, не дошло до меня. У меня было ощущение, как будто я проваливаюсь в забытие в зыбучий песок. «Что ты сделала с ним?», — спросил я, полусонный.

«Я крепко обняла его», — сказала она. «Я по-особому крепко обнимаю, Дэйви — ты не знаешь, что такое мои особо крепкие

объятия, и, если тебе повезет, никогда не узнаешь. Я застала его среди стеллажей книг, крепко обняла его и показала ему себя, всю как есть. Тогда он начал плакать. Вот как он перепугался. И он начал плакать какими-то особыми слезами, и я осушала их поцелуями и когда я сделала свое дело, он был мертв».

«Его особые слезы». Вот как она назвала их. А потом ее лицо... оно так *изменилось*. Оно будто покрылась рябью как это бывает под водой. И я увидел что-то...»

Дейв как-то весь ушел в себя, взгляд его блуждал по ровно расстилавшимся полям, остановился на зерноэлеваторе, но ничего не видел. Руки его крепко сжимали перила крыльца. Они сжимались, разжимались, потом снова сжимались.

«Я не помню», — наконец сказал он. Или может быть, я *не хочу* помнить. Кроме двух вещей: на этом лице были красные глаза, но без век, а вокруг рта свисало очень много каких-то складок, но это была не кожа. Это выглядело... угрожающе. Потом эти складки вокруг рта как-то начали двигаться и, мне кажется, я закричал. А затем все пропало. Все как не бывало. Опять была только Аделия. Она заглядывала мне в глаза и улыбалась, как хорошенькая любопытная кошечка».

«Не беспокойся», — говорит она. «Тебе и не обязательно все видеть, Дэйви. То есть пока ты будешь делать то, что я тебе говорю. Пока ты будешь хорошим мальчик. Пока ты будешь хорошо вести себя. Сегодня я очень счастлива, потому что теперь, наконец, нет этого старого дурака. Городской Совет назначит на его место меня, и я буду руководить так, как захочу».

«Да помоги нам всем, господь, тогда», — подумал я, но ничего не сказал. Но и вы бы тоже не сказали, если бы посмотрели и увидели это существо, с пристально глядящими на вас красными глазами, которое лежит, изогнувшись рядом с тобой, в гамаке далеко от города, так далеко, что никто бы не услышал твоего крика, даже если бы ты кричал во все горло.

Немного позже она ушла в дом и вернулась с теми двумя высокими стаканами, наполненными шотландским виски, и довольно скоро я снова провалился в море на глубину двадцать тысяч лье, где ничто уже не имело значения.

В течение недели она не открывала библиотеку... «в знак уважения к мистеру Лэвину», так она выразилась, и когда она опять открыла ее, «Красная Шапочка» снова висела на двери Детской комнаты. Через неделю или две после этого она сказала, что хочет, чтобы я нарисовал несколько новых плакатов для Детской комнаты.

Он помолчал, а потом продолжал, но уже тише и медленнее.

— Какая-то часть меня даже сейчас хочет все приукрасить, сделать мою роль во всем этом чуть-чуть лучше, чем она была. Я бы хотел сказать вам, что я бился с ней, спорил, говорил что не хочу быть замешанным в запугивании кучки детишек,... но это не

было бы правдой. Я делал все, что она мне велела. Да помоги мне, господь, но это было так. Отчасти потому, что к тому времени я и сам был напуган ею. Но большей частью потому, что она одурманила меня. И было что-то еще. И была во мне какая-то дурная, отвратительная часть меня — мне кажется, она бывает не у всех, — но, наверное, очень у многих, — которой нравилось все, что она замышляла. *Нравилось* и все.

Теперь вы, наверное, хотите узнать, что же я все-таки *стал* делать, но я правда, не могу рассказать вам все. Я на самом деле не помню. Те времена и события, все перемешались, как сложенные игрушки, которые посылаешь в Армию Спасения просто, чтобы убрать это барахло с чердака.

Я никого не убивал. Это единственное, в чем я уверен. Она хотела, чтобы я... и я почти... но под конец я вышел из игры. Это единственная причина, почему я был в состоянии жить в ладу с собой, потому что под конец я смог выбраться из этого. Но часть моей души она унесла с собой, — лучшую часть, может быть — но она никогда не владела ей всей.

Он посмотрел на Нейоми и Сэма задумчивым взглядом. Теперь он казался спокойнее, более уравновешенным, возможно даже умиротворенным, — подумал Сэм.

Я помню, как я зашел туда однажды осенью 1959 года — мне *кажется* это был 1959 — и как она рассказала, что хочет, чтоб я сделал один плакат для Детской комнаты. Она точно рассказала, что ей нужно, и я довольно охотно согласился. Я ничего такого плохого в этом не видел. В общем-то, мне показалось это как-то смешно. А нужна ей была, видите ли картинка, на которой нужно было изобразить как посередине улицы паровой каток в лепешку раздавил малыша. Под ней должна была быть надпись: «Поспешишь — людей насмешишь! Возвращайте книги, не спеша!».

Мне это показалось шуткой, наподобие того, когда волк гонится по дороге за Бегуном и какой-нибудь товарный поезд или что-то в этом роде делает из него лепешку. Поэтому я сказал: конечно. Она до чертиков обрадовалась. Я пошел в ее кабинет и нарисовал плакатик. На это ушло совсем немного времени, потому что получилась просто карикатура.

Я думал, она ей понравится, но она была недовольна. Ее брови нахмурились, а рот почти исчез. На карикатуре я изобразил мальчика с крестиками вместо глаз, и в качестве шутки из рта парня, что вел паровой каток, в виде воздушного шарика выходила цепочка слов: «Если бы у тебя была марка, ты мог бы приклеить ее на него и послать как почтовую открытку».

Но она даже не улыбнулась. «Нет, Дэйви», — говорит она. «Ты не понимаешь. Этим не заставишь детей возвращать книги вовремя. *Этим* их можно только рассмешить, а они и так слишком много этим занимаются».

Тогда я говорю: «Что ж. Видно я не понял, что тебе нужно».

Мы стояли за столом выдачи книг, так что нас никто не видел, я имею в виде ниже пояса. И она протянула руку, взяла меня за бубенчики и посмотрела на меня своими огромными серебристыми глазами и сказала: «Я хочу, чтобы ты сделал это *реалистично*».

Через пару секунд я понял, что она на самом деле имеет в виду. И когда я понял, я не мог этому поверить. Я говорю: «Аделия, ты не понимаешь, что говоришь. Если бы ребенок действительно попал под паровой каток...»

Она сжала мои бубенчики так, что стало больно — как бы напоминая, как она завладела мной — и сказала: «Я-то понимаю. А теперь *ты* пойми *меня*. Мне на надо, чтобы они *смеялись*. Дейви; мне надо, чтобы они *плакали*. Так почему бы тебе не пойти обратно туда и не сделать все как надо на этот раз?»

Я вернулся в ее кабинет. Я даже не знаю, что я собирался сделать, но решение очень быстро пришло само. На столе был большой чистый лист для новой картинки, и высокий стакан шотландского виски с соломинкой и с веточкой мяты, а еще записка от Аделии, в которой было написано: «Да — на этот раз используй побольше *красного*».

Он серьезно посмотрел на Сэма и Нейоми.

Но ведь она там не успела побывать. Не была там ни минуты.

3

Нейоми принесла Дейву стакан свежей воды, и когда он вернулся, Сэм заметил, что ее лицо очень побледнело, а уголки глаз покраснели. Но она спокойно уселась и сделала знак, чтобы Дейв продолжал.

«И я сделал то, с чем алкоголики справляются лучше всего», — сказал он.

— Я выпил это и сделал, что мне велели. Какое-то неистовство, что ли, нашло на меня. Я провел за ее столом два часа, я работая с набором акварельных красок за пятьдесят, расплескав воду и размазав краски по всему столу и мне было наплевать, куда что попадало. А что у меня получилось, я даже не хотел бы вспоминать... но я так помню это! На ней был изображен малыш, распластанный по всей Рэмпл стрит, его туфли валялись в стороне, а мозги растеклись, как масло, которое растаяло на солнце. Виден был только силуэт водителя парового катка, но он оглянулся, и на лице его была видна ухмылка. И этот тип потом много раз появлялся на плакатных картинках, которые я делал для нее. Он сидит за рулем машины на том плакате, о котором ты, Сэм, говорил, предупреждающем, что нельзя садиться в машины к незнакомым людям.

Мой отец ушел от мамы через год после моего рождения, просто ушел из дома, и у меня возникла мысль, что именно его я и пытаюсь изобразить на всех этих плакатах. Я обычно называл его «темный», наверное, это и был мой отец. Мне кажется, это Аделия каким-то образом привела меня к этому. И вот когда я принес ей свой второй вариант, она была довольна. Она рассмеялась. «Это просто чудесно, Дэйви!» — сказала она. «Ужас бы-стренько *научит* эту мелюзгу, как правильно себя вести! Я сразу повешу его!» И она повесила его прямо перед столом регистра-ции в Детской комнате. И когда она сделала это, я заметил что-то, от чего в жилах застыла кровь. Я узнал *малыша*, которого нарисовал. Это был Вилли Клеммарт. Я нарисовал его, сам того не понимая, а выражение его лица или того, что осталось от его лица, я видел в тот день, когда она взяла меня за руку и повела в Детскую комнату.

Я был там, когда малыши пришли на «Час сказки» и первый раз увидел тот плакат. Они перепугались. Глаза у них расширились, а одна девочка заплакала. А мне понравилось, что они испугались. Я подумал: «Это живенько заставит их понять, как себя надо вести. Это научит их тому, что с ними случится, если они будут противоречить ей, делать не то, что она говорит им. Но где-то глубоко во мне мелькнула мысль: «Ты начинаешь думать как она, Дэйв. Довольно скоро ты станешь как она, и тогда тебе конец. Конец навсегда.»

— Но я продолжал в таком же духе. У меня было ощущение, как будто у меня билет только в один конец и мне не сойти с поезда, пока я не проеду весь путь до конца маршрута.

Аделия наняла на работу нескольких ребят из колледжа, но всегда направляла их в абонементную комнату, в справочный зал и за стол администратора. А она полностью занималась детьми... ведь, знаете, их запугать легче всего. Вот они-то, самые пугливые, и была ее самой хорошей пищей. Потому что этим она и жила, ее пища — это их страх. А я все делал и делал плакаты. Я не все из них помню, но помню Библиотечного полицейского. Он появлялся на многих картинках. На одной — она называлась «Полицейские тоже отдыхают» — он стоял на берегу речушки и удил рыбу. Вот только на крючок у него был насажен маленький мальчик, которого ребята называли «Простофиля Саймон». На другой картинке Простофиля Саймон был у него привязан к носу ракеты, а сам он нажимал на кнопку зажигания, чтобы отправить малыша в космос. На ней было написано: «Вы можете больше узнать о науке и технике в нашей библиотеке, но обязательно возвращайте книги вовремя».

— Мы превратили Детскую комнату в камеру ужаса для детей, которые приходили туда, — сказал Дэйв. Он говорил медленно, в голосе его были слезы. — Она и я. Устроили это детям. Но знаете что? Они все равно приходили. Они всегда приходили

опять, чтобы увидеть еще чего-нибудь. И они никогда никому ничего не рассказывали. Она следила за этим.

— Ну а родители? — неожиданно воскликнула Нэйоми, и так резко, что Сэм подпрыгнул. — Ведь когда родители увидели...

— Нет! — сказал ей Дэйв. — Их родители никогда ничего такого не видели. Единственное, что они из всех этих пугающих картинок видели, это Красную Шапочку и волка. Аделия оставила ее висеть постоянно, а вот другие висели только во время «Часа сказки» — после школы, вечером по четвергам и утром — по субботам. В ней не было ничего человеческого, Сара. Ты должна это понять как есть. *Она и не была человеком.* Она как-то узнавала, когда идут взрослые, и она всегда брала плакаты, которые я снял со стен и другие, обычные плакаты, в которых говорилось примерно следующее:

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ПРОСТО РАДИ УДОВОЛЬСТВИЯ — она их развешивала прямо перед их приходом.

— Я помню те времена, когда я бывал там во время «Часа сказки» — в те дни я не отходил от нее, если только это было возможно, а у меня было полно времени быть рядом с ней, потому что я уже бросил писать картины, все свои постоянные места я потерял и жил на те скудные сбережения, которые успел сделать. Но очень скоро этих денег тоже не стало и я начал распродавать вещи — телевизор, мою гитару, машину и, наконец, дом. Да это ладно! Важно то, что я бывал там и видел, что там происходило. Малышей усаживали на стулья в кружок и в центре его сидела Аделия. Я обычно был в дальнем углу комнаты, расположившись на одном из детских стульчиков, чаще всего одетый в свою выпачканную краской спецовку, пьяный как самый последний подонок, небритый, пропахший виски. А она обычно читала одну из своих эдаких специфических сказочек, а потом неожиданно остановится, склонит голову набок, как бы прислушиваясь. Ребятишки начинали ерзать и беспокоиться. Похоже, что их мысли были где-то в другом месте — как будто они пробуждались ото сна, в который она их погрузила.

«А теперь мы все будем играть», — говорила она с улыбкой. «Здорово, да, дети? Кто изъявит желание быть Послушным Ребенком, чтобы помочь мне подготовиться к нашей игре во взрослых?» Они все обычно поднимали руки, когда она говорила это, потому что все хотели быть послушными детьми. А из плакатов, которые я делал, было ясно, что случалось с плохими детьми, когда они поступали неправильно. Бывало, даже я поднимал руку, пьяный, в дальнем углу комнаты, в своей мерзкой старой спецовке, самый старый во всем мире и самый уставший на свете ребенок. А потом они вставляли, одни снимали мои плакаты, другие — вынимали из ящика ее стола обычно висевшие картинки. Их просто меняли местами. Потом они усаживались, и она переключала их внимание от той ужасной истории, которую им только что рас-

сказывала, на сказку типа «Принцесса на горошине», и уж точно через несколько минут чья-нибудь мама заглянет в комнату и увидит, как все милые послушные дети слушают, как чудесная мисс Лортц читает им сказку, и мамаша улыбнется своему малышу, а малыш — ей, и все шло дальше.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «ужасной истории, которую она только что рассказывала?» — спросил Сэм. Голос у него был какой-то хриплый, а во рту пересохло. Все это время он слушал Дейва с усиливающимся ужасом и отвращением.

— Сказки, — сказал Дейв. — Но она обычно превращала их в истории ужасов. Вы бы удивились, если бы узнали, как мало ей приходилось переделывать, чтобы изменить их.

— Только не я, — мрачно ответила Нейоми. — Я помню эти сказки.

— Наверняка помнишь, — сказал он, — но вот как их рассказывала Аделия! Такого ты никогда не слышала. И детям они нравились — некоторые мамы любили эти сказки и любили ее, потому что она манила их к себе и ослепляла, точно так же, как она притягивала к себе меня. Вернее, *не совсем* так же, потому что там не было секса — по крайней мере, мне кажется так — но те темные силы в ней порождали в них такую же темноту. Вы понимаете меня?

И Сэм, который помнил чувство ужаса и, вместе с тем, восторга, испытанное от сказки о Синей Бороде и танцующих швабрах в ФАНТАЗИИ, подумал, что уж кто-кто, а он их понимал. Дети ненавидели темноту и боялись ее... но ведь она притягивала их? Она как бы манила их

(иди со мной, детка)

разве нет? Она напевала им,

(я полицейский)

разве нет? Ну разве нет?

— Я знаю, что ты имеешь в виду, Дейв, — сказал он.

Он кивнул. «А ты еще не понял, Сэм, кто был *твой* Полицейский в библиотеке?»

— Этого я все-таки не понимаю, — сказал Сэм, но ему казалось, что какая-то часть его понимала это. Было такое ощущение, что его сознание где-то глубоко — темная масса воды, а на самом дне ее была затонувшая лодка — но не просто какая-то лодка. Нет — то была пиратская шхуна, полная добычи и мертвецов, и вот оно зашевелилось во всей этой нечисти, которая так долго скрывала его. И он опасался, что скоро эта призрачная, хищная развалина снова поднимется на поверхность, с разбитых мачт будут свисать морские водоросли, а у сгнивших останков штурвала, протянув к нему руки, будет находиться скелет и его злорадная улыбка (ухмылка в миллион долларов).

— А мне кажется, ты, возможно, понимаешь, — сказал Дейв, — или начинаешь понимать. И все так или иначе станет ясно, Сэм, поверь моему слову.

— С этими сказками я что-то ничего не понимаю, — сказала Нэйоми.

— Одна из ее любимых, Сара — а она была любимой и у детей; тебе нужно понять это, поверь мне — была «Золотовласка и три медведя». Ты знаешь эту сказку, но не знаешь, как некоторые в этом городе люди, которые стали взрослыми, банкиры, адвокаты, крупные фермеры, имеющие теперь целые парки лучших тракторов (тракторов фирмы Джона Дiera), как они воспринимают эту сказку. Где-то глубоко в душе они сохранили ее в том варианте, в каком ее рассказывала именно Аделия Лортц. Возможно, кто-то из них рассказывал те же самые сказки своим детям, так и не узнав, что они могут звучать по-другому. Не хочется думать, что это так, но в глубине души я чувствую, что это так.

— У Аделии в этой сказке Золотовласка — это Плохая девочка, которая всегда поступает неправильно. Она приходит в дом Трех медведей и ломает все, что попадает ей под руку — стаскивает с окон занавески в комнате Медведицы, тащит выстиранное белье в грязь, рвет в клочья все журналы и деловые бумаги Медведя-папы, берет нож для разделки мяса и вырезает дырки в его любимом кресле. Потом она в клочья рвет все их книги. У Аделии любимое место в ней было, когда Золотовласка испортила книги. И никакой каши в самом деле она не ела! А вот в сказке у Аделии — да! В ее варианте сказки Золотовласка взяла где-то высоко на полке крысиный яд и подсыпала в кашу, как сахарную пудру. Она совсем не знала, кто живет в этом доме, но всех их она хотела убить, просто потому, что она была Плохим Ребенком.

— Какой ужас! — воскликнула Нэйоми. Ее уравновешенности и спокойствия — как не бывало, первый раз за все время. Она прижала руки к губам, а широко открытые глаза устремились на Дейва.

— Да. Было ужасно. Но это не конец. Золотовласка так устала от того, что все крушила и ломала в доме, что когда она поднялась наверх, чтобы разделаться с их спальнями, она заснула в кровати Медвежонка. И когда Три Медведя вернулись домой и увидели ее, они бросились на нее — именно так Аделия обычно и говорила — они бросились на нее и тут же съели эту гадкую Плохую девочку. Сначала они принялись за ее ноги, а она тем временем кричала и вырывалась. И вот осталось съесть только голову. Но ее они пока не стали трогать, потому что знали, что она сделала с их кашей. По запаху они определили, что там яд. «Они умели делать это, дети, потому что это были *медведи*», — обычно объясняла Аделия, и все дети — ее Послушные детки — обычно начинали понимающе кивать своими головками, потому

что теперь они знали, что к чему». — И они отнесли голову Золотовласки вниз, на кухню, сварили ее и съели ее мозги на завтрак. И все они согласились, что было очень вкусно... и с тех пор жили они счастливо.

4

На веранде установилось гнетущее, почти гробовое молчание. Дейв протянул руку, чтобы взять стакан воды, но стакан чуть не упал с перекладки — так дрожали его пальцы. В последний момент он удержал его, ухватил обеими руками и с жадностью начал пить. Потом поставил стакан и сказал Сэму: «Ты удивлен, что мои запои не поддаются контролю?»

Сэм покачал головой.

Дейв посмотрел на Нэйоми и сказал: «А ты теперь понимаешь, почему мне никогда так и не удавалось рассказать эту историю? И почему я устроил все в той комнате?»

— Да, — проговорила она дрожащим, едва слышным голосом, почти шепотом. — И мне кажется, я догадываюсь, почему ребята тоже никогда ничего не говорили. Потому что бывают вещи слишком... слишком чудовищные.

— Для нас, может быть, да, — сказал Дейв. — А для детей? Не знаю, Сара. Не думаю, что дети могут без труда и с первого взгляда распознать чудовище. Родители-то им, конечно, рассказывают, как сделать это. Ну, а у нее к этому был свой подход. Вы помните, я говорил вам, она предупреждала детей, если вдруг приходил кто-то из родителей, и тогда у них был такой вид, будто они просыпаются после глубокого сна. Они на самом деле *спали*, но как-то странно. Во всяком случае это не был гипноз, я думаю, что нет — но это было похоже на гипноз. И когда они уходили домой, они уже не помнили, по крайней мере на уровне сознания, ни о сказках, ни о тех картинках. Но мне кажется, что в подсознании у них оставалось очень много, так же как подсознательно Сэм знает, что этот Полицейский из библиотеки. Я думаю, они и сегодня помнят — эти банкиры, адвокаты и крупные фермеры, которые когда-то были у Аделии Послушными детьми. Они до сих пор у меня перед глазами — в фартучках, коротких штанишках, на своих маленьких стульчиках. Они смотрят на Аделию, которая находится в центре круга, а их огромные и круглые глаза как блюда для пирожков. И мне кажется, что когда наступит темнота или поднимется сильный ветер, или во сне увидят *всякие кошмары*, они снова *становятся детьми*. Тогда, наверное, *открываются* двери и они видят Трех Медведей — Трех Медведей, ее, Аделии — когда они своими деревянными ложками зачерпывают из головы Золотовласки ее мозги, и когда Медвежонок расхаживает по дому, натянув на свою голову напоминавший парик с длинными золотыми локонами скальп Золотовласки. Тогда, я думаю, они просыпаются, взмокнувшие от болезненного страха.

Вот что она оставила нашему городу. Мне кажется, она оставила наследство непостижимых ночных кошмаров.

Но я еще не дошел до самого страшного. Видите ли, те сказки — а, в общем-то иногда и картинки, — но, в основном, именно сказки — могли вызвать у ребенка приступ истерики, некоторые теряли сознание или вообще отключались. И когда такое происходило, остальным она говорила: «Откиньтесь назад и отдохните, пока я отведу Билли... или Сандру... или Томми... в ванную комнату и пока ему не станет лучше.»

И тогда они бывало одновременно уронят головки. Как будто все поумирали. Когда я увидел это в первый раз, я подождал минуты две после того, как она увела из комнаты одну малышку, встал и подошел к их кружку. Сначала я пошел к Вилли Клеммарту.

— Вилли! — прошептал я и потрогал его по плечу. — У тебя все о'кей, Вилл? — Но он так и не шелохнулся, поэтому я сильнее потрепал его по плечу и назвал по имени. Он по-прежнему не шелохнулся. Я слышал, как он дышит — немного посапывая, как это часто бывает у ребят, вечно бегают простуженные — но все равно можно было подумать, что он мертв. Веки у него были приоткрыты, но мне были видны только белки, а с нижней губы свисала длинная слюна. Я перепугался и подошел еще к трем или к четырем ребятишкам, но ни один из них не взглянул на меня и не издал ни одного звука.

— Ты хочешь сказать, что она заворожила их, да? — спросил Сэм. — Они были как Белоснежка, после того, как она съела отравленное яблоко?

— Да, — согласился Дейв. — Именно на нее. В чем-то другом и я был похож на нее. И тогда, как раз в тот момент, когда я собирался схватить Вилли Клеммарту и хорошенько встряхнуть его, я услышал, как она возвращается из ванной. Я помчался обратно к своему месту, чтоб она меня тут не застала. Потому что меня больше пугало то, что она может сделать со мной, чем то, что она, возможно, уже сделала с ними.

Она вошла, и та малышка, которая была бледная как полотно и наполовину без сознания, когда Аделия уводила ее, выглядела так, как будто кто-то вдохнул в нее самый лучший в мире эликсир жизни. Сна у нее не было ни в одном глазу, щеки порозовели, а глаза искрились, Аделия слегка шлепнула ее, и та побежала к своему месту. Потом Аделия сделала хлопок руками и сказала: «Все! Хорошие детки быстро посмотрели сюда! Теперь Соне намного лучше, и она хочет, чтобы мы закончили ту сказку, правда, Соня?»

«Да, мэм», — весело поет она, как райская птичка в саду. И все они разом поднимают головки. И никто бы никогда не поверил, что за две секунды до этого комната была похожа на помещение, полное мертвых младенцев.

Когда такое же произошло в третий или четвертый раз, я дождался, когда она выйдет из комнаты и тогда последовал за ней. Я знал, что она специально делает все, чтобы запугать их, и у меня возникла мысль, что на это есть какая-то *причина*. Я сам всего этого боялся до смерти, но я хотел понять, в чем же дело.

На этот раз она повела в ванную комнату Вилли Клеммарта. Он стал устраивать истерики, когда Аделия рассказывала им свой вариант сказки «Ганс и Грета». Я действительно легко и бесшумно открыл дверь и вижу: Аделия стоит перед Вилли на коленях там, где был умывальник. Он уже перестал плакать, но за ними мне ничего не было видно. Она была спиной ко мне, а Вилли был такой маленький, что она полностью загораживала его, хотя и стояла на коленях. Я видел только, что его руки лежали на ее плечах, поверх джемпера, в котором она была одета, и виден был рукав его красного свитера, и больше ничего. И тогда я услышал что-то наподобие — какой-то повторяющийся звук сосания, вроде того, что бывает, когда вы втягиваете через соломинку оставшийся в стакане коктейль. У меня возникла мысль, что она как бы совершает над ним насилие, что она и делала на самом деле, но не таким способом, как я подумал сначала.

Я прошел еще чуть-чуть вперед, потом проскользнул вправо, поднимаясь высоко на цыпочках, чтобы не стучать каблуками. Можно было предположить, что она все равно услышит меня... у нее уши были как радиолокаторы, и я все время ждал, что она может оглянуться и пригвоздить меня своими красными глазами. Но я уже не мог остановиться. Я должен был все увидеть. И вот мало-помалу, передвигаясь под углом справа, я начинал кое-что видеть.

Из-за плеча стало показываться лицо Вилли, очень постепенно, как луна, выходя из затмения. У нее самой мне хорошо видно было только ее светлые волосы — копну волос, в кудрях и завитушках — но потом мне стало видно и *ее* лицо. И вот тут я увидел, что она делает. У меня даже подкосились ноги. Они никак не могли увидеть меня, я бы выдал себя, только если б начал барабанить по трубам, что были над головой. У них были закрыты глаза, но причина не в этом. Они полностью погрузились в то, что делали в тот момент и погрузились вместе, потому что были единым целым.

В лице Аделии не было ничего человеческого. Оно расплывлось, как сливочная конфета от тепла, и приняло колоколообразную форму, отчего ее нос расплющился, а глаза превратились в длинные щелки, как у китайцев, и это придавало ей вид какого-то насекомого, то ли мухи, то ли пчелы. На месте рта опять ничего не было. Он превратился во что-то такое же, что я видел, когда она убила мистера Лэвина, той ночью, когда мы лежали в гамаке. Он превратился в узкую часть конуса. И я видел на этом месте чудные красные полосы, и сначала подумал, что это кровь,

или может быть, кровеносные сосуды, но потом понял, что это губная помада. Губ совсем не осталось и эта красная краска указывала на то место, где прежде были губы.

И этой своей присоской она пила из глаз Вилли.

Сэм посмотрел на Дейва как оглушенный громом. Какой-то момент он думал, не сошел ли этот человек с ума. Одно дело — привидения; но это было что-то другое. Но что *это* такое, у него не было ни малейшего представления. И тем не менее, лицо Дейва светилось искренностью и честностью, и Сэм подумал: *«Если он и лжет: он сам этого не осознает»*.

— Дейв, ты хочешь сказать, что Аделия Лортц пила его слезы? — нерешительно спросила Нэйоми.

— Да... и нет. То, что она пила, были его *особые* слезы. Все ее лицо вытянулось к нему, оно билось, как сердце, а черты лица расплющились. Такое лицо можно было бы нарисовать на хозяйственной сумке и сделать из него маску для переодевания в канун дня всех святых.

Из уголков глаз Вилли вытекала липкая и розовая, как окрашенная кровью слизь, или почти растворившиеся кусочки плоти. И она высасывала это, издавая этот неопределенный звук. Его страх — вот что она пила. Она как-то внушила ему этот страх и придала ему такой размер, что он должен был вырваться наружу через эти слезы или убить его.

— Ты хочешь сказать, что Аделия была своего рода вампиром, так? — спросил Сэм.

Дейв почувствовал некоторое облегчение. — Да. Вот именно. С тех пор, когда я думаю об этом — когда у меня хватает смелости думать об этом — я убеждаюсь, что именно так оно и было. Все эти истории о том, что вампиры вонзаются людям в горло своими зубами и пьют их кровь — все неправда. Здесь нужна большая точность. Они пьют, но не из горла. Действительно, они толстеют и становятся здоровее за счет своих жертв; но пьют они не кровь. Возможно, то, что они пьют — краснее, больше похоже на кровь, когда эти жертвы — взрослые. Наверное, так было с мистером Лэвиным. Думаю, что да. Но это не кровь.

«Это — страх».

5

«Не знаю, сколько я там простоял и наблюдал за ней, но должно быть не слишком долго — она никогда не уходила больше, чем на пять минут. Через некоторое время жидкость, которая появлялась в уголках глаз Вилли, становилась все бледнее, и ее было все меньше и меньше. Мне стало видно это... это ее...»

— Хоботок, — спокойно сказала Нэйоми. — Должно быть, это был хоботок.

— Да? Пожалуй. Я видел, как эта штука все больше вытягивалась вперед, не желая ничего упустить, желая забрать все до

последней капли, и я понял, что она почти сделала свое дело. И когда она достигнет конца, они проснутся и увидят меня. И тогда, я считал, она убьет меня.

Я начал медленно, шаг за шагом продвигаться назад. Я уже и не думал, что у меня получится это, но, наконец, я уперся задом в дверь ванной комнаты. Я чуть не закричал, когда это произошло, потому что мне показалось, будто она каким-то образом подобралась ко мне сзади. Я был уверен в этом, хотя я видел ее прямо перед собой, все еще на коленях.

Я зажал себе рот рукой, чтобы не закричать, и выскочил за дверь. Там и простоял, пока она медленно закрывалась на своем пневматическом устройстве. Для меня это была целая вечность. Когда же она закрылась, я направился к главному выходу. Я был как сумасшедший; мне нужно было только одно — выбраться оттуда и никогда больше не появляться там. Я хотел навсегда сбежать оттуда.

Я добрался до того фойе, где она повесила тот плакат, что ты видел, Сэм — тот, с надписью «Соблюдайте тишину!» — и тогда я взял себя в руки. Я думал, что если она поведет Вилли обратно в Детскую комнату и увидит, что меня там нет, она поймет, что я все видел. Тогда она помчится за мной и уж обязательно догонит. Я был уверен, что она сделает это без особых усилий. Я без конца вспоминал тот день на кукурузном поле и как она кругами бегала вокруг меня и ничуть не вспотела.

Поэтому я повернул назад и вместо этого пошел на свое место в Детской комнате. Ничего в жизни не было для меня труднее, но мне удалось это сделать. Не успел мой зад коснуться стула, как я услышал, что они возвращаются. И, конечно, Вилли был весь из себя счастливый, улыбающийся и в прекрасном настроении, и она тоже. У нее был такой вид, будто она готова сдвинуть горы. Она хлопнула в ладоши и громко сказала: «А ну-ка, все Послушные детки, поднимите головы!» — И они все подняли головы и посмотрели на нее. — «Вилли чувствует себя намного лучше, и он хочет, чтобы я рассказала сказку до конца. Правда, Вилли?»

— Да, мадам, — сказал Вилли. Она поцеловала его, и он побежал на свое место. Она продолжала рассказывать сказку. А я сидел и слушал. Ну, а когда «Час сказки» закончился, я принялся пить. И с того времени и до конца я пил не прекращая.

6

— И как же это все-таки закончилось? — спросил Сэм. — Тебе что-нибудь известно об этом?

— Не так много, как знал бы, если бы все время не напивался до чертиков, но больше, чем мне хотелось бы знать. Тот последний период, я даже не уверен как долго он длился. Думаю, месяца четыре, но может быть шесть или даже восемь. К тому

времени я почти не отличал времена года. Когда такой пьяница, как я, начинает скатываться вниз, Сэм, единственная погода, которая его интересует, это погода внутри бутылки. Хотя я знаю две вещи и только они имеют какое-то значение. Кто-то действительно начал понимать ее, и это — первое. И ей пора было залечь на дно, уснуть. Переменить обличье. Это — второе.

Я помню одну ночь в ее доме — она никогда не приходила ко мне — несколько раз она сказала мне: «Мне хочется спать, Дейв. Мне теперь все время хочется спать. Скоро пора будет как следует отдохнуть. Когда это наступит, я хочу, чтобы ты спал рядом со мной. Знаешь, я привязалась к тебе».

Конечно же я был пьян, но от того, что она сказала, по спине прошел холодок. Мне показалось, я понял, о чем она говорит, но когда я спросил ее, она только засмеялась.

«Нет, совсем не то», — сказала она и бросила на меня язвительный и довольный взгляд. «Я говорю о *сне*, а не о смерти. Но тебе нужно будет кормиться вместе со мной».

От этого я сразу протрезвел. Она думала, что я не знаю, о чем она говорит. Но я знал. Я же все видел.

После этого она начала задавать мне вопросы о детях. О тех, что мне не нравились, кого я считал ябедами, кто слишком много шумел, кто были самые озорные.

«Они — Плохие дети — и не заслуживают того, чтобы жить», — бывало скажет она. «Они грубые, все кругом ломают, возвращают книги с карандашными пометками и порванными страницами. А как ты думаешь, Дейви, кто из них заслуживает смерти?»

Вот тогда-то я и понял, что надо держаться от нее подальше, и если единственный выход — покончить с собой, мне придется им воспользоваться. С ней что-то происходило. Ее волосы теряли блеск, а кожа, которая всегда была у нее просто изумительной, начала портиться. И было что-то еще — я видел у нее *вот это самое*, то, во что превращался ее рот — постоянно, прямо где-то под кожей. Но все это приобретало вид подгрудка, в складках и покрытого прожилками, как будто паутиной. Однажды, когда мы лежали в постели, она увидела, что я смотрю на ее волосы и сказала: «Ты замечаешь, что я изменилась, да, Дейви?» И похлопала меня по щеке. — «Это нормально; это совершенно естественно. Это всегда так бывает, когда я готовлюсь опять уснуть. Мне скоро придется сделать это, и, если ты собираешься быть там вместе со мной, тебе скоро придется взять одного из детей. Или двух. Или трех. Чем больше людей, тем веселее!» — И она засмеялась своим безумным смехом, а когда взглянула на меня, ее глаза уже опять были красными. — «Так или иначе, я не собираюсь оставлять тебя здесь. Кроме того, это было бы небезопасно. Ведь ты знаешь это?»

Я сказал, что знаю.

«Так если ты не хочешь умирать, Дейви, это надо сделать

скоро. Очень скоро. А если ты решил не делать этого, ты должен мне сказать об этом прямо сейчас. Мы вместе можем покончить со всем приятно и безболезненно, сегодня вечером».

Она склонилась надо мной, и я почувствовал ее дыхание. Оно отдавало испорченной едой для собак, и мне не верилось, что я когда-то целовал эти губы, из которых сейчас исходил этот запах, будучи трезвым *или* пьяным. Но во мне оставалась какая-то часть — частица меня — которая, должно быть, все еще хотела жить, потому что я сказал ей, что я, конечно, *хочу* быть там с ней, но мне нужно еще немного времени, чтобы подготовиться, настроиться на это.

«Ты имеешь в виду напиться, — сказала она. — Ты должен падать передо мной на колени и благодарить свои несчастные, невезучие звезды за то, что есть я. Дейв Дункан. Если б не я, через год или два ты бы сдох в канаве. А со мной ты можешь жить почти вечно».

И на какую-то секунду ее рот вытянулся, вытянулся настолько, что коснулся моей щеки. Но я как-то сдержался и не закричал.

Дейв посмотрел на них. В его взгляде отражались тревожные воспоминания. Потом он улыбнулся. Сэму Пиблзу навсегда запомнилась таинственная сила той улыбки; с тех пор она всегда преследовала его.

«Все нормально», — сказал он. — «Но с тех пор что-то глубоко во мне пронзительно кричит».

7

Мне хотелось бы сказать, что в конце я избавился от ее влияния, но это было бы неправдой. Это было чистой случайностью — или что люди называют властью свыше. Вы должны понять, что к 1960 я был полностью отрезан от всех остальных в городе. Помните, я говорил вам, что одно время был членом Ротари Клуб, Сэм? Ну, так в феврале, 1960, те ребята уже не желали нанимать меня чистить унитазы в их сортире. А что касается Джанкшн сити, то здесь я просто был еще одним Плохим Ребенком, который жил жизнью пьяницы и бездельника. Люди, которых я знал всю жизнь, обычно переходили на другую сторону улицы, чтобы не встретиться со мной, если они видели, что я иду. В те дни я был крепкий как орел, но пьянство все равно подтачивало меня, а то, чего не лишало меня пьянство, забирала Аделия Лорти.

Я не раз задавал себе вопрос, не хочет ли она получить то, что ей нужно от меня, но нет, этого не было. Возможно, для этого я ей не очень подходил... но я думаю, дело было не в этом. Я не думаю, что она любила меня — я не думаю, что Аделия могла любить кого-либо — но я *уверен*, что она была одинока. Я думаю, она прожила очень долгую жизнь, если это можно назвать жизнью, и что она...

Но Дейв не стал продолжать. Его искривленные пальцы нервно забарабанили по коленям, его взгляд опять устремился куда-то вдаль в поисках зерноэлеватора, как бы ища успокоения и поддержки.

Партнеры — вот, кажется, наиболее подходящее слово. Думаю, что за ее долгую жизнь у нее было несколько партнеров, но мне кажется, что после приезда в Джанкшн Сити у нее не было ни одного. Не спрашивайте, что она такое говорила мне, если я почувствовал это, потому что я просто не помню. Все это ушло в прошлое, как и многое другое. Но я почти уверен, что это так. Для этого она и держала меня при себе.

И я почти уверен, что ушел бы вместе с ней, если бы ее не вывели на чистую воду.

— А кто вывел ее на чистую воду, Дейв? — спросила Нейоми, наклонившись вперед.

— Кто?

— Помощник шерифа Джон Пауэр. В те дни шерифом округа Хоумстед был Норман Бимэн, и сильным аргументом Норма, как мне известно, было то, что он был против того, чтобы шерифов назначали, а не избирали. Избиратели выбрали его на эту должность, когда он вернулся в Джанкшн Сити в 1945 с полным чемоданом наград, которые он получил, когда армия Паттона входила в Германию. Вояка он был что надо, но вот как шериф округа он гроша ломаного не стоил. А вот что у него было, так это белозубая улыбка во весь рот и полно дерьма, которого хватило бы на двоих. И, конечно, он был республиканцем. А в *округе Хоумстед* это всегда было самым главным. Мне кажется, Норма и сейчас выбирали бы, если бы его не прикончил удар в парикмахерской Хьюи летом 1963. Вот это я помню отчетливо; прошло некоторое время с тех пор, как Аделии не было со мной, и я стал немного приходить в себя.

Было два ключа к успеху Норма — я имею в виду помимо его широкой улыбки и дерьма в кишках. Во-первых, он был честным. Насколько я знаю, он и гроша чужого не брал. Во-вторых, обязательно хоть у одного из помощников шерифа, которые подчинялись ему, хорошо работала голова, но при этом он не стремился занять его высокую должность. С такими ребятами он всегда был квит — каждый получал очень солидную рекомендацию, если хотел уйти и продвинуться по службе. Норм сам относился очень бережно к своей репутации. Мне кажется, если посмотреть, то можно было найти шесть—восемь шефов городской полиции и полковников из Государственной службы полиции в разных концах Среднезападной части, которые провели здесь, в Джанкшн Сити, два—три года, вкалывая на Норма Бимэна. Всех, кроме Джона Пауэра. Его нет в живых. Если бы вы посмотрели на некролог, вы бы увидели, что он умер от сердечного приступа, хотя ему не было и тридцати, и он не имел никаких вредных привычек, от ко-

торых некоторые загибаются довольно рано. Я-то знаю правду — никакой не сердечный приступ свалил Норма, у него был такой же «сердечный приступ», что и у Лэвина. Это она убила его.

— А откуда ты знаешь, Дэйв? — спросил Сэм.

— Я знаю, потому что в тот последний день в библиотеке предполагалось убить *трех* детей.

Голос Дейва был, по-прежнему, спокойным, но Сэму в нем слышался тот ужасный страх, в котором этот человек так долго жил, как бы находясь чуть ниже поверхности, как низковольтный электрический заряд. Если даже предположить, что лишь половина из рассказанного Дейвом сегодня днем — правда, то все эти последние тридцать лет он должен был жить под гнетом такого страха, который Сэму невозможно было даже вообразить. Неудивительно, что он пристрастился к бутылке, чтобы не давать выход самому страшному.

«Двое все-таки умерли — Патси Харриган и Том Гибсон. Смертью третьего я должен был бы расплатиться за то, что буду допущен в тот цирк, в котором Аделия Лортц была инспектором манежа. Ей нужен был третий, потому что эта *третья* направила свет прожектора на Аделию как раз тогда, когда та больше всего хотела действовать в темноте. Эта третья и должна была стать моей, так как ей больше не разрешалось посещать библиотеку, и Аделия сомневалась, что сможет оказаться поблизости от нее. Тем треггем «Плохим беби» была Тэнси Пауэр, дочь помощника шерифа.

— Ты говоришь не о Тэнси *Райэн*? — спросила Нэйоми, и в ее голосе почти слышалась мольба.

— Да, о ней. Тэнси Райэн из почты. Та Тэнси Райэн, которая приходит на наши встречи. Тэнси Райэн, которая раньше была Тэнси Пауэр. Очень многие из тех, что в детстве посещали «Час сказки», сейчас так или иначе связаны с АА.

Сара — думай об этом что хочешь. Летом 1960 года я был близок к убийству Тэнси Пауэр... и это не самое ужасное. Но пусть лучше б уж было.

8

Нэйоми, извинившись, вышла. Прошло несколько долгих минут, когда Сэм поднялся, чтобы пойти за ней.

— Пусть побудет одна, — сказал Дейв — Она чудесная женщина, Сэм, но ей нужно немного времени, чтобы прийти в себя. И тебе бы нужно было, если бы ты неожиданно узнал, что один из членов определяющей для твоей жизни организации однажды был близок к убийству твоего лучшего друга. Пусть она побудет там. Она вернется — Сара сильная.

Через несколько минут она действительно вернулась. Она умылась — волосы у висков еще не высохли — и несла поднос с тремя стаканами чая со льдом.

— Что ж, дорогая, наконец-то переходим к более существенным вещам? — сказал Дейв.

Нэйоми из всех сил попыталась ответить улыбкой на улыбку. — «Это точно, я просто больше не могла терпеть».

Сэм счел то, что она сделала, не просто хорошим, но благородным поступком. И все равно, лед говорил со стеклом стаканов взволнованным языком коротких, отрывистых фраз. Сэм снова встал и взял поднос из ее дрожащих рук. Она посмотрела на него с благодарностью.

— Ну, а теперь, — сказала она, усаживаясь, — заканчивай, Дэйв. Расскажи все до конца.

9

«Очень многое из того, что осталось рассказать, говорила мне она сама», — продолжал Дейв, — «потому что к тому времени у меня не было возможности видеть своими глазами то, что происходило. Где-то в конце 1959 года Аделия сказала, что мне больше нельзя ходить в Публичную библиотеку. Она сказала, что если увидит меня там, то выставит оттуда, а если я буду торчать поблизости, натравит на меня полицейских. Она сказала, что я становлюсь слишком жалким и потрепанным на вид, и люди начнут болтать, если увидят, что я захоживаю туда.

«Болтать о тебе и обо мне?» — спросил я. — «Аделия, кто поверит в это?»

«Никто», — сказала она. «Меня беспокоят не разговоры обо мне и о тебе, идиот».

«А что же тогда, что?»

«Разговоры о тебе и детях», — сказала она. Тогда я, наверное, впервые понял, как низко я пал. Ты видела, в какой яме я был все те годы с тех пор, как мы с тобой стали ходить на встречи АА, Сара, но ты никогда не видела меня падшим настолько низко. И я рад этому.

Тогда остался только ее дом. Это было единственное место, в котором мне было разрешено видиться с ней, а единственное время — после наступления темноты. Она велела мне добираться к ней если по дороге, то не ближе, чем до Ордей фарм. Оттуда мне надо было идти напрямик через поле. Она говорила, что узнает, если я буду пытаться обманывать ее в этом, и я верил ей — когда эти ее серебристые глаза становились красными, Аделия видела все. Я, как правило, появлялся между одиннадцатью и часом дня — это зависело от того, сколько у меня было выпить, я обычно промерзал до костей. Не могу многое рассказать о тех месяцах, но могу сказать, что в 1959 и 1960 в штате Айова была чертовски холодная зима. Было много ночей, когда, я полагаю, и трезвый человек замерз бы там, в этих кукурузных полях.

Такой проблемы не было в ту ночь, о которой я хочу рассказать дальше, хотя к тому времени уже наступил июль 1960 года

и стояла адская жара. Помню, как выглядела в ту ночь луна, огромная и красная, она повисла над полями. Казалось, что все собаки округа Хоумстед кидались на луну.

Идти в дом к Аделии в ту ночь было все равно, что залезть под юбку к бешеной вьюге. Ту неделю — да, пожалуй, целый месяц — она была вялой и сонливой, но только не в ту ночь. В ту ночь сна у нее не было ни в одном глазу, и она кипела от ярости. В таком виде я ее не видел с вечера того дня, когда мистер Лэвин велел ей снять картинку с Красной Шапочки, потому что она вызывала у детей страх. Сначала она даже не заметила меня. Там, внизу, она расхаживала взад и вперед голая, в чем мать родила, если она вообще когда-либо родилась, опустив голову и сжав руки в кулаки. Она совсем обезумела от злости. Обычно она укладывала волосы в старомодный пучок, когда была дома, но они были распущенными, когда я вошел в дом через кухонную дверь, и от ее быстрой ходьбы они развевались сзади. Слышно было, как они издавали слегка потрескивающий звук, как будто были наэлектризованы. Ее кроваво-красные глаза светились, как огни на железной дороге. (В старые времена их размещали вдоль путей, когда в каком-нибудь месте было нарушено движение.) Так вот ее глаза были как эти огни. Ее тело лоснилось от пота, и хотя сам я был «хорош», я чувствовал запах, который исходил от нее, от нее несло, как от рыси во время течки. Помню, что я видел, как большие маслянистые капли скатились с ее груди и живота. А бедра просто блестели от пота. Это была одна из тех тихих, удушливых ночей, которые бывают иногда в наших местах летом, когда стоит такой насыщенный запах зелени, что распирает грудь и кажется, будто с каждым глотком воздуха проглатываешь шелковистые волоски кукурузы. В такие ночи хочется, чтобы грянул гром, засверкала молния и пошел ливень, но их нет. По крайней мере, хотелось бы сильного ветра, и не потому что он бы немного охладил вас, а просто легче было бы перенести шелест кукурузы, звук, с которым она выбивается из-под земли со всех сторон от тебя, куда ни посмотри. Это как звук, с которым немощный старец утром пытается встать с постели, не потревожив жену.

И тогда я заметил, что на этот раз ее глаза выдают не только безумие, но и страх — кто-то посеял в ней чувство страха Суда Господня. И эта перемена в ней становилась все заметнее. С ней произошло что-то такое, что привело ее в раж. Не то, чтобы она стала выглядеть старше; просто она была уже не *та*. Волосы поредели и стали как у ребенка. Под ними проглядывала кожа головы. А над кожей лица как бы образовался новый слой кожи — тонкая, призрачная паутинка — у щек, около ноздрей, в уголках глаз, а еще между пальцами. Лучше всего это было заметно в том месте, где была складка. А когда Аделия ходила, эта паутинка слегка колыхалась. Вы хотите услышать что-нибудь совершенно

невероятное? Когда теперь у нас в городе устраивают окружную ярмарку, я страшно не люблю оказываться рядом с прилавками, где продают волокнистые конфеты. Вы знаете на каком аппарате они их делают?

Шарик, наподобие пончика, много раз вращается по кругу, рабочий вставляет в него бумажный рожок и накручивает на него розовое сахарное волокно. Вот *такой* начинала выглядеть у Аделии кожа — из-за тонких нитей волокнистого сахара. Мне кажется, я знаю, что это было. Она делала то же самое, что гусеницы перед тем, как уснуть. Она закутывала себя в кокон.

Я немного постоял в дверях, глядя, как она ходит по комнате взад и вперед. И она не замечала меня довольно долго. Пыталась обойти те препятствия, на которые наткнулась. Два раза грохнула кулаком об стену, да так сильно, что пробила ее насквозь — обои, штукатурку и обшивку. Звук был такой, будто кости ломаются, но, видимо, ей было совсем не больно, и не было нисколько крови. И каждый раз она пронзительно кричала, но не от боли. То, что я слышал, был вопль обзленной и обессиленной кошки... но, как я сказал, помимо злости, в нем был еще и страх. И что же вы думаете она выкрикивала? Имя того помощника шерифа.

Она выкрикивала: «Джон Пауэр!» — и бах! — по стене. И кулаком насквозь пробивала стену. — Провались ты пропадом, Джон Пауэр! Я отучу тебя совать нос в мои дела! Хочешь посмотреть на меня? Чудесно! Так я научу тебя, как это делать! Я научу тебя, мой малыш!» И снова начинала ходить, почти бегом, при этом так грохотала по полу босыми ногами, что весь дом ходил ходуном. Ходила и что-то бормотала про себя. Потом рот искривлялся, глаза начинали излучать красный свет, ярче обычного, и снова — бах! по стене кулаком, так, что пробивала в ней дыру, и оттуда с легким шуршанием сыпалась раздробленная штукатурка «Джон Пауэр, только попробуй!» — злобно рычала она. «Только попробуй перейти мне дорогу!»

Пропутешествовав таким образом по дому раза четыре или пять, она оказалась у двери на кухню и неожиданно увидела меня. Она впилась в меня своим взглядом, рот стал вытягиваться и принимать форму конуса — только на этот раз он весь был покрыт дымчатой паутиной, — и я подумал, что мне пришел конец. Если она не могла добраться до Джона Пауэра, значит на его месте окажусь я.

Она направилась ко мне, но в этот момент я на чем-то поскользнулся и упал прямо рядом с дверью. Она увидела это и остановилась. Красный свет в ее глазах потух. Она изменилась в мгновение ока и уже говорила со мной так, будто она закатила костюмированный вечер с коктейлями и я пришел на него, а не посреди ночи к ней домой, где она рассказывает голый и время от времени прошибает дыры в собственных стенах.

Она говорит: «Дейви! Как я рада, что ты пришел! Выней-ка стаканчик. А может быть два?»

Она готова была убить меня — видно было по глазам — но я ей был нужен не как партнер, теперь уже нет. Я ей был нужен, чтобы убить Тэнси Пауэр. Она знала, что сможет разделаться с полицейским, но ей хотелось, чтобы еще до того, как она прикончит его, он узнал о смерти своей дочери. И для этого ей был нужен я.

«Времени мало», — сказала она. — «Ты знаком с этим помощником Пауэром?»

Я сказал, что вероятно да. Несколько раз он арестовывал меня, когда заставлял пьяным в общественных местах.

«Ну и что он из себя представляет?» — спросила она.

«Неотесанный, но очень хороший человек,» — отвечаю я

«Ну и катитесь вы с ним вместе!»

На это я ничего не ответил. Решил, что умнее будет промолчать.

«Этот болван пришел сегодня днем в библиотеку и сказал, что хочет посмотреть мои рекомендательные письма. И без конца задавал мне вопросы. Хотел узнать, где я была до того, как пришла в Данкин Сити, где ходила в школу, где выросла. Ты бы только видел, как он смотрел на меня, Дейви — я научу его, как нужно правильно смотреть на женщину. Вот увидишь.»

«Смотри, не промахнись с помощником Пауэром,» — сказал я. — «Мне кажется он ничего не боится.»

«Ошибаешься. Он боится меня. Просто он еще не знает этого,» — сказала она, но в ее глазах снова вспыхнул страх. Он выбрал самое неудачное время для таких вопросов, ведь она готовилась к периоду сна и перемен, а это некоторым образом ослабляло ее.

— Аделия рассказывала тебе, как он раскусил ее? — спросила Нейоми.

— Элементарно, — сказал Сэм. — Наверное, рассказала дочь.

— Нет, — сказал Дейв. — Я не спрашивал — разве можно было, когда она в таком состоянии — но не думаю, что ему рассказала об этом Тэнси. Да она бы и не смогла, по крайней мере, настолько подробно. Когда они уходили из Детской комнаты, они уже ничего не помнили из того, что она им рассказывала... и что с ними делала. И дело не в том, что они ничего не помнили — она закладывала в их память «воспоминания» о том, чего на самом деле не было поэтому они уходили домой веселые и счастливые. Большинство родителей так и считали Аделию чуть ли не самым замечательным явлением за время существования городской библиотеки.

— Я думаю, она что-то взяла от Тэнси, и именно это насторожило ее отца. Наверное, перед тем, как пойти к Аделии в библиотеку, помощник Пауэр провел неплохое расследование. Не знаю, какие изменения он мог заметить в Тэнси, ведь не все дети были бледными и вялыми, как те, у кого высасывают кровь в фильмах

о вампирах. И на шеях у ребят не было никаких следов. Но все равно, что-то она забирала у них, и Джон Пауэр понял или почувствовал это.

— Даже если он и заметил что-то, почему он заподозрил Аделию? — спросил Сэм.

— Я уже говорил, что у него было острое чутье. Наверное, он задавал Тэнси какие-то вопросы — не прямые вопросы, а так, вскользь, если вы понимаете, что я имею в виду — а вот ответы, вероятно, подсказали нужное направление. Когда он пришел в библиотеку, он еще ничего не знал, но кое-что подозревал. Достаточно много, чтобы устроить Аделии испытание. Помню, что бесило ее больше всего — и пугало больше всего-то, как он смотрел на нее. «Я научу тебя как надо смотреть на меня». — говорила она. Повторяла это много раз. Я и сейчас думаю, что впервые около нее оказался человек, который смотрел на нее с нескрываемым подозрением и который был готов сорвать с нее маску. И уж точно это крепко напугало ее. И уж точно она начала задумываться, не теряет ли окончательно свою способность воздействовать.

— Может быть он поговорил и с другими детьми, — нерешительно проговорила Нейоми. — Рассказы детей и их ответы, наверное, не совсем совпадали. Может быть, они и ее воспринимали по-разному. Так же как вы с Сэмом по-разному воспринимали ее.

— Могло быть и так — все могло быть. Что бы там ни было, он так перепугал ее, что это ускорило осуществление ее планов.

«Завтра я пробуду в библиотеке весь день», — сказала она мне. — «Я буду весь день на глазах у людей. Ну а ты, Дейви, нанесешь визит помощнику Пауэру у него дома. Будешь выжидать момент, когда рядом с ребенком никого не будет — уверена, что на это понадобится немного времени — и тогда ты схватишь ее и убежишь с ней в лес. Делай с ней что хочешь, но только не забудь, что в конце ты должен перерезать ей глотку. Перережешь ей глотку и оставишь там, где ее нетрудно будет найти. Хочу, чтобы этот ублюдок узнал до того, как я увижу его.»

— Что я мог сказать? Вероятно, было лучше, что я лишился дара речи, потому что, что бы я ни сказал, она восприняла бы это не правильно, и тогда бы моей голове не сдобровать. Я просто сидел за кухонным столом, держал свой стакан и смотрел на нее, а она приняла мое молчание как знак согласия. А потом мы отправились в спальню. В последний раз. Я помню, как думал, что меня с ней ничего не получится; что если мужчина испытывает страх, у него ничего не получится. Но все было прекрасно, слава богу. Аделия была просто обворожительна. Мы повторяли это много-много раз, пока, в какой-то момент я или заснул, или отключился. И следующее, что я помню, было то, как она, пиная меня босыми ногами, стаскивала с кровати прямо на то место, куда падали ранние лучи солнца. Было половина седьмого, в же-

лудке было противно как после наркотиков, а голова болела как от нарыва.

«Тебе пора идти по своим делам», — сказала она. «И смотри, Дейви, не попадайся никому на глаза, когда будешь возвращаться в город. Помни, что я говорила тебе. Возьми ее сегодня же утром. Уведи в лес и прикончи. До темноты не показывайся. Если попадешься раньше, я ничем не смогу помочь. Но если придешь сюда, будешь в безопасности. Сегодня я должна проверить, чтобы завтра в библиотеке была пара ребятишек, хотя она закрыта. Мне их уже отобрали, двух отпрысков, самых гадких в городе. Мы вместе пойдем в библиотеку... они придут..., а когда все это дурачье найдет нас, они решат, что мы умерли. Но мы с тобой не умрем, Дейви; мы станем свободными. Вот можно будет посмеяться над ними, правда?»

И она рассмеялась. Она сидела голая на кровати, а я лежал, поверженный, у нее в ногах, как крыса, проглотившая отравленную приманку, и слышал, как она смеется и не может остановиться. Но вот ее лицо снова стало как у насекомого. Вылез хоботок, почти такой же как рог у викинга, а глаза ушли куда-то в сторону. И тут я почувствовал, что вот-вот меня вывернет и я едва успел добежать до ее плюща, а вслед мне она смеялась и никак не могла остановиться.

Я стоял около дома и одевался, когда услышал ее голос из окна. Я не видел ее, но хорошо слышал. «Не подведи меня, Дейви,» — сказала она. — «Смотри, не подведи, иначе я убью тебя. А умирать тебе придется медленной смертью.»

«Я не подведу тебя, Аделия,» — сказал я, но даже головы не повернул в ту сторону, где она выглядывала из окна спальни. Я видеть ее больше не мог. Моему терпению пришел конец. И все же... подсознательно, я хотел уйти вместе с ней даже если бы прежде надо было лишиться рассудка, и в целом я был склонен уйти с ней. Если только в ее планы не входило подставить меня, свалить на меня всю ответственность. Я бы не оставил ее в беде. Я бы ничем ее не обременил.

И вот я пошел через кукурузное поле в направлении Джанкши Сити. Обычно эти прогулки меня немного отрезвляли, бывало пропотеешь — и похмелье не так страшно. Но в этот раз все было не так. Дважды пришлось остановиться, потому что меня выворачивало наизнанку, причем во второй раз так, что я думал этому не будет конца. Но конец наступил, однако то место в кукурузе, где я остановился, оказалось залито кровью, так что когда я вернулся в город, голова раскалывалась и двоилось в глазах. Мне казалось, что я умираю, но в голову без конца приходили слова, которые она сказала: «Делай с ней что хочешь, но только не забудь, что в конце ты должен перерезать ей глотку.»

Я не хотел причинять Тэнси Пауэр никакой боли, но знал, что все равно этого не избежать. Не смог бы воспротивиться тому, что нужно было Аделии... и тогда буду навеки проклят. А хуже

всего будет, думал я, если Аделия говорит правду, и я буду продолжать жить... жить чуть ли не вечно, но с этим бременем.

В те времена на железнодорожной станции было два товарных склада и погрузочная платформа, которой пользовались довольно редко. Я залез под нее с северной стороны второго из этих складов, чтобы поспать пару часиков. Поэтому когда я проснулся, то чувствовал себя немного лучше. Я понимал, что безнадежно пытаться помешать ее плану, поэтому отправился к дому Джона Пауэра, чтобы выследить и похитить эту малышку. Я шел прямо по центру города и ни на кого не смотрел. Меня не покидала мысль: «Я могу все сделать так быстро, что она ничего не поймет — по крайней мере это-то я могу сделать. В один миг задушу и конец.»

Дейв снова достал цветастый носовой платок и вытер лоб. Было видно, как сильно дрожала его рука.

И вот я дошел до магазина товаров для детей. Теперь его нет, а в то время сразу за этим магазином на О'Кейн стрит снова начинался жилой район. Мне осталось пройти около четырех кварталов, и мои мысли были о том, что я подойду к дому Пауэра и увижу во дворе дома Тэнси. Она будет одна, а лес совсем рядом.

Но заглянув в витрину магазина, я оцепенел от того, что в ней увидел: груда тел убитых детей, все с открытыми глазами, выкрученными руками и перебитыми ногами. Я не удержался и вскрикнул, но тут же зажал рот рукой. Тогда я закрыл глаза и, когда открыл их, увидел, что это всего лишь охалка кукол, которые старая миссис Сигер собирается выставить в витрине. Она увидела меня и замахала на меня одной из них, мол проваливай отсюда, пьянчуга. Но я не ушел. Я не отрываясь смотрел на этих кукол. Тогда я попытался внушить себе, что это всего лишь куклы и больше ничего; любому было ясно. Но когда я еще раз закрыл глаза, а потом снова открыл, передо мной опять были те мертвые тела. Миссис Сигер, сама того не зная, раскладывала на витрине магазина для детей целую охалку маленьких трупов. У меня возникло ощущение, что кто-то пытается таким способом передать мне информацию и, возможно, она состояла в том, что все еще не слишком поздно. Наверное, я не смог бы остановить Аделию, а может быть и смог. Но даже если бы и нет, возможно, мне удалось бы устоять и не позволить ей увлечь меня за собой в пропасть.

— Именно тогда Сара, я первый раз стал молиться. Я молился о том, чтобы Господь дал мне мужества. Я не хотел убивать Тэнси Пауэр, более того — я хотел их всех спасти, если это было в моих силах.

Я повернул назад и прошел один квартал в сторону центра, туда, где теперь находится станция «Тексако». По дороге туда я остановился и поднял из канавы несколько камешков. Рядом со станцией стояла телефонная будка — она и теперь там стоит, насколько я помню. Я зашел в нее и только тут понял, что у меня

нет ни цента. На всякий случай проверил «Возврат монет». Там оказался десятицентовик. С того самого утра, когда кто-нибудь говорит мне, что не верит в существование Бога, я вспоминаю, что я испытал, когда сунул пальцы в щель «Возврата монет» и нашёл монету в десять центов.

Сначала я думал позвонить миссис Пауэр, но потом решил, что лучше позвонить шерифу. Кто-нибудь передаст сообщение Джону Пауэру, и если он был такой бдительный, каким его считала Аделия, он смог бы предпринять нужные меры. Я закрыл за собой дверь будки и отыскал нужный номер — это было еще тогда, когда в телефонной будке можно было обнаружить справочник телефонных номеров, если повезет — и перед тем, как набрать номер, я засунул в рот те камешки, что подобрал раньше.

Трубку снял сам Джон Пауэр, и теперь мне кажется, что именно поэтому не стало Петси Хэrrигана и Тома Гибсона, поэтому не осталось в живых и Джона Пауэра, и поэтому не нашлось управы на Аделию. Я рассчитывал услышать диспетчера — в то время это была Ханна Веррил — я бы сказал ей все, что хотел, и она передала бы это помощнику шерифа.

И вместо этого я услышал, как жесткий, неприступный голос ответил: «Кабинет шерифа. Говорит помощник шерифа Пауэр. Чем могу служить?» — Я чуть не проглотил полный рот камней, и какое-то время не мог произнести ни одного слова.

А он говорит: «Проклятая малышня», — и я решил, что он вот-вот повесит трубку.

А я говорю: «Подождите!» Из-за этих камней я говорил так, будто у меня целый рот каши. «Пожалуйста, не вешайте трубку!»

— Кто говорит? — спросил он.

— Это не имеет значения, — отвечаю я. — Увезите из города свою дочь, если она вам дорога, или сделайте еще что-нибудь, но не подпускайте ее к библиотеке. Это серьезно. Ей угрожает опасность.

И после этого я повесил трубку. Вот так все это было. Если бы ответила Ханна, наверное, я смог сказать что-нибудь еще. Я бы назвал имена — Тэнси, Тома, Пэтси..., и Аделия тоже. Но он напугал меня. Мне казалось, что если я буду продолжать разговор, он сможет минуя расстояние, увидеть, как я стою, на другом конце провода, в этой телефонной будке, и почувствовать, что от меня несет, как от сивого мерина.

Я подставил ладонь, выплюнул все камни и быстро вышел из будки. Ее власть надо мной была сломлена — должно быть, благодаря этому звонку — но меня не отпускал панический страх. Вы когда-нибудь видели птицу, которая залетела в гараж, мечется в нем в поисках выхода, бьется о стены. Так и я. Я сразу же почувствовал, что меня больше не волнует ни Пэтси Хэrrиган, ни Том Гибсон, ни даже Тэнси Пауэр. Но я испытывал на себе взгляд Аделии. Чувствовал, что она уже все знает и преследует меня. Я хотел скрыться — да мне просто было необходимо

скрыться. И я пошел на Мейн стрит и, когда добрался до ее начала, оказалось, что я почти бегу. К тому времени, благодаря Аделии, в моей голове все перемешалось: Полицейский из библиотеки и темный мужчина — тот, кто управлял дорожным паровым катком, и машина, в которой сидел Простак Саймон. Я ожидал, что все трое того и гляди вырвут на Мейн стрит в старом «бьюике» «Темного», разыскивая меня.

Я выбрался к железнодорожному депо и снова залез под грузовую платформу. Там я свернулся в комок, дрожа с головы до ног, и даже пустив слезы, с ужасом ожидая того, что вот-вот она придет и покончит со мной. Я все время думал, что стоит мне поднять взгляд, как я увижу ее любопытные глаза, заглядывающие под бетонную юбку платформы, глаза, испускающие красный свет, и рот, превращающийся в нечто вроде хобота.

Я дополз до самого дальнего угла и под грудой сухих листьев, затянутых паутиной, нашел полкувшина вина. Я припрятал его там бог знает когда, и совсем о нем забыл. Три большие глотка — и вина как не бывало. Затем я пополз обратно к тому месту, откуда залез под эту платформу. Но на полпути я совершенно отключился. А когда проснулся, то сначала подумал, что время как бы остановилось, потому что ни свет, ни тени не изменились. А вот головная боль прошла, и желудок жаждал пищи.

— Ты проспал целые сутки, да? — догадалась Нейомн.

— Нет — почти двое. Я позвонил в кабинет шерифа около 10 часов в понедельник утром. Когда я очухался там под платформой, не выпуская из руки пустой кувшин, была как раз среда, половина восьмого утра. Только это был не сон. На самом деле не сон. Нужно помнить, что запой у меня длился не день и не неделю. Я не просыхал почти два года, и дело не только в этом — тут все: и Аделия, и библиотека, и дети, и «Час сказки».

Два года меня крутило в этой адской карусели. Наверное, то мое «я», которое все еще влекло меня к жизни и здравомыслию, решило, что мне осталось одно — на какое-то время исчезнуть и отключиться. И когда я проснулся, все уже было позади. Тела Петси Хэрриган и Тома Гибсона еще не обнаружили, но все равно, все было позади.

Мне это было ясно раньше, чем я высунул свой нос из-под той самой платформы. Во мне образовалась какая-то пустота, наподобие углубления в десне после того, как выпадет зуб. Только пустота эта была в моем *рассудке*. И я понял. Ее больше нет для меня. Аделии больше нет. Я выполз оттуда едва живой, и снова от чувства голода.

Тут мне на глаза попался Брайн Келли; в то время он был фрахтовым мастером. Он пересчитывал какие-то мешки на другой погрузочной платформе и делал пометки в специальной карте. Каким-то образом я доплелся до него. Но он посмотрел на меня с нескрываемым отвращением. Было время, когда мы угощали друг друга стаканчиком вина в «Домино» — придорожной заку-

сочной, которая сгорела давным-давно, когда тебя, Сэм, тут еще не было — те времена давно прошли. Теперь перед ним стоял грязный, мерзкий пьяница, в грязных волосах — листья, а запах, который он испускает, что-то среднее между дерьмом и вином «Оулд Дьюк».

«Вали-ка ты отсюда, папаша, а не то я вызову полицию», — говорит он.

В этот день все было не так как раньше. Ведь падая, пьяница всегда ударяется о какой-то новый выступ. В тот день я впервые попросил милостыню. Я спросил его, нет ли у него лишних двадцати пяти центов на чашку джоу и какой-нибудь бутерброд. Он залез в карман и вытащил немного мелочи. Но он не передал ее мне из рук в руки. Он подбросил ее вверх так, что она просто полетела туда, где я стоял. Мне пришлось наклониться и выковыривать монеты из шлама. Я не думаю, что он бросил деньги для того, чтобы унижить меня. Он просто не хотел прикасаться ко мне. Так что я его не виню.

Когда он увидел, что я подобрал все монеты, он сказал: «Давай-ка выметайся, папаша. И если я еще раз увижу тебя здесь, я уж точно вызову полицию».

«Конечно», — сказал я и ушел. Он так и не узнал меня. И я очень рад.

На пути к ресторану мне встретился газетный киоск, где я увидел внутренний разворот вышедший в тот день «Газетт». Тогда-то я понял, что пробыл в забытии не один день, а два. Число не имело для меня особого значения — к тому времени меня вообще не интересовали календари — но я знал, что, когда Аделия ногами вытолкала меня с кровати в тот последний раз, и когда я сделал тот звонок, был понедельник.

И тут я увидел заголовки. Похоже было, что я проспал день самых важных событий в истории Джанкшин Сити. На одной полосе был такой заголовок: «Поиск пропавших детей продолжается». Там же были фотографии Тома Гибсона и Пэтси Хэрригэн. На другой полосе был такой заголовок: «Следователь округа заявляет: «Помощник шерифа скончался от сердечного приступа». Внизу была фотография Джона Пауэра.

Я взял один экземпляр газеты, и сверху на стопке оставил пятицентовик; раньше, когда люди доверяли друг другу, все так обычно делали. Я тут же уселся на обочине и прочел обе статьи. Та, что о детях, была короче. А дело было в том, что о детях еще не начали беспокоиться — шериф Бимэн рассматривал этот случай как побег из дома.

Она и детей выбрала подходящих, оба — настоящие хулиганы, а ведь, как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Они вечно ходили друг за другом. Жили в одном квартале, и в статье было написано, что за неделю до случившегося у них были неприятности: мать, Пэтси Хэригена застала их, когда они курили в сарае. И Гибсона в штате Небраска был какой-то дядюшка, фермер,

и Норм Бимэн был почти уверен, что именно туда они и отправились — я вам уже говорил, что соображал он туго. Да и откуда ему было знать? Относительно одного он был прав — такие как они не проваливаются в люки и не тонут в Провербиа Ривер. Но я-то знал, где они. Это Аделия снова сделала свое черное дело. Я знал, что их троих найдут вместе, и в этот же день, чуть позднее, так и вышло. Я спас Тэнси Пауэр и уцелел сам, но это мало утешало меня.

Статья о Помощнике Пауэре была длиннее. Она по порядку шла второй, потому что Пауэра обнаружили в понедельник только в конце дня. Поэтому в газете, вышедшей во вторник, сообщалось о его смерти, но ничего не было о причине смерти. Его нашли около мили западнее фермы Ордей. Он сидел, откинувшись, за рулем своей патрульной машины. Это место я знал неплохо, потому что именно здесь я сходил с дороги и через кукурузное поле шел к Аделии.

Мне было понятно все, что было неясно из статьи. Джон Пауэр был человек, который не тратил времени попусту, должно быть он отправился к Аделии домой как только я повесил трубку в той телефонной будке. Возможно, сначала он позвонил жене, чтобы та не выпускала Тэнси из дома пока он не позвонит. Конечно, этого в газете не было, но я уверен, что так оно и было.

Когда он приехал туда, она, вероятно, поняла, что я выдал ее, и ее карта бита. Поэтому она убила его. Она... она задушил его в своих объятиях, так же, как и мистера Лэвина. Он был как дерево с непроницаемой корой — я уже говорил ей об этом — но у клена кора тоже очень прочная, поэтому, если глубоко пронзить ее, можно выкачать из дерева все его жизненные силы. Нетрудно вообразить, как глубоко она его пронзила.

Когда он был уже мертв, она, по-видимому, отвезла его в собственной машине на то место, где его потом нашли. И хотя в это время движение на магистрали Гарсон Роуд обычно небольшое, на это потребовалось большая смелость. А что же еще ей оставалось делать? Позвонить в кабинет шерифа и сказать, что у Джона Пауэра произошел сердечный приступ во время разговора с ней? Это вызвало бы массу вопросов как раз тогда, когда она хотела уйти в тень. А даже Норм Бимэн стал бы интересоваться, почему это Джон Пауэр так летел, сломя голову, чтобы поговорить с городским библиотекарем.

Поэтому она съехала с Гарсон Роуд, съехала в сторону почти до фермы Ордей и оставила машину в кювете. После этого она вернулась к себе тем же путем, каким все время ходил я — через кукурузное поле.

Дейв посмотрел на Сэма потом на Нейоми, потом снова перевел взгляд на Сэма.

— И я точно знаю, за что она после этого принялась. Она принялась искать меня.

Я не хочу сказать, что она вскочила в свою машину и стала

кружить по Джанкшин Сити и заглядывать во все те дыры, где я обычно торчал; у нее в этом не было необходимости. Сколько раз за эти годы она появлялась именно там, где я был. А иногда с кем-нибудь из детей присылала запечатанную записку. Причем я мог сидеть на груде ящиков за парикмахерской, или удить рыбу, или валяться в стельку пьяным за товарным складом. Это не имело значения. Она все равно знала, где меня можно найти. В этом она тоже преуспевала.

Но вот в тот последний раз, когда я по-настоящему был ей нужен, все получилось по-иному — я знаю почему. Я уже говорил, что после того звонка я не заснул и не потерял сознание; было похоже, что я просто перестал существовать. И когда она попыталась подключить к поискам свое особое чутье, оно не уловило меня. Уж не знаю, сколько раз этот особый нюх приводил ее к тому месту, где я лежал, да и знать не хочу. Знаю только, что если бы ей удалось разыскать меня, то увидел бы перед собой какого-нибудь малыша со сложенной записочкой. Это было бы очень в ее духе, но невозможно представить как бы она поступила со мной за то, что я нарушил ее планы.

Вероятно, она все равно отыскала бы меня, будь у нее на это больше времени, но вышло по-другому. Во-первых, у нее уже были намечены планы. И потом, в ней очень быстро назревали изменения. Приближалось наступление ее вечного сна, и она не могла тратить свое ценное время на поиски. Кроме того, она, вероятно, знала, что позднее у нее будет еще один шанс. И теперь этот шанс появился.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Сэм.

— Нет, понимаешь, — ответил Дейв. — Кто взял те книги, из-за которых ты попал в эту переделку? Кто отправил их на макулатуру вместе с твоими газетами? Это был я. А тебе не кажется, что она знает об этом?

— Ты думаешь, что она все еще нуждается в тебе? — спросила Нейоми.

— Да, но не так, как это было раньше. Теперь она нуждается только в моей смерти. — Он повернулся: и его умные, печальные глаза остановились на Сэме. — А теперь она нуждается в тебе.

Сэм несколько смущенно засмеялся. — Не сомневаюсь, что лет тридцать назад она могла вскружить голову кому угодно. — сказал он. — Но ее годы ушли. И вообще она не в моем вкусе.

— Наверное, ты не так меня понял, — сказал Дейв. — Ты ей нужен, Сэм, не для того, чтобы спать с тобой, а для того, чтобы стать твоей сутю.

Прошло несколько секунд, прежде чем Сэм сказал: «Постой, подожди минутку».

«Ты же слышал, что я сказал, но не совсем осознал это», —

сказал ему Дейв. И в голосе его слышалась нетерпеливость, но и усталость, ужасная усталость. — «Ну давай, я тебе еще кое-что расскажу».

После того как Аделия убила Джона Пауэра, она отвезла его тело достаточно далеко, не желая первой попасть под подозрение. В тот день, как всегда, она открыла библиотеку. Отчасти оттого, что если виновный в преступлении не возвращается в привычной для него обстановке, у него все написано на лице. Изменения в ней уже начинали проявляться и *ей было просто необходимо воспользоваться жизненными силами этих детей*. Только не спрашивай почему, этого я не знаю. Возможно, она как медведь, который перед зимней спячкой должен насытиться впрок. Но я точно знаю, что ей нужно было, во что бы то ни стало, провести в тот понедельник «Час сказки»... и она провела его.

В какой-то момент, во время «Часа сказки», когда дети сидели вокруг нее, полностью отключившись под ее воздействием, она сказала Тому и Пэтси, что им нужно прийти в библиотеку во вторник утром, несмотря на то, что летом по вторникам и четвергам библиотека не работала. Они пришли, и тогда она поглотила их жизненные силы, а сама погрузилась в сон, тот сон, который очень напоминает смерть. А тут через тридцать лет появляешься ты, Сэм. Ты знаком со мной, а Аделии нужно свести со мной счеты, вот отсюда все и идет... но здесь кое-что еще и лучше. Ведь ты тоже знаешь о полиции в библиотеке.

— Но я не знаю, откуда...

— Нет. Ты знаешь откуда тебе это известно, и от этого ты подходишь ей лучше, чем другие. Потому что есть тайны настолько отвратительные, что мы вынуждены скрывать их даже от самих себя... так вот для таких, как Аделия Лортц, эти тайны — лучше всяких других. Плюс к этому твои другие дивиденды: ты молод, неженат и у тебя нет близких друзей. Ведь это правда?

— До сегодняшнего дня это было так, — сказал Сэм, на немного задумавшись. — Я бы сказал, что те мои единственные друзья которых я приобрел здесь, в Джанкши Сити, переехали. Но считаю тебя, Дейв, и Нейоми своими друзьями. Настоящими. Самыми близкими.

Нейоми взяла руку Сэма и легонько сжала ее.

— Я ценю это, — сказал Дейв, — но это не имеет никакого значения, потому что в ее намерения входит лишить жизни нас с Сарой. Как однажды она выразилась «Чем больше народа, тем веселее». Она вынуждена уносить с собой человеческие жизни, чтобы преодолеть трудности перемен, а пробуждение — это для нее тоже перемена.

— Значит ты говоришь, что она собирается как-то завладеть Сэмом? — спросила Нейоми.

— Я хочу сказать, Сара, не только это. Думаю, что она будет пытаться уничтожить в Сэме все то, что делает его тем, что он есть. Мне кажется, что она попытается сделать с его сознанием

то же, что ребенок делает с тыквой к празднику Всех Святых, когда из тыквы все вынимается и получается фонарь с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта; и после этого она будет делать с ним все, что захочет. И после того, как это произойдет, — если произойдет так — он только внешне будет похож на человека по имени Сэм Пиблз, но он уже не будет человеком, так же как Аделия Лортц никогда не была человеком. В ней есть что-то нечеловеческое, нечто невидимое и неуловимое. Я с самого начала это чувствовал. Оно где-то глубоко, но всегда проявляется так или иначе. Откуда же взялась Аделия Лортц? Где жила до того, как приехала в Джанкши Сити? Я думаю, что если бы проверить, то можно было бы обнаружить, что все эти рекомендации, которые она показывала мистеру Лэвину — чистый обман, но никто в городе ничего не знал. Намерение Джона Пауэра разобраться в этом решило его судьбу. Но все же, как мне кажется, когда-то существовала настоящая Аделия Лортц... где-нибудь в Пас Кристиане, штат Мейн... и это нечто приняло ее облик и заставило ее действовать. А теперь она хочет сделать то же самое с нами. Если мы допустим это, то очень скоро, в каком-нибудь другом городе... Сан-Франциско, штат Калифорния... или Бутте, штат Монтана... или Кингстоне, штат Род-Айленд... появится человек по имени Сэм Пиблз. Большинству людей он будет нравиться. Детям он будет особенно нравиться... хотя не исключено, что они будут побаиваться его, необъяснимо и бессловесно.

И, конечно, он будет библиотекарем.

Глава двенадцатая

САМОЛЕТОМ В ДЕ-МОЙН

1

Сэм взглянул на свои часы и с ужасом увидел, что уже почти 3 часа дня. До полуночи осталось всего девять часов, и тогда снова придет тот человек с серебристыми глазами. А может быть, вернется Аделия Лортц. Или они оба.

— Как ты думаешь, Дейв, что мне делать? Может быть пойти на местное кладбище, найти там тело Аделии и продырявить ей сердце?

— Было бы очень забавно особенно потому, что она была кремирована.

— Ну и дела! — сказал Сэм с некоторой безысходностью и опять откинулся на спинку стула.

Нейоми снова взяла его за руку.

— В любом случае, ты ничего не предпримешь в одиночку, — с решительностью проговорила она. — Дейв говорит, что с нами она сделает то же, что и с тобой, но не это самое главное. В беде

друзья должны быть вместе. Вот в чем суть. Иначе какой во всем этом смысл?

Сэм поднес ее руку к своим губам и с благодарностью поцеловал ее.

— Спасибо, но не знаю, чем я мог бы помочь вам, а вы — мне. Похоже, что вообще невозможно что-либо сделать. Вот если только... — Он с надеждой взглянул на Дейва: — Если только мне совершить побег?

Дейв покачал головой.

— Она — или это «нечто» — все видит. Я уже говорил об этом. Наверное, к полуночи ты мог бы добраться почти до самого Денвера, если все время нажимать на газ, и при этом улизнуть от полиции, но будь уверен, что там, когда ты выйдешь из машины, тебя будет приветствовать Аделия. Или, когда проедешь одну — две мили в непроглядной темноте, ты увидишь на соседнем сиденье Полицейского из библиотеки.

Одна мысль об этом — абсолютно белое лицо и глаза с серебряным отливом в свете зеленых огоньков щитка управления заставила Сэма вздрогнуть.

— И что же тогда делать?

— Наверное, вы оба знаете, что нужно предпринять в первую очередь, — сказал Дейв. Он допил свой чай со льдом и поставил стакан на подоконник веранды. — Задумайтесь об этом и вы поймете.

И на какое-то мгновение их взгляды устремились в поле, туда, где стоял элеватор. В голове Сэма наступило полное смещение; в его памяти пронеслись лишь отдельные несвязанные обрывки рассказа Дейва Дункана, а в ушах раздавался голос Полицейского из библиотеки, который немного шепелявя говорил: «Я не желаю выслушивать ваши жалкие отговорки, вы должны не позднее полуночи... и тогда я снова приду».

И тут лицо Нейоми просияло. Ее осенила догадка.

— Конечно же! — воскликнула она. — Как я сразу не догадалась?! Но ведь...

Она задала Дейву какой-то вопрос, и теперь даже Сэм все стало ясно.

— В Де-Мойне есть одно местечко, насколько я помню, — припомнил Дейв. — Пелз, так оно называется. Если и рассчитывать на какое-нибудь место, то именно на это. Почему бы тебе не позвонить туда, Сара?

2

Когда она ушла, Сэм сказал: «Даже если они и смогут помочь, мне кажется, мы не доберемся туда до конца рабочего дня. Наверное, я бы мог попытаться...»

«Только не на машине», — сказал Дейв. — «Нет, вам с Сарой нужно поехать в аэропорт Провербии».

Сэм удивился: «Не знал, что в Провербии *есть* аэропорт».

Дейв улыбнулся. — Пожалуй, я чуть преувеличил. Это просто полмили утрамбованной земли, которую Стэн Соуиз называет взлетной полосой. А гостиная в доме Стэна — это офис авиалинии на западе штата Айовы. Вы, ты и Сара, поговорите со Стэном. У него есть небольшой «Наваджо». Он отвезет вас в Де-Мойн и доставит обратно в восемь или самое позднее — в девять часов.

— А что, если его там не будет?

— Тогда попытайтесь придумать что-нибудь другое. Хотя, скорее всего, он будет на месте. Единственное, что он обожает не меньше, чем самолет, так это свою ферму. А уж коли наступила весна, фермер далеко не уйдет и не улетит. Может быть он и будет отказываться отвезти вас из-за того, что у него полно дел в саду; на худой конец — скажет, что надо было договориться с ним за несколько дней, заранее, чтобы он успел вызвать какого-нибудь паренька из фирмы «Картер» присмотреть за своим девятидесятилетним отцом.

Если так, то скажите ему, что от Дейва Дункана, а Дейв напомнит, что пора платить за бейсбольные мячи.

— Запомните?

— Да, но что это такое?

— Ничего такого, что было связано с этим делом, — сказал Дейв. — Но зато он отвезет вас, а это самое главное. И когда он высадит вас совсем не обязательно приходить сюда. Вы с Сарой поезжайте на машине прямо в город.

Сэм почувствовал, как его начинает скозывать страх.

— В библиотеку.

— Да, верно.

— Знаешь, Дейв, все, что Нейоми сказала о друзьях, конечно, очень мило и приятно — и, может быть, даже правда — но я думаю, мне придется отсюда уматывать. Ни ты и ни она не должны расплачиваться за это. Только я несу ответственность за то, что вызвал ее к жизни, — и Дейв протянул руку к Сэму и с поразительной силой сжал его запястье. — Если ты на самом деле так считаешь, то ты не слышал ни слова из того, что я рассказал. Ты ни за что никакой ответственности не несешь. На моей совести смерть Джона Пауэра и двух ребят — не считая страданий бесчисленного количества детей — но я тоже не несу за это ответственности. На самом деле, я здесь выступаю скорее как пьяница с тридцатилетним стажем, а не как партнер Аделии Лорти. Просто так сложилось, что было и то, и другое. Но она мстит мне, Сэм, и вернется, чтобы расплатиться со мной. Если мы с тобой не будем вместе, когда она появится, первым, кому она нанесет визит, буду я. Но я не единственный, кого она посетит. Сара была права, Сэм. Ты знаешь, нам с ней необязательно быть рядом, чтобы защитить друг друга. Саре *известно* об Аделии, разве нет?

Если Аделия еще не знает этого, то узнает сегодня вечером, как только появится. Она планирует начать свой путь с Джанкшин Сити, воплотив себя *в тебе*, Сэм. Как ты думаешь, она оставит кого-нибудь, кто опознает ее такой, какая она есть сейчас?

— А...

— А ничего, — сказал Дейв. — В конце концов все определяется простым выбором, любой пьяница даже с таким большим стажем, как у меня, понимает: либо это наше общее дело, либо все мы станем ее жертвами. — Он немного наклонился вперед.

— Если ты хочешь, Сэм, убережь Сару от Аделии, забудь о том, что ты герой и постарайся прямо сейчас вспомнить, кем был *твой* полицейский из библиотеки. Только, пожалуйста, обязательно. Потому что, как я считаю, Аделия не станет останавливаться на первом попавшемся. В этом деле есть лишь одно совпадение, но оно — решающее: ведь именно в твоей жизни когда-то тоже был Полицейский из библиотеки. И ты должен оживить его в твоей памяти.

— Я пробовал, — сказал Сэм, и тут же понял, что сказал неправду. Потому что стоило ему прислушаться к голосу, говорившему (пойдем-ка, фынок, фо мной... Я — полице-е-е-йфкий), как он тут же смолкал. От него пахло красным лакричником, который он никогда не ел и даже терпеть не мог — и это было все.

— Нужно как следует постараться, — сказал Дейв. Легким прикосновением руки Дейв обнял его за шею.

— Вот ключ к этому, — сказал Дейв. — Может быть, ты удивишься, что это ключ ко всему тому, что когда-либо тревожило тебя. Ключ к твоему одиночеству и твоим огорчениям.

Сэм, пораженный, взглянул на Дейва. Дейв улыбнулся.

— Да, — сказал он. — Тебе одиноко, грустно, ты оторван от людей. То, что ты говоришь — это все хорошо, но твои слова расходятся с реальностью. До сегодняшнего дня я для тебя был всего лишь Дейвом Грязная Работа, который приезжает к тебе раз в месяц, чтобы увезти хлам, но знаешь, Сэм, такие люди как я, очень наблюдательны. Все-таки человек человека видит.

«Ключ ко всему». — задумчиво произнес Сэм, изумляясь тому, что подобное благо реально существует. Он-то думал, что его можно встретить только в популярных романах и кинофильмах с персонажами по имени «Добрый Смелый Психиатр» и «Трудный пациент».

— Совершенно верно, — продолжал Дейв. — В таких вещах таится страшная сила. И знаешь, Сэм, я не виню тебя за то, что ты не стремишься найти его. Но ведь ты сможешь, если захочешь. У тебя есть выбор.

— Этому вас тоже учат там, в АА?

Он улыбнулся.

— Да. И этому тоже, — сказал он, — но я сам уже давным-давно это понял.

На веранде снова появилась Нейоми. Она улыбнулась и радостно сияла.

— Она великолепна, правда? — тихо сказал Дейв.

— Да, — сказал Сэм. — Конечно.

Теперь он отчетливо осознал две вещи: что он начинает влюбляться, и что Дейв Дункан знает об этом.

3

— Он так долго все это проверял, что я начала беспокоиться, — сказала она. — Но нам везет.

— Прекрасно, — сказал Дейв. — Тогда вы встретитесь со Стэном Сомсом. Сара, а во время учебного года библиотека по-прежнему закрывается в восемь?

— Да — я почти уверена.

— Тогда я нанесу визит туда около пяти часов. Я буду ждать тебя во дворе, где стоит погрузочная платформа, между восьмью и девятью. Пожалуй, ближе к восьми будет лучше, да и безопасней. Ради Христа, постарайтесь не опоздать.

— А как мы зайдем в нее? — спросил Сэм.

— Я сам позабочусь об этом. Не беспокойтесь. Ваша задача — прийти.

— Может быть нам стоит прямо сейчас позвонить этому Сомсу, — сказал Сэм, — с тем, чтобы убедиться, что он будет на месте.

Дейв покачал головой.

— Бесполезно. Жена Станса четыре года назад ушла от него к другому — заявила, что для него работа дороже, чем жена. У женщин это всегда хороший повод, если ее тянет сменить обстановку. Детей у них нет. Так что он наверняка будет в поле. Давайте-ка отправляйтесь. Скоро начнет темнеть.

Нейоми наклонилась к Дейву и поцеловала его в щеку.

— Спасибо за твой рассказ, — сказала она.

— Я рад, что сделал это. Теперь мне стало намного лучше.

Сэм сначала хотел попрощаться с Дейвом пожав ему руку, но передумал. Он наклонился к старику и дружески обнял его.

4

Стэн Сомс — высокий сухопарый мужчина, его злые глаза резко контрастировали с добрым, миловидным лицом. Хотя еще не прошел и первый месяц весны по календарю, на нем был по-летнему сильный загар. Сэм и Нейоми нашли его, когда он работал в поле, как и предвидел Дейв. На расстоянии примерно семидесяти ярдов от того места где стоял работающий на холостом ходу забрызганный грязью «рототиллер», Сэм увидел что-то наподобие проселочной дороги. А так как на одном конце ее стоял маленький самолет, накрытый брезентом, а на другом —

ржавый кол, он догадался, что это единственная взлетная полоса аэропорта Провербии.

— Нет, не могу, — сказал Сомс. — Я один на этой неделе должен вспахать пятьдесят акров земли. Вам бы надо было придти заранее, два-три дня назад.

— У нас критическое положение, — сказала Нейоми. — В самом деле, мистер Сомс.

Он вздохнул и широко развел руками, как бы охватывая жестом всю свою ферму. — Хотите знать, что такое критическое положение? — спросил он. — Это то положение, в которое наше правительство ставит нас, такую ферму, как эта, и таких людей, как я. Вот что такое критическое положение. Послушайте, а ведь в Кедровой Стремнине есть человек, который мог бы...

— У нас нет времени ехать в Кедровную Стремнину, — сказал Сэм. — Дейв говорил, что вы, возможно, скажете...

— Дейв? — Теперь Стэн Сомс проявлял больше заинтересованности, чем в начале разговора. — Какой Дейв?

— Дункан. Он велел передать вам, что пора платить за бейсбольные мячи.

Сомс насупился. Руки сжались в кулаки, и у Сэма промелькнула мысль, что этот человек вот-вот налетит на него с кулаками. Но потом, резко изменившись, он засмеялся и весьма неодобрительно покачал головой.

— Прошло столько лет, и вот тебе, пожалуйста, откуда ни возьмись — Дейв Дункан со своими напоминаниями о долгах. Чтоб ему неладно было!

Он пошел по направлению к своему «рототиллеру». Он шел, обернувшись к ним и крича во все горло, чтобы громкое и призывное тарактенье трактора не заглушило его голос. «Идите к самолету, а я пока заглушу эту чертову машину. Только осторожнее у края взлетной полосы, а то там есть заболоченное место и можете оказаться без обуви. Засосет!» Сомс резким рывком остановил свой «рототиллер». Из-за шума трудно было разобрать, но Сэму показалось, что тот все еще смеется. *«Я уж думал, этот несчастный алкаш помрет, и я не успею расквитаться с ним!»*

Его зычный, раскатыстый голос прогремел и смолк возле ангара. Сэм и Нейоми в растерянности смотрели друг на друга.

— О чем это он? — спросила Нейоми.

— Не знаю. Дейв не говорил мне. — Он галантно предложил ей руку и сказал: «Мадам, не желаете прогуляться со мной?»

Она взяла его под руку.

— Спасибо, сэр.

Они старательно обходили то топкое место, о котором им говорил Стэн, но все же им не повезло. Нога Нейоми по щиколотку увязла в трясине, и когда она попыталась рывком вытащить оттуда ногу, туфель остался там. Сэм нагнулся, поднял его и подхватил Нейоми на руки.

— Нет-нет, не надо, Сэм! — воскликнула она, почему-то засмеявшись от неловкости и испуга. — Ты же ломаешь себе *спину!*

— Нет, — сказал он. — Вы — легкая.

Она на самом деле была легкой, а теперь она как-то сразу почувствовала в себе легкость. И он понес ее по слегка отлогой взлетной полосе к самолету и там поставил ее на землю. Нейоми взглянула ему прямо в глаза. Этот взгляд был полон спокойствия и какого-то удивительного чистого света. Сэм инстинктивно наклонился и поцеловал ее. И она тут же обняла его и тоже поцеловала.

Когда он снова взглянул на нее, у него чуть-чуть перехватило дыхание. Нейоми улыбалась.

— Можешь называть меня Сарой, если захочешь, — сказала она. Сэм улыбнулся и еще раз поцеловал ее.

5

Лететь в таком самолете как «Наваджо», сидя за спиной Стэна Сомса было все равно, что скакать верхом на необъезженной лошадке. Их так сильно кидало и подбрасывало на волнах озорного весеннего ветра, что Сэм не раз думал о возможности одурачить Аделию таким способом, который ей и в голову бы не пришел: рассыпавшись над кукурузным полем в штате Айова.

Стэн Сомс, однако, вовсе не волновался; он во весь голос распевал старинные песни «Милочка Су», «Тротуары Нью-Йорка», а тем временем «Наваджо», переваливаясь с боку на бок, летел в сторону Де-Мойна. Нейоми была прикована к окну, все время смотрела на дороги, поля и дома, проплывавшие там, внизу, и руками прикрывала глаза от солнца.

Наконец Сэм не выдержал и легонько похлопал ее по плечу.

— Такое впечатление, как будто ты раньше никогда не летала самолетом, — прокричал он, пытаясь заглушить монотонное жужжание двигателя. Она сразу же повернулась к нему и улыбнулась, как восторженная школьница.

— Да, никогда! — сказала она, опять увлекаемая видом из иллюминатора.

— Вот это да, — проворчал Сэм, когда самолетик опять мощно подбросило, и потуже затянул ремень безопасности.

6

Было двадцать минут пятого, когда «Наваджо», как всадник с коня, соскочил с небес на землю и оказался в аэропорту Де-Мойна. Сомс подкатил самолет к стоянке, заглушил двигатель и открыл дверь. Сэм заметил, как руки Сомса скользнули по талии Нейоми, когда тот помогал ей опуститься на землю. И в нем шевельнулось давно забытое, но приятное чувство ревности.

— Большое спасибо! — взволнованно проговорила она. Ее щеки покраснелись, а в глазах забегали озорные огоньки — Это было просто замечательно!

Сомс улыбнулся, и от его улыбки лет двадцати как не бывало. Теперь ему можно было дать не больше сорока.

— Мне самому это уже давно нравится, — сказал он. — Это куда лучше, чем трястись полдня на «рототиллере», пока внутри живого места не останется... Если говорить откровенно. — Он перевел взгляд от Нейоми к Сэму. — А можете вы мне рассказать, что это за чрезвычайные обстоятельства? Я помогу, если это в моих силах. Я обязан Дейву. С меня причитается побольше, чем этот коротенький перелет из Провербии до Де-Мойна и обратно.

— Нам нужно добраться до города, — сказал Сэм. — И место, которое называется «Книжный магазин Пелз». Они отдали нам пару книг. — Стэн Сомс посмотрел на них вопрошающе.

— Ну-ка повторите!

— Пелз.

— А, я знаю Пелз, — сказал он. — Это там, где все новые поступления на виду, а старые книги держат подальше. Если судить по рекламам в газетах — магазин с самым большим количеством экземпляров на всем Среднем Западе. Я только хочу уяснить для себя вот что: вы оторвали меня от работы в саду и заставили доставить вас сюда через весь штат только из-за каких-то двух книг?

— Но, мистер Сомс, они имеют для нас очень большое значение, — сказала Нейоми. И она ласково прикоснулась к натруженной, огрубевшей руке фермера. — Сейчас это для нас самое главное. От них зависит моя судьба и судьба Сэма.

— И Дейва тоже, — добавил Сэм.

— Если бы рассказали мне, что все это значит, как вы думаете, я смог бы понять?

— Нет, — сказал Сэм.

— Нет, — подтвердила Нейоми, и едва заметно улыбнулась.

Сомс огорченно вздохнул и сунул руки в карманы брюк. «Насколько я понял, я во всем этом — человек со стороны. Десять лет я был у Дейва в должниках, и временами этот долг висел на моей шее тяжким бременем». Тут его лицо просветлело.

— И тут мне выпадает возможность поднять в воздух на самолете впервые в ее жизни, симпатичную особу. А красивее девушки, которая совершила свой первый полет на самолете, может быть только девушка после своего первого...

Он неожиданно замолчал, смущенно переступая с ноги на ногу.

Нейоми предусмотрительно отвернулась и посмотрела куда-то вдаль. Как раз в это время подъехал бензовоз. Сомс быстро пошел к нему и разговорился с водителем.

Сэм сказал: «Ты произвела впечатление на нашего бесстрашного пилота».

Ласковым жестом он поправил за ухом выбившуюся прядку ее волос. — Весь день был невероятный. День *«Черной стрелы»* и красной лакрицы.

Его снова охватил тот непонятный, приглушенный страх. Кроме этого голоса он уже больше ничего не слышал.

— Если ты хочешь, Сэм уберечь Сару от Аделин, забудь о желании стать героем и начинай вспоминать, кто же он такой — твой полицейский из библиотеки.

— Нет! Не могу! Я... я не должен!

— Ты должен припомнить это.

— Нельзя! Мне запрещено.

— А ты как следует постарайся, иначе это безнадежно

— Теперь мне на самом деле пора домой, — невнятно проговорил Сэм Пиблз.

Нейоми, которая отошла, чтобы взглянуть на крыльевые закрывки «Наваджо», услышала голос Сэма и вернулась

— Ты что-то сказал?

— Нет, ничего. Просто так

— Ты что-то очень бледный.

— Я почему-то не могу расслабиться.

Вернулся Стэн Сомс. Он указал большим пальцем в сторону водителя бензовоза. «Даусси говорит, что мне можно воспользоваться его машиной. Я подброшу вас до города».

— Мы могли бы взять такси, — начал было Сэм

Не успел он договорить, как Нейоми отрицательно покачала головой. «Времени уже слишком мало, — сказала она. — Большое спасибо, мистер Сомс».

— Ах ты, дьявол, — проговорил Сомс и улыбнулся ей так, как ни в чем не бывало. — Давайка зови меня просто Сэм. Поехали. Поехали. Даусон говорит, что со стороны Колорадо движется область низкого давления. Мне хочется вернуться в Джанкшн Сити, пока не начнется дождь.

7

Целз оказался массивным зданием на окраине делового центра Де-Мойна — полной противоположностью того типичного книжного магазина, где секции расположены в один ряд, цепочкой. Нейоми спросила, нельзя ли увидеть Майка. Ее направили к столу выдачи книг. Это была небольшая будка, напоминавшая, где обычно стоит таможенник. Она находилась между секцией, в которой продавались новые книги, и другой секцией — побольше первой, где продавались старые книги.

— Меня зовут Нейоми Хеггинс. Это я с вами разговаривала по телефону?

— А, да, — сказал Майк. Он порылся на одной из полок, заваленных книгами, и вытащил две книжки. Одна из них — «Любимые стихи американцев», другая — «В помощь оратору», из-

данная под редакцией Кента Адельмена. Казалось, что ничто на свете не могло бы обрадовать Сэма Пиблза больше, чем эти две книги, и он едва удержался, чтобы не вырвать их из рук продавца и не прижать с нежностью к своей груди.

— «Любимые стихи» — еще не проблема, — сказал Майк, — но вот «В помощь оратору» практически не издается. Пожалуй, Пелз — это единственный магазин в этих местах и до самого Денвера, где можно отыскать такое хорошее издание..., конечно, если не считать библиотечных экземпляров.

— Для меня они оба — просто чудо, — с чувством сказал Сэм.

— Это подарок?

— Что-то вроде этого.

— Если хотите, могу специально завернуть их вам как подарок. Это моментально.

— Нет, в этом нет нужды, — сказала Нейоми.

Стоимость обеих книг была двадцать два доллара пятьдесят семь центов.

— Подумать только, — сказал Сэм, когда они вышли из магазина и направились туда, где Стэн Сомс поставил взятую на время машину. Он крепко держал сумку в руке — Не могу поверить, что так просто.. вернуть книги будет так просто.

— Не волнуйся, — сказала Нейоми. — Все не так просто.

8

Когда они ехали обратно в аэропорт, Сэм попросил Стэна Сомса рассказать им о Дейве и тех бейсбольных мячах. «Если это ваши секреты, тогда не надо. Мне просто любопытно».

Сомс взглянул на сумку, которая лежала на коленях у Сэма. «Мне тоже любопытно, что это за книги», — сказал он. — «Заключу с вами сделку. История с бейсбольными мячами произошла десять лет тому назад. И я расскажу вам, если вы через 10 лет расскажете мне об этих книгах».

— Согласны. Сделка заключена, — сказала Нейоми, сидя на заднем сиденье, и добавила то, о чем Сэм тоже подумал. — Конечно, если мы никуда не денемся.

Сомс засмеялся.

— Да... *все* бывает, правда?

Сэм кивнул: — Иногда происходят ужасные вещи.

— Конечно. Такая штука произошла в 1980 году с моим единственным сыном. Врачи сказали, что это была лейкемия, но на самом деле это было как раз то, о чем вы сказали, произошло то ужасное, что иногда случается.

— Я очень сочувствую, — сказала Нейоми.

— Спасибо. Время от времени мне кажется, что я обо всем забыл, но потом, вдруг, это оживает где-то в глубине и снова сковывает меня. В некоторых случаях уходит много времени, прежде чем сбросишь тяжелые оковы памяти, а от некоторых воспоминаний вообще невозможно избавиться.

*«От некоторых воспоминаний вообще невозможно избавиться»
«Идем-ка со мной, фынок...Я полице-е-ейфский».*

*«Мне действительно пора идти домой... мой штраф уплачен?»
Дрожащей рукой Сэм коснулся уголка рта.*

— Так вот, я знал Дейва задолго до того, как это все произошло, — сказал Стэн Сомс. Они проехали указатель, на котором было написано: «Аэропорт 3 мили».

— Мы вместе росли, вместе ходили в школу, вместе перебесились в молодости. Единственное, что разделяло нас, это то, что я успел пресытиться и покончить с этим, а он так и не остановился.

Сомс с горечью покачал головой.

— Я редко встречал таких приятных людей, как он, независимо от того пьяный он был или трезвый. Но стало так, что пьяным он был чаще, чем трезвым, и мы постепенно перестали общаться с ним. Похоже, что в конце пятидесятых у него был самый трудный период. В те годы он вообще не бывал трезвым. Вот тогда он и начал ходить в общество АА, и казалось, что он стал чуть лучше ..., но потом сорвался, и так много раз.

Я женился в 1968 и хотел тогда, чтобы он стал моим шафером, но так и не решился. Дело было в том, что он перестал пить — к тому времени — но трудно было *поверить* в то, что там он будет трезвым.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — тихо сказала Нейоми. Стэн Сомс засмеялся.

— В это не очень легко поверить. Ведь такой милой девушке, как вы, просто не понять, сколько страданий и невзгод ждет горького пьяницу — но уж поверьте мне. Если бы я попросил Дейва быть моим шафером на свадьбе, у Лоры — это моя бывшая жена — глаза бы на лоб полезли. Но Дейв все-таки пришел, и потом, в 1970 году, когда у нас родился сын Джо, мы встречались намного чаще. Дейв как-то особенно нежно относился ко всем детям в те годы, когда пытался покончить с пьянством.

Больше всего Джой нравился бейсбол. Он был просто фанатом — коллекционировал наклейки с записями заключаемых пари, обертки от жвачки, он даже уговаривал меня установить диск спутниковой связи, чтобы можно было смотреть по телевизору все игры клуба «Ройалз» — «Ройалз» был его любимый клуб — а еще «Кабз» по программе WGNS из Чикаго.

К восьми годам он уже знал среднее количество забитых ударов каждого из основных игроков клуба «Ройалз», сведения об удачных и неудачных подачах почти каждого питчера в Американский Лиге. Мы с Дейвом три или четыре раза водили его на матчи. Для ребенка это был суший рай. Пару раз Дейв ходил с ним один, тогда, когда я был занят на работе. Лора в таких случаях мне всегда надоедала — говорила, что эта дрянь паршивая напьется и где-нибудь оставит мальчика, и придется ему скитаться по улицам Канзас Сити или сидеть где-нибудь в полицей-

ском участке и ждать, чтобы кто-нибудь пришел и забрал его. Но ничего подобного ни разу не произошло. Насколько мне известно, Дейв ни капли не пил, если был с Джо.

Когда у Джо началась эта самая лейкемия, самым невыносимым для него было то, что доктора не разрешили ему посещать матчи по крайней мере до июня, а может быть и вообще. Это угнетало его больше, чем то, что у него был рак. Когда его пришел навестить Дейв, Джо из-за этого даже расплакался. Дейв обнял его и сказал: «Если ты не можешь ходишь на матчи «Ройалз», ничего страшного. Тогда я доставлю к тебе команду клуба «Ройалз».

Джо недоверчиво уставился на него и говорит: «Вы, дядя Дейв, имеете в виду их *лично?*» Так он его и звал — дядя Дейв.

— Этого я сделать не смогу, — сказал Дейв, — но я могу сделать что-то наподобие этого.

Сомс остановил машину около въезда на терминал гражданской авиалинии и дал сигнал. Ворота с шумом открылись, и он повел машину к тому месту, где был припаркован его «Наваджо». Он выключил мотор и какое-то мгновение продолжал сидеть за рулем, глядя на свои руки.

— Я всегда знал, что Дейв чертовски талантлив, — наконец проговорил он. — Чего я никак не могу понять, так это то, как ему удалось сделать так быстро то, за что он взялся. Можно только предположить, что он работал день и ночь, потому что через десять дней уже наступил конец — а те леденцы на палочке были *что надо*.

Он знал, что долго не протянет. Врачи сказали нам с Лорой правду, а я сказал Дейву. У Джо не было шанса выкарабкаться. Они слишком поздно определили заболевание. У него уже не осталось ни капли здоровой крови. И вот примерно через десять дней после того, как Дейв дал это обещание, он входит в больничную палату, где лежит мой сын, и в каждой руке у него по сумке. «Что там у вас в сумках, дядя Дейв? — спрашивает Джо и садится в кровати. Весь тот день он хандрил — в основном из-за того, что у него начали сильно выпадать волосы. В те годы, если парнишка не носил длинную гриву волос на голове, он считался человеком низкого происхождения. Но когда вошел Дейв, он весь засиял от радости.

— Конечно, «Ройалз», — отвечает Дейв. — Разве я тебе не обещал?

И вот он положил обе сумки на кровать и высыпал их содержимое. Клянусь, вам никогда не доводилось видеть у мальчишек такое выражение лица. Оно все засветилось, как рождественская елка... и... все такое, я не знаю...

Стэну Сомсу стало все труднее и труднее говорить, и в конце концов его голова так низко склонилась над рулем машины «бьюнк», что она коснулась сигнала и тот загудел. Он вынул из кармана носовой платок, вытер глаза и потом высморкался.

Нейоми сидела, тоже наклонившись вперед. Она прижалась рукой к щеке Сомса. — «Если вам это слишком тяжело, мистер Сомс...»

«Нет», — сказал он, слегка улынувшись. Сэм наблюдал за слезинкой, которую Сэм не успел смахнуть, и которая сверкнула в лучах предвечернего солнца и незаметно скатилась. «Просто от этого он снова как бы оживает. И я вижу, каким он был. От этого больно, мисс, но и по-своему хорошо. Эти два ощущения переплелись».

— Я понимаю, — сказала она.

Когда Дейв вывернул те сумки, из нее вывалились бейсбольные мячи — большие пары дюжин. Но это были не просто бейсбольные мячи, потому что на каждом из них было нарисовано лицо человека, но не просто человека, а игрока бейсбольной команды клуба «Ройалз», игравшей за Канзас Сити в 1980 году. И это были не какие-то там шаржи или карикатурки, а настоящие лица, какие Норман Рокуэлл раньше рисовал для обложек «Сэтурдей Ивнинг Поуст». Я видел работы Дейва — те работы, которые он делал до того, как стал по-настоящему спиваться, — это были хорошие работы, но ни одна из них не была лучше этой. Там был и Вилли Эйкинз, и Фрэнк Уайт, и Ю. Л. Вашингтон, и Джордж Брет... Вилли Вильсон и Эмос Отис... Дэн Квизенберри с таким же суровым лицом как у кого-нибудь, кто перекидывает через плечо ружье в старинном вестерне... Пол Сплиторф и Кен Брет... не помню всех, но это в общем, была команда в полном составе, включая Джима Фрея — капитана команды.

И где-то в промежутке между тем временем, когда он закончил работу, и когда он подарил их моему мальчику, он свозил их в К. С. Все игроки, кроме одного, поставили свои автографы. Единственный, кто не сделал этого, был Даррел Портер, вратарь, который принимал мячи. Его не было — у него была простуда — и он обещал поставить свой автограф на мяче со своим изображением, как только у него получится. И он нашел время.

— Да, — тихо проговорил Сэм.

— И все это сделал Дейв — человек, над которым все в городе смеются и которого называют Дейв — Грязная Работа. И вот, скажу я вам, когда люди говорят такое, а я вспоминаю, что он сделал для Джо, когда он умирал от лейкемии, мне хотелось...

Сомс не закончил, но его руки, лежавшие на крепких, сильных коленях, сжались в кулаки. А Сэму, который до этого момента сам и раз так наывал Дейва и смеялся вместе с Крейгом Джонзом и Фрэнком Стефансом над старым пьянчужкой, который всегда возил полную тележку старых газет, стало немного неловко и стыдно.

— Как прекрасно он поступил, правда? — спросила Нейоми и снова коснулась щеки Сомса. Она плакала.

— Надо было видеть его лицо, — задумчиво произнес Сомс. — Трудно было поверить глазам: он сидел в кровати и рассматри-

вал все эти лица. На головке каждого игрока была маленькая бейсбольная шапочка с буквами К.С.

«Надо было видеть его лицо».

Ближе к концу Джо чувствовал себя совсем неважно, но он никогда не уставал смотреть игру «Ройалз» по телевизору или слушать о них по радио — и всегда по всей комнате у него были разложены эти мячи. А вот подоконник около кровати был самым почетным местом. Там он выстраивал в ряд всех девятих человек, игравших в матче, о котором в тот момент шла трансляция по радио или телевидению. Если Фрей удалял питчера, Джо убирал его с подоконника, а на его место ставил запасного питчера. А когда какой-нибудь игрок делал удар, Джо обычно брал соответствующий мяч и держал его в руках. Поэтому...

Речь Стэна Сомса неожиданно прервалась, и он уткнулся лицом в носовой платок. Его грудь дважды вздрогнула и Сэм увидел, что он с трудом сдерживает рыдание. Потом он вытер глаза и поспешно и решительно засунул свой платок в задний карман.

— Теперь вы понимаете, почему я повез вас сегодня в Де-Мойн, и почему я отвез бы вас даже в Нью-Йорк за этими двумя книгами, если бы вам было нужно. Это была услуга не с моей стороны, а со стороны Дейва. Он удивительный человек.

— Мне кажется, и вы тоже, — сказал Сэм.

Сомс улыбнулся ему — но при этом как-то странно ухмыльнувшись — и открыл дверь «бьюика», принадлежавшего Даусону. «Что ж, спасибо, — сказал он. — Большое спасибо. Я думаю, нам пора ехать отсюда, если мы не хотим попасть под проливной дождь. Не забудьте свои книги, мисс Хиггинс».

— Нет, не забуду, — сказала Нейоми, вылезая из самолета и крепко сжимая в руке сумку с книгами. — Ни за что не забуду.

Глава тринадцатая

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ БИБЛИОТЕКИ (II)

1

Через двадцать минут после того, как они вылетели из Де-Мойна, Нейоми оторвалась от окна, из которого она наблюдала за движением на Трассе 79, и удивлялась тому, как крошечные машинки, словно игрушки, спеша бежали в одну сторону и другую, и повернулась к Сэму. Но то, что она увидела, напугало ее. Он уснул, прислонившись головой к одному из иллюминаторов, но лицо его не выражало спокойствия; он был похож на человека, который глубоко переживает какую-то личную трагедию.

Из-под его опущенных век появились слезинки и скатились вниз.

Она наклонилась вперед, чтобы потрясти и разбудить его, когда он вдруг произнес дрожащим и нерешительным голосом малыша: «У меня неприятности, сэр?»

«Наваждо» стрелой вонзился в облака, уже опустившиеся над западной частью Айовы, и начал взбрыкивать, но Нейоми почти не замечала этого, ее рука на мгновение застыла над плечом Сэма, но тут же ушла в сторону.

«Кто был твой Полицейский из библиотеки, Сэм?»

«Кто бы это ни был, — думала Нейоми, — наверное он снова отыскал его. Вероятно, он здесь, вместе с ним. Жаль, Сэм,... но я не могу разбудить тебя. Теперь уже не могу. И в данный момент ты, наверное, там, где тебе положено быть..., где ты вынужден быть. Извини, но я не могу прервать твой сон. Но когда ты проснешься, не забудь, что ты видел во сне. Не забудь»

Не забудь.

2

Во сне Сэм Пиблз видел, как маленькая Красная Шапочка отправилась из пряничного домика. На ее руке висела корзинка. Она должна была пойти в дом своей бабушки, где ее поджидает волк, чтобы съесть ее. В самом конце он снимает с нее скальп и длинной деревянной ложкой вычерпывает из него ее мозг.

Только все это было не так, потому что вместо Красной Шапочки в его сне был мальчик, а вместо пряничного домика был двухэтажный дом на две семьи в Сент-Луисе, где он жил вместе с матерью после того, как умер его папа, а в корзинке никакой еды не было. В корзинке лежала книжка «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона, и он эту книгу уже прочел, всю до последней строчки, и должен был пойти не в дом бабушки, а в филиал публичной библиотеки города Сент-Луис, расположенный на Бригз Авеню, и ему нужно было спешить, потому что он на целых три дня опоздал со сдачей книги.

Вот что он видел во сне.

Он видел, как Сэм-Маленькая Белая Тень стоит на углу Данбар Стрит и Джонстаун Авеню и ждет, когда переклучится светофор. Он видел, как тот быстро перебежал на другую сторону улицы, в руке у него была книга..., но вот корзинки уже не было. Он видел, как Сэм-Маленькая Белая Тень вошел в магазинчик на Данбар Стрит, и как он ходил там и ощущал давно знакомые запахи всякой всячины: камфары, конфет, курительного табака. И он видел, как Маленькая Белая Тень Сэма подошла к прилавку с пачкой красной лакрицы «Бычий глаз» за пять центов — его любимой. Он видел, как малыш осторожно вынул долларовую бумажку, которую его мама засунула в кармашек для карточки учета на задней обложке книги «Черная стрела». Он видел, как продавец взял этот доллар и сдал ему девяносто пять центов сдачи., больше, чем достаточно для уплаты штрафа. Он

видел, как Сэм-Маленькая Белая Тень вышел из магазина и долго стоял на улице, пока не спрятал в карман мелочь и не разорвал зубами обертку пачки красной лакрицы. Он видел, как Сэм-Маленькая Белая Тень пошел дальше — теперь до библиотеки оставалось только три квартала — с трудом разжевывая длинные красные конфетки.

Он стал кричать мальчику.

— Берегись! Берегись! Тебя, малыш, ждет волк!

— Берегись волка! Берегись волка!

Но мальчик шел дальше и продолжал есть свои конфеты; теперь он был на Бригз Авеню, а библиотека, большое здание из красного кирпича, уже виднелась впереди.

В этот момент Сэм — Большой Белый Летящий в Самолете Сэм — попытался выйти из состояния сна. Он почувствовал, что Нейоми и Стэн Сомс, и вместе с ними *мир реальных вещей*, ожидают его за пределами того мирка его кошмарных сновидений, в котором он оказался. Сквозь сон он слышал гул двигателя «Наваджо», шум автомобильного движения на Бригз Авеню, громкий сигнал детского велосипеда — дзюнь — дзюнь, щебетание птиц в по-летнему густой листве вязов. Он закрыл потусонные глаза и всей душой потянулся к тому миру, что находился за пределами его собственного мирка, к миру реальных вещей. Более того, он почувствовал, что в состоянии добраться до него, что он может пробиться к нему сквозь оболочку, разделяющую эти два мира.

— Нет, — сказал Дейз. — *Нет, Сэм, не делай этого. Тебе этого делать нельзя. Если хочешь уберечь Сару от Аделин, забудь о своем желании вырваться из этого сна. Во всем этом только одно совпадение, но оно фатально: один раз у тебя тоже была встреча с полицейским из библиотеки. И воспоминание об этом должно быть всегда с тобой. Я ничего не хочу видеть. Я ничего не хочу знать. Один раз — это уже плохо. Нет ничего хуже того, что ожидает тебя, Сэм. Ничего.*

Он открыл глаза — но не те, видимые глаза, а глаза в самом себе, невидимые глаза.

Теперь Сэм-Маленькая Белая Тень стоит на бетонированной дорожке, по которой можно подойти к публичной библиотеке с восточной стороны, той бетонированной дорожке, которая ведет в крыло, где расположено детское отделение. Он двинется медленной походкой, не предвещающей ничего хорошего, каждый шаг напоминает качание маятника в стеклянной груди старых дедушкиных часов, и все ясно и отчетливо: крошечные искринки слюды и кварца в бетонированном покрытии; плотный ряд зеленого кустарника вдоль бетонированной дорожки, плющ, ползущий **вверх** по красной кирпичной стене; странный и несколько угрожающий девиз на латинском языке *Fuimus, non sumus*, выбитый небольшим полукругом над зелеными дверьми с толстыми рамами из армированного стекла.

Отчетливо видно и Полицейского из библиотеки, который стоит у входа.

Он не бледен, нет. Он разгорячен. У него на лбу прыщи, красные и яркие. Он не высок, среднего роста и очень широкоплеч. Он одет не в полушинель, а в пальто, и это очень странно, потому что стоит летний день, жаркий летний день в Сент-Луисе. Возможно, его глаза серебристого цвета; Сэм-Маленькая Белая Тень не очень хорошо видит, какого они цвета, потому что на Полицейском из библиотеки маленькие круглые очки с черными стеклами — очки, которые носят слепые.

Он не Полицейский из библиотеки! Это — волк! Берегись! Это — волк! Волк из библиотеки!

Но Сэм-Маленькая Белая Тень не слышит. Сэм-Маленькая Белая Тень не боится. В конце концов на улице светло и в городе полно необычных — а иногда и смешных — забавных людей. Он всю свою жизнь прожил в Сент-Луисе и это несколько не пугает его. И потом все это может измениться.

Он подходит к этому человеку, и по мере того, как он приближается к нему, замечает шрам — тоненькую белую полоску, — которая начинается в верхней части левой щеки, проходит под левым глазом и исчезает где-то на переносице.

— Здравствуй, мальчик, — говорит мужчина в темных круглых очках.

— Здравствуйте, — отвечает Сэм-Маленькая Белая Тень.

— Рафкажи, мне пожалуйфта, фынок, что-нибудь о твсей книге, прежде чем ты войдешь фюда, — просит этот человек. Голос у него тихий и вежливый, и совсем не страшный. Он говорит, слегка шепелявя, так что вместо звука «С» слышится «Ф».

— Видишь ли, фынок, я работаю в библиотеке.

— Она называется «Черная стрела», — вежливо отвечает Сэм-Маленькая Белая Тень, а написал мистер Роберт Льюис Стивенсон. Но его уже нет в живых. Он умер от туберкю-роза. Мне было интересно. В ней рассказывается о некоторых крупных сражениях.

Мальчик ждет, когда человек в маленьких, темных, круглых очках отойдет в сторону, чтобы пропустить его, но человек в маленьких, темных и круглых очках не отходит в сторону. Вместо этого он наклоняется, чтобы получше рассмотреть его. Дедушка, какие же у тебя маленькие, черные, круглые глаза.

— Еще один вопрос, — говорит этот человек. — Ты случайно, не опоздал с возвратом книги?

Вот теперь Сэм-Маленькая Белая Тень почувствовал страх.

— Да... но совсем немного. Только на четыре дня. Видите ли, она очень большая, а у меня еще «Детская Лига», дневной лагерь и...

— Пойдем-ка фо мной, фынок... Я — полице-ефкий.

Тут человек в темных очках и пальто протягивает руку. Сэм идет, но ему приходится почти бежать. Ведь он ребенок, а этот

мужчина — взрослый человек. И этот человек — этот страшный человек со шрамом и круглыми, темными очками становится абсолютным Властителем. А от Властителя не убежишь — он повсюду.

Сэм робко подходит к этому человеку. Он начинает поднимать руку — ту, в которой держит пачку красной лакрицы, уже почти пустую — и в последний момент пытается спрятать ее. Но слишком поздно. Пачка локрицы «Бычий глаз» падает на дорожку. Сэм-Маленькая Белая Тень теперь уже никогда не попробует красной лакрицы.

Человек тянет к себе и скручивает его как рыбак форель. Его очень сильная рука будто тисками сжала руку Сэма. Ему больно. Он начинает плакать. Солнце еще несело, трава все еще зеленеет, но внезапно все вокруг как бы удаляется и становится ни чем иным как жестоким миражом, в который на какие-то мгновения ему позволили поверить.

В дыхании этого человека чувствуется запах Сен-Сена.

— У меня из-за этого неприятности, сэр? — спрашивает мальчик, надеясь всем своим существом, что человек скажет «нет».

— Да, — говорит мужчина. — Да. Очень большие неприятности. И, ефли ты, фынок, хочешь ифбежать их, ты должен полностью выполнить то, что я тебе говорю. Тебе понятно?

Сэм потерял дар речи. Он никогда не испытывал такого страха. Он только смотрит на этого человека широко открытыми глазами, полными слез глазами.

Человек трясет его: — Ты понимаешь или нет?

— Д-да! — вырывается у Сэма. И он испытывает почти невыносимую тяжесть в мочевом пузыре.

Давай-ка я поточнее рафкажу тебе кто я такой, — говорит человек, дыхнув ему в лицо запахом Сен-Сена. — Я — Полицей-фкий из библиотеки на Бригф Авеню, и моя работа — накафывать тех мальчиков и девочек, которые вофращают книги ф опофданием.

Сэм-Маленькая Белая Тень еще сильнее расплакался. «У меня есть деньги! — прорывается у него сквозь рыдания. — У меня девяносто пять центов! Вот они! Можете взять все эти деньги!»

Он пытается вытащить из кармана мелочь. Но в этот момент Полицейский из библиотеки оборачивается, и его широкое лицо неожиданно заостряется, вытягивается, превращается в морду лисы или волка, которым удалось залезть в курятник, но которые вдруг почуяли опасность.

— Пойдем-ка, — говорит он, и сталкивает Сэма с дорожки и тащит в густые заросли кустарника, растущего вдоль библиотечного здания. — Когда полице-ейфкий велит тебе идти, ты должен идти!

Здесь темно; темно и мрачно. В воздухе стоит едкий запах можжевельника. Земля совсем темная от мульчи. Здесь Сэм не удержался и громко расплакался.

— Фамолчи! — ворчит Полицейский из библиотеки и хорошенько встряхивает Сэма. От этого у Сэма больно заломило кости, Зашумело в голове. И вот они уже пробрались к небольшому местечку, расчищенному от кустарника. Это небольшое углубление в зарослях, где валяются растоптанные ягоды можжевельника и оборванные листья папоротника, и Сэм понимает, что это не просто место, знакомое Полицейскому из библиотеки; это место — его детище.

— Фамолчи, иначе тебе не отделаться одним штрафом! Я должен буду вывзвать твою мать и раффкафать ей, как отвратительно ты фебя вел! Ты хочешь этого?

— Нет! — продолжал плакать Сэм. — Я заплачу штраф! Я заплачу штраф, только, пожалуйста, сэр, не бейте меня!

Но Полицейский из библиотеки ничего не желал слышать

— Прифтавь руки повыше, к фтене. Раффтавь ноги! Ну-ка! Быстро!

Все еще рыдая, в ужасе от того, что мама может узнать, что он натворил нечто недостойное подобного наказания, Сэм-Маленькая Белая Тень делает то, что от него требует Полицейский из библиотеки. Красная кирпичная кладка освежает, она прохладна из-за тени от кустов, которая падает на эту сторону здания, принимая неуклюжие, бесформенные очертания. Его взгляд падает на узкое окошко, расположенное на уровне земли. За этим окошком находится котельная библиотеки. Над гигантским паровым котлом свисают электрические лампы, затененные круглыми кусками жести словно шляпами от солнца, которые носят китайцы. Трубы бросают тень, напоминающую причудливо злое очертания спрута. Он видит сторожа, который стоит в дальнем конце котельной, спиной к окну; он считает показания приборов и заносит их в специальную папку для бумаг.

Полицейский из библиотеки стягивает с Сэма брюки, а вместе с ними и трусы. Сэм поежливается от холода.

— Фпокойно! — выпаливает Полицейский из библиотеки. — Не двигаться. Вот только фаплатишь штраф, детка, и вфе... и никто ничего не уфнает.

Он чувствует тяжелое прикосновение к своим ягодицам чего-то массивного и горячего. Сэм пытается вырваться. «Фпокойно», — говорит Полицейский из библиотеки. Теперь он дышит еще тяжелее; Сэм ощущает его горячее, прерывистое дыхание на левом плече и чувствует запах Сен-Сена. Теперь он полностью охвачен ужасом. И не только ужасом, но и чувством стыда. Его затащили туда, где потемнее, а теперь силой заставляют принять не известное ему странное наказание, и все потому, что он не сумел вовремя сдать книгу «Черная стрела». Если бы он только знал, что уплата штрафа может потребовать таких больших — !!

В его зад толчком врывается что-то тяжелое, как бы пополам разрывая ягодицы. Ужасная боль пронзила все органы. Малень-

кого Сэма снизу доверху. Он никогда не испытывал такой боли. Никто и никогда не страдал так, как он сейчас.

Он роняет «Черную стрелу» и обратной стороной запястья за-
тыкает себе рот, чтобы заглушить рыдания.

— Фпокойно, — тяжело дыша произносит Волк из библиотеки, кладет руки на плечи Сэма и начинает равномерные движения — вперед, назад, входя в него и выходя, вперед, назад, входя в него и выходя. — Фпокойно... Фпокойно...! Фпо-о-о-ко о-ойно-о-о-о...

Судорожно глотая воздух, равномерно раскачиваясь, Полицейский из библиотеки колотит Сэма чем-то вроде огромного, раскаленного стального бруса, вводя его вынимая из его зада, Сэм, широко открыв глаза, смотрит в подвальное помещение библиотеки. Это уже другая вселенная, *упорядоченная и правильная*, где не бывает таких отвратительных вещей, как эта. Он видит, как сторож удовлетворительно кивает, засовывает под мышку свою папку с бумагами и направляется к двери в дальнем углу помеще-
ния.

Если бы сторож чуть-чуть повернулся и немного поднял глаза, он увидел там, за окном, лицо и устремленные к нему глаза, смертельно бледное лицо мальчугана, его широко открытые, полные ужаса глаза, а на губах — следы красной лакрицы.

Что-то в Сэме говорит ему, что сторож должен выручить, спасти его, так же, как дровосек спас Красную Шапочку. Но разумом он понимает, что сторож просто отвернется, испытывая от такого зрелища одно лишь отвращение. Кому захочется смотреть, как Полицейский из библиотеки на Бригз Авеню собственноручно подвергает справедливому наказанию еще одного провинившегося мальчишку?

«Фпокойно-о-о-о!» — раздаётся полувшепот-полукрик Волка из библиотеки в тот момент, когда сторож выходит и, не оглядываясь, вступает в ту остальную часть своей упорядоченной и справедливой вселенной.

Волк с новой силой проникает еще дальше, так, что на какое-то мучительное мгновение боль становится такой невыносимой, что живот Сэма-Маленькая Белая Тень того и гляди разорвется. Он не мог понять, что именно сунул ему в зад Полицейский из библиотеки, но он был уверен, что это насквозь пронзит его и вывернется наружу, вытолкнув все внутренности.

Полицейский из библиотеки, обессиленный, падает на него, весь покрытый вонючим потом, с трудом дыша, и тяжестью своего веса сваливает Сэма на колени. При этом тот массивный предмет — теперь уже не такой большой — выползает из него, но теперь Сэм чувствует, что весь его зад почему-то намок. Он боится дотронуться до него. Ему страшно при мысли о том, что все увидят, как он превратился в Маленького Истекающего Кровью Сэма.

Но неожиданно Полицейский из библиотеки хватается Сэма за плечо и поворачивает его к себе лицом. Его же лицо еще больше покраснело, как-то неестественно, нездоровыми пятнами, напоминавшими следы краски на щеках и на лбу у индейцев перед боем.

— Только вгляни на фебя! — говорит Полицейский из библиотеки. И его лицо приобретает выражение презрения и отвращения. — Ты пофмотри на фебя! Штаны фвалилифь, так что вфе твои прелести окафалифь наружу! А ведь ты доволен? Тебе это понравилось!

Сэм не в состоянии отвечать. Он плачет. Он натягивает свои трусы и брюки одновременно, так же, как их с него сняли. В них набилась земля, и она раздражает его и без того страдавшееся тело, но ему уже все равно. Он вырывается из рук Полицейского из библиотеки и спиной упирается в краснокирпичную стену библиотеки. Он чувствует, как колючие ветки плюща, словно большая, костлявая рука, впирается ему в спину. На это он тоже не обращает внимания. Его терзает стыд, ужас и чувство собственной никчемности, и больше всего его мучает чувство стыда. Невообразимого стыда.

— Гряфнуля! — и Полицейский плюет в него. — Пакофтный, гряфный мальчишка!

— Теперь мне на самом деле пора домой, — говорит Сэм-Маленькая Белая Тень, и его слова прерываются приглушенными всхлипываниями. — Теперь мой штраф уплачен?

Полицейский из библиотеки на четвереньках подползает к Сэму, и его маленькие, круглые черные глазки ничего не видящим взглядом крота всматриваются в лицо Сэма; похоже, что это предвещает заключительную фазу столь странного наказания. «Он снова накажет меня», — думает Сэм, и при этой мысли некая перегруженная опора, некая защитная сила в его сознании рушится так, что он почти слышит звук ее падения. Но он не плачет и не протестует. На это у него нет сил. Он только смотрит на Полицейского из библиотеки молча и безразлично. — Нет, — говорит Полицейский из библиотеки. — Вфе. Я отпуфкаю тебя. Мне тебя фтало жалко, но, ефли ты кому-нибудь когда-нибудь рафкажешь... когда-нибудь... я вернуфь и повторю это накафание. И буду делать это пока не будет уплачен штраф. И попробуй только, попадифь мне где-нибудь тут, детка. Тебе понятно?

— Да, — говорит Сэм. Конечно, понятно, что он обязательно вернется и опять проделает это с ним, если Сэм проговорится. Поздно вечером он будет сидеть в кладовке, или прятаться под кроватью, или восседать на дереве в виде гигантского уродливого ворона. А если Сэм начнет всматриваться в затянутое облаками небо, то в очертаниях облаков он увидит мерзкое, перекошенное лицо Полицейского из библиотеки. Он будет где угодно. Он будет везде.

От этой мысли последние силы покидают Сэма, и он закрывает глаза, не в состоянии видеть ни этого нечеловеческого лица со слепыми глазами крота, ничего остального.

Полицейский из библиотеки хватается его и снова трясет. «Что «да», — шипит он. — Что «да», детка?»

— Да. Мне все понятно, — говорит Сэм, не открывая глаз.

Тогда Полицейский из библиотеки убирает руку, которой держал Сэма.

— Хорошо, — говорит он. — Только фмотри, не фабывай. Еф-ли плохие мальчики и девочки фабывают об этом, я убиваю их.

Сэм-Маленькая Белая Тень долго сидит с закрытыми глазами, прижавшись спиной к стене. Он ждет, когда Полицейский из библиотеки снова накажет его или просто убьет. Ему хочется плакать, но у него нет слез. Он выплакал все слезы на много лет вперед. Наконец он открывает глаза и видит, что он остался один, здесь, в кустах, в берлоге Полицейского из библиотеки. Полицейский уже ушел. Остался только Сэм и его книга «Черная стрела», раскрытая и поверженная.

Сэм начинает ползком, на четвереньках, передвигаться по направлению солнечного света. Листья щекотят его вспотевшее, заплаканное лицо, ветки царапают ему спину и бьют по воспаленному задку. Он берет с собой «Черную стрелу», но он ни за что не понесет ее в библиотеку. Он вообще никогда больше не пойдет в библиотеку, ни за что и никогда. Он дает себе это обещание, ползком покидая место своего наказания. Он дает себе еще одно обещание: о том ужасе, который он пережил, никто и никогда не узнает, потому что он хочет полностью вычеркнуть из своей памяти все, что произошло. Он чувствует, что сможет сделать это. Сможет, если будет очень-очень стараться, и он начнет изо всех сил стараться прямо сейчас.

Добравшись до места, где кончаются заросли кустарника, он с опаской, как загнанное животное, выглядывает из-за кустов. Он видит детей, идущих по газону. Но Полицейского из библиотеки не видно. Только это ничего не значит, потому что его самого Полицейский из библиотеки видит. Теперь всегда, начиная с сегодняшнего дня, Полицейский из библиотеки будет рядом.

Газон наконец-то опустел, и из-за кустов выползает встрепанный и взъерошенный мальчик — Сэм-Маленький Белый Ползун. Лицо у него вымазано в грязи, а в волосах — листья. Из штанов вылезают незаправленные полы рубашки. Его широко открытые, уставившиеся в никуда глаза говорят о том, что он уже не совсем в здравом уме. Он боком подходит к бетонным ступенькам, бросает взгляд, полный ужаса и раболепного страха на загадочную надпись на латинском языке, которая выгравирована над входом и затем кладет свою книгу на одну из ступеней, да так осторожно и с таким трепетным страхом, с каким девочка — сирота оставила бы своего незаконнорожденного ребенка у двери

какого-нибудь незнакомца. И вот теперь Сэм-Маленькая Белая Тень становится Сэмом-Маленький Бегунок: он бежит через газон, оставляет за спиной филиал Публичной библиотеки на Бригз Авеню в городе Сент-Луис и бежит прочь. Но как бы быстро он ни бежал, он никак не может избавиться от запаха и привкуса красной лакрицы, сладкого и приторного. И как бы быстро он ни бежал, вместе с ним бежит и Волк из библиотеки; ему не видно его, потому что Волк из библиотеки бежит прямо следом за ним и шепчет ему: «Пойдем-ка фо мной, детка... Я Полице-е-ейфкий». И он всегда будет нашептывать это. Пройдут годы, но он будет нашептывать эти слова. И в тех мрачных снах, о которых Сэм боится вспоминать, он всегда будет нашептывать это. Сэм всегда будет убегать от этого голоса с криком: «Он еще не уплачен? Штраф еще не уплачен?»

О, Боже, ответь мне, неужели мой штраф еще не уплачен? И ответ всегда бывает один и тот же: Он никогда не будет уплачен, детка; он никогда не будет уплачен.

Никогда.

Ник...

Глава четырнадцатая

БИБЛИОТЕКА (III)

I

Последние метры полета в направлении так называемой взлетной полосы, что Сэм и считал аэропортом «Провербия», были похожи на опасную езду по ухабам. «Наваджо» шел на посадку, и продираясь сквозь неприветливые потоки воздуха, в конце концов приземлился с дребезжащим глухим стуком. И вот тут Сэм вскрикнул и мгновенно открыл глаза.

Нейоми терпеливо ждала приблизительно того, что и произошло. Она тотчас нагнулась, не обращая внимания на то, что ремень безопасности врезался ей в живот, и обняла его. Она не придавала значения тому, что он поднял руки и инстинктивно отпрянул от нее. Она не обратила внимания и на то, каким неприятным, горячим и порывистым было его дыхание после сна. Ей не раз доводилось ухаживать за пьяницами во время их белой горячки, и этот случай не сильно от них отличался. Вплотную наклонившись к нему, она чувствовала биение его сердца. Оно было частым и неровным.

«Ничего, Сэм. Все в порядке. Это я, и ты уже проснулся. Ты был в забытии, а теперь ты проснулся».

Сначала он попытался сесть обратно в свое кресло. Но потом вдруг рухнул, как подкошенный. Руки взметнулись вверх и в каком-то паническом страхе крепко обхватили ее.

— Нейоми, — сказал он глухим, задыхающимся голосом. — Нейоми, о, Нейоми, о Спаситель! Какой кошмар я видел во сне, какой страшный сон.

Стэн заранее дал радиограмму, и кто-то вышел на взлетную полосу, чтобы дать освещение для посадки. И теперь они ехали вдоль зажженных огней в самый конец взлетной полосы. Но так и не удалось вернуться до того, как начался дождь. Он глухо забарабанил по корпусу самолета. А там, у носа самолета, Стэн Сомс напевал какую-то песню, наверное, это была «Гонки в Кемп-тауне».

— Это на самом деле был кошмарный сон? — спросила Нейоми и немного отодвинулась от Сэма, чтобы заглянуть в его сильно покрасневшие глаза.

— Да. Но он был правдивый, совершенно правдивый.

— Тот самый Полицейский из библиотеки, Сэм? Это был твой Полицейский из библиотеки?

— Да, — прошептал он, уткнувшись лицом в ее волосы.

— А ты знаешь, кто он такой? Теперь ты знаешь, Сэм, кто он такой?

Прошел долгий момент тягостного молчания, и Сэм прошептал: «Знаю».

2

Стэн Сомс бросил взгляд на лицо Сэма, когда вместе с Нейоми он спускался с самолета и тут же принялся рассказывать. «Очень сожалею, что была такая тряска. Я на самом деле рассчитывал, что мы успеем до дождя. При таком направлении ветра».

— Сейчас все будет в полном порядке, — сказал Сэм.

Он и на самом деле выглядел уже лучше.

— Да, — сказала Нейоми. — У него все будет хорошо. Спасибо, Стэн. Большое спасибо. И от Дейва вам тоже большое спасибо.

— Что ж, коли вы достали то, что вам было нужно.

— Да, достали, — заверил его Сэм. — На самом деле.

— Давайте обойдем вокруг этого конца взлетной полосы, — предложил Стэн. — А то в этом болотистом месте может по пояс засосать, если в такой дождливый вечер попытаться пойти напрямик. Заходите ко мне в дом. Выпьем кофе, кажется, у меня там есть яблочный пирог.

Сэм взглянул на часы. Было четверть восьмого.

— Придется перенести наш визит, Стэн, — сказал он. — Нам с Нейоми придется прямо сейчас отвезти эти книги в город.

— Вы, по крайней мере, должны зайти и высушиться. А то вы до нитки промокните, пок будете добираться до своей машины.

Нейоми покачала головой: — Нет. Это очень важно.

— Да-а, — сказал Сэм. — По всему видно, что так оно и есть. Только не забудьте, что обещали мне рассказать ту историю.

— Конечно, не забудем, — сказал Сэм. Он посмотрел на Нейоми и в выражении ее глаз прочел свою собственную мысль: *«Расскажем, если останемся в живых»*.

3

Сэм вел машину, с трудом подавляя в себе желание дать полный газ.

Он волновался за Дейва. Однако, если при этом их выбросит с дороги и машина Нейоми окажется в кювете, кому от его заботы и волнений станет лучше? Да и к дождю, который превратился в ливень с тех пор, как они приземлились, добавился холодный ветер. Стеклоочистители уже не справлялись с ним, даже работая в максимальном режиме, а свет фар пробивался не больше, чем на двадцать футов. Поэтому Сэм вел машину на скорости двадцать пять миль, не больше. Он посмотрел на часы, потом перевел взгляд туда, где сидела Нейоми и держала на коленях сумку с книгами.

— Надеюсь, к восьми доберемся, — сказал Сэм, — хотя я и не знаю.

— Ты уж постарайся, Сэм.

Свет передних фар, волнообразный, когда огни водолазных колоколов глубоко под водой, тускло освещал дорогу. Сэм сбавил скорость до десяти миль в час и едва удерживал машину на шоссе, когда дал дорогу с грохотом промчавшейся машине на колесах, неуклюжей громадине, почти не заметной в темноте ненастья.

— Может быть поговорим об этом сейчас? О том сне, который ты видел?

— Может быть, но, пожалуй, не буду, — сказал он. — Не сейчас. Сейчас не подходящее время.

Нейоми подумала и в знак согласия кивнула головой.

— Хорошо.

— Сейчас я могу сказать только одно — Дейв был прав, когда сказал, что для них лучший материал — дети, и он правильно говорил, что для нее лучшая пища — это страх.

И вот они добрались до пригорода. Они проехали один квартал и вскоре миновали первый регулируемый перекресток.

Сквозь ветровое стекло «датсуна» неясно просматривалось танцующее ярко-зеленое пятнышко светофора. Его отражение, такое же расплывчатое зеленое пятнышко вытанцовывало на ровной и залитой дождем полоске асфальта.

— Мне нужно сделать одну остановочку, прежде чем мы подъедем к библиотеке, — сказал Сэм. — Мы, кажется, будем проезжать магазин «Пигли Уигли»?

— Да, но если мы хотим встретиться с Дейвом во дворе библиотеки в восемь, у нас совсем нет на это времени. Нравится нам это, или нет, но с такой погодой не разбежишься.

— Я знаю, но это не займет много времени.

— А что тебе там надо?

— Я еще не совсем точно знаю, — сказал он, — но я пойму, когда увижу это.

Она взглянула на него, и во второй раз он оказался под удивительным воздействием ее красоты, такой хрупкой и непостоянной, чем-то сродни лисьей красоте. Вот только он никак не мог понять, почему же за весь день он ни разу не заметил этого.

«Ведь ты же назначал ей свидание? Значит, ты все-таки заметил в ней Что-то».

Ничего такого он не нашел. Он назначил ей свидание просто потому, что она симпатична, респектабельна, свободна и приблизительно такого же возраста, как он. Он захотел встретиться с ней, потому, что холостяки в городах, которые выросли из прежде небольших, провинциальных городов, просто должны были назначать свидания..., если эти холостяки стремились занять достойное место среди деловых людей города. Вот так. А если бы вы не пазначали свиданий, то все... некоторые люди... могли бы подумать, что вы

(полице-е-ефкий)

немного чудной.

«Я был немного чудной», — подумал он.

«А если призадуматься, то я был очень даже чудной. Но каким бы я ни был раньше, теперь, как мне кажется, я несколько изменился. И я встречаюсь с ней. Ведь это так. Я действительно Встречаюсь с ней». Что же касается Нейоми, то она была поражена неестественной белизной его лица и напряженностью, сковавшей его глаза и рот. Он выглядел странно... но зато в нем не было того страха. У Нейоми возникла мысль: *«Он похож на человека, которому только что предоставили возможность вернуться в свой самый страшный сон... имея в руках мощное оружие».*

Ей показалось, что в человеке с таким лицом она, пожалуй, могла бы влюбиться, и от этого ей стало очень неловко.

— Эта остановка... она необходима, да?

— Я считаю, что да.

Через пять минут езды он остановил машину на автомобильной стоянке магазина «Пигли-Уигли». Сэм тут же вылез из машины и под проливным дождем помчался к дверям магазина.

Пробежав полпути, он остановился.

Сбоку от автомобильной стоянки была телефонная будка — несомненно, та же телефонная будка, из которой Дейв звонил в офис Шерифа Джанкши Сити много-много лет назад. Звонок, сделанный из этой будки, не уничтожил Аделию..., но он на долгое время прервал ее существование.

Сэм вошел в нее. Загорелся свет. В ней не было ничего примечательного; это была обычная телефонная будка с нацарапанными на ее стальных боках номерами и другими надписями. Телефонный справочник исчез, и Сэм вспомнил, как Дейв сказал:

«Это было в те далекие времена, когда в телефонной будке еще можно было найти — если повезет — телефонный справочник».

Затем он посмотрел на пол и увидел то, что искал. Это была оберточная бумага. Он поднял ее, расправил и прочел в тусклом свете лампочки то, что там было написано: «Бычий Глаз» Красная Лакрица.

А там, за его спиной в «датсуне» Нейоми нетерпеливо подавала короткие отрывистые сигналы. Сэм вышел из будки, держа в руке листок оберточный бумаги, помахал ей и, пробежав под проливным дождем, влетел в магазин.

4

Увидев продавца магазина «Пигли-Уигли», можно было предположить, что это был молодой человек, которого подвергли заморозке в 1969 году и который оттаял лишь неделю назад. Судя по его красным, со стекляннным отблеском глазам, он был ветераном среди курильщиков марихуаны. У него были длинные волосы, которые скреплял кожаный зажим для волос. На одном мизинце у него был перстень в виде эмблемы мира. Из-под форменной туники продавца магазина «Пигли-Уигли» выднелась торчавшая пузырями рубашка из набивной ткани с экстравагантным цветочным рисунком. К воротнику был приколот кружок в виде пуговицы, на которой можно было прочесть: «Мое лицо отправляется через пять минут. Спешите увидеть его!»

Сэм усомнился в том, что подобный призыв был бы одобрен управляющим магазина..., но был поздний дождливый вечер и управляющего магазином нигде не было. Сэм здесь оказался единственным покупателем, и продавец следил за ним без какого-либо участия или интереса, когда тот подошел к полке, где были выставлены конфеты, и стал отбирать пачки конфет Красная Лакрица «Бычий глаз». Сэм взял целую упаковку — что-то около двадцати пачек.

— Может быть тебе этого мало, парень, — спросил продавец магазина и выложил на него свое ценное приобретение. — На складе, наверное, есть еще пара коробок этой прелести. Я знаю, как в таких серьезных случаях, после приема порции травки, хочется заморить червячка.

— Этого должно хватить. Пожалуйста, пробейте чек. Я спешу.

— Да уж. Все в этом проклятом мире спешат, сломя голову, — сказал продавец. Он неуверенно стучал пальцем по клавишам кассового аппарата, задумчиво и не спеша, как это бывает у одуревших от пьянки или наркотиков.

На прилавке, рядом с электронным дисплеем, где высвечивались итоги бейсбольных матчей, лежала резиновая лента. Сэм взял ее в руки. «Вы не могли бы мне это дать?»

— О чем разговор? — считай, парень, что это мой подарок, от принца Пигли-Уигли — вам, Повелителю Лакрицы, одним дождливым вечером, однажды в понедельник.

И в тот момент, когда эта резиновая лента оказалась на запястье руки Сэма (она висела на его руке свободно, как браслет, который был ему великоват), за здание налетел такой сильный порыв ветра, что в окнах задрожали стекла. Над головой замигали лампочки освещения. «Вот-те на, парень! — сказал принц «Пигли-Уигли», подняв глаза. — В прогнозе погоды этого не было. Просто дожди — так они говорили. — И он снова посмотрел на кассовый аппарат. — Пятнадцать сорок два.

Сэм дал ему двадцатидолларовую купюру, стараясь скрыть досаду. — Когда я был мальчишкой, это стоило куда дешевле.

— Инфляция больше всего бьет по взрослым. Ничего не делаешь, — согласился с ним продавец. Он медленно возвращался в то состояние кайфа, в котором он прибывал до прихода Сэма. — Ты на самом деле, парень, будешь рад этой покупке. Ну а я обычно беру хорошие испытанные батончики «Марс».

— Любите их? — спросил Сэм и засмеялся, складывая в карман сдачу. — А я их терпеть не могу. Это для когонибудь другого, но не для меня. — И он снова засмеялся. — Можете считать это подарком от меня.

Продавец тут же заметил что-то в глазах Сэма и неожиданно резко отскочил от него в сторону, едва не сбив набор игрушечных головоломок, выставленный на продажу.

Сэм с любопытством заглянул в лицо продавцу и решил не просить у него пакет для покупок. Он собрал пачки конфет, как придется разложил их по карманам спортивной куртки, которую не снимал с себя уже целую тысячу лет, и вышел из магазина. Он шел, и каждое его движение сопровождалось ритмичным шуршанием целлофана в карманах.

5

Нейоми уже села на сидение за рулем и вела машину до самой библиотеки. Когда она отъехала от стоянки автомобилей у магазина «Пигли-Уигли», Сэм вынул из сумки книги и остановил на них свой взгляд, полный сожаления и печали. *«Все эти неприятности*, — подумал он. — Все эти неприятности из-за просроченного сборника стихов и самоучителя по ораторскому искусству». — Хотя, конечно, причина вовсе была не в этом. Книги никогда не имели к этому никакого отношения.

Он снял с запястья резиновую ленту и обмотал ею книги. Потом вынул свой бумажник, вытащил из уменьшающейся пачки наличных денег пятидолларовую бумажку и засунул ее под эту ленту.

— А это для чего?

— Это штраф, который я должен уплатить за две эти книги и еще за одну. Его я должен был уплатить давным-давно за «Черную Стрелу» Роберта Льюиса Стивенсона. И на этом поставлю точку.

Он положил книги на консоль между двумя (ковшеобразными) сидениями и вытищил из кармана пачку Красной Лакрицы. Он вскрыл ее, и мгновенно ему в нос ударил тот знакомый сладковатый запах, сильный, как удар наотмашь. Поразив обоняние, он сразу направился в мозг, а оттуда тяжелым грузом провалился в желудок, который тут же собрался в симпатичный крупный кулак. Очевидно, естся вещи, которые не меняются.

Тем не менее, он продолжал открывать пачки с Красной Лакрицей и складывать в кучу гибкие, будто бы из воска, длинные конфетки. Нейоми сбавила скорость, увидев красный свет светофора у следующего перекрестка, а потом остановила машину, хотя Сэм уже не мог различить ни одной машины из тех, что проезжали рядом. Дождь, подгоняемый ветром, хлестал по ее маленькому автомобилю. До библиотеки им оставалось всего четыре квартала. «Сэм, что это ты все время делаешь?»

А так как он действительно не знал, что это он делает, он сказал: «Знаешь, Нейоми, если Аделию питает страх, нам надо найти что-то другое — то, что было бы полной противоположности страху. Потому что тогда это другое, — что бы это ни было, — станет для нее смертельным ядом. Так что это, по-твоему, могло бы быть?»

— Видишь ли, я почти уверена, что это не Красная Лакрица.

Он оживленно зажестичулировал: — А почему ты так уверена? Считают, что кресты убивают вампиров — тех, что висысывают кровь, но крест, — это всего-навсего два металлических или деревянных бруска, перекрещивающихся под прямым углом: по отношению друг к другу. Кто знает, может быть таким же действием будет обладать головка салата, если ей придать соответствующий вид.

Загорелся зеленый огонь светофора. (Свет светофора сменился на зеленый).

— Если бы это была головка салата, заряженная энергией, — задумчиво проговорила Нейоми, продолжая вести машину.

— Верно, — сказал Сэм, поднимая вверх полдюжины длинных красных конфеток. — Мне известно только то, что я имею вот это. Может быть, это смешно и нелепо. Даже вероятно. Но мне все равно. Это — символ всего того, чего лишил меня мой Полицейский из библиотеки — любви, дружбы, чувства духовного единения. И всю свою жизнь я везде чувствовал себя чужим, ненужным, и никогда не мог понять почему. А теперь понимаю. Это еще одна ценность, которой он меня лишил. Раньше я любил эти конфеты. А теперь я едва выношу их запах. Да это ладно. С этим я разберусь. Но я должен знать, как мне все это подключить, использовать.

Сэм начал катать между ладоней эти конфеты, постепенно превращая их в липкий шарик. Сначала он думал, что самым страшным испытанием для него будет запах красной лакрицы, но он

ошибался. Еще страшнее этого была ее текстура: краска от нее оставалась на пальцах и ладонях, окрашивая их в зловещий бордовый цвет. И тем не менее он продолжал начатое, останавливаясь только примерно через каждые тридцать секунд для того, чтобы к этой липкой размягченной массе добавить очередную конфету.

— Может быть я слишком резко сужу об этом, — сказал он. — Возможно, противоположность страха — всего лишь простая, незамысловатая смелость. Мужество — вот более красивое слово, если хочешь. Может быть так? Может быть, все заключается в этом? Может быть именно смелость отличает Нейоми от Сары?

Она удивилась: — Иначе говоря, ты хочешь спросить меня, считаю ли я проявлением смелости то, что я бросила пить?

— Я не знаю, что я хочу спросить, — сказал он, — но мне кажется, что, по крайней мере, ход мыслей у тебя правильный. Мне не надо задавать вопросов о смелости; я знаю, что это такое. Страх — это чувство, которое ограничивает и исключает всякую возможность перемен. Было ли то, что ты бросила пить, проявлением смелости?

Нельзя сказать, что я бросила, — ответила она. — Алкоголики делают не так. Они просто не в состоянии делать это именно так. Вместо этого приходится использовать разные принципы подхода к этому как бы со стороны. Ограничиваться рамками одного дня, не спешить — тише едешь, дальше будешь, жить и давать жить другим и прочее. Но в основе всего следующее: нужно отказаться от убеждения, что может *пить в меру*. Этот миф мы сами внушаем себе, и вот от этого и надо отказаться. От этого самого мифа, вымысла. Вот скажи мне, что это — смелость?

— Конечно. Но, разумеется, не смелость человека в одиночном окопе.

— Смелость человека в одиночном окопе, — сказала она и засмеялась. — Это мне нравится. Но ты прав. То, что я делаю — то, что делаем *мы* — чтобы удержаться от первой..., это не такая смелость. Несмотря на фильмы типа «Потерянный уикенд» мне представляется, что в том, что делаем мы, нет особого драматизма.

Сэм постоянно помнил ту жуткую апатию, которая овладела им там, в зарослях кустарника около филиала библиотеки города Мент-Луиса, что на Бригз Авеню, когда над ним так страшно надругались. Надругался человек, назвавшийся полицейским. В этом тоже не было особого драматизма. Просто-напросто гнусный обман, вот и все — гнусная, дикая шутка, которую разыграл с мальчуганом человек, имевший серьезные проблемы с психикой. И все-таки Сэм считал, что если все серьезно взвесить, ему относительно повезло: этот Полицейский из библиотеки мог вообще убить его.

Где-то впереди, сквозь потоки дождя начали просматриваться круглые белые шары, что означало близость Публичной библиоте-

ки Джанкши Сити. Нейоми с некоторым сомнением в голосе произнесла: «Я думаю, что настоящей противоположностью страха может быть честность. Честность и вера. А что ты думаешь об этом?»

«Честность и вера», — спокойно сказал он, как бы взвешивая каждое слово. И правой рукой он сжал липкий шарик из Красной Лакрицы. «Пожалуй, это неплохо звучит. Другого и не скажешь. Вот мы и приехали».

6

Светящиеся цифры часов на щитке управления автомобиля были 7:57.

И все-таки они успели приехать к восьми.

— Может быть, нам лучше подождать, чтобы точно знать, что все ушли и только после этого мы зайдем туда со двора, — сказала она.

— Очень хорошая мысль.

Они подъехали к пустой стоянке, которая была на противоположной стороне улицы, как раз напротив входа в библиотеку. Сквозь завесу дождя белели едва уловимые очертания шаров. Более уловимым для восприятия был шорох деревьев: ветер все еще усиливался. Дубы стонали так, будто видели сны, ужасные, страшные сны.

В две минуты девятого напротив них остановился фургон. На его задней части была изображена чванливая кошка Гарфильд и написаны слова «Мамино такси». Водитель дал сигнал и дверь в библиотеку, которая даже в этом мрачном освещении выглядела менее угрюмой, чем во время первого визита Сэма в библиотеку, и которая теперь меньше напоминала пасть огромного гранитного робота, — тут же открылась. Из библиотеки вышли трое ребят — на вид младших классов школы — и стали торопливо спускаться по ступенькам. И когда они бежали по тротуару по направлению к «Маминому такси», двое из них на ходу сняли свои куртки, чтобы с головой спрятаться от дождя. Боковая дверь фургона раздвинулась и дети один за другим залезли в него. Сэм слышал их приглушенный смех и позавидовал их вееслю. Он думал о том, как это должно быть здорово возвращаться из библиотеки с радостным смехом и с улыбкой. Ему испытать этого не довелось, благодаря тому человеку в темных круглых очках.

«Честность, — подумал он. — Честность и вера». А потом снова пришла та же мысль: *«Штраф уплачен. Штраф уплачен, черт побери»*. Он вскрыл две последние пачки лакрицы и начал смешивать их содержимое и скатывать в липкий, вонючий красный шарик. Он делал это, не отрывая взгляда от задней части «Мамино такси». Ему было видно, как белизну ветром поднимало вверх, некоторое время несло в воздухе, разметало в клочья, а

потом разгоняло, не оставляя следов. И вот тут он неожиданно начал осознавать, почему он здесь и для чего.

— Один раз, когда я учился в школе, — сказал он, — я наблюдал, как кучка ребят разыгрывала парнишку, который им не нравился. В те времена моим самым сильным местом было умение наблюдать. Так вот они взяли из кабинета, где шли уроки по искусству, комок глины для лепки и залепили им выхлопную трубу «Понтиака», на котором ездил этот парнишка. И знаешь, что произошло?

Она недоверчиво взглянула на него: — Нет, а что?

— Разорвало на две части глушитель, — сказал он. — С одной стороны машины, и с другой. Они разлетелись, как шрапнель. Видишь, здесь слабым местом оказался глушитель. Но, если бы выхлопные газы повернули обратно, и попали в двигатель, они могли бы вырвать цилиндры.

— Сэм, о чем это ты говоришь?

— О надежде, — сказал он. — Я говорю о надежде. Пожалуй, честность и вера в чем-то ей уступает.

«Мамино такси» тем временем съехало с обочины, а его фары пронзили сверкающие серебром струйки дождя.

Светящиеся зеленые цифры часов, на щитке управления, показывали 8:06, когда дверь главного входа в библиотеку снова открылась. Из библиотеки вышли мужчина и женщина. В мужчине, который шел, неловко на ходу застегивая пуговицу пальто, и нес под мышкой зонт, можно было безошибочно признать Ричарда Прайса. Его Сэм узнал сразу, хотя всего один раз видел его фотографию в какой-то старой газете. Девушка, которая была с ним, звали Синтия Берриган — та работница библиотеки, с которой Сэм говорил в субботу вечером.

Прайс сказал что-то девушке. Сэму показалось, что она засмеялась. Неожиданно он ощутил, что сидит в глубоком кресле старенького «датсуна» совершенно прямо, будто кол проглотил, и каждая мышца его тела буквально стонет от напряжения. Он попытался расслабиться, но обнаружил, что сделать это ему не удастся.

«Почему же это не вызывает моего удивления?» — подумал он.

Прайс раскрыл зонт. Оба они под его зонтом быстро пошли по дорожке. Берриган на ходу завязывала на голове непромокаемый платок, чтобы не замочить волосы. Дойдя до начала дорожки, они разошлись в разные стороны — Прайс пошел к старой «Импале», машине размером с небольшой катер, а Берриган направилась к «Юго», стоявший на стоянке у следующего квартала. Прайс развернул машину и поехал в противоположную сторону. (Нейоми слегка пригнулась от неожиданности, когда свет его передних фар скользнул по ее машине). Он дал короткий сигнал,

когда проезжал мимо «Яго». Синтия Берриган ответила ему коротким сигналом и укатила в противоположном направлении.

Теперь здесь остались только они, библиотека и, возможно, Аделия, которая ждала их где-то внутри.

Вместе со старым другом Сэма Полицейским из Библиотеки.

7

Нейоми медленно объехала вокруг здания, чтобы выехать на Вегман стрит. Чуть впереди, слева, возле небольшого прохода жилой изгороди был виден предусмотрительно установленный знак. На нем можно было прочесть:

«Только возврат выданных книг».

Совершенно неожиданно налетел такой сильный порыв ветра, что «датсун» закачал на его рессорах, а дождик так забарабанил по стеклам, что казалось будто это и не дождь, а потоки песка. Где-то рядом раздался сильный треск. Вероятно, обломило большую ветку или свалило маленькое дерево. Затем раздался глухой удар, как будто что-то тяжелое свалилось прямо на дорогу.

— Боже мой! — едва слышно произнесла перепуганная Нейоми. — Это мне не нравится!

— Я и сам не в восторге, — согласился с ней Сэм, хотя он ее слов почти не расслышал. Он думал о том, как могла выглядеть та глина для лепки. Как она сидела, чуть выпячиваясь в выхлопной трубе машины того парнишки. Она, наверное, напоминала волдырь.

Нейоми свернула возле этого знака.

Они проехали по небольшой узкой дорожке к маленькому асфальтированному участку, где производили погрузку и разгрузку. Этот небольшой квадратный участок асфальта освещался желтоватым светом единственной дугообразной лампы. От нее исходил яркий, интенсивный свет, так что тени от раскачивающихся ветвей дубов, которые кольцом окружали площадку для погрузки, бешено отплясывали свой танец на той стене дома, которая была обращена во двор. Одно мгновение казалось, что две такие тени соединились у самого основания, да так, что они стали похожи на тень человека. Создалось впечатление что кто-то все время стоял там, внизу, поджидал, а теперь стал ползком выбираться отсюда, чтобы поздороваться с ними.

«Через пару секунд, — подумал Сэм, — *оранжевый свет лампы упадет на его очки с маленькими, круглыми, темными стеклами — и сквозь ветровое стекло он посмотрит на меня. Не на Нейоми, а на меня. Он посмотрит и скажет: «Здравствуй, фынок. Я вфе время жду тебя. Жду вфе эти годы. А теперь пойдем-ка фомной. Иди фомной, потому что я полице-йфкий».*

Снова раздался громкий треск и прямо на тротуар, не дальше, чем в трех футах от корпуса «датсуна» упала огромная ветка,

разметав во все стороны кусты коры и прогнившие обломки. Если бы она свалилась на крышу машины, она бы смяла ее в лепешку.

Нейоми закричала.

В ответ раздался новый порыв ветра. Сэм протянул к ней руку, желая ободрить ее своим дружеским объятием, когда дверь у дальнего конца погрузочной платформы приоткрылась и показался Дейв Дункан. Одной рукой он ухватился за дверь, чтобы ее не вырвало ветром. Лицо старика показалось Сэму чересчур бледным и искаженным от страха. Другой рукой он энергично размахивал, подзывая их к себе.

— Нейоми, вон там Дейв.

— Где? О да, теперь вижу, — но от удивления у нее широко открылись глаза.

«Бог ты мой! Он выглядит просто страшно!» — Она начала открывать дверь. Но порыв ветра вырвал дверцу у нее из рук, вихрем ворвался вовнутрь «датуна» и, просвистев, как ловкий маленький торнадо, поднял и унес с собой обрывки от лакрицы, а потом закружил их в *головокружительном танце*.

Нейоми успела опустить одну руку, иначе бы ее ударило, а возможно, и поранило — дверью своей собственной машины. Когда она вышла из машины, над ее головой в вихре закружились волосы, в одно мгновение юбка насквозь промокла и прилипла к бедрам.

Сэм резким движением раскрыл дверь со своей стороны. Ветер задувал как раз в его сторону и ему пришлось буквально толкать плечом дверь, чтобы открыть ее. Но и он, наконец, выбрался. Он задумался, откуда же нелегкая принесла этот жуткий ветер. Принц «Пигли-Уигли» говорил, что не предвиделось столь яркого выступления дуэта ветра и дождя. Он говорил, что обещали лишь небольшой дождь.

Аделия. Может быть, это дело ее рук. И как бы в подтверждение этого в коротком затишье раздался громкий голос Дейва: «Скорее! Везде пахнет ее проклятыми духами!» Сэма привела в ужас сама мысль о том, что запах духов Аделии может каким-то образом опередить материализацию ее образа. Он прошел половину пути к ступенькам погрузочной платформы и только тут понял, что, хотя и продолжал держать в руке тугой шарик из красной лакрицы, книги он позабыл в машине. Он вернулся, с усилием открыл дверцу и взял их. Стоило ему сделать это — как сразу же изменилось освещение — вместо прежнего оранжевого, интенсивного и желтовато-оранжевого он превратился в белый. Сэм заметил эту перемену, взглянув на свои руки, и на короткое мгновение его глаза как бы застыли в глазницах, он поспешно стал вылезать из машины, держа в руках свои книги, и в смятении все вокруг окинул взглядом.

Желто-оранжевая дугообразная аварийная лампа уже исчезла. Вместо нее появился старомодный фонарь, работавший на ртутных парах (испарениях). Теперь гуще стали деревья, возле погрузочной платформы, танцевавшие и глухо скрипевшие во время шторма; теперь здесь стояли, в основном, мощные старые вязы, которые намного превзошли по высоте прежние дубы. Изменилась форма погрузочной платформы. И теперь спугавшиеся побеги плюща лезли вверх по той стене библиотеки, которая выходила во двор — стене, только что абсолютно голый.

«Добро пожаловать в год 1960», — подумал Сэм.

«Добро пожаловать в Публичную библиотеку Джанкин Сити эпохи Аделии Лортц!»

Неойми, наконец, взобралась на платформу. Она говорила что-то Дейву Дейв ответил, а потом обернулся. Все его тело передернуло. В это же мгновение громко закричала Нейоми. Сэм помчался к ступенькам по лестнице, он увидел, как из темноты появилась белая рука и легла на плечо Дейва.

Сильным рывком она затащила его обратно в библиотеку.

— Не выпускай дверь! — заорал Сэм, — Нейоми, тащи на себя дверь! Не давай ей захлопнуться!

Как ни странно, в этом ветер помог им. Он распахнул дверь, ударив Нейоми по плечу и отбросив ее назад. Но Сэм подскочил к ней как раз в тот момент, когда, стукнувшись о стену, дверь должна была рикошетом вернуться назад и захлопнуться.

Нейоми посмотрела на него глазами, полными ужаса.

— Это был тот человек, Сэм, который приходил к тебе в дом. Тот высокий, с серебристыми глазами. Я видела его. Это он затащил туда Дейва!

Времени на размышления не было. «Пошли!» — И его рука, обняв Нейоми, решительно повлекла ее за собой, вперед, в библиотеку. А там, позади, ветер неожиданно утих и с глухим стуком дверь за ними захлопнулась

Они оказались в помещении, где размещался каталог. Здесь было тускло, но кое-что можно было рассмотреть. На столе библиотечка стояла небольшая настольная лампа. На ней был абажур с красной бахромой. За этим помещением, а оно было захламлено коробками и упаковочным материалом (преимущественно скомканными газетами; тут Сэм заметил дату, шел 1960 год и полиэтиленовый упаковочный материал изобретен еще не был), начинались стеллажи. В одном из проходов, с обеих сторон загороженный стеллажами книг, стоял Полицейский из библиотеки. Он применил к Дейву Дункану прием захвата шеи из-под плеча, и держал его, оторвав от пола дюйма на два—три.

Он посмотрел на Сэма и Нейоми. Сверкнули его серебристые глаза, и белое лицо изобразило широкую ухмылку в форме полумесяца, она была цвета желтой луны.

— Вы не фделаете ни одного шага, — сказал он, — иначе я откручу ему шею, как цыпленку.

Он слышал запах лавандового саше, сильный и насыщенный запах. А там, на улице, гудел и завывал ветер. Тень Полицейского из библиотеки, тощая и длинная, как порталный кран, прыгала по стене. *«Раньше от него не ложилась тень, — понял Сэм. — Что бы это могло означать?»*

Может быть, это означало, что теперь Полицейский из библиотеки стал более реальным, более осязаемым..., потому что и Аделия, и Полицейский из библиотеки, и тот смуглый человек в старом автомобиле в действительности были одним и тем же человеком. Был только один человек; он просто носил разные лица, надевая их или снимая с такой же легкостью, с какой ребенок примеряет маски на праздник Всех Святых.

— Хочешь, чтоб я поверил, будто ты сохранишь ему жизнь, если мы не будем приближаться к тебе? — спросил он... — Дерьмо поганое. — И он пошел по направлению к Полицейскому из библиотеки.

На лице верзилы появилось выражение, ему не свойственное. То было удивление. Он сделал шаг назад. Полы его шинели, развеваясь, билась о его голени и затрудняли его движения в узком проходе между стеллажами с книгами большого формата.

— Я предупреждаю ваф!

— Будь проклят ты и твое предупреждение! — сказал Сэм — У тебя спор не с ним Ты должен свести счеты со мной, ведь так? О'кей — давай займемся этим.

— Библиотекарь должен фвефти кое-какие фчеты фо фтари-ком! — сказал полицейский и отступил еще на один шаг С его лицом происходило нечто странное, но через мгновение Сэму все стало ясно. Серебряный свет в глазах Полицейского из библиотеки постепенно угасал.

— Тогда пусть она сводит счеты, — сказал Сэм, — А мой счет я представляю тебе, тяжелая артиллерия. И он — тридцатилетней давности

Он зашел за то место, которое хорошо освещалось настольной лампой.

— Ну, ладно! — прорычал Полицейский. Он развернул впол-оборота и швырнул Дейва Дункана на пол. Дейв отлетел, как мешок тряпок, издав лишь один жалобный стон. В нем был и страх, и удивление Он попытался поднять руку, когда увидел рядом с собой стену, но это был лишь естественный рефлекс человека, находившегося в полубессознательном состоянии. Он налетел на огнетушитель, висевший у лестницы, и Сэм услышал глухой хруст

ломающейся кости. Дейв упал, и прямо на него, сорвавшись со стены, упал тяжелый красный огнетушитель.

— Дейв! — пронзительно закричала Нейоми, и бросилась к нему.

— Нейоми, нет, не надо!

Но она ни на кого не обращала внимания. Улыбка на лице Полицейского из библиотеки не замедлила снова появиться. Он схватил Нейоми за руку, когда она пыталась проскочить мимо него и, согнув ее, прижал к себе. Он наклонился к ней, и на некоторое время его лицо скрылось в копне ее каштановых волос. Прижавшись к ней, он пробормотал какие-то странные звуки, скорее напоминавшие кашель, и стал целовать ее или это так казалось. Его длинная белая рука впиалась ей в плечо. Нейоми снова закричала и тут же как-то внезапно обмякла в его сильных руках.

Сэм тем временем уже добрался ко входу в книгохранилище. Он схватил с полки первую попавшуюся книгу поднял руку и, размахнувшись, швырнул ее. Она полетела, переворачиваясь в воздухе — обложки раскрылись, страницы зашуршали и зашелестели — и угодила прямо в голову Полицейскому из библиотеки. У него вырвался крик, в котором были злость и удивление. Он поднял взгляд, Нейоми вырвалась из его рук, но ее так качнуло в сторону, что, стараясь сохранить равновесие, рукой она задела один из стеллажей. Сама она удержалась, но стеллаж с оглушительным грохотом рухнул. Книги, а они, по-видимому, простояли на полках нетронутыми много лет, как дождь, посыпались на пол, и эти хлопающие удары книг об пол как-то странно напоминали аплодисменты.

Но Нейоми не обращала на это внимания. Она пробралась к Дейву, встала возле него на колени, и сквозь слезы стала повторять его имя. Полицейский из библиотеки направился к ней.

— С ней тебе тоже нечего выяснять, — сказал Сэм. Теперь Полицейский из библиотеки повернулся к нему. Вместо серебряных глаз на Сэма смотрели маленькие черные стекла, что делало его похожим на крота.

— Мне нужно было еще тогда прикончить тебя, — сказал он и пошел по направлению к Сэму. Он шел, издавая странный шуршащий звук. Сэм посмотрел вниз и заметил, что подол шинели Полицейского волочится по полу. Он становился меньше ростом.

— Штраф уплачен, — спокойно проговорил Сэм. Полицейский из библиотеки остановился. Сэм поднял над головой книги с вложенной в них пятидолларовой бумажкой. — Штраф уплачен, и книги сданы. На этом ставим точку, ты, сука.. или помесь человеческая... или, да это не имеет значения.

А там, на улице снова завыл ветер и его голос, пробегая под карнизами крыш, дребезжал, словно стекло. Полицейский из библиотеки медленно высунул язык и облизал губы, он был ярко

красный и очень острый. Его щеки и лоб стал покрываться пятнами. На коже появился тонкий сальный слой пота.

И стал еще сильнее запах лавандового саше.

— Ошибаешьфя! — закричал Полицейский из библиотеки. — Ошибаешьфя! Ты брал не эти книги! Я фнаю! Вон тот фтарый пьяный ублюдок вфял те книги, которые ты брал в библиотеке! Они были...

— ... уничтожены, — закричал за него Сэм. И он снова пошел, все ближе подходя к Полицейскому из библиотеки. С каждым шагом запах лаванды усиливался. Сердце бешено колотилось. — Я знаю, чья это была идея. Но эти книги — прекрасная замена. Возьми их. — Его громкий голос прозвучал настойчиво и сурово: — *Возьми же их, будь ты проклят!*

Он протянул ему книги, и Полицейский из библиотеки, полный замешательства и испуга, протянул руку, чтобы взять их.

— Нет, не так, — сказал Сэм, поднимая книги над вытянутой белой рукой, готовый вцепиться в них. — Вот так. И он ударил книгами Полицейского прямо по лицу, ударил из всех сил. Никогда прежде за всю жизнь ему не удавалось испытать такого высокого и чистого чувства удовлетворения, которое он испытал теперь, когда «Сборник любимых американских стихов» и «Самоучитель ораторского искусства» угодили Полицейскому из библиотеки прямо в лицо и разбили нос. Упали и разбились его круглые черные очки. Оказалось, что за ними скрывались черные глазницы, с прослойкой беловатой жидкости. Из этой жидкости выделялись крошечные паутинки, и Сэм вспомнил рассказ Дейва. Он говорил, что, казалось, *будто так у них начинал формироваться кожный покров.*

Полицейский из библиотеки громко закричал.

— Не фмей! — кричало это существо. — Не фмей трогать меня! Ты боишьфя меня! А между тем *Тебе понравилосьф!* Ты, подонок, тебе *понавильофь это!*

— Ошибаешься, — сказал Сэм. — Это было мерзко, будь ты проклят! А теперь возьми эти книги. Забери их и убирайся отсюда. Потому что штраф уплачен. — И он с размаху ударил этими книгами Полицейского прямо в грудь. А когда Полицейский ухватил книги руками, Сэм неожиданно ударил его коленом прямо между ног.

— Это за всех других ребят, — сказал он. — За тех, над которыми надругался ты, и за тех, которых уничтожила она.

Чудовище завывало от боли. Ослабевшие руки разжались, книги упали, он наклонился, зажав рукой промежность. Сальные черные волосы упали на лоб и как бы, щадя его, закрыли его пустые, затянутые тонкими паутинками глазницы.

«Конечно же, они пустые, — смог подумать Сэм. — *Ведь я ни разу в тот день за его очками не видел глаз... значит, она тоже не видела их.*»

— А вот твой штраф еще не уплачен, — сказал Сэм, — но уже сделан шаг в правильном направлении, не так ли?

Шинель Полицейского из библиотеки начала съеживаться и скручиваться, как будто под ней, внутри, начались какие-то немислимые преобразования... И когда он — оно — взглянуло вверх, Сэм увидел нечто страшное и отвратительное, от чего он невольно отпрянул.

Человек, который наполовину вышел из-под кисти Дейва на одном из его плакатов, и наполовину явился плодом мыслей Сэма, превратился в уродливого карлика. Но карлик уже начал превращаться во что-то еще, в какое-то ужасное двуполое существо.

Во всем его облике и в том, что происходило под вздымающейся, дергающейся шинелью, отражалась борьба двух полов. Часть волос на голове оставалась черной, а другая — стала светлой с пепельным оттенком. Одна глазница по-прежнему была пустой, а из другой на Сэма с гневом и ненавистью смотрел голубой глаз.

— Я хочу тебя, — со свистом вырвалось из карлика. — Я хочу тебя и ты будешь моим.

— А может быть меня, Аделия, — сказал Сэм.

— Давай-ка трахнемся ста...

Он протянул руку к тому, что находилось перед ним, но вскрикнул и отдернул ее, стояло ей прикоснуться к шинели. Теперь это уже было не пальто; это была какая-то омерзительная, свисающая складками кожа. Ощущение было такое же, как от прикосновения к только что использованному разовому пакету с чаем.

Оно торопливо избежало на перевернутую сторону упавшего стеллажа и с глухим шумом и топотом скрылось где-то в дальнем углу. Запах лавандового саше резко усилился.

И откуда-то сверху, из полумрака раздался грубый, отвратительный смех.

Женский смех.

— Слишком поздно, Сэм, — сказала она. — Теперь уже слишком поздно. Дело сделано.

— Это вернулась Аделия, — подумал Сэм, и откуда-то снаружи послышался мощный, оглушительный треск. Здание содрогнулось, оттого, что на него обрушилось дерево, а вслед за этим погас свет.

9

Они пробыли в темноте лишь мгновение, но оно показалось им гораздо длиннее. Аделия снова засмеялась, но на этот раз к ее смеху примешивался какой-то свистящий звук, как будто ее смех передавался через магнитофон.

Затем довольно высоко, на одной стене загорелась единственная аварийная лампочка, которая бросала мертвенно бледный пу-

чок света именно на одну часть стеллажа. Она будто разметала вокруг пучки спутанной черной пряжи. Сэм слышал громкое жужжание батареек, от которой питалась эта лампа. Он направился в ту сторону, где возле Дейва на коленях стояла Нейоми, и два раза чуть не упал, когда споткнулся о рассыпавшиеся книги.

Нейоми взглянула на него. У нее было совершенно белое лицо. На него смотрели ее перепуганные и заплаканные глаза «Сэм, по-моему, он умирает».

Он опустился на колени. Глаза Дейва были закрыты и его дыхание было тяжелым и прерывистым. Из обеих ноздрей и из одного уха текли тонкие струйки крови. Во лбу была глубокая вмятина, прямо над правой бровью. При виде всего этого у Сэма все внутри сжалось. Одна скула у Дейва, очевидно, была сломана. Ручка огнетушителя оставила сбоку на лице сильные яркие кровоподтеки. Они были похожи на татуировку.

— Мы обязательно должны отвезти его в больницу, Сэм!

— Думаешь, она выпустит нас отсюда? — спросил он, и, как будто отвечая на их вопрос, огромная книга — том слов на букву «Т» Оксфордского словаря английского языка — полетел в их сторону откуда-то из дальнего темного угла, не освещенного светом аварийной лампы. Сэм едва успел оттащить Нейоми назад, и оба они ничком залегли на грязном полу прохода. Семь фунтов свол типа tabasco, tendril, tomcat и trepan прогрохотали мимо того места, где секунду назад находилась голова Нейоми, ударились о стену и рухнули на пол, образовав неприглядную и бесформенную кучу бумаги.

Из полумрака донесся пронзительный смех. Сэм поднялся на колени, и в это же мгновение увидел, как какое-то горбатое существо, как птица, впорхнуло в проход и устроилось позади упавшего стеллажа. «Оно все еще меняется, — подумал Сэм. — *Только во что, одному Богу известно*». Потом оно передвинулось влево и исчезло.

— Догони ее, Сэм, — послышался хриплый голос Нейоми. — Догони ее, пожалуйста, догони ее.

— Попробую, — сказал он. Он переступил через вытянутые на полу ноги Дейва и шагнул в то место, за опрокинутыми полками, где царил тьма.

10

Этот запах как-то причудливо отрезал его от прошлого — запах лавандового саше вперемешку с ароматом книжной пыли, от всех предыдущих лет. Тот запах, к которому примешивался доносимый ветром запах товарных вагонов, вызывал у него такие же ощущения, как у «путешественника во времени», из книги Г. Уэлса. Сама же библиотека, а он был сейчас ее маленькой частицей, воспринималась им как его машина времени.

Он медленно шел по проходу между стеллажами, нервно теребя в левой руке шарик из Красной Лакрицы. Он был среди книг, которые, как ему казалось, бросали на него хмурые взгляды. Еще бы. Они были на высоте, которая для него была недосягаемой. Он слышал стук и скрип своих ботинок, ступавших по старому линолеуму.

— Где ты? — громко крикнул он. — Если я тебе, Аделия, нужен, почему же ты не идешь сюда, чтобы разобраться со мной? Вот я, здесь!

Но ответа не было. Рано или поздно ей все равно придется появиться, ведь так? Если Дейв был прав, перемена в ней уже началась, и ей недолго осталось быть где-то там.

«Полночь, — подумалось ему. — Полицейский из библиотеки дал мне срок до полуночи. Но до этого еще больше трех с половиной часов... А Дейв, вероятно, не сможет ждать так долго».

Потом у него появилась другая мысль, еще менее приятная. «Что, если, пока он слоняется тут в этих темных проходах, Аделия в обход пробирается к Нейоми и Дейву?»

Он дошел до конца прохода, прислушался, но ничего не услышав, скользнул к другому. В нем никого не было. Но сверху донесся приглушенный шепот и он вовремя взглянул вверх. Потому что в этот же момент с полок высоко над его головой соскользнуло полдюжины тяжелых книг. Он с криком отскочил назад. Мимо него пролетели книги, задев бедро, а с противоположной стороны стеллажа до него донесся безумный хохот Аделии.

Он вообразил, как она там, наверху, цепляется за полки так же, как раздувшийся от ряда паук липнет к паутине, и его движения, стремление действовать опередили разом. Пытаясь перехитрить ее, он повернулся на каблуках как пьяный солдат, пытающийся сделать поворот кругом, и спиной врезался в полку стеллажа. Теперь, когда стеллаж качнулся и накренился под действием веса Сэма, вместо смеха он услышал крик, в котором был страх, в котором был страх и удивление. Ему стало слышно, как что-то увесистое упало с глухим стуком, слетев с облюбованного наверху места. Через мгновение стеллаж рухнул.

Дальше произошло то, чего Сэм не предвидел. Стеллаж, который он столкнул с места, свалился в проход, вытряхнув с полок все книги. Подобно водопаду, они обрушились на соседний стеллаж. Второй упал на третий, третий — на четвертый и так далее, по принципу домино. Все в огромном и мрачном помещении книгохранилища превратилось в нечто падающее, грохочущее, летящее, все: от произведений Марэ до полного собрания сказок Грим. Он еще раз услышал крик Аделии и тут же быстро вскарабкался на тот наклонившийся книжный шкаф, который он столкнул. Он влез на него как по лестнице, сталкивая ногами книги, чтобы ногами было за что уцепиться, активно помогая себе рукой, чтобы быстрее преодолеть расстояние.

Пробравшись в дальний угол, он спрыгнул. Там, под огромной кучей атласов и книг о дальних странах он увидел белое невообразимо уродливое создание, которое пыталось выбраться из-под этой горы книг. Оно было со светлыми волосами, голубыми глазами, но с человеком не имело абсолютно никакого сходства. Не осталось даже намеков на какое-либо сходство. Это нечто было толстым и голым существом. Его конечности, руки и ноги заканчивались когтями. Под шеей, будто зоб, из которого все выкачали, свисал сморщенный мешок плоти. Его тело было сплошь обмотано тонкими белыми нитями. В нем было какое-то страшное сходство с жуком. Неожиданно голос внутри Сэма закричал. Это были безмолвные крики, крики о помощи, крики, которые, казалось, исходили из самых глубин его существа. *«Вот оно. Помогите мне, Господи. Вот оно»*. Он испытал отвращение к этому существу; страх мгновенно исчез. Теперь, когда оно было перед его глазами, все было не так страшно. Но оно снова стало меняться. И Сэм уже не испытывал чувства облегчения. Теперь у него уже было не лицо, а что-то другое. Под выпячивающимися голубыми глазами стало расти нечто, напоминающее рог. Он вылезал на этом накуродливейшем лице, напоминая собой хобот слона. Глаза шелками вытянулись в стороны. Сначала они стали как у китайцев, а потом превратились в глаза, подобные насекомым. Сэм слышал, как оно сопит, выпячивая свое тело поближе к Сэму. Оно было окутано тонкими серыми трепещущими нитями.

Его первый голос говорил, что надо уйти — даже настаивал на том, что надо уйти. Но его другой голос говорил, что отступить нельзя. Когда хоботок этого чудища коснулся Сэма, он почувствовал, что будет лучше, если произойдет то, чему суждено произойти. Теперь были едва слышны глухие завывания ветра. Он посвоему успокаивал, так же как успокаивал звук работающего пылесоса, во времена, когда Сэм был еще совсем маленький.

— Сэм? — позвала его Нейоми, но ее голос звучал теперь как бы издалека и не имел особой важности. — Сэм, у тебя все нормально?

Неужели ему казалось, что он любит ее? Это было глупо. Совершенно нелепо, если подумать..., если как следует задуматься, то всегда становится лучше.

Это существо знает... много всяких историй.

Очень интересных историй.

Теперь пластичное тело белого существа свертывалось в хобот; оно все стало превращаться в хобот, и он начал удлиняться. Это нечто приобрело цилиндрическую форму, если не считать оставшуюся часть тела, которая свисала у шеи, как сморщенный мешок, забытый и никому не нужный. Вся его жизненная сила была заключена в самой чувствительной части его рожка, в том потайном канале, через который она будет высасывать жизненные силы Сэма, чтобы питать им себя.

А это было приятно.

Хоботок скользнул вверх по ногам Сэма, на короткое время задержался в паху, потом поднялся чуть выше, лаская живот.

Сэм упал на колени, чтобы поскорее подставить ласкам свое лицо. Он ощутил на своих глазах легкий, приятный укол, когда какая-то жидкость — но не слезы, она была более тягучая, чем слезы — начала медленно просачиваться из них.

Хобот вплотную приблизился к его глазам. Теперь ему было видно нежную розовую плоть, которая то показывалась, то поспешно уходила вовнутрь. Каждый раз, когда она открывалась, его взгляд улавливал все более глубокую бездну тьмы. Потом он сжимался, образуя в этом розовом лепестке плоти отверстие, трубочку внутри трубочки. И он скользил чувственно и неспеша по его губам и щекам, устремляясь к тягучей жидкости. Уродливые, деформированные синие глаза с жадностью и с нежностью всматривались в его лицо.

Но долг был уплачен.

Собрав все свои силы, Сэм неожиданно правой рукой ударил это мерзкое существо по хоботу. В нем было все сладострастие и яд. Крошечные нити живой плоти, которые обволакивали его, больно кольнули ладонь Сэма.

Оно резко дернулось, пытаясь отступить. На мгновение Сэму показалось, что он упустил его. И тогда, вонзив ногти в самую его чувствительную часть, Сэм крепко сжал ее в своем кулаке.

— Вот! — закричал он. — Вот. И для тебя, сука, у меня кое-что есть! Я привез это из самого Сент-Луиса!

Левой рукой с размаху он всадил липкий шарик, слепленный из Красной Лакрицы, в отверстие хобота. Он сделал это так же, как в те давние годы ребята на автомобильной стоянке, когда они забили выхлопную трубу «пontiака», принадлежавшего Томми Риду. Оно начало было изрыгать оскорбления и угрозы, но смогло лишь издать какой-то жужжащий звук. Потом оно еще раз попыталось выскользнуть из рук Сэма. Шарик из Красной Лакрицы виднелся в отверстии этого мерзкого хоботка, который теперь бился в конвульсиях, и напоминал выпячивающийся кровавый волдырь.

Сэму с трудом удалось встать на колени, не выпуская из рук выкручивающееся зловонное тело, и бросился на то, что когда-то было Аделией. Оно дергалось под ним и извивалось, пытаясь сбросить его. Вцепившись друг в друга, они покатались по книгам, завалившим весь пол. В этом чудище было поразительная сила.

В какой-то момент, когда Сэм невольно вплотную увидел глаза этого чудища, он чуть не остолбенел. Столько в них было жгучей ненависти и панического страха. И тут он почувствовал, как оно стало набухать и раздуться.

Он разжал руки и мигом отскочил назад, с трудом переводя дыхание. Это нечто лежало в заваленном книгами проходе и теперь напоминало невообразимый по форме мяч с хоботом, большой пляжный мяч, покрытый красивыми волосами. Они трепетали и колебались как усики морских водорослей во время прилива. И это чудище ворочалось, лежа в проходе, а его хоботок раздулся, как пожарный шланг, который завязали узлом. Сэм остолбенел от ужаса, как замороженный, наблюдал, как то, что прежде имело имя Аделия Лорти, гибнет, задыхаясь от зловония своих собственных внутренностей.

На его коже, не выдерживавшей подобного напряжения, появились красные извилистые струйки крови. Глаза вылезли из глазниц и были обращены к Сэму. В них застыло выражение полного оцепенения. Оно сделало еще одну попытку избавиться от размягчившегося шарика лакрицы, но поскольку он оказался там в тот момент, когда его хобот был широко открыт в предвкушении пищи, лакрица плотно в нем засела.

Сэм понял, что произойдет, и быстрым движением руки закрыл лицо. В следующее мгновение чудовище лопнуло.

Куски его уродливого тела разметало во все стороны. Руки, грудь и ноги Сэма обдало струями густой и тягучей крови, он невольно закричал, это был крик отвращения и облегчения.

Тут же мигнул и погас аварийный свет. Они снова оказались в полной темноте.

11

Темнота, как и прежде, царствовала очень недолго, но Сэм успел ощутить перемену. Она была в его сознании — ясное ощущение того, что встало на свое место все то, что прежде было сдвинуто, нарушено. Когда снова загорелись аварийные лампочки, он увидел, что их четыре. Их батарейки питания производили звук обычного негромкого ненавязчивого гула, а не раздражающего назойливого жужжания. Это были очень яркие лампы, которые загнали мрак в самые дальние углы помещения. Теперь он даже не знал, был ли реальностью или иллюзией тот мир 1960 года, в который они перенеслись, когда современный дугообразный свет превратился в лампу ртутного испарения.

Перевернутые книжные шкафы снова стояли так, как им положено. В проходе валялись несколько книг — штук десять — двенадцать, но, возможно, он сам уронил их с полок, стараясь подняться на ноги. А на улице ветер уже не гудел, а так, слегка перешептывался. Сэм услышал какие-то звуки, по-видимому, равномерный и успокаивающий стук дождя по крыше.

Того, что когда-то называлось Аделией, уже не было. Нигде не было никаких следов крови, никаких останков ее мерзкой разметавшейся плоти.

Остался лишь один предмет, напоминавший о ней, одна золотая сережка, бросавшая свой яркий отблеск.

Покачиваясь, Сэм встал и ударом ноги отшвырнул ее. И тут вдруг в его глазах все потемнело. Он едва устоял на ногах, глаза закрылись, он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

— Сэм! — это была Нейоми, и она чуть не плакала. — Сэм, где же ты?

— Здесь! — Он протянул к ней руку, ухватил себя за волосы и сильно дернул. Возможно, глупо, но это помогло. Волнистая серая пелена не совсем исчезла. Но она отступила. Он стал пробираться туда, где находился зал каталога, осторожно ступая широкими шагами.

Там, в зале каталога, стоял тот же самый стол, невзрачное сооружение из дерева, на неуклюжих ножках, но лампа со старомодным абажуром, обрамленным кисточками, уступила место широкой и продолговатой лампе дневного света. Вместо механической печатной машинки и «Ролодекса» стоял компьютер фирмы «Эпл». И если бы он был полностью уверен, в какое время живет, то он мог бы окончательно убедиться, взглянув на картонные коробки, стоявшие на полу: в них было полно современного упаковочного материала.

Нейоми по-прежнему была на коленях возле Дейва в самом конце прохода, и когда Сэм поравнялся с ней, он увидел, что огнетушитель (тот же самый по прошествии тридцати лет) был накрепко закреплен на своем обычном месте, а на лбу и щеке Дейва все еще оставалась вмятина от ручки огнетушителя.

Его глаза были широко раскрыты, и когда к нему вернулось зрение и он увидел Сэма, он улыбнулся.

— Неплохо..., — прошептал он — Клянусь, вы.. не знали, что у вас это есть... в вас.

Сэм ощутил огромное облегчение

— Конечно, нет, — сказал он. Он склонился над Дейвом и поднес к его лицу три пальца. — Сколько ты видишь пальцев?

— Около семидесяти четырех, — прошептал Дейв.

— Я вызову «скорую» — сказала Нейоми и начала подниматься. Но Дейв левой рукой задержал ее.

— Не надо. Не сейчас. — Он отыскал глазами Сэма. — Наклонись. Я хочу шепнуть тебе что-то.

Сэм склонился над Дейвом, настоящим старцем. Дрожащей рукой Дейв обнял его за шею. Губами он коснулся уха Сэма, и Сэму стоило труда оставаться в таком положении — было шекоотно.

— Сэм, — прошептал он, — она ждет.

— Что? — спросил Сэм. Это почти полностью сразило его. — Дейв, что ты хочешь сказать?

Но рука Дейва уже не обнимала его за шею. Его невидящие глаза были устремлены на Сэма, он поверхностно и быстро дышал.

— Я пошла, — сказала Нейоми в сильном волнении. — Там на столике есть телефон.

— Нет, — сказал Сэм.

Она повернулась к нему, в глазах — гнев, яростно искривился белозубый рот.

— Почему это нет? Ты в своем уме? У него, по меньшей мере, разбит череп! Он же...

— Он умирает, Сара, — нежно сказал Сэм. — Прямо сейчас. Останься с ним. Так поступают друзья.

Посмотрев на Дейва, она увидела то, что увидел Сэм. Зрачок левого глаза Дейва сузился в точку, а больший зрачок его правого глаза был неподвижен.

— Дейв? — испуганно прошептала она. — Деейв?

Но Дейв продолжал смотреть на Сэма.

— Помни, — прошептал он. — Она жд...

Его взгляд стал спокоен и неподвижен. Его грудь поднялась еще раз... опустилась... и больше не поднималась.

Нейоми зарыдала. Она подняла его руку, прижала ее к своей щеке и закрыла ему глаза. Сэм горестно встал на колени рядом с ней и положил руку ей на талию.

Глава пятнадцатая

УЛИЦА УГЛОВ (III)

1

Той ночью и следующей Сэм Пиблз не мог сомкнуть глаз. Он лежал в постели, совершенно без сна — свет горел во всем втором этаже — и его мысли были о последних словах Дейва Дункана: «Она выживает». И только во вторую ночь, когда стало рассветать, он почувствовал, что понимает, о чем пытался сказать старик.

2

Сэм думал, что перед захоронением тело Дейва будут выносить из Баптистской церкви в Провербии, и не без удивления узнал, что он принял католическую веру где-то между 1960 и 1990 годами. Служба состоялась в Церкви Святого Мартина 11 апреля, довольно ненастным днем, когда облачность время от времени пробивали первые весенние лучи солнца.

После панихиды у могилы состоялся прием на Улице Углов. Когда приехал Сэм, там было уже около семидесяти человек. Одни расхаживали по комнатам нижнего этажа, другие — стояли маленькими группками. Все они знали Дейва и говорили о нем с мягким юмором, уважением и искренней любовью. Они пили имбирный эль и ели маленькие бутерброды. Сэм присоединялся то к одной группе, то к другой, время от времени обмениваясь словами со знакомыми, но не останавливался для более долгой

беседы. Он почти никогда не вынимал руки из кармана своего темного пиджака. По дороге из церкви он остановился у магазина «Пигли-Уигли» и теперь у него в кармане было полдюжины целлофановых пакетиков, четыре — длинных и тонких, и два — прямоугольных.

Сары здесь не было.

Он собирался уходить, когда заметил Луки и Рудольфа. Они вместе сидели где-то в углу. Между ними лежала доска для игры в крибидж, но похоже было, что они не играют. «Привет, ребята, — сказал Сэм и подошел к ним. — Пожалуй, вы меня не очень хорошо помните.»

— Конечно, помним, — сказал Рудольф. — За кого ты нас принимаешь? За пару склеротиков? Ты же друг Дейва. Ты заходил, когда мы делали плакаты.

— Точно, — сказал Луки.

— Ты нашел те книги, что искал? — спросил Рудольф.

— Да, — сказал, улыбнувшись Сэм. — В конце концов нашел.

— Чудесно! — воскликнул Луки.

Сэм вынул из кармана четыре тонких целлофановых пакета. «Я кое-что принес вам, ребята», — сказал он.

Луки посмотрел, и его глаза засияли: — Дольф! Это же «Слим Джимз»! — сказал он, радостно улыбаясь. — Посмотри-ка! Друг Сары притащил целую кучу «Слим Джимз»! Великолепно!

— Ну-ка, дай-ка мне их, старый алкаш, — сказал Рудольф и выхватил их. — А то съешь их все за один присест и наделаешь ночью в постель, — сказал он Сэму. Он развернул одну и протянул Луки. — На-ка тебе, приятель. А эти я никому не отдам.

— Можешь съесть только одну, Дольф. Давай-ка.

— Тебе, Луки, лучше знать. Да и мне от них ни тепло, ни холодно.

Сэм не обращал внимания на эту сценку. Он пристально смотрел на Луки. «Друг Сары? Где это ты слышал?»

Луки проглотил сразу половину конфеты «Слим Джимз» и взглянул на Сэма. В его глазах было и добродушие и лукавство. И он приложил палец к боковой стороне носа: «Кто-то пускает слухи, когда ты появляешься в Программе, Солнечный Джим. На самом деле».

— Да слушай ты его больше, — сказал Рудольф, осушая свою чашку имбирного эля. — Ему просто хочется лясы поточить. Правится эго ему.

— Конечно, что чушь собачья, — воскликнул Луки, еще раз хорошенько откусив от «Слим Джим». — Знаю, потому что мне говорил Дейв! Прошлой ночью! Мне снился сон, я видел Дейва, и он мне сказал, что этот парень — милый друг Сары!

— А где *сейчас* Сара? — спросил Сэм. — Я думал, она будет здесь.

— Она разговаривала со мной после благословения, — сказал Рудольф. — Сказала мне, что ты знаешь, где найти ее после это-

го, если она тебе будет нужна. Она сказала, что один раз ты ее видел там.

— Ей страшно нравился Дейв, — сказал Луки. Неожиданно в одном глазу задрожала слезинка и, скатившись по щеке, упала. Он вытер ее тыльной стороной руки. — Нам всем нравился. Дейв всегда упирался как только мог. Очень жалко. На самом деле очень жалко. — И Луки неожиданно расплакался.

— Вот я вам что скажу, — сказал Сэм. Он встал на корточки рядом с Луки и дал ему свой носовой платок. Он сам чуть не плакал и испытывал трепетный страх от того, что ему сейчас предстояло сделать... или постараться сделать. — Он в конце концов стал человеком. И он умер трезвым. Что бы там ни говорили, поверьте мне и помните это. Потому что я знаю, что это правда. Он умер трезвым.

— Аминь, — с почтением произнес Рудольф.

— Аминь, — сказал Луки. Он протянул Сэму его носовой платок. — Спасибо.

— Не стоит, Луки.

— А что, у тебя и вправду больше нет этих чертовых «Слим Джимз»?

— Нет, — сказал Сэм и улыбнулся. — Ты знаешь, Луки, как в таких случаях говорят: «Одна — слишком много, а тысячи никогда не хватает».

Рудольф засмеялся. Луки улыбнулся... и опять кончиком пальца коснулся боковой части носа: «А как насчет двадцати пяти.. у тебя случайно не найдется лишних двадцати пяти, а?»

3

Первая мысль, которая пришла в голову Сэму, была, что она могла снова пойти в библиотеку, но это не согласовывалось с тем, что сказал Дольф. Однажды они были вместе с Сарой в библиотеке, той страшной ночью. Это, как ему казалось, было лет десять назад, но они именно были там вместе; он не просто «видел» ее там, так видят кого-то в окно, или... Тут он вспомнил, когда он действительно увидел Сару в окно, прямо здесь, на Улице Углов. Она была не одна. Их было несколько человек, и они стояли на лужайке во дворе и, как обычно, занимались чем-то, что помогало им сохранить душевное равновесие, трезвый ум. И теперь он миновал кухню, как и в тот день, и поздоровался еще с несколькими людьми. В одном маленьком кружке стояли Берт Иверсон и Элмер Баскер. Они пили пунш с мороженым и слушали, что им рассказывала какая-то пожилая женщина, с которой Сэм не был знаком.

Из кухни он прошел на веранду, выходящую во двор. День снова становился серым и ненастным. Во дворе никого не было, но Сэму показалось, будто за кустами, обозначавшими границу двора, промелькнуло что-то светлое.

Он спустился по ступенькам и прошел через весь газон, удаляясь от дома, чувствуя, как снова сильно забилося его сердце. Его рука незаметно скользнула в карман, и на этот раз извлекла оттуда оставшиеся два целлофановых пакета.

В них была Красная Лакрица «Бычий глаз» Он разорвал обертки и начал скатывать из их содержимого шарик, но гораздо меньший, чем тот, который он сделал в «датсуне» в понедельник ночью. Его сладкий, приторный запах, как всегда, вызвал тошноту. Где-то вдалеке слышался шум идущего поезда, и от этого ему припомнился сон — тот, в котором Нейоми превратилась в Аделию. *«Слишком поздно, Сэм. Теперь уже слишком поздно. Дело сделано».*

«Она поджидает. Помни, Сэм, она поджидает».

Иногда сны бывают очень правдивыми.

Как же она просуществовала эти годы, этот период небытия? Они-то, наверное, никогда не задавали себе этого вопроса. Как же она перевоплотилась из одного человека в другого? Это их тоже никогда не интересовало. Возможно то существо, которое имело облик женщины и называлось Аделия Лорти, лишенная ее волшебных чар, было лишь одной из тех личинок, которые вьют коконы в разветвлениях деревьев, покрывают их защитной паутиной, и после этого улетают к месту своей смерти. Личинки в коконе лежат молча... выжидающе... изменяясь... Она выжидает.

Сэм пошел дальше, продолжая скатывать вонючий маленький шарик из библиотеки — и превратил это в ночные кошмары. То, что некоторым образом он обратил с помощью Нейоми и Дейва, в путь к выживанию. Он видел, как Полицейский из библиотеки скручивает Нейоми и прижимает ее к себе. Как касается ртом ее затылка, будто собираясь поцеловать ее. А вместо этого кашляет.

Под шеей у того, что раньше было Аделией — мешок. Дряблый. Исыкающий. Пустой.

«Пожалуйста, не допусти того, чтобы было слишком поздно».

Он зашел в негустую изгородь из кустарника. По другую ее сторону, сложив руки у груди, стояла Нейоми Сара Хиггинс. Она взглянула на него; его страшно поразила бледность ее лица и смертельная усталость в ее взгляде. Потом она оглянулась и посмотрела на железнодорожную линию. Приближался поезд. Скоро они его увидят.

— Привет, Сэм.

— Привет, Сара. — Сэм обнял ее. Она не сопротивлялась, но тело ее было напряжено, неподвижно, неподатливо.

«Пожалуйста, не допусти того, чтобы было слишком поздно».
— снова подумалось ему, и он невольно вспомнил Дейва.

Они оставили его там в библиотеке, после того, как с помощью резинового клина взломали дверь, выходившую на грузовую платформу. Сэм воспользовался платным телефоном в

двух кварталах оттуда, чтобы заявить о случае вскрытия здания библиотеки. Он повесил трубку, когда диспетчер спросил его имя. Таким образом Дейва нашли и, конечно, вердикт присяжных заседателей при коронере был — несчастный случай со смертельным исходом, а мнения горожан, которым хотелось высказаться по этому поводу, были не оригинальны: еще одним горьким пьяницей стало меньше. Они склонны были считать, что вместе с большой кружкой его занесло на эту подъездную дорожку, увидел открытую дверь, вошел через нее и в темноте свалился на огнетушитель. И весь конец истории. Результаты же медицинской экспертизы при вскрытии трупа, которые свидетельствовали об отсутствии алкоголя в крови Дейва, нисколько не повлияли на сложившиеся суждения — возможно, даже и в самой полиции. *«Просто люди считают, что пьянице и умереть суждено как пьянице, — подумалось Сэму, — даже когда он больше не пьет».*

— Как жизнь, Сара? — спросил он.

В ее взгляде чувствовалась усталость: — Не очень хорошо. Плохо сплю... нет аппетита... в голове куча дурных мыслей... и мысли как будто бы не мои... и тянет выпить. Это хуже всего. Но ничего другого не хочу... только пить и пить. Все эти встречи не помогают.

Она закрыла глаза и заплакала. Это были слезы бессилия и обреченности.

— Да, — тихо произнес он, соглашаясь с ней. — Они не так уж и помогают. Они и не могут. Но могу себе представить, как бы она обрадовалась, если бы ты снова начала пить. Она поджидает... но это не значит, что она не изголодалась.

Она открыла глаза и посмотрела на него: «Что... Сэм, о чем ты говоришь?»

— Мне кажется, о живучести, — сказал он. — О живучести зла. О том, как оно поджидает своего часа. О том, что оно такое коварное, такое разрушительное и такое могущественное.

Он медленно поднял руку и разжал пальцы: «Сара, ты знаешь это?»

Она невольно отпрянула, увидев на его ладони шарик из Красной Лакрицы. В ее взгляде промелькнули удивление и живой интерес. И тут же в них вспыхнули ненависть и страх. В этих вспыхнувших огоньках был серебристый отсвет. — Выбрось это! — прошептала она. — Выбрось эту гадость!

И как бы защищаясь, она закрыла рукой затылок, откуда на плечи спускались ее ярко-каштановые волосы.

— Я с тобой говорю, — твердо сказал он. — Не с ней, а с тобой. Я люблю тебя, Сара.

Она снова взглянула на него, и опять на него устремился ее взгляд, полный усталости, страшного утомления.

— Да, — сказала она. — Возможно и любишь. А возможно тебе лучше не делать этого.

— Сара, я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня. Мне ужжно, чтобы ты повернулась сейчас ко мне спиной. Видишь, идет поезд? Я хочу, чтобы ты наблюдала за этим поездом и не поворачивалась ко мне, пока я не скажу. Ты можешь это сделать?

Ее верхние зубы оскалились. Лицо опять исказило выражение ненависти и страха: — Нет! Оставь меня в покое! Убирайся!

Ее глаза снова закрылись. Уголки дрожащих губ опустились, затаив острую душевную боль. Когда же глаза опять открылись, сквозь пепепожнявшие их слезы они выдавали страх преследуемого животного. «О, Сэм, помоги мне! Со мной что-то происходит, и я никак не могу понять что это, и что мне делать!»

— Я знаю, что надо делать, — сказал он ей. — Доверься мне, Сара, и сама верь в то, что ты сказала, когда мы возвращались из библиотеки в понедельник ночью. Честность и вера. Вот что противостоит страху. Честность и вера.

— Но ведь это трудно, — сказала она шепотом. — Трудно доверять. Трудно верить.

Он посмотрел ей прямо в глаза. Неожиданно верхние зубы Нейоми снова оскалились, а нижняя губа выпятилась, мгновенно превратив ее рот в то, что очень напоминало рог. «Иди ты к ..! — сказала она. — Валий-ка ты, Сэм Пиблз к ..!»

Он посмотрел на нее, не отводя взгляда.

Она подняла руки и прижала их к вискам.

— Я не хотела говорить этого. Не знаю, почему это вырвалось у меня. Я... моя голова... Сэм, моя бедная *голова*! Такое ощущение, что она раскалывается на две части.

Приближающийся сигнал, летящий от моста, оглушил их и помчался в Джанкшн Сити. Это был вечерний товарный поезд, который шел с грузом мимо, нигде не останавливаясь по пути к складам в Омахе. Теперь Сэм мог разглядеть его. — Сара, времени мало. Это должно произойти сейчас. Повернись и посмотри на поезд. Смотри, как он приближается.

— Да, — неожиданно сказала она. — Хорошо. Делай, Сэм, то, что нужно. И если ты увидишь... увидишь, что не получается... тогда толкни меня. Толкни прямо под поезд. Тогда сможешь остальным рассказать, что я прыгнула... что это было самоубийство.

Она умоляюще смотрела на него — смертельно уставшие глаза, не отрываясь, смотрели на него с ее измученного лица. «Они знают, что мое самочувствие было не очень — эти люди, организаторы Программы. От них свое настроение скрыть трудно. А со временем и совсем невозможно. Они поверят, если ты скажешь, что я бросилась под поезд, и они будут правы, потому что жить так дальше я не хочу. Но дело в том... Сэм, дело в том, в общем, мне кажется, что пройдет какое-то время и я захочу жить такой жизнью».

— Успокойся, — сказал он. — Давай не будем говорить о самоубийстве. Посмотри на поезд, Сара, и помни, что я тебя люблю. — Она повернулась лицом к поезду, который теперь был на

расстоянии одной мили и быстро приближался. Ее руки скользнули к затылку и приподняли волосы. Наклонившись поближе, он увидел то, что и ожидал. Оно пристроилось там, чуть выше, на ее нежной белой шее. Он знал, что в этом месте, меньше чем на полдюйма ниже, начинается мозг. При мысли о том, что может произойти, он содрогнулся. Он наклонился поближе к этому пузырчатому наросту. Его покрывало похожее на паутину переплетение тончайших белых нитей. Но под ним он все же рассмотрел комочек розовой желеобразной массы, который вздрагивал и пульсировал при каждом ударе ее сердца.

— Оставь меня в покое! — неожиданно раздался пронзительный голос Аделии Лорти... из уст женщины, которую Сэм полюбил. — Оставь меня в покое, ублюдок! — Но руки Сары не шелохнулись. Она поддерживала волосы так, чтобы ему было видно.

— Сара, ты видишь цифры на электровозе? — с трудом говорил он. Она только простонала в ответ.

Большим пальцем руки он сделал вмятину в шарике из Красной Лакрицы, что был в его руке. Углубление, которое он в нем сделал, было чуть больше, чем гнусный паразит, присосавшийся к шее Сары. «Назови-ка их мне, Сара. Читай эти цифры».

— Два... шесть... Ой, Сэм, ой, у меня жутко заболела голова... так, будто две огромные ручки разрывают мозг на две части.

— Называй цифры, Сара, — проговорил он и приложил шарик из лакрицы «Бычий Глаз» к этому мерзкому пульсирующему наросту.

— Пять... девять... пять...

Он прижал лакрицу немного поплотнее. И он вдруг почувствовал, как под сладкой оболочкой все заерзало, задвигалось. *«А что, если лакрица не выдержит? Что, если она прорвется до того, как я сниму с нее эту мерзость? В ней весь яд Аделии, все ее зло... вдруг она прорвется раньше, и я не успею снять эту гадость?»*

Приближающийся поезд снова дал сигнал. Но этот сигнал поглотил другой звук. То был крик от боли, которая пронзила Сару.

— Потерпи... — И в это же мгновение он протянул стадкую оболочку из лакрицы и поспешно сложил ее пополам. Теперь эта мерзость у Сэма в руке. Она здесь, внутри конфеты. Бьется, пульсирует, как крошечное больное сердечко. На шее у Сары остались три малюсенькие темные дырочки, не больше, чем следы укусов.

— Его больше нет! — воскликнула она. — Сэм, его больше нет!

— Не спеши, — сурово нахмурившись, сказал Сэм. Лакрица лежала у него на ладони и что-то вроде пузырька пробивалось наружу, изо всех сил стараясь прорвать оболочку...

Теперь поезд с грохотом проносился мимо железнодорожной станции Джанкшн Сити, станции, где человек, которого звали Брайэн Келли, однажды швырнул Дейву Дункану четыре мелкие

монеты и потом велел ему катиться оттуда и больше не показываться. Вот он уже в трехстах ярдах от них, и это расстояние быстро сокращается.

Сэм энергично и решительно прошел мимо Сары и пригнулся на колени возле рельсов.

«Сэм, что ты делаешь?»

— Ну-ка, начали, Аделия, — негромко проговорил Сэм. — Как насчет этого? — И он бросил этот пульсирующий, растягивающийся шарик Красной Лакрицы на один из стальных рельсов, отражавший падающий на них свет.

Его собственное сознание раздирал крик, полный невысказанного гнева и ужаса.

Он немного отошел назад, наблюдая, как заключенная в лакрице мерзость пыталась вылезти из кожи вон, чтобы освободиться. И вот сладкая оболочка треснула... и внутри он увидел нечто более густого красного цвета. Оно отчаянно пыталось выбраться наружу..., но в этот же момент оно оказалось под клесами поезда, прибывавшего в Омаху в 2 часа 20 минут. Этой мерзости был уготован мощный град ударов возмездия.

Лакрица исчезла, и как по мановению палочки в сознании Сэма Пиблза замолк тот сверлящий, пронзительный крик. Он сделал шаг назад и повернулся к Саре. Она едва стояла на ногах, ослепленная радостью, полная изумления. Он обнял ее и прижал к себе, а мимо них, развевая их волосы, громыхали крытые вагоны, вагоны-платформы и вагоны-цистерны.

Так они стояли, пока мимо них не промелькнул служебный вагон, который унес с собой на запад маленькие красные огоньки. И тогда она немного отодвинулась от него, оставаясь в его объятии, и посмотрела на него.

— Сэм, теперь я свободна? Я действительно освободилась от нее? Похоже, что да, но мне с трудом верится.

— Ты свободна, — подтвердил Сэм. — Твой штраф, Сара, тоже уплачен. На веки вечные. Твой штраф уплачен.

Она прижалась к нему, нежно целуя его в губы и щеки, и глаза. Свои глаза она не закрывала. Она не отрывала от него своего серьезного взгляда.

Наконец, он взял ее за руки и сказал: «Почему бы нам не пойти обратно в дом и не отдать свои последние почести? Твои друзья, наверное, потеряли тебя?» — «Они могут стать и твоими друзьями, Сэм... если ты этого захочешь».

Он утвердительно кивнул: «Хочу. Я очень хочу этого»

— Честность и вера, — сказала она и прикоснулась к его щеке.

«Именно эти слова». Он снова поцеловал ее и подал ей руку: «Не желаете пройти со мной, леди?»

Она взяла его под руку.

— Куда вам угодно, сэр. С вами — куда угодно.

И они медленно пошли назад, пересекая лужайку, и дальше на Улицу Углов, вместе, рука об руку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕРТВАЯ ЗОНА

Пролог	5
Часть первая. Колесо удачи	13
Часть вторая. Смеющийся тигр	166
Часть третья. Вести из Мертвой зоны	264

ПОТАЕННОЕ ОКНО, ПОТАЕННЫЙ САД

Два часа полуночи. Несколько слов о «Потасном окне»	277
Эпилог	397

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИЗ БИБЛИОТЕКИ

Спустя три минуты после полуночи. О романе «Полицейский из библиотеки»	409
Глава первая. Дублер	409
Глава вторая. Библиотека (I)	414
Глава третья. Речь Сэма	433
Глава четвертая. Исчезнувшие книги	440
Глава пятая. Улица углов (I)	447
Глава шестая. Библиотека (II)	454
Глава седьмая. Ночь ужасов	461

Глава восьмая. Улица углов (II)	469
Глава девятая. Полицейский из библиотеки (I)	477
Глава десятая. Если рассуждать хро-но-ло-ги-чески	481
Глава одиннадцатая. Рассказ Дейва о своей жизни	498
Глава двенадцатая. Самолетом в Де-Мойн	536
Глава тринадцатая. Полицейский из библиотеки (II)	549
Глава четырнадцатая. Библиотека (III)	558
Глава пятнадцатая. Улица углов (III)	581

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
МЕРТВАЯ ЗОНА

Сдано в набор 6 09.94. Подписано в печать 26 09 94. Формат издания 60×90 1/16.
Бумага типографская № 2. Услов. печ. л. 37. Тираж 10 000.
Заказ 1980. Печать высокая.

СТИВЕН КИНГ

В этой книге опубликован
знаменитый роман Стивена Кинга
«Мертвая зона»
и увлекательные повести
«Полицейский из библиотеки»,
«Потаенное окно, потаенный сад».